

МОЛОТОВ

шее дело

правое

Вячеслав
НИКОНОВ

молодая
гвардия

Вячеслав
НИКОНОВ

МОЛОТОВ

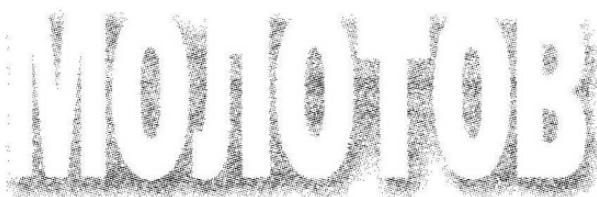
наше дело

правое

Автор книги —
доктор исторических наук
Вячеслав Никонов хорошо известен
российской общественности
как авторитетный историк и политолог,
влиятельный государственный
и политический деятель.
Его перу принадлежат сотни
научно-публицистических работ
и публикаций, среди которых
настоящее биографическое
исследование представляется наиболее
крупным и значимым.
Особую жизненность и привлекательность
книге придает то обстоятельство,
что автор — внук Молотова и хранитель
обширного архива, связанного
с его деятельностью
и особенностями советской эпохи.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Вячеслав
НИКОНОВ

наше дело правое

*книга
вторая*

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2016

УДК 94(47+57)(092)“19”

ББК 63.3(2)6

Н 64

*Художественное оформление
К. Г. Фадина*

знак информационной
продукции **16+**

ISBN 978-5-235-03941-4 (кн. 2)
ISBN 978-5-235-03945-2

© Никонов В. А., 2016
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2016

Глава первая

НАКАНУНЕ. 1939–1941

*Хорошо, что русские цари навоевали
нам столько земли.*

Вячеслав Молотов

Пакт

Сказать, что приход Молотова в Народный комиссариат иностранных дел вызвал в мире взрыв, это не сказать ничего. «3 мая 1939 года Вячеслав Михайлович Молотов совершил прыжок в мировую известность, – заметил его английский биограф. – Даже как Председатель Совета народных комиссаров он был относительно мало известен за рубежом. Теперь же, практически мгновенно, он занял еще и место знакомой фигуры Литвинова. Удивление и шок за границей были огромны»¹. Коллонтай в Стокгольме зафиксировала: «Телефоны не умолкают, заходят взволнованные наши друзья и доброжелатели, осаждают меня журналисты, переполох в советской колонии, и при этом полное недоумение... Лондон намекает на неудачу попытки достичь соглашения между Москвой и бывшими союзниками в войне 1914–1918 годов. Враждебная нам реакционная пресса кричит о “расколе” в рядах нашей партии и в самом правительстве... Газеты гадают, делают глупейшие умозаключения, поют в один голос, что иллюзии о политике Союза в укреплении мира разбиты, рассеяны. Советский Союз вооружается и готов сам вступить на путь агрессии. Берегитесь малые страны “восточного великана”»².

Выдвигались и другие версии. Например, что пребывание на посту главы МИДа человека, женатого на англичанке, было сочтено в тот момент легкомысленным. Что Литвинов был евреем, а это исключало даже теоретическую возможность его переговоров с представителями германского руководства. Есть версия, что Сталин помнил, как «еще Г. В. Чicherin в конце 20-х гг. называл В. М. Молотова в качестве своего преемника»³. Все эти соображения могли иметь место. Но не это было главным. Тот факт, что Молотов к посту председателя Совнаркома добавил еще и должность наркома иностранных дел, свидетельствовал о выдвижении дипломатии на первый план советской

политики. Литвинов никогда не входил в руководство страны, очерчиваемое кандидатами и членами ГБ, руководством СНК и Секретариатом ЦК. Теперь уровень принятия и реализации внешнеполитических решений поднимался на самый верх. Скорость их выработки и выполнения возрастила кратно. Характер переговоров, которые мог вести Молотов, уровень решаемых на них вопросов был более серьезным, чем при Литвинове. Авторитет и возможности внешнеполитического ведомства взмывали на небывалую еще в советской (а может, и во всей отечественной) истории высоту. Дистанция между наркому иностранных дел и первым лицом сокращалась до минимума.

С точки зрения количества формально занимаемых должностей и отношений со Сталиным именно этот короткий, с мая по август 1939 года, период можно считать пиком служебной карьеры Молотова. При этом объем нагрузки на него заметно вырос, поскольку пост наркома иностранных дел был добавлением ко всем имевшимся должностям, и как председатель Совнаркома и Комитета Обороны он продолжал нести ответственность также за экономику и обороноспособность.

У Молотова появился второй кабинет и второй аппарат, расположенный в Наркоминделе, который тогда размещался на пересечении Сретенки и Кузнецкого Моста. Владимир Ерофеев вспоминал, что «кабинет Молотова, его охрана и секретариат занимали весь третий этаж. Кабинет состоял из трех комнат: зала заседаний весьма казенного вида с длинным столом и рядами стульев, собственно кабинета с письменным столом и еще одним приставленным к нему столиком для переговоров и комнаты отдыха с небольшой ванной, круглым столиком и тахтой. На ней... Вячеслав Михайлович имел привычку полулежать полчасика в течение дня. На круглом столе в комнате отдыха всегда стояли цветы, ваза с фруктами и греческими орехами, которые любил Вячеслав Михайлович. Кабинет находился в угловой части здания; его окна выходили сразу на две улицы: на улицу Дзержинского и Кузнецкий мост»⁴.

О направленности первых шагов Молотова (как и о характере претензий к Литвинову) можно судить по проведенным с его приходом в НКИД перестановкам. «Мне пришлось строго очень поменять почти всю головку»⁵, – вспоминал он. Были заменены заведующие отделами кадров, шифровального, дипсвязи, политической охраны, начальник охраны наркомата. «Товарищ Литвинов не обеспечил проведение партийной линии, линии ЦК ВКП(б) в наркомате»⁶, – отметил Молотов на партийном собрании наркомата в июле 1939 года. Впрочем, все ценные

кадры остались, включая Литвинова, Майского, Сурица и многих других. Молотов привлек на должность своего заместителя знакомого ему еще по революционной деятельности в Казани Соломона Лозовского, много лет возглавлявшего Профинтерн. Но среди заместителей ведущую роль играли поначалу Деканозов и опытный Потемкин. В середине 1940 года Потемкин был отправлен руководить Наркомпросом РСФСР, и обязанности первого заместителя были возложены на Андрея Вышинского. «Вышинский был известен своей грубостью с подчиненными, способностью наводить страх на окружающих, – замечал один из помощников Молотова и переводчик Сталина Владимир Бережков. – Но перед высшим начальством держался подобострастно, угодливо. Даже в приемную наркома он входил как воплощение скромности»⁷.

Серьезные перемены произошли в структуре НКИД. Была восстановлена коллегия наркомата, воссоздан Генеральный секретариат. «Более четко был реализован региональный принцип в организации оперативных отделов»⁸. Биограф Вячеслава Михайловича писал: «Несомненно, заслугой Молотова является то, что он выдвинул на руководящую дипломатическую работу большую плеяду молодых, выросших при советской власти работников, которые становились послами в тридцать пять – сорок лет и вынесли основную тяжесть дипломатических битв во время войны и в послевоенный период»⁹. О том, как это происходило, поведал, например, в своих мемуарах будущий министр иностранных дел, а тогда тридцатилетний сотрудник Института экономики Андрей Громыко:

«В начале 1939 года меня пригласили в комиссию ЦК партии, подбиравшую из числа коммунистов новых работников, которые могли бы быть направлены на внешнеполитическую, дипломатическую работу. Вошел и предстал перед членами комиссии. В ее составе сразу узнал В. М. Молотова и Г. М. Малenkova. Мне сказали:

– Речь идет о возможности вашего перевода на работу внешнеполитического характера, скорее всего дипломатическую...

Через несколько дней меня вызвали в Центральный комитет партии. Мне просто объявили:

– Вы из Академии наук переводитесь на дипломатическую работу, если вы согласны».

Отказываться было не принято. Громыко стал заведующим американским отделом НКИД, но менее чем через полгода его дальнейшее кадровое продвижение решалось на более высоком уровне. «Сталин, а затем Молотов поздоровались со мной. Разговор начал Сталин:

– Товарищ Громыко, имеется в виду послать вас на работу в посольство СССР в США в качестве советника... С такой крупной страной, как Соединенные Штаты Америки, – говорил он, – Советский Союз мог бы поддерживать неплохие отношения, прежде всего с учетом возрастаания фашистской угрозы»¹⁰. Как видим, внимание к международным делам было предельным, если Сталин лично встречался с кандидатом на должность советника полпредства.

Только что окончившего Московский энергетический институт Павлова в ЦК проэкзаменовали на знание английского и немецкого языков, после чего он был принят В. М. Молотовым. «Он посмотрел мое досье, – вспоминал Павлов, — и сообщил, что я назначаюсь помощником наркома... В коридорах ЦК и в приемной Молотова в Наркоминделе находилось несколько человек чуть старше моего возраста, проходивших отбор на работу в наркомат»¹¹. Конечно, эта молодежь не соответствовала высоким профессиональным стандартам дипломатов, кадры нужно было начинать готовить специально. «В связи с этим в 1939 году было решено создать курсы переводчиков при ЦК ВКП(б), а затем и Высшую дипломатическую школу (ВДШ)»¹². Секретариат нового наркома иностранных дел был укомплектован новыми людьми. Лишь один из его сотрудников, Борис Подцероб, работал в Наркоминделе с 1937 года. «Старшим помощником Молотова, или заведующим секретариата, был А. Е. Богомолов, в прошлом профессор, специалист по марксистско-ленинской философии. Человек он был образованный, знал французский язык, но ему не хватало расторопности и оперативности. Вскоре его заменил С. П. Козырев, работавший до этого в аппарате Совнаркома СССР... Наш рабочий день начинался в 9 часов утра и продолжался до 12 ночи»¹³.

Молодая поросль советских дипломатов была нежной и ранимой и требовала от наркома особого подхода. Вспоминал Бережков: «Со своими непосредственными подчиненными Молотов был ровен, холодно вежлив, почти никогда не повышал голоса и не употреблял нецензурных слов, что было тогда обычным в кругу “вождей”. Но он порой мог так отчитать какого-нибудь молодого дипломата, неспособного толково доложить о положении в стране, что тот терял сознание. И тогда Молотов, обрызгав бедолагу холодной водой из графина, вызывал охрану, чтобы вынести его в секретариат, где мы общими усилиями приводили его в чувство. Впрочем, обычно этим все и ограничивалось, и виновник, проведя несколько тревожных дней в Москве, возвращался на свой пост, а в дальнейшем нередко получал и повышение по службе»¹⁴. Много внимания Молотов

уделял обучению сотрудников навыкам секретности. Бережков писал: «Заходя в нашу с Павловым комнату по какому-то делу, а это случалось нередко, он, видя мой приоткрытый сейф, шутливым тоном говорил:

– Ну вот, опять у этого гнилого интеллигента душа нараспашку, сейф не заперт, на столе разбросаны бумаги, входи и смотри. Ох уж эти мне русские интеллигенты!»¹⁵

Мнение о том, будто Молотов как наркоминдел действовал исключительно по подсказке Сталина, тогда как Литвинов вел самостоятельную линию, конечно, не выдерживает критики. Все было с точностью до наоборот. Тот же Бережков, например, вспоминал: «Просматривая в секретариате наркома иностранных дел досье прошлых лет, я убедился, что Литвинов по самому малейшему поводу обращался за санкцией в ЦК ВКП(б), то есть фактически к Молотову, курировавшему внешнюю политику. Как нарком иностранных дел Молотов пользовался большей самостоятельностью, быть может, и потому, что постоянно общался со Сталиным, имея, таким образом, возможность как бы между делом согласовать с ним тот или иной вопрос. Но все же, по моим наблюдениям, Молотов во многих случаях брал на себя ответственность»¹⁶. Литвинов действительно не мог себе позволить импровизаций, выполняя инструкции ПБ. Но и Молотов четко понимал пределы импровизации – «самостоятельно только в пределах директив. Так дипломат и должен поступать»¹⁷.

Впрочем, Молотов не считал себя дипломатом, он оставался политиком. Он полагал также, что для дипломата ему не хватало того, что он неукоснительно требовал от всех сотрудников наркомата – свободного владения иностранными языками. Знания, полученные еще в реальном училище, остались и пригодились. Но наркоминдел был самокритичен: «Немного я мог на основных языках, но не по-настоящему... Ни один язык я не довел до конца. Поэтому и дипломат я не настоящий»¹⁸.

Дипломатией Сталин и Молотов занимались параллельно с множеством других дел. Обычно выглядело это так: как только машина с иностранным гостями миновала Спасские ворота, в кабинет Сталина без предупреждения входил переводчик, что означало перерыв в заседании Политбюро или какого-либо совещания. «Все, быстро собрав свои бумаги, вставали из-за стола и покидали кабинет. Оставался только Молотов»¹⁹.

Историк Лев Безыменский полагал: «Со времени назначения наркомом иностранных дел Молотова между ним и Сталиным образовался теснейший тандем, причем Молотову не отводилась второстепенная роль. Важнейшие документы отрабатывались Сталиным и Молотовым совместно, на одном и

том же документе можно обнаружить правку обоих, не говоря уже о совместном визировании»²⁰. Но разделение ролей, безусловно, было. Владимир Ерофеев писал: «В переговорах Молотов использовался в качестве инициативной пробивной силы с тем, чтобы разведать, так сказать, боем, выяснить твердость позиции оппонентов и пределы возможных уступок. При этом нередко дело доводилось до тупика, за которым уже возникала угроза провала. Тогда на сцену выходил Сталин, западные собеседники все бросались к нему за помощью, и Stalin великолепно высказывал готовность искать компромисс... уступал в некоторых мелочах, сохраняя при этом основную свою задачу и в то же время создавая у собеседников впечатление готовности идти им навстречу. Известны многие высказывания западных деятелей о том, что с Молотовым договориться трудно, а вот со Сталиным всегда можно о чем-то поговорить и найти более или менее приемлемые формулы для соглашения. Все это, конечно, был хорошо разработанный и отрепетированный Сталиным и Молотовым спектакль»²¹. Stalin был «добрый следователем», Молотов – «злым».

Приход Молотова придал динамизм всей европейской и мировой политике. Джейфри Робертс замечал, что обычное на Западе объяснение замены Литвинова на Молотова как прелюдии к заключению пакта с Германией не выдерживает критики прежде всего потому, что с этого момента «Москва вовсе не отказалась от переговоров о тройственном союзе с Британией и Францией, Молотов продолжил их даже более активно, чем Литвинов»²². Спохватились англичане. Майский сообщал 6 мая: «Галифакс пригласил меня к себе и сообщил, что британское правительство подготовило ответ на наше предложение от 17 апреля». Речь шла об односторонней гарантии для Польши и Румынии, правда, при условии, «если Англия и Франция сами также оказывают им поддержку»²³. Посол Великобритании Сидс 8 мая передал это предложение Молотову. В этот же день премьер разъяснял Сурицу: «Как видите, англичане и французы требуют от нас односторонней и даровой помощи, не берясь оказывать нам эквивалентную помощь»²⁴.

А в это время Гитлер пригласил к себе в Бергхоф Риббентропа и советника посольства в Москве Хильгера, чтобы обсудить смысл назначения Молотова. Хильгер, считавшийся главным экспертом по СССР, утверждал, что Stalin уволил Литвинова, потому что тот «добивался взаимопонимания с Англией и Францией, тогда как Stalin полагает, что западные державы стремятся заставить Советский Союз таскать для них каштаны из огня». Результатом совещания стали указания возобновить

торговые переговоры²⁵. Астахов сообщал также Молотову из Берлина: «Довольно прилично (для здешних условий, конечно) была дана Ваша биография в официозе “Фелькишер Беобахтер”... Обычно всякое сообщение о нас дается здесь с прибавкой грубой брань, от чего на этот раз пресса воздерживается»²⁶.

При этом Германия продолжала свою линию на выстраивание альянсов и подготовку в большой войне. 7 мая был паро-фирован «Стальной пакт» между Германией и Италией, подпи-сание его состоится 22-го. Молотов даст немного удивленную оценку: «В военно-политическом договоре между Германией и Италией уже нет ни звука о борьбе с Коминтерном. Зато госу-дарственные деятели и печать Германии и Италии определенно говорят, что этот договор направлен именно против главных европейских демократических стран»²⁷. По линии разведуправления Генштаба РККА 8 мая пришло сообщение со словами Риббентропа: «Германия готовится к большой воен-ной удар против Польши. Этот удар будет произведен в июле или августе с такой быстротой и беспощадностью, с которой было произведено уничтожение города Герника. Германский генштаб считает, что он сломает стратегическое положение польской армии в 8–14 дней»²⁸. В мае действительно вышел приказ фюрера: быть готовыми самое позднее к 1 сентября прийти в боевую готовность для атаки на Польшу²⁹. Все еврей-ское и польское население было намечено к постепенному уничтожению до 1950 года.

СССР, естественно, был заинтересован в сохранении Поль-ши как буферного государства, отделявшего его от Германии. Но он не мог навязать Варшаве свою помощь. 10 мая Польшу проездом посещал Потемкин, которому пришла телеграмма Молотова: «Ввиду желания Бека иметь с Вами беседу, можете задержаться на день в Варшаве. Главное для нас – узнать, как у Польши обстоят дела с Германией. Можете намекнуть, что в случае если поляки захотят, то СССР может им помочь»³⁰. По-темкин доказывал эфемерность англо-французских гарантий Польше и предлагал опереться на Москву. Бек вроде бы про-явил заинтересованность. Но 11 мая польский посол в Москве Гжибовский пришел к Молотову и прочитал полученные ин-струкции: «Польша не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР ввиду практической невозможности оказания помощи Советскому Союзу со стороны Польши»³¹. Варшава же до последнего была «движима иллюзиями полу-чить за лояльность Берлину и готовность к союзу с Гитлером свой приз в виде сохранения за ней Данцига, а может, и приоб-ретения Украины и выхода к Черному морю»³².

Молотов пригласил Сидса и вручил ноту с тремя условиями для полноценной договоренности: «1. Заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта о взаимопомощи против агрессии; 2. Гарантирование со стороны этих трех великих держав государств Центральной и Восточной Европы, находящихся под угрозой агрессии, включая сюда также Латвию, Эстонию, Финляндию; 3. Заключение конкретного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах помощи»³³. Майский, получив текст, пишет в дневник: «Очень хорошо. Особенно хорошо, что наши предложения кратки, просты и убедительно понятны. Это сильно поможет нам в завоевании общественного мнения Англии и Франции»³⁴.

В этот момент вновь максимально обострилась обстановка на Дальнем Востоке. 11 мая японские войска появились на Халхин-Голе. Молотов квалифицировал произшедшее как нарушение японо-маньчжурскими войсками границы МНР и нападение на ее территорию, предупредив посла Того о серьезности последствий. Япония отклонила протест на том основании, что Москва не имела права выступать от имени МНР, а нарушения границы не было вовсе.

Из уст Молотова прозвучала недвусмысленная угроза:

– Я должен предупредить, что границу Монгольской Народной Республики в силу заключенного между нами договора о взаимопомощи мы будем защищать так же решительно, как и свою собственную границу. (*Бурные аплодисменты.*) Пора понять, что обвинения в агрессии против Японии, выставленные Японией против правительства Монгольской Народной Республики, смешны и вздорны. Пора также понять, что всякому терпению есть предел. (*Аплодисменты.*)³⁵

Япония продолжила наступление, не оставалось ничего другого, как реализовать эту угрозу. Против 6-й японской армии выступили части Монгольской народной армии и 57-й особый корпус Красной Армии³⁶. Началась фактическая, пусть и необъявленная, советско-японская война. В этих условиях иначе звучали сигналы из Германии, от которой, помимо прочего, зависело многое в поведении Токио.

20 мая Молотов впервые откликнулся на просьбу принять фон Шуленбурга, который имел полномочия на ведение торговых переговоров.

– Экономическим переговорам должно предшествовать создание соответствующей политической базы, – заявил Молотов³⁷.

Шуленбург вынес ощущение, что Кремль хотел выиграть время и предоставить немцам возможность сделать ход пер-

выми. 30 мая статс-секретарь германского МИДа Вайцзеккер сказал Астахову, что возможность улучшить отношения имеется, но важно, чтобы Москва не использовала немецкую готовность к диалогу как инструмент давления на англичан и французов³⁸.

Надежды Москвы достичь договоренности с западными демократиями были по-прежнему сильны. Сидс и Пайяр 27 мая вручили Молотову новые англо-французские предложения, которые не произвели на Молотова сильного впечатления:

– Предложения наводят на мысль, что правительства Англии и Франции не столько интересуются самим пактом, сколько разговорами о нем. Может быть, оба правительства, уже заключившие пакты о взаимопомощи между собой, с Польшей и Турцией, считают, что для них этого достаточно. Процедуру, установленную пактом Лиги Наций для осуществления взаимной помощи против агрессии и теперь предлагаемую англо-французским проектом, нельзя не признать плохо совместимой с требованием эффективности этой взаимопомощи.

Сидс и Пайяр, «изображая крайнее изумление», доказывали, что оценка документа, данная Молотовым, «основывается на явном недоразумении»: «Оба правительства заинтересованы в скорейшем завершении переговоров с СССР. Оба хотят действовать, а не медлить»³⁹. У Москвы были основания им не верить. В мае в английском кабинете и парламенте развернулись дебаты о договоренности с СССР, но Чемберлен был не-преклонен, заявив, что «скорее подаст в отставку, чем подпишет союз с Советами»⁴⁰. 31 мая Молотов впервые делал доклад на Верховном Совете в своем новом качестве. Он констатировал значительное ухудшение международной ситуации и лейтмотивом сделал тему объединения против государств Антикоминтерновского пакта:

– Как мы определяем наши задачи в современной международной обстановке? Они заключаются в том, чтобы остановить дальнейшее развитие агрессии и для этого создать надежный и эффективный оборонительный фронт неаггрессивных держав.

Озвучив уже публично условия заключения полноценного соглашения о противодействии агрессии, Молотов назвал новые англо-французские предложения шагом вперед, поскольку они признавали «принцип взаимопомощи между Англией, Францией и СССР на условиях взаимности», но были неприемлемы с точки зрения автоматизма применения и гарантий странам Центральной и Восточной Европы. О возможности нормализации отношений с Германией в докладе Молотова был всего один абзац, оставлявший дверь открытой.

– Ведя переговоры с Англией и Францией, мы вовсе не считаем необходимым отказываться от деловых связей с такими странами, как Германия и Италия. Еще в начале прошлого года по инициативе германского правительства начались переговоры о торговом соглашении и новых кредитах.

Констатировав общее улучшение отношений с Польшей и Турцией, Молотов подробно остановился на обеспечении безопасности СССР на Балтике, сделав упор на проблеме Аландских островов, занимающих важное для СССР стратегическое положение. Их вооружение Финляндией и Швецией вызывало серьезную озабоченность в Москве.

Завершал Молотов свой доклад словами о том, что «в едином фронте миролюбивых государств, действительно противостоящих агрессии, Советскому Союзу не может не принадлежать место в передовых рядах. (Бурные, продолжительные аплодисменты всего зала. Депутаты встают и устраивают овацию товарищу Молотову.)⁴¹

2 июня Молотов пригласил Сидса и Пайяра и вручил им советский проект соглашения. «Франция, Англия и СССР обязываются оказывать друг другу немедленную всестороннюю эффективную помощь, если одно из этих государств будет втянуто в военные действия с европейской державой в результате либо 1) агрессии со стороны этой державы против любого из этих трех государств, либо 2) агрессии со стороны этой державы против Бельгии, Греции, Турции, Румынии, Польши, Латвии, Эстонии, Финляндии, относительно которых установлено между Англией, Францией и СССР, что они обязываются защищать эти страны против агрессии, либо 3) в результате помощи, оказанной одним из этих трех государств другому европейскому государству, которое попросило эту помощь, чтобы противодействовать нарушению его нейтралитета»⁴². Западные партнеры вновь взяли паузу. В этот момент многое зависело от позиции малых восточноевропейских стран. Однако она не внушала оптимизма. Вместо того чтобы заручиться гарантиями безопасности со стороны СССР и Запада, прибалты предпочли подписать пакты с Берлином. Эстония и Латвия сделали это 7 июня.

Ответ Лондона был своеобразным. Майский информировал Молотова: «Решено отправить в Москву заведующего центральноевропейским департаментом Форин оффис Стрэнга, который с самого начала нынешних англо-советских переговоров был в курсе всех деталей». Молотов в ответе 10 июня сохранял вежливый тон: «Принимаем к сведению решение британского правительства о командировании Стрэнга в Москву... Что

касается заявления Галифакса о том, что ему кто-то советовал съездить в Москву, то можете ему намекнуть, что в Москве приветствовали бы его приезд»⁴³. Конечно, в Москве были не в восторге: имелись все основания ждать Чемберлена или хотя бы Галифакса, коль скоро переговоры предстояло вести с главой советского правительства. Ллойд Джордж подчеркивал: «Мистер Чемберлен вел прямые переговоры с Гитлером. Он ездил на встречи с ним в Германию. Они и лорд Галифакс посещали Рим. Но кого они отправили в Россию? Они не послали даже члена кабинета самого низкого ранга, они послали клерка из Форин оффис. Это было оскорблением»⁴⁴. Но Чемберлен заявил, что поездка в Москву британского министра «была бы унизительна»⁴⁵.

15 июня в Москве начались переговоры Молотова с Сидсом и Наджиаром, на которых присутствовали также Потемкин и Стрэнг. У Молотова дел в правительстве хватало. Но премьер находил время для встреч, которых состоится более двух десятков. Молотов был настойчив. Стрэнг напишет: «История переговоров – это история того, как британское правительство сдвигалось шаг за шагом под напором аргументов Советов, под давлением парламента, прессы и общественного мнения, из-за доводов посла в Москве, убеждений французов прислушаться к советской позиции. Оно отдавало русским одно очко за другим. В конце оно дало русским основную часть того, что они просили. Все в содержании проекта соглашения представляло собой уступки русским»⁴⁶. Любой пункт буквально выдавливается Молотовым из Лондона и Парижа, но ощущения серьезности намерений западных партнеров все равно не возникало. Они готовы были обсуждать помочь со стороны СССР, но не свою помощь Советскому Союзу, отвергая идеи конкретной военной конвенции, необходимых обязательств не заключать с Германией сепаратного мира или гарантий безопасности странам Прибалтики, через которые мог последовать удар против СССР.

И все больше информации в Москву поступало об англо-германском сотрудничестве. 8 июня, выступая в палате лордов, Галифакс подтвердил готовность обсуждать любые немецкие требования за столом переговоров. 13 июня Гендерсон, посол в Берлине, говорил немцам о «готовности Лондона к переговорам с Германией». Американский поверенный в делах в тот же день телеграфировал в Вашингтон, что, по его ощущениям, «готовится второй Мюнхен, на этот раз за счет Польши»⁴⁷.

США по-прежнему не спешили вмешиваться в европейские дела. «Американцы эры Рузельта сохраняли старый

взгляд на Европу как коррумпированную и декадентскую, к чему теперь примешивалось определенное презрение к европейской слабости и зависимости»⁴⁸, замечал неоконсерватор Роберт Кейган. 6 июня полпред Уманский вручал верительные грамоты Рузвельту и сообщал Молотову: «Сейчас нетто-баланс всех комментариев печати о Вашем назначении – громадный рост престижа, авторитетности нашей внешней политики и наших дипломатических выступлений. Это чувствуется буквально на каждом шагу, в контакте с Госдепартаментом, с прессой, конгрессменами»⁴⁹. Однако отсутствовали какие-либо признаки того, что Рузвельт может использовать свой авторитет для вразумления своих европейских партнеров. Чтобы прозондировать возможности сотрудничества с США хоть в чем-то, Молотов поручал Уманскому: «Приступите к практическим переговорам по заключению договоров на проектирование и постройку двух миноносцев»⁵⁰. Однако сдвинуть дело с мертвой точки не удалось.

28 июня Шуленбург посетил Молотова и сделал заявление со ссылкой на Риббентропа и Гитлера о желании «не только нормализации, но и улучшения отношений с СССР. Молотов уверил в стремлении СССР нормализовать «отношения со всеми странами, в том числе и с Германией»⁵¹.

29 июня в «Правде» вышла статья Жданова о том, что англо-франко-советские переговоры зашли в тупик из-за того, что Англия и Франция «не хотят равного договора с СССР» и торят себе дорогу к сделке с агрессором. И в тот же день Галифакс заявил о возможности переговоров с Германией по вопросам, которые «внушают миру тревогу», назвав среди них колониальную проблему, поставки сырья, торговые барьеры, «жизненное пространство», ограничение вооружений⁵².

Молотов по-прежнему настроен на сотрудничество с западными демократиями. 30 июня он пишет Сурицу: «Провокационные действия японо-маньчжур в Монголии являются, по вашим сведениям, попыткой продемонстрировать военную силу Японии, что было сделано по настоянию Германии и Италии. Целью этих действий Японии было помешать заключению англо-франко-советского соглашения. Явная неудача, постигшая японцев в этом деле, должна иметь значение, противоположное намерениям немцев и итальянцев»⁵³. 1 июля английский и французский послы дали, наконец, согласие распространить гарантии трех держав на прибалтийские страны, зафиксировав это в секретном протоколе. С чем Молотов «не без труда» согласился. Но далее камнем преткновения стали военные обязательства сторон. 17 июля Сидс сообщал в Лондон после оче-

редной встречи с советским премьером: «Молотов сразу же дал ясно понять, что советское правительство должно настаивать на одновременном вступлении в силу политического и военно-го соглашений. Советское правительство хочет, чтобы военные обязательства и вклад каждой стороны были ясно установлены». Если с послами глава Совнаркома не выходил за рамки дипломатического лексикона, то в сообщении о переговорах полпредам называл англо-французские предложения «жульническими»: «Видимо, толку от всех этих бесконечных переговоров не будет. Тогда пусть пеняют на себя». 19 июля Галифакс на заседании правительства заявил, что срыв московских переговоров его не очень бы обеспокоил⁵⁴.

22 июля в Москве публикуется сообщение о начале советско-германских торговых переговоров. Это было предупреждением Лондону и Парижу, где его хорошо поняли. 25 июля Майского пригласил Галифакс и передал, что «британское правительство принимает предложение Молотова начать теперь же военные разговоры, не дожидаясь окончания политических переговоров. Английская военная миссия сможет выехать в Москву примерно через 7–10 дней»⁵⁵. Но одновременно западные партнеры разыгрывали и другую партию. 11 июля Даладье заявил немецкому послу Вельчеку, что по-прежнему является сторонником установления взаимопонимания с Германией. Ближайший советник Чемберлена – Вильсон изложил согласованную с премьером программу англо-германского сотрудничества послу Дирксену: отказ Англии от «гарантийных обязательств в отношении Польши»; заключение соглашения о невмешательстве, признание «сфер особых интересов» Англии и Германии, экономические договоренности, включая представление Берлину кредитов; урегулирование колониальных проблем. Германии предлагались контакты между «самыми высокопоставленными лицами» (в Москву был послан Стрэнг)⁵⁶. В июле же, в разгар боев на Халхин-Голе, правительство Англии заключило с Токио соглашение Арита – Крейги, признававшее законность японских действий в Китае, что в Москве (и не только) было расценено как «дальневосточный Мюнхен».

29 июля Шуленбург был уполномочен передать: «При любом развитии польского вопроса, мирным ли путем, как мы этого хотим, или любым другим путем, то есть с применением нами силы, мы будем готовы гарантировать все советские интересы и достигнуть понимания с советским правительством». В тот же день Молотов ответил: «Всякое улучшение политических отношений между двумя странами мы, конечно, приветствовали бы»⁵⁷. 2 августа Астахов оказался в кабинете

Риббентропа, который заявил, что «благополучное завершение торговых переговоров может послужить началом политического сближения»⁵⁸.

В тот же день Молотов в очередной раз принял Сидса, Наджиара и Стрэнга. Проинформировав о составе военных миссий, они не смогли ответить, будут ли миссии иметь полномочия для ведения переговоров. Предложенная формула о консультациях вновь не предусматривала оказания немедленной помощи в случае агрессии. Сидс сообщал: «Мистер Молотов был иным человеком, чем при нашей прошлой встрече, и я чувствую, что наши переговоры понесли серьезный ущерб»⁵⁹.

3 августа Шуленбург заявил Молотову, что «желает найти пути для улучшения взаимоотношений в будущем». Премьер согласился с необходимостью их искать, отметив в то же время, что «в нашей памяти остались такие факты, как “антикоминтерновский пакт”, поддержка Германией агрессивных шагов Японии против СССР... Теперь все зависит от линии поведения германской стороны»⁶⁰. После беседы Шуленбург сообщил в Берлин, что в Кремле по-прежнему сохраняется недоверие к Германии и правительство «преисполнено решимости договориться с Англией и Францией... В каждом слове и каждом шаге чувствуется большое недоверие в отношении нас»⁶¹. В тот день Шнурре предлагает Астахову внести в торгово-кредитный договор фразу об улучшении политических отношений, подкрепив ее секретным протоколом. Ответ Молотова пришел 7 августа: упоминание об улучшении политических отношений было им счтено «забеганием вперед», а предложение о секретном протоколе «неподходящим»⁶².

5 августа Майский проводил на вокзале Сант-Панкрас британскую и французскую военные миссии – пользоваться воздушным транспортом они не стали. В Москве, учитывая критичность момента, были основания ожидать кого-то масштаба начальников генштабов, Галифакса или Боннэ. Но ехать в Москву или приглашать советских лидеров к себе британское и французское руководство по-прежнему считало ниже своего достоинства. По мнению Лондона и Парижа, Москва должна была быть счастлива уже от самого факта общения. И, уверовав в наивность кремлевских руководителей, пыталось втянуть их в военные гарантии Восточной Европе, не обозначая параметров своих военных обязательств. Англо-французская политика была чистой авантюрией, в основе которой лежала уверенность в непримиримой идеологической вражде Сталина и Гитлера.

Французскую военную миссию возглавил не обремененный высокими должностями генерал Жозеф Думенк. Английским

переговорщиком был престарелый военно-морской адъютант короля, командующий базой в Плимуте адмирал сэр Реджинальд Айлмер Рэнферли Планкетт-Эрл-Дракс, никогда не занимавший постов в Адмиралтействе. Переговорщики приплыли в Ленинград в ночь на 10 августа. Французская делегация имела полномочия только на ведение переговоров, британская вообще не имела письменных полномочий. Советская военная делегация во главе с наркомом Ворошиловым имела детально разработанные в Генштабе варианты развития событий, расчеты необходимых сил и средств и политические инструкции, отражавшие высокую степень раздражения, которое испытывали к тому времени Сталин и Молотов по отношению к бесплодным переговорам с Лондоном и Парижем⁶³.

9 августа к Молотову пришел представляться новый посол США Штейнгардт. Полагаю, председатель Совнаркома ждал какого-то важного послания от Рузвельта. Посол ограничился заявлением, что «в мире нет стран, которые имели бы такую общность интересов, каковая имеется у СССР и США... Тов. Молотов выражает свое согласие с заявлением посла о необходимости сотрудничества для сохранения мира»⁶⁴.

А на следующий день Молотов испытал неожиданный и жесточайший удар, откуда не ждал. На рассмотрение Политбюро был вынесен вопрос «О тов. Жемчужине». На нее (как до этого на жену Калинина) была высыпана куча компромата. Понятно, что вести расследование Берия мог только с санкции Сталина, и главными мишенями были не жены, а мужья. Полагаю, речь могла идти о стремлении коллег поставить на место человека, который как-то уж слишком быстро превращался в чересчур заметную величину мировой политики, причем даже не покидая своего кабинета. Подробности «дела Жемчужиной», как и ряда последующих, Молотов узнает только в 1953–1954 годах, когда они прозвучат в показаниях арестованных по делу Берии и его соратников.

В июле 1953 года Молотов прочитает письмо от Ю. С. Визеля: «В 1938 году, работая в органах МВД, я был включен Кобуловым и Берия в агентурно-следственную работу, результатом которой явились материалы, компрометирующие товарищей Ворошилова К. Е., Калинина М. И. и Жемчужину. Позднее мне стало известно, что следственный отдел по особо важным делам вел расследование дореволюционной деятельности товарища Молотова В. М. с целью компрометации его»⁶⁵. В июне 1939 года были арестованы работавшие вместе с Жемчужиной директор института Главпарфюмерпрома врач-дерматолог Илья Белахов, начальник управления Главпищесортимасло

Слиозберг, врачи сестры Юлия и Надежда Канель. Белахов, до того, как его расстреляли, успел дать показания: «Избивая, от меня требовали, чтобы я сознался в том, что я сожительствовал с гр. Жемчужиной и что я шпион. Я не мог оклеветать женщины, ибо это ложь и, кроме того, я импотент от рождения»⁶⁶. Всеволод Меркулов засвидетельствует: «Белахов в числе других лиц проходил по разработке, которая, кажется, носила название «Змеиное гнездо» или «Змеиный клубок». Разработкой, а затем и следствием по этому делу руководил Кобулов, который получал по этому делу указания непосредственно от Берия»⁶⁷. Богдан Кобулов подтвердит, что лично избивал Белахова: «Цель была одна – добиться признания о его вражеской работе и о характере связей с членом семьи одного из руководителей партии и правительства в соответствии с заданием, полученным от Берия»⁶⁸.

10 августа 1939 года Политбюро принимает постановление «О тов. Жемчужине» (так в документе, вероятно, у автора были проблемы с падежами): «1. Признать, что т. Жемчужина проявила неосмотрительность и неразборчивость в отношении своих связей, в силу чего в окружении тов. Жемчужины оказалось немало враждебных шпионских элементов, чем невольно облегчилась их шпионская работа. 2. Признать необходимым провести тщательную проверку всех материалов, касающихся т. Жемчужины. 3. Предрешить освобождение т. Жемчужины с поста Наркома рыбной промышленности. Провести эту меру в порядке постепенности»⁶⁹. Постановление шло под грифом «особая папка», а значит, не стало известно никому за пределами ПБ.

Но дело Жемчужиной на этом не закончилось. Полагаю, совершенно не случайно именно в это время всплывает и «дело Карпа». Микоян 23 августа направил Сталину и Молотову ответ на его запрос в Амторг Богдану и Розову о их оценке работы Карпа. Розов писал Микояну: «Всего через Карпа было произведено закупок на сумму 427 тыс. долларов». Это включало в себя 1500 тонн электродов, 237 тонн шлифовальных кругов, 25 тонн бронзы, 10 индикаторов «Ферчайлда», 2 самолета «Валти» с вооружением и оборудованием, 2 морских двигателя фирмы Буда, «схематические и математические диаграммы управления, разработанные «Максоном и Ко»». Но «Карп все же не получил проекта нужного нам линкора и не смог получить соответствующего на это разрешения правительства США». Богдан предлагал «после заключения договора на суда организацию Карпа ликвидировать»⁷⁰. Получалось, что Карп – мелкий жулик, водивший за нос советское правительство. Это был еще один удар по Молотову и его супруге.

Допросы по ее делу продолжились, были получены показания о причастности к «вредительской и шпионской работе». Теперь все зависело от Сталина. 24 октября для рассмотрения вопроса о Жемчужиной было собрано Политбюро. «Все мои уверения в Политбюро (протоколов заседаний по таким вопросам не велось) о безупречной партийности Жемчужиной не привели ни к чему, – напишет Молотов. – Никто из членов Политбюро не счел возможным поддержать меня, хотя все они хорошо ее знали в течение многих лет»⁷¹. Ее наполовину оправдали. «1. Считать показания некоторых арестованных о причастности т. Жемчужиной к вредительской и шпионской работе, равно как их заявления о необъективном ведении следствия, клеветническими. 2. Признать, что т. Жемчужина проявила неосмотрительность и неразборчивость в отношении своих связей, в силу чего в окружении т. Жемчужиной оказалось немало враждебных шпионских элементов, чем невольно облегчалась их шпионская работа. 3. Освободить т. Жемчужину от поста Наркома Рыбной Промышленности, поручив секретарям ЦК т.т. Андрееву, Маленкову и Жданову подыскать работу для т. Жемчужиной»⁷².

Они подыскивали. 21 ноября выйдет еще одно постановление ПБ «О т. Жемчужине П. С.»: «Утвердить т. Жемчужину П. С. начальником главного управления текстильно-галантерейной промышленности Наркомлегпрома РСФСР»⁷³. Союзного министра сделали начальником управления республиканского наркомата. Похоже, Полину спасла тогда от тюрьмы или смерти только топорность работы руководителей НКВД. Генпрокурор Руденко в 1953 году поведает: «Абакумов не раз рассказывал, что Меркулов и Кобулов в 1939 году, несмотря на все их старания, только «оскандалились» с этим делом»⁷⁴.

Но Молотов оказался стреножен, как никогда прежде. Ему оставалось проглотить обиду и работать.

...Рассматривался ли вопрос о нормализации отношений с Германией на ПБ? Не ясно. У академика Чубарьяна создалось впечатление, что «эти вопросы не проходили через Политбюро; видимо принципиальные решения советской внешней политики принимались в узком кругу (Сталиным, Молотовым и т. д.), даже без оформления в официальном порядке»⁷⁵. Так или иначе, решение пригласить в Москву представителя высшего германского руководства было принято 11 августа, когда выяснилось отсутствие у военных делегаций Англии и Франции необходимых полномочий. Молотову было поручено вступить в официальное обсуждение всех ранее поднятых немцами вопросов. В тот день он телеграфировал Астахову: «Вести перего-

воры по этим вопросам предпочитаем в Москве»⁷⁶. 14 августа Риббентроп просил Шуленбурга передать Молотову обширное послание, в котором говорилось: «Имперское правительство придерживается взгляда, что в пространстве между Балтийским морем и Черным морем нет такого вопроса, который не мог бы быть урегулирован к полному удовлетворению обеих стран»⁷⁷. Молотов подтвердил согласие нормализовать отношения, обещал дождожить немецкие предложения своему правительству (то есть Сталину) и попросил «выяснить мнение германского правительства по вопросу о пакте ненападения или о чем-либо подобном ему»⁷⁸.

Переговоры с англо-французской военной делегацией продолжались. Один из камней преткновения – вопрос о пропуске советских войск через Польшу и Румынию в случае начала совместных военных действий против Германии. Крайне неконкретные военные обязательства 16 августа Ворошилов подвергает «резкой критике, подчеркивая их полную абстрактность, универсализм и бесплодность».

При встрече с Молотовым 17 августа Шуленбург заявил о возможности «наступления в каждый момент серьезных событий (Германия не намерена больше терпеть польские провокации)». «Риббентроп выражает готовность начиная с 18 августа во всякое время прибыть в Москву на аэроплане с полномочиями фюрера вести переговоры о совокупности германо-советских вопросов и, при наличии соответствующих условий (gegebenenfalls), подписать соответствующие договоры»⁷⁹. Молотов ответил, что первым шагом к улучшению отношений могло бы быть заключение торгово-кредитного соглашения. Выразил он и удовлетворенность серьезностью немецких намерений, подтвержденных «предложением послать в Москву видного политического деятеля, в отличие от англичан, пославших в Москву второстепенного чиновника Стрэнга»⁸⁰.

Что-то изменить в тот момент могла Польша. 19 августа Бек дал французскому послу Ноэлю ответ на запрос о возможности прохода советских войск через польскую территорию: поляки «не могут ни в какой форме обсуждать вопрос об использовании части национальной территории иностранными войсками»⁸¹. Шуленбург вновь у Молотова:

– В Берлине опасаются конфликта между Германией и Польшей. Риббентроп думает, что еще до возникновения конфликта необходимо выяснить взаимоотношения между СССР и Германией, так как во время конфликта это сделать будет трудно. Первый шаг – заключение торгово-кредитного соглашения – считаю уже сделанным. Риббентроп имел бы неогра-

ниченные полномочия Гитлера заключить всякое соглашение, которого бы желало советское правительство.

— Все сказанное вами советское правительство должно обсудить. Перед приездом Риббентропа решения уже должны быть более или менее подготовлены.

Шуленбург вернулся в посольство, и через десять минут раздался звонок: его вновь приглашали к Молотову:

— Риббентроп мог бы приехать в Москву 26–27 августа после опубликования торгово-кредитного соглашения⁸².

В ту же ночь в Берлине было подписано советско-германское кредитное соглашение, по которому Советский Союз получал кредит в 200 миллионов марок сроком на семь лет для приобретения немецких товаров.

20 августа утром советские войска переходят в решительное наступление на Халхин-Голе, введя в дело 9-ю мотобронетовую бригаду⁸³. Война на Востоке разрастается. Бек подтверждает Лондону, что не намерен заключать никаких соглашений с СССР⁸⁴. Наджиар запрашивает для Думенка полномочия для подписания военной конвенции⁸⁵.

Утром 21 августа на оказавшейся последней встрече военных делегаций Дракс предъявляет полномочия «на ведение переговоров по вопросу о военном сотрудничестве с СССР» и выступает от имени англо-французской миссии с декларацией: советская миссия поставила такие сложные вопросы, которые могут быть разрешены только правительствами. Ворошилов отвечает, что «есть все основания сомневаться в их стремлении к действительному военному сотрудничеству с СССР... Совещание откладывает свою работу до получения ответов от правительств Англии и Франции»⁸⁶.

В 15.00 Шуленбург передал телеграмму от Гитлера на имя Сталина с одобрением предложенного Молотовым проекта пакта о ненападении. «Дополнительный протокол, желаемый Правительством СССР, по моему убеждению, может быть по существу выяснен в кратчайший срок, если ответственно-му государственному деятелю Германии будет предоставлена возможность вести об этом переговоры в Москве лично. Поэтому я вторично предлагаю Вам принять моего Министра Иностранных Дел во вторник, 22 августа, но не позднее среды, 23 августа»⁸⁷. Гендерсон телеграфирует своему правительству в Лондон: «Приняты все меры для того, чтобы Геринг тайно прибыл в среду 23-го»⁸⁸. Если бы не был подписан германо-советский пакт, был бы заключен германо-английский. В 17.00 Молотов передал немецкому послу письмо Сталина, адресованное Гитлеру: «Советское правительство поручило

мне сообщить Вам, что оно согласно на приезд в Москву г-на Риббентропа 23 августа»⁸⁹.

22 августа в газетах помещено сообщение ТАСС о приезде Риббентропа в Москву для переговоров по вопросу о заключении пакта о ненападении. Оговаривалось, что эти переговоры «не могут никоим образом прервать или замедлить англо-франко-советские переговоры». Мощнейший сигнал Лондону и Парижу, куда уж мощнее! В этот момент в советско-германских отношениях еще ничего не предрешено. Главы правительства или МИДов Англии и Франции могли бы написать или позвонить Сталину или Молотову и дать понять, что заинтересованы в успехе трехсторонних переговоров. Но Чемберлен шлет срочное послание... Гитлеру, предлагая новый Мюнхен, теперь за счет Польши. Даладье также обратился в тот день не к Сталину или Молотову, а тоже к Гитлеру: «Ни один француз никогда не сделал больше меня, чтобы не только укрепить мир между нашими двумя народами, но и искреннее сотрудничество»⁹⁰. И никаких сигналов в Москву. Майский в мемуарах напишет: «Саботаж переговоров о тройственном пакте даже на этой стадии продолжался»⁹¹. Запоздалое и бессодержательное послание от Бека о том, что «сотрудничество между Польшей и СССР, технические условия которого надлежит установить, не исключено», дошло в Москву через Париж и Лондон, «когда уже сохли чернила подписей под советско-германским пактом»⁹².

23 августа, когда самолет Риббентропа только поднялся в воздух, Гитлер отдал приказ о нападении на Польшу в 4.30 утра 26 августа⁹³. Риббентроп, по его собственным ощущениям, летел в неизвестность: «Никто из нас никаких надежных знаний о Советском Союзе и его руководящих лицах не имел. Дипломатические сообщения из Москвы были бесцветны. А Сталин, в особенности, казался нам своего рода мистической личностью». В полдень двумя самолетами FW-200 Condor Риббентроп и три десятка сопровождающих прибыли в аэропорт на Ходынском поле, над которым рядом с флагом Советского Союза развевался флаг рейха. Он был найден на киностудии, где его активно использовали для съемок антифашистских фильмов. Оркестр, который спешно выучил гимн НСДАП, исполнил «Хорст Вессель» в аэропорту вместе с «Интернационалом». Встречал делегацию Потемкин.

Первые впечатления Риббентропа: «Сначала у меня состоялась в германском посольстве беседа с нашим послом графом Шуленбургом. Туда мне сообщили, что сегодня в 6 часов меня ожидают в Кремле. Кто именно будет вести переговоры – Молотов или сам Сталин, сообщено не было. “Какие странные эти

московские нравы!” – подумал я про себя». Риббентропа привезли в Кремль и пригласили в приемную Молотова.

«Когда мы поднялись, один из сотрудников ввел нас в продолжавшийся кабинет, в конце которого стоял ожидавший Сталин, рядом с ним стоял Молотов. Шулленбург даже не смог удержать возглас удивления: хотя он находился в Советском Союзе вот уже несколько лет, со Сталиным он еще не говорил никогда. После краткого официального приветствия мы вчетвером – Сталин, Молотов, граф Шулленбург и я – уселись за стол... Затем заговорил Сталин. Коротко, точно, без лишних слов»⁹⁴. Павлов, переводивший на немецкий, вспоминал: «Переговоры начались с заявления Риббентропа о том, что Гитлер уполномочил его подписать договор о ненападении сроком на 100 лет. На это Сталин заметил, что над русскими и немцами, если они заключат договор на сто лет, будут смеяться как над несерьезными людьми, и предложил десятилетний срок. Риббентроп принял предложение Сталина о сроке. Далее Сталин заметил, что прежде надо договориться по некоторым вопросам, и изложил советские предложения о разграничении сфер интересов СССР и Германии в Восточной Европе, проиллюстрировав их на географической карте... Соответствующую договоренность он предложил оформить путем подписания секретного протокола как приложения к договору о ненападении. По реакции Риббентропа можно было заключить, что советские предложения явились для него полной неожиданностью. Он сказал, что у него нет полномочий на подписание подобного протокола. Сталин тотчас отпарировал это заявление Риббентропа репликой: «Мы ждать не можем». Риббентроп попросил разрешения переговорить по телефону с Гитлером. Его просьба была удовлетворена. Он вошел в приемную, где его соединили с Берлином. Вернувшись в кабинет, Риббентроп сообщил, что Гитлер согласен с подписанием секретного протокола»⁹⁵.

Две команды активно работали над документами. Риббентроп передал свою редакцию текста пакта. Преамбула о дружественном характере отношений была вычеркнута рукой генсека: «Сталин возразил, что для советского правительства, на которое национал-социалистическое правительство рейха в течение шести лет “лило ушаты помоев”, невозможно вдруг выступить перед общественностью с заверениями о германо-советской дружбе»⁹⁶. Ночью был подписан советско-германский договор о ненападении (на основе проекта, представленного Молотовым), а также протокол к нему «о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе», в котором говорилось: «1. В случае территориально-политического переустройст-

ва областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами. 2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана. Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития... 3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической независимости в этих областях»⁹⁷.

Риббентроп вспоминал: «Затем в том же самом помещении (это был служебный кабинет Молотова) был сервирован небольшой ужин на четыре персоны. В самом начале его произошло неожиданное событие: Сталин встал и произнес короткий тост, в котором сказал об Адольфе Гитлере как о человеке, которого он всегда чрезвычайно почитал. В подчеркнуто дружеских словах Stalin выразил надежду, что подписанные сейчас договоры кладут начало новой фазе германо-советских отношений. Молотов тоже встал и тоже высказался подобным образом. Я ответил нашим русским хозяевам в таких же дружеских выражениях». Молотов припомнил и другой тост. «Когда мы принимали Риббентропа, он, конечно, провозглашал тосты за Сталина, за меня – это вообще был мой лучший друг, – щурит глаза в улыбке Молотов. – Stalin неожиданно предложил: «Выпьем за нового антикоминтерновца Сталина!» – издевательски так сказал и незаметно подмигнул мне»⁹⁸.

24 августа в газетах был помещен текст заключенного между СССР и Германией пакта о ненападении. Аутентичность оригинала секретного протокола ставится под сомнение многими исследователями, что приводит некоторых из них даже к выводам о его отсутствии как такового⁹⁹. Молотов тоже сам всегда отрицал существование секретного протокола. Но, по-моему, это не значит, что его не было. На то он и секретный, а Молотов секретами не привык разбрасываться. Но была и другая причина. Ничего особо секретного в нем не было. Его содержание стало известно, например, Чарлзу Болену в тот же день от приятеля из немецкого посольства¹⁰⁰. А через месяц карта разграничения советских и германских интересов будет

опубликована в газете «Правда» как приложение к договору о дружбе и границе. Все секретные договоренности были про-дублированы несекретными и напечатанными тогда же в прес-се документами.

Итак, почему советские руководители пошли на сделку с Берлином? Для Москвы вопрос заключается в том, можно ли было остановить войну с помощью договоренностей с запад-ными демократиями о совместных гарантиях безопасности Польши. А если нет, то кто мог знать, где остановятся герман-ские войска после нападения на поляков? В Варшаве? В Мин-ске? В Москве? Во Владивостоке? Естественно, Москва пред-почла бы альянс с западными демократиями – те хоть не соби-рались поголовно уничтожать советский народ. Однако СССР не рассматривался в Париже, Лондоне и Варшаве как государс-тво, с которым «приличные» страны могут вступать в союзни-ческие отношения. Отсюда контакты Запада с СССР на уровне второстепенных лиц и одновременные переговоры на более высоком уровне с Германией, таившие в себе опасность запад-ного «крестового похода» против СССР. Причем в условиях уже шедшей войны с Японией.

Пакт позволил выиграть время. Владимир Путин замечал: «Советский Союз подписал договор о ненападении с Германи-ей. Говорят: ах, как плохо. А что же здесь плохого, если Совет-ский Союз не хотел воевать? Чего же здесь плохого-то? Это первое. А второе: даже зная о неизбежности войны, полагая, что она может состояться, Советскому Союзу, кровь из носа, нужно было время для того, чтобы модернизировать свою армию»¹⁰¹.

Какой была альтернатива пакту? Война с Германией или коалицией западных держав уже в сентябре 1939 года с плохо предсказуемыми или слишком хорошо предсказуемыми ре-зультатами. «Во многом этот шаг был продиктован понима-нием, что Германия может поддаться искушению двинуться после разгрома Польши против Советского Союза, а Англия и Франция присоединятся к ним, – считает известный немец-ко-израильский историк Габриэль Городецкий. – У Сталина не было альтернативы подписанию пакта»¹⁰². Не было даже в том случае, если бы Германия напала одна. Чарлз Болен подчер-кивал: «Если бы атака нацистов случилась в 1939 году, а не в 1941-м, Россия могла быть нокаутирована в войне, а советская система – уничтожена»¹⁰³. С последующим полным уничтоже-нием русских, украинцев, белорусов, прибалтов, поляков, евре-ев и прочих «неполноценных» людей. Без пакта действительно была велика вероятность поражения СССР и, возможно, всей

антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне. А значит, без пакта могло бы не быть Победы.

Пакт избавил СССР от войны на два фронта. «Япония после этого сильно обиделась на Германию, и из их союза ничего толком не получилось»¹⁰⁴, – подчеркивал Молотов. Видный востоковед академик Тихвинский соглашается: «Лишь сокрушительный отпор, оказанный японской армии советскими и монгольскими войсками у Халхин-Гола, а также заключение советско-германского пакта о ненападении повлияли на изменение очередности осуществления агрессивных планов Японии, и предпочтение японскими милитаристами было отдано южному, тихоокеанскому направлению»¹⁰⁵.

Пакт позволил Москве создать серьезный геополитический задел, чтобы вернуть отторгнутые в 1918–1920 годах земли. Граница советской сферы «обоюдных интересов» точно укладывалась в наши геополитические приобретения XVIII–XIX веков. Оставаясь формально нейтральной страной, Советский Союз в течение года после пакта присоединил (вернул) территории с населением в 23 миллиона человек и обеспечил благоприятные условия для переговоров о будущем Европы и мира после войны. На несколько сотен километров будут отодвинуты на запад границы Советского Союза. Эти сотни километров германские войска будут вынуждены преодолевать в 1941 году, теряя время и силы при наступлении, а тогда каждый день мог быть и был решающим для определения исхода войны. Черчиль подчеркивал, что «Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий, с тем, чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи... Если их политика и была холодно расчетливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной»¹⁰⁶.

Более того, Германия получила войну на два фронта. Виктор Суворов в нашумевшем «Ледоколе» полагал, что пакт – «самое выдающееся достижение советской дипломатии за всю ее историю... Уже через полторы недели после подписания пакта Гитлер имел войну на два фронта, т. е. Германия с самого начала попала в ситуацию, в которой она могла только проиграть войну (и проиграла). Другими словами, уже 23 августа 1939 года *Сталин выиграл Вторую мировую войну – еще до того, как Гитлер в нее вступил...* В том и заключается гениальность Сталина, что он сумел разделить своих противников и столкнуть их лбами»¹⁰⁷. Член-корреспондент РАН Андрей Сахаров, многие годы возглавлявший Институт отечественной истории, соглашался: «Советско-германские документы августа – сентября

1939 г. по существу увенчались блестящим успехом советской дипломатии и лично Сталина, который осуществлял все руководство дипломатическими усилиями СССР. Столкнув Англию и Францию с Германией в начале сентября 1939 г., Советский Союз обеспечил себе свободу рук по захвату Финляндии, возвращению польских территорий, Прибалтики, Бессарабии. Одновременно была сорвана политика нового Мюнхена, нейтрализована Япония, чей фронт интересов после этого совершенно определенно стал поворачиваться в сторону Юго-Восточной Азии и бассейна Тихого океана»¹⁰⁸.

Критика пакта насчитывает тысячи томов в нашей стране и особенно за рубежом. В качестве его наиболее негативных последствий называют усиление антисоветских тенденций на Западе и снижение международного престижа СССР, подталкивание Германии к войне с Польшей, дезориентацию антифашистских сил и свертывание антигитлеровской пропаганды, возможность для Германии получать советское сырье, попрание ленинских принципов внешней политики, нарушение норм международного права, решение судьбы суверенных стран без их участия, превращение в невоюющего союзника Германии. Что ж, критика имеет под собой основания.

Были ли причины для возмущения у Польши и прибалтийских государств? Безусловно. Их территории, которые войдут в последующие месяцы в состав СССР, не только лишились суверенитета, но и испытали на себе всю строгость революционной законности, знакомой советским людям с 1917 года. Было много трагедий для государств и их граждан. Другой вопрос, если бы эти территории уже в августе 1939 года оказались оккупированы нацистами, им было бы лучше? Экономическое сотрудничество с Германией как мы увидим не носило всеобъемлющего характера и было как минимум обоюдовыгодным, позволило СССР получить многие критические технологии, которые помогут обрести военно-техническое превосходство над Германией уже к середине Великой Отечественной войны. Степень дезориентации коминтерновцев и сворачивания антигерманской пропаганды по линии компартий не следует преувеличивать: они четко ориентировались на Москву и если приглушили разоблачение фашизма, то не сильно.

Международное право к тому моменту превратилось в эвфемизм. Но, строго говоря, секретный протокол не являлся юридическим основанием для каких-либо действий, включая перекройку границ, хотя по факту предрешил судьбу ряда третьих стран. Это было максимально расплывчатое соглашение, которое оставляло простор для самых широких интерпрета-

ций, включая и само понятие «сфера интересов». Для Сталина и Молотова 23 августа линия разграничения интересов означала не новую границу СССР, а в первую очередь ту черту, которую не должен был переступать сапог немецкого солдата в ближайшие дни. Советский Союз вовсе не стал союзником Германии, он вырвал передышку. Сталин ни на миг не поверил Гитлеру – он даже самым близким соратникам не верил. СССР не был виновен в развязывании войны – ее развязали Германия и ее настоящие союзники – Япония и Италия, что и было достоверно установлено Нюрнбергским трибуналом.

Пакт не был безупречным решением, если такие тогда были вообще возможны. Но в тех условиях он был, пожалуй, лучшим из возможных решений. Молотов говорил об этом 31 августа, когда вынес договор на ратификацию в Верховный Совет:

– Политическое искусство в области внешних отношений заключается не в том, чтобы увеличивать количество врагов для своей страны. Разве трудно понять, что СССР проводит и будет проводить свою собственную, самостоятельную политику, ориентирующуюся на интересы народов СССР и только на эти интересы? Если у этих господ имеется уж такое неудержимое желание воевать, пусть повоюют сами, без Советского Союза¹⁰⁹.

«Уродливое детище Версальской системы»

Нападение на Польшу началось в 4.45 утра 1 сентября. По плану «Вайс» Группа армий «Север» генерал-полковника фон Бока прорывалась через «польский коридор», овладевала Данцигом, соединялась с 3-й армией в Восточной Пруссии и стремительно наступала на Варшаву с севера. Еще более мощная группа армий «Юг» фон Рунштедта наносила удар на восток – в сторону Львова и на север – на Варшаву. План блицкрига удался: немецкие войска разрезали польские оборонительные порядки и на сходящихся направлениях устремились к польской столице¹¹⁰.

Германия торопила руководство СССР со вступлением советских войск на польскую территорию, чтобы снять с себя единоличную ответственность за развязывание войны и окончательно испортить отношения Москвы с западными странами. Москва не намерена была выглядеть союзником Берлина и продолжала зондажи в Лондоне и Париже. Англия и Франция объявили состояние войны с Германией, но ни один их солдат

еще не сделал ни шагу. 5 сентября Молотов вручил Шуленбургу памятную записку: «Мы согласны, что в подходящий момент обязательно придется нам начать конкретные действия. Но мы считаем, что этот момент пока еще не назрел»¹¹¹. В тот день польский посол Гжибовский впервые за два месяца соблаговолил дойти до Молотова. Заговорил о торговле, снабжении Польши военными материалами и о транзите военных материалов из других стран через СССР. Молотов подтвердил готовность выполнять торговое соглашение, остальное «маловероятно в данной международной обстановке, когда в войне уже участвуют Германия, Польша, Англия и Франция, а Советский Союз не хочет быть втянутым в эту войну на той или на другой стороне»¹¹².

Вместе с тем темпы наступления вермахта в Польше стали для Кремля (и не только для него) неожиданностью. 8 сентября армия Райхенау вышла к окрестностям Варшавы. Долго отсиживаться не получалось. 9 сентября Риббентроп опять отправил Шуленбурга к Молотову с предложением в спешном порядке «возобновить обмен мнениями о военных намерениях Советского правительства»¹¹³. Предсовнаркома заверил посла:

— Скоро начнем.

В Кремле внимательно продолжали анализировать ситуацию. Подготовленный для Сталина к 10 сентября сводный пакет аналитических документов приводил к выводам: экономически Польша вести войну уже не в состоянии, она потеряла 40 процентов территории, основные промышленные центры и порты. Военное поражение неизбежно. В советском политическом лексиконе появились термин «линия Керзона» и тема украинского и белорусского меньшинств в Польше. Молотов вызвал Шуленбурга и пояснил, что Советскому Союзу нужны две-три недели для подготовки. «Далее Молотов перешел к политической стороне вопроса, заявив, что советское правительство имеет намерение воспользоваться дальнейшим продвижением немецких войск, чтобы заявить, что Польша разваливается на куски и вследствие этого Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и белорусам, которым угрожает Германия»¹¹⁴, — записал Шуленбург. Естественно, такая мотивировка советской позиции была совершенно неприемлема для Берлина.

Запад, как и следовало ожидать, Польше ничем не помог. Польская военная миссия, прибывшая в Лондон 3 сентября, смогла встретиться с начальником английского Генштаба генералом Айронсайдом только 9-го. И узнала об отсутствии у Лондона каких-либо планов содействия Польше¹¹⁵. В ночь на

6 сентября французские войска перешли границы Германии по фронту протяженностью 15 миль на глубину 5 миль с захватом десятка покинутых немецких деревень. Германские войска без боя отошли за «линию Зигфрида». 9 сентября во Франции появилась передовая эскадрилья британских BBC, а на следующий день начали прибывать подразделения английских экспедиционных сил¹¹⁶. К 10 сентября французские вооруженные силы закончили развертывание по штатам военного времени, насчитывавшим около 5 миллионов человек. Сто десяти французским и английским дивизиям на Западе противостояли 23 второсортные германские, имевшие запас боеприпасов на три дня¹¹⁷. Но 12 сентября во французском Абвиле Чемберлен и Даладье пришли к выводу о бесполезности усилий по спасению Польши. Гитлеру не придется снять ни одного солдата с Восточного фронта.

14 сентября Молотов заявил Шуленбургу, что «Красная Армия достигла состояния готовности скорее, чем это ожидалось. Советские действия поэтому могут начаться раньше указанного им во время последней беседы срока»¹¹⁸. Спешить заставляло и то обстоятельство, что в Берлине существовали планы создания подконтрольных Германии государств в Польской Украине и Галиции, если туда не войдут советские войска, чем Риббентроп недвусмысленно шантажировал СССР в телеграмме Молотову от 15 сентября¹¹⁹. В ряде мест наступавшие германские войска уже перешли линию Керзона.

Перед тем как начать движение войск, Кремль проявил большую дипломатическую активность, по максимуму снимая спорные моменты в отношениях с соседями. 3 сентября Молотов предложил Анкаре договориться о «помощи Турции в случае нападения на нее извне в районе проливов или Балкан и об эквивалентной помощи нам со стороны Турции»¹²⁰. Молотов встретился с финским посланником Ирие-Коскиненом и заявил, что «положительно относится к вопросу об улучшении отношений между СССР и Финляндией»¹²¹. Москва признала Словакию.

Но больше всего времени в дни, предшествовавшие вводу войск в Польшу, Молотов уделил... Японии. Важно было поставить точку в войне на Халхин-Голе, одновременно не испортив отношения с китайцами, уверенными в том, что после сближения Москвы с Германией последует сближение и с Японией. 6 сентября Сталин и Молотов телеграфируют: «Слухи о том, что будто бы японцы предложили СССР пакт ненападения и что будто бы ведутся об этом переговоры, лишены всякого основания. Чан Кайши должен знать, что если бы у нас с кем-либо ве-

лись переговоры по вопросам Дальнего Востока, то его первого информировали бы мы»¹²². 9 сентября к Молотову пришел Того, который был наделен полномочиями действовать по собственному усмотрению. Несколько дней шли жесткие споры. «Какое-то время я опасался краха переговоров, – припишет себе заслугу японский посол, – но 16 сентября Молотов внял моим доводам и согласился на прекращение военных действий при сохранении позиций, занимавшихся обеими армиями, а также на создание комиссии по демаркации границы»¹²³.

Теперь Москва готова была действовать на Западе. С начала сентября были предприняты чрезвычайные меры по военной мобилизации. Политбюро приняло решение увеличить РККА на 76 стрелковых дивизий с доведением их общего числа до 173. IV сессия Верховного Совета приняла Закон «О всеобщей воинской обязанности», определявший порядок призыва по мобилизации. Был взят «курс на окончательный отказ от смешанной системы (сочетание регулярных частей с милиционно-территориальными)» и ориентацию «только на кадровую армию»¹²⁴. 3 сентября ПБ задержало на месяц демобилизацию отслуживших свой срок младших офицеров и красноармейцев – это касалось 311 тысяч человек. В ночь на 7 сентября в семи военных округах была поручена директива наркома обороны о проведении скрытой мобилизации под видом «Больших учебных сборов». В тот же день решением Совнаркома вводились в действие мобилизационный план по продфурожному довольствию и план доснабжения РККА вещевым довольствием. Всего будет призвано 2,61 миллиона человек. К двадцатым числам сентября численность Красной Армии превысит 5 миллионов человек¹²⁵.

10 сентября Политбюро утвердило постановление СНК и ЦК, четко разделившее функции Комитета Обороны и Экономсовета. КО по-прежнему возглавлял Молотов, его заместителем становился Вознесенский, членами – нарком ВМФ Кузнецов, Жданов, Микоян, Берия, Кулик, Шапошников и начальник разведывательного управления Проскуров. На Комитет Обороны было возложено снабжение армии и флота вооружением, техникой и автотранспортом, удовлетворение нужд армии по железнодорожным и водным перевозкам. На Экономсовет, который возглавили Микоян в качестве председателя и Булганин – его заместителя, возложили «обеспечение армии и флота продовольствием, вещевым и обозным довольствием, а также социально-ветеринарным и топливным довольствием (горючее) и политпросветительством»¹²⁶.

В 2 часа ночи 17 сентября Шуленбург, Хильгер и военный атташе генерал Кёстринг были приглашены к Сталину, в ка-

бинете которого находились Молотов и Ворошилов. Хильгер рассказывал: «“В шесть часов утра, через четыре часа, – объявил Сталин, – Красная Армия пересечет границу Польши на всем ее протяжении, и Военно-воздушные силы нанесут бомбовые удары восточнее Львова”. Он просил нас немедленно предупредить германские вооруженные силы, чтобы избежать инцидентов. Генерал Кёстринг пришел в возбуждение от столь позднего предупреждения и почти с отчаянием уверял, что времени недостаточно для предупреждения войск в поле. Столкновений между германскими и советскими войсками не удастся избежать. Тем не менее все эти возражения были отмечены Ворошиловым, который сказал с очевидным восхищением от немецких военных успехов, что организационный гений германской армии, конечно, найдет время даже при столь позднем предупреждении, чтобы довести послание до войск»¹²⁷.

Информирование польской стороны было поручено Потемкину. «Послу, поднятому нами с постели в 2 часа ночи и в явной тревоге прибывшему в Наркоминдел в 3 часа, мною была прочитана и затем передана нота т. Молотова, адресованная польскому правительству», – отчитывался замнаркома. В ноте было записано: «Господин Посол! Польско-германская война выявила внутреннюю несостоительность Польского государства... Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, оставались беззащитными. Ввиду такой обстановки Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии»¹²⁸. В 5 утра в движение пришли силы Украинского и Белорусского фронтов, состоявшие из 28 стрелковых и 7 кавалерийских дивизий, 10 танковых бригад и 7 артиллерийских полков. В общей сложности они насчитывали 466 тысяч человек, около 4 тысяч танков, 5,5 тысячи орудий и 2 тысячи самолетов¹²⁹. Польская пограничная охрана была без труда сметена. Прозвучало выступление Молотова по радио:

– Нет больше и Варшавы как столицы Польского государства. Никто не знает о местопребывании польского правительства. Население Польши брошено его незадачливыми руководителями на произвол судьбы. Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. В силу такого положения заключенные между Советским Союзом и Польшей договоры прекратили свое действие. В Польше создалось положение, требующее со стороны советского прави-

тельства особой заботы в отношении безопасности своего государства¹³⁰.

Маршал Рыдз-Смиглы издал приказ: «С Советами не воевать, только в случае натиска с их стороны или попыток разоружения наших частей». Правительство Польши признало, что состояния войны с СССР не было. Москва тоже не объявляла войны Польше. Было решено не отзывать посла и не разрывать отношения¹³¹.

До этого момента Кремль соглашался на «остаточное» Польское государство. Но уже 19 сентября Молотов высказался фактически за его раздел. Для обсуждения вопроса об установлении точной линии разграничения войск 19 сентября в Москву прибыла германская военная делегация. Переговоры велись с Ворошиловым и Шапошниковым. 21 сентября был подписан секретный протокол, в котором устанавливался график отхода немецких войск на запад до линии Нарев – Висла – Сан¹³². В ночь на 22 сентября Красная Армия заняла оставленный поляками Гродно, 6-я кавдивизия приняла у немцев Белосток, а войска 4-й армии – Брест, где состоялся парад советских и германских войск, принятый комбригом Кривошеиным и генералом Гудерианом. Сталин и Молотов предложили пересмотреть сферы интересов, включив в советскую зону Литву и предложив взамен расширить германскую зону на восток до линии Керзона. Риббентроп ответил принципиальным согласием, но изъявил желание вновь приехать в Москву, чтобы самому провести переговоры¹³³.

Все эти тревожные дни Сталин и Молотов следили за реакцией западных столиц. Лондон и Париж предпочли не обострять отношения с Советским Союзом из-за продвижения Красной Армии в Польшу. «Раздавались даже голоса, что оно может быть даже полезно с точки зрения интересов западных держав»¹³⁴. Достаточно спокойной была и американская реакция. Хэлл отмечал: «Хотя русское наступление на Польшу могло быть признано военной акцией, президент и я решили не применять в отношении России Закона о нейтралитете. Не хотели рассматривать Россию как государство, воюющее в равной мере, как и Германия, ибо, поступая так, мы толкнули бы еще больше Россию в объятия Гитлера»¹³⁵.

Риббентроп прибыл в Москву 27 сентября. Его первая встреча со Сталиным и Молотовым началась в 22.00 и продолжалась три часа. Риббентроп был настроен оптимистично:

– С французской стороны войну ведут преимущественно языками. Англичане ведут войну усилиями своего Министерства информации, заслужившего звание «министерства лжи». Если

наши противники захотели бы получить мир, то они могли бы его иметь. Но если нет, то мы подготовились к длительной войне и в состоянии с математической точностью обеспечить победу. Настоящий враг Германии – Англия.

И заявив, что на антибританской основе возможно выстроить долгосрочное германо-советское партнерство, перешел к вопросу о границе, проведя на карте линию:

– Эта линия должна проходить от самой южной оконечности Литвы до Балтийского моря, а именно через всю Литву восточнее Ковно (он останется на советской стороне), дальше восточнее Гродно, включая Белосток.

Сталин подтвердил, что «Советское правительство никогда не имело симпатий к Англии», а «самостоятельная урезанная Польша всегда будет представлять постоянный очаг беспокойства в Европе». Поэтому было бы лучше «оставить в одних руках, именно в руках немецких, территории, этнографически принадлежащие Польше», а земли, населенные в основном украинцами и белорусами, передать Советскому Союзу. И включить в сферу советских интересов Литву. Риббентроп напишет: «Поскольку в этом вопросе русские были весьма настойчивы, я из Кремля поставил о том в известность фюрера. Некоторое время спустя он сам позвонил мне и заявил, явно не с легким сердцем, что согласен включить Литву в сферу советских интересов. При этом он добавил: “Я хотел бы установить совсем тесные отношения”. Когда я сообщил Сталину эту реплику, тот лаконично произнес: “Гитлер свой гешефт понимает”»¹³⁶.

Переговоры в Кремле были продолжены на следующий день. Пригласили Шапошникова, который пришел с кипой географических карт, по которым и шло обсуждение линии окончательного начертания границы. Риббентроп не без борьбы пошел навстречу Сталину и Молотову по всем спорным пунктам и перешел к другим темам: поставки сырья в обмен на высококачественные товары, облегчение транзита нефти и зерна из Румынии, транзитные поставки в Иран, Афганистан, страны Дальнего Востока. Сталин обещал пойти навстречу. После обмена мнениями по Прибалтике, Румынии и Турции гостей пригласили на ужин с советским руководством. Риббентроп вспоминал: «Члены Политбюро, которые нас ожидали и о которых у нас говорили так много фантастического, меня приятно обескуражили; во всяком случае я и мои сотрудники провели с ними вечер в весьма гармоничной обстановке. Данцигский гауляйтер, сопровождавший меня в этой поездке, во время обратного полета даже сказал: порой он чувствовал себя просто “среди своих старых партайгеноссен”. Во время банкета, по

русскому обычаю, произносилось множество речей и тостов за каждого присутствующего вплоть до секретарей. Больше остальных говорил Молотов, которого Сталин (я сидел рядом с ним) подбивал на все новые и новые речи»¹³⁷. Самый курьезный эпизод был связан с тем, что один из прозвучавших тостов был «за нашего наркома путей сообщений товарища Лазаря Кагановича». Риббентропу ничего не оставалось, как поднять и выпить свой бокал¹³⁸.

После «Лебединого озера» в Большом – продолжение переговоров. В час ночи они закончились подписанием семи документов, в том числе двух секретных дополнительных протоколов и доверительного протокола. Договор о дружбе и границе от 28 сентября предусматривал: «Обе стороны признают установленную в статье I границу обоюдных государственных интересов окончательной и устраният всякое вмешательство третьих держав в это решение... Необходимое государственное переустройство на территории западнее указанной в статье I линии производит Германское Правительство, на территории восточнее этой линии – Правительство СССР»¹³⁹. Заметим, договор определял не границу между СССР и Германией, а границу между их «обоюдными государственными интересами» на территории теперь уже бывшей Польши. Она прошла, как и предлагал Наркоминдел, примерно по линии Керзона. Один из секретных протоколов изменял протокол от 23 августа «в п. 1 таким образом, что территория литовского государства включается в сферу интересов СССР, так как с другой стороны Люблинское воеводство и части Варшавского воеводства включаются в сферу интересов Германии»¹⁴⁰. «Фактически без единого выстрела были возвращены исконные русские земли»¹⁴¹, – замечал Чубарьян.

Прощаясь, Риббентроп выразил надежду, что Молотов приедет в Берлин для обмена ратификационными грамотами и что появится случай для встречи между фюрером и Сталиным. После скептического ответа Молотова Сталин заметил:

– Там, где желание, там будет и возможность. Встреча между мною и фюрером желательна и возможна. Если живы будем¹⁴².

29 сентября Риббентроп вылетел обратно в Берлин. 4 октября Молотов и Шулленбург подписали дополнительный протокол к договору о дружбе и границе, где попунктно ее описали. Польша временно исчезла с карты мира. Польское правительство в эмиграции, созданное 30 сентября генералом Сикорским, однозначно квалифицировало договор как четвертый раздел Польши и заявило о борьбе за полное восстановление

независимости и суверенитета Польши в границах на 1 сентября 1939 года¹⁴³. Советскими войсками было взято в плен 454 700 солдат и офицеров Войска польского. Большая часть из них была сразу распущена по домам. В лагерях НКВД оказалось 126 тысяч человек. Политбюро ЦК 2 октября приняло постановление «О военнопленных», согласно которому было организовано несколько лагерей для размещения в них польских граждан, считавшихся военнопленными. Согласно официальному заявлению советского правительства от 14 апреля 1990 года, весной 1940 года было расстреляно 15 131 пленный польский офицер и жандарм¹⁴⁴. Впрочем, детали катынской истории вызывают сомнения у ряда историков¹⁴⁵.

После завершения польской кампании основные усилия советской дипломатии обратились на укрепление позиций в сопредельных регионах и государствах. В конце сентября Советский Союз предложил балтийским странам пакты о взаимопомощи, почти полностью совпадавшие текстуально, предусматривавшие гарантии безопасности и согласие на размещение на их территории советских военных баз и военных формирований. Лидеры Литвы, Латвии и Эстонии пытались найти поддержку сначала в Берлине, затем в Лондоне, Париже и Вашингтоне, но тщетно. Их озабоченность разделила только Финляндия. 24 сентября на Ленинградском вокзале торжественно, с флагами встречали министра иностранных дел Эстонии Карла Сельтера, с которым вечером уже говорил Молотов:

– Советскому Союзу требуется расширение системы своей безопасности, для чего ему необходим выход в Балтийское море. Если вы не пожелаете заключить с нами пакт о взаимопомощи, то нам придется использовать для гарантирования своей безопасности другие пути, может быть, более крутые, может быть, более сложные... Эстония сохранит свою независимость, свое правительство, парламент, внешнюю и внутреннюю политику, армию и экономический строй¹⁴⁶.

Сельтер сопротивлялся как мог, но получил проект договора о взаимопомощи, с которым на следующий день и отбыл на консультации в Таллин. Чтобы подкрепить серьезность советских аргументов, 26 сентября штаб Ленинградского военного округа получил директиву «немедленно приступить к сосредоточению сил на эстонско-латвийской границе»¹⁴⁷. Сельтер вернулся в Москву. Молотов предложил на время войны в Европе держать в Эстонии 35-тысячный советский гарнизон. Эстонцы отказались, тогда в переговоры вступил Сталин, великодушно разрешивший сократить это число до 25 тысяч¹⁴⁸. Несговорчивость пошла на убыль, когда Молотов позволил эстонской

делегации наблюдать в Кремле Риббентропа с его командой. 28 сентября Молотов подписал с Сельтером пакт о взаимопомощи. После подписания Сталин поздравил главу эстонского МИДа: «С вами могло получиться, как с Польшей»¹⁴⁹. А вечером 2 октября в Кремле принимали латвийского министра Мунтерса. Молотов сразу взял быка за рога:

— Хотелось бы с вами поговорить насчет того, как упорядочить наши отношения. Примерно как с Эстонией? Если вы придерживаетесь такого же мнения, то мы могли бы определить принципы. Нам нужны базы у незамерзающего моря.

Мунтерс пытался отбиться, ссылаясь на отсутствие угроз в условиях пакта с Германией. Но Молотов парировал:

— Мы не можем допустить, чтобы малые государства были использованы против СССР. Нейтральные прибалтийские государства — это слишком ненадежно¹⁵⁰.

5 октября Молотов и Мунтерс подписали пакт о взаимопомощи. Латвия предоставила СССР «право иметь в городах Лиепая (Либава) и Вентспилс (Виндава) базы Военно-морского флота и несколько аэродромов для авиации на правах аренды по сходной цене» и гарнизон численностью 25 тысяч человек¹⁵¹. Сложнее всего сложились переговоры с Литвой, хотя у Кремля уже появился такой козырь, как возможность приращения ее территории за счет Виленской области. Перед приехавшим в Москву 3 октября главой литовского МИДа Урбшисом Сталин и Молотов для наглядности развернули большую карту с автографом Риббентропа и просто показали принадлежность Литвы к советской зоне влияния¹⁵². Председатель Совнаркома встречался с Урбшисом пять раз, из них три раза — с участием Сталина. Исход дискуссии решила демонстративная активность Красной Армии на литовской границе, а также угроза — в случае несговорчивости литовской стороны — передать Вильно Белоруссии¹⁵³. 10 октября Молотов и Урбшис подписали договор о передаче Литовской Республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой. Конфиденциальный протокол устанавливал право Москвы держать там «в общей сложности до двадцати тысяч человек наземных и воздушных вооруженных сил»¹⁵⁴.

Москва на этом этапе всячески избегала соблазнов принудительной советизации, при том, что режимы Ульманиса в Латвии, Сметоны в Литве и Пятса в Эстонии характеризовались в Москве как профашистские, антинародные, реакционные. Так, 21 октября Молотов телеграфировал полпреду в Литве Позднякову: «Малейшая попытка кого-либо из вас вмешаться во внутренние дела Литвы повлечет строжайшую кару на виновного.

Имейте в виду, что договор с Литвой будет выполняться с нашей стороны честно и пунктуально»¹⁵⁵. Но очевидно также, что сам факт присутствия советских войск в Прибалтике оказывал влияние на внутриполитическую ситуацию, помогая просоветским силам и сковывая профашистские. Сталин 25 октября скажет Димитрову: «Мы не будем добиваться их советизации. Придет время, когда они сами это сделают»¹⁵⁶. В своем выступлении перед Верховным Советом 31 октября Молотов уделит внимание пактам с прибалтийскими странами:

– Ввиду особого географического положения этих стран, являющихся своего рода подступами к СССР, особенно со стороны Балтийского моря, эти пакты предоставляют Советскому Союзу возможность иметь военно-морские базы и аэродромы в определенных пунктах Эстонии и Латвии, а в отношении Литвы устанавливают совместную с Советским Союзом защиту литовской границы¹⁵⁷.

А вот Западная Украина и Западная Белоруссия советизировались стремительно – под присмотром Хрущева и Пономаренко. Там шло формирование народных собраний, которые примут решения о их вхождении в состав СССР и задачах социалистического строительства – о передаче помещичьих земель крестьянам, национализации банков, крупной промышленности. На первых порах не предусматривались национализация мелкого бизнеса и коллективизация сельского хозяйства. На фоне сообщений прессы о восторженной встрече в этих регионах бойцов Красной Армии шли аресты и высылки представителей «эксплуататорских классов». Избранные 22 октября Народные собрания 27–29 октября провозгласили советскую власть и обратились с просьбой о включении их в состав СССР. 31-го Молотов говорил:

– Нечего доказывать, что в момент полного распада Польского государства наше правительство обязано было протянуть руку помощи проживающим на территории Западной Украины и Западной Белоруссии братьям-украинцам и братьям-белорусам. Оно так и поступило. (Бурные, продолжительные аплодисменты. Депутаты встают и устраивают овацию.) Перешедшая к нам территория Западной Украины вместе с территорией Западной Белоруссии составляет 196 тысяч квадратных километров, а ее население – около 13 миллионов человек, из которых украинцев – более 7 миллионов, белорусов – более 3 миллионов, поляков – свыше 1 миллиона, евреев – свыше 1 миллиона¹⁵⁸.

По докладу Молотова 1–2 ноября Верховный Совет СССР проголосовал за то, чтобы удовлетворить просьбы Народных

собраний о включении в состав СССР. В своем докладе Молотов указал на «три основных обстоятельства, имеющих решающее значение» в новом европейском раскладе сил:

«Во-первых, на смену вражды, всячески подогревавшейся со стороны некоторых европейских держав, пришло сближение и установление дружественных отношений между СССР и Германией. Во-вторых, надо указать на такой факт, как военный разгром Польши и распад Польского государства. Правящие круги Польши немало кичились “прочностью” своего государства и “мощью” своей армии. Однако оказалось достаточно короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем – Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей. В-третьих, следует признать, что вспыхнувшая в Европе большая война внесла коренные изменения во всю международную обстановку. Польше, как известно, не помогли ни английские, ни французские гарантии. До сих пор, собственно, так и неизвестно, что это были за “гарантии”. (Общий смех.) Теперь, если говорить о великих державах Европы, Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны и против заключения мира. Роли, как видите, меняются... Не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война “за уничтожение гитлеризма”, прикрываемая фальшивым флагом борьбы за “демократию”».

Эту фразу, часто инкриминируемую Молотову, трудно назвать удачной. Но следует заметить, что речь шла о бессмысленности ведения войн против идеологии, о чем большевики говорили неоднократно, протестуя против антисоветического крестового похода. (Заметим, кстати, что идеология нацизма и сейчас жива, например, на Украине, в Прибалтике, да и в самой Германии.) Тот контекст, в каком Молотов формулировал свою мысль, проясняет продолжение его выступления:

– В самом деле, никак нельзя назвать борьбой за демократию такие действия, как закрытие коммунистической партии во Франции, аресты коммунистических депутатов французского парламента или урезывание политических свобод в Англии, неослабевающий национальный гнет в Индии и т. п.¹⁵⁹

Договоренности СССР с Германией, мягко говоря, не встретили понимания в западных столицах. Уже в конце сентября в Англии и Франции началась разработка планов боевых действий против СССР, а также бомбардировок бакинских нефте-

промышленных¹⁶⁰. Однако Москва, сохраняя нейтралитет, вовсе не закрыла для себя возможности контактов с Парижем и Лондоном, как и ведения игры на всех остальных шахматных досках. СССР в еще большей степени выступал важнейшим, если не решающим компонентом европейского и мирового баланса сил в уже начавшейся мировой войне. 1 октября Черчилль выступил по радио: «Мы бы предпочли, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях как друзья и союзники Польши, а не как захватчики. Но для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии. Во всяком случае, эта линия существует и, следовательно, создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не посмеет напасть». И дальше он произнес свои знаменитые слова, характеризующие Россию, которые были безобразно переведены в русских изданиях его мемуаров. Я бы их перевел как «загадку, завернутую в тайну внутри головоломки» («riddle wrapped in a mystery inside an enigma»). Меньше известно, что у этого выражения было и продолжение: «А впрочем, у этой загадки, может, и есть отгадка – русские национальные интересы»¹⁶¹.

16 октября Галифакс пригласил Майского и уверил, что «британское правительство хотело бы улучшить англо-советские отношения», и дал понять, что «если бы Гитлер выдвинул какие-либо новые, более приемлемые предложения, британское правительство готово было бы их рассмотреть»¹⁶². Это давало основание Москве рассчитывать на то, что она может быть востребована на дипломатически выгодную посредническую роль. 19 октября Молотов информировал Шуленбурга о беседах Майского с британскими руководителями и задал ему вопрос: «Как нам на это реагировать?»

– Немцы, если говорить прямо, заинтересованы в мире, – ответил Шуленбург. – Но его нельзя выпрашивать у англичан¹⁶³.

В те дни Гитлер готовился атаковать Францию. Фельдмаршал Эрих фон Майнштейн свидетельствовал: «Гитлер собирался вести наступление поздней осенью 1939 года, а когда выяснилось, что это невозможно, – в течение зимы. Каждый раз, когда его “предсказатели погоды”, метеорологи из люфтваффе, обещали хорошую погоду, он отдавал приказ о выдвижении в районы сосредоточения для наступления. И каждый раз этим предсказателям приходилось спускаться со своей лестницы, так как либо проливные дожди делали местность непроходимой, либо сильный мороз и снегопад ставили под вопрос возможность успешных действий танков и авиации»¹⁶⁴.

А германо-советские отношения погрязли в многомесячных торговых переговорах, к которым несколько раз подключались и Молотов, и Сталин. Только в начале 1940 года была согласована формула: срок выполнения советских поставок – 18 месяцев, германских – 32 месяца; в первый год поставки балансируются каждые 6 месяцев, второй – каждые три месяца. Это стало основой для хозяйственного соглашения, подписанного в Москве 11 февраля¹⁶⁵. Соглашение давало возможность СССР задерживать свои поставки при нарушении графика немецких. Что вскоре и произошло: Москва приостановила поставки зерна и нефти из-за задержек с поставками немецкого угля. Микоян возмущался, что с августа 1939 года по март 1940 года СССР направил в Германию товаров на 66,5 миллиона марок, а Германия в СССР – только на 5,5 миллиона марок. 9 апреля Молотов сказал Шуленбургу, что советские хозорганы перестарались, прекратив отгрузки товаров, но они имели для этого основания из-за задержки германских поставок¹⁶⁶. В мае Шуленбург в довольно резкой форме вновьставил перед Молотовым торговые вопросы, добиваясь увеличения поставок нефтепродуктов и снижения цены на них. На возмущение немецкой стороны по поводу продажи ей нефти по цене на 50 процентов выше мировой Молотов ответил, что советские запросы сопоставимы с тем, что немцы запросили за крейсер «Лютцов»¹⁶⁷.

Коктейль Молотова

Сегодня всем в мире известен «коктейль Молотова». Но мало кто знает, откуда взялось это понятие. Оно родилось во время советско-финляндской войны.

В те дни именно Молотов олицетворял для Финляндии Советский Союз: он вел переговоры, заявлял о разрыве отношений. А красноармейцев в финской фронтовой печати нередко называли «солдатами Молотова». Бутылки с бензином использовались бойцами еще во время войны в Испании. Финны решили модернизировать это нехитрое оружие и стали его производить на государственном спиртовом заводе «Алкохолилинике». Там разработали липкую горючую смесь из керосина, бензина и смолы, которую разливали в обычные водочные бутылки. Поначалу к бутылкам привязывали фитили, которые перед броском нужно было поджигать, а потом к горлышку приспособили ампулу с серной кислотой, воспламенявшую смесь¹⁶⁸. Именно это оружие получило название «коктейля для Молотова». В дальнейшем, как нередко бывает, «для» исчезло. Сомневае-

тесь? Вот подтверждение от Черчилля: «Финны мужественно действовали против русских танков, применив новый тип ручных гранат, которые вскоре получили название “молотовский коктейль”»¹⁶⁹.

Граница с Финляндией проходила всего в 32 километрах от Ленинграда, и это, как и отсутствие военно-морской базы, контролирующей вход в восточную часть Балтики, делало положение СССР стратегически уязвимым. В Москве хорошо помнили, как весной 1918 года германское наступление через Финляндию и Прибалтику заставило советское правительство бежать из Петрограда. А осенью 1918 года при поддержке ста кораблей британского флота, базировавшихся в финском Бьёрке, Петроград атаковал Юденич.

Тайные переговоры о военном сотрудничестве с Финляндией начались еще весной 1938 года, но финское руководство отвергло советские предложения как нарушающие нейтральный статус страны¹⁷⁰. В Москве не оставались незамечеными активные военные приготовления Финляндии, на которые тратилась четверть бюджета страны. С помощью зарубежных специалистов, в том числе немецких, активно шло строительство укреплений, военных баз, аэродромов, на Карельском перешейке была создана линия Маннергейма протяженностью в 135 километров и глубиной до 90 километров, насчитывающая более двух тысяч дотов и дзотов.

Переговоры о возможных территориальных обменах и аренде островов на Балтике начались весной 1939 года. Финское правительство выступило против такой сделки, хотя у нее было немало сторонников, которые, как маршал Маннергейм, считали, что «Финляндии было бы выгодно выступить с предложением об отводе от Ленинграда линии границы и получить за это хорошую компенсацию»¹⁷¹. Зато в июле в Хельсинки гостеприимно встречали начальника Генштаба сухопутных войск Германии Франца Гальдера для переговоров о создании баз немецких военно-воздушных сил¹⁷². 5 октября Молотов сделал официальное предложение «о желательности скорейшего приезда в Москву финляндского министра иностранных дел для обсуждения актуальных вопросов советско-финских отношений, особенно имея в виду, что в Европе идет большая война»¹⁷³. Финны немедленно апеллировали к западным столицам. Немцы посоветовали не обострять отношения, западные демократии – занять максимально неуступчивую позицию, что отражало их желание как насолить Москве, так и обострить советско-германские противоречия. 6 октября поступил приказ на развертывание финских войск в приграничных районах и

сосредоточение главных сил на Карельском перешейке; начался призыв резервистов. СССР в долгую не оставался: в Ленинградский военный округ перебрасывались части из внутренних округов, был разработан план военного разгрома Финляндии.

12 октября в Москву прибыла делегация во главе с финляндским посланником в Швеции Юхо Кусти Паасикиви. У президента Каллио, премьер-министра Каяндеря и главы МИДа Эркко нашлись куда более неотложные дела. Сталин и Молотов предложили заключить договор о взаимной помощи, аналогичный тем, что незадолго до этого были подписаны с прибалтийскими государствами. Это предложение было отклонено категорически. Москва сменила тактику. 14 октября Молотов передал Паасикиви меморандум советского правительства, в котором ничего не говорилось о договоре о взаимной помощи, а предлагалось: сдать в аренду на 30 лет порт Ханко и разрешить держать для его охраны до пяти тысяч человек; передать Советскому Союзу прилегающую к Ленинграду часть Карельского перешейка площадью 2761 квадратный километр взамен на «советскую территорию в районе Реболы и Поросозера в размере 5523 кв. км»; усилить пакт ненападения обязательством не вступать в направленные друг против друга группировки и разоружить укрепленные районы на Карельском перешейке¹⁷⁴.

В тот же день, не имея полномочий обсуждать эти вопросы, финская делегация отбыла на родину для консультаций. Переговоры возобновились 23 октября. Финская сторона выразила готовность передать СССР пять расположенных в Финском заливе островов и отодвинуть границу на 10 километров. В тот же день Молотов вручил меморандум, в котором утверждалось, что условия от 14 октября были выставлены «как минимальные»¹⁷⁵. Финские делегаты вновь отбыли в Хельсинки. Англия, Франция, США, Скандинавские страны официально заявили о солидарности с Хельсинки. Германия, занявшая позицию нейтралитета, поддерживала финское упорство военными поставками.

– Можно с уверенностью сказать, что если бы в отношении Финляндии не было внешних влияний, если бы в отношении Финляндии было меньше подстрекательств к враждебной Советскому Союзу политике со стороны некоторых третьих государств, то Советский Союз и Финляндия уже осенью прошлого года мирно договорились бы между собою и дело обошлось бы без войны, – скажет Молотов в марте 1941 года¹⁷⁶.

26 ноября произошел «майнильский инцидент». Как заявило советское правительство, обстрел финской артиллерией нашей территории в районе деревни Майнила привел к гибели красноармейцев. Москва потребовала отвода финских войск

на 20–25 километров от границы, Хельсинки ответил требованиями такого же отвода советских войск – к окраине Ленинграда. 29 ноября Молотов известил финского посла о разрыве дипотношений и выступил по радио:

– Враждебная в отношении нашей страны политика нынешнего правительства Финляндии вынуждает нас принять немедленно меры по обеспечению внешней государственной безопасности¹⁷⁷.

30 ноября 1939 года началась война, которую назовут Финской, или Зимней. «С началом боевых действий в Центре была создана Ставка Главного Военного совета в составе товарищей Сталина, Ворошилова, начальника Генштаба Шапошникова и наркома Военно-Морского Флота Кузнецова... Постоянным и активным участником Ставки являлся Председатель Совнаркома Молотов, хотя он официально и не был членом Ставки»¹⁷⁸, – расскажет Ворошилов. Появилось сообщение о том, что «1 декабря сего года председатель Народного Правительства и министр иностранных дел Финляндии г-н Куусинен обратился в Президиум Верховного Совета СССР с официальным заявлением об образовании Народного Правительства Финляндии и предложил установить дипломатические отношения между Финляндской Демократической Республикой и Советским Союзом». На следующий день Молотов подписал с Куусиненом соглашение о признании¹⁷⁹.

Москва не имела намерений превратить Зимнюю войну в затяжной или более широкий конфликт, но она таковым стала. Имела место классическая недооценка противника. А между тем финские вооруженные силы вместе с обученным резервом насчитывали около 600 тысяч человек. Самолетный парк составлял 145 единиц по финским и 270 – по советским данным, артиллерия – 900 стволов. Изначальная группировка советских войск, выделенная в распоряжение командующего ЛВО командарама 2-го ранга Мерецкова, насчитывала 425 тысяч человек, 1476 танков, 1576 орудий и около 1200 самолетов. Предполагалось добиться быстрого успеха за счет технического превосходства. Но оно свелось на нет зимними условиями – глубокими снегами и нелетной погодой. Наиболее тяжелые бои шли на Карельском перешейке, где 7-й армии удалось только к 12 декабря преодолеть полосу обеспечения и выйти к переднему краю главной полосы линии Маннергейма.

На стороне финнов были государства Оси. Риббентроп писал: «Во время этой войны симпатии очень многих немцев, в том числе и Гитлера, были на стороне финнов»¹⁸⁰. 9 декабря Молотов жаловался Шуленбургу на отправку в Финляндию пя-

тидесяти итальянских истребителей с летчиками через Германию¹⁸¹. 10 декабря Гитлер разрешил поставки оружия в Швецию, чтобы компенсировать то вооружение, которое Стокгольм направлял в Финляндию. Реакция Запада на действия Москвы была тоже предельно негативной. Черчиль подтверждал: «Чувство негодования против Советского правительства, вызванное в то время пактом Молотова–Риббентропа, ныне, под влиянием грубого запугивания и агрессии, разгорелось ярким пламенем. К этому примешивалось презрение по поводу неспособности советских войск и восторженное отношение к доблестным финнам»¹⁸². 2 декабря США ввели «моральное эмбарго» на поставки в СССР авиационной техники и технологий, зазвучали призывы к разрыву дипотношений¹⁸³. 14 декабря СССР стал первой и единственной в истории страной, исключенной из Лиги Наций (Германия и Италия вышли сами).

Но, несмотря на очевидные дипломатические издержки, Москва была настроена довести дело до конца. Молотов ориентировал Майского: «Шайку Маннергейма – Таннера мы ликвидируем, не останавливаясь ни перед чем и невзирая на их пособников и доброхотов. Если же Советский Союз попробуют затянуть в большую войну, то на деле убедятся, что наша страна подготовлена к ней как следует. Будучи вызван на войну, Советский Союз поведет ее до конца со всей решительностью»¹⁸⁴. Зимняя война выявляла большое количество больших и малых просчетов. Большие назовет Stalin: войскам «особенно помешала созданная предыдущей кампанией психология в войсках и командном составе – шапками закидаем. Нам страшно повредила польская кампания, она избаловала нас... Культ традиции и опыта Гражданской войны, с которым надо покончить, он и помешал нашему командному составу сразу перестроиться на новый лад, на рельсы современной войны»¹⁸⁵. Малые называли командующие и бойцы. Не хватало лыж и лыжных палок, валенок, перчаток, свечей, фонарей. Были проблемы с питьевой водой, питанием, мытьем бойцов. Основным преимуществом финнов было наличие автоматического оружия. Мерецков жаловался, что «наша пехота при движении вперед дралась винтовкой против автомата»¹⁸⁶.

В конце декабря 1939 года Ставка Главного командования приняла решение прекратить безуспешные атаки и приступить к наращиванию сил и средств, организации управления войсками. На Карельском перешейке был образован Северо-Западный фронт во главе с командармом 1-го ранга Тимошенко и членом Военного совета Ждановым в составе 7-й (Мерецков) и 13-й (комкор Грендал) армий, усиленных авиацией, артиллерией,

танковыми и инженерными частями¹⁸⁷. К марта действовавшие против Финляндии силы насчитывали 760 тысяч человек. К этому времени в Лондоне и Париже были уже разработаны планы отправки союзных экспедиционных сил на помощь Финляндии, бомбардировок Баку и официального объявления войны Советскому Союзу. Сидс уверял, что ему «лично доставило бы удовольствие объявить это г-ну Молотову»¹⁸⁸. Военные власти Англии и Франции приступили к реализации стратегического плана войны с СССР – на севере и на юге. Для отправки в Скандинавию и Финляндию грузились в первую очередь французские и польские части¹⁸⁹. В Финляндию шла массированная военная помощь. Москву демонстративно покинули послы многих европейских государств. Западные страны прекратили экономическое сотрудничество с СССР. После полицейского налета на наше торговое представительство в Париже Сурица отзвали в Москву. Англичане захватили два советских парохода, шедших во Владивосток с товарами, закупленными в Америке и Китае.

– Все эти враждебные действия со стороны Англии и Франции, – говорил Молотов 29 марта, – проводились, несмотря на то, что Советский Союз не предпринимал до сих пор никаких недружелюбных действий в отношении этих стран. Приписываемые же Советскому Союзу фантастические планы каких-то походов Красной Армии «на Индию», «на Восток» и т. п. – такая очевидная дикость, что подобной нелепой брехне могут верить только люди, совсем выжившие из ума. (Смех.) Дело, конечно, не в этом. Дело, очевидно, в том, что политика нейтралитета, проводимая Советским Союзом, пришлась не по вкусу англо-французским правящим кругам. К тому же нервы у них, видимо, не совсем в порядке. (Смех.) Пора бы этим господам понять, что Советский Союз не был и никогда не будет орудием чужой политики, что СССР всегда проводил и будет проводить свою собственную политику, не считаясь с тем, нравится это господам из других стран или не нравится. (Бурные, продолжительные аплодисменты.)¹⁹⁰

Высадку регулярных войск западных стран в Финляндию упредило советское наступление, начавшееся по новому стратегическому плану. Мерецков писал: «Этот план я докладывал И. В. Сталину, вызвавшему нас со Ждановым. Присутствовали Молотов, Ворошилов, Тимошенко, Воронов и Грендаль. Предложенный план был утвержден. Вечером ужинали у Сталина. Он и Молотов расспрашивали об итогах разведки, уточняли детали плана, освещали политический аспект операции»¹⁹¹. 11 февраля 1940 года начался заключительный этап Финской кампании.

7 марта в Москву прибыла финская делегация. Переговоры с советской стороны вели Молотов, Жданов и Василевский. «Учитывая явную неопределенность, связанную с экспедиционным корпусом, и убежденный в том, что наших сил недостаточно для продолжения борьбы в течение всей весны, 9 марта я посчитал необходимым рекомендовать правительству заключить мир»¹⁹², – писал Маннергейм.

В тот день Советский Союз дружно отпраздновал 50-летие «верного ученика Ленина и соратника вождя народов Сталина – товарища Молотова». Его именем были названы Пермь (к которой он имел минимальное отношение, но его родная Вятка уже носила имя Кирова), гора в Таджикистане, открылось множество посвященных ему музеев, университетов, школ, заводов и т. д. «За выдающиеся заслуги в деле организации Большевистской партии, создания и укрепления Советского государства» его наградили орденом Ленина. Центральный комитет горячо приветствовал «верного соратника Ленина и Сталина, руководителя Советского Правительства»¹⁹³. Поздравления отзвучали, переговоры с финнами продолжились.

12 марта был заключен мирный договор на условиях, которые Молотов предлагал финнам изначально. Но только теперь без каких-либо территориальных компенсаций. Правительство Куусинена самораспустилось. Была ли нужна Финская война? Молотов давал положительный ответ:

– Мы должны были вопрос о безопасности Ленинграда поставить на более надежную основу и, кроме того, должны были поставить вопрос о безопасности Мурманской железной дороги и Мурманска, являющегося единственным нашим незамерзающим океанским портом на Западе... Цель, поставленная нами, достигнута, и мы можем выразить полное удовлетворение договором с Финляндией. (Аплодисменты.)¹⁹⁴

Нередко можно услышать, что затяжной характер Зимней войны породил у Гитлера уверенность в слабости Красной Армии и тем самым подталкивал его к нападению на СССР. На-против. Гитлер писал Муссолини, что «никакая сила в мире не смогла бы, или если бы и смогла, то только после долгих приготовлений, достичь таких результатов при морозе в 30–40 градусов и на такой местности, каких достигли русские»¹⁹⁵. Но оргвыводы в Москве были сделаны: произошла серьезная перестройка и всего хозяйственного механизма, и военного ведомства.

На пленуме ЦК, который проходил 26–28 марта, Молотов выступал с докладом «О перестройке работы Экономсовета», за которым последовало соответствующее решение ПБ. «Мо-

лотов снова становится председателем Экономсовета, а я – на этот раз официально – становлюсь его замом, – вспоминал Микоян. – Меня это не огорчило ни в какой степени, даже не обидело. Я понимал, какая гигантская ответственность налагается в такое время и в таком деле. Было ясно, что предыдущее решение о замене Молотова мною было неправильное»¹⁹⁶. Создавалось шесть хозяйственных советов, объединивших все наркоматы. Совет по оборонной промышленности возглавил Вознесенский, Совет по машиностроению – Вячеслав Малышев, талантливый инженер и организатор; Совет по топливу и энергохозяйству – Первухин, опытный энергетик; Совет по металлургии и химии – Булганин; по товарам широкого потребления – Косыгин; Совет по сельскому хозяйству и заготовкам – Андреев. Все они вместе с председателями Госплана, КСК и ВЦСПС вошли в состав Экономсовета. Через месяц первыми заместителями Молотова в Экономсовете стали Булганин и Вознесенский.

«Хозяйственные советы должны иметь функции оперативного характера, – объяснял Молотов. – Они должны давать распоряжения, обязательные для наркоматов, которыми они ведают. Общая же увязка работы наркоматов должна производиться Экономсоветом, который дает обязательные указания, распоряжения и постановления, касающиеся работы всех хозяйственных наркоматов»¹⁹⁷.

В мае 1940 года Ворошилов был заменен на посту наркома обороны на Семена Тимошенко. В окружении Сталина обратили внимание на заметное его охлаждение к Ворошилову¹⁹⁸. Но формально он пошел на повышение и 24 июля стал заместителем председателя Совнаркома, а также (вместо Молотова) – председателем Комитета Обороны при СНК.

По итогам Зимней войны, отмечал Василевский, «особое внимание обращалось на подготовку войск к действиям в сложных условиях, на штабную подготовку командиров частей и соединений, работников штабов. Увеличилось число учений и маневров»¹⁹⁹. В армии были восстановлены дореволюционные офицерские звания. Был принят новый дисциплинарный устав, восстановлены старые ритуалы и формы приветствия, включая отдачу чести. Освобождены до четырех тысяч арестованных во время чисток военнослужащих, среди них был и полковник Константин Рокоссовский.

Продолжалась военизация производства. Указом Президиума Верховного Совета от 26 июня были запрещены увольнения по собственному желанию, а увольнение за прогулы было заменено уголовной ответственностью. Страна перешла с се-

мичасового на восьмичасовой рабочий день, с «непрерывки» на традиционную рабочую неделю, что сокращало количество выходных в месяц с пяти до четырех. Постановление от 12 октября наделяло руководителей промышленных наркоматов правом переводить рабочих и их семьи с одного предприятия на другое со сменой места жительства²⁰⁰. На шестой сессии Верховного Совета Молотов не только говорил о внешней политике. Он внес на утверждение новую структуру наркоматов и их руководителей, а также предложил изменения в бюджет: военные расходы резко возрастили, доходя до половины его расходной части.

…После подписания мирного договора СССР с Финляндией в Лондоне и особенно в Париже еще долго не могли успокоиться. Завершение подготовки к уничтожению кавказских нефтеразработок «путем неожиданного нападения всеми французскими и английскими военно-воздушными силами» предусматривалось к 15 мая²⁰¹. Однако эти планы стали менее актуальными после того, как германские войска 9 апреля вторглись в Данию и Норвегию. Шуленбург в тот день появился у Молотова и оповестил, «что Англия и Франция решили использовать территорию Северных стран в военных целях против Германии».

– Видимо, Англия слишком далеко зашла в отношении нарушения нейтралитета Норвегии и Дании, – согласился Молотов²⁰².

«Странная война» закончилась. У берегов Норвегии развернулись настоящие бои между английскими и немецкими военно-морскими и военно-воздушными силами. У Москвы, полагаю, не было оснований для расстройства, особенно с учетом того, что исчезли шансы на сговор Германии с Англией и Францией. Тот англо-франко-польский экспедиционный корпус, который должен был воевать с СССР в Финляндии, был высажен в Северной Норвегии, где сражался больше месяца, но потерпел поражение. А затем Гитлер пошел на Запад. 10 мая Шуленбург информировал Молотова о вступлении немецких войск на территорию Бельгии, Голландии и Люксембурга. Предсовмина был немногословен:

– Не сомневаюсь в том, что немецкие войска сумеют защищить Германию. Союзники окажутся в трудном положении²⁰³.

Такой поворот событий окончательно положил конец планам Англии и Франции напасть на СССР, тем более что в тот же день им объявила войну Италия. Сталин и Молотов полагали, что Германия начинает увязать в длительной позиционной войне, и основания для таких надежд были. «Франция обla-

дала самой сильной сухопутной армией и самыми крупными бронетанковыми силами в Западной Европе», – подтверждал генерал Гейнц Гудериан. А линию Мажино он характеризовал как «самый прочный укрепленный рубеж в мире»²⁰⁴. В Англии на место умиротворителя Чемберлена пришел Черчилль, сразу же пообещавший:

– Я могу предложить вам только кровь, тяжелый труд, слезы и пот²⁰⁵.

Но в Париже и Лондоне оказались совершенно не готовы к очередному немецкому блицкригу. 14 мая немецкие танковые части прорвали линию Мажино. Англо-французские соединения были прижаты к Ла-Маншу в районе Дюнкерка и 31 мая с большими потерями эвакуировались в Великобританию. Переосмотр политики западных стран в отношении Москвы быстро встал на повестку дня. Левого лейбориста Криппса решили отправить в СССР в качестве спецпредставителя британского правительства с задачей «испробовать все, что может создать трещину в советско-германских отношениях»²⁰⁶. 25 мая Молотов дал понять, «что поворот в отношениях было бы правильно ознаменовать возвращением в Москву посла с полномочиями вести переговоры». После этого Криппс назначается «чрезвычайным и полномочным послом со специальной миссией». 12 июня в Москву прибыл новый французский посол Лабонн. Через два дня он встретился с Молотовым и заявил о заинтересованности «обменяться мнениями относительно средств защиты европейского равновесия сил, нарушенного французскими военными неудачами». Глава Совнаркома, напомнив исключение СССР из Лиги Наций, поддержку Финляндии, приостановку торговых и политических отношений, заявил, что «позиция Советского Союза определяется договорами, заключенными им с другими странами, и политикой нейтралитета, о которой было заявлено в начале европейской войны»²⁰⁷. Обмен мнениями не исключался.

Криппса Молотов принял 14 июня.

– В Англии теперь новое правительство, и оно имеет другие взгляды на отношения с СССР, – заявил Криппс.

– Поживем – увидим, – ответил Молотов.

Криппс предложил начать улучшение экономических связей. Молотов согласился, но отметил, что препятствия до сих пор чинились именно английской стороной, и указал на задержание англичанами кораблей «Селенга» и «Маяковский».

Москва была не против сотрудничества с Лондоном, но не безоглядно. В своей телеграмме о встрече с Молотовым Криппс писал: «Единственным аргументом, который мог бы побудить

его занять в этот последний час жесткую позицию, было бы ясное, четкое заверение США о сотрудничестве и поддержке»²⁰⁸. Однако администрация Рузвельта подобных заверений предпочла не делать. Кроме того, британская сторона тут же организовала ряд «утечек» о переговорах, которые в сообщениях английской прессы приняли форму обсуждения идеи создания под руководством СССР «пакта между Румынией, Югославией и Турцией» с целью «оказать сопротивление германской и итальянской агрессии на восток». Цель Лондона – стравить Москву с Берлином оставалась неизменной, и ТАСС пришлось давать опровержения²⁰⁹.

22 июня Франция капитулировала. Спешно сформированное правительство Петена подписало в Компьене акт о капитуляции. В Кремле никак не рассчитывали на то, что Франция падет столь стремительно и бесславно. Молотов констатирует:

– Ясно, что дело здесь не только в плохой военной подготовке, хотя эта причина стала общеизвестной. Не малую роль сыграло здесь также то обстоятельство, что французские руководящие круги – не в пример Германии – слишком легкомысленно отнеслись к вопросу о роли и удельном весе Советского Союза в делах Европы. Перед народом Франции стоят теперь тяжелые задачи залечивания ран, нанесенных войной, а затем и задачи возрождения, которое, однако, невозможно осуществить старыми методами²¹⁰.

Рушилась одна из основных установок Сталина и Молотова – на длительное противостояние двух империалистических блоков. Но при этом значение СССР, оставшегося единственным противовесом Германии на континенте, в мировой политике осязаемо выросло. В Лондоне сочли, что настало время попытаться серьезно говорить с Москвой. В утвержденном кабинетом послании британского премьера ключевыми были слова: «В настоящее время проблема, которая стоит перед всей Европой, включая обе наши страны, заключается в следующем: как будут государства и народы Европы реагировать на перспективу установления германской гегемонии над континентом»²¹¹. 1 июля Сталин и Молотов около трех часов разговаривали с Криппсом, что само по себе явилось важным моральным стимулом поддержки англичан в трудную минуту. Суть беседы британский посол удачно суммирует в нескольких фразах: «Сталин полагается на наше господство на морях, способное предотвратить установление Германией господства в Европе, по крайней мере, до тех пор, когда Советский Союз будет подготовлен. Он намерен относиться к нам дружественно и не быть бесполезным в нашей борьбе с Германией при ус-

ловии, если мы также желаем быть полезными доступным для нас образом. Но он не сделает открыто ничего такого, чтобы раздражать Германию в настоящее время или чтобы разорвать свое соглашение с ней»²¹².

Ничто так не раздражало Германию, как сам факт англо-советских переговоров, и поэтому их предварительным условием была полная конфиденциальность. Однако детали встречи со Сталиным, ставшие известным слишком многим в Лондоне, вновь попали в печать. Криппс был в отчаянии. Не дремали и немцы. В начале июля они предали гласности захваченные ими во Франции документы с детальными англо-французскими планами (с участием Турции) нападения на Советский Союз на юге и на севере. Диалог сорвался. Чтобы избежать конфликта с немцами, Кремль решил в общих чертах информировать их о беседе с Криппсом, что Молотов и сделал 13 июля. Шуленбургу была вручена бумага, смысл которой сводился к тому, что Англия относится к Германии как к противнику в войне, тогда как СССР продолжает придерживаться нейтралитета.

События во Франции заставили форсировать решение вопроса с прибалтийскими государствами, где сохранялись правительства, проявившие нелояльность Москве во время советско-финляндской войны и поддерживавшие крепнувшие контакты с гитлеровским руководством. В Балтийской Антанте советские дипломаты видели опасность создания «тайного военного союза между тремя Балтийскими странами, который направлен против СССР»²¹³. 17 мая Молотов информировал Шуленбурга о намерении СССР присоединить балтийские страны и Бессарабию. Хильгер заметил после встречи: «Было очевидно, что советское правительство, обеспокоенное быстрыми успехами Германии во Франции, решило расширить и усилить свои позиции в этом регионе и добиться максимума преимуществ от соглашений с Германией о разделении сфер интересов»²¹⁴.

Первый звонок для прибалтов прозвучал 24 мая, когда Молотов вызвал литовского посла и вручил ему два документа, в которых речь шла о фактах исчезновения советских солдат. 7 июня в Москве принимали литовского премьер-министра Меркиса. Молотов призвал покарать ответственных, а также обвинил литовское правительство в нелояльном отношении к СССР, упомянув Балтийскую Антанту. А 14 июня последовало заявление советского правительства с требованием сформировать правительство, «которое было бы способно и готово обеспечить честное проведение в жизнь советско-литовского Договора», предоставить «свободный пропуск на территорию Литвы

советских воинских частей для размещения их в важнейших центрах Литвы». Ответ ожидался к 10.00 следующего дня.

– Должен ли быть новый кабинет к 10 часам утра 15 июня? – поинтересовался глава МИДа Урбшис.

– Это не обязательно, кабинет можно будет составить позднее. На другой день, например. Но при обязательном условии, что все требования советского правительства будут приняты в срок²¹⁵.

Президент Сметона был полон решимости оказать сопротивление с оружием в руках, но главком генерал Виткаускас отговорил его от этой затеи. Утром 15 июня Урбшис доложил Молотову, что условия Москвы приняты и создается новое правительство во главе с генералом Растикисом. Сметона со свитой перебрался в Германию, временным президентом стал Меркис. В 14.00 16 июня Молотов пригласил латвийского посланника Коуиньша и ознакомил с заявлением правительства, которое почти дословно повторяло то, что читал Урбшис. Ответ ожидался к 23.00 в тот же день.

– Нельзя ли увеличить этот срок? – поинтересовался посол.

– Это не личное заявление Молотова, а заявление советского правительства. Сам я не могу его изменить.

В 14.30 у Молотова был эстонский посланник Рей, который уже понял, о чем пойдет речь еще до того, как прочел заявление, которое повторяло два предыдущих.

– Какие пункты будут заняты советскими войсками?

– Основные города Эстонии, в том числе и Таллин, – проинформировал глава правительства.

– А нельзя ли...

– Нет, нет, нельзя²¹⁶.

10 стрелковых дивизий, 7 танковых бригад и эскадра Балтфлота выдвинулись в Прибалтику. Уполномоченными для ведения последующих переговоров, которые плотно координировались Молотовым, в Латвию и Литву направили его заместителей Вышинского и Деканозова, а в Эстонию – Жданова. В новые правительства были введены симпатизировавшие Советскому Союзу и популярные в своих странах представители левой интеллигенции – ученые, профессура, деятели культуры. Сведущий и наблюдательный современник заметил: «Политика была такая, чтобы назначать таких министров, чтобы видно было, что правительство не из коммунистов, а коммунистов включить побольше в аппарат, особенно на ключевые позиции»²¹⁷. Ничего не говорилось об изменениях в статусе правительства. В начале июля на многолюдных митингах, организованных коммунистами и другими левыми организациями,

прозвучали призывы к объединению с СССР. Далее все прошло по хорошо сейчас знакомому сценарию «цветных революций». Были назначены парламентские выборы, формировались избирательные комиссии с участием большого числа левых деятелей. Выборы завершились полным успехом народных фронтов, которые во всех трех странах набрали более 90 процентов голосов. Молотов докладывал:

– Выборы показали, что правящие буржуазные клики Литвы, Латвии и Эстонии не отражали волю своих народов, что они были представителями только узкой группы эксплуататоров. Мы с удовлетворением можем констатировать, что народы Эстонии, Латвии и Литвы дружно проголосовали за своих представителей, которые единодушно высказались за введение советского строя и за вступление Литвы, Латвии и Эстонии в состав Союза Советских Социалистических Республик. (Бурные аплодисменты.)²¹⁸

23 июня Молотов проинформировал Шуленбурга об ультиматуме Румынии: вернуть Бессарабию и передать СССР – в счет компенсации за самовольный захват ее в 1918 году – северную часть Буковины²¹⁹. В Берлине были в ярости. Риббентроп свидетельствовал: «То, что при этом подлежала оккупации преимущественно населенная немцами Северная Буковина, исконная земля австрийской короны, особенно ошеломило Гитлера»²²⁰. Шуленбург сообщил, что его правительство «признает права Советского Союза на Бессарабию», но возражал по Буковине²²¹. Молотов припоминал: «Немцы мне говорят: “Так никогда же Черновиц у вас не было, они всегда были в Австрии, как же вы можете требовать?” – “Украинцы требуют! Там украинцы живут, они нам дали указание!” – “Это же никогда не было в России, это всегда была часть Австрии, а потом Румынии!” – посол Шуленбург говорит. “Да, но украинцев надо же воссоединить”… Вертелся, вертелся, потом: “Я доложу правительству”. Доложил, и тот (Гитлер) согласился»²²². Чуть позднее Молотов великодушно информировал Шуленбурга, что Москва согласна на присоединение не всей Буковины, а только ее северной части²²³.

26 июня в 10 утра Молотов пригласил к себе румынского посла Давидеску и предложил очистить Бессарабию и Северную Буковину²²⁴. Давидеску попытался получить у Молотова отсрочку, но нарком вручил ему план мероприятий по эвакуации румынских войск и учреждений в четырехдневный срок. Утром 28 июня румынские войска получили приказ короля Кароля II «немедленно, без выстрела, организованным порядком» отойти из Бессарабии и Буковины. Части Красной Армии вступили в Кишинев, Бендера, Черновцы, Хотин.

Молотову было о чем доложить Верховному Совету 1 августа:

– Вхождение прибалтийских стран в СССР означает, что Советский Союз увеличивается на 2 миллиона 880 тысяч населения Литвы, на 1 миллион 950 тысяч населения Латвии и на 1 миллион 120 тысяч населения Эстонии. Вместе с населением Бессарабии и Северной Буковины население Советского Союза увеличится примерно на 10 миллионов человек. (Аплодисменты.) Если к этому добавить свыше 13 миллионов населения Западной Украины и Западной Белоруссии, то выходит, что Советский Союз увеличился за последний год более чем на 23 миллиона населения. (Аплодисменты.) Следует отметить, что $\frac{19}{20}$ всего этого населения входило раньше в состав СССР, но было силой отторгнуто от СССР в момент его военной слабости империалистическими державами Запада²²⁵.

Однако общая оценка мировой ситуации была далека от эйфорической.

– Изменения, произошедшие в Европе в результате больших успехов германского оружия, отнюдь нельзя признать такими, которые уже теперь сулили бы близкую ликвидацию войны. Чтобы обеспечить нужные нам дальнейшие успехи Советского Союза, мы должны всегда помнить слова товарища Сталина о том, что «нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая «случайность» и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох». (Продолжительные аплодисменты.) Если все мы будем помнить об этой святой нашей обязанности, то никакие события нас не застанут врасплох, и мы добьемся новых и еще более славных успехов Советского Союза. (Бурные, долго не смолкающие овации. Все встают.)²²⁶

...Молотов уже давно забыл и не скоро вспомнит, что такое отых. Но Полина отправилась с дочкой на юг. «Полинька, любимая моя! Хотя и жалко, что вы мало пробудете в Крыму, но не скрою, что рад вашему скорому возвращению, что жёнка и дочка скоро будут подле меня. Здесь стоят такие хорошие дни, что не хуже Крыма. Мои дела идут хорошо. Начал новые, важные переговоры с японцами. Надеюсь, может выйти серьезное дело. Вот, к сожалению, не успеваю по-настоящему следить за хозяйственными делами. Но важнейшие из них (в частности, металлургию) стараюсь не выпускать из поля зрения, и, кажется, намечается здесь улучшение. Беспокоюсь за тебя, что тебе не удалось подлечиться и отдохнуть, но слишком ты неспокойный человек. Вот когда у меня будет отпуск, м. б. в будущем году, надо собираться в Сочи на Мацесту. Буду об этом мечтать, по

крайней мере. Жду тебя с нетерпением, чтобы обнять крепко-крепко и целовать тебя всю-всю, мою милую, сладкую, любимую. Твой любящий всем сердцем и всем существом. Веча»²²⁷.

У Гитлера

Гитлер 2 июня и вновь 30 июня заявил, что следующим шагом должна стать операция против СССР, причем уже в 1940 году. Верховное командование вермахта сочло этот срок нереальным, и тогда фюрер назвал другой срок – май 1941 года, с которым военные согласились. 22 июля фон Браухич после совещания у Гитлера дал указание Генштабу сухопутных сил начать разработку плана нападения на Советский Союз. О планах Гитлера – пусть и не в деталях (деталей и не было еще) – в Кремле было известно. В июле 1940 года НКВД получил информацию о строительстве немецких укреплений и аэродромов²²⁸.

Отношения СССР с Германией носили весьма двусмысленный характер. Директивы из Москвы призывали компартии избегать какой-либо солидарности с немецкими оккупантами в занятых ими странах²²⁹. В августе произошел конфликт по поводу второго Венского арбитража: Румыния была вынуждена передать Венгрии Северную Трансильванию с населением в 2,5 миллиона человек, среди которых был миллион румын. Молотов высказал протест – не столько против сути сделки, сколько против полного отстранения СССР от венского решения. Дипломаты в Москве называли этот эпизод первым серьезным конфликтом между Москвой и Берлином после заключения пакта²³⁰. 14 сентября Молотов вручил Шуленбургу ноту с предложением ликвидировать Европейскую Дунайскую комиссию и создать вместо нее новую с участием всех придунайских государств (в том числе и СССР), компетенция которой распространялась бы на весь судоходный участок реки – от Братиславы до Черного моря²³¹. Германия надолго задержалась с ответом.

Ситуация усугубилась предоставлением Германией и Италией гарантий новых румынских границ. «На деле это означало, что Германия провозглашала советско-германскую границу по Пруту и Дунаю северной линией своей сферы влияния на Юго-Востоке Европы. Советский Союз как бы отсекался от Балкан»²³². Неудивительно, что 21 сентября Молотов вызвал Шуленбурга и передал ему меморандум, в котором констатировал факт нарушения Германией пакта о ненападении²³³. В начале октября стало известно, что в Румынии обосновалась германская военная комиссия во главе с генералом Ганзеном, а

также были дислоцированы две дивизии вермахта, официально именуемые «инструкторскими»²³⁴. Понятное беспокойство в Москве вызывало германо-финское соглашение от 12 сентября о пропуске германских войск в Северную Норвегию. Между Берлином и Хельсинки была достигнута договоренность о координации деятельности генеральных штабов и разведок против СССР²³⁵.

27 сентября в Берлине было подписано «Тройственное соглашение» Германии, Италии и Японии. В нем говорилось: «Япония признает и уважает руководящую роль Германии и Италии в установлении нового порядка в Европе... Германия и Италия признают и уважают руководящую роль Японии в установлении нового порядка в Великоазиатском пространстве». В случае нападения на одну из трех стран они будут помогать друг другу «всеми политическими, экономическими и военными средствами»²³⁶. Реакцией Москвы стала анонимная статья в «Правде», черновик которой сохранился в бумагах Молотова²³⁷. Там говорилось: «Если до последнего времени война ограничивалась сферой Европы и Северной Африки – на Западе, и сферой Китая – на Востоке, причем эти две сферы были оторваны друг от друга, то теперь этой оторванности кладется конец, ибо отныне Япония отказывается от политики невмешательства в европейские дела, а Германия и Италия, в свою очередь, отказываются от политики невмешательства в дальневосточные дела». Стратегические планы СССР, рассмотренные Сталиным и Молотовым в сентябре – октябре, а также утвержденные 14 октября «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940–1941 годы», исходили из необходимости готовиться к войне на два фронта: на западе – против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией и Финляндией, а на востоке – против Японии²³⁸. Согласно справке НКВД от 6 ноября, против СССР были сосредоточены уже свыше 85 германских дивизий. Поступили сообщения о том, что «примерно через шесть месяцев Германия начнет войну против Советского Союза»²³⁹.

Это был тот фон, на котором состоялся визит Молотова в Берлин. Приглашение от Риббентропа, которое Шуленбург передал 17 октября, сопровождалось девятнадцатистраничным письмом Сталину, в котором содержались анализ мировой обстановки и предложение договориться о долговременном сотрудничестве. Генсек, не без иронии поблагодарив за «пou-чительное» описание событий на планете, дал добро на поездку Молотова. Директивы он собственноручно набросал 9 ноября

на девяти листах блокнотной бумаги. Вероятно, их обсуждение шло в Волынском, поскольку с 5 по 15 ноября рабочих приемов в Кремле у Сталина не было. Главный посып – «как можно дальше отодвинуть рубежи своей обороны: где путем территориальных приобретений, а где – за счет усиления собственного влияния в прилегающих государствах Восточной и Юго-Восточной Европы»²⁴⁰.

9 ноября все германские радиостанции главной новостью передали официальные сообщения о приезде Молотова в Берлин. Полпредство зафиксировало: «Это известие было воспринято как громадная сенсация. Берлинская биржа реагировала на него почти всеобщим повышением ценных бумаг»²⁴¹. Событие было действительно неординарное. Впервые в истории председатель Совета народных комиссаров СССР отправлялся за рубеж с официальным визитом. Даже отъезд с Белорусского вокзала был обставлен как крупное политическое действие. «На проводы было приглашено много ответственных работников. Среди них был и я, – писал адмирал Кузнецов. – ...Всем бросились в глаза военные, одетые в серые шинели немецкого образца с блестящими золотыми погонами... Толпа гудела, как улей. Не за горами была зима, но вечер выдался тихий, ясный и теплый»²⁴².

Специальный поезд Молотова отъезжал 10 ноября 1940 года в 18.30. В делегацию входили 65 человек, ее сопровождали Шуленбург, его советник фон Вальтер и Шнурре. «Но не успел поезд отойти и десятка метров, как вдруг с резким толчком остановился, – вспоминал известный авиаконструктор Яковлев. – Что такое! Это Шуленбург дважды останавливал состав стоп-краном только потому, что к моменту отхода поезда из посольства ему не доставили... парадный мундир, в котором он собирался выйти из вагона в Берлине. В конце концов, поезд ушел, не дождавшись мундира. Позже мы узнали, что посольскую машину с чемоданами фон Шуленбурга не пропустили на привокзальную площадь, так как она не имела специального пропуска... Кажется, в Вязьме посольские чемоданы благополучно доставили вконец изнервничавшемуся графу»²⁴³.

«Вечером 10 ноября поезд прибыл на советскую границу, – запомнил маршал Василевский. – На приграничной немецкой станции Эйдкунен местные железнодорожные власти долго настаивали на том, чтобы делегация перешла в “специально подготовленный” ими железнодорожный состав. Советская делегация через начальника своего поезда категорически отказалась от этого, так как наш поезд на последней советской станции был уже поставлен на тележки западноевропейского образца»²⁴⁴. Немцы отступили.

Молотов вспоминал: «Почетный караул стоял по всей железной дороге от самой границы до Берлина»²⁴⁵. Этот караул был не столько почетным, сколько обеспечивающим меры безопасности, за которые отвечал начальник немецкой разведки Вальтер Шелленберг. Он напишет: «Меня особенно не беспокоило обеспечение безопасного пребывания Молотова в Берлине, но охрана железнодорожной линии по всей Польше представляла собой трудную проблему. Со стороны поляков всегда можно было ожидать неприятных сюрпризов. Мы знали, что они питали такую же “симпатию” к русским, как и к нам... Был установлен также строгий контроль на границе, а по всей Германии введен тщательный осмотр всех грузов и помещений в гостиницах. Кроме того, мы установили наблюдение за всеми лицами, сопровождавшими Молотова, так как русские неоднократно использовали официальные визиты, чтобы провезти в страну агентов своей секретной службы»²⁴⁶.

Поезд прибыл в Берлин в 11 утра 12 ноября. «К прибытию поезда на Ангальтском вокзале собралось много встречающих, среди которых находились министр иностранных дел гитлеровского рейха Риббентроп и фельдмаршал Кейтель. Был выстроен почетный караул, и оркестр исполнил “Интернационал”»²⁴⁷. Из поезда отправились в резиденцию – замок Бельвю. Переговоры не обещали быть легкими. В тот момент, когда Молотов выходил из поезда, Гитлер подписал Директиву ОКВ № 18, в которой рассматривались ближайшие военные мероприятия в районе Средиземного моря. В ее пятом пункте говорилось: «Политические переговоры с целью выяснить позицию России на ближайшее время начаты. Независимо от того, какие результаты будут иметь эти переговоры, продолжать все приготовления в отношении Востока, приказ о которых уже был отдан ранее устно»²⁴⁸.

Каковы же были цели фюрера, когда он пригласил Молотова? Главное – постараться максимально изолировать СССР накануне нападения на него. Для этого извлекалась не новая идея антианглийского «континентального блока», которая популяризовалась видными немецкими geopolитиками: Науманом, Екшем, Хаусхофером. 4 октября на Бреннерском перевале Гитлер излагал ее Муссолини: «Россию надо направить на Индию или, по меньшей мере, к Индийскому океану, на Балканы, Турцию, чтобы гарантированно спровоцировать конфликт между Москвой и Лондоном»²⁴⁹.

В полдень официальная часть визита началась с беседы с Риббентропом.

– По нашему мнению, – начал Риббентроп, – Германия уже выиграла войну. Никакое государство в мире не в состо-

янии изменить положения, создавшегося в результате побед Германии. Теперь мы переживаем начало конца Британской империи. Я думаю, фюрер выскажет свои принципиальные соображения о целесообразности обмена мнениями о сферах интересов в широких чертах между Японией, Италией, СССР и Германией. Аспирации СССР могут лежать в тех частях Азии, в которых Германия не заинтересована.

Пространно повторив свое письмо к Сталину, он добавил, что интересы Германии лежат в Восточной и Западной Африке, Италии – в Северо-Восточной Африке, Японии – на юге, а у СССР также на юге – к Персидскому заливу и Аравийскому морю. Кроме того, он высказался за пересмотр при участии Турции, СССР, Германии и Италии конвенции Монтрё о статусе Черноморских проливов с обеспечением преимущественного положения СССР, не затрагивающего, по возможности, «лица» Турции. Риббентроп говорил еще о желательности договориться СССР, Германии, Италии и Японии в виде декларации против расширения войны, а также о желательности компромисса между Японией и Чан Кайши²⁵⁰.

Гитлер принимал Молотова в 3 часа дня в новой, мраморной канцелярии, построенной придворным зодчим Альбертом Шпеером именно для того, чтобы поражать зарубежных посетителей. «Гитлеру было по душе, когда гостям и дипломатам приходилось долго брести до его приемной», – писал Шпеер. По пути к рейхсканцлеру Молотову пришлось миновать мраморную галерею, которая была вдвое длиннее Зеркальной залы Версаля. Особое впечатление должна была производить инкрустация на столе: наполовину вынутый из ножен меч: «Пусть дипломаты, сидящие передо мной за этим столом, увидят, поймут и задрожат от страха и почтения»²⁵¹.

«Когда мы вошли, Гитлер был один в кабинете, – вспоминал Бережков, которого фюрер принял за немца из-за его блестящего немецкого языка. – Он сидел за огромным письменным столом над какими-то бумагами. Но тут же поднял голову, стремительно встал и мелкими шагами направился к нам. Мы встретились в середине комнаты. Мы – это Молотов и его заместитель Деканозов, а также Павлов и я – оба в роли переводчиков. Фюрер подал каждому руку. Его ладонь была холодной и влажной, что вызывало неприятное ощущение... Обратившись к Молотову, он пригласил его к низкому круглому столу, вокруг которого стояли диван и кресла»²⁵².

Трудно себе вообразить более разных собеседников, чем Гитлер и Молотов. «Лед и пламень». Генри Киссинджер в своей классической «Дипломатии» пишет: «Невозможно предста-

вить себе двух людей, которые могли бы хуже общаться друг с другом, чем Гитлер и Молотов... Разговаривая с зарубежными лидерами, Гитлер обычно ограничивался страстными заявлениями об общих принципах. В тех немногих случаях, когда он участвовал в реальных переговорах – с австрийским канцлером фон Шушингом или Невилем Чемберленом – он прибегал к задиристой манере и выдвигал непомерные требования, от которых редко отказывался. Молотов, с другой стороны, интересовался принципами меньше, чем их воплощением. И у него не было простора для компромисса»²⁵³.

Вспоминал Молотов: «Гитлер... Внешне ничего такого особенного не было, что бросалось бы в глаза. Но очень самодовольный, можно сказать, самовлюбленный человек. Конечно, не такой, каким его изображают в книгах и кинофильмах. Там бывают на внешнюю сторону, показывают его сумасшедшим, маньяком, а это не так. Он был очень умен, но ограничен и туп в силу самовлюбленности и нелепости своей изначальной идеи. Однако со мной он не психовал. Во время первой беседы он почти все время говорил один, а я его подталкивал, чтобы он еще чего-нибудь добавил»²⁵⁴. Переводчик Гитлера – Шмидт напишет: «Этот коренастый, среднего роста русский, с живыми глазами за старомодным пенсне, все время напоминал мне профессора математики. Причем не только внешне. И в аргументации Молотова, и в его манере говорить присутствовала математическая точность и безукоризненная логика»²⁵⁵.

«Беседа началась с длинного монолога Гитлера, – расскажет Молотов через три дня на заседании Политбюро. – И надо отдать должное Гитлеру – говорить он умеет. Возможно, что у него даже был приготовлен какой-то текст, но фюрер им не пользовался. Речь его текла гладко, без запинок. Подобно актеру, отлично знающему роль, он четко произносил фразу за фразой, делая паузы для перевода»²⁵⁶.

– Хочу попробовать, поскольку это возможно и доступно человеческому разумению, определить на длительный срок будущее наций, чтобы были устраниены трения и исключены конфликты, – делился своими идеями фюрер.

«Гитлер: “Вот вам надо иметь выход к теплым морям. Иран, Индия – вот ваша перспектива”. Я ему: “А что, это интересная мысль, как вы это себе представляете?” Втягиваю его в разговор, чтобы дать ему возможность выговориться. Для меня это несерьезный разговор, а он с пафосом доказывает, как нужно ликвидировать Англию, и толкает нас в Индию через Иран»²⁵⁷. Молотов в течение почти часа выслушивал монолог Гитлера, иногда поддакивая, а затем тоже взял слово:

– Германия в результате соглашений 1939 года получила надежный тыл, что имело большое значение для развития военных событий на Западе, включая поражение Франции. Правильно были также решены вопросы о Литве и Восточной Польше. Советская сторона считает, что Германия выполнила свои обязательства по этому соглашению, кроме одного – Финляндии. В связи с этим хотел бы узнать, остается ли германское правительство на точке зрения имеющегося соглашения? Если говорить о взаимоотношениях на будущее, то нельзя не упомянуть о Тройственном пакте. Хотелось бы знать, что этот пакт собой представляет, что он означает для Советского Союза. В этой связи можно будет также поставить вопрос о Черном море и о Балканах, о Румынии, Болгарии и также о Турции. Далее хотелось бы знать, что понимается под новым порядком в Европе и Азии и где границы восточноазиатского пространства?

«Эти замечания подействовали на Гитлера, словно холодный душ, – рассказывал Молотов. – Он даже весь как-то съежился, и на лице его на какое-то мгновение появилось выражение растерянности. Но актерские способности все же взяли верх, и он, драматически сплетя руки и запрокинув голову, вперил взгляд в потолок»²⁵⁸.

– Тройственный пакт предусматривает руководящую роль в Европе для двух государств в областях их естественных интересов. Советскому Союзу предоставляется указать те области, в которых он заинтересован. То же в отношении Великого восточноазиатского пространства – Советский Союз должен сам сказать, что его интересует. Я предлагаю Советскому Союзу участвовать как четвертому партнеру в этом пакте. Те вопросы, которые Советский Союз имеет по отношению к Румынии, Болгарии и Турции, нельзя решить здесь за десять минут, и это должно быть предметом дипломатических переговоров.

– Советский Союз может принять участие в широком соглашении четырех держав, но только как партнер, а не как объект, – заметил Молотов. – А между тем только в качестве такого объекта СССР упоминается в Тройственном пакте.

«Гитлер (явно повеселевший в конце беседы) предлагает на этом прервать беседу и перенести ее на завтра после завтрака в связи с необходимостью осуществить намеченную на сегодня программу приема до возможной воздушной тревоги»²⁵⁹ – так заканчивается советская запись беседы. Вечером в отеле «Кайзерхоф» Риббентроп устроил прием в честь Молотова. «Мы приехали в роскошный отель, вестибюль которого представлял собой жужжащий улей, – вспоминал Яковлев. – Множество немцев во фраках, смокингах, военных мундирах с орденами

и медалями заполняли зал... Хозяин банкета, мистер Риббентроп, любезно улыбался направо и налево»²⁶⁰. Риббентроп и Молотов обменялись тостами. Владимир Семенов, сидевший за столом рядом с начальником канцелярии Гитлера Мейснером, записал в дневник: «По словам Мейснера, Гитлер очень доволен визитом, и личность Молотова произвела на Гитлера большое впечатление. Через некоторое время для продолжения переговоров предвидится визит Риббентропа в Москву»²⁶¹.

После приема Молотов вернулся в замок Бельвю, где неопытный Бережков приготовился диктовать машинистке запись беседы с Гитлером. Начать не успел.

– Ваше счастье. Представьте, сколько ушей хотело бы услышать, о чем мы с Гитлером говорили с глазу на глаз?

Молотов обвел взглядом стены, потолок, задержался на огромной китайской вазе со свежесрезанными благоухающими розами...

– Я начну составлять телеграмму и передавать вам листки для сверки с вашим текстом. Если будут замечания, прямо вносите в листки или пишите мне записку. Работать будем молча. Понятно?²⁶²

На бумагу ложился плотный текст, который Молотов завершил словами: «Наше предварительное обсуждение в Москве правильно осветило вопросы, с которыми я здесь столкнулся. Пока я стараюсь получить информацию и прощупать партнеров»²⁶³.

В 10 утра 13 ноября Молотов беседовал с рейхсмаршалом Герингом. Речь шла в основном о взаимных поставках²⁶⁴. Следующим по списку был Гесс – заместитель Гитлера по партии. «Я у Гесса тоже был в кабинете с визитом. В центральном комитете партии. Гесс очень скромно себя внешне держал. Скромный такой кабинет, больничный. В геринговском, наоборот, были развешаны большие картины, гобелены... Спрашиваю у Гесса: «Есть ли у вас программа партии?» Знаю, что нет. Как это – партия без программы? «Есть ли у вас устав партии?» Я знаю, что у них нет устава партии. Но я все-таки решил его немного пощупать... Я дальше подкальваю: «А есть ли конституция?» Тоже нет. Но какая высокая степень организации!»²⁶⁵

Вскоре ТАСС сообщил: «Сегодня в 14 часов дня по берлинскому времени рейхсканцлер Германии Гитлер устроил завтрак в честь Председателя Совнаркома СССР и Народного комиссара иностранных дел т. В. М. Молотова. Тов. В. М. Молотов выехал в 13 ч. 45 м. из дворца Бельвю в имперскую канцелярию в сопровождении заведующего протокольным отделом германского министерства иностранных дел г-на Дернберга. Части герман-

ской армии и отряды личной охраны Гитлера, выстроенные у подъезда имперской канцелярии, оказали т. Молотову воинские почести»²⁶⁶.

Молотов вспоминал о застольной беседе с Гитлером: «Он говорит: «Идет война, я сейчас кофе не пью, потому что мой народ не пьет кофе. Мяса не ем, только вегетарианскую пищу, не курю, не пью». Я смотрю, со мной кролик сидит, травкой питается, идеальный мужчина. Я, разумеется, ни от чего не отказывался. Гитлеровское начальство тоже ело и пило. Надо сказать, они не производили впечатление сумасшедших... Когда пили кофе, шел салонный разговор, как полагается дипломатам. Риббентроп, бывший виноторговец, говорил о марках вин, спрашивал о Массандре... Гитлер играл и пытался произвести впечатление на меня. Когда нас фотографировали, Гитлер меня обнял одной рукой...»²⁶⁷

Затем состоялась беседа. Молотов описывал логику переговоров: «А во второй нашей беседе я перешел к своим делам. Вот вы, мол, нам хорошие страны предлагаете, но, когда в 1939 году к нам приезжал Риббентроп, мы достигли договоренности, что наши границы должны быть спокойными и ни в Финляндии, ни в Румынии никаких чужих воинских подразделений не должно быть, а вы держите там войска! Он: «Это мелочи»... «Как же мы с вами можем говорить о крупных вопросах, когда по второстепенным не можем договориться действовать согласованно?» Он – свое, я – свое. Начал нервничать. Я – настойчиво, в общем, я его допек»²⁶⁸.

Переводчик Шмидт отметил, что во второй беседе Молотов стал «очень активным. Вопросы обрушивались на Гитлера один за другим. При мне никто из иностранцев с ним так не говорил». Шмидт считал, что, если бы кто-то другой заговорил с Гитлером подобным образом, фюрер вскочил бы с места и хлопнул бы дверью. Но тут Гитлер был «сама кротость и вежливость», говорил тоном чуть ли не извиняющимся²⁶⁹.

Гитлер:

– Для меня ясно, что эти вопросы ничтожны и смешны в сравнении с той огромной работой в будущем, которая предстоит. Я не вижу, чтобы Финляндия могла причинить большое беспокойство Советскому Союзу. Мы сейчас говорим о теоретической проблеме, в то время как начинает разрушаться огромная империя в 40 миллионов квадратных километров. Когда она разрушится, то останется «конкурсная масса», и она сможет удовлетворить всех, кто имеет потребность в свободном выходе к океану. Нужно будет создать мировую коалицию из стран: Испании, Франции, Италии, Германии, Советского

Союза и Японии. Все они будут удовлетворены этой «конкурсной массой».

Молотов:

– Вы коснулись больших вопросов, которые имеют не только европейское значение. Мне же хочется остановиться прежде на более близких к Европе делах. Без консультации с нами Германия и Италия гарантировали неприкосновенность румынской территории. Эти гарантии были направлены против интересов Советского Союза. В отношении Черноморских проливов нужно сказать, что они не раз являлись воротами для нападения на Россию. Хотел бы знать, что скажет германское правительство, если советское правительство даст гарантии Болгарии на таких же основаниях, как их дала Германия и Италия Румынии, причем с полным сохранением существующего в Болгарии внутреннего режима. Турция знает, что Советский Союз не удовлетворен конвенцией Монтрё в отношении проливов, следовательно, этот вопрос очень актуальный.

Гитлер:

– Я считаю, что вопрос о проливах должен быть решен в пользу Советского Союза. Румыния сама обратилась с просьбой о гарантии, так как в противном случае она не могла уступить части своей территории без войны. Однако как только окончится война, германские войска покинут Румынию. В отношении Болгарии: нужно узнать, желает ли Болгария иметь эти гарантии от Советского Союза и каково будет к этому отношение Италии, так как она наиболее заинтересована в этом вопросе? Я хотел бы лично встретиться со Сталиным, это значительно облегчило бы ведение переговоров. Но надеюсь, что вы все ему передадите.

– С удовольствием передам Сталину²⁷⁰.

«Когда мы прощались, – вспоминал Молотов, – он меня провожал до самой передней, к вешалке... Говорит мне, когда я одевался: “Я уверен, что история навеки запомнит Сталина!” – “Я в этом не сомневаюсь”, – ответил я ему. “Но я надеюсь, что она запомнит и меня”, – сказал Гитлер. “Я и в этом не сомневаюсь”»²⁷¹.

Генри Киссинджер, оценивая эту беседу, приходил к выводу: «Никто и никогда не вел беседу с Гитлером в такой манере, подвергая его перекрестному допросу». И добавлял: «Молотов обладал способностью выводить из себя и куда более стабильных персонажей, нежели Гитлер»²⁷². Вероятно, это объясняет тот факт, что Гитлер не появился на приеме в советском полпредстве, который Молотов дал в 7 часов вечера.

Риббентроп напишет, что прием «был прерван первым серьезным налетом английской авиации на Берлин, и я воспольз-

зовался этим, чтобы пригласить Молотова в мое бомбоубежище на Вильгельмштрассе, где мы просидели вместе довольно долго»²⁷³. Черчиллю тоже был памятен этот момент: «Нам заранее стало известно об этом совещании, и, хотя нас и не пригласили принять в нем участие, мы все же не хотели оставаться в стороне»²⁷⁴.

Бережков запомнил, что позднее «Сталин, шутя, пожурит за это Черчилля:

– Зачем вы бомбили моего Вячеслава?

Но нам, разумеется, было тогда не до шуток.

– Оставаться здесь небезопасно, – произнес Риббентроп. – Давайте спустимся в бункер, там спокойнее...

Он повел нас по длинному коридору к лифту. Спустившись глубоко под землю, прошли в просторный кабинет, тоже убранный достаточно богато. Когда Риббентроп принял с снова развивать мысль о скором крушении Англии и необходимости распорядиться ее имуществом, Молотов прервал его своей знаменитой фразой:

– Если Англия разбита, то почему мы сидим в этом убежище? И чьи это бомбы падают так близко, что разрывы их слышны даже здесь?

Молотов... порой был очень остр на язык»²⁷⁵.

Именно в бомбоубежище, что придавало двусмысленность всей ситуации, Риббентроп зачитал предложение о «пакте четырех», назвав его «мыслями в сыром виде»: правительства государств-участников Тройственного пакта объявят о своем желании привлечь к сотрудничеству другие народы, а СССР – о решении со своей стороны политически сотрудничать с участниками пакта трех. Германия, Италия, СССР, Япония обязуются уважать сферы взаимных интересов, не будут поддерживать группировки, направленные против одной из них, взаимодействовать экономически. К соглашению, заключаемому на десять лет, Риббентроп предлагал добавить секретное приложение, фиксирующее центры тяжести территориальных аспираций договаривающихся сторон:

– Предполагаю, что центр тяжести аспираций СССР лежит в направлении на Юг, то есть к Индийскому океану.

Вновь обратив внимание на проблемы проливов, Болгарии, Румынии, Финляндии, безопасности в Балтийском море как первостепенные, Молотов перешел к «большой сделке».

– Я отвечаю на этот вопрос положительно, но надо договориться. Это большие вопросы завтрашнего дня. С моей точки зрения, их не следует отрывать от вопросов сегодняшнего дня²⁷⁶.

В ночь на четырнадцатое Сталину ушла телеграмма: «Сегодня, 13 ноября, состоялись беседа с Гитлером три с половиной часа и после обеда, сверх программных бесед, трехчасовая беседа с Риббентропом... Похвастаться нечем, но, по крайней мере, выяснил теперешние настроения Гитлера, с которыми придется считаться»²⁷⁷. Утром 14 ноября Молотов покинул Берлин и вечером 15-го прибыл в Москву. Маршал Василевский скажет: «После этой поездки, после приемов, разговоров там ни у кого из нас не было ни малейших сомнений в том, что Гитлер держит камень за пазухой»²⁷⁸. «На перроне собрались почти все наркомы, большое число дипломатов... Выстроился почетный караул... Сняв шляпу, Молотов поздоровался с Микояном, Булганиным, Кагановичем, со своей семьей, наркомами, дипломатами и направился к выходу»²⁷⁹, – записал Чадаев, за несколько дней до этого назначенный Молотовым управляющим делами Совнаркома.

Молотов доложил Сталину личные впечатления от разговора с Гитлером. «Как он терпел тебя, когда ты ему все это говорил?!»²⁸⁰ Состоялось заседание Политбюро с обсуждением итогов визита. Чадаев, записавший ход заседания, обладал такими несомненными достоинствами, как безупречное владение стенографией и умение хранить записи. Рассказав о переговорах, Молотов сделал вывод:

– Главные события лежат впереди. Сорвав попытку поставить СССР в условия, которые связали бы нас на международной арене, изолировали бы от Запада и развязали бы действия Германии для заключения перемирия с Англией, наша делегация сделала максимум возможного. Общей для всех членов делегации являлась также уверенность в том, что неизбежность агрессии Германии против СССР неизмеримо возрастет, причем в недалеком будущем²⁸¹.

Затем слово взял Stalin:

– Ясно одно: Гитлер ведет двойную игру. Готовя агрессию против СССР, он вместе с тем старается выиграть время, пытаясь создать у советского правительства впечатление, будто готов обсудить вопрос о дальнейшем мирном развитии советско-германских отношений... Он был связан договорами с Австрией, Польшей, Чехословакией, Бельгией и Голландией. И ни одному из них он не придал значения и не собирался соблюдать и при первой необходимости вероломно их нарушил. Такую же участь готовит Гитлер и договору с нами. Но, заключив договор о ненападении с Германией, мы уже выиграли больше года для подготовки к решительной и смертельной борьбе с гитлеризмом²⁸².

Вместе с тем Сталин предпочел не переносить свой пессимизм в публичную плоскость и в проекте коммюнике по итогам визита дописал: «Обмен мнений протекал в атмосфере взаимного доверия и установил взаимное понимание по всем важнейшим вопросам, интересующим СССР и Германию»²⁸³.

В Берлине тоже сочли переговоры разочаровывающими. Риббентроп утверждал: «Беседа пошла по не очень-то удовлетворяющему пути и закончилась без всяких решений. От этих бесед с Молотовым у Гитлера окончательно сложилось впечатление о серьезном русском стремлении на Запад»²⁸⁴. В узком кругу Гитлер признал безуспешность его усилий, нацеленных на то, чтобы «привлечь Россию к участию в большой комбинации против Англии». Он объяснил это «исключительно благоприятным международным положением России», так как Германия воевала, а Москва оставалась вне войны, сохраняя нейтралитет²⁸⁵.

Не прошло и недели со дня отъезда Молотова из Берлина, как началось демонстративное расширение Тройственного пакта: 20 ноября Венгрия, 23 ноября Румыния, а 24-го Словакия присоединились к Оси. Численность вермахта на румынской территории неуклонно возрастала. От вступления в Тройственный пакт теперь надо было попытаться удержать Болгарию. 19 ноября Молотов через посла Стаменова предложил пакт о взаимной помощи, включающий гарантии нынешнего режима и удовлетворение территориальных претензий Болгарии к Турции в Восточной Фракии. Об инициативе Молотова стало моментально известно в Берлине. Царь был приглашен Гитлером, который предложил Болгарии присоединиться к расширявшемуся Берлинскому альянсу²⁸⁶. София отдала предпочтение Германии. В ноябре СССР занял мелкие острова в рукавах Килия и Старый Стамбул в устье Дуная, ставя целью поставить под свой контроль навигацию в Килийском гирле – главном русле дельты Дуная. На протест со стороны Румынии последовал совет не омрачать свои отношения с Москвой²⁸⁷.

Сделав ряд демонстративных шагов в сторону Германии, Москва выглядела преисполненной дружелюбия. 20 ноября новым полпредом в Берлине был назначен Деканозов, известный близостью к Сталину. На следующий день в Большом театре состоялась торжественная премьера оперы Рихарда Вагнера «Валькирия» в постановке Сергея Эйзенштейна. Молотов дал согласие удовлетворить заявку Германии на 2,5 миллиона тонн зерна и увеличить размеры компенсации за собственность, потерянную немцами в Прибалтике²⁸⁸. 25 ноября Молотов встретился с Шуленбургом и Шнурре для обсуждения эконо-

мических вопросов, а затем предсвнаркома попросил посла остаться и подтвердил ему готовность принять проект соглашения четырех в духе предложений, которые сформулировал Риббентроп в своем бомбоубежище. Но при следующих условиях: вывод немецких войск из Финляндии как сферы влияния СССР; поддержка Берлином заключения советско-болгарского пакта о взаимопомощи и организации военно-морской базы СССР в районе проливов на основе долгосрочной аренды; признание «центром тяжести аспираций СССР» района к югу от Батума и Баку в общем направлении к Персидскому заливу; отказ Японии от концессионных прав по углю и нефти на Северном Сахалине²⁸⁹.

Следует ли из этого, что Сталин и Молотов предложили Гитлеру союз? Конечно же нет. Условия были неприемлемы для Германии. Гитлер воспринял предложения Молотова как свидетельство стремления СССР «добиваться своих целей и сопротивляться немецким намерениям» (Хильгер), после чего запретил Риббентропу даже отвечать²⁹⁰. На неоднократные напоминания полпредства давался неизменный ответ: Гитлер готовит важные и далекондущие предложения на документ советского правительства. 19 декабря после месячной демонстративной задержки Гитлер принял верительные грамоты Деканозова, заметив, что «переговоры, которые проходили здесь с В. М. Молотовым, теперь, вероятно, будут продолжены в служебном порядке»²⁹¹. Фюрер только не поведал о том, что накануне, 18 декабря 1940 года, подписал директиву № 21 – план, названный почему-то «Барбаросса» (прозвище императора Фридриха I, который в XII веке бесславно погиб в ходе Третьего крестового похода). План гласил: «Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии». Готовность – к 15 мая 1941 года²⁹². В течение двух недель после его подписания план «Барбаросса» стал добычей всех разведок мира, даже тех, которые не были заинтересованы в его получении²⁹³.

Никаких дальнейших переговоров не будет. Решение Гитлера напасть на СССР никак не было связано с дипломатией, которая в данном случае являлась лишь прикрытием. Гальдер записал в своем дневнике 5 декабря 1940 года установку Гитлера: «Русский человек – неполноценен. Весной мы будем иметь явное превосходство в командном составе, материальной части, войсках. У русских все это будет, несомненно, более низкого качества. Если по такой армии нанести мощнейший удар, ее разгром неминуем»²⁹⁴. Поворот Гитлера на Восток во мно-

гом объяснялся тупиком в англо-германской войне, который охарактеризовал в ноябре в беседе с Майским многоопытный Ллойд Джордж: «Война между Англией и Германией – это все равно, что война между акулой и тигром. Им негде сойтись и встретиться в решающей схватке»²⁹⁵. Эта решающая схватка откладывалась до разгрома СССР.

На этом фоне заметными стали усилия со стороны как Москвы, так и Нью-Йорка и Лондона к налаживанию отношений друг с другом. 16 ноября компартия США – не без подсказки из СССР – заявила о том, что прекращает связи с Коминтерном, что должно было хоть немного снизить градус антикоммунистических настроений в стране. 26 декабря на вопрос Штейнгардта, желает ли Москва установления хороших, дружественных отношений с США, Молотов дал «утвердительный ответ». Посол телеграфировал в Вашингтон, что был встречен Молотовым «исключительно сердечно»²⁹⁶. 21 января 1941 года Соединенные Штаты отменили введенное в начале советско-финляндской войны «моральное эмбарго». 27 декабря 1940 года Иден, ставший министром иностранных дел после отставки Галифакса, пригласил Майского и заявил, что между двумя странами нет непреодолимых противоречий в сфере внешней политики²⁹⁷.

После переизбрания Рузвельта на третий срок администрация США в отношении Англии переходила от дружественного нейтралитета к позиции «невоюющего союзника». 17 декабря на пресс-конференции американского президента прозвучало его ставшее широко известным заявление: «Если горит дом соседа, а у тебя есть садовый шланг, одолжи его соседу, пока не загорелся и твой дом»²⁹⁸. 11 марта американский конгресс принял закон о ленд-лизе, позволявший предоставлять помочь любой стране, защита которой жизненно важна для безопасности США. При этом Белый дом отбил попытки исключить СССР из числа возможных стран-реципиентов²⁹⁹.

Напряженность в отношениях с Германией нарастала. 17 января 1941 года Молотов в резкой форме выразил Шуленбургу недовольство отсутствием ответа на его ноту от 25 ноября³⁰⁰. 23 января Шуленбург передал ответ, в котором выражал надежду на возобновление переговоров «в недалеком будущем»³⁰¹. После этого Берлин замолчал. 26 января Молотов получил информацию о предстоящем вступлении немцев в Болгарию. Шуленбург представил это как временную меру для остановки англичан в Греции. Молотов резко выговорил послу. 1 марта, после вступления вермахта в Болгарию, председатель Совнаркома вручил Шуленбургу ноту: «Очень жаль, что... гер-

манское правительство сочло возможным стать на путь нарушения интересов безопасности СССР»³⁰².

Далее на первое место вышла Югославия, которая тоже качнулась в сторону Германии, присоединившись к Тройственному пакту. Это вызвало в стране массовое возмущение, и 27 марта генерал Душан Симович – командующий ВВС Югославии произвел военный переворот, которым дирижировал британский Отдел особых операций³⁰³. Но не только. Судоплатов подтверждал, что «военная разведка и НКВД через свои резидентуры активно поддержали заговор против прогерманского правительства в Белграде. Тем самым Молотов и Сталин надеялись укрепить стратегические позиции СССР на Балканах. Новое антигерманское правительство, по их мнению, могло бы затянуть итальянскую и германскую операции в Греции»³⁰⁴.

Придя в ярость, Гитлер в тот же день подписал директиву № 25 о нападении на Югославию с одновременным вторжением в Грецию. Меж тем в Белграде шли организованные Иосипом Броз Тито демонстрации под лозунгами «За Советский Союз!», «Да здравствуют Сталин и Молотов!». В новых обстоятельствах срочно были приняты меры, чтобы приглушить народный энтузиазм. Молотов немедленно дал инструкции Димитрову... прекратить уличные демонстрации, «иначе англичане воспользуются этим, внутренняя реакция тоже»³⁰⁵. Симовичу было предложено прислать делегацию в Москву для подписания пакта. Она прибыла вечером 4 апреля. В ходе переговоров Сталин и Молотов выступили против военного союза, который немцы обязательно сочли бы откровенной провокацией, и предложили договор о дружбе и ненападении. В ночь на 6 апреля в кабинете главы советского правительства договор (даже без перевода на сербохорватский язык) был подписан Молотовым и послом Гавриловичем.

Импровизированный фуршет завершился к семи утра. Когда довольные югославы покидали Кремль, Гитлер предпринял жесточайшую бомбардировку Белграда³⁰⁶. Шулленбургу были даны инструкции сообщить об операции против Югославии, не упоминая советско-югославское соглашение и объясняя ее мерой по предотвращению сотрудничества Белграда с Лондоном. С этим в 16.00 Шулленбург был у Молотова. Немецкая кампания против Югославии и Греции была стремительной: 10 апреля вермахт занял Загреб, а 13 апреля – Белград. Германия, Италия, Венгрия, Болгария и Албания были награждены югославскими землями, из оставшейся части страны были созданы независимые государства Хорватия и Черногория. «Хотя балканская кампания развивалась сравнительно быстро и

переброски войск, принимавших участие в этой кампании и предназначавшихся теперь для кампании в России, проходили также в быстром темпе, начало нашего наступления на Россию пришлось отложить»³⁰⁷, – сетовал Гудериан. Задержка с реализацией плана «Барбаросса» больше чем на месяц оказалась одним из факторов провала блицкрига. Более того, необходимость перебросить на советские границы войска из Югославии до полной ее зачистки создала условия возникновения постоянного очага войны в тылу у немцев.

Самой серьезной реакцией Москвы на балканские победы Гитлера стало заключение пакта о нейтралитете с Японией. Переговоры о нем Молотов вел с лета 1940 года. После прихода к власти правительства Коноэ новый посол, отставной генерал-лейтенант Татекава, 30 октября встретился с Молотовым и заявил, что Япония желает «сделать прыжок для улучшения отношений», заключив с СССР пакт о ненападении, аналогичный советско-германскому³⁰⁸. Заметим, что пакт с Китаем прямо запрещал Москве это делать. 18 ноября в беседе с японским послом Молотов связал заключение пакта о ненападении с возвращением утерянных Россией после войны 1904–1905 годов Южного Сахалина и Курильских островов. В противном случае речь может идти только о договоре о нейтралитете, и то лишь при условии ликвидации японских концессий на Северном Сахалине³⁰⁹. Татекава же, напротив, предложил Советскому Союзу продать Японии Северный Сахалин. В ответ Молотов отоспал посла к своей речи в Верховном Совете 29 марта, выдержанной в жестких тонах. Вот что говорил тогда премьер:

– На днях один из депутатов японского парламента задал своему правительству такой вопрос: «Не следует ли обдумать, как коренным образом покончить с конфликтами между СССР и Японией, например, посредством покупки Приморья и других территорий». (Взрыв смеха.) Задавший этот вопрос японский депутат, интересующийся покупкой советских территорий, которые не продаются (смех), по меньшей мере, веселый человек. (Смех, аплодисменты.) Но своими глупыми вопросами он, по-моему, не поднимает авторитета своего парламента. (Смех.) Однако если в японском парламенте так сильно увлекаются торговлей, не заняться ли депутатам этого парламента продажей Южного Сахалина. (Смех, продолжительные аплодисменты.) Я не сомневаюсь, что в СССР нашлись бы покупатели. (Смех, аплодисменты.)³¹⁰

На этом все встало. Министр иностранных дел Японии Мацуока следовал из Токио в Берлин и 24 марта 1941 года сделал остановку в Москве, попросив встретиться со Сталиным и Моло-

товым. Мацуока заверил их в своем стремлении улучшить отношения с СССР и предложил заключить пакт о ненападении. Но в Кремле продолжали настаивать на договоре о нейтралитете. В Берлине Гитлер не посвятил Мацуоку в планы нападения на СССР, но не скрыли их от него Риббентроп и Геринг. Токио счел важным обеспечить себе большую свободу маневра. На обратном пути Мацуока вновь остановился в Москве. Последовала неделя войны нервов и жестких переговоров с Молотовым. Вечером 12 апреля после чеховских «Трех сестер» Мацуока прямо из театра был доставлен в Кремль, где его ждал Сталин, который желал заключить договор любой ценой. Того же хотел и Мацуока. Были приложены чрезвычайные усилия, чтобы немедленно получить добро императора. 13 апреля Молотов и Мацуока подписали акт о нейтралитете, декларацию о взаимном уважении территориальной целостности и неприкосновенности границ Монгольской Народной Республики и Маньчжу-Го, а также письмо по вопросам торгового и рыболовного соглашений и ликвидации концессий на Северном Сахалине³¹¹.

Отмечали это дело прямо в кабинете Молотова, который припоминал: «В завершение его визита Сталин сделал один жест, на который весь мир обратил внимание: сам приехал на вокзал проводить японского министра. Этого не ожидал никто, потому что Сталин никогда никого не встречал и не провожал. Японцы, да и немцы, были потрясены. Поезд задержали на час. Мы со Сталиным сильно напоили Мацуоку и чуть ли не внесли его в вагон. Эти проводы стоили того, что Япония не стала с нами воевать. Мацуока у себя потом поплатился за этот визит к нам»³¹². Но для СССР это был крупный дипломатический успех, позволивший избежать войны на два фронта.

Подготовиться к войне

На заседании Политбюро 17 января 1941 года обсуждался народно-хозяйственный план на предстоящий год. Неожиданно Сталин резко обрушился на возглавляемый Молотовым Экономический совет за его «парламентаризм» – слишком частые заседания с большим количеством вопросов – и потребовал передать узкие проблемы в отраслевые хозяйственные советы, а Экономсовет собирать раз в месяц (заметим, что ежедневные заседания Экономсовета были предусмотрены постановлением ПБ от 10 сентября 1939 года³¹³).

– Вот мы в ЦК уже 4–5 месяцев не собирали Политбюро. Все вопросы подготавливают Жданов, Маленков и другие в поряд-

ке отдельных совещаний со знающими товарищами, и дело руководства от этого не ухудшилось, а улучшилось.

Накануне XVIII партийной конференции докладчиком по экономическим вопросам – итогам 1940-го и плану на 1941 год – впервые за десять лет был назначен не Молотов. Теперь это был Вознесенский. После конференции состоялся пленум ЦК, на котором если не главным, то самым громким стал вопрос о Полине Жемчужиной. «Накал эмоций тогда был так силен, что с отлученной от партийного синклита Жемчужиной случился нервный припадок, и Молотову пришлось тут же, в зале заседаний, в окружении любопытствующих делегатов разжимать упавшей в обморок жене зубы, чтобы влить в рот лекарства»³¹⁴. Димитров 20 февраля занес в свой дневник: «Вчерашнее заседание закрытое. (Участвуют только делегаты с решающим и совещательным голосом.) Вывели из состава членов и кандидатов ЦК и ревизионной комиссии ряд людей и пополнили новыми. (Выведены – Литвинов, Меркулов – б. нарком черной металлургии, Жемчужина и др.)... Особое впечатление произвел случай с Жемчужиной. Она выступала неплохо. “Партия меня награждала, поощряла за хорошую работу. Но я увлеклась, мой заместитель (как наркома рыбной промышленности) оказался шпионом, моя приятельница – шпионка. Не проявила элементарной бдительности. Извлекла урок из всего этого. Заявляю, что буду работать до последних своих дней честно, по-большевистски...” При голосовании – один воздержавшийся (Молотов). Быть может, потому, что является ее мужем, вряд ли, однако, правильно это было»³¹⁵.

Хрущев вспоминал этот эпизод: «С конкретными обвинениями в ее адрес выступил Шкирятов – председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б)... Жемчужина выступила на пленуме в свою защиту. Я восхищался ею внутренне, хотя и верил тогда, что Сталин прав, и был на стороне Сталина. Но она мужественно защищала свое партийное достоинство и показала очень сильный характер... И все, конечно, голосовали единогласно за предложение, которое было сделано докладчиком. Воздержался один Молотов. Позднее я часто слышал упреки Молотову и прямо в лицо, и за глаза: осуждали его как члена Политбюро и члена ЦК, который не поднялся выше семейных отношений, до высоты настоящего члена партии, не смог осудить ошибки близкого ему человека. Полагаю, Сталин воспринял это как нелояльность».

Этим дело не кончилось. «Посыпались всяческие “материалы”, – продолжал Хрущев. – Сталин применял низменные приемы, стремясь ущемить мужское самолюбие Молотова.

Чекисты сочинили связь Жемчужиной с каким-то директором, близким Молотову человеком. Тот бывал на квартире Молотова. Вытащили на свет постельные отношения, и Сталин разослал этот материал членам Политбюро. Он хотел опозорить Жемчужину и уколоть, задеть мужское самолюбие Молотова. Молотов же проявил твердость, не поддался на провокацию и сказал: «Я просто не верю этому, это клевета»³¹⁶. Генпрокурор СССР Руденко в 1954 году, определив дело против Жемчужиной как «подлую провокацию, совершенную Берия», скажет, что судьба всех арестованных по нему в 1939 году была трагична. «В результате избиений и пыток Юлия Канель умерла в тюрьме, а Белахов и Слезберг были без суда расстреляны по преступному распоряжению Берия. В 1939 году Надежда Канель была заключена в лагерь»³¹⁷.

В последние минуты работы февральского пленума Сталин предложил расширить состав кандидатов в члены Политбюро: «Теперь в Политбюро старики немало набралось, людей уходящих, а надо, чтобы кто-либо помоложе был бы подобран, чтобы они подучились и были, в случае чего, готовы занять их место». К Берии и Швернику добавились Вознесенский, Щербаков и Маленков³¹⁸. 10 марта Политбюро назначило Вознесенского первым заместителем председателя СНК по Экономсовету. «Было нетрудно заметить, что важнейшие вопросы внутренней политики Сталин все чаще поручает Вознесенскому, отодвигая на второй план Молотова. Молотов чувствовал это, нервничал, раздражался по каждому поводу», – поведал Чадаев³¹⁹.

В это время Молотов стал инициатором очередной крупной реорганизации, целью которой стало повышение оперативности принятия решений. 21 марта были приняты два постановления ЦК и СНК. Одно – «Об организации работы в Совнаркоме СССР» – предусматривало увеличение количества заместителей Молотова с тем, чтобы каждый из них курировал два-три наркомата, обладая при этом правом самостоятельно решать оперативные вопросы по каждому из них. Решения зампредов издавались как распоряжения СНК. Молотов и его первый зам получали новые полномочия: утверждать квартальные планы распределения фондов, кредитные и кассовые планы, месячные планы производства и перевозок. Созданные годом ранее хозяйственные советы упразднялись как ненужное «средостение между народными комиссарами и Совнаркомом СССР».

Вторым постановлением создавалось Бюро Совнаркома – новый орган, наделенный «всеми правами Совнаркома СССР», который должен был собираться каждую неделю или чаще, тогда как СНК в полном составе заседал бы раз в месяц. Решения

Бюро издавались как постановления Совнаркома. Председателем Бюро стал Молотов, членами – Вознесенский, Микоян, Булганин, Берия, Каганович, Андреев. На Бюро была возложена большая доля обязанностей и Комитета Обороны, состав и функции которого сужались, и Экономического совета, который вообще упразднялся³²⁰. В Совнарком перемещался центр принятия важнейших решений, которые по факту уже не требовали утверждения в Политбюро. Очевидно, что все это делалось не для того, чтобы укрепить властные позиции Молотова, а в целях подготовки кресла главы правительства для занятия его самим Сталиным.

28 апреля Сталин направил разгромное письмо, в котором клеймил Бюро СНК за неспособность положить конец тому хаосу, который порождала практика «решения важнейших вопросов хозяйственного строительства путем так называемого “опроса”» (на чем еще недавно сам настаивал). В качестве примера фигурировала виза Молотова на записке Берии по поводу строительства нефтепровода на Сахалине, которая не рассматривалась на Бюро. «Предлагаю обсудить этот вопрос в Политбюро ЦК. А пока что считаю необходимым заявить, что отказываюсь принимать участие в голосовании в порядке опроса по какому бы то ни было проекту, касающемуся более или менее серьезного хозяйственного вопроса, если не будет там визы Бюро СНК, говорящей о том, что проект обсужден и одобрен Бюро СНК СССР»³²¹. Еще один удар по Молотову: в январе ему досталось за прямо обратное – «парламентаризм» и чрезмерное количество заседаний.

Записка имела результат, который Молотов, полагаю, уже мог предсказать. Решением Политбюро от 4 мая он перестал быть главой правительства. В соответствии с первым пунктом председателем Совнаркома назначался Сталин. Второй пункт гласил: «Тов. Молотова В. М. назначить заместителем Председателя СНК СССР и руководителем внешней политики СССР с оставлением его на посту Народного Комиссара по иностранным делам». Заместителем Сталина по Секретариату ЦК становился Жданов. Это решение ПБ выносилось на утверждение пленума ЦК опросом³²². Сталин брал в свои руки все нити власти в предвидении надвигавшейся войны, но представил дело так, как будто был недоволен управлением стилем Молотова.

Джеффри Робертс подводил итоги его премьерства: «Согласно официальной статистике, промышленное производство в 1930-е годы выросло на 850 процентов. Настоящие цифры, вероятно, были несколько ниже, но нет никаких оснований сомневаться в огромных масштабах индустриализации, ре-

зультатом которой стало строительство тысяч заводов, новых плотин, каналов, шоссейных и железных дорог, рост городского населения на 30 миллионов человек. В значительной мере индустриализацией двигало военное производство, и произошло семидесятикратное увеличение производства вооружения за десятилетие, предшествовавшее началу Второй мировой войны»³²³.

7 мая Политбюро утвердило новый состав Бюро Совнаркома под председательством Сталина. Его первым заместителем становился Вознесенский, заместителями Молотов, Микоян, Булганин, Берия, Каганович, Мехлис и Андреев. 15 мая в Бюро добавились Ворошилов и Шверник, 30 мая – Жданов и Маленков. Был ликвидирован Комитет Обороны при СНК, теперь само Бюро Совнаркома выглядело как Комитет Обороны. Таким образом, менее чем за месяц (и непосредственно перед началом войны) Молотов из главы правительства превратился в одного из дюжины его заместителей. Stalin в это время действительно сам занялся повседневными делами правительства, лично проводил заседания. Чадаев, сохранивший свою должность и при новом премье, подтверждал, что «накануне войны заседания Бюро Совнаркома под председательством Сталина проводились регулярно в установленные дни и часы... В дальнейшем он установил порядок, по которому по очереди некоторые из его заместителей вели заседания Бюро Совнаркома. В частности, это поручалось Вознесенскому, Косыгину, Маленкову и Берии»³²⁴. Не Молотову.

В своем фактически инаугурационном выступлении 5 мая Stalin прибег к сравнению тогдашней обстановки с эпохой Наполеоновских войн, говорил о Германии как основном источнике опасности и призывал отказаться от «настроения благодушия и успокоенности, мобилизоваться, проникнуться боевым духом». Свидетели зафиксировали и не попавшее в официальное изложение замечание о неизбежности военного столкновения с Гитлером, а если нарком по иностранным делам и его аппарат «сумеют оттянуть начало войны на два-три месяца – это наше счастье»³²⁵. Речь Сталина, всячески подчеркивавшего наступательную мощь Красной Армии, была и приглашением Берлину за стол переговоров, и вдохновляющим призывом к своим вооруженным силам. Несколько дней спустя в Красной Армии была возвращена фактически дореволюционная форма одежды. Были восстановлены традиционные дипломатические ранги послов и посланников, вместо полпредств появились посольства. 30 мая взамен упраздненного Комитета Обороны была организована постоянная Комиссия по воен-

ным и военно-морским делам при Бюро Совнаркома СССР в составе председателя Сталина, его заместителя Вознесенского и членов – Ворошилова, Жданова и Маленкова. Без Молотова, который более десяти лет КО возглавлял.

…Молотову неоднократно приходилось отвечать на вопрос о готовности СССР к войне.

Экономика страны в предвоенные годы делала рывок в рамках третьего пятилетнего плана. По утверждению Байбакова, за 3,5 года он был реализован по валовой продукции промышленности на 85 процентов (в том числе производство продукции группы «А» составило 90 процентов, группы «Б» – 80 процентов). По сравнению с 1913 годом национальный доход СССР в 1940 году вырос в 5,3 раза, объем произведенной промышленной продукции – в 7,7 раза, в том числе в машиностроении – в 30 раз, в электроэнергетике – в 24 раза, в химической промышленности – в 169 раз³²⁶. «Страна представляла гигантскую строительную площадку, где в среднем каждые сутки вступали в строй по два крупных промышленных предприятия. К началу войны возникло более 360 новых городов, ставших опорными базами индустрии, было введено в действие более 11 тыс. новых крупных заводов и других предприятий, которые давали три четверти всей промышленной продукции страны»³²⁷. Советская экономика уже не была маленькой по любым меркам. Один из самых известных современных теоретиков geopolитики Джон Миршаймер оперирует таким показателем, как сравнительное богатство государств. Если принять за 100 процентов богатство пяти европейских держав, то в 1920 году на Великобританию приходилось 44 процента, Германию – 38 процентов, Францию – 13 процентов, Италию – 3 процента, Советскую Россию – 2 процента. К 1940 году соотношение заметно поменялось: доля Германии составляла 36 процентов, СССР – 28 процентов, Великобритании – 24 процента, Франции – 9 процентов, Италии – 4 процента³²⁸.

Разработка нового мобилизационного плана шла с апреля 1940 года, он был утвержден правительством 12 февраля 1941 года. Количество частей и соединений постепенно доводилось до уровня военного времени. За два предвоенных года численность Красной Армии – без учета частей вне норм – выросла почти в три раза³²⁹. «Что касается профессионального обучения командиров всех степеней, то сотни тысяч их проходили хорошую школу более чем в двухстах военных училищах Красной Армии и Военно-Морского флота, в девятнадцати академиях, на десяти военных факультетах при гражданских вузах, семи высших военно-морских училищах… Накануне войны

на военных кафедрах слушателям преподносилась современная военная теория, в значительной степени учитывавшая опыт начавшейся Второй мировой войны»³³⁰, – писал Георгий Жуков. Как отмечал Мерецков, «вновь назначенные командующие, командиры и начальники штабов в своем абсолютном большинстве обладали высокими качествами; многие из них приобрели опыт в боевых действиях в Испании, на Халхин-Голе и в Финской кампании»³³¹. Насколько лучше справились бы с управлением войсками ре прессированные военачальники времен Гражданской войны – проверить невозможно.

Ассигнования на оборону выросли с 40 миллиардов рублей и 25,6 процента от бюджета страны в 1939 году до 56 миллиардов (32,6 процента) в 1940-м и 71 миллиарда (43,4 процента) – в 1941 году³³². «Перед войной ежегодный прирост продукции всей промышленности равнялся в среднем 13 процентам, а оборонной индустрии – 39 процентам»³³³, – отмечал маршал Тимошенко. К лету 1941 года на Урале, в Поволжье, Западной и Восточной Сибири была размещена почти шестая часть всех военных заводов страны. По некоторым видам вооружения и боеприпасов они производили свыше трети продукции всей оборонной промышленности³³⁴. К 1 июня 1941 года на вооружении у Советского Союза находилось 23 106 танков, из них 18 691, или 80,9 процента, были новыми либо не нуждались в ремонте. «В последние годы широко обсуждалась проблема “устарелости” советских танков в тактико-техническом отношении. При этом, как правило, преувеличивалось качество немецких танков (Т-3), тогда как качество советских танков серии БТ преуменьшалось»³³⁵, – пишет Самуэльсон. Проблема заключалась в другом. Как объяснял Георгий Жуков, «для полного укомплектования новых межкорпусов требовалось 16,6 тысячи танков только новых типов, а всего – около 32 тысяч танков. Такого количества машин в течение одного года практически взять было неоткуда, недоставало и технических, командных кадров»³³⁶. Да и проблемы с качеством тоже были.

Артиллерийские системы ставились на поток в ускоренном порядке. На вооружение была принята БМ-13 – «катюша», что ликвидировало немецкую монополию на системы залпового огня. Мельтихов считает, что «говорить о превосходстве немцев в качестве артиллерии нет никаких оснований. Другое дело, что артиллерийские части вермахта имели боевой опыт и отработанное взаимодействие с другими родами войск на поле боя»³³⁷. В 1940 году производство боеприпасов скачкообразно выросло, составив 43 миллиона снарядов, мин и авиационных

бомб, с января по июнь 1941 года рост их производства составил 66 процентов³³⁸.

К началу войны «Советский Союз по мощности авиазаводов превосходил Германию»³³⁹. В СССР были известны все новинки германского авиапрома. А вот немцы о наших знали далеко не всё. Авиаконструктор Яковлев утверждал: «Для Германии многие наши самолеты были полной неожиданностью. Немцы и не подозревали о наличии у нас таких истребителей, как МиГи, «Лавочкины» и Яки и тем более штурмовиков Ильюшина... В результате решительных, целеустремленных усилий за короткий промежуток времени, всего за полтора года, наша авиация была качественно обновлена. Теперь дело оставалось за количеством... Пока что в Военно-Воздушных Силах подавляющее большинство боевых самолетов было старых марок. Но таких машин имелось у нас много, и это успокаивало»³⁴⁰. У СССР был достойный флот. «Мы имели к 1941 году около 600 боевых кораблей, – писал адмирал Кузнецов. – На разных морях плавало 3 линкора, 7 крейсеров, 59 эсминцев, 218 подводных лодок... На Севере и Дальнем Востоке наш флот был численно невелик, но на Черном и Балтийском морях советские подводные и надводные силы значительно превосходили по своей ударной мощи флоты других государств на этих же театрах»³⁴¹. Существенного качественного превосходства ни по одному из компонентов вооружений у Германии и пришедшей с ней объединенной Европы не было. «Период же с 1939 до середины 1941 года характеризовался в целом такими преобразованиями, которые дали Советской стране блестящую армию и подготовили ее к обороне»³⁴², – полагал Георгий Жуков.

Создавалась система оборонительных сооружений на новых рубежах, которую называли «линией Молотова», – она протянулась примерно на 300 километров западнее прежней границы. На строительстве двадцати новых укрепрайонов трудилось ежедневно 140 тысяч человек. Первые УРы на 45 тысяч человек должны были быть готовы к 1 июля, остальные – на 73 тысячи – в октябре. Строительные организации сталкивались с целым букетом проблем: безумные темпы в условиях изначального отсутствия там складского и подсобного хозяйства, баз горючего, жилья для строителей и советских денег в обращении, при нехватке бетона, леса, колючей проволоки. Отсюда – решение демонтировать старую линию и передвинуть орудия на новую, которое принял Сталин. «К сожалению, хотя чисто строительные работы к началу Великой Отечественной войны были в основном завершены, артиллерийское и инженерное оборудование построенных укреплений не было закон-

чено. Например, только в 35 процентах дотов удалось установить орудия и пулеметы»³⁴³.

Профилактирование «пятой колонны» продолжилось. «20 августа 1940 года Рамон Меркадер ликвидировал Троцкого... Нам удалось не просто обезглавить троцкистское движение, но и предопределить его полный крах»³⁴⁴, – писал Судоплатов. В Западной Украине и Западной Белоруссии, прибалтийских государствах, Молдавии шла ускоренная и жесткая унификация государственного устройства по советским лекалам. С присоединенных территорий шли депортации по классовому признаку, направленные против представителей бывшей элиты.

Могли бы сделать больше для подготовки к войне? Молотов отвечал: «Мы же отменили 7-часовой рабочий день за два года до войны! Отменили переход с предприятия на предприятие рабочих в поисках лучших условий, а жили многие очень плохо, искали, где бы получше пожить, а мы отменили. Никакого жилищного строительства не было, а строительство заводов колоссальное, создание новых частей армии, вооруженных танками, самолетами... Перед войной мы требовали колоссальных жертв – от рабочих и от крестьян. Крестьянам мало платили за хлеб, за хлопок и за труды – да нечем платить-то было!.. На пушки денег не хватало!.. Ну, может быть, на пять процентов больше можно было сделать, но никак не больше пяти процентов. Из кожи лезли, чтобы подготовить страну к обороне, воодушевляли народ: если завтра война, если завтра в поход, мы сегодня к походу готовы!»³⁴⁵

Шла активная морально-политическая подготовка. Литература обратилась к теме защиты Отечества. Кинематограф выдал серию историко-патриотических кинолент, прямо готовивших народ к схватке с беспощадным врагом. С февраля 1939 года Всесоюзное радио регулярно передавало «Военно-исторический календарь», включавший рассказы о полководцах, репортажи из музеев, беседы на исторические темы. Миллионы прошли подготовку в Обществе содействия обороне и авиационно-химическому строительству (Осоавиахим). Широкое распространение получили массовые движения по сдаче норм на оборонные значки.

«Так почему же прозевали немецкое нападение?» – не унимались собеседники Молотова. Разведывательная информация поступала на стол руководства по пяти основным линиям – Разведуправления НКО, Наркомата ВМФ, 1-го управления НКГБ, Наркомата иностранных дел и Коминтерна. Кроме того, перехватом и дешифровкой документов иностранных посольств в

Москве занимался НКВД. Ручеек развединформации в марте превратился в поток. Но при этом донесения напоминали меню, из которого Сталин и Молотов должны были сами делать выводы. Рапорты начальника Разведуправления НКО Голикова фиксировали массовое перемещение войск к советским границам. В них говорилось, что наиболее вероятным сроком начала действий против СССР будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира. Было много информации о наличии в Берлине влиятельных кругов, выступающих против войны, которые заставляли Гитлера склониться к идеи долговременного сотрудничества с СССР.

А как же насчет предупреждений будущих союзников? Уоллес сообщил Уманскому 1 марта, что германские военные планы заключаются в том, чтобы «после достижения победы над Англией» напасть на СССР. Знаменитое предупреждение Черчилля, о котором так много шума, звучало так: «Я располагаю достоверными сведениями от надежного агента, что, когда немцы сочли Югославию пойманной в свою сеть, то есть после 20 марта, они начали перебрасывать из Румынии в Южную Польшу три из своих пяти танковых дивизий. Как только они узнали о сербской революции, это передвижение было отменено. Ваше превосходительство легко поймет значение этих фактов»³⁴⁶. И что нового узнали из этого Сталин и Молотов? Когда Черчилль заговорит об этом письме Сталину во время их первой личной встречи в августе 1942 года, советский лидер с трудом его вспомнит, а потом скажет: «Мне не нужно было никаких предупреждений. Я знал, что война начнется, но я думал, что мне удастся выиграть еще месяцев шесть или около того»³⁴⁷.

Даже самый надежный источник – «Красная капелла» – неоднократно сообщал противоречивые данные о намерениях гитлеровского руководства и сроках начала войны. «Старшина» – старший лейтенант штаба германской авиации Харро Шульце-Бойзен и «Корсиканец» – старший советник Министерства хозяйства Германии Арвид Харнак 4 апреля утверждали, что до начала войны нужно ожидать германского ультиматума. 24 апреля – акция против СССР уступила место удару на Ближнем Востоке. 30 апреля – окончательно решено напасть на СССР. 1 мая – надо ждать ультиматума, который поможет немцам прояснить перспективы их кампании на Ближнем Востоке. 11 мая – предъявлению ультиматума будет предшествовать война нервов. 14 мая – нападение на СССР отложено. 9 июня – будет ультиматум, нападение отложено до середины июня. 11 июня – решение о нападении принято. 16 июня – все

готово к нападению³⁴⁸. «Можете послать ваш источник к е... матери. Это не источник, а дезинформатор»³⁴⁹, – не без оснований начертал Сталин 17 июня Меркулову. Столь же противоречивой была и информация от двойного агента Рихарда Зорге, работавшего в германском посольстве в Японии. Советской разведке не удалось раздобыть ни одного документа о намерениях Германии в отношении СССР. Информация во многом строилась на слухах и отражала реальные колебания в настроениях разных кругов берлинского руководства и распространяющую им дезинформацию.

Развертывание немецких войск было произведено в последние предвоенные недели. Разведуправление НКО еще 1 июня располагало сведениями о сосредоточении 42,6 процента германских дивизий против Англии и 41,6 процента – на Востоке, что оставляло поле для интерпретаций немецких намерений (к 22 июня против СССР будут развернуты 62 процента дивизий вермахта). В последний месяц перед нападением на границу было переброшено больше половины группировки, пехотные подразделения начали выдвигаться за 12 дней, танковые и моторизованные – за 4 дня до нападения, а все подготовительные мероприятия завершились в ночь на 22 июня³⁵⁰. О начале войны и сроке нападения (а он неоднократно менялся) невозможно было знать раньше Гитлера, который, как свидетельствовал Кейтель, «окончательную дату перехода границы всегда откладывал на самый последний момент»³⁵¹. Только 17 июня Гитлер подписал окончательный приказ о нападении на СССР – 22 июня в 3.15 по берлинскому времени, а 18 июня информация была доведена до командного состава. Муссолини узнал, что он тоже участвует в войне, лишь 22 июня из письма фюрера.

Разведка показала, что Германия интенсивно, планомерно и всесторонне осуществляла подготовку к нападению на СССР. Но стратегический замысел германского командования средствами разведки не был выявлен, оперативные планы остались неизвестными. Состав вооруженных сил Германии и ее группировки на Востоке достоверно установить тоже не получилось. Реальных оснований для принятия безошибочных решений у Сталина и Молотова не было.

– Оттягивали, а в конце концов и прозевали, получилось неожиданно, – говорил Молотов. – Я считаю, что на разведчиков положиться нельзя. Надо их слушать, но надо их и проверять. Когда я был предсновнаркома, у меня полдня ежедневно уходило на чтение донесений разведки. Чего там только не было, какие только сроки не назывались! И если бы мы поддались, война могла начаться гораздо раньше³⁵².

Просчет Кремля заключался и в том, что там Гитлера и его команду считали высокопрофессиональными руководителями, просчитывающими все последствия своих действий. В Москве не могли, например, предположить, что можно начать войну с СССР, не производя машинного масла, пригодного для использования в холодном климате, или теплой зимней одежды. Советская разведка сбилась с ног, добывая по всей Европе сведения о начале производства такого масла или овчинных тулупов. Но их не производили! Вообще не могли понять, как Гитлер собирался выигрывать войну. Похоже, он и сам был не в курсе. «Мы не знаем, какая сила стоит за теми дверями, которые мы собираемся распахнуть на Востоке»³⁵³, – сказал он Риббентропу. Разведкой фюрер вообще не заморачивался. Он не воспринимал СССР как серьезную силу, что само по себе опровергает его версию о «превентивном ударе». Как обычно бывало в истории, Россию и ее руководство недооценили. Решение Гитлера напасть на СССР стало его самой роковой ошибкой.

Просчет по срокам, неполная отмобилизованность? «Да, просчет, – признавал Молотов. – Но июнь один уже прошел. Июнь 40-го прошел, и это настраивало на то, что пройдет и июнь 41-го... Мы делали все, чтобы оттянуть войну. И нам это удалось – на год и десять месяцев. Хотелось бы, конечно, больше. Stalin еще перед войной считал, что только к 1943 году мы сможем встретить немца на равных»³⁵⁴. Однако все понимали, что этот срок для подготовки стране не был отпущен. Степень мобилизационной готовности войск была высокой. 8 марта Политбюро утвердило постановление о призывае на военные сборы 975 тысяч человек под видом «больших учебных сбров». 12 мая Жуков и Тимошенко были приглашены на встречу со Сталиным и Молотовым. После нее началось выдвижение к западной границе 16, 19, 21 и 22-й армий, готовилось выдвижение 20, 24 и 28-й армий. Всего на Западный театр военных действий из Северо-Кавказского, Приволжского, Уральского, Харьковского, Забайкальского военных округов выдвигалась 71 дивизия. 19 июня был дан приказ вывести полевые командные пункты фронтовых управлений Прибалтийского, Западного и Киевского особых военных округов, маскировать аэродромы, воинские части, парки, склады и базы, рассредоточить самолеты на аэродромах³⁵⁵.

Так, может, Москва действительно готовилась первой начать войну?

– Такой план мы не разрабатывали, – утверждал Молотов.

– Но тогдашняя официальная доктрина была: воевать будем на чужой территории, малой кровью.

– Кто же может готовить такую доктрину, что, пожалуйста, приходите на нашу территорию и, пожалуйста, у нас воюйте?³⁵⁶

Мнение о том, что СССР готовил превентивную войну против Германии, первым высказал Гитлер в обращении к армии 22 июня 1941 года. Но в немецком Генштабе не только не предсказывали превентивного удара, но даже сожалели, что «русские не окажут нам услугу наступления»³⁵⁷. Гитлер в принципе не мог превентивно отвечать на опасность, о существовании которой ни он, ни его военные даже не подозревали. Фельдмаршал Манштейн подтверждал: «22 июня 1941 года советские войска были, бесспорно, так глубоко эшелонированы, что при таком их расположении они были готовы только для ведения обороны»³⁵⁸.

– Мы знали, что война не за горами, что мы слабей Германии, что нам придется отступать, – рассказывал Молотов. – Весь вопрос в том, докуда нам придется отступать – до Смоленска или до Москвы, это перед войной мы обсуждали. Мы знали, что придется отступать, и нам нужно иметь как можно больше территории³⁵⁹.

Сталин и Молотов не готовили превентивную войну. Может быть, зря. К июню советские вооруженные силы обладали огромным потенциалом. В них служило 5 миллионов 774 тысячи человек. В сухопутных войсках имелось 303 дивизии, на вооружении находились 117 581 орудие и миномет, 25 786 танков и 24 488 самолетов. Из этих войск в пяти западных приграничных округах на 22 июня были размещены 174 расчетные дивизии, составлявшие 56,1 процента сухопутных войск (3 миллиона 262 тысячи человек), 59 787 орудий и минометов, 15 687 танков и 10 743 самолета³⁶⁰.

Вермахт на тот момент справедливо считался сильнейшей военной силой на планете. На 15 июня в нем служили 7 миллионов 329 тысяч человек, и он располагал 208 дивизиями. На его вооружении насчитывалось 88 251 орудие и миномет, 6292 танка и самоходных орудия, 6852 самолета. В состав «Восточной армии» всего были выделены 3 миллиона 300 тысяч человек в составе 155 расчетных дивизий сухопутных войск и войск СС – 73,5 процента от их общего количества, 650 тысяч военнослужащих ВВС и 100 тысяч – ВМФ. Всего – 4 миллиона 50 тысяч человек. Еще 870 тысяч человек выделили союзники Гитлера: Румыния – 380 400, Финляндия – 340 600, Италия – 61 900, Венгрия – 44 500, Словакия – 42 500, Хорватия – 1600. К 22 июня силы Германии и ее союзников, уже развернутые на границе с СССР, насчитывали 4 миллиона 329 тысяч человек, 166 расчет-

ных дивизий, 42 600 орудий и минометов, 4364 танка и самоходных орудия, 4795 самолетов³⁶¹.

Заказы вермахта были размещены на 4876 зарубежных предприятиях, в том числе 271 польском, 268 датских, 275 норвежских, 640 голландских, 1980 бельгийских, 1442 французских. Кроме того, в распоряжение вермахта перешло вооружение 30 чехословацких, 34 польских, 92 французских, 12 английских, 22 бельгийских и 9 голландских дивизий, огромные запасы военного снаряжения и боеприпасов. В Германии с Австрией проживали 76 миллионов человек, в союзных ей государствах Европы – 78 миллионов и в оккупированных немцами странах – еще 129 миллионов. Всего – 283 миллиона человек. Население СССР составляло 191 миллион³⁶².

До последней минуты Сталин и Молотов вели дипломатическую игру, главной целью которой было предотвращение войны, а не ее провоцирование. С целью усадить немцев за стол переговоров или заставить их отказаться от идеи нападения на СССР демонстрировался и кнут, и пряник. В марте – апреле немецким представителям была предоставлена возможность ознакомиться с пятью авиационными заводами в Москве, Рыбинске и Молотове, чтобы произвести на них впечатление масштабами производств и качеством продукции. Москва активно распространяла слухи, что в случае нападения на СССР Берлин будет подвергнут бомбардировке с применением химического и бактериологического оружия.

К числу пряников относилось продолжавшееся торгово-экономическое сотрудничество. В общем объеме германского импорта доля СССР составила в 1940 году 7,6 процента, а в первой половине 1941 года – 6,3 процента, экспорта – 4,5 процента и 6,6 процента соответственно. Среди импортеров в Германию Советский Союз занимал пятое место – после Италии, Дании, Румынии и Голландии. Во много раз больший объем товаров проходил через советскую территорию транзитом, что, помимо прочего, должно было снизить стимулы для нападения на Советский Союз³⁶³. Бережков, работавший первым секретарем полпредства в Германии, подтверждал: «Мы получили от немцев самый современный для того времени крейсер “Лютцов”, однотипный с крейсером “Принц Евгений” – оба эти корабля германский флот строил для себя. Кроме того, нам передали рабочие чертежи новейшего линкора “Бисмарк”, 30 боевых самолетов, среди них – истребители “Мессершмитт-109” и “Мессершмитт-110”, пикирующие бомбардировщики “Юнкерс-88”, образцы полевой артиллерии, новейшие приборы управления огнем, танки и формулу их брони, взрывные устройства. На-

ряду с этим Германия обязалась поставлять нам оборудование для нефтяной и электропромышленности, локомотивы, турбины, дизель-моторы, торговые суда, металлорежущие станки, прессы, кузнечное оборудование и другие изделия для тяжелой промышленности»³⁶⁴. Заметим, такие товары не продавались в СССР западными странами. Постоянное посещение германских предприятий советскими военно-техническими комиссиями позволили Москве получить весьма адекватные оценки состояния немецкого ВПК. Германия получала сырье, которое быстро расходовала. СССР приобрел станки и оборудование, которые работали на Победу все четыре года войны. Поддержание экономических связей позволяло до конца сохранять и дипломатический диалог.

Свою игру вел Шуленбург, который представлял ту часть германской верхушки, которая в бисмарковской традиции больше желала помешать англосаксонскому блоку захватить власть над Европой, чем воевать с Россией. Он развернул собственное мирное дипломатическое наступление, попытавшись подвигнуть Сталина к установлению в инициативном порядке личного контакта с Гитлером. Поскольку в Москве демарши Шуленбурга восприняли как исходящие от официального руководства, им было уделено повышенное внимание, что только еще больше дезориентировало Кремль в отношении планов фюрера. Шуленбург трижды встречался с Деканозовым – 7, 9 и 12 мая. На последнем завтраке Деканозов заявил о согласии Сталина и Молотова направить личное письмо Гитлеру. Ввиду отъезда Деканозова в тот день в Берлин Молотов и Шуленбург совместно набросали текст письма³⁶⁵.

Одновременно делались шаги, которые должны были продемонстрировать Берлину нежелание идти на конфронтацию. Были разорваны отношения со всеми эмигрантскими правительствами, разместившимися в Лондоне. В конце апреля произошел обмен послами с вишистской Францией. В середине мая Германию уведомили о желании Сталина приехать в Берлин для переговоров о присоединении к Тройственному пакту³⁶⁶. В отчете о встрече с Молотовым 22 мая Шуленбург продолжал внушать Берлину мысль, что «две решающие фигуры в Советском Союзе» проводят политику, которая «прежде всего направлена на то, чтобы избежать конфликта с Германией»³⁶⁷.

10 июня берлинское радио сообщило о полете Рудольфа Гесса в Англию. Он сам управлял самолетом и, спрыгнув с парашютом, приземлился поблизости от имения герцога Гамильтона, с чьей помощью намеревался свергнуть правительство Черчилля и добиться установления мира³⁶⁸. Полет Гесса вызвал

в Кремле серьезные опасения англо-германского замирения или даже сговора. Молотов рассказывал известному писателю Ивану Стаднюку:

— Когда мы со Сталиным прочитали об этом, то прямо ошалели! Это же надо! Не только сам сел за управление самолетом, но и выбросился с парашютом, когда кончился бензин. Его задержали близ имения какого-то герцога, и Гесс назвал себя чужим именем. Чем не подвиг разведчика?! Сталин спросил меня, кто бы из наших членов Политбюро мог решиться на такое? Я порекомендовал Маленкова, поскольку он шефствовал от ЦК над авиацией. Смеху было! Сталин предложил сбросить Маленкова на парашюте к Гитлеру, пусть, мол, усомнится его не нападать на СССР! А тут как раз Маленков и зашел в кабинет. И не мог понять, чего так хохочут при его появлении два старших товарища³⁶⁹.

13 июня Молотов вручил Шуленбургу текст известного сообщения ТАСС, которое опровергало наличие каких-либо агрессивных намерений у Германии в отношении СССР и недвусмысленно намекало на английские источники подобной информации. Этот документ, который порой преподносится как свидетельство полного отрыва Сталина и Молотова от действительности, на деле был еще одним приглашением к переговорам.

— Надо было пробовать. Это было придумано, по-моему, Сталиным. Это дипломатическая игра. Игра, конечно. Не вышло. И это не глупость, это, так сказать, попытка толкнуть на разъяснение вопроса, — объяснял Молотов.

Из Берлина ответа не последовало: там не хотели «дать Сталину возможность с помощью какого-либо любезного жеста спутать нам в последний момент все карты»³⁷⁰. Деморализующее влияние документа, на армию точно, отсутствовало. Васильевский писал, что «в конце того же дня первый заместитель начальника Генерального штаба генерал Н. Ф. Ватутин разъяснил, что целью сообщения ТАСС являлась проверка истинных намерений гитлеровцев, и оно больше не привлекало нашего внимания»³⁷¹. Более того, именно в тот день нарком обороны отдал приказ вывести фронтовые управления на полевые командные пункты. И именно 13 июня, как заметил Виктор Суворов, стало началом «самого крупного в истории всех цивилизаций перемещения войск»³⁷². Красная Армия начала выдвигаться к границе.

18 июня из Москвы в Берлин было передано предложение о новом визите Молотова³⁷³. 20 июня Гальдер записал в дневнике: «Г-н Молотов хотел 18.6 говорить с фюрером»³⁷⁴. Деканозову бы-

ло дано указание вручить Риббентропу ноту о многочисленных случаях нарушения германскими самолетами советской границы. Риббентроп и Вайцзеккер оказались вне досягаемости.

...Был ли Советский Союз готов к войне? Никто и никогда еще не был полностью готов к любой войне, даже величайшие военные империи в истории планеты. И им случалось терпеть поражения. Но степень готовности страны к войне, как правило, определяется по ее результату. СССР войну выиграл. Да, ценой огромных и порой неоправданных потерь. Но следует заметить, что он противостоял военной мощи не только немецкого вермахта, обученного и закаленного в боях, но почти всей Европы.

Сталин скажет Черчиллю: «Никто из нас никогда не доверял немцам»³⁷⁵. А может, все-таки поверил?

– Наивный такой Сталин, – иронизировал на этот счет Молотов. – Нет. Сталин очень хорошо и правильно понимал это дело. Сталин поверил Гитлеру? Он и своим-то далеко не всем доверял! И были на то основания. Гитлер обманул Сталина? Но в результате этого обмана он вынужден был отравиться, а Сталин стал во главе половины земного шара!³⁷⁶

Глава вторая

НА ВОЙНЕ. 1941–1945

Гитлер обманул Сталина? Но в результате этого обмана он вынужден был отравиться, а Сталин стал во главе половины земного шара!

Вячеслав Молотов

«Наше дело правое!»

В начале лета двенадцатилетнюю Светлану отправили к родным на Вятку. Впервые оказавшись одна, без родителей, она вступила в переписку с Кремлем. «Дорогой, милый папуся! Мы устроились очень хорошо. Место очень красивое и называется “Кстецкое”. Тут есть пруд и большой лес. Я очень скучаю по тебе. Сегодня уезжает мама, и ты, пожалуйста, пришли мне ее поскорей, а то мне будет совсем скучно. Ну, родной папочка, до свидания, мой дорогой. Целую крепко. Не забывай любящего тебя Светика»³⁷⁷, – писала она 5 июня. Еще одно письмо датировано 11 июня: «Дорогой, милый папочка! Мне здесь очень хорошо. Я купаюсь в большом пруду и отдыхаю очень весело. Занимаюсь по музыке, арифметике и русскому языку. Я прочла книги: “Тайна двух океанов” – Гр. Адамова; “Сказки” – Гримм. Начала читать “Хаджи-Мурат”, но мне еще непонятно, и я читаю “Большие ожидания” – Диккенса. Целую крепко»³⁷⁸.

Суббота 21 июня. «За окном был жаркий и душный день. Деревья под окнами стояли, не шелохнув листом, а в комнате, несмотря на открытые окна, не чувствовалось ни малейшего движения воздуха»³⁷⁹. В Кремль с улиц доносился привычный городской шум – гул машин, иногда громкий и беспечный смех. Молотов почти весь день на заседании Политбюро. Голиков доложил о запредельной концентрации немецких войск на советской границе. Чадаев несколько раз заходил в приемную Сталина. «Члены Политбюро ЦК ВКП(б) в течение всего дня находились в Кремле, обсуждая и решая важнейшие государственные и военные вопросы. Например, было принято постановление о создании нового – Южного фронта и объединении армий второй линии, выдвигавшихся из глубины страны на рубеж рек Западная Двина и Днепр, под единое командование»³⁸⁰. Жукову поручалось руководство Южным и Юго-Западным фронтами. Мерецкову – Северо-Западным фронтом³⁸¹.

«Генеральному штабу о дне нападения немецких войск стало известно от перебежчика лишь 21 июня, о чем нами тотчас же было доложено И. В. Сталину, – писал Жуков. Он тут же дал согласие на приведение войск в боевую готовность»³⁸². В 19.05 – очередное заседание у Сталина, на котором присутствовали Молотов, Ворошилов, Вознесенский, Берия, Маленков, Тимошенко, заместитель начальника Главного управления политпропаганды Красной Армии Ф. Ф. Кузнецов. Молотову было поручено попытаться добиться хотя бы какой-то ясности от немцев. В 21.30 Молотов пригласил Шулленбурга и вручил ему текст ноты, в которой говорилось, что за месяц германские самолеты 180 раз нарушали границу.

– Хотел бы спросить вас об общей обстановке в советско-германских отношениях. Почему за последнее время произошел отъезд из Москвы нескольких сотрудников германского посольства и их жен, усиленно распространяются в острой форме слухи о близкой войне между СССР и Германией? Миролюбивое сообщение ТАСС от 13 июня в Германии опубликовано не было. В чем заключается недовольство Германии в отношении СССР, если таковое имеется?

– Все эти вопросы имеют основание, но я на них не в состоянии ответить, так как Берлин меня совершенно не информирует. Некоторые сотрудники германского посольства действительно отзваны, но это не коснулось непосредственно дипломатического состава посольства. О слухах мне известно, но им я также не могу дать никакого объяснения.

– Жаль, что вы не можете ответить на поставленные вопросы³⁸³.

В тот же час, но по берлинскому времени, Деканозову удалось вручить ноту Вайцзеккеру, но и тот уклонился от разговора, обещав только, что «передаст ноту компетентным органам» и «ответ будет дан позднее»³⁸⁴. Все это подтверждало наихудшие подозрения. После возвращения Молотова было дано указание Тимошенко и Жукову приводить войска в боевую готовность. Адмирал Кузнецов писал: «Внезапность принято делить на стратегическую, оперативную и тактическую. О стратегической внезапности нападения 22 июня не может быть и речи... К сожалению, все говорило за то, что проявилась оперативная, а вместе с нею и тактическая неподготовленность многих наших соединений к возможному вражескому нападению»³⁸⁵.

С вверенным Кузнецовым флотом все было как раз в порядке. В журнале боевых действий Балтийского флота записано: «23 часа 37 минут. Объявлена оперативная готовность № 1»³⁸⁶. По линии НКВД еще раньше также прошла команда о приведе-

нии в боеготовность пограничных и внутренних войск, дислоцированных на Украине, в Белоруссии и Прибалтике³⁸⁷. Армия, в отличие от флота и НКВД, мешкала.

Последние посетители в кабинете Сталина – Молотов, Берия и военно-морской атташе в Германии Воронов – разошлись в 23.00. Хронологию событий ночи на 22 июня установить, наверное, уже не получится. Участники событий сильно расходятся в деталях.

Жуков вспоминал: «В ночь на 22 июня 1941 года всем работникам Генерального штаба и Наркомата обороны было приказано оставаться на своих местах... В это время у меня и наркома обороны шли непрерывные переговоры с командующими округами и начальниками штабов... Все говорило о том, что немецкие войска выдвигаются ближе к границе. Об этом мы доложили в 00.30 минут ночи И. В. Сталину. Он спросил, передана ли директива в округа. Я ответил утвердительно»³⁸⁸. Около часа ночи Сталин уехал из Кремля на Ближнюю дачу³⁸⁹.

По версии Молотова, Сталин уже был на даче в Горках-2, когда позвонил Жуков: «Он не сказал, что война началась, но опасность на границе уже была. В крайнем случае, около двух часов ночи мы собирались в Кремле, у Сталина, – когда с дачи едешь, минут тридцать–тридцать пять надо. Официальное заседание, все члены Политбюро были вызваны. А между двумя и тремя ночи позвонили от Шулленбурга в мой секретариат, а из моего секретариата – Поскребышеву, что немецкий посол Шулленбург хочет видеть наркома иностранных дел Молотова. Ну и тогда я пошел из кабинета Сталина наверх к себе, мы были в одном доме, на одном этаже, но на разных участках. Мой кабинет выходил углом прямо на Ивана Великого. Члены Политбюро оставались у Сталина, а я пошел к себе принимать Шулленбурга – это минуты две-три пройти»³⁹⁰.

По версии Жукова, он разбудил Сталина после 3.40 с сообщением о бомбардировках городов. «– Приезжайте с Тимошенко в Кремль. Скажите Поскребышеву, чтобы он вызвал всех членов Политбюро...

В 4 часа 30 минут утра мы с С. К. Тимошенко приехали в Кремль. Все вызванные члены Политбюро были уже в сборе... И. В. Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руках не набитую табаком трубку. Мы доложили обстановку. И. В. Сталин недоумевающе сказал:

– Не провокация ли это немецких генералов?.. Надо срочно позвонить в германское посольство, – обратился он к В. М. Молотову.

В посольстве ответили, что посол граф фон Шулленбург про-

сит принять его для срочного сообщения. Принять посла было поручено В. М. Молотову. Мы тут же просили И. В. Сталина дать войскам приказ немедленно организовать ответные действия и нанести контрудары по противнику.

– Подождем возвращения Молотова, – ответил он³⁹¹.

В 5.30 утра, как зафиксировано в записи беседы, к Молотову пришел Шуленбург в сопровождении Хильгера.

– Германское правительство поручило передать советскому правительству следующую ноту. «Ввиду нетерпимой доле угрозы, создавшейся для германской восточной границы вследствие массированной концентрации и подготовки всех вооруженных сил Красной Армии, Германское правительство считает себя вынужденным немедленно принять военные контрмеры». Не могу выразить свое подавленное настроение, вызванное неоправданным и неожиданным действием своего правительства. Я отдавал все свои силы для создания мира и дружбы с СССР.

– Что означает эта нота? – спросил Молотов.

– По моему мнению, это начало войны, – констатировал посол.

– До последней минуты германское правительство не предъявляло никаких претензий советскому правительству. Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и тем самым фашистская Германия является нападающей стороной. В четыре часа утра германская армия произвела нападение на СССР без всякого повода и причины. Всякую попытку со стороны Германии найти повод к нападению на СССР считаю ложью или провокацией. Для чего Германия заключала пакт о ненападении, когда так легко его порвала?

– Не могу ничего добавить к сказанному. В течение шести лет добивался дружественных отношений между СССР и Германией, но против судьбы ничего не могу поделать³⁹².

Павлов запомнил: Шуленбург от себя лично добавил, что считает решение Гитлера безумием. Хильгер записал: «Мы рас прощались с Молотовым молча, но с обычным рукопожатием». Больше они не встретятся. В 1944 году граф Шуленбург будет казнен как один из участников заговора против Гитлера.

Жуков: «Через некоторое время в кабинет быстро вошел В. М. Молотов:

– Германское правительство объявило нам войну.

И. В. Сталин молча опустился на стул и глубоко задумался. Наступила длительная, тягостная пауза»³⁹³.

Все эти события произошли до того, как первые посетители – Молотов, Берия, Тимошенко, Мехлис и Жуков – были за-

фиксированы в журнале записи посетителей кабинета Сталина. В 5.45. Явная ошибка в журнале, иначе придется признать, что всех участников событий той ночи поразил провал памяти и приступ сочинительства. Тимошенко, Мехлис и Жуков вышли в 8.30. В 8.40 часов утра в кабинете Сталина появились Димитров и Мануильский, которые получили указания о работе Коминтерна: компартии на местах должны развертывать движение в защиту СССР³⁹⁴. В 9.20 кабинет покинул Берия. Было решено, что о войне объявит Молотов. «Почему я, а не Сталин? Он не хотел выступать первым, нужно, чтобы была более ясная картина, какой тон и какой подход. Он, как автомат, сразу не мог на все ответить, это невозможно. Человек ведь... Он сказал, что подождет несколько дней и выступит, когда прояснится положение на фронтах»³⁹⁵.

С 10.40 до 11.30 Молотов оставался со Сталиным наедине. Полагаю, именно в эти минуты он и набросал карандашом текст своего радиообращения. В полдвенадцатого подошли Берия и Маленков, через десять минут Ворошилов, присоединившиеся к обсуждению текста. «Это официальная речь, – вспоминал Молотов. – Составлял ее я, редактировали, участвовали все члены Политбюро»³⁹⁶. Но главные строки, ставшие девизом Советского Союза в войне, были написаны им лично: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»³⁹⁷ Молотов вышел из 1-го корпуса Кремля в 12.05, и машина быстро доставила его на Центральный телеграф. «Молотов вошел в студию уверенным шагом, – припоминал старейшина радиожурналистики Николай Стор. – Мешочки, набрякшие под глазами, позволяли догадываться, что испытал он за последние часы. Сел за стол, уставленный квадратными микрофонами»³⁹⁸.

«Граждане и гражданки Советского Союза!

Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление. Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбажке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории... Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей.

Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, Советским правительством дан нашим войскам приказ –

отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей Родины. Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы.

Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы Советской авиации с честью выполнят долг перед Родиной, перед советским народом и нанесут сокрушительный удар агрессору. Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ поведут победоносную Отечественную войну за Родину, за честь, за свободу.

Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны – все рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един, как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом.

Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя товарища Сталина.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»³⁹⁹

Мгновения, когда звучали слова Молотова, разделили жизнь всех людей в стране на «до» и «после»... В 12.25 Молотов уже вернулся в кабинет Сталина и покинул его в 16.45 вместе с последними посетителями – Берией и Ворошиловым. Были одобрены указы Президиума Верховного Совета «О мобилизации военнообязанных» по четырнадцати военным округам (кроме восточных, чтобы не провоцировать Японию), «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения»,

«Об утверждении положения о военных трибуналах»⁴⁰⁰. Тем временем радиообращение Молотова уже переводилось на немецкий, румынский, польский и финский языки и печаталось тиражом в 3 миллиона экземпляров, которые уже на рассвете 23 июня начали распространяться в войсках противника⁴⁰¹.

Начало войны резко изменило все мировые расклады. С Германией все ясно. Но как поведут себя другие государства? В этом и предстояло разобраться Молотову. Прежде всего необходимо было прояснить позицию Великобритании и США. 22 июня в Лондоне и Вашингтоне испытали огромное облегчение. Черчилль узнал о нападении в восемь утра. Сэр Джон Дилл, Иден, сэр Страффорд Криппс, американский посол Гилберт, с которыми премьер обсуждал это событие, полагали, что СССР не продержится и шести недель. Выслушав их, Черчилль заявил:

– Ставлю обезьяну против мышеловки, что русские будут сражаться, причем успешно, минимум два года.

На жаргоне игроков на скачках «обезьяна» означала купюру в 500 фунтов, а «мышеловка» – 1 соверен, золотую монету достоинством 1 фунт. Вечером по радио он скажет: «Каждый, кто сражается против нацизма, получит нашу поддержку»⁴⁰². В узком кругу Черчилль не скрывал своих чувств: «Если бы Гитлер вторгся в ад, я бы благожелательно отозвался о дьяволе в палате общин»⁴⁰³. Молотов спешит сообщить, что не возражает против направления в Москву британских миссий. «Понятно, что советское правительство не захочет принять помощь Англии без компенсации, и оно, в свою очередь, готово будет оказать помощь Англии»⁴⁰⁴. 27 июня в Москву вместе с Криппсом прибыли военная миссия во главе с генерал-лейтенантом Макфарланом и экономическая – под руководством шоколадного магната Лоуренса Кэдбюри. Настрой на сотрудничество был осторожным. Молотовставил вопросы «об усилении воздушных налетов на Западную Германию и оккупированную часть Франции, о возможности десанта на северном берегу Франции, а также о помощи Советскому Союзу английского военно-морского флота в районе Петсамо и Мурманска»⁴⁰⁵.

Для военного министра США Стимсона действия Германии представлялись «почти ниспосланным Господом Богом чудом», хотя он и полагал, что Гитлеру для победы понадобится «минимум один и максимум три месяца». Главное, что обрадовало американское руководство, – отсутствие необходимости оказывать немедленную военную помощь Великобритании, поскольку, как считалось, вопрос о вторжении немцев на Британские острова отпал сам собой⁴⁰⁶. Рузвельт выступил только 24 июня,

лаконично заметив, что «мы намерены оказать России всю помощь, какую только сможем»⁴⁰⁷. Правда, после встречи 29 июня со Штейнгардтом нарком вынес впечатление, что Америка готова помочь «лишь ботинками и носками». В тот же день полпреду в Вашингтоне Уманскому за подписью Молотова была направлена директива передать конкретные заявки на поставки военных материалов и промышленного оборудования⁴⁰⁸.

Позиция Турции? Молотов пригласил посла Актая. Но он не получал никаких инструкций от Анкары. Пожелал успеха в войне.

А что же союзники Германии? Болгарский посланник Стаменов проинформировал, что по просьбе Берлина его страна берет на себя защиту германских интересов в СССР, а затем еще румынских и венгерских. 22 июня дипломатические отношения с СССР разорвала Дания. 23 июня словацкий посланник Шимко поспешил сообщить Молотову, что его правительство прервало дипломатические отношения с СССР⁴⁰⁹. Молотов пригласил посланника Венгрии Криштофи, но у того якобы не было связи с Будапештом. Впрочем, вскоре придет подтверждение разрыва дипотношений. С Румынией была ясность. 24 июня Молотов пригласил Гафенку:

– Румыния участвует в разбойничьей войне против СССР, и наша позиция будет вытекать из этого факта, – предупредил Молотов.

– Это проблема международных сил, которые более могущественны, чем воля малой страны. Румыния вовлечена в «мировой шок»⁴¹⁰.

Шведское посольство уверяло, что Финляндия в войну не вступит. Но реальность оказалась иной. Маннергейм был сама невинность, изображая Финляндию вновь жертвой советской агрессии⁴¹¹. Итальянского посла Рocco Молотов не принял, с ним беседовал Вышинский. Посол поведал, что узнал о нападении его страны на СССР по радио. Молотов предпринял зондаж позиции Японии, но Татэкава сказал, что ждет новостей от своего правительства, которое ежедневно заседает⁴¹². И это было чистой правдой. На заседаниях Координационного совета японского правительства и императорской ставки активно обсуждалась возможность объявления войны Советскому Союзу. Одним из активных сторонников этой идеи выступил... Мацуока⁴¹³. Тем не менее 2 июля императорская конференция одобрила другой план: готовиться к войне с Англией и США, продолжать продвижение на юг, оккупировать Французский Индокитай. В войну Германия с СССР решили пока не вмешиваться, скрытно завершая военные приготовления против Москвы.

А что китайцы? Панюшкин 23 июня сообщал о позиции Чан Кайши: «Китай очень бы хотел, чтобы СССР, Англия, США и Китай образовали единую линию борьбы против стран-агрессоров – Германии, Италии и Японии»⁴¹⁴.

Надо было позаботиться об эвакуации советских учреждений из Германии и стран-сателлитов. Защиту интересов СССР и ее граждан Молотов попросил взять на себя Швецию. К 28 июня дипломатический, консульский персонал, работники торгпредств, журналисты, служащие Интуриста, банков, других советских организаций были собраны в Берлине. Обмен состоится в начале июля в Свиленграде на болгаро-турецкой границе.

...Уезжала в эвакуацию семья Молотова. «Вяченька, родной, любимый мой! Уезжаем, не повидав тебя. Очень тяжело, но что делать, другого выхода нет. Желаю вам всем много сил и бодрости, чтобы могли вашими решениями и советами победить врага. Береги себя, береги нашего дорогого нам всем т. Сталина. Рука дрожит. О нас не думай. Думай только о нашей Родине и ее жизни. Всей душой, всегда и всюду мы с тобою, любимым, родным. Целую бесконечно много раз. Полина»⁴¹⁵. Подбадривала и быстро взрослевшая дочь: «Дорогой, мой родной папочка! Я очень жалею, что, уезжая, не могу тебя увидеть, поцеловать тебя, но в душе весь сегодняшний вечер и все время моего отсутствия я буду с тобой. Я буду там, если понадобится, работать, постараюсь учиться не хуже, чем училась в Москве, чтобы ты был мною доволен. Всегда я буду видеть тебя перед собой, и ты мне будешь вечно служить примером, как в жизни, так и в учебе. Теперь я постараюсь быть хорошей пионеркой, а в будущем – комсомолкой и коммунисткой, чтобы ты мог по праву гордиться своей дочерью. Тысячу поцелуев. Всегда, крепко любящая тебя, твоя Светик»⁴¹⁶.

...Начальный этап войны остался за немцами. Георгий Жуков писал о неудачах: «Основные причины состояли в том, что война застала наши Вооруженные силы в стадии их реорганизации и перевооружения более совершенным оружием; в том, что наши приграничные войска своевременно не были доведены до штатов военного времени, не были приведены в полную боевую готовность и не развернуты по всем правилам оперативного искусства для ведения активной стратегической обороны... Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не предполагался»⁴¹⁷.

Германия сразу завладела стратегической инициативой. За три первые недели наступления противник продвинулся на 500–600 километров вглубь советской территории, овладев важнейшими экономическими и стратегическими объектами в Латвии, Литве, значительной части Белоруссии, Украины, Молдавии. Настоящая катастрофа для СССР произошла под Минском, где немцам удалось окружить 30 дивизий Западного фронта. Гитлер испытывал эйфорию. Но СССР оказался куда более серьезным противником, чем ему представлялось, к тому же оборонявшийся противник быстро учился.

Начало войны потребовало перестройки всей системы управления страной. 23 июня было объявлено решение СНК о создании Ставки, первым ее председателем стал нарком обороны Тимошенко, в состав вошли Сталин, Молотов, Ворошилов, Буденный, Жуков и Кузнецов. Адмирал Кузнецов свидетельствовал: «Первые заседания Ставки Главного командования Вооруженных сил в июне проходили без Сталина... Нетрудно было заметить: нарком обороны не подготовлен к той должности, которую занимал... Люди, входившие в ее состав, совсем не собирались подчиняться наркому обороны»⁴¹⁸.

Первые решения военного времени оформляли традиционными решениями ЦК и СНК, например, постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов» от 27 июня. Перемещению на восток в первую очередь подлежали детские учреждения, квалифицированные кадры рабочих и служащих, люди пожилого возраста, женщины с детьми, промышленное оборудование, цветные металлы, горючее, хлеб⁴¹⁹. Директива № П509 – первый развернутый план действий в военных условиях – ушла 29 июня за подписью Сталина и Молотова. Совнарком и ЦК обязывали все партийные, советские, профсоюзные организации «мобилизовать все наши организации и все силы народа для разгрома врага, для беспощадной расправы с ордами напавшего германского фашизма»⁴²⁰.

28 июня Молотов вместе со Сталиным и Микояном были в Генштабе. Ругали Жукова. Генсек бросил знаменитое: «Ленин нам оставил такое государство, а мы его прос...али». Молотов подтверждал: «Он сказал: “Прос...али”. Это относилось ко всем нам, вместе взятым. Ну, я старался его немного ободрить»⁴²¹. Как и Жукова. Вспоминал Микоян: «Сталин взорвался: “Что за Генеральный штаб? Что за начальник штаба, который в первый же день войны растерялся, не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует?” Жуков, конечно, не меньше Сталина переживал состояние дел, и такой окрик Сталина был для него оскорбительным. И этот мужественный

человек буквально разрыдался и выбежал в другую комнату. Молотов пошел за ним. Мы все были в удрученном состоянии. Минут через 5–10 Молотов привел внешне спокойного Жукова, но глаза у него были мокрые».

Сталин в сердцах хлопнул дверью автомобиля. После полуночи, то есть уже в воскресенье 29 июня, Сталин уехал на Ближнюю дачу. В следующие полтора дня он оттуда не выезжал и никого к себе не приглашал, к телефону не подходил. И тут Молотов взял на себя инициативу. «Десятилетний опыт, приобретенный Молотовым на посту главы правительства, бесспорный талант политика подсказали ему единственно возможный выход, – пишет Юрий Жуков. – Следовало срочно создать новый, принципиально иной и по составу, и по задачам центральный властный орган. Такой, который подчинил бы себе напрямую не только исполнительные структуры, как это было до образования БСНК, но обе ветви реальной власти – государственную, партийную. Взял бы, и притом совершенно официально, открыто, всю ответственность за судьбу страны, народа, строя»⁴²².

Берия в 1953 году, моля о пощаде, напоминал Молотову: «Вы вопрос поставили ребром у вас в кабинете в Совмине, что надо спасать положение, надо немедленно организовать центр, который поведет оборону нашей родины, и я вас тогда целиком поддержал и предложил вам немедля вызвать на совещание т-ща Маленкова Г. М., а спустя небольшой промежуток времени подошли другие члены Политбюро, находившиеся в Москве. После этого совещания мы все поехали к т-шу Сталину и убедили его в немедленной организации Комитета Обороны страны со всеми правами»⁴²³.

Микоян оставил воспоминания: «Он был на Ближней даче. Молотов, правда, сказал, что Сталин в последние два дня в прострации, что ничем не интересуется, не проявляет никакой инициативы, находится в плохом состоянии. Тогда Вознесенский, возмущенный всем услышанным, сказал: “Вячеслав, иди вперед, мы за тобой пойдем”, – то есть в том смысле, что если Сталин будет себя так вести и дальше, то Молотов долженвести нас, и мы пойдем за ним»⁴²⁴. Молотов не подтверждал «прострацию» Сталина. «Что не переживал – нелепо. Но его изображают не таким, каким он был, – как кающегося грешника его изображают! Но это абсурд, конечно. Все эти дни и ночи он, как всегда, работал, некогда ему было теряться или дар речи терять»⁴²⁵.

Микоян продолжал: «Приехали на дачу к Сталину. Застали его в малой столовой, сидящим в кресле. Увидев нас, он как бы

вжался в кресло и вопросительно посмотрел на нас. Затем спросил: «Зачем приехали?» Вид у него был настороженный, какой-то странный, не менее странным был и заданный вопрос. Ведь по сути дела он сам должен был нас созвать. У меня не было сомнений: он решил, что мы приехали его арестовать»⁴²⁶. «Молотов выступил вперед и от имени всех нас сказал, что нужно сконцентрировать власть, чтобы быстро все решалось, чтобы страну поставить на ноги. Говорит о предложении создать Государственный Комитет Обороны. Сталин меняется буквально на глазах. Прежнего испуга как не бывало, плечи выпрямились. Но все же он посмотрел удивленно и после некоторой паузы сказал: «Согласен. А кто председатель?»

– Ты, товарищ Сталин, – говорит Молотов.

– Хорошо. А каков предлагается состав этого органа?

Тогда Берия сказал, что нужно назначить 5 членов Государственного Комитета Обороны»⁴²⁷.

Так 30 июня был создан верховный орган руководства страной в условиях войны, в который вошли Сталин, Молотов (заместитель председателя), Ворошилов, Маленков и Берия. Полгода спустя, в феврале 1942 года, добавились Микоян, Вознесенский и Каганович. Текст о создании ГКО написан рукой Маленкова в блокноте красным карандашом. Замечания и добавления Маленков вносил уже простым карандашом. Сталин поменял пару строк. Молотов взял синий карандаш и заменил слово «страна» на «Родину»⁴²⁸. Микоян попросил назначить его уполномоченным ГКО по снабжению продовольствием, вещественным довольствием и горючим. «Вознесенский попросил дать ему руководство производством вооружения и боеприпасов. Руководство по производству танков было возложено на Молотова, авиационная промышленность и вообще дела авиации – на Маленкова. За Берией были оставлены охрана порядка внутри страны и борьба с дезертирством, а Ворошилов стал отвечать за формирование новых воинских частей»⁴²⁹. На следующий день, 1 июля, Сталин вновь появился на работе, первым в его кабинет в 16.40 вошел Молотов.

Когда в День Победы кто-нибудь поднимал тост за него как члена Государственного Комитета Обороны, Молотов неизменно «скромно» поправлял: «Не члена, а заместителя». И напоминал, что заместитель был один – по всем вопросам. Руководство Советского Союза решало в те годы самые сложные управленические задачи из всех, которые выпадали когда-либо на долю лидеров каких-либо стран мира. Они противостояли самой мощной военной силе в самой кровопролитной войне в истории человечества, где ставкой была судьба всего человечества.

На вершине управленческой пирамиды стоял ГКО, который осуществлял все государственное, военное и хозяйственное руководство в стране. Постановления ГКО подлежали неукоснительному выполнению, он имел своих уполномоченных в республиках, краях и областях, на отдельных предприятиях. Как правило, это были секретари соответствующих партийных комитетов⁴³⁰. ГКО не имел своего секретариата, делопроизводство осуществлял Особый сектор ЦК ВКП(б). Всего за время войны Государственный Комитет Обороны принял около десяти тысяч решений и постановлений военного и хозяйственного характера. Больше половины из них были подписаны Молотовым⁴³¹. Спустя неделю после создания ГКО Сталин преобразовал Ставку в Ставку Верховного командования и возглавил ее. 19 июля он займет пост наркома обороны. 29 июля Генштаб возглавил Шапошников. 8 августа появилась Ставка Верховного главнокомандования, и Сталин стал Верховным главнокомандующим. Система военного управления сложилась.

В начале июля из Кремля Ставка была переведена в небольшой особняк в районе Кировских ворот, а через месяц было оборудовано помещение на перроне станции метро «Кировская». Сергей Штеменко рассказывал: «Доклады Верховному главнокомандующему делались, как правило, три раза в сутки. Первый из них имел место в 10–11 часов дня, обычно по телефону... Вечером, в 16–17 часов, докладывал заместитель начальника Генштаба. А ночью мы ехали в Ставку с итоговым докладом за сутки. Перед тем подготавливалась обстановка на картах масштаба 1:200 000 отдельно по каждому фронту с показом положения наших войск до дивизий, а в иных случаях и до полка»⁴³². Маршал Жуков свидетельствовал: «Молотов также (как Шапошников и Василевский. – В. Н.) пользовался большим доверием И. В. Сталина. Он почти всегда присутствовал в Ставке, когда рассматривались оперативно-стратегические и другие важные вопросы. Между ними нередко возникали разногласия и серьезные споры, в ходе которых формировалось правильное решение»⁴³³.

Генерал армии Махмут Гареев справедливо замечал, что рассуждения, будто Победа была «достигнута “вопреки ущербному руководству”, просто несерьезны. Никакой самый героический народ и его вооруженные силы, предоставленные сами себе, не могут не только одержать победу, но и просто организованно действовать»⁴³⁴. «Ставка Верховного Главнокомандования видела дальше и лучше, чем гитлеровское стратегическое руководство»⁴³⁵, – считал Жуков.

Управленческий аппарат переводился на круглосуточный режим работы. В годы войны при максимальной централизации процесса принятия принципиальных решений соратники Сталина по факту получали большую самостоятельность в оперативном управлении. По постановлению СНК от 1 июля «О расширении прав наркомов СССР в условиях военного времени» они имели право самостоятельно решать вопросы распределения материальных и финансовых ресурсов в рамках утверждаемых ГКО военно-хозяйственных планов (вместо прежних народно-хозяйственных). Первый такой план – на III квартал 1941 года – был разработан через неделю после начала войны, а в августе – на IV квартал и на 1942 год.

С потерей западных районов страны Советом по эвакуации при Совнаркоме на огромные расстояния перемещались целые отрасли промышленности. Критическими были последние два месяца 1941 года, когда большая часть военной промышленности находилась на колесах. 25 декабря 1941 года предприятия были вывезены из прифронтовых районов, и Совет по эвакуации был ликвидирован⁴³⁶. Всего было эвакуировано 1523 промышленных предприятия, огромное количество учебных и научно-исследовательских учреждений, библиотек, музеев, театров. На восток переехало, по разным оценкам, от 10 до 17 миллионов человек. Ничего подобного в истории не делалось ни до, ни после.

Сотни тысяч юношей и девушек в едином порыве добровольно пошли на фронт. Указом «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» от 26 июня 1941 года устанавливался 11-часовой рабочий день. На место мобилизованных привлекались ранее неработавшие – домохозяйки, инвалиды, престарелые, подростки, широко использовался труд заключенных в лагерях и колониях; повсеместно применялся призыв на альтернативную службу негодных к строевой. Отменялись выходные дни и отпуска, вводились сверхурочные, уголовная ответственность за прогулы и опоздания. С осени 1941 года восстанавливалась карточная система распределения продовольствия. Начали призывать военнообязанных старших возрастов в «рабочие колонны», создававшиеся для строительных работ и работы на оборонных предприятиях.

...8 июля Сталин получил первое в годы Великой Отечественной войны личное послание от Черчилля: «Мы все здесь очень рады тому, что русские армии оказывают такое сильное, смелое и мужественное сопротивление совершенно неспровоцированному и безжалостному вторжению нацистов...»⁴³⁷

12 июля Молотов поставил свою подпись под советско-британским соглашением «О совместных действиях в войне против Германии», которое зафиксировало взаимную готовность «оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в настоящей войне против гитлеровской Германии» и взаимные обязательства «ни вести переговоры, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия»⁴³⁸. А 18 июля Сталин в послании Черчиллю поставил вопрос об открытии второго фронта. Британский премьер обещал в ближайшее время нанести удары по германским судам в Северной Норвегии и Финляндии, направить несколько крейсеров и эсминцев к Шпицбергену, послать подлодки для перехвата немецких транспортов вдоль арктического побережья и минный заградитель в Архангельск⁴³⁹. В Москве рассчитывали на большее. Но именно так началась регулярная переписка между лидерами трех держав – Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем, которая стала своего рода стержнем, вокруг которого вращалась дипломатия в годы войны.

Составители и комментаторы научного издания «Переписки» Владимир Печатнов и Искандер Магадеев обнаружили, что у Рузвельта и Черчилля было гораздо больше соавторов. С американской стороны в подготовке посланий Рузвельта участвовало 17 помощников. В Англии заготовки писем готовились в Форин оффис и Комитете начальников штабов, затем они обсуждались на заседаниях кабинета, рассылались королю и ключевым министрам. «Сталин опирался в основном на своего первого заместителя и наркома иностранных дел Молотова... Так или иначе, практически все заготовки направлялись “тov. Сталину на утверждение” за подписью наркома и утверждались резолюциями типа “За” или “За с поправками”... За долгие годы плотной работы со Сталиным Молотов, сам опытный редактор со времен руководства “Правдой”, не плохо усвоил его образ мысли и стилистику, но и это подчас не спасало молотовские заготовки от серьезной правки строгого “Главного Редактора СССР”»⁴⁴⁰. Вспоминал Молотов: «Многое мы вдвоем сочиняли. Все это шло через меня. Иначе и не могло быть»⁴⁴¹. Содержание посланий лишь иногда доводилось до сведения отдельных членов Политбюро по вопросам, находившимся в их компетенции. Подготовленные Молотовым проекты посланий Stalin правит «в сторону “утепления” и уважительности в случае с Рузвельтом, и, напротив, часто ужесточает в случае с Черчиллем»⁴⁴². Впрочем, и в донесениях советской разведки они носили говорящие клички: Рузвельт – «Капитан», а Черчилль – «Кабан».

Переписка обнаруживала и культурно-цивилизационный разрыв. «Рузвельта и Черчилля объединял комплекс англо-американской исключительности и превосходства, убеждение в цивилизаторской миссии англоязычных народов по отношению к остальному миру, включая “полуварварскую” Россию. В Сталине они видели пусть выдающегося, но все же варварского лидера – “Атиллу”, как за глаза называли его некоторые британские деятели... Сталинско-молотовский стиль в духе большевистской прямоты нередко резал слух хорошо воспитанных англо-американцев, привыкших к более обтекаемым и вежливым формулировкам. Особенно страдал от этого самолюбивый и обидчивый Черчилль, которого мало утешало, что Сталин и Молотов, как говорили в Форин офис, “ведь не учились в Итоне или Хэрроу”... Со своей стороны, советские вожди видели в приторной вежливости и многословии англосаксов “буржуазное лицемерие”, скрывавшее их подлинные настроения и намерения»⁴⁴³.

16 августа было подписано советско-британское соглашение о товарообороте, кредите и клиринговых операциях, дополненное 6 сентября решением Лондона о поставках по схеме ленд-лиза. Первый британский конвой под кодовым названием «Дервиш», состоявший из семи судов с самолетами, танками, каучуком и оловом, пришел в Архангельск 31 августа. В июле – августе 1941 года Советский Союз восстановил дипломатические отношения с располагавшимися в Лондоне правительствами стран, ставшими жертвами агрессии – Чехословакии, Югославии, Польши, Греции, Норвегии. 18 июля Майский и министр иностранных дел Чехословакии Ян Масарик подписали соглашение о формировании чехословацких воинских частей под советским командованием, и в конце года такие части начали создаваться в Бузулуке. 30 июля Майский заключил соглашение и с Сикорским о взаимной помощи в войне и создании на территории СССР польской армии с собственным командованием, согласованным с Москвой. Первоначально ограничились армией в 30 тысяч человек, которую начал формировать генерал Владислав Андерс.

Москва и Лондон скоординировали свои действия в отношении стратегически важных третьих стран. 10 августа они выступили с совместным заявлением о гарантиях безопасности Турции, что заметно снизило воинственность Анкары. Затем последовали совместные действия в Иране. 25 августа советская 44-я армия вновь образованного Закавказского фронта под командованием генерал-майора Хадеева и англо-индийские войска из Ирака в рамках совместной операции «Counte-

напсе» перешли границу Ирана. Реза-шах предпочел не оказывать активного сопротивления и покинул страну, передав престол 22-летнему сыну Мохаммеду Реза Пехлеви⁴⁴⁴. «Дело с Ираном, действительно, вышло неплохо»,⁴⁴⁵ – написал Сталин Черчиллю 3 сентября. Новоиспеченные союзники согласованно ввели туда воинские контингенты: СССР – на север, включая Тегеран, Англия – на юг.

Американская позиция по вопросу о военной помощи Советскому Союзу оставалась уклончивой. Очевидные сдвиги принес визит в Москву 30–31 июля близкого друга и советника Рузвельта Гарри Гопкинса. Сталин и Молотов мобилизовали все свое красноречие и обаяние, чтобы убедить его в стремлении и способности Советского Союза противостоять Германии.

– Дайте нам зенитные орудия и алюминий, и мы сможем воевать три-четыре года, – убеждал Сталин.

По итогам бесед Молотов направил телеграмму Уманскому: «В беседе с Гопкинсом Сталин предложил, чтобы согласие американского правительства... о предоставлении нам кредита или займа в размере 50 млн долларов было зафиксировано в виде официального соглашения между СССР и США и чтобы такое соглашение было подписано возможно скорее. Приложите усилия, чтобы добиться такого соглашения»⁴⁴⁶. 2 августа между Уманским и Уэллесом состоялся обмен нотами об американском содействии Советскому Союзу. После встречи 14 августа Рузвельта и Черчилля в бухте Арджендей у берегов Ньюфаундленда была обнародована «Атлантическая хартия» с изложением совместных принципов ведения войны и послевоенного устройства, к которой СССР присоединится 24 сентября (антититлеровская коалиция будет оформлена 1 января 1942 года принятием в Вашингтоне «Декларации Объединенных Наций», под которой подписались 26 государств).

Стремление западных стран к сотрудничеству объяснялось осознанием способности СССР вести длительные боевые действия с Германией. На пути к Москве главным препятствием для Гитлера, как и для Наполеона, стал Смоленск. В течение двух месяцев разворачивалось грандиозное Смоленское сражение, в котором впервые были применены «катюши». Более двух месяцев отбивала атаки румынских дивизий Одесса. Советские войска научились наносить болезненные контрудары. 9–10 августа авиадивизия Водопьянова на Пе-8 впервые бомбила Берлин.

В тот день Светлана писала: «Дорогой, милый папочка! Я живу хорошо, а ты? Очень обрадовалась я, услышав по радио, что наши самолеты сбрасывали бомбы на Берлин. Я уверена,

что скоро мы разгромим фашистов, и мы сумеем вернуться в Москву, и я вновь увижу тебя, тебя, моего дорогого и милого папочку, о котором я очень и очень соскучилась. Сегодня писали диктант на глаголы. Я не сделала ни одной ошибки и получила “отлично”, Соня сделала одну ошибку и получила “хорошо”, Владик – три ошибки и написал на “посредственно”, а Лида – шесть ошибок – “оч. плохо”. Я продолжаю читать “Домби и сын” Ч. Диккенса. Вещь очень интересная, но тяжелая, я даже плакала один раз. Я очень по тебе скучаю. Береги себя и будь здоров и бодр. Привет всем и от всех. С приветом! Любящая тебя Светлана крепко тебя целует. Р.С. Мой адрес: г. Куйбышев, пр. Дзержинского, д. 40, С. Молотовой»⁴⁴⁷.

16 августа был издан приказ Ставки № 270: «Можно ли терпеть в рядах Красной Армии трусов, дезертирующих к врагу и сдающихся ему в плен, или таких малодушных начальников, которые при первой заминке на фронте срывают с себя знаки различия и дезертируют в тыл? Нет, нельзя!.. Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава». Приказ подписали Сталин, Молотов, Буденный, Ворошилов, Тимошенко, Шапошников, Жуков⁴⁴⁸. До марта 1942 года будет расстреляно 30 генералов, включая командующего Западным фронтом Павлова.

Меж тем полумиллионные силы Северного и Северо-Западного фронтов, которыми из Ленинграда руководили Ворошилов и Жданов, оказались не в состоянии остановить опаснейший прорыв сил вермахта. 26 августа Жданов направил телеграмму с отчаянной просьбой разрешить немедленную эвакуацию крупнейших оборонных предприятий города – Кировского и Ижорского заводов, выпускавших уже исключительно танки. ГКО дал предварительное согласие, но направил в Ленинград для прояснения ситуации Молотова. «В Ленинграде мне пришлось быть как раз в последние дни перед окончательной блокадой. Со мной вместе Маленков летел. Кузнецов – военный моряк. Воронов – артиллерист. Большая группа... Мы до Череповца на самолете летели, потом поездом поехали до Ленинграда... Но мы до Ленинграда не смогли добраться, и поездом не могли, потому что там уже был прерван путь. Мы на дрезине от станции Мга высадились на дрезину и добрались до Ленинграда»⁴⁴⁹. Через день станция Мга была занята немцами.

С обстановкой разобрались. «Жданов был в Ленинграде. Он очень хороший товарищ, очень хороший человек. Но тогда был очень растерян. Все плохо идет, немцы окружали их, окружали и окончательно заперли». Молотов добавлял: «Мне приходилось и Ворошилова снимать в Ленинграде тоже.

– Не справился?

– Справился?! Он в окопах ходил все время».

Молотов решительно поддержал второго секретаря обкома Кузнецова, выступавшего против эвакуации, и представил план обороны. «А обратно я не мог уже поездом вернуться, кольцо замкнулось, и через четыре-пять дней полетел на самолете над Ладожским озером. Вот тогда было самое трудное время»⁴⁵⁰. После возвращения Молотова в Москву ГКО отменил данное ранее согласие на эвакуацию оборонных заводов. Ворошилов был отозван. 8 сентября командующим Ленинградским фронтом был назначен Жуков⁴⁵¹.

Гитлер гнал своих генералов вперед, все еще надеясь на блицкриг. В начале сентября в районе Киева были окружены 6-я и 2-я армии Юго-Западного фронта Семена Буденного. С их уничтожением и падением столицы Украины германским силам открывалась дорога на Москву с юга. Танковая армия Гудериана, захватив Брянск и Орел, подошла к Туле. 30 сентября в соответствии с планом «Тайфун» немцы начали наступление на Москву с Запада, захватив Вязьму, Можайск, Калинин, Малоярославец.

…Вопросы военного сотрудничества впервые обсуждались на трехсторонней основе на Московской конференции 29 сентября – 1 октября, где СССР представлял Молотов, Великобританию – газетный магнат лорд Бивербрук, Соединенные Штаты – крупный бизнесмен Аверелл Гарриман, курировавший в тот момент вопросы ленд-лиза. Гарриман и Бивербрук провели три вечера подряд, 28, 29 и 30 сентября, в предметных, тяжелых, с цифрами беседах со Сталиным и Молотовым – в общей сложности 9 часов.

– Почему это США могут мне дать только тысячу тонн стальной брони для танков, когда страна производит свыше пятидесяти миллионов тонн? – возмущался Сталин⁴⁵².

Успеху конференции помогли… немецкие пропагандисты, кричавшие о ее провале. «Сталин шутливо упомянул о нацистской пропаганде и сказал, что им троим надо доказать, что Гебельс лжец». Молотов организовал заседания подкомиссий – по армии, флоту, военно-воздушным силам, сырью, транспорту и медикаментам. «Молотов вместе с нами готовил протокол, отражающий наше понимание, – вспоминал Гарриман. – Наши коллеги вместе с советскими официальными лицами проанализировали детали советских предложений – вооружение, сырье и продовольствие. Я дал понять Сталину, что перечисленные в протоколе материалы не были нашим твердым обязательством, но мы сделаем все возможное, чтобы осуществить поставки»⁴⁵³.

1 октября Молотов, Гарриман и Бивербрук поставили свои подписи под первым секретным протоколом между США, СССР и Соединенным Королевством. «Он содержал свыше 70 основных видов поставок и свыше 80 предметов медицинского снабжения. Там было все, начиная от танков, самолетов и эсминцев до солдатских сапог (которых русские просили 400 тысяч пар ежемесячно) и шеллака (300 тонн в месяц)»⁴⁵⁴. С октября 1941 года по конец июня 1942-го было обещано ежемесячно поставлять по 200 истребителей из Великобритании и по 100 истребителей и 100 бомбардировщиков из США, 500 танков, зенитные и противотанковые орудия. Из Советского Союза в Великобританию поставлялось сырье. В завершение Московской конференции прозвучала речь Молотова:

– Всех этих гитлеров, герингов, риббентропов мало ненавидеть, мало желать им гибели, но надо научиться бить и громить их везде, где они нападают и насилищают, чтобы навсегда покончить с властью этой преступной шайки насильников-захватчиков, на голову которых пало проклятие народов. Для достижения этого особенно было необходимо сорвать их расчеты, незамысловатая суть которых заключается в том, чтобы уничтожать своих противников поодиночке, одного за другим. Политическое значение конференции заключается в том, что она показала, как решительно срываются теперь эти намерения гитлеровцев, против которых отныне создан мощный фронт свободолюбивых народов во главе с Советским Союзом, Англией и Соединенными Штатами Америки⁴⁵⁵.

На рассвете 2 октября немцы перешли в наступление основными силами группы армий «Центр», прорвав оборонительные порядки Западного и Резервного фронтов. 5 октября ГКО принял решение о защите Москвы (главным рубежом стала Можайская линия обороны) и направил команду во главе с Молотовым в штаб Конева. Вспоминал приехавший с ним маршал Василевский: «Вместе с командованием фронта за пять дней нам общими усилиями удалось направить на Можайскую линию из состава войск, отходивших с ржевского, сычевского и вяземского направлений, до пяти стрелковых дивизий. О ходе работы и положении на фронте мы ежедневно докладывали по телефону Верховному главнокомандующему»⁴⁵⁶.

Коневу визит не понравился. «По поручению Сталина Молотов стал настойчиво требовать немедленного отвода войск, которые дерутся в окружении, на гжатский рубеж, а пять-шесть дивизий из этой группировки вывести и передать в резерв Ставки для развертывания на Можайской линии. Я доложил, что принял все меры к выводу войск еще до прибытия Моло-

това в штаб фронта, отдал распоряжение командармам 22-й и 29-й армий выделить пять дивизий во фронтовой резерв и перебросить их в район Можайска. Однако из этих дивизий в силу сложившейся обстановки к Можайской линии смогла выйти только одна. Мне было ясно, что Молотов не понимает всего, что случилось... Его прибытие в штаб фронта, по совести говоря, только осложняло и без того трудную ситуацию»⁴⁵⁷.

Молотов так не считал. Сталин посыпал его куда-то только тогда, когда ситуация складывалась критическая. «Я поехал на фронт снимать Конева. У него не выходило. Пришлось объяснить Коневу, почему он должен быть заменен Жуковым. Жуков поправил дело»⁴⁵⁸. 10 октября Сталину ушла телеграмма: «Присып Ставку принять следующее решение: 1. В целях объединения руководства войсками на западном направлении к Москве объединить Западный и Резервный фронта в Западный фронт. 2. Назначить командующим Западным фронтом тов. Жукова. 3. Назначить тов. Конева первым заместителем командующего Западным фронтом»⁴⁵⁹. Сталин согласился.

14 октября немцы ворвались в Калинин. Утром 15 октября Сталин собрал членов Политбюро. Вспоминал Микоян: «Сталин был не очень взволнован, коротко изложил обстановку. Сказал, что до подхода наших войск немцы могут раньше подбросить свои резервы и прорвать фронт под Москвой. Он предложил срочно, сегодня же эвакуировать правительство и важнейшие учреждения, выдающихся политических и государственных деятелей, которые были в Москве, а также подготовить город на случай вторжения немцев... Он предложил Молотову и мне вызвать немедленно всех наркомов, объяснить им, что немедленно, в течение суток необходимо организовать эвакуацию всех министерств»⁴⁶⁰. Было принято соответствующее постановление ГКО. Молотову поручалось «заявить иностранным миссиям, чтобы они сегодня же эвакуировались в г. Куйбышев». Эвакуировался «Президиум Верховного Совета, а также Правительство во главе с заместителем председателя СНК т. Молотовым (т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке)». Берии и Щербакову в случае появления врага в столице поручалось «произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также всего электрооборудования метро (исключая водопровод и канализацию)»⁴⁶¹.

Молотов пригласил Штейнгардта и Криппса в Кремль и объявил им, что они, как и весь дипломатический корпус, должны покинуть Москву специальным поездом, который отходил тем же вечером. Послы молили о возможности остаться в столице,

пока там находятся Сталин и Молотов, но нарком был непреклонен, обещав составить им компанию в Куйбышеве через пару дней. «В своей манере, выдержанной и невозмутимой, как в более спокойном прошлом, Молотов их уверил:

– Битва за Москву будет продолжена, а схватка против Гитлера станет еще более яростной.

Путешествие в Куйбышев западные дипломаты назвали ночных кошмаром. Ожидавшийся ими вагон-ресторан отсутствовал, как и питьевая вода, а поезд шел пять суток»⁴⁶².

В Москве началась паника. Встал общественный транспорт, включая метро. Люди громили магазины, склады, подогреваемые и настоящими провокаторами. Отъезд представителей высшего руководства был назначен на вечер 17 октября. Но с фронтов не было тревожных вестей. Андреев, Каганович, Калинин, Вознесенский отбыли в Куйбышев, члены ГКО остались. Своего рода «Советом в Филях-1941» стало заседание ГКО 19 октября:

– Будем драться за Москву? – спросил Сталин, как обычно, расхаживая по кабинету. Все молчали.

Тогда Сталин решил опросить присутствующих персонально. Подойдя сначала к Молотову, он повторил ему свой вопрос.

– Будем драться, – последовал ответ.

Так один за другим ответили все присутствующие. Затем под личную диктовку Сталина тут же было написано постановление ГКО, которое начиналось памятными для всех словами: «Сим объявляется...»⁴⁶³.

На вопрос о том, были ли у Сталина тогда колебания – уехать из Москвы или остаться, Молотов отвечал однозначно: «Это чушь, никаких колебаний не было. Он не собирался уезжать из Москвы». Но Молотов в Куйбышев отправится.

«Я выезжал всего на два-три дня в Куйбышев и оставил там старшим Вознесенского, – вспоминал он. – Сталин сказал мне: “Посмотри, как там устроились, и сразу возвращайся”»⁴⁶⁴. Молотов с радостью согласился. Предоставлялся случай побывать с семьей. Наркоминдел в Куйбышеве разместился в здании техникума на Галактионовской улице. Там Молотов провел ряд встреч с послами: 22 октября – с Криппсом и Штейнгардтом, а также с польским послом Котом, с которым обсудил и вопросы о возможном предстоящем визите в СССР генерала Сикорского. 30 октября Рузвельт «одобрил все поставки материалов, которые были согласованы в протоколе, принятом Московской конференцией, и отдал распоряжение ускорить эти поставки»⁴⁶⁵. 7 ноября правительство США распространило на СССР действие закона о ленд-лизе.

Немецкая операция «Тайфун» в конце октября – начале ноября захлебнулась на ближних подступах к Москве. Гудериан описывал сражение у Мценска: «В бой было брошено большое количество русских танков Т-34, причинивших большие потери нашим танкам. Превосходство материальной части наших танковых сил, имевшее место до сих пор, было отныне потеряно и теперь перешло к противнику. Тем самым исчезли перспективы на быстрый и непрерывный успех»⁴⁶⁶. Производство танков, за которое Молотов нес ответственность, на протяжении всего 1941 года нарастало от месяца к месяцу. В январе их было выпущено 230, в июне – 378, в декабре – 1245. Всего за 1941 год промышленность дала 6629 танков, из них 3037 Т-34⁴⁶⁷.

Торжественное заседание, посвященное 24-й годовщине Октября, в традиционном месте провести было нельзя: в вестибюле Большого театра зияла воронка от разрыва фугаса. Выбор пал на станцию метро «Маяковская». «С одной стороны станции стоял поезд. Двери вагонов были открыты. В них развернули буфет. Руководство страны прибыло на специальном поезде с противоположной стороны и вышло на перрон станции из вагона. Сталина встретили овацией. Все были в военной форме, в гимнастерках, с орденами»⁴⁶⁸. Stalin закончил доклад молотовскими словами: «Наше дело правое – победа будет за нами!» Зал взорвался аплодисментами. И тут две тысячи голосов под музыку тут же подхватившего мелодию оркестра запели «Интернационал»: «Это есть наш последний и решительный бой!» Козловский, Барсова, Рейзен и Михайлов выступили на концерте.

Утром 7 ноября было еще темно, когда члены ПБ поднялись на трибуну Мавзолея. Молотов – справа от Сталина. Бушевала метель. В 8 часов под бой часов из Спасских ворот на коне появился принимающий парад Буденный. «Объезжая войска и поздравляя их с праздником, т. Буденный слышал в ответ такое горячее и дружное «ура!», что я увидел, как прояснилось лицо т. Сталина, каким оно стало радостным и довольным... Подозревав меня, т. Stalin спросил, нельзя ли сделать так, чтобы передать Красную площадь в эфир, – вспоминал Власик. – «Все будет обеспечено», – я вернулся, чтобы доложить об этом т. Stalinу. Он уже начал свое историческое выступление. Я обратился к Молотову, который стоял рядом, и сказал громко, чтобы слышал т. Stalin:

– Красная площадь вышла в эфир!»⁴⁶⁹.

Молотов замечал: «На параде 7 ноября его речь не была записана, он потом отдельно записал»⁴⁷⁰. Как можно было не поверить в победу, видя такую неодолимую силу и волю.

Битва за Москву продолжалась. 25 ноября Молотов направил послем всех стран, с которыми существовали дипломатические отношения, первую из серии нот о военных преступлениях нацистов – «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных»: «Пленных красноармейцев пытают раскаленным железом, выкалывают им глаза, отрезают ноги, руки, уши, носы, отрубают пальцы на руках, вспарывают животы, привязывают к танкам и разрывают на части». Протестуя против нарушения норм человеческой морали, советское правительство возлагало всю ответственность за эти бесчеловечные действия «на преступное гитлеровское правительство Германии»⁴⁷¹. Ярость благородная вскипала, как волна. Реакции Запада на серию подобных нот Молотова не было до октября 1942 года, пока он не направил заявление советского правительства об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы. Именно в этом послании впервые прозвучало предложение о создании международного суда по военным преступлениям⁴⁷². Отсюда вырастет Нюрнбергский трибунал.

Зато сразу же последовал «ответ» из Берлина, где 27 ноября 1941 года передали сообщение о том, что в плен сдался сын Молотова, который выступил по радио от своего имени и от имени Якова Джугашвили – сына Сталина. «Георгий Скрябин» поведал, что с пленными обращаются хорошо, и передал «пламенный братский, чисто русский привет и пожелал долгих лет жизни для будущей счастливой, освобожденной от большевиков и жидов России». На следующий день иностранные корреспонденты имели возможность пообщаться якобы с ним на Вильгельмштрассе⁴⁷³.

У Молотова не было сына. И не было родственника с таким именем. Это была чистая фальшивка. А вот Яков Джугашвили действительно попал в плен, но никто не видел его после этого живым и не слышал его голоса.

1 декабря Молотов с почетным караулом встречал на Центральном аэродроме генерала Сикорского. 3 декабря Сталин принял его в кабинете Молотова. Заявив себя сторонником второго фронта и «адвокатом Советского Союза в Лондоне и в Америке», Сикорский высказал пожелание формировать польские части поближе к позициям англичан, которые якобы обещали помочь военным снаряжением. Желательно – в Иране. Но на советские деньги, получая советское оружие и довольствие. В результате переговоров была подписана декларация о дружбе и взаимопомощи. Выдвинутая Сталиным идея союзно-

го договора на военный и послевоенный период поддержки не нашла, как и идея неофициального обсуждения проблемы границ. Советское правительство предоставило беспрецедентный заем в сумме 300 миллионов рублей, выполнило обещание о переводе формирующихся польских частей из района Бузулука в Среднюю Азию. К февралю 1942 года польская армия фактически уже развернулась в составе шести дивизий, насчитывавших 73 тысячи военнослужащих, готовых к отправке на фронт. Однако вместо этого они будут эвакуированы через Иран⁴⁷⁴.

В начале декабря, когда в полной мере стало сказываться отсутствие подготовки немцев к войне в зимних условиях, развернулось контрнаступление по всему фронту – от Калинина до Ельца, которое предприняли войска Западного (Жуков), Калининского (Конев) и Юго-Западного (Тимошенко) фронтов, за месяц отбросивших противника на 100–250 километров. Германия потеряла 50 дивизий. Стало ясно, что ее стратегия молниеносной войны провалилась. Тем более после того, как в войну вступили США.

Японское авианосное соединение под командованием адмирала Нагумо, вышедшее из залива Хитокаппу на острове Итуруп, в ночь с 7 на 8 декабря атаковало базу американского флота Пёрл-Харбор, уничтожив и выведя из строя 8 линкоров, 6 крейсеров, эсминец и 272 самолета. В тот же день другое авианосное соединение, базировавшееся на Тайване, атаковало американские аэродромы на Филиппинах, британские аэродромы в Малайе и Сингапуре, высадило десант на севере Малайи и в Южном Таиланде. 8 декабря Конгресс США принял резолюцию об объявлении войны Японии. В тот же день в Токио был обнародован императорский рескрипт об объявлении войны Соединенным Штатам и Великобритании. 11 декабря США объявили войну Германия и Италия. Началась война на Тихом океане⁴⁷⁵.

8 декабря Рузвельт, принимая нового советского посла – Литвинова, высказал пожелание, чтобы СССР вступил в войну с Японией и предоставил США возможность использовать советские аэродромы для нанесения ударов по Японским островам⁴⁷⁶. Ответ пришел в телеграмме Молотова 10 декабря: «Мы не считаем возможным объявить в данный момент состояние войны с Японией и вынуждены держаться нейтралитета, поскольку Япония будет соблюдать советско-японский пакт о нейтралитете... В настоящий момент, когда мы ведем тяжелую войну с Германией и почти все наши силы сосредоточены против Германии, включая сюда половину войск с Дальнего Востока, мы считали бы неразумным и опасным для СССР объ-

явить теперь состояние войны с Японией и вести войну на два фронта»⁴⁷⁷. Рузвельт, выразив сожаление, заметил, что на месте СССР поступил бы так же⁴⁷⁸.

На вступлении СССР в войну с Японией настаивал и Чан Кайши. Сталин, отвечая ему 12 декабря, заявил: «Победа СССР на антигерманском фронте будет означать победу Англии, США, Китая против государств Оси»⁴⁷⁹. Поскольку США воевали с Японией, а СССР – нет, с декабря 1941 года гоминьдановские лидеры все больше выбирали в качестве главной опоры на международной арене Соединенные Штаты, сделав идейным обоснованием их альянса противостояние Японии и коммунизму. Это вызывало у советской дипломатии большую обеспокоенность и опасения, что экономически слабый Китай может попасть под полный контроль США⁴⁸⁰.

Первой попыткой определить параметры более широкого военно-политического взаимодействия союзников следует считать визит в Москву Антони Идена. 15 декабря, вспоминал он, «мы наконец достигли Москвы около 11.30 вечера. Молотов и другие встречали нас, и мы прошли через обычные военные церемонии, которые были осложнены множеством осветительных ламп и фотоспышек, которые полностью нас ослепили, и я почти врезался в почетный караул»⁴⁸¹. На следующей неделе состоялось пять его встреч со Сталиным и Молотовым. Они подробно изложили свое видение послевоенного устройства Европы, предложив подписать договоры о сотрудничестве в войне и на период после ее завершения. Границу Польши предполагалось продвинуть на запад за счет Германии. Должна быть восстановлена Австрия, а Рейнская область и, возможно, Бавария – отделены от Германии. СССР сохранит границы 1941 года, включая приобретения в Прибалтике, Финляндии и Румынии, а советско-польская граница пройдет по линии Керзона. «Идеи русских были уже четко определены, – удивлялся Иден. – И они мало изменились в следующие три года, коль скоро их целью было обеспечить максимально возможные гарантии будущей безопасности России»⁴⁸². И это так. Ничего иного СССР не будет просить для себя до конца войны.

Уже на второй встрече, в полночь 17 декабря, определится проблема, которая станет камнем преткновения в отношениях союзников в годы войны. Сталин поинтересуется, нет ли ответа британского правительства на вопрос о будущих границах СССР, Иден ответит, что не в состоянии признать границы 1941 года, особенно в свете неоднократных заявлений премьера, что «Англия не может признать никакого изменения границ в Европе, происшедшего на протяжении войны».

– Удивляюсь по поводу вашего упорства, – заявил Молотов. – Мы толкуем об общих военных целях, об общей борьбе, но в одной из важнейших военных целей – нашей западной границе – мы не можем получить поддержки Великобритании. Разве это нормально?

– Уверен, что если бы здесь вместе со мной находился премьер-министр, то все равно мы оба не могли бы официально признать западную границу СССР без консультаций с доминиканами и с Соединенными Штатами. Имеются и другие затруднения. Как мог бы я, например, согласиться на фиксацию польско-советской границы, не сказав об этом ни слова полякам?

– Поскольку вопрос о западной границе СССР является крупнейшим вопросом для нас, – резюмировал Молотов, – то в создавшейся обстановке лучше всего было бы отложить подписание договоров⁴⁸³.

Между тем Черчилль в Вашингтоне проконсультировался с Рузвельтом по вопросу о границах СССР. Правительство США было настроено резко отрицательно по отношению к советским предложениям⁴⁸⁴. Последняя встреча, состоявшаяся 20 декабря, ничего уже не могла изменить. «Сталин говорит, что он, пожалуй, был бы готов подписать оба договора, быть может, с небольшими редакционными изменениями, если бы у нас не было дискуссий по вопросу о границах. Эти дискуссии вскрыли ситуацию, которой он никак не ожидал»⁴⁸⁵. На прощальном приеме в Екатерининском зале Иден сидел справа от Сталина, Молотов – напротив. Вспоминал Иден: «Вечер был долгим, но расслабленным. Для многих присутствовавших русских это мог быть первый случай за месяцы, возможно с начала нацистского вторжения, когда они могли насладиться таким пиршеством, и они действительно наслаждались им»⁴⁸⁶. Расстались в добром расположении духа. До конкретных обязательств дело не дошло.

Почему Сталина и Молотова так волновали проблемы признания границ и послевоенного устройства, ведь до конца войны было так далеко? Полагаю, они были настроены более оптимистично, чем распорядится история. Теперь уже эйфория поселилась в кремлевских коридорах, где виделось повторение наполеоновского сценария с немедленным изгнанием обессиленного и замерзшего противника с родной земли. Однако вермахт оказался гораздо крепче «великой армии» Наполеона. А к весне 1942 года германская армия была больше, чем до начала вторжения в СССР.

Сталин, воодушевленный успехами зимней кампании, настал на продолжении наступательных операций сразу на нескольких стратегических направлениях. По свидетельству Ге-

оргия Жукова, «И. В. Сталин предполагал, что гитлеровцы, не взяв Москву, не бросят свою главную группировку на захват Кавказа и Юга страны. Он говорил, что такой ход приведет немецкие силы к чрезмерной растяжке фронта, на что главное немецкое командование не пойдет»⁴⁸⁷. Пошло! В качестве направления для главного удара Гитлер избрал южное – с захватом основных сельскохозяйственных житниц, выходом на Кавказ и к каспийской нефти и отсечением коммуникаций Центральной России с востока. Удар на юге был неожиданным и потому успешным, но стратегически он обернется катастрофой для Германии именно из-за «чрезмерной растяжки фронта».

В первые месяцы 1942 года заметно ухудшилось положение и западных союзников. Наступление 8-й британской армии в Африке захлебнулось, и уже в январе 1942 года войска Роммеля перешли в контрнаступление на Александрию. В борьбе за морские коммуникации в Атлантике верх брал немецкий подводный флот. Япония оккупировала свыше 6 миллионов квадратных километров с населением более 150 миллионов человек, включая Гонконг, Малайю, Голландскую Индию (Индонезию), Бирму, Сиам, Филиппины, Соломоновы острова. Японцы расширили зону оккупации Китая, вышли на подступы к Индии, Австралии и Аляске. На этом фоне отсутствие взаимопонимания между союзниками выглядело нелогичным, если не самоубийственным.

У Черчилля и Рузвельта

В начале февраля 1942 года Гарриман прилетел в Лондон и за завтраком с Майским обсудил вопрос о встрече Рузвельта со Сталиным в Исландии либо в районе Берингова пролива. Сталин счел свидание желательным, однако из-за напряженного положения на фронте предлагал встретиться в Архангельске или Астрахани. Это уже не устроило Рузвельта⁴⁸⁸. Но он считал «важным с военной и других точек зрения иметь что-то максимально приближающееся к обмену мнениями...» Поэтому хотел бы, чтобы Сталин обдумал «вопрос о возможности направить в самое ближайшее время в Вашингтон г-на Молотова и доверенного генерала»⁴⁸⁹. 20 апреля Сталин ответил: «В. М. Молотов может приехать в Вашингтон не позже 10–15 мая с соответствующим военным представителем. Само собой понятно, что Молотов побудет также в Лондоне для обмена мнений с Английским Правительством...»⁴⁹⁰ Это был уже ответ и на приглашение Молотову от Идена, поступившее 8 апреля.

Рузвельт 4 мая писал Сталину: «Я ожидаю встречи с Молотовым, и, как только мне станет известен маршрут, мы примем меры к немедленному предоставлению транспорта. Я надеюсь, что Молотов во время пребывания в Вашингтоне сможет остановиться у меня в Белом Доме, но мы можем, если это желательно, предоставить находящийся поблизости частный дом»⁴⁹¹. Однако поездка задерживалась. Stalin 15 мая информировал Рузвельта: «Поездка В. М. Молотова в США и в Англию состоится с отсрочкой на несколько дней ввиду изменчивой погоды. Выяснилось, что эта поездка может быть осуществлена на советском самолете как в Англию, так и в США. Необходимо при этом добавить, что Советское Правительство считает нужным осуществить поездку Молотова без какой-либо предварительной огласки в печати до возвращения Молотова в Москву, по аналогии с тем, как это было сделано в связи с поездкой г. Идена в Москву в декабре прошлого года. Что касается места остановки Молотова в Вашингтоне, то я, как и Молотов, выражаем Вам признательность за сделанные Вами предложения»⁴⁹². Рузвельт передал послание Хэллу с указанием обеспечить секретность пребывания Молотова в Вашингтоне с помощью жесткой цензуры. В конспиративных целях ему было присвоено кодовое имя «мистер Браун»⁴⁹³.

Разработать трассу полета было поручено генералу Голованову – командующему авиацией дальнего действия. Взвесив возможные варианты, он остановился на кратчайшем маршруте – над оккупированной немцами территорией, – который считал самым безопасным: даже если противник узнает о предстоящем полете, ему не придет в голову, что самолет полетит по прямой. Stalin счел вариант разумным⁴⁹⁴. Небесную часть маршрута командир Pe-8 Пусэн опишет в деталях: «19 мая 1942 года... Вокруг нашего самолета стоял десяток легковых автомобилей. У входа в самолет занималась экипированием группа людей в гражданском. Выходя из машины, я внимательно всматривался в их лица. Взгляд остановился на Голованове и одевающемся в меховой комбинезон человеке в пенсне. Застегнув молнию, он обернулся к нам. Этого человека знал каждый из нас. Вячеслав Михайлович Молотов – народный комиссар иностранных дел СССР. Меня представили высокому гостю.

– Молодой какой, и уже майор, – улыбнулся, протянув мне руку, Молотов. – Выходит, теперь мы все в его подчинении?

– Выходит, что так. Приказывать он умеет и доставит вас точно к месту назначения, – также улыбаясь, ответил генерал Голованов.

Я доложил о готовности к старту.

– Готовы? Ну, что ж, приказывайте, – сказал нарком».

ТБ-7 (Пе-8) – серийный самолет-бомбардировщик, «летающая крепость», был создан в 1936 году конструктором Петляковым. Четыре мотора по 1850 лошадиных сил, скорость до 440 км/час, дальность полета до 4,7 тысячи километров.

«Время от времени то впереди, то чуть сбоку появлялись вспышки света, не иначе, как разрывы стрелявших по нам наугад зениток. Нас это мало тревожило. Пусть себе стреляют наобум, в нас им все равно не попасть. Облака толстенные – прожекторы бессильны. Но вот нас окружила такая световая свистопляска, что сразу всем стало не по себе... Кругом нас загорелись яркими вспышками облака. Когда мы сообразили, что это может быть только молния, было уже поздно что-либо предпринять. За какие-нибудь полчаса, пока мы боролись за целостность самолета в грозовых разрядах, мы потеряли более четырех тысяч метров высоты». Но все обошлось. «Все в масках: дышат кислородом. Стрелок центральной башни Кожин, находящийся ближе других членов экипажа к пассажирам, регулярно, через каждые пятнадцать минут, проверяет состояние их и не дает им уснуть! Спать опасно... Нелегкое это путешествие для непривычных к таким перелетам работников Наркомата иностранных дел. Температура в центральном отсеке фюзеляжа, где были поставлены весьма примитивные временные сиденья, мало чем отличалась от наружной. А за бортом самолета мороз доходил до сорока градусов»⁴⁹⁵. Туалет – в ведро.

В аэропорту Тилинга был выстроен почетный караул шотландских солдат в клетчатых юбках. В сторону Лондона отправились на поезде. На одной из маленьких станций в поезд сел Майский. «По дороге, в вагоне, я вкратце информировал Молотова о положении дел в Англии и, между прочим, предупредил его, что наш проект договора имеет мало шансов на одобрение британской стороной. Нарком был явно недоволен моим сообщением, но вслух бросил:

– Посмотрим!

Перед самым Лондоном советских гостей встретили Иден и Кадоган и отвезли в Чекерс, где наркому была отведена официальная резиденция. Это было символом почета. В загородной резиденции премьера останавливались только наиболее высокие посетители из других стран». На Молотова Чекерс не произвел большого впечатления: «Какой-то небольшой сад. Небогатое старинное здание. Подарил, значит, какой-то старый дворянин правительству – пользуйтесь! Резиденция премьер-министра. Ванная есть, а душа нет. Вот я у Рузельта был, я же

ночевал в Белом доме. У Рузвельта устроено все по-настоящему, у него и ванна с душем»⁴⁹⁶.

На следующий день состоялась первая встреча с Черчиллем. После знакомства и обмена любезностями нарком сразу обозначил круг интересующих его тем. Иден напишет, что «Молотов прибыл в Лондон в бескомпромиссном настроении, и... дал понять, что из двух вопросов, которые предстояло обсудить, второй фронт был более важен, чем англо-советский договор... Черчилль пытался объяснить советскому министру цель британской стороны в переговорах о договоре – не простая задача с человеком, обладающим темпераментом Молотова»⁴⁹⁷.

– Советские проекты договоров наталкиваются на большие политические трудности в Англии, так как они противоречат принципам Атлантической декларации. Я знаю, что и Рузвельт неодобрительно относится к обсуждаемым проектам договоров, – объяснял Черчилль.

– У нас, в СССР, никто не согласится с договорами, в которых не будет минимальных условий, оправдывающих жертвы, принесенные Советским Союзом в советско-германской войне, и в которых не будет известных минимальных условий, обеспечивающих безопасность СССР на будущее время, – настаивал Молотов. – Для нас минимальным условием является восстановление границ СССР, нарушенных Гитлером в войне против СССР.

Дискуссию о втором фронте Молотов «отожмет» для Сталина: «Я сделал заявление, в котором обосновал важность создания второго фронта в Европе в течение ближайших недель и ближайших месяцев. В ответ Черчилль ясно дал понять, что второй фронт возможен только в 1943 году или, может быть, в конце 1942 года... Главное препятствие, по утверждению Черчилля, состоит в том, что у англичан и американцев нет достаточного количества судов, специально приспособленных к десантным операциям, но зато в 1943 году Черчилль грозит атаковать Европейский континент в 5–6 местах с помощью 1–1,5 миллиона англо-американских войск. После нескольких уточняющих вопросов пришлось признать, что английское правительство не признает возможным организацию второго фронта в желательный нам короткий срок».

Вечерние переговоры с Иденом начались с того, что стороны констатировали «отсутствие разногласий по договору о военном союзе». Приступили к обсуждению договора о послевоенном устройстве. Разногласия вновь возникли по Польше. Молотов предлагал:

– Возможны два предложения – решить вопрос о советско-польской границе по существу на основе линии Керзона или отложить разрешение этого вопроса.

– Английское правительство связано обязательствами по отношению к полякам, принятыми им еще до начала войны. Я считаю предлагаемую советским правительством компенсацию Польше за счет Восточной Пруссии реалистичной и разумной. И согласен с тем, что нет надобности устанавливать советско-польскую границу в настоящее время.

Описывая свои разговоры с Иденом, нарком извещал Сталина: «Вообще со стороны англичан не видно желания пойти нам навстречу». Из ответа Сталина видно, что мысли его были не на дипломатическом фронте: «В районе Барвенково и Изюма идут большие бои... Поставьте перед англичанами вопрос об усилении поставки истребителей, танков, особенно Валентина»⁴⁹⁸.

22 мая вечером Черчилль приехал на пару ночей в Чекерс и подметил ряд «замечательных инцидентов во время пребывания Молотова в Чекерсе. По прибытии русские немедленно попросили ключи от всех спален. С некоторым трудом эти ключи раздобыли, и в дальнейшем гости все время держали свои двери на запоре. Когда обслуживающему персоналу Чекерса удалось забраться в спальни, чтобы убрать постели, люди были смущены, обнаружив под подушками пистолеты. Трех главных членов миссии сопровождали не только их собственные полицейские, но также две женщины, которые заботились об их одежде и убирали их комнаты. Чрезвычайные меры предосторожности принимались для обеспечения личной безопасности Молотова. Его комната была тщательно обыскана его полицейскими, опытные глаза которых самым внимательным образом осматривали до мелочей каждый шкаф, каждый предмет мебелировки, стены и полы».

После обеда, около 10 часов вечера, Черчилль и Иден привлекли Молотова и Майского. Львиную долю времени в трехчасовой беседе заняло подробное сообщение Черчилля о военном положении, которое премьер делал с сигарой в зубах и отхлебывая виски из стакана. Черчилль описал этот вечер: «При помощи хороших карт я старался объяснить то, что мы предпринимаем, а также пределы и характерные особенности военных возможностей островной державы. Я также подробно говорил о технике десантных операций и описывал опасности и трудности сохранения нашей жизненной артерии через Атлантический океан в условиях угрозы нападения германских подводных лодок. Как мне кажется, на Молотова все это произ-

вело впечатление, и он понял, что стоящая перед нами проблема коренным образом отличается от проблемы, которая стоит перед огромной сухопутной державой. Во всяком случае, мы подошли ближе друг к другу, чем в любое другое время»⁴⁹⁹. После «доклада» Черчилля о geopolитике разговор перешел на вопрос о договорах. Иден сообщил, что разработал проект нового договора, который, по его мнению, «способен был бы вывести нас из создавшихся затруднений»⁵⁰⁰.

Молотов был не в восторге от хода переговоров: «Проявляя специальное личное внимание ко мне (завтрак, обед, длительная личная беседа до поздней ночи в Чекерсе), Черчилль по существу двух основных вопросов ведет себя явно несочувствен-но нам... Не имею уверенности, что договорюсь. Черчилль и Иден настаивают также на том, чтобы после США я снова заехал в Англию и, с учетом результатов моих бесед с Рузвельтом, еще раз обсудил с ними интересующие обе стороны вопросы, что об этом Черчилль хочет просить Сталина»⁵⁰¹. Телеграмма от Сталина гласила: «Советуем согласиться на то, чтобы на обратном пути остановиться в Лондоне. Дела у Тимошенко пошли хуже. Он надеется исправить положение»⁵⁰².

Суть нового проекта, предложенного Иденом, – «вместо признания их требования по границам предложить русским послевоенный союз против германской агрессии»⁵⁰³. Молотов сообщал Сталину: «Этот проект объединяет неспорные части обоих обсуждаемых договоров. В нем нет ничего о границах СССР и о праве переселения в другую страну, но содержится мысль о взаимопомощи на 20 лет после войны». Нарком вместе с Майским поначалу были настроены скептически: «Считаем этот договор неприемлемым, так как он является пустой декларацией, в которой СССР не нуждается»⁵⁰⁴. Но Идену Молотов отрицательного ответа не дал, заявив, что новый договор внимательно изучит правительство. Stalin изучил и пришел к выводу: «Мы его не считаем пустой декларацией и признаем, что он является важным документом. Там нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны, будем решать силой»⁵⁰⁵.

Молотова не надо было уговаривать. «Принимаю директиву инстанции к руководству и считаю, что и новый проект договора может иметь положительное значение. Я сразу недо-оценил это»⁵⁰⁶. Черчилль выражал удовлетворение, что «русские проявили признаки уступчивости... Москва предложила мелкие изменения, в основном подчеркивавшие долгосрочный

характер намечаемого союза»⁵⁰⁷. Стратегически положение СССР было сложнее, чем в декабре 1941 года, когда выдвигалось требование признания новых советских границ, и сам факт заключения союзного договора с Великобританией имел большее значение, чем проблемы послевоенного устройства. Наличие договора заметно укрепляло переговорные позиции на предстоящих встречах с Рузвельтом. А проблема границ – Сталин и Молотов это понимали – в любом случае будет решаться в зависимости от исхода войны, на поле боя.

«26 мая в торжественной обстановке в кабинете Идена, в присутствии Черчилля, Эттли и Синклера (трех лидеров партий, составлявших правительственный коалицию), при огромном стечении фотографов и кинооператоров договор был подписан Молотовым и Иденом, – зафиксировал Майский. – Он носил наименование “Договор о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны”»⁵⁰⁸ и заключался на 20 лет. Черчилль 27 мая писал Сталину: «Встреча с г-ном Молотовым доставила мне большое удовольствие, и мы сделали многое в смысле устранения преград между нашими двумя странами. Я весьма рад, что он возвращается этим путем, ибо нас ждет еще хорошая работа, которую надо будет проделать»⁵⁰⁹. Черчилль написал и Рузвельту: «Молотов – настоящий государственный деятель и обладает свободой действий, весьма отличной от той, которую Вам и мне приходилось наблюдать у Литвинова. Я очень уверен, что Вы сумеете с ним хорошо договориться»⁵¹⁰.

В ходе визита в Лондон Молотов впервые установил личный контакт с главой Свободной Франции генералом Шарлем де Голлем. Время было как нельзя кстати. Незадолго перед этим британское правительство высадило свои войска на Мадагаскаре, а Вашингтон подписал с Петеном договор об использовании американским флотом острова Мартиника. Де Голль воспринял это как прямое посягательство союзников на французские территории⁵¹¹. В Москве знали об этих противоречиях, как и о сложности характера генерала и отношений внутри французской эмиграции, что создавало почву для самостоятельной дипломатической игры. Именно с жалоб на союзников начал разговор де Голль, когда посетил Молотова вечером 24 мая в советском посольстве.

– Я понимаю трудности положения Национального комитета и выражаю свое сочувствие Движению свободных французов и желание советского правительства оказать ему поддержку, – ответил нарком. – Это может относиться и к вопросу о Мартинике и Мадагаскаре. Что же касается вопроса о суверенитете

французского народа, то советское правительство желало бы видеть этот суверенитет полностью восстановленным и Францию возрожденной во всем ее прежнем величии и блеске.

Де Голль пожаловался на слабость материальной поддержки со стороны англичан, Молотов обещал помочь и рассмотреть предложение генерала «послать в СССР небольшую группу летчиков, чтобы принять хотя бы небольшое участие в той борьбе, которую ведет Красная Армия против Германии»⁵¹². О Молотове генерал де Голль написал: «Впечатление, которое он произвел на меня в тот день, да и впоследствии, убедило меня, что по своему внешнему облику и по своему характеру этот человек как нельзя лучше подходил для выполнения возложенных на него задач. Неизменно серьезный, скромный на жесты, предупредительно корректный, но вместе с тем сдержанный, советский министр иностранных дел, следя за каждым своим словом, неторопливо говорил то, что он хотел сказать, и внимательно слушал других. Он был чужд какой-либо непосредственности. Его нельзя было взволновать, рассмешить, рассердить: какой бы вопрос ни обсуждался, чувствовалось, что он был с ним прекрасно знаком, что он тщательно отмечал все новые данные по этому вопросу, которые можно было почерпнуть из разговора, что он точно формулировал свое официальное мнение и что он не выйдет за пределы заранее принятых установок. Должно быть, и недавний договор с Риббентропом он заключал с той же уверенностью, какую теперь вносил в переговоры с западными державами»⁵¹³.

27 мая в Москву пришла телеграмма от Молотова из Лондона: «1) Встреча с королем состоялась. Ничем особенным не примечательна. 2) Заходил ко мне дважды Бивербрук. Советовал нажимать на английское правительство и уверял, что Рузвельт за второй фронт. 3) Принял де Голля. Он не доволен, что англичане и американцы признают его только как руководителя военных сил свободных французов, но не считаются с ним в таких делах, как вопрос о Мадагаскаре или о. Мартинике. Предложил, чтобы СССР учредил консульство в Леванте. Я обещал изучить. 4) Заходил ко мне Гарриман. Уверял, что Рузвельт будет доволен договором и что он все делает для снабжения СССР. 5) С Черчиллем говорил об ускорении поставок истребителей и танков. Обещал принять меры, но не сказал ничего конкретного. 6) 26 мая устроил завтрак англичанам. Военный кабинет во главе с Черчиллем был в полном составе. Завтрак прошел хорошо. 7) 27 мая днем собираюсь вылететь в США, если позволит погода»⁵¹⁴.

Погода позволила. Но из воспоминаний и Молотова, и Пусэпа складывается впечатление, что Лондон не был настроен

способствовать успеху вояжа Молотова в Америку. Или чтобы он туда вообще долетел. «Ну и союзнички у нас!» – сказал Сталин, которому Молотов рассказал о некоторых деталях.

– Да, англичане очень не хотели, чтоб я летел к Рузвельту, – подтверждал Молотов⁵¹⁵.

Полетные карты, которые получили от англичан, предусматривали промежуточные посадки в Исландии и на Ньюфаундленде. С Исландией было полбеды: «Аэродром в Рейкьявике имел слишком короткую взлетно-посадочную полосу. Об этом знали и мы сами, знал и наше командование, разрабатывая маршрут полета. Но деваться некуда – наш самолет не мог пролететь без посадки все расстояние от Прествика до берегов США... Прибывшие из Лондона пассажиры были приятно удивлены метаморфозой, произшедшей в центральном отсеке нашего корабля. Общими усилиями экипажа и работников посольства отсек превратился в настоящий салон, с мягкими сиденьями и даже ковром на полу». Страшно болтало, крайне проблемная посадка в Рейкьявике впритирку к носам многочисленных самолетов. С посадкой (как и взлетом) помог ветер. И тут Молотову в очередной раз крупно повезло. В офицерской столовой в Рейкьявике с Пусэпом заговорил опытный американский летчик полковник Арнольд:

– Прошу иметь в виду, что Ньюфаундленд отличается обилием туманных дней. Туман появляется всегда неожиданно, и никто не берется предсказать его появление или время исчезновения.

«Рассказ полковника наводил на грустные размышления. Что остается предпринять летчикам, перелетевшим океан, если окажется, что беспросветный туман закрыл аэродром посадки? Арнольд разложил на столе полетную карту и показал пальцем на нанесенный от руки красный кружок на Лабрадорском полуострове.

– Гус-Бей. Аэродром. Хотя он и далеко от Ньюфаундленда, при случае может пригодиться».

Подлетая к Американскому континенту, узнали, что Гандер действительно закрыт туманом. «А что, если бы случай не подсказал им о существовании этого аэродрома? – написал Пусэп. – Это означало бы неминуемую катастрофу, поскольку в районе Ньюфаундленда никакого другого аэродрома, кроме Гандера, не было. Нам везет, здорово везет, хотя, мне кажется, что люди нашего экипажа сами крепко, буквально за волосы, вытаскивают это везение». Сели на недостроенную полосу в Гус-Бей. «Офицеры местного гарнизона ничего не знали об этом полете и были буквально ошеломлены, узнав, что на на-

шем самолете прилетел нарком иностранных дел Советского Союза “мистер Молотофф”. Начальник гарнизона распорядился снабдить нас горючим, смазочным и всем необходимым для дальнейшего полета. Уговаривали Молотова сделать остановку после утомительного перелета.

– Когда победим фашистов, тогда и отдохнем, – улыбнулся нарком.

Синоптик укоризненно покачал головой:

– До сегодняшнего дня еще никто из прилетавших из-за океана так не торопился».

При подлете к Вашингтону главной проблемой была уже жара: внутри корабля – 35 градусов тепла. «Слева от нас высокий обелиск, памятник президенту Георгу Вашингтону. Резко убираю моторы и сажусь. Все! Катимся по ровным плитам широкой полосы. Спускаюсь вниз. Бог ты мой! Наш корабль похож на пончик в масле! Отовсюду капает масло. Крылья лоснятся от него и сверху и снизу»⁵¹⁶. Приземлились благополучно, вот только одно из колес самолета при посадке сгорело.

Первые телеграммы Молотова из Вашингтона показались Сталину слишком лапидарными, и в ночь на 3 июня он напишет ему: «Из бесед с Рузвельтом и Черчиллем ты сообщаешь нам то, что сам считаешь важным, пропуская все остальное. Между тем, инстанция хотела бы знать все, и то, что ты считаешь важным, и то, что, по-твоему, не важно»⁵¹⁷. Это заставит Молотова вновь взяться за перо. «Сразу же с аэродрома (после 19-часового перелета из Исландии с остановкой на 3 часа в Гус-Бее на Лабрадоре) в несколько потрепанном в неумытом виде в 4 часа дня меня доставили Хэлл и Литвинов в кабинет Рузвельта, где был и Гопкинс». Гопкинс описал начало первой встречи как малообещающее, связав это с происками Госдепа: «Молотов и президент тепло приветствовали друг друга. Молотов горячо поблагодарил за приглашение приехать в Америку и передал президенту привет от Сталина. Было довольно трудно сломать лед, хотя это, видимо, объяснялось не отсутствием любезности и сердечности со стороны Молотова. На столе у президента лежали два или три меморандума, о которых я никогда раньше не слышал и которые, очевидно, были ему вручены Государственным департаментом. В этих меморандумах Государственный департамент предлагал свои добрые услуги в разрешении трудностей в отношениях, с одной стороны, между русскими и иранцами и, с другой – между русскими и турками. Мне показалось, что это не произвело на Молотова большого впечатления. Так я, во всяком случае, думал, ибо он прямо сказал президенту, что русским больше известно об их отношениях с Ираном и Турцией, чем нам»⁵¹⁸.

Председатель Совнаркома и нарком иностранных дел СССР

Сталинский нарком Полина Жемчужина

Молотов и Риббентроп. 23 августа 1939 г.

Встреча в Берлине. Ноябрь 1940 г.

Переговоры
с Гитлером.
Ноябрь 1940 г.

Встреча
с Герингом.
Ноябрь 1940 г.

Подписание пакта о нейтралитете с Японией. 13 апреля 1941 г.

Московская конференция. Слева направо: Лорд Бивербрук, Молотов, Аверелл Гарриман. Сентябрь 1941 г.

Встреча генерала Сикорского на Центральном аэродроме.
2 декабря 1941 г.

Встреча А. Идена в Москве. Декабрь 1941 г.

С Рузвельтом в Белом доме. 1942 г. (На обороте фотографии надпись: «Моему другу Молотову»)

Молотов и Черчилль. 12 августа 1942 г.

Переговоры с Черчиллем и Гарриманом в Кремле. Август 1942 г.

В Кремле с лидером Республиканской партии США У. Уилки.
20 сентября 1942 г.

Посол Д. Дэвис в Кремле. 1943 г.

Встреча госсекретаря США К. Хэлла. Октябрь 1943 г.

Московская конференция министров иностранных дел. Хэлл, Молотов, Илен. *Октябрь 1943 г.*

Подписание итоговых документов Московской конференции.
Октябрь 1943 г.

Тегеран-43

Молотов, Вышинский и Громыко встречают румынского лидера П. Грозу. 4 сентября 1944 г.

Молотов и Жданов
перед подписанием
перемирия
с Финляндией.
Сентябрь 1944 г.

Черчилль снова
в Москве. Осень 1944 г.

Сталин на проводах Черчилля. Октябрь 1944 г.

Москва приветствует генерала Ш. де Голля. 2 декабря 1944 г.

Подписание советско-французского договора о союзе и взаимной
помощи. 10 декабря 1944 г.

Молотов, Черчилль и Рузвельт в крымском аэропорту Саки.
3 февраля 1945 г.

Сталин, Гарриман и Молотов в Ялте. Февраль 1945 г.

Госсекретарь США Стеттиниус, Молотов и Иден подписывают протокол Крымской конференции. 11 февраля 1945 г.

С президентом Чехословакии Бенешем. *Март 1945 г.*

Роковой для Молотова человек И. Б. Тито в Москве. *1945 г.*

Молотов настал на этом зацикливаться: «Рузвельт предложил поговорить со мной о помощи Советскому Союзу, об Иране и Турции, а также о желательности присоединения СССР к Женевской конвенции. Я дал краткие разъяснения по этим вопросам, но к ним больше не пришлось возвращаться... Я спросил Рузвельта, когда американцы и англичане начнут бить японцев? Рузвельт ответил, что сейчас силы флота США распылены, приходится патрулировать и охранять коммуникации в Атлантике, а также вокруг Ирландии и Средиземного моря. На этом закончилась первая беседа с Рузвельтом, который пригласил меня к себе на обед в тот же день в 8 часов вечера. Однако еще за полчаса до обеда ко мне зашел Гопкинс с приглашением пойти к Рузвельту, что я и сделал. Кстати сообщаю, что первый день и ночевку я провел в Белом доме в комнате напротив комнаты Гопкинса, а со второго дня я переселился в особняк рядом с Белым домом, где с момента приезда сразу же были расположены остальные товарищи из моей группы»⁵¹⁹.

Гопкинс отмечал: «Рузвельт чувствовал себя на этих совещаниях очень скованно и не мог проявить присущего ему таланта собеседника, главным образом из-за языковых трудностей и неизбежных пауз, во время которых переводились заявления... Нужно было также считаться и с тем фактом, что во всех своих многочисленных делах с самыми различными людьми Рузвельту никогда не приходилось встречаться с кем-либо, похожим на Молотова... Однако Рузвельта вовсе не пугала новая и необычная для него проблема в области человеческих отношений, какую представлял собой Молотов»⁵²⁰.

А тот продолжал информировать Сталина: «Вторая беседа с Рузвельтом 29 мая происходила, так сказать, в наиболее интимной обстановке. После обеда, уже в гостиной, усаживая меня рядом с собой на диване, Рузвельт спросил, так же ли меня принимал Черчилль, намекая на простоту и искренность его приема. Я ответил, что очень доволен приемом Рузвельта, а также и Черчилля, который два вечера просидел со мной почти до 2 часов ночи.

Перед обедом я спросил Рузвельта, знаком ли он с договором, подписанным мной и Иденом в Лондоне... Бросается в глаза, что Рузвельт не поддерживает разговора на тему об этом договоре и не выразил какого-либо сочувствия этому. Литвинов доказывал мне, что Рузвельт не сочувствует англо-советскому договору, потому что он не хочет сближения между СССР и Англией и, наоборот, хочет сближения между США и СССР, видимо для того, чтобы успешнее нажимать на Англию».

За обедом начали разговор о втором фронте, который продолжился 30 мая у Рузвельта с участием генерала Маршалла,

адмирала Кинга и Гопкинса. Молотов доказывал: «Если СССР не выдержит напора гитлеровских войск в 1942 году, то в 1943 году Гитлер будет гораздо сильнее, чем нынче, а советская армия не сможет связать на своем фронте почти все его войска, как это имеет место теперь. И здесь я поставил вопрос о желательности летом и осенью этого года оттянуть на Западный фронт хотя бы 40 германских дивизий... Рузвельт, по крайней мере, внешне, толкал генералов к поддержке второго фронта в 1942 году и тут же спрашивал их, возможно ли это. Маршалл сказал, что они делают все возможное, чтобы открыть второй фронт, хотят помочь Советскому Союзу. Трудности с десантом на континент осложняются, однако, выделением тоннажа для СССР, а также отправкой значительного количества самолетов в СССР. Неискренность такого ответа для меня очевидна. Адмирал Кинг указал на трудности с конвоированием караванов на Мурманск. Надо охранять от крупных немецких кораблей, вроде "Тирпица", от подводных лодок и от нападения с воздуха».

Рузвельт пригласил всех за обеденный стол, где уже ждали вице-президент Уоллес, Гопкинс, Хэлл, Моргентау, Кинг, Бернс, председатели комитетов по международным делам палаты представителей Блум и сената – Конелли. «Рузвельт предложил тост за здоровье товарища Сталина, я – за здоровье Рузвельта, – отчитывался Молотов. – В конце завтрака Рузвельт меня попросил дать информацию присутствующим о положении на нашем фронте... Я несколько раз подчеркивал трудности нашей армии и стремление немцев не только во что бы то ни стало отстоять Харьков, но и подготовить удар против Ростова и Северного Кавказа с захватом Грозного и Майкопа плюс дороги на Баку, а также концентрацию немецких сил против Москвы. Во время сообщения я пустил шпильку, что нам, мол, неприятно, что к успеху на Керченском полуострове имели отношение даже румыны, с которыми, правда, американцы не воюют. Рузвельт понял намек, громко рассмеялся и потом мне сказал, что румыны просто не заслуживают внимания. Конелли же подал реплику: "Ваши враги – наши враги". Возможно, что обращение Рузвельта к конгрессу с предложением объявить войну Румынии, Венгрии и Болгарии и быстрое согласие на это конгресса было в некоторой связи с этим завтраком»⁵²¹. Это было действительно так.

Американский переводчик Кросс записал: «Когда беседа коснулась Гитлера, президент заметил, что ведь Молотов позже любого из присутствующих виделся и беседовал с Гитлером и что, может быть, он согласится поделиться своими впечат-

лениями об этом человеке. Молотов подумал минуту и затем сказал:

— В конце концов договориться можно почти со всеми. Очевидно, Гитлер старался произвести на меня хорошее впечатление. Однако мне ни разу еще не приходилось иметь дело с двумя более неприятными людьми, чем Гитлер и Риббентроп.

После завтрака президент вернулся в свой кабинет, где принял офицеров и экипаж бомбардировщика, на котором летел Молотов, а также лиц, сопровождавших Молотова и представленных президенту Литвиновым. Президент вручил Молотову список тех 8 миллионов тонн материалов по ленд-лизу, которые мы должны изготовить в течение года, начиная с 1 июля 1942 года. Однако президент сказал, что из этого количества мы сможем перевезти только 4 миллиона 100 тысяч тонн. Около трех с половиной часов пополудни группа разошлась⁵²².

В воскресенье 31 мая официальных встреч не было. Молотов отправил Сталину телеграмму: «Рузвельт развивает мысль, что для охраны мира потребуется некая полицейская сила, причем эту полицейскую силу он мыслит в виде вооруженных сил трех или четырех стран: США, СССР, Англия и, может быть, Китай (если Китаю удастся создать центральное правительство). По мнению Рузвельта, все остальные страны, включая Францию, Польшу, не говоря о Германии, Италии и Японии, должны быть разоружены. В ответ на это высказывание я заявил, что в такой конкретной форме нам еще не приходилось выслушивать соображения по этому вопросу, что у меня есть опасение насчет отношения к этому вопросу со стороны некоторых стран, как, например, Франции, Польши, Турции, что вопрос важный и требует изучения»⁵²³. Stalin спешил сообщить свое мнение: «Не может быть сомнения, что без создания объединенной вооруженной силы Англии, США, СССР, способной предупредить агрессию, невозможно сохранить мир в будущем. Хорошо было бы сюда включить Китай. Что касается Польши, Турции и других государств, я думаю, что можно вполне обойтись без них, так как вооруженные силы трех или четырех государств совершенно достаточны»⁵²⁴. Из идеи трех-четырех полицейских родится Организация Объединенных Наций с ее Советом Безопасности.

Последняя встреча в Белом доме состоялась в 10.30 в понедельник 1 июня. Настроение Молотова после общения с Рузвельтом явно пошло вверх: «Он просил сообщить, что после войны не только нужна вооруженная полицейская сила трех-четырех стран для охраны и установления контроля по недопущению вооружения Германии и Японии, но также нужно заменить су-

ществовавший перед войной режим колоний и подмандатных территорий, которые принадлежали отдельным странам (Японии, Франции, Англии) и которые впредь не должны принадлежать отдельным странам, а должны находиться под опекой трех-четырех стран: США, СССР, Англии и Китая (Китай упоминался вскользь)». Молотов поспешил подтвердить, что Москве эта идея по душе. «Рузвельт остался доволен моим ответом»⁵²⁵.

Генри Киссинджер по этому поводу напишет: «Если бы Молотов был в большей степени философом, он, возможно, задумался бы над кругооборотом истории: в течение восемнадцати месяцев ему дважды предлагали членство в двух различных, противоположных альянсах: Гитлер и Риббентроп в Трехстороннем пакте, состоящем из Германии, Италии и Японии; а Рузвельт – в коалиции, включающей Соединенные Штаты, Великобританию и Китай. В каждом случае поклонник пытался завлечь Молотова перспективами экзотических южных стран: Берлин предлагал Ближний Восток, Вашингтон – участие в колониальном трасте. Ни в одном случае Молотов не дал себя отвлечь от первоочередных советских задач, находившихся в пределах досягаемости советских армий. Не видел Молотов и нужды в том, чтобы приспособливать свою тактику к конкретному собеседнику. В Вашингтоне, как и ранее в Берлине, Молотов согласился в принципе присоединиться к предложенному соглашению. То, что “четыре полицейских” поместят его в компанию заклятых врагов группировки, в которую его вовлекали восемнадцатью месяцами ранее, похоже, его не смущало»⁵²⁶.

Ну а Молотов продолжал отчет: «Рузвельт вновь сам заговорил о втором фронте и заявил, что он за второй фронт в 1942 г., что главная задержка в недостатке судов для десанта. Рузвельт доказывал, что если мы сократим наши требования на тоннаж для поставок в СССР до 2 миллионов тонн (после 1 июля 1942 г.), то это значительно ускорит создание второго фронта... На мой вопрос, что же в итоге бесед мне сказать в Лондоне и в Москве об отношении президента к вопросу о втором фронте, он ответил, что он стоит за второй фронт в этом году, что в этом духе сейчас идет большая работа в США и Англии и этому всячески содействует, но дело зависит от англичан... Президент и Гопкинс сегодня уезжают из Вашингтона и попрощались со мной очень тепло». А затем добавил деталь: «На прощание Рузвельт снимался со мной и вручил свою карточку с надписью: “Моему другу г. Молотову”»⁵²⁷. Эта фотография, на которой они сидят в комнате карт (map room) Белого дома, сохранилась в домашнем архиве.

Рузвельт согласился с предложенной наркомом формулой коммюнике о достигнутом полном понимании «в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году». Гарриман иронизировал: «Согласившись с версией Молотова, Рузвельт дал работу целому поколению публицистов и историков войны, которые посвятили ее реальному содержанию десятки книг и сотни статей». Сам Гарриман полагал, что «Рузвельт был настолько глубоко потрясен мрачной картиной ситуации на Восточном фронте, как ее нарисовал Молотов, что он надеялся вдохновить русских держаться, подняв их ожидания на действия союзников на западе»⁵²⁸. Сам Рузвельт изложил свои мотивы в письме Черчиллю: «Я особенно хочу, чтобы Молотов вернулся из своей поездки с какими-то реальными результатами и сделал Сталину благоприятный отчет». Президент полагал, что ему удалось установить с Молотовым «личные отношения на основе откровенности... и он потеплел гораздо больше, чем я ожидал»⁵²⁹.

Из-за ремонта сгоревшего при посадке колеса появилось свободное время. Вечером Молотов выехал поездом в Нью-Йорк и 2-го вечером вернулся. «Посещение Нью-Йорка ограничилось поездкой на автомобиле в течение 3–4 часов по городу и окрестностям, а также знакомством с советскими работниками в Нью-Йорке». Поднимался на Эмпайр-стейт. Последний день визита был насыщенным. «Лорд Маунтботтен попросился ко мне и был 3 июня у меня вместе с заместителем (по оперативной части) начальника американского генерального штаба генералом Айзенгауером по вопросу о десантных танках. Перед уходом Маунтботтен по секрету сказал, что на днях он устроит десантные операции в масштабах больших, чем прежде». Затем в Посольство СССР пришел Хэлл, «так как он считал не-конспиративным в отношении журналистов мое появление в Госдепартаменте... Хэлл указывал на желательность установления авиалиний через Аляску и далее через Якутск – Иркутск, а также на возможность отправки этим путем бомбардировщиков из США в СССР.

Сегодня, 3 июня, в посольстве был устроен завтрак (лянч), на котором присутствовали вице-президент Уоллес, Стимсон, Моргентау, Икес, министр торговли Джонс, Самнер Уэллес, министр земледелия Виккард, вице-адмирал (председатель морской комиссии) Ленд, генерал Бернс, руководитель управления военного производства Нельсон, Галифакс. На завтраке не смогли быть Хэлл и Нокс ввиду занятости. Завтрак прошел хорошо с точки зрения дружественных отношений. Теперь наш самолет подготовлен к полету. Завтра с утра будет произведен

пробный небольшой полет, и, если погода не помешает, то 4 июня вылетим в обратный путь»⁵³⁰. Починенное колесо, прибыло, наконец, специальным рейсом из Детройта. Погода не подвела.

«Вокруг нас, как и при встрече, снова сновали операторы и корреспонденты с аппаратами на треногах и без них, прожекторами и лампами, за которыми тянулись извивающиеся змеями провода. Все это трещало и щелкало, вспыхивало и блестело, окружая нас и провожающих плотным кольцом. Прибыл трактор-тягач и потащил корабль к линии старта. Газетный и кинолюд не отставал. На ходу нам совали в руки вечные ручки и блокноты, просто клочки бумаги и денежные знаки, прося автографы. Когда корабль остановился в начале бетонной полосы, я протиснулся к наркому и просил его ускорить нескончаемое прощание»⁵³¹. Американцы выполнили просьбу о секретности переговоров – в прессе не появилось ни строчки. Лишь когда Молотов уехал, в газетах была опубликована фотография в аэропорту в Вашингтоне. Как подметил Бромадж, «Молотову понравился прием, который был дружественным, если только американцы знают, что значит дружественный»⁵³².

По следам визита США объявили войну Румынии, Венгрии и Болгарии, а также понизили уровень дипотношений с Финляндией. Москва дала согласие организовать перегонку бомбардировщиков через Аляску и Сибирь. 11 июня Хэлл и Литвинов подписали «Соглашение о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии», подводившее базу под поставки по ленд-лизу.

На сей раз погода позволила сесть в Гандере. «Посадка на этом отдаленном аэродроме советского самолета вызвала в гарнизоне большое оживление. Местные портнихи заработали у гарнизонных дам денег больше, чем за весь год. Ужин прошел оживленно и весело». Пора лететь дальше. «Только светлое пятно лампочки над головой наркома говорит о том, что он что-то читает». Он продолжал описывать свои переговоры с американцами – подробные телеграммы уйдут уже из Лондона. В Рейкьявике «встречают нас как давних друзей, минут и треплют, обдавая характерными запахами, присущими всем, кто долго топтался у высокой стойки бара». Синоптик советовал вылететь как можно скорее. Летели на высоте три тысячи метров: можно обходиться без кислородных масок. Ветер попутный. «Прямо с аэродрома всех наших пассажиров Иван Михайлович Майский увез в Лондон»⁵³³.

Молотов запросил указаний для переговоров с Черчиллем. Инструкция Сталина была весьма короткой: «Следовало бы нажать на Черчилля, чтобы второй фронт был организован и

уже приведен в действие в этом году, это при условии, что мы заявку на тоннаж сокращаем»⁵³⁴. Зампред ГКО нажимал. В Лондоне были в замешательстве от триумфальных итогов визита Молотова за океан. «Молотов возвратился в Лондон 9 июня, везя с собой взрывное послание, – писал Иден. – Если оно что-то обозначало, это было обещание второго фронта в этом году, что мы не считали возможным»⁵³⁵.

Нарком рассказал о позиции Рузвельта, отметив готовность СССР на сокращение тоннажа, употребляемого для доставки помощи. «Под конец я упомянул, что президент придает настолько большое значение второму фронту в 1942 году, что готов рискнуть даже новым Дюнкерком... В этом месте Черчилль в сильном возбуждении перебил меня и заявил, что он ни за что не пойдет на новый Дюнкерк и на бесплодную жертву 100 000 человек, кто бы ни рекомендовал ему это сделать. На мой ответ, что я лишь передаю мнение Рузвельта, Черчилль добавил: «Я сам выскажу ему свое мнение по данному вопросу». Предложение президента о разоружении всех держав, кроме трехчетырех, Черчиллю не понравилось, он не понимал, как можно Францию, Норвегию, Польшу, Турцию и других оставить без армий. Молотов выразил недоумение по поводу сокращения британских поставок самолетов и танков. Черчилль сослался на «изменение обстоятельств»: после начала войны с Японией сократились американские военные поставки в Англию.

После переговоров был «интимный обед», а затем Черчилль в течение трех часов убеждал, что «в этом году из-за необеспеченности нужным десантным тоннажем нельзя осуществить второй фронт, что, может быть, удастся в августе – сентябре высадка во Франции 6 дивизий, что подготовка к этому и ко второму фронту в будущем году ведется очень интенсивно. Я настаивал на втором фронте в этом году, что они недооценивают своих сил и возможностей, что 1943 год может оказаться для второго фронта труднее. Итог, следовательно, такой, что английское правительство обязательства по созданию второго фронта в этом году не берет»⁵³⁶.

Следующий день был тоже насыщен дипломатией. При встрече с Бенешем Молотов подтвердил:

– Советское правительство было и остается противником Мюнхена и, конечно, хотело бы видеть Чехословакию восстановленной со всеми теми ее территориями, которые были у нее отняты Гитлером⁵³⁷.

Иден фиксирует: «Прием в советском посольстве на ланч, на который русские по нашему предложению пригласили поляков. Прием принес небольшую пользу, хотя никто не назвал бы его

большим успехом. Когда уходил в 4 часа, Молотов и Сикорский еще беседовали»⁵³⁸. Вечером была еще одна беседа с Черчиллем и Иденом, которые пояснили, что формулировка о втором фронте в 1942 году, содержавшаяся в итоговом коммюнике, «не означает, что английское правительство связывает себя определенным обязательством в отношении даты второго фронта». Черчилль вручил не скрывавшему свое разочарование Молотову меморандум, гласивший: «Хотя мы делаем все от нас зависящее для разработки планов, мы не связываем себя обязательством действовать и мы не можем дать никакого обещания»⁵³⁹.

Именно в связи с лондонскими переговорами Черчилль в мемуарах воздал должное дипломатическим талантам Молотова: «Одно за другим щекотливые, зондирующие и затруднительные свидания проводились с полным хладнокровием, с непроницаемой скрытностью и вежливой официальной корректностью. Завеса не приоткрывалась ни на мгновение. Ни разу не было ни одной ненужной резкой ноты... Лишь однажды я как будто добился от него естественной, человеческой реакции... Ему предстоял опасный перелет на родину. У садовой калитки на Даунинг-стрит, которой мы пользовались в целях сохранения тайны, я крепко пожал ему руку, и мы взглянули друг другу в глаза. Внезапно он показался мне глубоко тронутым. Под маской стал виден человек. Он ответил мне таким же крепким пожатием. Мы молча сжимали друг другу руки. Однако тогда мы были прочно объединены, и речь шла о том, чтобы выжить или погибнуть вместе»⁵⁴⁰.

Был ли Молотов разочарован позицией Черчилля по второму фронту? Не думаю. Он говорил: «Я был спокоен и понимал, что это совершенно для них невозможная вещь. Но, во-первых, такое требование нам было политически необходимо, а во-вторых, из них надо было выжимать все. И Сталин тоже не верил, я в этом не сомневаюсь. А требовать надо было! И для своего же народа надо. Люди же ждут, какая-нибудь помощь еще будет или нет? Для нас их бумажка имела громадное политическое значение. Ободряла, а это тогда много значило»⁵⁴¹.

Молотов пригласил в Лондон Пусэпа со штурманом: англичане предлагали лететь через Африку, поскольку немецкой разведке стало известно о пребывании делегации в Лондоне.

«— Как вы считаете, не следует ли опубликовать результаты нашего полета до возвращения в Москву? — задал вопрос нарком, вглядываясь в меня через свое пенсне.

Я понял смысл вопроса. Если радиостанции Москвы, Лондона и Вашингтона оповестят мир о результатах переговоров и опубликуют договоры, заключенные между союзными державами, то у врага появится предположение, что мы уже в Москве.

– Это будет замечательно! – воскликнул я. – Скажем, сегодня опубликовать, а завтра вечером стартовать в Москву.

– Я тоже так думаю. Значит – завтра в путь. Когда взлетаем?

– В двадцать ноль-ноль по среднему местному летнему времени.

– Лучше давайте по-нашему, по-московскому, – и народный комиссар, улыбаясь, кивнул на свои часы»⁵⁴².

Телеграмма Сталину: «10-го июня, при прощании, Черчилль вручил мне письменное изложение точки зрения английского правительства о втором фронте, в котором заявляется о возможности в 1942 году только частичной операции. Сегодня, 11 июня, к вечеру, вылетаем в Москву»⁵⁴³. Вот только из-за вновь лопнувшего колеса вылетели с задержкой, а потому от Кёнигсберга до линии фронта летели в ясном небе при свете дня. Поэтому пришлось забраться к потолку возможностей самолета, и по высоте – 8500 метров, и по скорости – 550 км/час. Пронесло. Перед посадкой, как будто боясь опоздать, вылезли из меховых комбинезонов, стянули унты. И вот уже самолет рулит по зеленой траве Центрального аэропорта. Молотов пожал руку и обнял всех членов экипажа.

Летчики Пусэл, Штепенко и Романов получили звезды Героев Советского Союза, второй летчик Обухов, борттехники Золотарев и Дмитриев – ордена Ленина, остальные – ордена⁵⁴⁴. Молотов за полет награду не получил. Но он стал звездой мировой политики первой величины. В 1942 году из-под пера Г. Гэя в Лондоне вышла первая англоязычная биография Молотова. «Говорят, он занят 16 часов в сутки, и все, к чему он прикасается, делается хорошо. Способный, добросовестный, бескорыстный – он является идеальным слугой государства. У него нет персональных амбиций, жадности к деньгам, что характерно для всех нацистских руководителей. Он не работает ради выгода. Он не ищет собственной популярности... Он имеет самые глубокие и точные знания о внутренней политике России, что делает его авторитетом в Кремле. Он умен и ясно мыслит, и поэтому Сталин часто прислушивается к нему, прежде чем принять решение. Как часто он следует советам Молотова – другой вопрос»⁵⁴⁵.

Первый заместитель

Москва придала обещанию союзников открыть второй фронт максимальную гласность. 18 июня в Кремле состоялась Чрезвычайная сессия Верховного Совета для ратификации договора о союзе с Англией. Докладывал Молотов:

— Англо-советский договор, как и результаты переговоров, которые мне, по поручению советского правительства, пришлось вести в Лондоне и в Вашингтоне, свидетельствуют о серьезном укреплении дружественных отношений между Советским Союзом, Великобританией и Соединенными Штатами Америки. Для народов Советского Союза, которым приходится нести главную тяжесть борьбы с гитлеровской Германией, это имеет тем большее значение, чем больше это ускоряет нашу победу над германскими захватчиками. При переговорах была достигнута «полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году». (Бурные, продолжительные аплодисменты.) Со второй половины текущего года военные поставки и снабжение для СССР со стороны союзников будут увеличены и ускорены. (Аплодисменты.) Считаю необходимым заявить, что в отношении меня, как представителя СССР, были проявлены сердечность и исключительное гостеприимство как в Лондоне, так и в Вашингтоне. Особо я должен упомянуть о личном внимании и активнейшем участии в беседах президента США г. Рузвельта и британского премьер-министра г. Черчилля, которым я выражаю свою искреннюю признательность. (Продолжительные аплодисменты.)⁵⁴⁶

Однако Черчилль, который не собирался открывать второй фронт, полетел к Рузвельту. Их переговоры 17–25 июня имели результатом очевидный триумф британской позиции. Другим важнейшим решением стало соединение усилий двух стран по созданию атомного оружия и размещению объединенного ядерного центра в США, что предопределил американский контроль над проектом. С помощью СССР союзники не спешили. Более того, наметились большие трудности с военными поставками. В июне 1942 года из 34 судов, шедших в Мурманск, 23 были потоплены немцами. 18 июля Черчилль известил советское правительство о полном прекращении отправок конвоев, встретив полное понимание за океаном⁵⁴⁷.

СССР оставался один на один с Германией, когда ситуация на фронтах была критической. Немцы прорвали оборону Брянского и Юго-Западного фронтов, 6 июля пал Воронеж. С конца июля развернулась пятимесячная битва за Кавказ. Группа армий «Б» прорывалась к Волге, 17 июля начались бои на подступах к Сталинграду. 28 июля издается приказ № 227, получивший на фронте название «Ни шагу назад!», который предусматривал санкции вплоть до расстрела за отступление без приказа. Реакция Кремля на решения союзников была, мягко говоря, крайне негативной. Черчилль сам почувствовал неловкость и решил впервые посетить СССР.

Вспоминал Бережков: «Во второй половине дня 12 августа 1942 г. в Центральном аэропорту на Ленинградском проспекте собралась, как обычно в таких случаях, группа советских руководителей во главе с Молотовым... Было жарко и безветренно. Все расположились под навесом небольшого здания аэровокзала. В воздухе ощущался аромат разогретой полыни, слышалось журчание пчел, щебетание птиц»⁵⁴⁸. Черчилль о встрече в аэропорту: «Здесь находился Молотов во главе группы русских генералов и весь дипломатический корпус, а также, как и всегда в подобных случаях, много фотографов и репортеров. Был проведен смотр большого почетного караула, безупречного в отношении одежды и выправки. Он прошел перед нами после того, как оркестр исполнил национальные гимны трех великих держав, единство которых решило судьбу Гитлера. Меня подвели к микрофону, и я произнес короткую речь. Аверелл Гарриман говорил от имени Соединенных Штатов... Молотов доставил меня в своей машине в предназначенную мне резиденцию».

Резиденция была в Кунцеве, где Черчиллю особенно понравился пруд с рыбками. «Я сказал Молотову, что буду готов встретиться со Сталиным этим вечером, он предложил, чтобы встреча произошла в 7 часов. Я прибыл в Кремль и впервые встретился с великим революционным вождем и мудрым русским государственным деятелем и воином, с которым в течение следующих трех лет мне предстояло поддерживать близкие, суровые, но всегда волнующие, а иногда даже сердечные отношения»⁵⁴⁹. После первых двух часов, которые Черчилль назвал «тяжелыми и мрачными», был изложен план операции «Торч» («Факел») – высадка в Касабланке, Оране, Алжире и, если возможно, Бизерте, и Сталин не скрывал своей крайней заинтересованности в ней... Внезапно Сталин воскликнул: «Да поможет Бог успеху этого предприятия!»⁵⁵⁰

На следующий день Черчилль посетил Молотова, который дал понять, что для Москвы «особое значение имели бы шаги со стороны американцев и англичан для помощи нашему фронту». Черчилль доказывал вредность вынесения разногласий в публичное пространство. «Прежде чем покинуть эту изысканную строгую комнату дипломата, я повернулся к Молотову и сказал: «Сталин допустил бы большую ошибку, если бы обошелся с нами сурово после того, как мы проделали такой большой путь. Такие вещи не часто делаются обеими сторонами сразу». Молотов впервые перестал быть чопорным. «Сталин, – сказал он, – очень мудрый человек. Вы можете быть уверены, что, какими бы ни были его доводы, он понимает все. Я передам ему все то, что вы сказали»⁵⁵¹.

– Считаете ли вы целесообразным, чтобы я еще раз встретился со Сталиным?

– Это целиком зависит от вашего решения.

– Я хотел бы встретиться сегодня вечером⁵⁵².

Черчилль вспоминал: «Мы все прибыли в Кремль в 11 часов вечера и были приняты только Сталиным и Молотовым, при которых находился их переводчик. Затем начался крайне неприятный разговор»⁵⁵³. Негатива советскому руководству добавила телеграмма, полученная в тот день от Громыко, где говорилось об отсутствии у Вашингтона готовности «направить главную массу своих ресурсов против Гитлера как основного и наиболее опасного врага. Правительство США важнейшую массу этих ресурсов направляет против Японии»⁵⁵⁴. Stalin вручил собеседникам письменный меморандум: «Как известно, организация второго фронта в Европе в 1942 году была предрешена во время посещения Молотовым Лондона, и она была отражена в согласованном англо-советском коммюнике, опубликованном 12 июня с. г. ... Вполне понятно, что советское командование строило план своих летних и осенних операций в расчете на создание второго фронта в Европе в 1942 году». Москва призывала передумать и открыть второй фронт⁵⁵⁵. Черчилль писал: «Я решительно отверг все его утверждения, но без каких-либо колкостей. Наконец Stalin сказал, что нет смысла продолжать разговор на эту тему. Он вынужден был принять наше решение»⁵⁵⁶.

Вечером 14 августа в Кремле был дан парадный обед, который Гарриман описал президенту: «Stalin, видимо, совершенно забыл о неприятных спорах накануне. Он был весьма сердечен по отношению к премьер-министру и ко мне». На последней встрече Stalin удивил Черчилля, ибо «на этот раз на совещании вновь царила атмосфера сердечности и энтузиазма по отношению к операции “Торч” и ее благотворным последствиям»⁵⁵⁷. После этого Stalin пригласил гостя к себе домой, в кремлевскую квартиру. «Не позвать ли нам Молотова? Он беспокоится о коммюнике. Мы могли бы договориться о нем здесь. У Молотова есть одно особенное качество – он может пить... Вскоре прибыл Молотов. Мы сели за стол, и с двумя переводчиками нас было пятеро... Молотов принял свой самый приветливый вид, а Stalin, чтобы еще больше улучшить атмосферу, немилосердно подшучивал над ним... Я перевел разговор на Молотова: “Известно ли маршалу, что его министр иностранных дел во время своей недавней поездки в Вашингтон заявил, что он решил посетить Нью-Йорк исключительно по своей инициативе и что его задержка на обратном пути объ-

яснялась не какими-нибудь неполадками с самолетом, а была преднамеренной". Хотя на русском обеде в шутку можно сказать почти все, Молотов отнесся к этому довольно серьезно. Но лицо Сталина просияло весельем, когда он сказал: "Он отправился не в Нью-Йорк. Он отправился в Чикаго, где живут и другие гангстеры"»⁵⁵⁸.

Голова раскалывалась от боли, признавался Черчилль. «А мне еще нужно было повидаться с генералом Андерсоном. Я просил Молотова не провожать меня на рассвете, так как он явно был очень утомлен. Он посмотрел на меня укоризненно, как бы говоря: "Вы действительно думаете, что я не провожу вас?"»⁵⁵⁹. Только после трех ночи британский премьер вернулся на свою виллу, а в 5.30 утра 16 августа его самолет взмыл в воздух и взял курс на Тегеран. В тяжелые месяцы летне-осеннего наступления вермахта 1942 года помочь Запада так и не пришла. Лишь в октябре и ноябре вновь были отправлены два конвоя. К концу года согласованная программа поставок была выполнена лишь на 55 процентов⁵⁶⁰. В Москве были уверены, что западные страны просто ждали взаимного истощения СССР и Германии, чтобы затем пожать лавры победителей.

...В день отлета Черчилля из Москвы по решению Политбюро Молотов был назначен первым заместителем председателя СНК «по всем вопросам работы Совнаркома СССР». 21 августа еще одним постановлением ПБ он стал еще и председателем комиссии БСНК по текущим вопросам, сменив Вознесенского, который становился одним из шести заместителей⁵⁶¹. В ведение БСНК передавались рассмотрение и утверждение «народнохозяйственных планов (планов производства и снабжения), государственный бюджет и кредитование всех отраслей народного хозяйства, а также организация работы наркоматов, не вошедших в сферу руководства ГКО – машиностроительных, наркоматов по строительству и производству строительных материалов, пищевой и легкой промышленности, сельского хозяйства, сельскохозяйственных заготовок и торговли, морского и речного транспорта, резиновой промышленности, лесной промышленности, целлюлозно-бумажной промышленности, здравоохранения, юстиции, и всех комитетов и управлений при СНК СССР»⁵⁶².

8 декабря Политбюро примет постановление «О составе и работе Оперативного бюро ГОКО и Бюро Совнаркома СССР», которое еще больше расширяло круг Молотова (хотя куда уже больше): «1. Утвердить Оперативное бюро ГОКО в следующем составе: Молотов, Берия, Маленков, Микоян. Отнести к ведению оперативного бюро ГОКО контроль и наблюдение

за текущей работой всех наркоматов оборонной промышленности», наркоматов путей сообщения, черной металлургии, цветной металлургии, электростанций, угольной, нефтяной, химической промышленности, а «также за делом составления и исполнения планов производства и снабжения указанных отраслей промышленности всем необходимым. Комиссию по текущим делам Бюро СНК СССР упразднить. 2. Утвердить Бюро СНК СССР в составе Молотов, Микоян, Андреев, Вознесенский, Шверник»⁵⁶³.

То есть Молотов, с учетом его функций в ГКО и Наркоминделе, руководил всем народно-хозяйственным комплексом, оборонной промышленностью и внешней политикой. Он фактически получал полномочия главы правительства. Молотов понадобился как кризисный менеджер в тот момент, когда немцы стояли у Сталинграда и на Кавказе. 1942 год был самым тяжелым для советской экономики. Если принять уровень 1940 года за 100 процентов, то в 1942 году национальный доход составил лишь 66 процентов, промышленное производство – 77 процентов, продукция сельского хозяйства – 38 процентов, грузооборот транспорта – 53 процента, оборот торговли – 34 процента. С начала войны выплавка стали упала с 17,9 до 8,1 миллиона тонн, добыча угля – со 151,4 до 75,6 миллиона тонн, добыча нефти – с 33 до 22 миллионов тонн. Сбор зерновых в 1940 году составил 95,6 миллиона тонн, в 1941-м – 55,9 миллиона, в 1942 году – 29,7 миллиона.

Но оборонная мощь страны продолжала стремительно расти. Расходы бюджета за год сократились со 191,4 миллиарда рублей до 182,8 миллиарда, но военные ассигнования выросли с 83 до 108,4 миллиарда рублей. Предприятия наркоматов вооружения, танковой промышленности, авиационной промышленности, боеприпасов увеличили в 1942 году выпуск продукции на 186 процентов. Во втором полугодии по сравнению с первым производство самолетов увеличилось на 161 процент, танков – на 118,7 процента, орудий – на 136,9 процента. Начался и небольшой прирост по общим показателям промышленного производства; оно будет расти и дальше, хотя в годы войны так и не выйдет на уровень 1940 года. К началу 1943 года производство военной продукции в СССР превзошло германское по танкам и самолетам в 2 раза, по артиллерийским орудиям – в 4, по минометам – в 5, по винтовкам – в 2,5 раза. К этому добавлялось преимущество в добыче и переработке нефти, теперь уже на базе «Нового Баку»⁵⁶⁴. Германия проиграла войну прежде всего экономически. Больше у Германии не будет превосходства ни по одному из компонентов военной мощи.

Отвечая за экономику страны в целом, Молотов не забывал о своих «точечных» заданиях, первым из которых было производство танков. За 1942 год на фронте наши войска получили 24 014 танков, немцы – только 9 тысяч. 28 января 1943 года на основе предложений Главного автобронетанкового управления ГКО принял постановление «О формировании десяти танковых армий» по 46 121 человеку в каждой с 430 танками Т-34 и 210 танками Т-70. Две армии должны были быть готовы в марте, по три – в апреле и мае, две – в июне⁵⁶⁵. Германия и работавшая на нее континентальная Европа не поспевали за темпами и качеством советского танкпрома. Не удалось даже копировать Т-34. «Конструкторов смущало, между прочим, не отвращение к подражанию, а невозможность выпуска с требуемой быстротой важнейших деталей Т-34, особенно алюминиевого дизельного мотора, – писал Гудериан. – Кроме того, наша легированная сталь, качество которой снижалось отсутствием необходимого сырья, также уступала легированной стали русских»⁵⁶⁶.

Из «точечных» заданий Молотова важнейшим становилось создание атомной бомбы. Еще 30 июля 1940 года решением СНК была образована Комиссия по проблеме урана при Президиуме Академии наук под руководством Хлопина. Немцы начали проект исследований по делению ядер в сентябре 1939 года, американцы создали Урановый комитет в октябре 1939-го⁵⁶⁷. В сентябре 1941 года НКВД начал получать разведданные об американских ядерных исследованиях, а в марте 1942 года Маклин предоставил документы о работе по атомной проблеме в Англии⁵⁶⁸. 28 сентября 1942 года Сталин подписал распоряжение ГКО № 2352 «Об организации работ по урану», проект которого подготовил Молотов после консультаций с Иоффе и Кафтановым. За пять дней до того, как в Чикаго впервые в мире была осуществлена управляемая цепная ядерная реакция, Молотов подписал постановление ГКО «О добыче урана»: «1. К 1.V. 1943 г. организовать добычу и переработку урановых руд и получение урановых солей в количестве четырех тонн в год на Табошарском заводе “В” Главредмета... 5. Комитету по делам геологии при СНК СССР (т. Малышев) в 1943 г. провести работы по изысканию новых месторождений урановых руд с первым докладом Совнаркому СССР не позже 1 мая 1943 г.»⁵⁶⁹.

Молотов вспоминал о начале работ по атомному проекту: «Мне было поручено за них отвечать, найти такого человека, который мог бы осуществить создание атомной бомбы. Чекисты дали мне список надежных физиков, на которых можно бы-

ло положиться, и я выбирал. Вызывал Капицу к себе, академика. Он сказал, что мы к этому не готовы, и атомная бомба – оружие не этой войны, дело будущего. Спрашивали Иоффе – он тоже как-то неясно к этому отнесся. Короче, был у меня самый молодой и никому еще не известный Курчатов, ему не давали ходу. Я его вызывал, поговорили, он произвел на меня хорошее впечатление. Но он сказал, что у него еще много неясностей. Тогда я решил ему дать материалы нашей разведки – разведчики сделали очень важное дело. Курчатов несколько дней сидел в Кремле, у меня, над этими материалами»⁵⁷⁰.

11 февраля 1943 года выходит еще одно постановление ГКО за подписью Молотова: «1. Возложить на тт. Первухина М. Г. и Кафтанова С. В. обязанности повседневного руководства работами по урану и оказывать систематическую помощь специальной лаборатории атомного ядра Академии наук СССР. 2. Научное руководство работами по урану возложить на профессора Курчатова И. С. ...11. Обязать руководителя специальной лаборатории атомного ядра проф. Курчатова И. С. провести к 1 июля 1943 г. необходимые исследования и представить Государственному Комитету Обороны к 5 июля 1943 г. доклад о возможности создания урановой бомбы или уранового топлива». Наркоматам черной металлургии, среднего машиностроения, электропромышленности, цветной металлургии, финансов поручалось к 1 марта – 15 мая изготовить и поставить для лаборатории Курчатова все необходимое ему оборудование и сырье⁵⁷¹.

10 марта в Академии наук был создан Институт атомной энергии, названный для конспирации «Лаборатория № 2», под руководством Курчатова. В декабре 1943 года он был избран действительным членом АН СССР. Кафтанов рассказывал: «На вакансию академика по физическим наукам были выдвинуты кандидатами и Алиханов, и Курчатов. Голосовавшие академики предпочли Алиханова. Тогда я обратился к Молотову с просьбой выделить Академии наук еще одну вакансию действительного члена Академии по физическим наукам. Просьба была удовлетворена. Игорь Васильевич был избран академиком»⁵⁷². Курчатов был наделен чрезвычайными полномочиями по мобилизации любых человеческих и материальных ресурсов, он получил право демобилизовать людей из армии.

Советское контрнаступление под Сталинградом было названо «операция Уран» явно не в честь планеты. Оно было стремительным. 19 ноября 1942 года ударами Юго-Западного и Донского фронтов оборона была прорвана с флангов, где оказались в основном войска из Венгрии, Италии и Румынии.

20 ноября в наступление перешли войска Сталинградского фронта, 23 ноября нацистская группировка была окружена. В Сталинградской битве нацисты потеряли полтора миллиона человек. Эта победа предопределила и исход битвы за Кавказ. В январе 1943 года в ходе Шлиссельбургской операции было разорвано кольцо блокады Ленинграда. На юге весеннее наступление 1943 года позволило Советской армии продвинуться на 600–700 километров, освободив Воронеж, Краснодар, Курск.

Летом 1943 года наибольшее количество вооруженных сил и средств на планете было сосредоточено в районе Курского выступа. Ставка приняла тактику «преднамеренной обороны», переходящей в немедленное контрнаступление при первом движении войск противника. Узнав о времени немецкого наступления – утром 5 июля, советское командование упредило его мощнейшей артподготовкой. 12 июля в танковом сражении под Прохоровкой враг был остановлен, после чего началось наступление войск Брянского и Западного фронтов, а 15 июля – Центрального фронта. 5 августа освобождение Орла и Белгорода было отмечено первым салютом в Москве.

Перевес советской стороны в танках был уже подавляющим. В день начала Курской битвы решением ГКО Молотова освободили от контроля и наблюдения за работой Наркомата танковой промышленности. Но 30 сентября Молотов получит свою единственную в жизни звезду Героя Социалистического Труда – именно за вклад в производство бронетанковой техники для Курской битвы. За этой наградой стояли цифры: 24 134 танка и самоходных артиллерийских установок, выпущенных в 1943 году⁵⁷³. Преимущество в технике позволило героическим советским воинам одерживать все более славные победы. К ноябрьским праздникам отбили Киев. Всего к концу 1943 года было освобождено две трети от занятой немцами территории СССР.

Жизнь в столице начала входить в норму. Настолько, что 24 августа Молотов подписал постановление СНК «О возвращении в г. Москву эвакуированных московских театров»⁵⁷⁴.

Вернулась и семья. Всю войну Полина проработала начальником Главного управления текстильно-галантерейной промышленности Наркомлегпрома РСФСР. В ее служебной характеристике было записано: «Именно в это суровое время П. С. Жемчужина с присущей ей энергией, умением вникнуть в самую суть поставленных задач, большими организаторскими способностями сумела перестроить сугубо гражданскую про-

мышленность для выполнения военных заказов, для обеспечения фронта парашютно-десантным имуществом. Она не только сохранила кадры, но и сплотила вокруг себя весь коллектив, занимаясь перебазированием предприятий в тыл, приспособливая оборудование для выполнения военных заказов, подбирая новые производственные площади для фабрик, изыскивая сырьевые ресурсы и материалы». Добавились награды. В 1944 году за обеспечение выпуска продукции для фронта – орден Красной Звезды и медаль «За оборону Москвы», в 1945-м – орден Отечественной войны I степени («за успешное выполнение заданий правительства по производству и обеспечению Красной Армии и Военно-Морского Флота парашютно-десантным имуществом») и медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

По-настоящему она отдавала душу на посту председателя попечительского совета детского дома № 22 Молотовского района Москвы, располагавшегося в доме 25 по Товарищескому переулку. Этот детдом был образован в июле 1943 года для сирот войны и находился в плачевном состоянии. С появлением Жемчужиной он, естественно, обрел солидных шефов в лице союзных наркоматов электростанций и легкой промышленности, здание было капитально отремонтировано, появились новая мебель, музыкальные инструменты, игрушки. Для детей была организована первоклассная культурная программа. Молотовы взяли под личную опеку и другие детдома. Попсылали туда, не афишируя, свои орденские купоны. Приобщали к шефской работе друзей и знакомых. Великая балерина Ольга Лепешинская вспоминала, как на приеме в Кремле познакомилась с Полиной Жемчужиной. «Жена Молотова занялась моим воспитанием. Она возила меня по детским домам. И большую часть своего жалования – Уланова и я получали шесть тысяч, тогда это были большие деньги – я отдавала в эти дома»⁵⁷⁵. Не так давно, в 2011 году, вдова знаменитого певца Большого театра, народного артиста Алексея Иванова передала мне хранившуюся у них дома записку: «Алексей Петрович! Попечительский Совет выражает Вам большую благодарность за Ваше участие в концерте 31 января с/г, организованном в пользу Московского детского дома № 22, в котором воспитываются дети, потерявшие родителей в годы Отечественной войны. Председатель Попечительского Совета П. Жемчужина». Забегая вперед отметим, что в феврале 1946 года приказом наркома просвещения РСФСР – пост этот по прежнему занимал Потемкин – попечительскому совету детдома № 22 была вынесена благодарность, а опыт его работы

предлагалось распространить на все детские дома столицы. В 1957 году, когда опального Молотова отправят в Монголию, в МИД придет телеграмма из детского дома № 22 с вопросом: почему перестали поступать деньги? Там думали, что деньги – от ведомства, а не от Молотовых. Этот детдом просуществует до 1972 года.

Из Куйбышева возвращались наркоматы и дипкорпус. «31 августа по случаю возвращения в Москву дипломатического корпуса нарком устроил на Спиридоновке большой прием»⁵⁷⁶. А вскоре советские дипломаты узнали новость, которая касалась их всех. «По инициативе Сталина и по приказу Молотова в 1944 году все сотрудники были облачены в единые серые повседневные костюмы и шинели с погонами, указывающими на ранг. Были введены также фуражки с эмблемами, а для общего руководящего состава и послов за рубежом – еще и парадные мундиры, расшитые вензелями, брюки с лампасами, шинели, а также даже папахи и кортики. Это диктовалось, впрочем, и экономическими соображениями: времена были трудные, на приобретение приличной одежды у большинства сотрудников не было возможностей. Изготавлялась форма в пошивочном ателье МИДа, где легендарной фигурой был чудо-мастер Журкевич»⁵⁷⁷. Мидовская форма укладывалась в продолжавшуюся тенденцию к восстановлению традиций, к приоритету национального над интернациональным.

Это имело отношение и к такому событию, как роспуск Коминтерна. 8 мая Димитров написал в дневнике: «Ночью у Молотова вместе с Мануильским беседовали о будущем Коминтерна. Пришли к выводу, что Коминтерн как руководящий орган для компартий при создавшихся условиях является помехой самостоятельному развитию компартий и выполнению их особых задач»⁵⁷⁸. Постановлением Президиума ИККИ 13 мая 1943 года Коминтерн прекратил свое существование. Но от использования инструментов «мягкой силы» во внешнеполитической работе Кремль тоже не думал отказываться. 12 июня на совещании у Сталина было решено создать в ЦК специальный Отдел международной информации под руководством Димитрова, которому поручалось руководство антифашистскими комитетами, нелегальным национальным радиовещанием, связями с заграницей, телеграфным агентством «Супресс» и издательством литературы на иностранных языках⁵⁷⁹. Отдел курировал непосредственно Молотов. На базе отделов ИККИ были созданы три закрытых «научно-исследовательских института». НИИ-99 работал среди немецких, итальянских, венгерс-

ких, румынских военнослужащих, отбирая и готовя кадры для соответствующих компартий. НИИ-100 обеспечивал радиосвязь и нелегальные каналы взаимодействия с европейскими компартиями. Научно-исследовательский институт № 205 вел нелегальное радиовещание в мире – первоначально на пятнадцати языках.

Еще 21 июля 1942 года для награждения командного состава Красной Армии были учреждены ордена Суворова, Кутузова и Александра Невского. В самый разгар Сталинградской битвы ПБ решило упразднить институт военных комиссаров. «В октябре 1942 года в Советских Вооруженных силах было введено полное единоначалие. В начале 1943 года личный состав сухопутных сил, ВВС и Флота впервые надел погоны, ставшие символом почетного солдатского и матросского долга советских воинов перед Родиной»⁵⁸⁰. Переориентация на государственно-национальные позиции нашла воплощение в новом Государственном гимне на стихи Сергея Михалкова и Эль Регистана и музыку Александра Александрова. 28 октября 1943 года авторов текста доставили в кабинет Сталина, где Молотов, Ворошилов, Маленков, Берия и Щербаков сделали замечания к тексту, а затем выделили поэтам отдельную комнату с кофе и бутербродами, чтобы простимулировать творческий процесс⁵⁸¹. Окончательное утверждение произошло после того, как члены ПБ выслушали гимн в Большом театре в исполнении трех разных оркестров – симфонического, военного духового и народных инструментов.

Очень серьезные изменения произошли в характере церковно-государственных отношений. Церковь выступила как однозначно патриотическая сила, поднимавшая людей, как это было издревле, на борьбу с захватчиками. 4 сентября 1943 года Сталин и Молотов приняли Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия, ленинградского митрополита Алексия и экзарха Украины киевского и галицкого митрополита Николая. «Беседу начал Молотов сообщением о том, что Правительство СССР и лично товарищ Сталин хотят знать нужды церкви. Два митрополита Алексий и Николай растерянно молчали. Неожиданно заговорил Сергий... Митрополит указал на необходимость широкого открытия храмов, количества которых совершенно не удовлетворяет религиозные потребности народа. Он также заявил о необходимости созыва Собора и выборов патриарха. Наконец, он заявил о необходимости широкого открытия духовных учебных заведений, так как у Церкви отсутствуют кадры священнослужителей. Здесь Сталин неожиданно прервал молчание. “А почему у вас нет кадров, куда они де-

лись?”... Митрополит Сергий не смутился: “Кадров у нас нет по разным причинам. Одна из них: мы готовим священника, а он становится Маршалом Советского Союза”»⁵⁸².

Были решены вопросы об издании ежемесячного журнала, организации свечных заводов, о праве духовенства на избрание в церковные советы, о налоговых льготах, о выделении для будущей патриархии транспорта и помещения. В качестве резиденции был предложен особняк в Чистом переулке, дом 5, где раньше квартировал граф фон Шуленбург. 8 сентября в 11 утра пением троепаря Владимирской иконе Божией Матери «Днесъ светло красуется славнейший град Москва» открылись заседания Архиерейского собора РПЦ, в котором приняли участие девятнадцать иерархов. Митрополит Сергий был единодушно избран патриархом⁵⁸³.

Реабилитировалось не только православие. В октябре 1943 года в Ташкенте было создано Центральное управление мусульман. В мае 1944 года в Баку было объявлено об образовании Духовного управления мусульман Закавказья, в июне в дагестанском Буйнакске возникло Духовное управление мусульман Северного Кавказа. 19 мая при Совнаркоме был учрежден Совет по делам религиозных культов, который курировал взаимодействие власти со всеми конфессиями, кроме православия. 10 октября Молотов подписал распоряжение об открытии в Ташкенте и Бухаре мусульманских духовных училищ и об отправке паломников в Мекку. Распоряжением от 28 января 1945 года Молотов передает Духовному управлению мусульман Средней Азии и Казахстана в качестве молитвенных зданий мавзолеи: «Багавутдин», «Шах-Зинда», «Хаким-Термези», «Султан-Баба», «Шахимардан», «Каффал-Шаши» и «Пальван-Ата»⁵⁸⁴.

Все это во многом снимало озабоченность западных союзников по поводу религиозной свободы в СССР. Впрочем, проблем с союзниками хватало и без этого.

В Москве и Тегеране

В решениях англо-американской конференции, проходившей в Касабланке 12–24 января 1943 года, был сделан упор на операции в Средиземном море, главная из которых – «Хаски» предусматривала высадку в Сицилии с последующим вторжением на Апеннийский полуостров. «Отправку мартовского конвоя пришлось отложить, а в апреле адмиралтейство предложило – и я согласился, чтобы снабжение России этим путем

было прекращено до осенней темноты»⁵⁸⁵ – писал Черчилль. Послание Сталина 2 апреля было кратким: «Я понимаю этот неожиданный акт, как катастрофическое сокращение поставок военного сырья и вооружения Советскому Союзу со стороны Великобритании и США... Понятно, что это обстоятельство не может не отразиться на положении советских войск»⁵⁸⁶.

А тут еще Геббельсом была вброшена «катынская бомба», ставшая последней каплей в отношениях с лондонским польским правительством, немедленно присоединившимся к обвинениям Москвы. 24 марта Молотов вручил польскому послу Тадеушу Ромеру ноту, в которой говорилось, что «польское правительство в угоду тирании Гитлера наносит вероломный удар Советскому Союзу. Советскому правительству известно, что эта враждебная кампания против Советского Союза предпринята польским правительством для того, чтобы путем использования гитлеровской клеветнической фальшивки произвести нажим на советское правительство с целью вырвать у него территориальные уступки за счет Советской Украины, Советской Белоруссии, Советской Литвы». Назвав такую позицию предельно враждебной, Молотов заявил о разрыве дипотношений с польским эмигрантским правительством⁵⁸⁷.

Рузвельт 26 апреля молил «определить свои действия не как полный разрыв дипломатических отношений между Советским Союзом и Польшей»⁵⁸⁸. Москва была непримирима. На этом фоне президент США предпринял попытку установить прямой личный контакт со Сталиным, пригласив его на неформальную встречу в районе Берингова пролива для обсуждения дальнейших военных планов. Stalin положительно отнесся к приглашению, подтвердив и место встречи – Фербенкс на Аляске и время – июль – август⁵⁸⁹. Но 4 июня как бы в ответ на это согласие Сталина Рузвельт и Черчилль проинформировали его о решениях американо-английской конференции в Вашингтоне, где было решено отложить открытие второго фронта еще на год. Последовал самый резкий обмен посланиями между союзниками за все время войны. «Должен Вам заявить, что дело идет не просто о разочаровании Советского Правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям», – писал Stalin 24 июня. Майский и Литвинов были отзваны в Москву. Британский премьер был уязвлен до глубины души и даже подумывал о прекращении переписки.

Сталин в начале августа направил и Рузвельту вежливый отказ от встречи на Аляске со ссылкой на тяжелое положение

на фронтах. Но добавил: «Что касается встречи представителей наших государств и, может быть, именно представителей, ведающих иностранными делами, то я разделяю Ваше мнение о целесообразности такой встречи в близком будущем». 5 сентября Черчилль писал Сталину: «Если приедет г-н Молотов, то мы пошлем г-на Идена». 11 сентября президент США прислал согласие: «Что касается встречи наших трех представителей, то я с радостью соглашусь с тем, чтобы местом встречи была Москва, а датой – начало октября, например 4-го, в понедельник». Stalin ответил на следующий день: «По вопросу о встрече трех наших представителей предлагаю считать согласованным место встречи – Москва, а также время встречи – 4 октября, как это предложил Президент... Что касается встречи трех глав правительств, то я не возражаю против Тегерана как места встречи»⁵⁹⁰.

1 октября Черчилль известил Сталина, что рассчитывает направить в СССР четыре конвоя, первый из них – 12 ноября. В связи с этим встал вопрос об увеличении английского военного персонала на советском Севере. «Г-н Молотов настаивал на том, чтобы Правительство Его Величества согласилось с тем, чтобы количество британского военного персонала в Северной России не превышало количества советского военного персонала и персонала торгового представительства в Англии»⁵⁹¹. Stalin жестко ответил, что «намерение направить в СССР северные конвои не является ни обязательством, ни соглашением, а всего лишь заявлением, от которого, как можно понять, британская сторона может в любой момент отказаться», а подавляющая часть британского персонала «уже в течение многих месяцев обречена на праздность» и также пытается «путем подкупа завербовать некоторых советских граждан в разведывательных целях». Черчилль счел, что этот ответ, как он поведал Рузельту, «не совсем то, что можно было надеяться получить от джентльмена, ради которого мы идем на неудобную и дорогостоящую операцию». Черчилль задержал выход конвоев и вернул телеграмму только что назначенному послом Гусеву. Фон для начала Московской конференции был далеко не безоблачным. Англо-американцы готовились к жесткому торгу. Визит американской делегации, к которому подстраивал дату своего прибытия в Москву и Иден, несколько раз откладывался.

Наконец 19 октября министры иностранных дел «Большой тройки» впервые встретились за одним столом в особняке НКИД на Спиридоновке. Иден весьма точно описал приоритеты трех сторон на Московской конференции. «Русские были

озабочены открытием второго фронта в Европе весной 1944 года. Сердцу Хэлла ближе всего была Декларация четырех держав о целях войны и международной организации по поддержанию мира. Моей целью было соглашение о создании механизма для консультаций между союзниками по европейским вопросам, связанным с войной, по мере того как они на нас надвигались... Я также хотел обсудить некоторые европейские проблемы с Молотовым и выработать, если возможно, общую политику на Балканах»⁵⁹². В начале создавали прецеденты процедуры. Молотов предложил председательствовать поочередно.

– Если бы председатель каждый день менялся, то это было бы равносильно тому, как если бы каждый день менялось командование армии, – не согласился Хэлл⁵⁹³.

Молотов занял привычное для него – пусть не на международных конференциях – председательское место и стал вести заседания, выражаясь современным языком, в технократической манере: строго по повестке и обсуждая формулировки представленных сторонами документов и поправки к ним. Кларк Керр писал: «Молотов вел заседания с устойчивым тактом, мастерством и растущим хорошим юмором, откладывая любой вопрос, который грозил обострением, и возвращаясь к нему, когда колючки были извлечены в ходе разговоров за едой и вином. То, как он вел дискуссии, вызывало наше уважение, а в конце еще и восхищение»⁵⁹⁴.

Главную проблему начала переговоров описал Иден: «Во время нашей первой формальной встречи 19 октября комната была достаточно теплой, но господин Хэлл любил работать при температуре около 90 градусов (32 по Цельсию. – В. Н.), и он послал за пальто. Русские как гостеприимные хозяева отреагировали, и на следующем заседании стояла такая жара, что я думал, что потеряю силы. К счастью, три Державы сумели договориться о компромиссной температуре»⁵⁹⁵.

«Меры по сокращению срока войны были поставлены на вершину повестки дня, и Молотов сразу же расчехлил свои батареи»⁵⁹⁶, – заметил Иден. Нарком раздал записку с первыми пунктами советского проекта повестки: как ускорить открытие второго фронта, предложить Турции вступить в войну, а Швеции передать в распоряжение союзников свои военные аэродромы. Союзников приятно удивило смягчение тона по второму фронту. Британский министр сообщал в Лондон, что «мы очутились в неожиданно спокойных водах... Нет никаких обвинений насчет недавнего прошлого»⁵⁹⁷.

20 октября слово было предоставлено военным – британскому начальнику штаба и министру обороны Испею и секре-

тарю Объединенного штаба США Джону Дину. Они описали подготовку к военной операции в Северной Франции, которой Молотов дал высокую оценку. 21-го рассматривали американское предложение о Декларации четырех держав. Москва не была уверена, что в их числе должен быть гоминьдановский Китай⁵⁹⁸. «Включение Китая в ряды великих держав занимало огромное место в умах Хэлла, как и Рузвельта, – свидетельствовал приехавший в Москву уже в качестве посла Гарриман. – ... Потребовалась неделя, чтобы добиться согласия Молотова, да и то после того, как Хэлл в частной беседе сообщил ему, что исключение Китая будет иметь “самые ужасные последствия не только на Тихом океане, но и для общественного мнения Соединенных Штатов”»⁵⁹⁹.

21-го вечером Иден и Керр встречались со Сталиным и Молотовым. Иден объяснил, какого большого напряжения сил требуют конвои от английского военно-морского флота. «Было решено, что Молотов и я встретимся завтра, я передаю ему список наших требований, и мы посмотрим, можно ли прийти к соглашению»⁶⁰⁰. А после утренней встречи с Молотовым 22 октября британский министр информировал Черчилля: «Разговор с Молотовым прошел хорошо. Он согласился на выдачу виз новым людям, которые нам нужны, и пойти навстречу по другим небольшим вопросам, касающимся конвоев. Эсминцы теперь могли отправиться в путь»⁶⁰¹. На конференции в тот день говорили об Италии, где после высадки и успехов союзников было создано правительство маршала Бадольо.

– Демократизация итальянского правительства путем введения представителей антифашистских партий. Установление демократических свобод – свободы совести, свободы религии, свободы печати, слова, союзов, антифашистских групп. Ликвидация учреждений и организаций, созданных фашистским режимом и до сих пор не ликвидированных правительством Бадольо, – предлагал Молотов⁶⁰².

Эта позиция будет подтверждена в заключительной «Декларации об Италии».

По вопросу о том, расчленять Германию после войны или нет, не удалось прийти к какому-либо определенному мнению. Зато единодушие проявилось в вопросе об Австрии. Резолюцию предложил Иден: незаконность аншлюса, желание видеть «восстановленной свободную и независимую Австрию», не снимая с нее ответственность за участие в войне на стороне Германии, что будет принято во внимание с учетом «ее собственного вклада в дело ее освобождения». Молотов идею поддержал, она позволяла вбить большой клин между

Веной и Берлином. Конференция примет «Декларацию об Австрии». Зампред советского правительства выступил с предложением о создании комиссии в составе представителей трех стран для «предварительной совместной разработки вопросов, связанных с утверждением всеобщей международной организации». Этот пункт декларации конференции станет важной вехой на пути создания Организации Объединенных Наций.

27 октября Иден, Керр и генерал Исмей обсуждали со Сталиным и Молотовым операцию в Италии. «В тот же вечер Сталин отвел меня в сторону и завел разговор о Молотове, – записал Иден. – Если он не сможет выезжать на конференцию за пределы России, то, как он сказал, это не смертельная проблема, поскольку Молотов пользуется его полным доверием; его присутствие будет равнозначно участию Сталина. Я ответил, что, к сожалению, два других главы государства предпримут дальние путешествия только для встречи с ним. Он неохотно согласился, но на меня произвело большое впечатление мнение Сталина о Молотове. Они были грозной парой»⁶⁰³.

На другой день Иден сообщал Черчиллю: «Ваш жест в отношении конвоев произвел глубокое впечатление. Сегодня вечером, впервые за многие годы, Молотов и ряд его коллег прибыли на обед в наше посольство. В этой обстановке я многое бы дал, чтобы иметь возможность заключить конференцию каким-нибудь осознательным свидетельством нашей доброжелательности... Было бы очень хорошо, если бы я мог по крайней мере сказать Молотову, что в принципе мы согласны с тем, что советское правительство должно получить часть захваченных итальянских кораблей». Военный кабинет в принципе не возражал⁶⁰⁴.

29 октября обсуждали деятельность Консультативного совета в Италии и создание более широкой Европейской консультативной комиссии. Иден предлагал, чтобы она могла рассматривать любые европейские вопросы. Молотов явно не хотел, чтобы «какая-то необъятная комиссия» в Лондоне становилась единственной площадкой для обсуждения европейских проблем, и технически использовал предложение Хэлла о том, чтобы «в Вашингтоне, Лондоне или Москве собирать совещание во главе с министром иностранных дел при участии двух послов союзных государств»⁶⁰⁵. Этот переговорный механизм был закреплен в решениях конференции.

Если до сих пор главными действующими лицами на конференции были Молотов и Иден, то при обсуждении экономических вопросов на первую роль вышел Хэлл. Еще до кон-

ференции Москва подтвердила, что заинтересована в помощи для восстановления народного хозяйства и в соглашениях об условиях международной торговли. Но быстро выяснилось, что проблемной становится тема reparаций.

– Если заслуживают внимания заботы о жизненном уровне Германии после войны, то не в меньшей степени заслуживает внимания вопрос о жизненном уровне тех стран, которые пострадали от нападения Германии, – считал Молотов.

Другая тема была еще более тяжелой. Иден вновь поставил вопрос о желательности восстановления дипломатических отношений между Советским Союзом и Польшей и возобновления поставок польскому сопротивлению оружия и военных материалов.

– Оружие можно давать только в надежные руки, – ответил Молотов. – Никто так не заинтересован в хороших отношениях с Польшей, как мы – ее соседи. Мы стоим за независимую Польшу и готовы помочь ей, но надо, чтобы в Польше было такое правительство, которое было бы дружественно настроено в отношении СССР⁶⁰⁶.

На этом обсуждение польского вопроса закончилось. Но Гарриман беспокоился, «как бы Молотов не принял молчание Хэлла за согласие. Штурм вокруг Польши был просто отложен»⁶⁰⁷.

Иден зафиксировал, что вечером 30 октября «атмосфера неожиданно изменилась. Молотов оживился и стал деловитым. Он всегда был превосходным работягой, обладающим одинаковым мастерством как распугивать проблемы, так и замедлять скорость их решения. В течение часа или двух мы сделали все выводы из 10-дневных обсуждений»⁶⁰⁸. Советская сторона представила итоговые документы конференции в высокой степени готовности. В Екатерининском зале Кремля Сталин давал прием в честь участников конференции. Гарриман отметил атмосферу приема, которая была более «естественной, содержательной и интимной», чем прежде. «Сталин получал наибольшее удовольствие из всех присутствующих»⁶⁰⁹. Бережков вспоминал: «Вдруг я заметил, что Сталин наклонился в мою сторону за спиной Хэлла и манил меня пальцем. Я перегнулся к нему поближе, и он чуть слышно произнес:

– Советское правительство рассмотрело вопрос о положении на Дальнем Востоке и приняло решение сразу же после окончания войны в Европе, когда союзники нанесут поражение гитлеровской Германии, выступить против Японии...

Хэлла чрезвычайно взволновало это сообщение. Американцы давно ждали решения Москвы»⁶¹⁰.

Молотов подыграл руководителю. Он предложил Идену и Гарриману посмотреть советский фильм о войне с японцами на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны (вероятно, «Волочаевские дни»).

Секретный протокол конференции, подписанный Молотовым, Хэллом и Иденом 1 ноября, содержал 10 приложений, охвативших все обсужденные вопросы. В особо секретном протоколе были три пункта: вторжение англо-американских войск в Северную Францию весной 1944 года, предложение Турции вступить в войну, Швеции – предоставить авиабазы. Наконец-то дали результат многочисленные ноты Молотова о нацистских военных преступлениях: была принята соответствующая декларация, которую затем опубликовали от имени Рузельта, Сталина и Черчилля.

По окончании конференции Хэлл обратился к Молотову:

– Я уверен, что выражу не только собственное мнение, но и мнение г-на Идена, если скажу, что оба мы в восторге от манеры, с которой вы проводили работу конференции. Я лично присутствовал на многих международных конференциях и никогда не встречал такого опытного и искусного ведения работы⁶¹¹.

В британском официальном отчете о конференции говорилось: «Молотов проводил заседания с неизменным тактом, мастерством и хорошим настроем. Его манера вести дискуссию завоевала наше уважение и искреннюю признательность»⁶¹². А Иден, выступая по итогам конференции в палате общин, сказал, что ему никогда не доводилось участвовать в заседании, где «председатель демонстрировал бы такое мастерство, терпение и аргументированность, как мистер Молотов, и... именно его руководство сложной и объемной повесткой дня привело нас к достигнутому успеху»⁶¹³. Молотов был скромнее в оценке, которой делился с коллегами по НКИД: «Замечания и предложения советской делегации весьма серьезно принимались во внимание. В общем, работу конференции, принимая во внимание поставленную перед нами задачу, общую повестку дня, а также то, что это была первая встреча трех министров, следует считать удовлетворительной»⁶¹⁴.

Новая атмосфера в отношениях с союзниками наглядно проявилась на приеме в честь дипломатического корпуса, который Молотов устроил 7 ноября там же, на Спирidonовке. Гарриман зафиксировал: «Впервые Молотов и другие официальные лица Министерства (Наркомата. – В. Н.) иностранных дел были одеты в новую замечательную униформу, скроенную в военном стиле и покрытую золотым шитьем... Было большое количество советских жен, которых дипломатический корпус

раньше никогда не видел. Известные русские писатели, артисты и музыканты, включая композитора Дмитрия Шостаковича в вечернем костюме, общались с иностранцами. Как будто русская элита получила команду в течение одного вечера отменить бойкот иностранцев, который на протяжении многих лет был железным правилом в Москве»⁶¹⁵. Московская конференция сменила тональность отношений. Но главное, она проложила дорогу в Тегеран.

Рузвельт долго возражал против этого места встречи: он не мог отъехать туда, где в течение десяти дней не мог бы гарантированно подписать принятый конгрессом законопроект. Сталин уверял, что для него как Верховного главнокомандующего на сложном фронте протяженностью в 2600 километров невозможно выезжать дальше Тегерана. «Меня мог бы вполне заменить на этой встрече мой первый заместитель в Правительстве В. М. Молотов, который при переговорах будет пользоваться, согласно нашей Конституции, всеми правами главы Советского Правительства. В этом случае могли бы отпасть затруднения в выборе места встречи»⁶¹⁶.

Пока решался этот вопрос, Рузвельт и Черчилль договорились встретиться в Каире. Гарриман 5 ноября настоятельно советовал пригласить в Каир также советских представителей, чтобы у Москвы не создавалось впечатление, что ее опять ставят перед фактом уже принятых без нее решений. «Важно пригласить Молотова, как и военных. Его позиция второго лица после Сталина гораздо более очевидна, чем во время моих прежних посещений»⁶¹⁷.

Американский президент нашел решение, дающее ему возможность выехать в Тегеран: «Если я получу сообщение о том, что закон, требующий моего вето, прошел через Конгресс и направлен мне, я вылечу в Тунис». Stalin ответил 10 ноября: «Ваш план организации нашей встречи в Иране я принимаю. В. М. Молотов и наш военный представитель прибудут к 22 ноября в Каир, где и условятся с Вами о всем необходимом в связи с нашей встречей в Иране». Однако уже 12 ноября Stalin извещал, что «Молотов, к сожалению, не может приехать в Каир»⁶¹⁸. Почему визит Молотова в Каир не состоялся? Авторитетные составители сборника документов Тегеранской конференции объясняют это тем, что в последний момент выяснился факт участия во встрече Чан Кайши⁶¹⁹. Может быть. Сам Молотов объяснил это Гарриману нездоровьем Сталина, что требовало присутствия его первого заместителя в Москве⁶²⁰. Могло быть и другое: Stalin не хотел раскрывать карты перед Тегераном.

22 ноября Политбюро поручило комиссии ЦК и СНК в составе Маленкова, Кагановича и Щербакова «руководить партийными и государственными делами на время отъезда из Москвы тт. Сталина, Молотова, Ворошилова и Берия»⁶²¹. Посадка в поезд осуществлялась с военной платформы под Москвой, и многие, в срочном порядке в него погрузившиеся, не имели представления ни о маршруте, ни о цели поездки. Так, Штеменко сказали только, что он должен, как обычно, трижды в день докладывать обстановку, связываясь с Генштабом со станций на маршруте по специальной связи⁶²². Проехали Сталинград, Кизляр, Махачкалу, и наконец поезд остановился в Баку. Сталин и Молотов приехали в бакинский аэропорт, где их встретил главком ВВС Новиков. Он доложил, что «для немедленного вылета подготовлены два самолета: один из них поведет генерал-полковник Голованов, другой – полковник Грачев. А. А. Новиков пригласил Верховного главнокомандующего в самолет Голованова. Тот сначала, казалось, принял это приглашение, но, сделав несколько шагов, вдруг остановился.

– Генерал-полковники редко водят самолеты, – сказал Сталин. – Мы лучше полетим с полковником.

И повернулся в сторону Грачева. Молотов и Ворошилов последовали за ним»⁶²³.

Летели в Тегеран в сопровождении трех девяток истребителей – две по бокам, одна спереди и выше. В столице Ирана к трапу самолета стремительно подкатили несколько автомашин и столь же стремительно увезли руководителей делегации в советское посольство. На его обширной территории в огороженном парке располагалось несколько зданий. В одном из них остановились Сталин и Молотов. В другое, по рекомендации Молотова, из соображений безопасности переедет из американского посольства Рузвельт (к неудовольствию Черчилля, которому очень не нравились встречи руководства СССР с американским президентом в его отсутствие). В третьем проходили заседания. Английский премьер, по его свидетельству, очень удобно устроился в английской миссии. «Мне, – писал Черчилль, – нужно было пройти всего лишь несколько сот ярдов до здания советского посольства, которое на время превратилось, можно сказать, в центр всего мира»⁶²⁴.

«Рузвельт переехал в здание советского посольства в 3 часа дня, а через 15 минут его посетил Сталин. Это была первая встреча между советским и американским лидерами. Знакомство сопровождалось обменом информацией о положении на фронтах. Затем наступил исторический момент. Впервые за одним столом сидели лидеры трех наиболее могущественных

стран мира. «Первое пленарное заседание состоялось в советском посольстве в воскресенье 28 ноября в 4 часа дня. В просторном и красивом зале заседаний мы уселись за большим круглым столом, – фиксировал Черчилль. – Со мной были Иден, Дилл, три начальника штабов и Исмей. С президентом был Гарри Гопкинс, адмирал Леги, адмирал Кинг и два других офицера. Сталина сопровождали только Молотов и маршал Ворошилов. Мы сидели со Сталиным почти напротив»⁶²⁵.

Председательствовал американский президент. После обзора ситуации на Тихоокеанском театре военных действий, который сделал Рузвельт, Сталин пролил бальзам на душу президента, подтвердив готовность вступить в войну с Японией после капитуляции Германии. Тем самым расположение Рузвельта для решения куда более важного для Москвы вопроса – о втором фронте – было обеспечено. Сталин со своей стороны дал обзор ситуации на советско-германском фронте и расставил приоритеты:

– Наилучший результат дал бы удар по врагу в Северной или в Северо-Западной Франции. Даже операции в Южной Франции были бы лучше, чем операции в Италии.

Черчилля такая перспектива не устраивала. Он предлагал захватить Рим, продвинуться до линии Пиза – Римини, оттуда предпринять высадку в Южную Францию и осуществлять рейды в Югославию. Но Сталин настаивал на приоритетности операции «Оверлорд»⁶²⁶. Вечером Рузвельт выступал в роли хозяина на обеде, который стал «настоящим подвигом филиппинских поваров, прибывших сюда за четыре часа до этого на чужую кухню, в которой не было самых необходимых вещей, в том числе и плиты»⁶²⁷.

29 ноября в полтретьего Сталин и Молотов вошли в гостиную Рузвельта, где был и его сын Эллиот. «Сталин предложил президенту и Эллиоту русские сигареты с бумажным мундштуком в два дюйма. Оба взяли сигареты, сделали вежливо несколько затяжек и отложили в пепельницы. У Рузвельта под рукой были документы, которые он передал маршалу Сталину». Первым был отчет Управления стратегической службы о секретных визитах ее сотрудника майора Линна Фариша в Югославию, где Тито помог найти и вывезти из страны несколько десятков сбитых там американских пилотов⁶²⁸. Это помогло Тито заручиться симпатиями американцев, что Москву устраивало. Затем Рузвельт ознакомил присутствующих с предложениями по созданию возможностей для использования американской авиацией аэродромов на Украине и поделился соображениями по поводу участия СССР в войне с Японией. После этого прези-

дент перешел к своей излюбленной теме и предложил набросок будущей ООН. Stalin высказывал свои сомнения:

– Как мне кажется, малые страны в Европе будут недовольны такого рода организацией. Может быть, целесообразно создать европейскую организацию, в которую входили бы три страны – США, Англия и Россия и, может быть, еще какая-либо из европейских стран. Кроме того, вторую организацию, например, организацию по Дальнему Востоку⁶²⁹.

Перед вторым пленарным заседанием, начавшимся в четыре часа, Черчилль выполнял ответственное задание: «Я по поручению короля вручил Почетный меч, который был изготовлен по специальному заказу Его Величества в честь славной обороны Сталинграда. Большой зал был заполнен русскими офицерами и солдатами. Когда после нескольких пояснительных слов я вручил это великолепное оружие маршалу Сталину, он весьма внушительным жестом поднес его к губам и поцеловал. Затем он передал меч Ворошилову, который его уронил»⁶³⁰. После церемонии участники конференции расселись за большим круглым столом для рассмотрения вопросов, подготовленных на заседании военных – Ворошилова, Маршалла и Брука. Неожиданно Stalin спросил:

– Кто будет назначен командующим операцией «Оверлорд»?

Рузвельт ответил, что вопрос пока не решен.

– Если это неизвестно, тогда операция «Оверлорд» является лишь разговором.

Здесь переговоры забуксовали. «Обедали мы у Сталина, в узкой компании: Stalin и Молотов, президент Гопкинс, Гарриман, Кларк Керр, я, Иден и наши переводчики, – писал Черчилль. – Усталости от трудов заседания как не бывало, было довольно весело, предлагалось много тостов»⁶³¹.

30 ноября в 13.30 встретились главы внешнеполитических ведомств, от США в этой роли в отсутствие Хэлла выступал Гопкинс. Согласились, чтобы после войны германские и японские базы должны перейти под контроль Объединенных Наций. Была в принципе одобрена формула решения польской проблемы, которую накануне Черчилль проиллюстрировал на трех спичках: переместить на запад границы и СССР, и Польши.

– Я считаю, что это было бы лучшим выходом из положения, – согласился Молотов⁶³².

Главы правительства встретились позже. Рузвельт начал с приятной новости:

– Сегодня Объединенный комитет начальников штабов с участием Черчилля и моим принял следующее решение: опера-

ция «Оверлорд» намечается на май 1944 года и будет проведена при поддержке десанта в Южной Франции.

– К моменту начала десантных операций во Франции русские подготовят сильный удар по немцам, – обещал Сталин и получил еще один словесный подарок – от Черчилля.

– Раньше англичане возражали против того, чтобы русские имели выход к теплым морям, но сейчас англичане не имеют против этого никаких возражений.

– Все это время англичане хотели задушить Россию, – заметил Сталин, – но если англичане не хотят больше душить Россию, то необходимо, чтобы они облегчили режим проливов⁶³³.

В полшестого разошлись, чтобы успеть подготовиться к важному мероприятию – празднованию дня рождения Черчилля. Обед – примерно на сорок персон – прошел в британском посольстве. «На большом именинном пироге, – вспоминал Черчилль, – горело 69 свечей. Во время обеда было произнесено много речей, и большинство самых видных гостей, включая Молотова и генерала Маршалла, тоже внесли свой вклад... Я чувствовал, что мы достигли такой солидарности и такого настоящего товарищества, каких никогда прежде не достигали в этом великом союзе».

Как вспоминал Черчилль, 1 декабря за завтраком в советском посольстве «присутствовали также Молотов, Гопкинс, Иден, Кларк Керр и Гарриман. Первой темой нашего разговора был вопрос о вовлечении Турции в войну»⁶³⁴.

– Во время заседания позавчера господин Черчилль говорил, что если Турция не вступит в войну, то права Турции в отношении проливов не могут оставаться неизменными. Не могли бы вы разъяснить это заявление, – поинтересовался Молотов.

– Я думаю, что режим проливов следует подвергнуть пересмотру хотя бы по той причине, что участниками конвенции в Монтрё являются японцы, – отвечал Черчилль.

– Независимо от того, вступит или не вступит Турция в войну, Дарданеллы должны быть свободны для прохода военных и торговых судов всех наций, – высказал свою позицию Рузвельт. – Они должны быть поставлены под контроль держав, осуществляющих полицейские функции⁶³⁵.

Перешли к Финляндии. Черчилль заявил, что «ущерб, который причинили финны, напав на Россию и совершив, таким образом, недостойный и нелепый поступок, значительно превышает то, что может поставить такая бедная страна, как Финляндия». И добавил, что у него «в ушах еще звучит знаменитый лозунг: «Никаких аннексий и контрибуций»».

Сталин с широкой улыбкой ответил: «Я же сказал вам, что становлюсь консерватором»⁶³⁶.

– Финны в течение двадцати семи месяцев держат под артиллерийским обстрелом Ленинград – вторую столицу Советского Союза, – заметил Молотов⁶³⁷.

В 15.20, в промежутке между завтраком и вечерним заседанием Сталин и Молотов побеседовали с Рузвельтом, который напомнил, что остался необсужденным вопрос о создании международной организации.

– Я полагаю, что маршал Сталин понимает, что деятельность мировой организации будет зависеть от трех держав.

– В соответствии с предложением советской делегации на Московской конференции принято решение о том, что между тремя правительствами будет происходить обмен мнениями с целью конкретизации предложения о создании мировой организации и обеспечения в ней руководящей роли четырех держав, – заметил Молотов, напоминая о Китае⁶³⁸.

Перешли в другую комнату и заняли места за столом конференции.

– Можем ли мы получить сейчас ответ на вопрос относительно передачи нам части итальянского торгового и военно-морского флота? – поинтересовался Молотов.

– Ответ на этот вопрос очень прост, – ответил Рузвельт. – Мы получили большое количество итальянских кораблей. После войны они должны быть распределены между Объединенными Нациями.

Затем опять перешли к Польше. Предложения западных партнеров признать эмигрантское правительство Сталин, опираясь на данные разведки о связях агентов польского правительства с немцами, отверг с негодованием. По вопросу о границе на основе карт и текста радиограммы Керзона, которые раздобыл Молотов, Черчилль предложил формулу, получившую название «Тегеранская»: «В принципе было принято, что очаг польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер, с включением в состав Польши Восточной Пруссии и Оппельнской провинции». Сталин неожиданно выдвинул дополнительное условие:

– Русские не имеют незамерзающих портов на Балтийском море. Поэтому русским нужны были бы незамерзающие порты Кёнигсберг и Мемель и соответствующая часть территории Восточной Пруссии. Тем более что исторически – это исконно славянские земли.

Черчилль с грустью обещал подумать...

1 декабря состоялось еще одно немаловажное событие. «В Тегеране в 1943 году Сталин пошел на прием к юному шаху Ирана – тот даже растерялся»⁶³⁹, – рассказывал Молотов. Рузвельт принял шаха в своей резиденции, Черчилль – в британском посольстве. Сталин стал единственным из глав «Большой тройки», кто запросил встречу с шахом в его собственном дворце, что доставило максимум хлопот советской службе безопасности. Шах высоко оценил такой жест. Сталин заверил его в стремлении укрепить Иран и личные позиции шаха, обещал передать иранской армии двадцать танков и столько же самолетов, направить советских военных инструкторов. Западные дипломаты расценили встречу как большой успех дипломатии Москвы⁶⁴⁰. Позже, на пенсии, Молотов был более скептичен в отношении усилий на ниве привлечения шаха на советскую сторону: «Сталин думал, что подействует на него, не получилось. Шах чувствовал, конечно, что мы не можем тут командовать, англичане, американцы рядом. Они постоянно держали его под контролем»⁶⁴¹.

Но в целом Тегеран был успехом для советской дипломатии. Удалось добиться конкретного обещания об открытии второго фронта, принципиально обговорить вопрос о западных послевоенных границах СССР. То, что выглядело как единственная уступка со стороны Москвы – обещание вступить в войну с Японией после победы над Германией, на деле отвечало реальным планам Сталина и Молотова на Дальнем Востоке. Важным было и установление личных связей с Рузвельтом, что позволило выделить внутри тройки большую двойку. Черчилль сокрушался, вспоминая Тегеранскую конференцию: «Я сидел с огромным русским медведем по одну сторону от меня и с огромным американским бизоном по другую: между этими двумя гигантами сидел маленький английский осел»⁶⁴².

Обратный путь Сталина и Молотова в Москву пролегал по прежнему маршруту: до Баку самолетом, за штурвалом которого сидел полковник Грачев, а затем поездом до Москвы. Они были в хорошем расположении духа. Сталинская правка циркуляра Молотова советским послам по итогам конференции была показательной: она сглаживала моменты расхождений между союзниками и усиливала впечатление о их согласии по основным вопросам⁶⁴³. В таком же оптимистическом ключе работали и советские СМИ.

Было признано целесообразным наладить контакты между союзными разведками. В декабре 1943 года в Москву как личный гость Гарримана прибыл начальник Управления стратегических служб США генерал Уильям Донован, который был

принят Молотовым⁶⁴⁴. Руководитель внешней разведки Фитин вспоминал: «Нарком государственной безопасности и я были приглашены в Кремль, где нас принял В. М. Молотов. Он сообщил о прибытии в Москву Донована и его намерениях.

– Как вы на это смотрите? – спросил Молотов. – Видимо, нам отказываться не стоит, следует с ним встретиться и выяснить планы.

Здесь же приняли решение, что переговоры с Донovanом должен вести я и о ходе переговоров подробно докладывать В. М. Молотову. На следующий день вместе с моим заместителем мы приняли генерала Донована и провели с ним обстоятельную беседу. Результаты встречи были доложены И. В. Сталину и В. М. Молотову, которые дали согласие на установление контактов. Предусматривались обмен разведывательной информацией, взаимные консультации во время проведения активных действий, оказание содействия в заброске агентуры в тыл противника, обмен диверсионной техникой и др.»⁶⁴⁵.

В январе 1944 года в Москве был председатель управления по делам военного производства Нельсон. После визита он заявил: «В беседе со Сталиным, Молотовым и другими членами советского правительства я увидел суровый реализм, прямоту, в которой чувствуется уважение к себе. Все это убедило меня в том, что мы можем иметь дело с Россией с пользой для нас самих, для русских и в интересах прочного всеобщего мира»⁶⁴⁶.

Сотрудничество с США налаживалось и по линии еврейских организаций. Еще в 1942 году был создан Еврейский антифашистский комитет во главе с Михоэлсом. Это был инструмент для связи с прогрессивными еврейскими международными организациями и возможного доступа к американскому капиталу. Судоплатов свидетельствует: «Задача специального разведывательного зондажа – установление под руководством нашей резидентуры в США контактов с американским сионистским движением в 1943–1944 годах – была успешно выполнена. Припоминаю также, что в этот период в советском руководстве действительно подумывали о возможности создания еврейской республики в Крыму на базе существовавших там до войны трех национальных районов. По предложению Молотова руководство ЕАК подготовило письмо, адресованное Сталину, с предложением создать в Крыму еврейскую республику»⁶⁴⁷. Для уверенности в том, что письмо не затеряется, «21 февраля его копия была направлена Молотову через П. С. Жемчужину, с которой Михоэлс как со своим “большим другом” имел соответствующую предварительную беседу»⁶⁴⁸. Руководство ЕАК, хотя его инициатива была отвергнута, продолжало надеяться.

Десять ударов

В 1944 году Ставка дала добро на проведение крупных операций на окружение противника силами сразу нескольких фронтов. Последовали хрестоматийные «девять сталинских ударов». Январь – наступление под Ленинградом и Новгородом, что позволило снять блокаду, вступить в Эстонию и Восточную Пруссию. В феврале – марте последовал удар в районе Корсунь-Шевченковского с освобождением всей Правобережной Украины и выходом на Днестр. В апреле – мае был нанесен третий удар на юге, от немцев очищены Крым и Одесса.

Все эти удары, как и каждый последующий, требовали серьезной работы НКИД, поскольку войска вступали на территорию зарубежных государств, в отношении которых свои планы имелись как у Москвы, так и у всех других столиц великих держав. Решающие победы и мощь Красной Армии открывали небывалые возможности для реализации самых смелых стратегических замыслов, позволяли решать исторические задачи российской внешней политики. Выполнение небывалых по многообразию и значимости задач требовало от дипломатов огромного напряжения сил, интеллектуальной мобилизации, круглосуточной деятельности в экстренном режиме.

Интеллектуальная работа по послевоенному устройству мира началась еще в декабре 1941 года, когда Лозовский написал Сталину и Молотову: «Хотя война в полном разгаре и неизвестно, когда она кончится, но исход войны уже ясен. Германия, Япония, Италия и их союзники будут разгромлены. В связи с этим пора уже начать подготовку мирной конференции, задачи которой будут гораздо сложнее задач Парижской мирной конференции, собравшейся после разгрома Германии в войне 1914–1918 гг.». Политбюро 28 января 1942 года приняло постановление «О комиссии по послевоенным проектам государственного устройства стран Европы, Азии и других частей мира». Возглавил ее Молотов, в состав вошли Вышинский, Деканозов, Лозовский, Соболев, Уманский, Суриц, академик Варга. 4 сентября 1943 года решением ПБ при Наркоминделе были образованы две комиссии: по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства (под председательством Литвинова) и по вопросам перемирия, которую возглавил Ворошилов. Координировал работу комиссий Молотов⁶⁴⁹.

Резкое повышение значимости международных вопросов привело к очередному перераспределению полномочий внутри высшего руководства и изменению сферы ответственности Молотова. Формальным поводом стал вдруг обнаружившийся

избыток заместителей председателя СНК – их было тринадцать. В мае было принято постановление ПБ: «Освободить от обязанностей заместителей председателя наркома тт. Мехлиса, Булганина, Вышинского, Первухина, Сабурова, Малышева, Кагановича». Новый состав Бюро СНК выглядел так: председатель Молотов, члены – Микоян, Вознесенский, Шверник, Андреев, Косыгин. А в Оперативное бюро ГКО вошли теперь Берия (на правах председателя), Маленков, Микоян, Вознесенский и Ворошилов⁶⁵⁰. Многие из тех наркоматов, включая оборонные, которые ранее находились в ведении Молотова, отошли другим членам высшего руководства, в первую очередь – Берии. Молотов же «дополнительно к возложенным на него обязанностям» должен был осуществлять «контроль и наблюдение за работой наркомюста, прокуратуры, комитета по делам высшей школы, Академии наук, ТАСС, Совета по делам Русской Православной Церкви». 16 мая Берия был назначен – наравне с Молотовым – заместителем председателя ГКО. Полагаю, дело не шло о «задвижении» Молотова, хотя круг его полномочий сужался. Вопросы оборонного производства уже не были критичными. И, напротив, внешняя политика становилась центральной. И в ГКО он продолжал играть ведущую роль.

Майский первым представил свои аналитические разработки Молотову. Центральной задачей он называл обеспечение гарантии безопасности Советского Союза и сохранение мира «в течение длительного срока» (30–50 лет). Майский полагал, что «СССР должен выйти из нынешней войны с выгодными стратегическими границами, в основу которых должны лечь границы 1941 года. Сверх того, было бы очень важно, чтобы к СССР перешли Петсамо, Южный Сахалин и цепь Курильских островов... У СССР должно быть также гарантированное свободное и удобное использование транзитных путей «через Иран к Персидскому заливу». Общая линия внешней политики должна была выглядеть так: «Укрепление дружественных отношений с США и Англией: использование в советских интересах англо-американского противоречия с перспективой все более тесного контакта с Англией; всемерное усиление советского влияния в Китае; превращение СССР в центр притяжения подлинно демократических элементов во всех странах, особенно в Европе; поддержание международной беспощадности к Германии и Японии вплоть до того момента, когда и если эти страны обнаружат искреннее стремление к переходу на рельсы настоящей демократии и социализма»⁶⁵¹.

Документы «Комиссии Ворошилова», которые воплотились в конкретные межсоюзнические договоренности по Германии,

«свидетельствуют о том, что она строила свою работу, исходя из двух принципиальных установок: сохранения единства германского государства (включая его центральный правительственный аппарат), а также продолжения (и даже укрепления) в послевоенный период сотрудничества государств антигитлеровской коалиции... При всем желании трудно найти в разработках «Комиссии Ворошилова» что-либо напоминающее программу подготовки коммунистического захвата власти во всей Германии или же раздробления Германии на ряд мелких государств»⁶⁵².

Готовившиеся в НКИД планы послевоенного устройства не предполагали большевизации Восточной Европы. «СССР заинтересован в том, чтобы государственный строй этих стран базировался на принципах широкой демократии в духе идеи народного фронта». Основная угроза могла исходить «от преждевременных революций, так как они могут спровоцировать эскалацию напряженности в отношениях с Западом»⁶⁵³. Такие термины, как «советизация», «диктатура пролетариата», «социалистическая революция», были полностью исключены из лексикона не только высшего политического руководства, но и функционеров любого уровня, которых могли услышать за рубежом. Однако важная задача состояла в обеспечении участия в правящих коалициях тех сил, которые ориентировались на Советский Союз, прежде всего компартий.

На 1944 год перед Сталиным и Молотовым стояли и более конкретные внешнеполитические задачи: поощрение к выходу из войны европейских союзников Германии, восстановление суверенитета оккупированных немцами восточноевропейских государств – Чехословакии, Польши, Югославии, участие в создании международной организации безопасности и решении проблем послевоенного устройства таких стран, как Франция, Италия, Греция.

Стимулом для вмешательства СССР в итальянские дела стала история с обещанными в Тегеране кораблями. Сталин в письме своим коллегам от 29 января недоумевал, что «с итальянцами даже не говорилось ничего по этому поводу»⁶⁵⁴. Рузвельт и Черчиль обещали выполнить обещание за счет передачи не итальянских, а собственных кораблей. Корабли оказались те еще, многие – времен Первой мировой войны. Эта история ликий раз убедила Сталина и Молотова, что, будучи отстраненными от воплощения в жизнь даже уже решенного вопроса, они потом оказываются в положении бедных родственников. 15 января 1944 года Молотов удивил Гарримана требованием формально подключить СССР к работе СКК в Италии, коль скоро это была

Комиссия Объединенных Наций⁶⁵⁵. Италию посетил Вышинский, обнаруживший готовность правительства Бадольо установить отношения с Москвой. В ночь на 4 марта Сталин принял Тольятти, которому предстояло вернуться на родину. Лидер итальянских коммунистов так записал основное содержание разговора: «Существование двух лагерей (Бадольо-король и антифашистские партии) ослабляет итальянский народ»⁶⁵⁶. Из этого следовали инструкции: компартии не требовать немедленного отречения короля, не отказываться от вхождения в правительство Бадольо, концентрировать усилия на создании и укреплении единства для противостояния Германии⁶⁵⁷. 7 марта итальянское правительство обратилось к Москве с просьбой об установлении официальных отношений и 11 марта такое согласие получило. Союзники протестовали против «одностороннего и несвоевременного» решения Москвы.

– Наше положение в Италии не было равноправным, – объяснил Молотов⁶⁵⁸.

Тольятти, вернувшийся после восемнадцатилетнего изгнания, немедленно стал одной из ключевых политических фигур в стране, выдвинув идею национального компромисса. 22 апреля было сформировано новое правительство национального единства во главе с Бадольо, в состав которого вошли и коммунисты, а Тольятти стал министром без портфеля⁶⁵⁹.

В качестве образца обращения с соседями в Москве явно хотели бы видеть отношения с Чехословакией. Поддерживались предельно корректные отношения с лондонским правительством Бенеша, не предпринималось никаких шагов к созданию просоветского противовеса ему ни в СССР, ни на освобождаемой территории страны. В конце 1943 года Бенеш находился в Советском Союзе две недели с официальным визитом, и 12 декабря Молотов и чехословацкий посол в Москве Фирлингер подписали договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве⁶⁶⁰.

26 марта советские войска подошли к румынской границе на реке Прут и остановились. В сентябре 1943 года был создан Рабочий комитет румынских антифашистских организаций, под Рязанью началось формирование 1-й румынской добровольческой армии, которая войдет в состав 2-го Украинского фронта⁶⁶¹. 2 апреля 1944 года Молотов уверил: «Советское правительство заявляет, что оно не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии»⁶⁶². Компартия Румынии договорилась с социал-демократами, деятелями национал-либеральной и национал-царанистской партии и даже

дворцовыми кругами для создания Национально-демократического блока.

Появление советских войск на Пруте обеспокоило англичан – за этим им мерещилась перспектива выхода СССР в Средиземноморье через Грецию или Турцию. Беспокойство усилилось, когда Москва воспользовалась восстанием в греческих вооруженных силах в Египте, чтобы заявить о несогласии с британскими действиями по подавлению бунта. 16 апреля Черчилль направил письмо Молотову, давая объяснение беспорядкам, и фактически предложил сделку: признание советского доминирования в Румынии взамен на признание Греции частью английской сферы влияния⁶⁶³. Так в переписке Черчилля с Молотовым наметились первые контуры будущей договоренности о разделе сфер интересов в Восточной Европе. Правда, с этим не согласился Вашингтон⁶⁶⁴. Но, несмотря на разногласия, 13 мая 1944 года три союзные державы выступили с последним предупреждением Румынии, а заодно – Финляндии и Венгрии: «Эти государства все еще могут путем выхода из войны и прекращения своего пагубного сотрудничества с Германией, путем сопротивления нацистским силам всеми возможными средствами сократить срок европейской борьбы, уменьшить собственные жертвы, которые они понесут в конечном счете, и содействовать победе союзников»⁶⁶⁵.

Сотрудничество держав – пусть и непростое – проявилось и в деле создания новой международной организации. В Кремле изначально было понятно, что в ней СССР был обречен оставаться по любому вопросу в меньшинстве, рассчитывая лишь на собственный голос. Молотов предложил оригинальный выход: придать видимость суверенитета союзным республикам, сделав их субъектами международного сообщества. Почему бы и нет, ведь британские доминионы Канада, Южно-Африканский Союз, Австралия, Новая Зеландия, даже колония Индия были полноценными участниками Объединенных Наций. Предложение Молотова формально вылилось в решение преобразовать Наркомат обороны и Наркоминдел из общесоюзных в союзно-республиканские. А уже 1 февраля Молотов делал соответствующий доклад на Верховном Совете СССР. Основной упор – на торжество ленинско-сталинской национальной политики. Максимум откровенности, которую Молотов себе позволил, – признание, что «это не только в интересах тех или иных отдельных союзных республик, но и в интересах всего дела расширения международных связей и укрепления сотрудничества СССР с другими государствами, что так важно во время войны и что даст свои плоды также в послевоенный период»⁶⁶⁶.

На пленуме Молотов был откровенен:

– Это очевидно будет означать, что участие и удельный вес представительства Советского Союза в международных органах, конференциях, совещаниях, международных организациях усилится⁶⁶⁷.

Между тем 16 марта Керр вручил Молотову меморандум, в котором трем правительства предлагалось обменяться соображениями по вопросам создания международной организации. Дождавшись английских и американских предложений, нарком ответил 4 апреля: «В первую очередь должны быть обсуждены основные вопросы, как, например, соотношение между общей организацией и директивными органами, порядок принятия решений как общей организацией, так и директивными органами, упомянутая в английском перечне «связь соглашений о взаимной обороне и эвентуальных региональных систем с системой всеобщей безопасности»»⁶⁶⁸.

Примечательно, что, уделяя самое пристальное внимание политическим вопросам создания международной организации, советская дипломатия не проявила большого интереса к вопросам формирования новых мировых финансовых институтов. В апреле Гарриман запросил у Молотова официальную позицию Москвы в отношении плана Моргентау о создании Международного валютного фонда, из которого вскоре родится бреттон-вудская система. 20 апреля Молотов вручил ответ, который, уверен, удивил даже этого видавшего виды дипломата и бизнесмена: «Откровенно говоря, правительство СССР еще не успело изучить его основные положения, однако если правительству США необходимо иметь голос СССР для обеспечения должного эффекта во внешнем мире, то советское правительство согласно дать распоряжение своим экспертам, чтобы они солидаризировались с проектом г-на Моргентау»⁶⁶⁹. Это был карт-бланш американцам.

Обсуждение конкретного плана создания ООН началось на конференции в washingtonском пригороде Думбартон-Оксе, где СССР, учитывая ее предварительный характер, представлял ставший послом в США Громыко. 31 июля он впервые заявил госсекретарю Хэллу, что «союзные советские республики должны быть в числе инициаторов создания организации безопасности». Реакция США последовала на следующий день в письме Рузвельта Сталину: «Весь проект... определенно оказался бы в опасности, если этот вопрос был поднят на какой-либо стадии до окончательного учреждения Международной организации»⁶⁷⁰. Очевидные разногласия существовали по процедуре голосования. Американцы и англичане, уверенные в

способности получить большинство по любому вопросу, возражали против права вето, которое советская сторона рассматривала как краеугольный камень будущей организации. Вопрос так и не был решен, но это не помешало позитивным оценкам конференции советским руководством.

«Поздравляю Вас с большой победой союзных англо-американских войск – взятием Рима»⁶⁷¹, – писал Сталин Черчиллю 5 июня. А на следующий день началась операция «Оверлорд». Для десанта западными союзниками были выделены четыре армии – 39 дивизий, 10 бронетанковых бригад в составе почти 2,9 миллиона военнослужащих с 6 тысячами танков и САУ⁶⁷². Высадка англо-американских войск в Нормандии, сковавшая значительную часть немецких сил на Западном фронте, стала хорошим фоном для крупных наступательных операций Красной Армии, которая переносила военные действия за пределы СССР. Комиссия Ворошилова в июле – августе готовила новые проекты капитуляции для каждого из союзников Германии. Представленные Молотову, они стали основой для будущих соглашений о перемирии с ними. Первым был готов проект для Финляндии.

Четвертый сталинский удар – атака, начавшаяся 10 июня на Карельском перешейке и в районе Ладоги. 21 июля соединения Ленинградского фронта вышли к границе Финляндии и предоставили возможность для активных действий дипломатам. Собственно, еще в марте в Москву прибыла финская правительственная делегация. Однако предложения Молотова – выход Финляндии из войны, разрыв с Германией, разоружение и интернирование частей вермахта, выплата репараций, восстановление границы 1940 года и отказ от Петсамо – не были приняты. Финны, опасаясь военного столкновения с Германией, заявили, что у них не будет денег на репарации. Но 4 сентября Финляндия смирилась, объявив о прекращении огня. В Москве премьер Хаскель подписал соглашение о перемирии. Ввод советских войск в Финляндию или изменение ее строя не предусматривались.

Операция «Багратион» развернулась в июне – августе на фронте протяженностью 1200 километров. Восточнее Минска были окружены и уничтожены более двадцати германских дивизий группы армий «Центр», после чего наши войска освободили Белоруссию, большую часть Литвы и Восточной Польши. Началось практическое решение польского вопроса. После некоторых колебаний Москва дала зеленый свет формированию новых органов польской власти из лояльных ей политиков из Крайовой Рады Народовой. 22 июля в освобожденном Люблине

был образован Польский комитет национального освобождения (ПКНО) во главе с Берутом. Вместе с тем в тот момент не исключалась возможность коалиции «лондонцев» и «люблинецев». Черчилль умолял Сталина срочно принять Миколайчика, и тот отправился в Москву. В эти дни эмигрантское правительство мобилизовало своих сторонников внутри Польши для реализации единственно возможного сценария, позволявшего ему оказаться у власти, – самим освободить Варшаву до прихода туда Красной Армии.

Миколайчик, изначально называвший руководство ПКНО «узурпаторами», вместе с председателем Национального совета Грабским и министром иностранных дел Ромером прибыл в Москву 29 июля. Только на встрече с Молотовым 31 июля он счел нужным туманно, не раскрывая детали, сообщить:

– Польское правительство обдумывает план генерального восстания в Варшаве и хотело бы просить советское правительство о бомбардировке аэродромов около Варшавы.

– До Варшавы осталось всего лишь около десяти километров, – ответил озадаченный нарком⁶⁷³.

При этом Миколайчик не упомянул, что восстание начнется уже на следующий день⁶⁷⁴. В западной и польской литературе общим местом является обвинение СССР в нежелании по политическим мотивам помочь восстанию, которое в итоге будет потоплено немцами в крови. Конечно, Сталин был очень недоволен, что о подготовке восстания и о необходимости его поддержать он узнал постфактум. Войска 1-го и 2-го Белорусского фронтов, действовавшие на варшавском направлении, наступали с 23 июня и прошли с огромными потерями 500 километров. Немедленно перейти в новое наступление они были не в силах. «Все произошло настолько неожиданно, что мы терялись в догадках и вначале думали: не немцы ли распространяют эти слухи, а если так, то с какой целью? Ведь, откровенно говоря, самым неудачным временем для начала восстания было то, в какое оно началось, – писал участник событий маршал Рокоссовский. – ...Сталин спросил, в состоянии ли войска фронта предпринять сейчас операцию по освобождению Варшавы. Получив от меня отрицательный ответ, он попросил оказать восставшим возможную помощь, облегчить их положение»⁶⁷⁵.

Сталин вместе с Молотовым принял польскую делегацию 3 августа. Выслушав пожелания Миколайчика о признании Москвой его правительства национального единства и оптимистическую информацию об успехах восстания, Сталин обещал помочь варшавянам оружием, но состав нового правительства предложил обсудить с ПКНО⁶⁷⁶. В то же время в Москве

появилась информация и о замыслах руководителей восстания: ее предоставили и спецслужбы, и приехавшие из Варшавы Берут со товарищи. Причем именно их встречали с официальными почестями, включая почетный караул и исполнение гимна. Миколайчуку пришлось вести переговоры с представителями ПКНО. Обе стороны переговоров услышали от Молотова:

– Советское правительство отложило достаточное количество оружия, чтобы оснастить польскую армию. При этом оно не смотрит, к какой партии принадлежит тот или иной поляк. Важно лишь, чтобы это был хороший поляк, готовый сражаться за свой народ. Хорошо бы представителям лондонского правительства договориться с представителями ПНКО. «Ищите и обрящете»⁶⁷⁷.

Вечером 9 августа делегацию эмигрантского правительства принял кремлевский тандем. Миколайчик взмолился о помощи полякам, борющимся в Варшаве. Stalin обещал помочь, но это было не так просто осуществить. Начало восстания заставило немцев перебросить к Варшаве мощные подкрепления, что остановило и советские войска. Гудериан писал, что «попытка русских захватить Варшаву внезапным ударом с ходу разбилась о стойкость немецкой обороны, несмотря на восстание поляков, которое, с точки зрения противника, началось преждевременно»⁶⁷⁸. Молотов 11 августа говорил Гарриману:

– Непонятно, каким образом поляки рассчитывали осуществить это дело. Они начали свое рискованное предприятие 1 августа. Мы узнали из телеграммы «Рейтера», полученной 2 августа. Нашим войскам теперь приходится брать Варшаву не в лоб, а обходным движением⁶⁷⁹.

Западная пресса и парламентарии заходились на тему преданных Москвой польских патриотов. Британская авиация начала, неся огромные потери, прорываться к Варшаве и сбрасывать туда грузы, которые по большей части доставались немцам. Самолетам не хватало горючего на обратный путь, союзники запросили возможность использовать советские аэродромы для осуществления поставок в Варшаву. Молотов отвечал Керру: «Советское правительство, безусловно, возражает против того, чтобы американские и английские самолеты, сбрасывая вооружения в районе Варшавы, приземлялись на советской территории, так как советское правительство не хочет связывать себя ни прямо, ни косвенно с авантюрой в Варшаве»⁶⁸⁰. Керр не отступал, усилив 17 августа нажим на Молотова, который жестко подчеркнул:

– Нет необходимости доказывать, что советский народ понес наиболее значительные потери, чем кто-либо дру-

гой, в борьбе за общее дело и, в частности, за освобождение Польши⁶⁸¹.

Действительно, в августе – первой половине сентября 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты потеряли 289 тысяч солдат и офицеров. Прекратив наступление на других направлениях, они получили приказ Ставки двигаться к Варшаве. В ночь на 16 сентября совместно с 1-й Польской армией они форсировали Вислу, но не смогли удержаться на захваченных плацдармах. Маршал Жуков, который был специально послан Ставкой в район Варшавы в конце сентября, писал: «Я установил, что нашими войсками было сделано все, что было в их силах, чтобы помочь восставшим, хотя.... восстание ни в какой степени не было согласовано с советским командованием»⁶⁸². 2 октября восстание было подавлено немцами. В Варшаве погибли 200 тысяч человек.

Шестой сталинский удар наносился 1-м Украинским фронтом в районе Львова с последующим форсированием Вислы и образованием Саномирского плацдарма. Это создавало непосредственную угрозу Словакии, куда 29 августа были введены немецкие войска из Польши, Чехии и Австрии. На следующий день словацкий Национальный совет объявил о низвержении правительства Тисо и восстановлении Чехословакии. Из СССР в Словакию были срочно переброшены чехословацкие подразделения и советские партизанские отряды. В сентябре вперед пошли силы 1-го и 4-го Украинских фронтов. Но впереди лежал укрепленный горный перевал Дукла, и потребовался месяц, чтобы ворваться в Словакию. 26 ноября собрание местных комитетов Карпатской Украины приняло решение о присоединении к СССР. В конце декабря Молотов дал понять, что Москва желала бы согласия Чехословакии на добровольное присоединение Закарпатья к Советскому Союзу. В январе – феврале 1945 года в результате Западно-Карпатской операции были освобождены Словакия и Моравия, после чего правительство Бенеша переехало в Кошице.

Седьмой удар – Ясско-Кишиневская операция, приведшая к ликвидации двадцати двух немецких дивизий, освобождению Молдавской ССР и вступлению в Румынию. 23 августа в Бухаресте произошло вооруженное восстание, Антонеску оказался под стражей. Главой государства был провозглашен король Михай, от чьего имени на следующий день была издана декларация о прекращении военных действий. Под председательством генерала Сатанеску было создано правительство национального единства из либералов, национал-царанистов, социал-демократов и коммунистов. 26 августа Молотов поставил

Керра и Гарримана перед фактом: «Переговоры по перемирию должны проходить в Москве». И проинформировал, что в целях поддержания авторитета новых властей СССР намерен сократить размер требуемых репараций, выделить свободную зону для пребывания румынского правительства и дать немецким войскам 15 дней для ухода из страны»⁶⁸³.

Из Бухареста и Каира были доставлены представители как правительства национального единства, так и эмигрантского для переговоров с Молотовым. Когда проект соглашения был готов, пригласили Гарримана и Керра. Договор был подписан 12 сентября, Румыния выставляла против Германии «не менее 12 пехотных дивизий со средствами усиления»⁶⁸⁴. В качестве награды за это союзники признали «несуществующим» решение Венского арбитража 1940 года, которым Северная Трансильвания передавалась Венгрии. Красная Армия почти без сопротивления прошла через Румынию и 2 сентября вышла к границам Болгарии, 6 сентября – к границам Югославии и после боев в Трансильвании 22 сентября – к венгерским пределам.

Болгария объявила войну США и Англии в декабре 1941 года, но формально не воевала с Москвой. Однако болгарские порты и аэродромы были предоставлены Германии для операций против Советского Союза. 5 сентября СССР объявил о состоянии войны с Болгарией, которая тут же заявила о разрыве отношений с Германией и запросила о перемирии. Керр и Гарриман поспешили к Молотову с недоуменным протестом против того, что Москва без консультаций с союзниками объявила Софию войну в тот момент, когда она предпринимала попытки заключить мир с союзниками.

«Поможет ли разрыв СССР с Болгарией борьбе союзников против Германии? – поинтересовался Молотов у собеседников. Те ответили утвердительно. – Смена правительства в Болгарии была лишь переодеванием. После того, как третье болгарское правительство не решило вопроса о разрыве с Германией и объявлении ей войны, действия советского правительства были вынужденным и неотложным шагом»⁶⁸⁵.

София объявила войну Берлину, войска 3-го Украинского фронта и силы Черноморского флота беспрепятственно вступили в Болгарию. Одновременно коммунисты организовали восстание, и 9 сентября партизанские и рабочие отряды взяли стратегические пункты в Софии. К власти пришло правительство Отечественного фронта во главе с Георгиевым. Регентский совет при малолетнем царе Борисе возглавил коммунист Павлов.

После выхода из войны Болгарии создались условия и для освобождения Югославии, где позиции СССР подкреплялись

наличием мощной партизанской Народно-освободительной армии во главе с Тито, который еще в конце 1943 года возглавил Национальный комитет освобождения Югославии с функциями временного правительства. Весной 1944 года в Москву прибыла военная миссия НКОЮ, в которую входил Милан Джилас, ставший позднее мемуаристом и ярым антисоветчиком. 19 мая его принял Сталин, который «сразу перешел к отношениям с королевским югославским правительством в эмиграции, спросив Молотова:

– А не сумели бы мы как-нибудь надуть англичан, чтобы они признали Тито – единственного, кто фактически борется против немцев?

Молотов усмехнулся – в усмешке была ирония и самодовольство:

– Нет, это невозможно, они полностью разбираются в отношениях, создавшихся в Югославии.

Меня привел в восторг этот непосредственный обнаженный подход, которого я не встречал в советских учреждениях, тем более в советской пропаганде»⁶⁸⁶.

Черчиль вел с Молотовым интенсивную переписку по югославским делам, в которой центральным было желание Лондона примирить Петра II и Тито. Молотов не был уверен в целесообразности вовлечения короля во внутриюгославский процесс: «Трудно из Москвы судить о том, что могут дать переговоры с королем Петром, который связан с генералом Михайловичем, давно уже полностью дискредитировавшим себя. Изменения в югославском правительстве, если они не будут пользоваться соответствующей поддержкой маршала Тито и Народно-освободительной армии Югославии, вряд ли могут принести какую-либо пользу»⁶⁸⁷.

Король и сам не оставлял попыток наладить отношения с Москвой. В официальном сообщении о своей женитьбе на Александре Греческой он назвал Сталина и Молотова «дорогими и великими друзьями». Джилас в этой связи вспоминал: «Сталин спросил, на ком женился югославский король Петр II. Когда я сказал, что на греческой принцессе, он шутя заметил:

– А что, Вячеслав Михайлович, если бы я или ты женился на какой-нибудь иностранной принцессе, может, из этого вышла бы какая-нибудь польза?

Засмеялся и Молотов, но сдержанно и беззвучно»⁶⁸⁸.

Немецкая разведка вычислила местонахождение штаба Тито в Боснии, но ему удалось спастись на советском самолете. Англичане переправили его на остров Вис в Адриатике, где Лондон 16 июня сумел организовать подписание соглашения

между Тито и главой эмигрантского правительства Шубашичем⁶⁸⁹. Когда Красная Армия через Румынию и Болгарию подошла к границе Югославии, Тито тайно сбежал с острова Вис. 21 сентября человек, которому суждено будет сыграть в судьбе Молотова роковую роль, в роскошной, шитой золотом щинели от итальянских кутюрье вступил на московскую землю. Тито просил у Сталина и Молотова ввести советские войска в те районы Сербии, где действовали его боевые отряды. Чтобы не осложнить и без того непростое положение Тито, вступление советских войск в Югославию было представлено как инициатива исключительно советского военного командования⁶⁹⁰. В ночь на 29 сентября советские войска из Болгарии вступили на югославскую территорию.

Вся тщательно выстроенная англичанами система влияния на Балканах шла прахом. Черчилль решил форсировать встречу на высшем уровне. Рузвельт, занятый президентскими выборами, уговорил принять в качестве третьего участника разговоров Гарримана. Черчилль прибыл в Москву 9 октября. «Нас исключительно сердечно и торжественно встретили Молотов и многие высокопоставленные русские деятели. В 10 часов вечера состоялась наша первая важная встреча в Кремле. На ней присутствовали только Сталин, Молотов, Иден, Гарриман и я, а также майор Бирс и Павлов в качестве переводчиков»⁶⁹¹. Черчилль, подарив Сталину свой портрет с автографом, решительно начал:

- Наиболее трудной проблемой является проблема Польши. Нехорошо, что у обеих сторон имеются «боевые петухи».
- Без петухов было бы трудно обойтись. Например, петухи подают сигнал – «пора вставать», – проявил орнитологические познания Сталин.

Договорились срочно пригласить в Москву Миколайчика и люблинских поляков. Черчилль впервые дал понять, что будет поддерживать принцип единогласия в Совете будущей международной организации, исходя из чисто практических соображений: он хотел права вето при решении вопросов о судьбе британских колоний⁶⁹². Затем Черчилль перешел действительно к главному, что заставило его ехать в Москву. В мемуарах он написал: «Создалась деловая атмосфера, и я заявил: “Давайте урегулируем дела на Балканах. Ваши армии находятся в Румынии и Болгарии. У нас есть там интересы, миссии и агенты. Не будем ссориться из-за пустяков. Что касается Англии и России, согласны ли вы на то, чтобы занимать преобладающее положение на 90 процентов Румынии, на то, чтобы мы занимали также преобладающее положение на 90 процентов в Греции и

пополам – в Югославии?” Пока это переводилось, я взял полиста бумаги и написал:

“Румыния: Россия – 90 процентов. Другие – 10 процентов.

Греция: Великобритания (в согласии с США) – 90 процентов. Россия – 10 процентов.

Югославия – 50:50 процентов.

Венгрия – 50:50 процентов.

Болгария: Россия – 75 процентов. Другие – 25 процентов”.

Я передал этот листок Сталину, который к этому времени уже выслушал перевод. Наступила небольшая пауза. Затем он взял синий карандаш и, поставив на листке большую птичку, вернул его мне... Исписанный карандашом листок бумаги лежал в центре стола. Наконец я сказал: “Не покажется ли несколько циничным, что мы решили эти вопросы, имеющие жизненно важное значение для миллионов людей, как бы экспромтом. Давайте сожжем эту бумажку”. “Нет, оставьте ее се-бе”, – сказал Сталин»⁶⁹³.

Черчилль, описывая в мемуарах «процентную сделку», пропустил один существенный обмен репликами:

– Нужно было бы исправить цифру по Болгарии, – заметил Сталин.

– Вообще говоря, мне на Болгарию наплевать. Может быть, этот вопрос обсудят между собой Иден и Молотов⁶⁹⁴.

На том и порешили. А то из мемуарной и исторической литературы следует, что на следующий день Молотов по собственной инициативе обрушился на бедного Идена, требуя изменить цифры, ранее уже согласованные Сталиным и Черчиллем. В 7 часов вечера 10 октября Иден был у Молотова, который – в порядке уступки – согласился, чтобы условия перемирия с Болгарией были подписаны и британским представителем. Затем перешли к процентам:

– Нельзя ли договориться, чтобы не только в отношении Болгарии, но и Венгрии и Югославии соотношение было 75 на 25 процентов?

– Но это гораздо хуже, чем то, о чем шла речь накануне, – возразил Иден.

– Тогда пусть будет 90 и 10 для Болгарии, 50 на 50 для Югославии, а для Венгрии договоримся дополнительно, – настаивал Молотов⁶⁹⁵.

Иден в конце концов заявил, что его не интересуют цифры. «Все, что я хочу – быть уверенным, что мы будем иметь большее право голоса в Болгарии и Венгрии, чем мы согласились иметь в Румынии, и что мы будем проводить совместную политику в Югославии». И занес в дневник: «Это была настоящая

битва, и я не мог отступить и не отступил». А на следующий день Иден, к собственному удивлению, зафиксировал: «С Молотовым в три часа. Все было настолько гладко, насколько жестко все было вчера, и мы получили то, что хотели почти по всем позициям. Процентов на девяносто»⁶⁹⁶. На самом деле сошлись на формулах 80:20 и для Болгарии (Черчиль изначально предлагал 75:25), и для Венгрии (было 50:50)⁶⁹⁷. Небольшой, но результат. Молотов боролся за каждый сантиметр советского влияния.

Вечером 11 октября состоялось уникальное событие в дипломатической жизни Москвы. «Помнится, какая была сути у нас в секретариате Молотова и, особенно, в английском посольстве на Софийской набережной, когда Сталин принял приглашение Черчилля с ним там поужинать, – вспоминал Бережков. – Это казалось невероятным. Ведь “отец народов” до того никогда не посещал иностранные посольства. Вячеслав Михайлович заранее послал меня туда со списком главных гостей, чтобы посольство заготовило пригласительные карточки. С нашей стороны на ужине помимо Сталина были Молотов, Вышинский, Литвинов и Каганович. Молотов, захвативший с собой нас с Павловым, прибыл раньше других»⁶⁹⁸. Черчиль писал: «Полиция приняла все необходимые меры предосторожности. Один из моих гостей, Вышинский, проходя мимо вооруженной охраны НКВД, стоявшей на лестнице, заметил: “Видимо, Красная Армия одержала новую победу. Она заняла английское посольство”»⁶⁹⁹.

13 октября лондонские поляки были доставлены в кабинет Молотова. Миколайчик поинтересовался, что нужно для успеха переговоров.

– Для этого нужна добрая воля, – заметил Молотов. – Польша много натерпелась за эту войну, и хорошо было бы, если бы она встала на ноги как хороший сосед Советского Союза.

Миколайчик заверил, что поляки это хорошо понимают. В пять вечера Сталин, Молотов, Черчиль, Иден, Керр, Гарриман ждали его в особняке НКИД на Спиридовонке. Миколайчик представил меморандум, который не устроил Сталина:

– Меморандум страдает двумя большими дефектами. Первый состоит в том, что он игнорирует существование ПКНО. Но как можно игнорировать такой факт?.. Второй недостаток заключается в том, что он не дает ответа на вопрос о линии Керзона. Если поляки хотят иметь отношения с Советским Союзом, то без признания линии Керзона они этих отношений не установят.

Черчиль поддержал требования России «не потому, что

она сильна, но потому, что она права». Молотов напомнил о договоренностях в Тегеране и позиции Соединенных Штатов. Миколайчик стоял на своем⁷⁰⁰. В тот же день, в 10 часов вечера, в том же составе встречались с люблинцами. На западных участников впервые с ними встретившиеся представители ПКНО произвели предсказуемо негативное впечатление. «Вскоре стало ясно, что люблинские поляки – просто пешки России»⁷⁰¹, – напишет Черчилль. Было очевидно, что согласие между двумя польскими правительствами будет нелегким, если вообще возможным. Молотов предложил формулу: в случае признания лондонским правительством границы по линии Керзона, в будущем кабинете и лондонцы, и люблинцы получат по 40 процентов, а остальные 20 процентов придется на представителей освобожденной Польши. Именно эту процентную договоренность Миколайчик должен был согласовать с членами своего правительства⁷⁰².

Вечером состоялось представление в Большом театре. События в театре описала дочь Гарримана Кэтлин в своем послании невестке Черчилля Памеле Черчилль: «Поднялись овации, каких я раньше никогда здесь не слышала, и Дядя Джо отошел назад, чтобы премьер-министр мог принять все аплодисменты на себя. Но он послал Вышинского вернуть Д. Дж. на место, они стояли вместе, и аплодисменты продолжались много минут. Это было потрясающее... Между двумя актами мы направились на ужин с рассадкой, на котором председательствовал Молотов. За столом было человек 12, для меня все это было так волнующе. Были тосты за каждого, и Сталин был очень забавным, когда Молли (как стали называть нашего героя в дипкорпусе. – В. Н.) встал и поднял бокал за Сталина с короткой, обычной фразой о “нашем великом лидере”. Сталин, выпив, заметил: “Я думал, он собирался сказать обо мне что-то новенькое”. Молли ответил мрачно: “Это всегда удачный тост”. У Молли чертовское чувство юмора и красивые сверкающие глаза»⁷⁰³. Из театра лидеры переместились в кабинет Молотова, где обсудили военные темы.

В аэропорт для проводов Черчилля приехал Сталин, и премьер-министр пригласил его и Молотова осмотреть кабину своего самолета. Она была прекрасно оборудована. Сталин не удержался от замечания – «теперь ему понятно, почему премьер-министр так любит летать по белу свету»⁷⁰⁴. Но вскоре стало ясно, что разговоры о Польше шли впустую. 24 ноября Миколайчик ушел с поста премьера, и новое эмигрантское правительство оказалось гораздо более антисоветским. ПКНО был признан в Москве как Временное правительство. Протесты союзников на сей счет воспринимались просто как лицемер-

ный двойной стандарт. Молотов в сердцах начертает на полях записки Вышинского: «Польша – большое дело! Но как организованы правительства в Бельгии, Франции, Германии и т. д., мы не знаем. Нас не спрашивали, хотя мы не говорим, что нам нравится то или другое из этих правительств. Мы не вмешивались, т. к. это зона действий англо-американских войск»⁷⁰⁵.

В то же время Москва скрупулезно выполняла «процентное соглашение» по Балканам. 20 октября советские и югославские войска освободили Белград, где Тито и Шубашич подписали соглашение об образовании единого югославского правительства (50:50). Но навязанная извне идея делить власть с кем-то явно не нравилась Тито, и он демонстративно отклонил приглашение приехать в Москву, отправив вместо себя заместителя по НКОЮ Карделя вместе с Шубашичем. Сталин и Молотов встречались с ними 23–25 ноября. О готовности выполнить «процентное соглашение» говорила и реакция Молотова на предложение об оказании помощи национально-освободительному движению в Греции, переданное Димитровым. Резолюция наркома: «т. Сталину. Думаю, что не надо давать ответа по этому вопросу»⁷⁰⁶.

...Восьмым сталинским ударом осенью 1944 года Прибалтийский фронт полностью очистил от германских войск Эстонию и Латвию. Девятый удар последовал в октябре – декабре между Тисой и Дунаем против последнего немецкого союзника – Венгрии. Наконец, до конца 1944 года германские войска были разгромлены в Заполярье и северо-восточной Норвегии. Одновременно союзные войска успешно продвигались на восток во Францию. Черчилль 16 ноября информировал Сталина о своей триумфальной поездке в Париж и о возобновлении дружественных личных отношений с де Голлем⁷⁰⁷. Французский лидер записал слова Черчилля: «Что же касается России, то это огромный зверь, давно уже жаждущий добычи. Сегодня невозможно помешать ему рвать ее, тем более что он попал в самую середину стада. Но нельзя дать ему захватить все»⁷⁰⁸.

Москва тоже готовила почву для сближения с Францией. 19 ноября Сталин и Молотов приняли Мориса Тореза. Страгетическими целями ФКП назывались возрождение Франции, наращивание ее вклада в завершение разгрома Германии, восстановление и развитие демократии в стране⁷⁰⁹. А 2 декабря в Москву на поезде из Баку через Сталинград прибыл де Голль. В шесть вечера Молотов встречался с министром иностранных дел Бидо. В девять де Голль был у Сталина. Генерал сразу припомнил свой первый контакт с советским правительством, тепло отзовавшись о своей встрече с Молотовым в 1942 году.

– Французы поняли, что такое отсутствие Советской России и что такое наличие некоторой идеологии, которая была более мирной, чем реалистической, – подчеркнул генерал. – Нужен союз антигерманских государств, чтобы помешать Германии вновь напасть.

Молотов напомнил:

– В 1935 году был подписан пакт с Францией, но он не был выполнен.

– Вероятно, месье Молотов не хочет видеть разницы между Лавалем и де Голлем.

– Я эту разницу вижу, я лишь привел пример того, как один договор уже был подписан, но остался на бумаге⁷¹⁰.

После этого было решено, что Бидо и Молотов займутся выработкой текста нового договора. «В течение последующих дней министры обеих стран встречались много раз, – писал де Голль. – Они обменялись проектами договора, которые, впрочем, были очень схожи. В то же время мы были постоянно заняты бесчисленной вереницей приемов, визитов и экскурсий. В частности, на Спиридоновке Молотов устроил завтрак, где присутствовали Деканозов, Литвинов, Лозовский, заместители министра иностранных дел. Был также и Сталин. Во время десерта он поднял бокал и произнес тост в честь заключаемого нами договора. “Речь идет, – воскликнул он, – о настоящем альянсе, а не таком, как с Лавалем!”». Де Голль заметил, что на протяжении всех дней визита «Молотов не покидал нас, он всегда был точен в своих выражениях и крайне осторожен в том, что касалось сущности вопросов»⁷¹¹. 5 декабря Молотов вбросил новую тему:

– Советской стороне нравится французский проект договора. Но она связывает вопрос о пакте с Францией с разрешением вопроса о франко-польских отношениях по линии официального контакта между ПКНО и Парижем⁷¹².

Союзники приложили героические усилия, чтобы осложнить заключение советско-французского договора, предупреждая де Голля против признания в какой-либо форме Люблинского правительства⁷¹³. Черчиль не возражал против договора, но считал, что он должен быть заключен не в двустороннем, а трехстороннем формате – с участием Англии и путем улучшения действовавшего советско-английского договора. Генерал был согласен принять представителя Люблинского комитета в Париже и со своей стороны направить представителя в Люблин. И резко выступил против трехстороннего формата договора – хотя бы потому, что для его заключения потребовалось бы очень много времени⁷¹⁴.

Де Голль был уже готов покинуть Москву без договора. Гарриман отметил очевидные признаки напряженности на банкете перед отъездом французского лидера, которого Сталин нашел «неудобным и упрямым человеком». За кофе Молотов отвел Бидо за отдельный столик, где они начали жарко спорить. «Очевидно, Молотов все еще настаивал на признании люблинских поляков, а Бидо отказывался, – продолжал Гарриман. – В это время Сталин сказал Булганину: «Принеси автоматы. Надо ликвидировать дипломатов». Эта неуклюжая попытка пошутить не тронула де Голля. Мы перешли в кинозал и просмотрели один фильм. Когда Сталин предложил остаться на второй, де Голль отклонил приглашение и ушел. Сталин попросил меня остаться, и я остался. Несколько раз во время второго фильма заходил Молотов, чтобы переговорить со Сталиным. Когда фильм, наконец, закончился в два ночи, я почувствовал, что мне пора уходить. Генерал Дин остался и потом доложил мне, что Сталин провел остаток ночи, выпивая шампанское и беседуя с генералами, тогда как Молотов и Бидо боролись с договором. Они были так поглощены своей беседой, что когда я прошел через их комнату на выход, они едва повернули головы, чтобы пожелать доброй ночи»⁷¹⁵.

«В глубине души я не сомневался в исходе дела, – писал довольный своим демаршем де Голль. – После длительной беседы Сталина с Молотовым русские объявили, что касательно отношений Парижа с Люблинским комитетом они готовы удовлетвориться подписанием более нейтрального текста заявления... В конце концов, мне сообщили, что все готово для подписания договора, которое должно было состояться в кабинете г-на Молотова. Я прибыл туда в 4 часа утра. Церемония подписания прошла с некоторой торжественностью, молча и без всяких просьб работали русские фотографы. Министры иностранных дел обеих стран, окруженные двумя делегациями, подписали экземпляры договора, составленные на французском и русском языках»⁷¹⁶. В договоре стороны брали на себя обязательство продолжать войну до полной победы, не заключать сепаратный мир с Германией и впоследствии совместно разработать меры для предотвращения возникновения новой угрозы со стороны Германии.

Одновременно с французской делегацией в Кремле была венгерская. Войска 2-го Украинского фронта уже освободили более трети территории Венгрии. 2 декабря в Сегеде был создан Венгерский фронт национальной независимости (ВФН), включивший партии подпольного Венгерского фронта (коммунисты, социал-демократы, национальная крестьянская

партия), а также партию мелких сельских хозяев, буржуазно-демократическую партию и профсоюзы. 6 декабря делегацию ВФНН, в которую входили в качестве неосновных участников будущие коммунистические лидеры страны Надь и Гере, принял Молотов.

– В правительстве Венгрии будут сотрудничать представители различных политических течений и партий. Все лица, которые могут помочь делу, должны выехать в Венгрию и начать работу на месте. Время военное, время – дорого. Найдена общая платформа, и пора взяться за дело. Главная задача находящихся здесь венгерских представителей – это организация выборов во Временное национальное собрание, которое сформирует правительство. Вопрос о заключении перемирия должен быть передан в руки образующегося венгерского правительства, так как Хорти сейчас в Венгрии нет и неизвестно, существует ли он вообще.

– Признает ли советское правительство венгерское правительство святой короны? – поинтересовался венгерский представитель.

– Мы четвертый год ведем войну против него, – ответил нарком. И поручил генерал-полковнику Кузнецovу немедленно отправить гостей в Венгрию⁷¹⁷. 22 декабря в Дебрецене было образовано Временное национальное правительство, направившее в Москву просьбу о перемирии. 20 января 1945 года прибывшая в Москву венгерская делегация подписала соглашение о перемирии. Венгрия обязалась развернуть оружие против Германии, однако боеспособные части по-прежнему подчинялись правительству Салаша, сохранявшему преданность Гитлеру. Оставались Германия и Япония.

В Ялте и Сан-Франциско

Военные действия 1945 года отличались ожесточенностью и большими потерями. Линия фронта заметно сократилась, что привело к увеличению плотности германских войск, которые на начало года составляли 9,4 миллиона человек, из них 5,4 миллиона находились в действующей армии. К началу февраля 1945 года Гитлер держал на Западном фронте 66 дивизий, в Италии – 27, а против Советского Союза – 173 дивизии. Но превосходство союзников было подавляющим: по численности войск – в 2 раза, танкам – в 4 раза, самолетам – в 6 раз.

В январе началось сразу несколько крупных наступательных операций. На дипломатическом же фронте главным стала

подготовка конференции трех держав в Ялте. В историю нашей страны Крымская конференция, как ее официально называли, вошла с большим плюсом. Это была высшая точка сотрудничества ведущих держав антигитлеровской коалиции, СССР и западного мира. Кроме того, Москва получила многое из того, на что рассчитывала для закрепления своей военной победы средствами дипломатии. На Западе Ялта проходит скорее со знаком минус: сговорились с будущим противником в холодной войне. Между тем истина такова, что решения Ялтинской конференции были продиктованы военными возможностями стран-победительниц и их интересами.

Главный интерес Рузвельта заключался прежде всего в том, чтобы вовлечь СССР в войну против Японии. О ядерной бомбе, которая могла ускорить и реально ускорила ее ход, еще только мечтали физики в Нью-Мексико. Объединенный комитет начальников штабов считал, что для победы над Японией потребуется не менее восемнадцати месяцев после капитуляции Германии и 200 тысяч жизней американских военных⁷¹⁸. Кроме того, Рузвельт видел делом своей жизни создание Организации Объединенных Наций. Повестка дня, которой руководствовалася Черчилль: сохранить статус Великобритании как великой державы, не позволить покуситься на ее колонии и подмандатные территории, максимизировать свой вес в создаваемой ООН за счет предоставления права голоса ее доминионам, пристроить в соответствующие страны многочисленные и весьма шумные эмигрантские правительства, сидевшие в Лондоне, не оставаться один на один с Германией в Европе.

Сталин и Молотов добивались максимального признания западными державами решающего вклада СССР в общую победу, что позволяло надеяться на закрепление территориальных приращений на западе и востоке, создание пояса добрососедства по границам, на репарации; право вето на решения создававшейся международной организации, включение в ООН каких-то из союзных республик; пересмотр итогов Русско-японской войны 1904–1905 годов. Три державы считали себя вправе требовать многоного по праву победителей и по праву принадлежности к клубу государств, входной билет в который лидеры тройки сами определили в виде пятимиллионной армии (Сталин: «хотя бы 3 миллиона»). Никто не получил всего, что хотел. А чтобы добиться желаемого, всем пришлось пойти на компромиссы и уступки.

Немцы остали Крым лишь за десять месяцев до конференции, разрушив почти все. Три дворца – Ливадийский, Воронцовский и Юсуповский – оставались единственными неразру-

шенными зданиями в большой Ялте, но и они были полностью разграблены немцами. Сама подготовка места конференции была сродни крупной военной операции. Везли мебель, посуду, еду, постельные принадлежности, готовили и экипировали обслуживающий персонал. Обеспечение безопасности – отдельная большая история. По всему Крыму были развернуты средства противовоздушной обороны. 160 истребителей стояли в полной боевой готовности. Протралли море.

Сталин и Молотов прибыли поездом и поселились в летнем дворце князя Юсупова. Первый этаж был полностью отведен под Ставку, которая продолжала работу в обычном круглосуточном режиме. 3 февраля на аэродроме Саки выгрузилось более 700 англичан и американцев, а всего по воздуху и морю – 2,5 тысячи. Самолет Рузвельта «Священная корова», сопровождаемый пятью истребителями, приземлился в 12.25. Президент Соединенных Штатов Америки впервые в истории вступал на российскую землю. Точнее, его спустили в коляске на специальном лифте, а Молотов проводил в большую армейскую палатку, где у накрытых столов потрескивали дровами печки. Через 20 минут С-54 «Скаймастер» Уинстона Черчилля с эскортом из шести истребителей совершил круг над аэропортом и заскакал по заснеженной взлетной полосе. Рузвельт сел в открытый джип, по бокам встали Молотов и Черчилль. Прозвучали гимны, и джип президента, а за ними Черчилль и Молотов прошли вдоль строя почетного караула.

Затем – почти восьмичасовое путешествие в Ялту. «Вдоль дороги мы часто видели выстроенных русских солдат (в том числе и женщин), стоявших отдельными отрядами плечом к плечу на улицах селений, на главных мостах, в горных ущельях»⁷¹⁹. Асфальт на большей части горного серпантине отсутствовал, машины заметно тряслись. По дороге около трех часов пополудни Молотов пригласил гостей отобедать в доме отдыха в Алуште, что заняло пару часов. Рузвельт с американской делегацией был размещен в Ливадийском дворце – летней даче императора Николая II. Англичан поселили во дворце Воронцова, который в свое время был послом в Лондоне; здание было построено британским архитектором.

В начале первого ночи к Молотову в Юсуповский дворец приехал Гарриман, чтобы от имени Рузвельта поблагодарить за удобства, обсудить повестку первого заседания и передать приглашение президента Сталину встретиться до его начала. Молотов предложил проводить все заседания «в доме, где остановился президент». Начать конференцию предполагалось с германского вопроса, обсудив сначала военные аспекты, а

затем политические. Конференцию планировалось провести за 5–6 дней. Гарриман ответил, что это отвечает намерениям президента⁷²⁰. В полдень 4 февраля к Молотову приехал Иден, который тоже согласился с предложенным порядком работы и добавил, что англичане хотели бы включить вопросы создания международной организации и Польши⁷²¹. Около 16.00 черный «паккард», на заднем сиденье которого сидели Сталин и Молотов, подъехал к Ливадийскому дворцу. Рузвельт ждал гостей в своем кабинете. Президент был настроен по-боевому:

– Теперь, когда я увидел в Крыму бессмысленные разрушения, произведенные немцами, я хотел бы уничтожить в два раза больше немцев, чем до сих пор.

Часовая стрелка приближалась к пяти, когда три делегации заняли место за столом в бывшей царской бильярдной. Председательствовал по общему согласию Рузвельт. Переговоры в тот день продолжались около трех часов и были почти целиком посвящены военным вопросам. Сталин, вспоминал Громыко, «на лету ловил смысл их слов. Его внимание, память, казалось, если употребить сравнение сегодняшнего дня, как электронно-вычислительная машина, ничего не пропускали»⁷²². Молотов на первом заседании не выступал. Вечером Рузвельт дал обед в честь гостей. «Обед приготовили филиппинские повара, но продукты были исключительно русские: икра, осетрина, говядина с макаронами, торт, чай, кофе, водка и пять сортов вина (в Белом доме гости должны были довольствоваться одним сортом калифорнийского сотерна)»⁷²³.

Министры иностранных дел встретились 5 февраля у Молотова в Юсуповском дворце. Договорились, что официально конференция будет называться Крымской, что оказалось бесполезным решением – за ней закрепится название «Ялтинская». Второе официальное заседание началось в четыре часа пополудни. Рузвельт предложил обсудить германский вопрос. С расчленением согласились все. Но сколько Германий должно быть после войны, никто обсуждать по-прежнему не был готов. Выработать формулу поручили министрам иностранных дел. О принципе безоговорочной капитуляции и невозможности ведения переговоров с военными преступниками договорились достаточно быстро. Но Черчилль явно был застигнут врасплох замечанием Рузвельта о том, что «он сомневается, чтобы США могли держать в Европе большую армию более чем в течение двух лет после окончания войны»⁷²⁴. Это только усилило стремление Черчилля добиваться не только предоставления Франции зоны оккупации, но и включения ее в состав Контрольной комиссии, которая должна была управлять повержен-

ной Германией. Рузвельт был за зону оккупации для Парижа, но против участия французов в Контрольной комиссии.

– Имеется решение Европейской консультативной комиссии об участии в контрольном механизме в Германии только трех держав, – напомнил Молотов.

Министры получили еще один предмет для обсуждения⁷²⁵.

Затем Майский изложил план reparаций: сумма советских претензий – 10 миллиардов долларов; создать reparационную комиссию с центром в Москве. Интерес западных лидеров к обсуждению этого вопроса был небольшим. Черчилль тревожил «призрак голодящей Германии с ее 80 миллионами человек».

На третий день конференции для обсуждения проблемы Германии Иден и Молотов приехали к госсекретарю Стеттиниусу в Ливадийский дворец. Молотов предложил записать, что «союзники в целях будущего мира и безопасности в Европе примут меры по демилитаризации и расчленению Германии». Формулировка была сочтена слишком жесткой, и переговоры забуксовали. Пленарное заседание было посвящено международной организации – обсуждались процедура голосования в Совете Безопасности и состав учредителей. Американцы по-прежнему жестко выступили против принципа единогласия в СБ и против участия в голосовании той страны, которая является стороной конфликта.

– Да, конечно, пока мы живы, бояться нечего, – считал Сталин. – Мы не допустим опасных расхождений между нами. Мы не позволим, чтобы имела место новая агрессия против какой-либо из наших стран. Но пройдет 10 лет или, может быть, меньше, и мы исчезнем. Надо выработать такой устав, который максимально затруднял бы возникновение конфликтов между нами.

– Власть международной организации не может быть использована против трех великих держав⁷²⁶, – поддержал Черчилль.

Ну а затем началось обсуждение польского вопроса, который стал доминирующим в оставшиеся дни конференции. У Сталина и Молотова не было желания включать в состав нового польского руководства представителей эмигрантского правительства, чьи люди внутри Польши фактически вели с советскими войсками партизанскую войну. Москва держала в Польше для противодействия Армии Крайовой три дивизии НКВД. Рузвельт хотел бы видеть в Польше «правительство национального единства». Черчилль заявил, что для него это «вопрос чести». Stalin был предельно серьезен:

– Для русских вопрос о Польше является не только вопро-

сом чести, но также и вопросом безопасности. На протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападающий на Россию. Вопрос о Польше – это вопрос жизни и смерти для Советского государства.

Сталин отверг идею создания польского правительства в Ялте без поляков, напомнил, что линию Керзона придумали не русские.

– Что же вы хотите, чтобы мы были менее русскими, чем Керзон или Клемансо? Этак вы нас доведете до позора. Что скажут украинцы, если мы примем ваше предложение? Они, пожалуй, скажут, что Сталин и Молотов оказались менее надежными защитниками русских и украинцев, чем Керзон и Клемансо⁷²⁷.

В полдень 7 февраля в Юсуповском дворце встречались министры. «Молотов больше не упорствовал в возражениях против французской зоны оккупации, но рекомендовал, чтобы Франции было разрешено осуществлять контроль только над своей зоной под общим управлением Контрольной комиссии. Иден полагал, что Франция сама должна участвовать в Контрольной комиссии»⁷²⁸. Молотову удалось добиться согласия на включение в итоговый документ положения о создании в Москве репарационной комиссии. Он же доложил решения министров на пленарном заседании, после чего снял внесенное в Дуббартон-Оксе предложение о предоставлении места в ООН всем союзным республикам:

– Советская делегация считает правильным и справедливым, чтобы три или, по крайней мере, две из советских республик находились в числе инициаторов международной организации. Речь идет об Украине, Белоруссии и Литве⁷²⁹.

Рузвельт тут же написал записку Стеттиниусу: «Не очень хорошо»⁷³⁰. Но президенту очень хотелось создать ООН. А Москва в этом вопросе получила союзника в лице Черчилля, который стремился снять вопросы о представительстве британских доминионов, формально не являвшихся суверенными государствами. «Для всех нас это было большим облегчением, и Рузвельт быстро поздравил Молотова...»⁷³¹ Затем вновь вернулись к польскому вопросу, и Молотов зачитал советские предложения: восточная граница по линии Керзона «с отклонением от нее в некоторых районах на 5–8 километров в пользу Польши», западная граница Польши – от реки Штеттин, далее на юг по реке Одер, а дальше по реке Нейсе (Западной). «Пополнить Временное польское правительство некоторыми демократическими деятелями из эмигрантских польских кругов». У союзников возникло множество возражений. Черчиль

был против того, чтобы «польский гусь был в такой степени начинен немецкими яствами, чтобы он скончался от несварения желудка»⁷³².

8 февраля очередь председательствовать в Совете министров иностранных дел была за Иденом: «Как только было достигнуто соглашение о том, что конференция Объединенных Наций состоится, министры иностранных дел обсудили, где это произойдет. Все поддерживали Соединенные Штаты, и мы также сильно, как и сами американцы»⁷³³. Время конференции установили исходя из того, что среда считается счастливым днем, а британский парламентский график делал наиболее удобным днем 25 апреля. В принципе договорились о приеме двух союзных республик в ООН.

В 15.30 Сталин и Молотов встретились с Рузвельтом для обсуждения дальневосточных вопросов. Полагаю, результаты получасовых переговоров превзошли ожидания советской стороны. У президента не было ни одной причины защищать итоги Русско-японской войны и Портсмутский мир 1905 года. Выработка соглашения по дальневосточным проблемам была поручена Молотову и Гарриману. Они легко пришли к согласию после того, как в документе появилось обязательство Москвы вступить в войну с Токио через два-три месяца после капитуляции Германии. Болен писал: «Поскольку американцы клевали носом, Советский Союз получил Курильские острова. Более того, соглашение Гарримана – Молотова не содержало перечня островов, которые составляли Курилы... Сомневаюсь, что Молотов сознательно не включил описание Курил в соглашение»⁷³⁴. Так невнимательность Госдепа к деталям и настойчивость или «забывчивость» Молотова стоили Токио Южных Курил.

Соглашение Гарримана – Молотова предусматривало, что Советскому Союзу после победы над Японией должны были быть переданы южная часть Сахалина и Курильские острова. Москва получала право вместе с Китаем на совместную эксплуатацию Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железной дороги, на обеспечение преимущественных интересов СССР в порту Дайрен и «восстановление аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР»⁷³⁵. Чан Кайши будет поставлен в известность только через три месяца, потому что от него или его окружения опасались утечек к японцам.

На пленарном заседании, начавшемся в 16.00, вопросы ООН много времени не заняли. Договорились принять две союзные республики и провести первую учредительную конференцию 25 апреля с приглашением стран, которые уже подписали Декларацию Объединенных Наций или объявят войну Германии

до 1 марта. И снова вернулись к Польше. С восточной границей по линии Керзона вроде согласились, с западной – нет. По вопросу о структуре власти Молотов настаивал:

– Целесообразно вести переговоры о создании нового польского правительства на базе пополнения существующего польского правительства. Было бы неправильно игнорировать тот факт, что в Польше уже существует правительство и что оно находится в Варшаве. Это польское правительство пользуется огромным авторитетом в польском народе⁷³⁶.

Предложение Молотова заключалось в том, чтобы он вместе с Гарриманом и Керром провел переговоры о создании нового правительства с участием лидеров варшавского правительства и поляков, устраивавших союзников. Черчилль счел, что конференция достигла решающего момента. Нельзя разъехаться, не договорившись по Польше.

В тот вечер Сталин пригласил Рузвельта и Черчилля в Ко-реиз на торжественный обед. Даже завсегдатай конференций сочли обед из двадцати блюд, за которым были произнесены 45 тостов, нелегким испытанием. «По указанию Молотова, которого назначили тамадой, тосты звучали один за другим»⁷³⁷. Наутро на министерском заседании председательствовал Стеттиниус. Градус обсуждения польской проблемы поднялся. Молотов предлагал сформировать власть путем выборов.

– Общественное мнение Англии не будет считать выборы, проведенные под руководством люблинского правительства, отвечающими требованиям свободных выборов, – упорствовал Иден⁷³⁸.

Совместная позиция так и не была найдена. Однако когда конференция собралась в 4 часа на пленарное заседание, Молотов предложил формулу: реорганизовать правительство «на базе более широкого демократизма за счет включения в него демократических деятелей, находящихся в Польше и за границей». Американцы настаивали на международном наблюдении за выборами. Молотов возражал: «Поляки будут считать, что им не доверяют». А Сталин ответил, что он же не настаивает на международном наблюдении за выборами, скажем, в Греции.

Не вызвал больших споров вопрос о суде над военными преступниками. При этом Рузвельт считал, что «процедура не должна быть слишком юридической. При всяких условиях на суд не должны быть допущены корреспонденты и фотографы». Черчилль также полагал, что суд «должен быть политическим, а не юридическим актом». И этот вопрос передали министрам.

Они собирались в советской резиденции в 22.10. Долго прерывались со словами польской резолюции. Иден настаивал на

формуле «представительного правительства», которая не устраивала Молотова. Он предлагал представительство «нефашистских», или «антифашистских» сил⁷³⁹. С полудня 10 февраля министры продолжили спорить о формулировках в Воронцовском дворце под председательством Стеттиниуса. Молотова крайне разочаровали результаты обсуждения и репарационного вопроса: у него создалось ощущение, что союзники хотят позволить СССР «взять с Германии как можно меньше».

К четырем часам «Большая тройка» расселась для фотографирования в Итальянском дворике Ливадийского дворца. А сразу после исторической съемки в белом бальном зале началось шестое заседание – обсуждались границы Польши, Черноморские проливы, репарации. Согласия не было. Субботний обед, на который Черчилль пригласил своих коллег в Воронцовский дворец, прошел в узком кругу: три лидера, главы МИДов и переводчики. Молотов спросил Стеттиниуса, определились ли американцы с местом проведения учредительной конференции. Глава Госдепа пошептался с Рузельтом, и тот подтвердил: Сан-Франциско. Здесь же у горевшего камина трое лидеров и их министры подняли рюмки с водкой за успех Сан-Францисской конференции⁷⁴⁰.

В ночь на 11 февраля главы дипломатических ведомств и их сотрудники не смыкая глаз готовили проекты коммюнике и секретных протоколов. «Большая тройка» собралась на последнее заседание в воскресный полдень в бальном зале Ливадийского дворца. На круглый стол перед главами делегаций легли итоговые документы. В отношении Германии предусматривалось создание оккупационных зон, которые будут управляться «через Контрольную комиссию, состоящую из главнокомандующих трех держав» в Берлине. Франция «будет приглашена тремя державами, если она этого пожелает, взять на себя зону оккупации и участвовать в качестве четвертого члена Контрольной комиссии». Стороны заявили о своей полной решимости «разоружить и распустить все германские вооруженные силы... взять под контроль всю германскую промышленность... подвергнуть всех преступников войны справедливому и быстрому наказанию и взыскать в натуре возмещение убытков за разрушения».

Многострадальный раздел о Польше выглядел так: «Действующее ныне в Польше Временное Правительство должно быть реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и политиков из-за границы». Молотов, Гарриман и Керр уполномочивались «проконсультироваться в Москве как Комиссия

в первую очередь с членами теперешнего Временного Правительства и с другими демократическими лидерами». Главы правительства сочли, что «Восточная граница Польши должна идти вдоль линии Керзона» и что «Польша должна получить существенные приращения территории на Севере и Западе», размер которых установит мирная конференция⁷⁴¹.

Прощальный ланч состоялся в столовой Рузвельта. Стеттиниус поинтересовался у наркома, нельзя ли ему взять на память о сотрудничестве картину с зимним пейзажем, которая висела за спиной у Рузвельта. Молотову было трудно отказать гостю в такой просьбе. Встали из-за стола в 15.45⁷⁴². Дух сотрудничества между лидерами достиг своей высшей точки. Тепло распрашивались. Больше они втроем не увидятся.

Рузвельта посадили в машину, и он отправился в Севастополь, который его поразил. В городе не было ни одного целого здания. Ночь президент провел на американском корабле «Катоктин», а оттуда утром отправился в Саки, где Молотов помог ему сесть в «Священную корову», которая взяла курс на Египет. Там, на борту «Квинси», пришвартованного в Суэцком канале, Рузвельт встретится с тремя королями: Саудовской Аравии – Ибн Саудом, Египта – Фаруком и Эфиопии – Хайле Селассие. Америка всерьез занялась Ближним Востоком и его нефтяными ресурсами. Англичане на следующий день тоже сначала отправились в Севастополь, где стояла «Франкония». «Молотов поднялся на борт в 3 часа, – записал Иден. – После того, как Уинстон удалился, я показал ему корабль и произнес прощальные слова. Люди приветствовали его не без энтузиазма, когда он сходил на берег»⁷⁴³.

А госсекретарь Стеттиниус вечером 13 февраля отправился в Москву. Наслаждаясь балетом в Большом, во время перерывов он «обсуждал с Молотовым, который только что прилетел из Саки, вопрос, который он поднимал еще в Ялте. Он спрашивал о возможности передачи Соединенными Штатами нескольких американских крейсеров и эсминцев Советскому Союзу. Дух русских, сказал он, заметно возрастет, если советский флот получит корабли до вступления в войну с Японией». Вс-таки речь шла об атаке на островную державу. Стеттиниус обещал поставить вопрос перед президентом. Конечно, никаких кораблей Советский Союз не дождался.

На ялтинской основе, модифицированной в Потсдаме, мировой порядок держался много десятилетий. Он не принес всеобщего мира, но он точно помог избежать новой мировой войны. А Ялтинская конференция вошла в историю как уникальный пример прагматичного и уважительного учета инте-

ресурсов всех великих держав. Мировая общественность и пресса были в восторге от Ялты. Если, конечно, не считать лондонских поляков, которые отвергли ялтинские соглашения как «пятый раздел Польши», и держав Оси. Забеспокоились японцы по поводу возможного сговора СССР с американцами против Токио. 22 февраля посол Сато добился встречи с Молотовым, который уверил его, что работа конференции ограничивалась вопросами европейской политики. Японцы так до конца войны ничего не узнали. Более того, со стороны Токио предпринимались попытки использовать СССР в качестве посредника при налаживании контактов с западными странами⁷⁴⁴.

16 марта 1945 года началась Венская операция, в ходе которой, разгромив 30 дивизий группы армии «Юг», войска 2-го и 3-го Украинских фронтов полностью очистили Венгрию, затем – значительную часть Чехословакии и 13 апреля после семидневных боев вошли в Вену. Австрия не рассматривалась как советская зона влияния. А структурированием послевоенной Чехословакии Молотов занимался в ручном режиме.

19 марта Бенеш прилетел в Москву, где провел две недели вместо запланированной одной. На встрече с Молотовым он сразу поднял вопрос о возвращении Чехословакии к «домюнхенским границам», что предполагало массовую депортацию немцев и венгров. Молотов перевел дискуссию в практическую плоскость: «Сколько и как надо выселять?» Бенеш полагал, что необходимо депортировать 2 миллиона из 2,8 миллиона немцев и 400 тысяч из 600 тысяч венгров. Молотов со своей стороны попросил у президента подтвердить согласие на присоединение Закарпатской Украины к СССР. Бенешу ничего не оставалось, как подписать соответствующее секретное обязательство. Тем более что Сталин удовлетворил его запрос на вооружение для десяти дивизий. 28 марта было проведено заседание представителей Национального фронта чехов и словаков, на котором сформировали правительство из 25 человек во главе с левым социал-демократом и послом в Москве Ферлингером. Семь членов кабинета были коммунистами, лидеры КПЧ Готвальд и КПС Широкий заняли посты вице-премьеров. 31 марта Бенеш вместе с правительством и послом Зориным выехали в Кошице.

За Бенешем в Москву поспешил Тито. СССР начал передачу НОАЮ советского и трофеиного оружия, которого оказалось достаточно для вооружения двадцати пехотных дивизий. 7 марта Тито сформировал Временное народное правительство Демократической Федеративной Югославии, которое было тогда же признано «Большой тройкой». Тито стал премьером

и министром обороны, Шубашич – министром иностранных дел. 11 апреля Молотов и Тито подписали в Кремле Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве⁷⁴⁵.

Когда начался отход от духа Ялты? Первые льдинки появились уже в начале марта, и поначалу они были связаны с проблемой возвращения на родину 22 тысяч американских и такого же числа английских военнопленных, которых освободили советские войска. Англосаксы жаловались на плохое содержание, хотя их снабжали, может, и хуже, чем в американской армии, но лучше, чем бойцов в действующей Советской армии. И на отсутствие к ним доступа на территории Польши, разрешение на который Москва посоветовала получить у Люблинского правительства, до чего Лондон и Вашингтон унизиться не могли. Военнопленных собирали в Одессе, а потом всех отправляли на родину.

Вторая льдинка – покрупнее – была связана с советскими действиями в Румынии. Там в результате визита Вышинского в Бухарест, его жесткой встречи с королем Михаэем и ультиматаума Москвы, подкрепленного введением дополнительных советских войск, вместо кабинета Радеску к власти пришло правительство Петру Грозы с участием коммунистов. Поскольку Румыния была отнесена к советской сфере влияния, союзники ограничились выражением озабоченности на уровне послов. А вот третий и четвертый кризисы – бернский инцидент и польский тупик – могли потопить отношения СССР с Западом уже в марте – апреле.

В начале марта с санкций Рузвельта в Берне начались контакты между резидентурой американского Управления стратегических служб и германскими военными по поводу капитуляции немецких войск в Северной Италии (операция «Кроссворд»). Было решено информировать Москву, которая все равно узнала бы об этом. 12 марта Молотов дал добро на проведение этих переговоров, но с участием советских представителей. Но 15 марта Кэрр и Гарриман озвучили ему новую версию: контакты в Берне носят сугубо предварительный характер, что не предполагало советского участия. Нарком ответил протестом, назвав отказ «совершенно неожиданным и непонятным с точки зрения союзных отношений между двумя странами», и потребовал прекратить контакты с немцами⁷⁴⁶. 19 марта в городке Аскона вблизи швейцарско-итальянской границы генерал Вольф вновь встречался с представителями союзников, о чем советская разведка донесла в самом тревожном ключе. К этому времени Кессельринг, которого представлял Вольф, стал командующим всем германским Западным фронтом.

Из Москвы это все больше выглядело как сепаратные мирные переговоры, о чем Молотов и написал Гарриману 22 марта, сочтя этот факт «совершенно недопустимым». «В этом деле Советское правительство усматривает не какое-либо недоразумение, а нечто худшее». Письмо Молотова вызвало возмущение союзников. «Я редко видел его таким сердитым, — описывал Болен реакцию Рузвельта. — Он сидел за своим столом в Белом доме с пылающим взором и лицом, возмущенный тем, что его обвиняют в сделке с немцами за спиной Сталина»⁷⁴⁷. Черчиль воспринял письмо Молотова как пощечину: «Комментарии Молотова были грубыми и оскорбительными... Перед лицом такого потрясающего обвинения мне казалось, что лучше молчать, чем состязаться в обвинениях». Отсутствие ответа Черчилля только усилило подозрения в Кремле. А ответ Рузвельта мало их рассеял: президент писал о желательности и необходимости того, «чтобы мы принимали быстрые и эффективные действия без какого-либо промедления в целях осуществления капитуляции любых вражеских сил, противостоящих американским войскам на поле боя».

На этом фоне 23 марта Громыко официально передал в Госдепартамент состав советской делегации на конференцию в Сан-Франциско. Ее должен был возглавить Громыко. Это означало, что представительство СССР будет самым низким из всех стран-участниц. А ведь ранее Политбюро утвердило совсем другой список, который возглавляли не только Молотов, но и Жданов. И Молотов успел подтвердить Идену свое участие⁷⁴⁸. Союзники хорошо поняли, что это связано с бернским инцидентом. 25 марта Черчиль сообщал Идену: «Отказ Молотова поехать в Сан-Франциско, несомненно, является выражением советского недовольства»⁷⁴⁹. Рузвельт 25 марта писал: «Если г-н Молотов будет отствовать, то конференция лишится очень многого... Я опасаюсь, что отсутствие г-на Молотова будет истолковано во всем мире как признак отсутствия должного интереса со стороны Советского Правительства к великим задачам этой конференции». Stalin отвечал: «Я и В. М. Молотов крайне сожалеем об этом, но созыв по требованию депутатов Верховного Совета в апреле Сессии Верховного Совета СССР, где присутствие В. М. Молотова совершенно необходимо, исключает возможность его участия даже в первых заседаниях конференции»⁷⁵⁰. 1 апреля уже Черчиль, прервав обиженное молчание, просил Сталина отправить Молотова: «Мы надеялись, что присутствие там министров иностранных дел смогло бы устраниТЬ многие трудности, которые обрушились на нас, как буря, со временем нашей счастливой и обнадеживающей встречи в Ялте»⁷⁵¹.

Как будто всего этого было мало – обострились разногласия по составу польского правительства, который пыталась согласовать комиссия Молотова, Гарримана и Керра. Каждая сторона продвигала своих ставленников, опираясь на ялтинские формулировки, которые, словами адмирала Леги, были «такими эластичными, что их можно растянуть от Ялты до Вашингтона, при этом формально не нарушая»⁷⁵². Усилились и противоречия по Турции. Поскольку вопрос о проливах в Ялте было предложено решать путем переговоров каждого из трех правительств с Анкарой, Сталин приступил к односторонним действиям. Молотов возражал, но не смог его переубедить и вынужден был выступить с заявлением о том, что СССР в случае отсутствия уступок по проливам не продлит договор с Турцией о дружбе и нейтралитете 1925 года. Анкара уперлась, хотя понимала, что ответом могли стать силовые действия.

23 марта Иден записал в дневнике, что у него «самый мрачный взгляд на русское поведение повсеместно... Здесь и отказ Молотова поехать в Сан-Франциско, и русское поведение в Турции... Конечно, Молотов не хочет разрыва, он хочет заниматься бизнесом как обычно, пока его марионетки будут консолидировать свою власть. Мы не можем в этом участвовать»⁷⁵³. Терпение лопнуло у Черчилля, который пришел к выводу, что «Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира», а потому необходимо «немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения», уходящий «как можно дальше на Восток»; англо-американским армиям следует взять Берлин, Прагу, и Вену и «обуздить агрессивные притязания маршала Тито в отношении Италии»⁷⁵⁴.

До открытого разрыва, в котором стороны еще не были заинтересованы, дело тогда не дошло. Ряд событий сработал на сближение. 2 апреля в Москву приехала супруга Черчилля Клементина, возглавлявшая британский комитет «Фонд помощи России». В Центральном аэропорту ее встречала Полина Жемчужина во главе множества официальных лиц. С Клементиной встретились и Сталин, и Молотов. Ей выделили специальный поезд, на котором она в течение месяца посетила больше десятка городов и лагерь депатрируемых военнонопленных в Одессе. Она была награждена орденом Трудового Красного Знамени, а если бы Молотов вовремя не обнаружил недосмотр посла Гусева, могли бы вручить боевой орден Отечественной войны 1-й степени. 7 апреля она вручила Сталину в подарок от мужа ручку с золотым пером с просьбой писать ему дружественные послания. Предсовнаркома заметил, что пишет только карандашом⁷⁵⁵. Но в тот же день ответил Черчиллю: «Ни я, ни

Молотов не имели намерения “чернить” кого-либо. Но если Вы будете каждое мое откровенное заявление принимать за оскорбление, то это очень затруднит такую переписку»⁷⁵⁶. Президент и премьер-министр восприняли это как шаг к примирению. Тем более что сами контакты с Вольфом к тому времени зашли в тупик.

Не могли не порадовать западных партнеров и перемены в советско-японских отношениях. В апреле истекал срок, в течение которого у СССР существовала правовая возможность денонсировать пакт о нейтралитете с Японией. Если бы он этого не сделал, пакт автоматически продлевался на следующие пять лет. 5 апреля Молотов пригласил посла Сато и заявил ему о денонсации пакта из-за коренного изменения международной обстановки: Япония помогала Германии, напавшей на Советский Союз, и воевала с нашими союзниками – Соединенными Штатами и Великобританией. Японское правительство выразило, мягко говоря, сожаление, понимая фатальность присоединения СССР к противникам Токио.

12 апреля в Уорм-Спрингс Рузвельт одобрил проект письма Сталину, которое в полтретьего дня было отправлено: «Благодарю Вас за Ваше искреннее пояснение советской точки зрения в отношении бернского инцидента, который, как сейчас представляется, поблек и отошел в прошлое, не принеся какой-либо пользы. Во всяком случае, не должно быть взаимного недоверия и незначительные недоразумения такого характера не должны возникать в будущем»⁷⁵⁷.

В четвертом часу Рузвельт скончался. Это событие во многом изменит течение мировой истории. В Москве была уже ночь, когда Гарриман позвонил Молотову, чтобы сообщить скорбную новость. В 3 часа нарком был в американском посольстве для выражения своих соболезнований. Гарриман писал, что Молотов был «глубоко тронут и взволнован. Он задержался на некоторое время и говорил о том, какую роль сыграл президент Рузвельт в войне и строительстве планов на мирное время... Я никогда не слышал, чтобы Молотов говорил так убедительно».

Чуть позже Гарримана принял Сталин. «Он приветствовал меня молча, стоя пожал мне руку и не выпускал ее полминуты, прежде чем попросил меня присесть». Затем Сталин сказал: «Президент Рузвельт умер, но его дело должно жить. Мы будем поддерживать президента Трумэна всеми нашими силами и всей нашей волей». В ответ Гарриман проявил личную инициативу и предложил для продолжения диалога прислать в США Молотова, который мог бы встретиться с новым президентом

и принять участие в учредительной конференции ООН в Сан-Франциско. «Молотов засмущался и зашептал Сталину на ухо что-то, чего я не мог услышать. Сталин, однако, прервал его и сказал, что Молотов поедет»⁷⁵⁸.

14 апреля Молотов получил письмо от Гарримана: «Президент сообщает, что для него будет большим удовольствием увидеться с Вами в Вашингтоне... Мое правительство готово предоставить Вам для Вашего путешествия самолет С-54». Молотов ответил сразу же: «В ближайшие дни я выезжаю в Соединенные Штаты Америки, чтобы встретиться с президентом в Вашингтоне и для участия во главе делегации СССР в работе конференции в Сан-Франциско. Прошу принять мою благодарность за любезное предоставление правительством США самолета С-54 для моего перелета в Вашингтон». Лететь решил с большим комфортом, чем в 1942 году, и по другому маршруту – на восток, что было на пару дней дольше, но представлялось более безопасным⁷⁵⁹.

Утром 19 апреля из Москвы вылетела целая эскадрилья под командой генерала Грачева. Летели только в светлое время суток с посадками в Омске, Якутске, Уэлене. Погода была неважной, сильно болтало. Пересекли Берингов пролив и попали во вчерашний день, что крайне озабочило бухгалтера делегации, которому пришлось вновь выплачивать незапланированные суточные. Утишили тем, что сэкономят на обратном пути. Далее – через Аляску с ночевкой в Анкоридже и через Канаду.

В субботу 21 апреля советские войска вышли на окраины немецкой столицы. А в Вашингтоне Гарри Трумэн получил известие: «Мистер Молотов прилетит этим вечером и будет ночевать в Грейт Фоллс, штат Монтана. Время вылета завтра утром еще не определено, но уже ясно, что, если погода позволит, он доберется до Вашингтона в воскресенье вечером... Немедленно после прибытия мистера Молотова ему нужно сообщить, когда Вы его ждете»⁷⁶⁰. Трумэн был во многом случайным президентом. Рузвельт сделал его своим напарником на выборах 1944 года, чтобы нейтрализовать критику со стороны правых демократов за излишний либерализм. Трумэн представлял ту часть американского истеблишмента, которая изначально скептически относилась к СССР и уж точно не видела его союзником или другом в послевоенном мире.

Встреча состоялась 22 апреля в Блэр-хаусе в 8.30 вечера. После обмена любезностями Трумэн быстро перевел разговор на польскую тему, указав на ее большое значение для американского общественного мнения. «Молотов выразил свое понимание проблемы, но утверждал, что этот вопрос еще более важен

для Советского Союза. Польша, сказал он, находится далеко от Соединенных Штатов, но граничит с Советским Союзом»⁷⁶¹. За ужином, о чем Трумэн в мемуарах не написал, президент предложил тост за Сталина и изъявил желание с ним встретиться, на что Молотов в ответном тосте сказал:

– Советское правительство будет радо видеть Вас в Москве, и чем скорее, тем лучше. Ваша встреча с маршалом Сталиным имела бы очень большое значение⁷⁶².

Первая встреча не предвещала больших проблем. После нее Молотов и Стеттиниус отправились на переговоры в Госдепартамент, где к ним присоединился Иден. Некоторые авторитетные авторы уверенно датируют начало холодной войны – 23 апреля 1945 года. В этот день в 17.30 начались новые переговоры Молотова с Трумэном, который сразу выразил недовольство тем, что накануне обсуждение в Госдепе польского вопроса не принесло результата. «Молотов сказал, что маршал Сталин в его послании от 7 апреля изложил свои взгляды на соглашение, а от себя лично добавил, что не видит оснований, почему, если трем правительствам удалось прийти к соглашению по вопросу по составу югославского правительства, ту же формулу нельзя применить в случае с Польшей». Трумэн, как написано в его мемуарах, заявил, что дальнейший прогресс в отношениях возможен только на основе соблюдения достигнутых соглашений, а не принципов улицы с односторонним движением.

«– Со мной еще никто так не разговаривал! – сказал Молотов.

Я ему ответил:

– Выполните свои договоренности, и с Вами не будут так разговаривать»⁷⁶³.

Вот только ни в советской, ни в американской записи беседы этого знаменитого обмена колкостями нет. Джейфри Робертс приходит к выводу: «Похоже, что в мемуарах Трумэна, написанных на пике холодной войны, изображение этой встречи было только драматическим приемом, призванным подчеркнуть жесткость, которую он проявлял при общении с Советами. И, уж конечно, Молотова – человека, не терявшего самообладания, когда перед ним закатывал истерические спектакли Гитлер, невозможно было вывести из себя несколькими резкими словами Трумэна»⁷⁶⁴.

Молотов подтверждал, что действительно никто из глав государств не говорил с ним более хамским тоном. Резкость Трумэна подметил и Громыко: «Президент проявлял какую-то петушиную драчливость»⁷⁶⁵. В тот день Молотов сказал бывшему послу Дэвису, что при Рузвельте в Москве были убеждены в

признании и уважении их интересов Соединенными Штатами. Теперь же такой уверенности не было. Даже Гарриман заметил, что Трумэн был «слишком резок» в разговоре с Молотовым⁷⁶⁶.

Вечером польскую тему продолжили Стеттиниус и Иден – без особого успеха. Но большая часть их вечерней встречи была посвящена вопросам Организации Объединенных Наций. Молотов хотел прежде всего удостовериться, что Украина и Белоруссия, которые так и не получили приглашения на конференцию, станут странами-организаторами ООН. Стеттиниус и Иден подтвердили готовность поддержать эти решения, но не ручались за остальные делегации. На самом деле здесь был очевидный элемент лукавства. Расстановка сил на конференции была хорошо известна. Англо-американцы плотно контролировали как минимум 31 голос: два собственных, пять – британских доминионов, шесть западноевропейских стран – Франции, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга, Дании, Норвегии, а также 18 латиноамериканских государств, входивших в Межамериканский союз обороны со штаб-квартирой в Вашингтоне. СССР, если повезет, мог рассчитывать на голоса Чехословакии и Югославии.

В полдесятого к трем министрам присоединился четвертый – впервые Молотов встретился с главой китайского МИДа Сун Цзывэнем. Договорились по составу Руководящего и Исполнительного комитетов, структуре комиссий и комитетов ООН. Не вызвал больших споров вопрос об официальных языках конференции: русский, английский, испанский, французский, китайский. Возникли непредвиденные сложности. Стеттиниус заявил, что будут трудности с печатанием материалов на русском и китайском. Молотов со смехом ответил:

– Я и не знал, что мне надо было везти из Советского Союза бумагу и шрифт⁷⁶⁷.

Ближе к полуночи – в посольство, описать очень непростой день переговоров для Сталина. И в аэропорт, откуда Молотов и Громыко вылетели в Сан-Франциско.

Атмосфера там заметно отличалась от washingtonской. «Молотов был в отличном настроении, – зафиксировал Бромадж. – Шарм и климат тихоокеанского города имели к этому отношение, а люди были в дружественном, если не в праздничном настроении. Слухи были самые смелые: разгружают корабли с водкой и икрой, достаточно взойти на Телеграфный холм, чтобы их увидеть. Толпы осаждали аэропорт, где некоторое разочарование вызвала скромная одежда советских делегатов, но Молотов, одетый в лучший черный костюм, был встречен овацией. Его поселили в отеле “Сент Франсис” в центре города.

Когда он приехал, фанаты осадили его машину, требуя автографов, которые он раздавал с улыбкой, несмотря на очевидные возражения собственной охраны. Его проход через фойе сопровождался аплодисментами»⁷⁶⁸.

Конференция Объединенных Наций пышно открылась 25 апреля в 16.30 в Опера-хаусе Сан-Франциско. В зале были установлены флаги 46 государств-учредителей. Десятки прожекторов освещали модернистский зал со стенами из стали и бархата. Делегаты разместились в обтянутых красным плюшем креслах партера, амфитеатр и галереи облепили пресса (событие освещали две тысячи журналистов) и зрители. Трумэн ограничился обращением к участникам заседания по радио из Вашингтона. Событие отметили большим фуршетом.

Утро 26 апреля было посвящено заседанию глав делегаций. Без труда были подтверждены согласованные четырьмя министрами в Вашингтоне принципы организации и работы конференции, после чего Молотов поставил вопрос о ее председателях: четыре по очереди. Большинство склонилось к формуле, предложенной Иденом: председательствуют на открытых пленарных заседаниях представители четырех стран-инициаторов, но Руководящий и Исполнительный комитеты имеют одного председателя – госсекретаря США.

Первое пленарное заседание Конференции Объединенных Наций началось в 15.48. Молотов выступал в торжественной атмосфере Оперы после Сун Цзывэня и перед Иденом:

– Разгром гитлеровской Германии, главного агрессора в этой войне, стал фактом. Пришла пора позаботиться о послевоенном времени, о будущем. Конференция должна рассмотреть вопрос о создании организации по защите всеобщего мира и безопасности народов после войны. Массовые убийства детей, женщин и стариков, истребление целых национальностей, поголовное уничтожение неугодных фашистам мирных жителей, варварское уничтожение культуры и непокорных культурных деятелей, разрушение многих тысяч городов и сел, крушение хозяйственной жизни целых народов и неисчислимые потери – обо всем этом нельзя забыть. Советская страна, спасшая европейскую цивилизацию в кровавых битвах с немецким фашизмом, с полным основанием напоминает сейчас об ответственности правительства за будущее миролюбивых народов после окончания этой войны⁷⁶⁹.

На утреннем заседании глав делегаций 27 апреля Стеттиниус, прервав дискуссию, объявил, что армии СССР, Британии и США «встретились в сердце Германии». Это вызвало всеобщее ликование. Молотов поставил вопрос о членстве Украины

и Белоруссии, напомнив о договоренности в Ялте и учитывая их роль в борьбе с общим врагом. Спорить с этим не стал никто. Куда сложнее оказалось решение вопроса о членстве Польши. Молотова в этом вопросе поддержали Масарик и Шубашич. Западные страны не соглашались с ее членством «до создания нового польского правительства в соответствии с решением, принятым в Крыму». Напрасно Молотов просил огласить крымское решение и доказывал, что «в нем нельзя найти утверждения, будто Временное польское правительство отстает от участия в конференции до тех пор, пока оно не будет реорганизовано»⁷⁷⁰.

На четвертом пленарном заседании ООН, которое открылось 28 апреля в 15.50, председательское кресло впервые занял гражданин СССР – Вячеслав Молотов:

– Сотоварищи-делегаты. Прежде всего позвольте мне выразить вам благодарность за избрание меня, советского представителя, в качестве одного из четырех председателей конференции. Приступая к исполнению своих обязанностей, я выражаю огромное удовлетворение по поводу того, что русская речь произведет с этой высокой международной трибуны⁷⁷¹.

29-го был выходной. Масарик расскажет Гарриману об автомобильной прогулке по Калифорнии вместе с Молотовым. Масарик восхищался красотами и качеством домов трудящихся, на что Молотов заметил: «Подумайте, как бы мы изменили эту страну, если могли бы организовать ее жизнь»⁷⁷². И было заметно, что Соединенным Штатам война стоила куда меньших жертв: 350 тысяч погибших, никаких разрушений, рост благосостояния за пять лет войны на 40 процентов.

30 апреля в Берлине Гитлер покончил жизнь самоубийством. Это станет известно позже. А в Сан-Франциско в тот день Иден не без оснований бил тревогу по поводу судьбы конференции: «Южноамериканцы и Молотов выступают основными protagonистами. Они хотят членства Аргентины и не позволяют, если этого не состоится, двум советским республикам функционировать в Сан-Франциско. Можно было бы наблюдать за этим с интересом, если вслед за требованиями Южной Америки Молотов не вернется к своим требованиям о членстве для варшавских поляков»⁷⁷³. Так и произошло.

– Что получится, если мы второпях, не поразмыслив серьезно, пригласим на эту конференцию Аргентину, помогавшую во время войны фашистам – нашим врагам, и не пригласим Польшу, союзную страну? – говорил он на пленарном заседании.

За предложение Молотова проголосовали 7 стран, за принятие Аргентины – 31⁷⁷⁴. Разногласия между великими держа-

вами, которые удавалось скрыть в Ялте, сейчас выходили на поверхность. Более того, за кулисами Гарриман старался донести до журналистов мысль о коварстве и лицемерии политики Молотова и Сталина⁷⁷⁵.

Первое заседание Руководящего комитета прошло 1 мая, когда над Рейхстагом уже реяло знамя Победы. В Сан-Франциско обсуждали проблему голосования в СБ ООН. Западные страны, их доминионы и союзники продолжали настаивать на простом большинстве, Молотов возражал. 2 мая в текст устава будущей организации, согласованный в Думбартон-Оксе, советская делегация внесла ряд поправок (что примечательно, правозащитного свойства), которые были в большинстве своем одобрены.

– В главе «Цели» теперь специально сказано о соблюдении принципов справедливости и международного права, – говорил Молотов. – Здесь сказано также о необходимости уважения принципов равноправия и самоопределения народов, чему Советский Союз всегда придавал первостепенное значение, о поощрении уважения прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, языка, религии и пола⁷⁷⁶.

В ночь на 7 мая в Реймсе в ставке Эйзенхауэра генерал-полковник Йодль подписал капитуляцию. С советской стороны подпись поставил находившийся там генерал Суслопаров. Сталин эту капитуляцию не признал и решил, что подписывать должен Жуков. Он и генерал-фельдмаршал Кейтель поставят подписи под актом о безоговорочной капитуляции в Карлхорсте в ночь на 9 мая. День, который станет самым святым праздником для народов Советского Союза.

Но мир уже праздновал. 7 мая в честь Молотова был устроен прием в калифорнийском Американо-русском институте. «На приеме присутствовало свыше ста виднейших деятелей штата Калифорния. В числе гостей были известный судостроитель Кайзер, один из руководителей Конгресса производственных профсоюзов Бриджес, выдающиеся представители интеллигенции, деловых кругов, художники и профсоюзные деятели. «Мы все должны помнить, что американо-советская дружба будет иметь величайшее значение для сохранения мира и международной безопасности», – процитировали газеты слова из короткого приветствия наркома⁷⁷⁷.

8 мая Молотов устроил прием в честь глав украинской и белорусской делегаций – Дмитрия Мануильского и Кузьмы Киселева, впервые в тот день появившихся в зале заседаний. В сообщении ТАСС говорилось: «На приеме присутствовали сотни делегатов, в том числе Стеттиниус, Иден, А. Кларк Керр,

премьер Южно-Африканского Союза Смэтс, делегаты Югославии Шубашич, Жупович, Симич, представитель Чехословакии Масарик, представитель Канады Кинг, представитель Новой Зеландии Фрэзер... Прием происходил в атмосфере сердечной дружбы по отношению к Советскому Союзу»⁷⁷⁸. Молотов предложил почтить павших минутой молчания. Многочисленные представители прессы рвали его на части и предлагали выступить с заявлением в связи с Победой. Но Молотов дождался 9-го, когда ее официально отпраздновали в СССР, и приехал на радио Сан-Франциско.

– В этот день наши мысли устремлены к тем, кто своим геройством и своим оружием обеспечил победу над нашим врагом, над смертельным врагом Объединенных Наций. Навсегда будет свята для нас память о погибших бойцах и о бесчисленных жертвах германского фашизма. В день разбойниччьего нападения Германии на Советский Союз Советское правительство заявило: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!» Мы этого добились в долгой и тяжелой борьбе. Вместе с нашими демократическими союзниками мы победоносно завершили освободительную войну в Европе. Мы должны закрепить нашу победу во имя свободы народов, во имя благополучия, культуры и прогресса человечества⁷⁷⁹.

Молотов спешил в Москву. Обратный путь пролег по тому же маршруту – через Аляску и Сибирь. В городах, где делал посадку самолет, народ широко праздновал Победу. В Якутске видели бочки со спиртом, из которых его могли в неограниченных количествах черпать все желающие. На радостях в свитский самолет даже запихнули вольер с козами.

Вернувшись в Москву, Молотов оказался за столом у Сталина. Прозвучал тост:

– Выпьем за нашего Вячеслава! Дипломатия играет порой куда большую роль, чем одна или две армии!

Глава третья

АРХИТЕКТОР ХОЛОДНОГО МИРА. 1945–1949

Демократическим правительством является такое, которым довольно большинство народа, а не иностранные корреспонденты.

Вячеслав Молотов

В Потсдаме

24 мая 1945 года. «Ровно в восемь вечера в зале появились руководители партии и правительства. Как взрыв потрясили своды Кремлевского дворца оглушительные овации и крики «ура!». Они, кажется, длились бы бесконечно... Когда постепенно зал утих, маршалы Советского Союза были приглашены за стол президиума... Раздался звонок председательствовавшего В. М. Молотова, и в наступившей на какой-то миг тишине он провозгласил тост за бойцов-красноармейцев, моряков, офицеров, генералов, адмиралов. За ним последовал тост за великую Коммунистическую партию.

Последний тост произнес Сталин. Как только он встал и попытался говорить, его слова потонули в море аплодисментов. Когда немножко утихли, Сталин сказал:

– Разрешите мне взять слово. Можно?

И Сталин произнес свое известное слово о русском народе...

– Он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Речь Сталина постоянно прерывалась шквалом долго не смолкавших оваций, поэтому его короткий тост занял чуть ли не полчаса⁷⁸⁰. Такого подъема духа в кремлевских стенах не было никогда.

24 июня в 9.45 на трибуну Мавзолея поднялись члены Политбюро и военачальники. Слева от Сталина встал Ворошилов, справа – Буденный, за ним – Молотов в черном наркомовском мундире. Над колоннами фронтов море боевых знамен. «Смирно-о-о-о!» Командующий парадом Константин Рокоссовский на вороном коне устремляется навстречу Георгию Жукову, выехавшему на светло-сером скакуне из ворот Спасской башни. Мощное раскатистое «ура» над Красной площадью в ответ на поздравления с Победой – от полка до полка. «Славься!», речь Жукова. Торжественный марш, который открыл сводный полк

Карельского фронта во главе с маршалом Мерецковым. Замыкают победный марш моряки во главе с вице-адмиралом Фадеевым. Едва последние шеренги сводных полков миновали Мавзолей, боевые марши сменились барабанной дробью. Двести воинов несли склоненные к земле штандарты разгромленных фашистских дивизий и, поравнявшись с Мавзолеем, бросили их к подножию. Ради этой минуты стоило жить.

Роль Советского Союза в войне была очевидна: он разбил 80 процентов немецких дивизий, потеряв 27 миллионов человек в фашистской машине истребления. Нет семьи, которую обошла бы трагедия войны. Экономическая цена войны для СССР была колоссальной. Молотов говорил на первом после Победы торжественном заседании по поводу годовщины Октября:

– Немецко-фашистские оккупанты полностью или частично разрушили и сожгли 1710 городов и более 70 тысяч сел и деревень, сожгли и разрушили свыше 6 миллионов зданий и лишили крова около 25 миллионов человек. Среди разрушенных и наиболее пострадавших городов имеются крупнейшие промышленные и культурные центры страны: Сталинград, Севастополь, Ленинград, Киев, Минск, Одесса, Смоленск, Харьков, Воронеж, Ростов-на-Дону и многие другие. Гитлеровцы разрушили и повредили 31 850 промышленных предприятий, на которых было занято около 4 миллионов рабочих и служащих. Гитлеровцы разорили и разграбили 98 тысяч колхозов, в том числе большинство колхозов Украины и Белоруссии. Они зарезали, отобрали и угнали в Германию 7 миллионов лошадей, 17 миллионов голов крупного рогатого скота, десятки миллионов свиней и овец. Только прямой ущерб, причиненный народному хозяйству и нашим гражданам, Чрезвычайная Государственная Комиссия определяла в сумме 679 миллиардов рублей (в государственных ценах)⁷⁸¹.

Советское поколение Победы спасло человечество. Это понимали все на планете в 1945 году. Этого многие не понимают сейчас. Советский Союз выиграл войну и считал себя вправе играть весомую роль в формировании условий послевоенного мира, решая при этом исторические задачи Российского государства. «Сталин не раз говорил, что Россия выигрывает войны, но не умеет пользоваться плодами побед, – подтверждал Молотов. – Русские воюют замечательно, но не умеют заключать мир, их обходят, недодают. А то, что мы сделали в результате этой войны, я считаю, сделали прекрасно, укрепили советское государство. Это была моя главная задача. Моя задача как министра иностранных дел была в том, чтобы нас не надули»⁷⁸².

Но Западе причины холодной войны видятся в советской политике коммунизации Восточной Европы. Стратегия Москвы заключалась в том, чтобы иметь в освобожденных странах правительства, словами Молотова, «независимые, но не враждебные». Предлагалась тактика блокирования коммунистов с демократическими силами, тем более что до второй половины 1947 года ни в одной из восточноевропейских стран компартии не имели возможности получить полноту власти парламентским путем. Имело место сочетание «натягивания советского пиджака» на освобожденные страны с очевидным ростом социалистических настроений и социальной базы для режимов «народной демократии»⁷⁸³. В Финляндии, Норвегии и Австрии, где компартии были слабы, политики советизации вообще не проводилось.

Чтобы обнаружить истоки холодной войны, полезно заглянуть в Вашингтон. В годы Второй мировой войны во внешнеполитическом истеблишменте США доминировали «оптимисты» (к числу которых относился и Рузвельт), которые не считали СССР имманентно враждебной державой. «Пессимисты», преобладавшие в Государственном департаменте и военной разведке, полагали, что усиление СССР представляло собой угрозу для Соединенных Штатов⁷⁸⁴. К числу «пессимистов» принадлежал, безусловно, и президент Трумэн. После войны на долю США приходилось 60 процентов мирового ВВП, четыре пятых золотых запасов и две трети торговли на планете. Вооруженные силы превышали 12,5 миллиона человек, флот был больше, чем у остальных стран мира, вместе взятых, огромными возможностями располагала стратегическая авиация. Беспредентный потенциал проецирования мощи вскоре подкрепится ядерной монополией Соединенных Штатов. Все это порождало уверенность в превращении XX века в американский. «Подобная роль отвечала проведению становившейся традиционной американской политики, направленной на предотвращение господства какой-либо одной страны в Европе либо в Азии»⁷⁸⁵, – подчеркивал гарвардский геополитик Самюэль Хантингтон.

В то же время опыт двух мировых войн, шок Пёрл-Харбора породили в США комплекс уязвимости. Отсюда – установка на поддержание боеготовности на уровне, достаточном для разгрома любого потенциального противника, на то, чтобы отнести военные действия как можно дальше от американской территории. Размещение опорных баз (помимо Западной Европы) шло на всей акватории Тихого океана (от Новой Зеландии через Филиппины к Аляске и Алеутским островам), в Арктике (Ньюфаундленд и Исландия), Восточной Атлантике (Азорские

острова), Карибском бассейне и зоне Панамского канала. Но для оправдания такой глобальной стратегии, обеспечения ей общественной поддержки не хватало одного – врага. К весне – лету 1945 года эта роль все чаще стала отдаваться Советскому Союзу, хотя бы потому, что только он располагал набором характеристик, приписываемых глобальному конкуренту: положением в центре Евразии, военной мощью, неприемлемыми для США идеологией и общественным строем.

Не отставала Великобритания. В мае 1945 года Черчилль дал поручение военным подготовить предложения о том, как остановить русских в Европе. Появился план: англо-американским войскам совместно с неразоруженными немецкими частями примерно 20 июля атаковать Советскую армию в Европе. Этот план Черчилль направил в Вашингтон, где его сочли неприемлемым⁷⁸⁶. Воевать с могучей и крайне популярной в тот момент на Западе армией-освободительницей в союзе с гитлеровскими солдатами выглядело тогда безумием как с военной, так и политической точек зрения. Сведения об английском плане дошли до Сталина. Это объясняет и резкое ухудшение его отношений с Черчиллем, и многочисленные советские запросы о том, почему немецкие войска в тылах союзных армий не переведены на положение военнопленных.

Если немедленная война невозможна, высказывал Черчилль свою точку зрения Трумэну, «сейчас жизненно важно прийти к соглашению с Россией или выяснить наши с ней отношения, прежде чем мы смертельно ослабим свои армии или уйдем в свои зоны оккупации»⁷⁸⁷. Президент отправил в Москву Гопкинса. Сталин и Молотов, настроенные на продолжение партнерства, встретились с ним за две недели шесть раз. Гопкинс дал понять, что ситуация очень серьезная. Если нынешние тенденции продолжатся, «вся структура международного сотрудничества и взаимоотношений с Советским Союзом, которую президент Рузвельт и маршал с таким трудом создавали, будет разрушена». В центре – польский вопрос. Гопкинс говорил также о создании Контрольного совета для Германии, о войне на Тихом океане и будущем взаимоотношении двух стран в Китае.

Со своей стороны Сталин назвал проблемы, вызывавшие недовольство Москвы: приглашение на конференцию Объединенных Наций Аргентины; состав reparационной комиссии, куда США и Англия пытались включить сдавшуюся Францию на равных основаниях с Советским Союзом; отношение к польскому вопросу; распределение германского военного и торгового флота, на треть которого рассчитывал СССР. Кроме того,

с 11 мая прекратились поставки по ленд-лизу. Даже суда, находившиеся на пути в СССР, повернули назад. Молить о возобновлении поставок в Москве сочли ниже своего достоинства. Молотов просил Громыко уговорить председателя Амторга, который пытался протестовать: «Скажите т. Еремину, чтобы он не клянчил перед американскими властями насчет поставок и не высовывался вперед со своими жалкими протестами. Если США хотят прекратить поставки, тем хуже для них»⁷⁸⁸.

Взаимопонимание нашли в отношении политики оккупации Германии. Сталин назначил советским представителем в Контрольном совете маршала Жукова. И пригласил генерала Эйзенхауэра посетить Москву. 5 июня в Потсдаме прошло первое заседание Контрольного совета в Германии. Поскольку Берлин становился местом его работы, воинские части западных держав допускались в соответствующие секторы немецкой столицы.

На последней встрече 6 июня Гопкинс поставил вопрос о процедуре голосования в Совете Безопасности ООН. Американцы уже были согласны, чтобы в отношении окончательных решений действовал принцип единогласия, но не касался вопросов повестки. Сталин разыграл небольшой спектакль, который описал Чарлз Болен: «После того как Гопкинс, которому умело помогал Гарриман, представил нашу позицию, Сталин повернулся к Молотову и грозно произнес: «Как это понимать, Молотов?» Молотов ответил, что начало обсуждений имеет такое же правовое значение, что и их завершение. Сталин выслушал и сказал: «Молотов, это ерунда». И затем сказал Гопкинсу, что его интерпретация ялтинского соглашения была правильной». После этого, как сочли американцы, принятию Устава ООН уже ничего не мешало⁷⁸⁹. Он будет принят 26 июля. Встречу «Большой тройки» было решено провести в Берлине в ближайшем будущем.

Сталин был настолько удовлетворен итогами переговоров, что на заключительном приеме, где Молотов, как обычно, выступал в роли тамады, решил подарить Гарриману двух породистых скакунов, зная о пристрастии посла к верховой езде (он даже был членом сборной США по поло). 12 июня комиссия Молотова, Гарримана и Керра согласовала принципы формирования польского правительства. В Москву прибыли представители от Варшавского правительства, от внутренней оппозиции и из Лондона, и 28 июня временный президент Берут объявил Временное правительство национального единства, в котором пост премьера сохранил Осубка-Моравский, а первым вице-премьером стал Миколайчик. Теперь не было препят-

ствий ни для признания Польши со стороны США и Англии, ни для предоставления ей места в ООН⁷⁹⁰.

Параллельно решалась судьба Закарпатья. 29 июня Молотов подписал с Ферлингером договор о присоединении к СССР Закарпатской Украины, заявив при этом:

– В течение тысячелетия закарпатско-украинский народ был оторван от своей матери-родины – Украины. Еще в конце IX века он подпал под власть венгров. Венгерские помещики и капиталисты, а затем и немцы создали для него режим беспартийя, угнетения и колониальной эксплуатации. Однако, несмотря ни на что, народ Закарпатской Украины по своим этнографическим признакам, по языку, быту, по своим историческим судьбам был и остается частью украинского народа. Президент и правительство Чехословакской Республики пошли навстречу единодушному желанию народа Закарпатской Украины⁷⁹¹.

Дипломатических успехов ожидали и на южных рубежах. В мае 1945 года Анкара предложила заключить союзный договор, в котором гарантировала бы в случае войны свободный проход советских сухопутных и военно-морских сил через турецкую территорию. Эта уступка вызвала в Кремле очевидный соблазн дождаться Турции. 7 июня 1945 года Молотов встретился с послом Селимом Сарпером и по настоянию Сталина отверг предложенный договор. Вместо этого вице-премьер выставил двойное требование: о пересмотре советско-турецкого договора, которым СССР «был обижен в территориальном вопросе», что предполагало возвращение Карса и Ардагана; и о «совместной обороне» Босфора и Дарданелл⁷⁹². Анкара ответила отказом.

Но вскоре на первый план вышли проблемы Дальнего Востока. В ночь на 27 июня Сталин собрал членов Политбюро и военачальников для обсуждения плана военной кампании против Японии. Наибольшие разногласия вызвал предлагавшийся Мерецковым и Хрущевым план высадки советских войск на севере острова Хоккайдо. Молотов был категорически против, уверяя, что американцы воспримут это как прямое нарушение ялтинских соглашений⁷⁹³. В тот момент, чувствуя угрозу, Япония предприняла зондаж советских намерений. 29 июня Молотова посетил Сато и сделал все, чтобы притупить бдительность посла, подчеркнув, что советское правительство не разорвало пакт о нейтралитете, а лишь отказалось продлить его.

В тот же день Молотов со всеми почестями встретил в Москве китайскую делегацию, и начались очень непростые советско-китайские переговоры с участием Сталина. «Пакт Молотова – Гарримана» не вызывал у Чан Кайши ни малейшего

восторга, из всего ялтинского соглашения китайской стороне понравилась только передача Москве Курильских островов. США заверили, что готовы поддерживать китайскую сторону в смягчении для них ялтинских условий, что придавало дополнительную уверенность и жесткость Сун Цзывэню. Но у Сталина и Молотова тоже были очень серьезные козыри. Во-первых, КПК, контролировавшая прилегавшие к Монголии северные территории. Во-вторых, уйгурское сепаратистское движение в Синьцзяне, во многом контролируемое из Кремля. Наконец, запланированное участие СССР в войне с Японией со вступлением войск в Маньчжурию. Глава китайского МИДа ежедневно докладывал о ходе переговоров Гарриману, а тот – Трумэну, который подталкивал китайцев к неуступчивости, но не к срыву переговоров. Переговоры с Китаем, не дав результата, были прерваны Потсдамской конференцией.

Потсдам находился в советской зоне оккупации, и все заботы по организации конференции, по обеспечению безопасности лежали на нашей стороне. За месяц сотни домов в пригороде Берлина Бабельсберге были очищены от населявшей его нацистской и деловой элиты Германии и подготовлены для членов делегаций. Трумэн поселился в желто-красном особняке во французском стиле, который американцы назвали Маленьkim Белым домом. Черчилль – неподалеку в розовой вилле тосканского стиля. Сталин и Молотов обосновались в меньшей по размеру резиденции на Кайзерштрассе, 27, построенной в модернистском стиле архитектором Альфредом Гренандером, известным своими проектами станций берлинского метро.

Лидеры трех стран прибыли в Потсдам в эйфории победы, но с разными повестками. В глазах советских руководителей еще стояли победные салюты. Но путь в Берлин лежал через разрушенные Смоленскую область и Белоруссию. Их поезд пошел к дебаркадеру минского вокзала 15 июля. Сталин и Молотов вышли на вокзальную площадь, где их приветствовали аплодисментами жители города. Пригласили в вагон первого секретаря Белоруссии Пономаренко, и с ним вплоть до пересечения госграницы шло совещание о восстановлении республики и ее экономики⁷⁹⁴. Делегация, представлявшая разрушенную страну, была озабочена материальными вопросами в гораздо большей степени, чем их партнеры по переговорам.

Англия победа далась не самой большой ценой – 375 тысяч погибших. Курс Черчилля на конфронтацию с СССР обретал плоть и кровь, но самого премьера обуревала депрессия. 5 июля в Великобритании прошли всеобщие выборы, подведе-

ние итогов из-за сложности подсчета голосов размещенных в Европе военных должно было состояться только 26 июля. Все дружно предсказывали консерваторам победу, но многоопытного политика терзали мрачные предчувствия. На подъеме был Трумэн. 16 июля в пустыне Аламогордо в штате Нью-Мексико Соединенные Штаты испытали ядерную бомбу. О том, что испытание будет, Сталин и Молотов знали. 17 июля Трумэн провел совещание, на котором было принято принципиальное решение применить бомбу против Японии. Фактор бомбы сыграл огромную роль в Потсдаме: поддержка СССР в войне с Японией становилась не обязательной.

И именно в тот день состоялась первая встреча Сталина с Трумэном, который записал: Сталина «сопровождали Молотов и Павлов, который переводил. Присутствовал секретарь Бирнс, и Чарлз Болен был моим переводчиком. Сталин извинился за опоздание, сказав, что его здоровье уже не столь хорошее, как раньше. Было около одиннадцати, когда он зашел, и я попросил его остаться на ланч. Он сказал, что не сможет, но я настаивал.

— Вы смогли бы, если бы захотели, — сказал я ему.

Он остался. Мы продолжали разговор во время ланча. Он произвел на меня сильное впечатление, и мы вели прямой разговор»⁷⁹⁵.

Затем главы государств отправились во дворец Цицилиенхоф, где и проходили официальные заседания конференции. Он был построен в годы Первой мировой войны для кронпринца Вильгельма, убежденного англофила, в псевдотюдоровском стиле с выступающими наружу деревянными балками, высокими трубами, псевдоготическими шпилями и витражами. Прибыв в этот дворец, Сталин, осмотревшись по сторонам, произнес:

— Да, в общем-то не особенно презентабельно. Дворец скромный. У русских царей было поставлено солиднее. Дворцы так дворцы! Лестницы так уж лестницы!⁷⁹⁶

За круглым столом, специально доставленным из Москвы, советскую делегацию представляли Сталин, Молотов и Вышинский. По предложению Сталина председателем конференции стал Трумэн, который сразу же выступил с предложением, поддержаным остальными участниками: создать Совет министров иностранных дел Великобритании, России, Китая, Франции и Соединенных Штатов. Так возник СМИД, работе в котором Молотов посвятит много месяцев. В качестве основных задач Совета были названы подготовка «с целью передачи правительствам Объединенных Наций мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией и Венгрией» и предложение

путей «для разрешения территориальных вопросов, которые остались открытыми по окончании войны в Европе».

18 июля в 11 утра встретились министры иностранных дел. Председательствовал новый госсекретарь США Джеймс Бирнс. По его инициативе расширили компетенцию СМИД, вменив ему еще и «подготовку мирного урегулирования для Германии». Молотов настоял после создания СМИД в составе пяти стран сохранить и трехсторонний, «ялтинский» формат встреч министров иностранных дел⁷⁹⁷. Из-за переговоров с коллегами Молотов пропустил встречу Сталина с Черчиллем, но застал визит Трумэна, чей кортеж в три часа прибыл к советской резиденции. Сначала был обед с неизменными тостами, затем – конфиденциальная беседа. Stalin ознакомил Трумэна с содержанием послания императора Японии с пожеланиями прекратить войну и предложениями принять принца Коноэ в Москве. Поинтересовался у президента, как ему поступить: ответить в общей форме, не отвечать вообще или отвергнуть предложение о диалоге. Трумэн высказался за первый вариант. Уже налицо было стремление Вашингтона держать СССР подальше от дальневосточной дипломатии.

На утреннем заседании министров 19 июля Молотов согласился с участием Франции в подготовке мирного договора с Италией, представил советские проекты решений по разделу германского флота и разрыву отношений с режимом Франко, предложил ускорить процесс ликвидации эмигрантского польского правительства. Конференция продвигалась медленно. «Третье и четвертое заседания Потсдамской конференции были посвящены различным вопросам, и ни по одному не было принято определенных решений, – вспоминал Черчилль. – ...Вопросы о судьбе германского военно-морского и торгового флота, условия мира с Италией и оккупация союзниками Вены и Австрии также вызвали дискуссию и не были решены. Большинство проблем было передано нашим министрам иностранных дел для изучения и доклада»⁷⁹⁸.

20 июля Молотов председательствовал на министерской встрече, где основные споры вызвала ситуация в Румынии и Болгарии, правительства которых западные страны отказывались признавать. Бирнс и Иден объясняли это тем, что там «имеются ограничения для прессы». Бирнс торопил с приемом в ООН Италии, Иден – нейтралов: Швеции, Швейцарии и Португалии. Молотов лobbировал бывших восточноевропейских сателлитов Германии, становящихся союзниками СССР. Западные партнеры настаивали на том, что это может произойти только после подписания с ними мирных договоров⁷⁹⁹. Трумэн

в тот день поднял звездно-полосатый флаг над штаб-квартирой Американской контрольной комиссии в Берлине, после чего вновь занял председательское кресло. Молотов доложил о результатах заседания министров. Было определено место постоянного секретариата СМИД – Лондон. На заседаниях 21 июля центральным стал вопрос о западной границе Польши; советское предложение на этот счет Молотов передал коллегам утром. Западные партнеры были категорически против продвижения границ Польши до Западной Нейсе и обвиняли СССР в поощрении польской экспансии в Померанию, считая это польской оккупацией⁸⁰⁰.

Рано утром 22 июля Трумэн получил полный отчет о взрыве атомной бомбы в Аламогордо. Трумэн был на подъеме, как и Черчилль. «Теперь мы можем сказать: если вы будете продолжать делать то или это, мы сможем стереть Москву, затем Сталинград, затем Киев, затем Куйбышев, Харьков, Севастополь и так далее, и так далее»⁸⁰¹. Противоречия на конференции обострились, события ускорились.

Заседание началось с весьма примирительного заявления Сталина, о том, что советские войска в Австрии начали отход, чтобы пустить туда части союзников, которые уже вступали в Вену. Последовали дежурная благодарность лидеров и резкий выпад Черчилля против продвижения на запад польской границы. Трумэн поддержал премьера, и вопрос оказался в тупике. Stalin тоже решил не отступать и выстрелил по следующему вопросу, попросив предоставить слово Молотову как крупному специалисту по проблемам опеки. Он заявлял претензии СССР на участие в решении судьбы колониальных владений Италии в Африке, подмандатных территорий Лиги Наций и на Средиземном море. Сам Молотов не был сторонником такой идеи, полагая, что Советский Союз не должен уподобляться колониальным империям. Но идея нравилась Сталину, который не терял надежду получить для Москвы порт на южном берегу, поэтому пришлось стать крупным специалистом. В Потсдаме согласятся рассмотреть вопрос о колониях Италии в связи с подготовкой с ней мирного договора. И вновь Stalin просит предоставить слово своему заместителю, который представил документ с советской позицией по Турции:

– Заключение союзного договора означает, что мы должны совместно защищать наши границы. Однако в некоторых частях мы считаем границу между СССР и Турцией несправедливой. Действительно, в 1921 году от Советской Армении и Советской Грузии Турцией была отторгнута территория областей Карса, Артвина, Ардогана. Второй важный вопрос, который мы

должны урегулировать, – это вопрос о Черноморских проливах. Мы неоднократно заявляли нашим союзникам, что мы не можем считать правильной конвенцию, заключенную в Монтрё. По этой конвенции права Советского Союза в Черноморских проливах такие же, как права японского императора.

– Речь идет о русской базе в проливах, а также о том, что никто не может иметь отношение к вопросу о Дарданеллах и Босфоре и проходе через них, кроме Турции и Советского Союза, – не скрывал возмущения Черчилль. – Турция никогда не согласится на это.

Молотов напомнил, что договор 1805 года и Ункяр-Искелесийский договор 1833 года предусматривали именно такой режим проливов. Черчилль взял время для изучения вопроса. В завершение бурной дискуссии того дня Молотов поднял вопрос об английском лагере военнопленных бандеровцев в Италии:

– Когда советский представитель посетил этот лагерь, то там оказалось 10 тысяч украинцев, из которых английское командование составило целую дивизию. Было организовано 12 полков, в том числе полк связи и саперный батальон. Офицерский состав был назначен главным образом из бывших петлюровцев, которые раньше находились на командных постах в германской армии.

Черчилль уверил, что ни о чем подобном не слышал⁸⁰².

Утром 23 июля Молотов встретился наедине с Бирнсом, чтобы начать обсуждение reparационного вопроса. Госсекретарь предложил, чтобы «руssкие изымали reparации из своей зоны, так же как англичане, американцы и французы будут изымать reparации из своих зон».

– В этом случае Германия не будет рассматриваться как экономическое целое, – не согласился Молотов.

В тот день он председательствовал на формальной встрече министров и передал коллегам советские предложения по reparациям. Доложил о работе министров главам правительства, которые решили один важный вопрос: о включении в состав СССР район Кёнигсберга⁸⁰³. Так возникла Калининградская область.

24 июля советская сторона предприняла серьезный маневр: на утреннее заседание министров было приглашено польское руководство. Молотов выступил с речью:

– Советское правительство считает требование польского правительства перенести границу Польши на Одер, включая в состав Польши Штеттин, и на Западную Нейсе, справедливым и своевременным. Германия должна быть оттеснена с этих за-

хваченных ею польских земель, и эти земли должны быть переданы Польше по справедливости⁸⁰⁴.

Отмахиваться от требований СССР, поддержаных признанным польским правительством, западным державам становилось все труднее. Острые дискуссии в тот день вновь вызвал вопрос о допуске в ООН бывших союзников Германии. Молотов на министерской встрече настаивал на том, что «Румыния, Венгрия, Болгария и Финляндия не будут поставлены в худшее положение, чем Италия». На заседании лидеров его активно поддержал Сталин. И вновь – спор о проливах.

– Свободное плавание через Черноморские проливы должно быть утверждено и гарантировано тремя великими державами, а также другими державами, – настаивал Черчилль, поддержанный Трумэном.

– А как регулируется проход через Суэцкий канал, применяется ли к нему тот же принцип?⁸⁰⁵ – ехидно поинтересовался Молотов.

Вопрос о Суэце был отрегулирован двусторонним англо-египетским соглашением. Становилось ясно, что по вопросу о проливах западные партнеры не собирались отступать ни на дюйм. В связи с этой дискуссией Трумэн написал в мемуарах: «Молотов много говорил в Потсдаме... Говорил, как будто он и был Российской Государством до тех пор, пока Сталин не улыбался и не говорил ему несколько слов по-русски, после чего он менял свой тон. Всегда было сложнее прийти к договоренности с Молотовым, чем со Сталиным. Если Сталин мог иногда улыбнуться и расслабиться, Молотов постоянно оказывал давление»⁸⁰⁶. И Трумэна обманула игра в «доброго и злого следователя».

После бурного заседания 24 июля произошел один из знаменательных эпизодов, запечатленных в исторических книгах и фильмах о войне. Трумэн поведал Сталину о взрыве устройства небывалой силы. Естественно, Молотов тоже вспоминал это событие: «Насколько я помню, после обеда, который давала американская делегация, он с секретным видом отвел нас со Сталиным в сторонку и сообщил, что у них есть такое оружие особое, которого еще никогда не было, такое сверхобычное оружие. Трудно сказать, что он думал, но мне казалось, он хотел нас ошараширить. А Сталин очень спокойно к этому отнесся. И Трумэн решил, что тот ничего не понял. Не было сказано “атомная бомба”, но мы сразу догадались, о чем идет речь. И понимали, что развязать войну они пока не в состоянии, у них одна или две бомбы всего имелись, взорвать-то они потом взорвали над Хиросимой и Нагасаки, а больше не осталось. Но даже если и

осталось, это не могло тогда сыграть особой роли»⁸⁰⁷. Молотов вполне соглашался с изображением этой сцены в фильме «Освобождение», где Сталин после обмена репликами с президентом сказал Молотову: «Надо сказать Курчатову, чтобы он ускорил работу». Сталина и Молотова трудно было удивить, поскольку, говоря словами Джона Гэддиса, они «узнали о бомбе задолго до американского президента»⁸⁰⁸.

В заседаниях «Большой тройки» наступал перерыв, вызванный отъездом британской делегации на родину в связи с подведением итогов парламентских выборов. «Молотов, окруженный Вышинским, Соболевым и другими, выразил свои наилучшие пожелания в самых теплых выражениях, сказал, что находитесь на наш успех и многое другое, – записал Иден. – Должно быть, я был плохим министром иностранных дел и слишком часто уступал, раз они хотели моего возвращения»⁸⁰⁹.

Меж тем союзники не переставали удивлять. 26 июля от имени Трумэна, Черчилля и Чан Кайши была обнародована Потсдамская декларация, представлявшая собой ультиматум Японии, которой угрожали быстрым и полным разрушением, если Токио не объявит о безоговорочной капитуляции. Как только советская сторона постфактум была поставлена в известность, Молотов попросил отложить ее опубликование хотя бы на три дня. Но, как оказалось, уже было поздно. Как можно так поступать с потенциально важнейшим союзником в войне с Японией – было выше понимания Сталина и Молотова.

28 июля из Лондона в Потсдам возвратился... Климент Эттли. Консерваторы проиграли выборы. Как ни странно, главным фактором поражения Черчилля стало голосование армии. Когда одного солдата спросили, почему он голосовал за лейбористов, тот ответил: «Мне надоело получать приказы от проклятых офицеров»⁸¹⁰. Победа СССР стимулировала голосование в Европе по классовому признаку и повсеместный сдвиг политического спектра влево. Молотов присматривался к новому коллеге и партнеру по переговорам на годы вперед – министру иностранных дел Бевину. Это был колоритный профсоюзный лидер, представлявший «большой контраст по сравнению с аристократизмом и элегантностью прежнего министра иностранных дел Антони Идена»⁸¹¹. Главы правительства встретились непривычно рано, в 10.30 утра, и встреча была короткой – Эттли еще нужно было прийти в себя и войти в курс дела.

Воскресным утром 29 июля Трумэн, вернувшись с протестантской службы в Маленький Белый дом, застал терпеливо ожидавшего его наркома. «Молотов пришел сообщить мне, что премьер Сталин простудился и доктора приказали ему не поки-

дать резиденцию. По этой причине, сказал Молотов, премьер не сможет сегодня присутствовать на конференции. Затем Молотов высказал пожелание обсудить некоторые вопросы, которые возникнут на следующем заседании»⁸¹². Согласились, что успешному завершению конференции мешают три нерешенных вопроса: западная граница Польши, раздел немецкого флота и репарации с Германии.

– Американская делегация готова согласиться со всем тем, чего просят поляки, за исключением территории между Восточной и Западной Нейсе, – сообщил Бирнс.

– Это важный район, на котором поляки особенно настаивают, – возразил Молотов и подтвердил твердую решимость Сталина закрепить эту территорию за Польшей.

С флотом в Потсдаме так и не разберутся: было решено, что три правительства назначат экспертов, которые «совместно выработают детальные планы осуществления согласованных принципов». И эта работа окажется вовсе не напрасной. Советский Союз обретет 155 немецких боевых кораблей, в их числе крейсер, 4 эсминца, 6 миноносцев и несколько подводных лодок. Получив также уверение в том, что Советский Союз помимо репараций из своей зоны оккупации получит еще 25 процентов от того, что будет выделено из промышленного оборудования Рура, нарком отбыл в неплохом расположении духа.

Был и еще один сюжет, который «выпал» из изданных в СССР материалов Потсдама. Молотов попросил, чтобы в связи с неотложностью объявления войны Японии США, Великобритания и другие союзные страны обратились к Москве с соответствующим официальным запросом. Сильный ход, который снимал бы все вопросы о советских мотивах в войне с Японией и заметно укреплял возможности Кремля претендовать на определение послевоенного устройства Восточной Азии. Предложение Молотова крайне озадачило президента: «Я увидел в нем циничный дипломатический ход с целью представить вступление России решающим фактором достижения победы... Я не хотел, чтобы Москва пожинала плоды длительной, ожесточенной и доблестной борьбы, в которой она не участвовала»⁸¹³. Запроса не будет.

30 июля Сталин все еще болел, и заседание лидеров не состоялось. В полпятого вечера Бирнс приехал к Молотову, и на этой встрече были найдены многие дипломатические развязки. По Польше – граница по Западной и Восточной Нейсе. Молотов вручил советские предложения о суде над главными военными преступниками в Нюрнберге, которые были приняты. Договорились об отказе от ялтинской идеи расчленения Германии⁸¹⁴.

Трумэн счел, что в заключительный день конференции «Сталин и Молотов были особенно тяжелы, настаивая на точных процентах reparаций в пользу России из британской, французской и американской зон. Поскольку большинство reparаций предполагалось получить из Рура, который лежал в британской зоне оккупации, Бевин воевал за сокращение русских процентов»⁸¹⁵. По reparациям окончательно не договорились. Stalin согласился с предложенной англичанами формулой урегулирования отношений с немецкими союзниками: «Три правительства считают желательным, чтобы теперешнее аномальное положение Италии, Болгарии, Финляндии, Венгрии и Румынии было прекращено заключением мирных договоров».

Было уже полпервого ночи, когда Трумэн объявил конференцию закрытой.

— До следующей встречи, которая, я надеюсь, будет скоро⁸¹⁶. «Большая тройка» больше не встретится.

...Сразу по возвращении из Потсдама Stalin собрал Ставку. Маршал Василевский доложил о ходе подготовки к наступлению против Японии, которое готов был начать 9–10 августа. Но ситуация менялась стремительно. 6 августа мир вступил в ядерную эпоху – бомбардировщик B-29, взлетевший с острова Тиниан, сбросил на Хиросиму атомную бомбу «Малыш» мощностью 13 килотонн. Количество погибших в городе через год составит 145 тысяч человек, через пять лет – 200 тысяч. 9 августа бомба «Толстяк» взорвется над Нагасаки. Молотов до конца дней был уверен, что эти бомбы не столько были против Японии, сколько против Советского Союза: запугать, продемонстрировать неограниченные военные возможности, чтобы осуществлять ядерный шантаж и добиваться уступок. В Москве ясно поняли, что война может закончиться очень скоро, а не участие в ней заметно ослабит возможности СССР влиять на послевоенное устройство на Дальнем Востоке. Выступать следовало немедленно. 7 августа в 16.30 Stalin и Антонов подписали приказ Красной Армии атаковать японские войска в Маньчжурии.

8 августа в 17.00 Молотов принял Сато, чтобы передать заявление советского правительства о вступлении со следующего дня в войну с Японией ввиду отказа Токио капитулировать в соответствии с требованием Потсдамской декларации. Японские дипломаты умеют сохранять лицо. Сато выразил признательность Молотову за то, что он сделал для него за время пребывания в Москве, и попросил разрешения пожать на прощание руку⁸¹⁷. В 18.10 по московскому времени (на Дальнем Востоке было

уже 9 августа) в наступление в Маньчжурии перешли 1,5 миллиона военнослужащих, использовавших 26 тысяч орудий и минометов, 5500 танков и самоходных артиллерийских установок и 3900 самолетов. «План заключался в одновременном нанесении со стороны Забайкалья, Приморья и Приамурья главных и ряда вспомогательных ударов по сходящимся к центру Северо-Восточного Китая направлениям с целью рассечения и разгрома по частям основных сил японской Квантунской армии»⁸¹⁸.

Молотов пригласил послов, руководителей военных миссий США и Великобритании и ознакомил с заявлением, переданным Японии, подчеркнув, что советское руководство решило выполнить свое изначальное обещание о трехмесячном сроке со дня победы над Германией. Атака советских войск произвела на Токио ничуть не меньшее впечатление, чем ядерные бомбардировки. Премьер-министр Судзуки на экстренном заседании Высшего совета по руководству войной заявил, что ее продолжение становилось невозможным. При этом согласие капитулировать сопровождалось условием сохранения императорской власти.

В полночь с 10 на 11 августа Молотов пригласил Гарримана и Керра и заявил, что, поскольку капитуляция явно не безоговорочная, советское правительство будет продолжать наступление. У Гарримана сложилось «твердое ощущение», что Молотов «вполне желал бы продолжения войны». В этот момент в кабинет впустили Кеннана, который принес положительный ответ Трумэна на согласие Токио капитулировать, к которому предлагалось срочно присоединиться и Советскому Союзу. Президенту надо было остановить продвижение советских войск в Маньчжурии. Молотов взял паузу и в два часа ночи вновь пригласил послов в кабинет. Москва соглашалась с американским проектом ответа на заявление Токио. Но при этом хотела бы договориться о кандидатурах представителей союзного Верховного главнокомандования, которому будут подчинены император и правительство Японии. Американцы договариваться были не намерены⁸¹⁹.

11 августа отвлек на себя внимание генерал Эйзенхауэр, который с сыном Джоном прибыл в Москву по приглашению якобы маршала Жукова. Их появление на стадионе «Динамо» вызвало такой рев, который никогда не слышали его трибуны. 12-го был парад физкультурников, и Эйзенхауэр – первый из западных деятелей стоял на трибуне Мавзолея рядом со Сталиным, Молотовым и Жуковым⁸²⁰.

Хотя Кремль и обещал заключить договор с Китаем еще до начала войны с Японией, стремительное развитие событий не

позволило это сделать. Но теперь уже у Чан Кайши не осталось возможностей сопротивляться требованиям Москвы, которая могла в этой ситуации передать власть в Маньчжурии Мао Цзэдуну. Договор о дружбе и союзе между СССР и Китаем был подписан 14 августа. Советскому Союзу возвращались права на КВЖД и ЮМЖД, предоставлялись на 30 лет в аренду Порт-Артур и порт Дальний. Москва признала Маньчжурию неотъемлемой частью Китая, а Китай – независимость Монголии. Чан Кайши получил признание Советским Союзом его режима как единственного законного правительства Китая. Вместе с тем с наступлением Красной Армии пришли в движение и силы компартии, Мао отдал приказ своим частям продвигаться на занимаемые ею территории.

В объявленном по радио 15 августа рескрипте император Японии заявил о принятии условий Потсдамской декларации. Но директивы войскам капитулировать не последовало. Молотов пригласил Гарримана и заявил, что советская сторона не рассматривает сделанные Токио заявления как акт капитуляции и продолжит боевые действия. Тогда же в Москву поступил на согласование текст приказа Макартура о зонах оккупации. В советскую зону включались Маньчжурия, Корея севернее 38-й параллели и Южный Сахалин. В ответном послании Трумэну Сталин предложил включить в район сдачи японской армии Курильские острова и север острова Хоккайдо. Трумэн согласился с Курилами, но категорически возразил против высадки советских войск на Хоккайдо⁸²¹. Stalin не возражал, согласился он и с разграничением по 38-й параллели в Корее, хотя к тому времени советские части продвинутся значительно южнее и их пришлось возвращать назад.

19 августа главком Квантунской армии генерал Я마다 подписал акт о капитуляции. Но наступление советских войск не остановилось. В последующие 10 дней были высаджены десанты в Харбине, Чанчуне, Хамхыне и в ряде других ключевых городов Китая и Кореи⁸²². Не отставали и бойцы КПК, которые к концу августа захватили большую часть Чахара и провинции Жэхэ. Коммунисты получили доступ к оставленным японцами арсеналам, включая крупнейший из них в Шэньяне, где хранились 100 тысяч винтовок, тысячи артиллерийских стволов. 200-тысячное войско марионеточного государства Маньчжоу-Го сдалось Советской армии без сопротивления и перевербовывалось на службу КПК. Советские войска к моменту завершения войны – 2 сентября уже занимали территорию, которая превосходила освобожденные ими регионы Европы.

На СМИД

Первое заседание СМИД в Лондоне в сентябре – октябре 1945 года показало, насколько сложно Молотову будет иметь дело с западными коллегами.

Главным партнером по переговорам становился Джеймс Бирнс. «С бомбой и долларом в кармане, Бирнс не предвидел больших трудностей в достижении согласия остальных министров по мирным договорам на условиях Соединенных Штатов»⁸²³. Но все оказалось не так просто. «У меня большой опыт общения с людьми, – рассказывал Бирнс. – Этому способствовала моя активная практика в качестве судебного адвоката. За время службы в палате представителей и сенате я общался с двумя тысячами конгрессменов и двумя сотнями сенаторов. Я говорил почти со всеми из них, снимая противоречия между ветвями власти и между палатами Конгресса. Как член Верховного суда и как директор – сначала агентства Экономической стабилизации, а затем – Военной мобилизации, я встречался с людьми с самыми разными интересами и решил множество проблем. Но за все эти годы я не приобрел ни малейшего опыта, который подготовил бы меня к переговорам с мистером Молотовым»⁸²⁴.

В роли скорее подыгрывающего выступал Бевин. Молотов рассказывал: «Иден, конечно, мне больше нравился. С Иденом можно было ладить. А с Бевином – этот такой, что невозможно. Этот Бевин был у нас на вечере в Лондоне. Ну, наша публика любит угощать. Мои ребята его напоили. Изошли так, что когда я пошел его провожать, вышел из дома, а он был с женой, такая солидная старушка, она села первой в автомобиль, он за ней тянутся, и вот когда он стал залезать туда, из него все вышло в подол своей супруги. Ну что это за человек, какой же это дипломат, если не может за собой последить?»⁸²⁵

Францию представлял Бидо, Китай – Ван Шицзэ, но не они заказывали музыку, а Молотов. «Охарактеризованный британским наблюдателем как “выдающийся в своем мастерстве переговорной процедуры, упрямый и неуступчивый до самой крайней степени”, он доминировал на Лондонской конференции и предрешил ее исход… Он использовал привычку Бирнса говорить без подготовки, заставляя его уточнять и объясняться, надеясь на ошибки и на буйный темперамент Бевина, стараясь его спровоцировать»⁸²⁶, – замечал Дерек Уотсон.

Сессия начала работу с процедурного вопроса об участии министров всех стран, включая Китай и Францию, в обсуждении всех мирных договоров. Молотов согласился, поскольку

речь шла только об обсуждении, а не о принятии решений, о чем потом сильно пожалеет. Строго говоря, такой порядок противоречил договоренности в Потсдаме: по каждому из мирных договоров «Совет будет состоять из членов, представляющих государства, которые подписали Условия Капитуляции, продиктованные тому вражескому государству, которого касается данная задача»⁸²⁷. Конфликты не заставили себя ждать. Сталин требовал добиваться права стоянки наших военных кораблей в триполитанских портах, и Молотов предложил:

– Советское правительство хотело бы испытать свои силы, осуществляя опеку под контролем Совета по опеке хотя бы над одной из бывших итальянских колоний.

И заявил о таком большом преимуществе Советского Союза, как «опыт в установлении дружеских отношений между разными национальностями»⁸²⁸.

Молотов вспоминал: «Обосновывать очень трудно было. Бевин подскочил, кричит:

– Это шок, шок! Шок, шок! Никогда вас там не было.

Бевину стало плохо. Ему даже укол делали»⁸²⁹.

Впрочем, к тому времени в Вашингтоне и Лондоне уже твердо решили не допустить советского присутствия в Средиземном море, и инициативы Молотова роли не сыграли.

Бирнс выступил за пересмотр потсдамской формулы мирного договора с Германией, предложив ограничить время оккупации периодом, необходимым для разоружения и демилитаризации, после чего вывести все войска (замечу, американское военное присутствие в Германии сохранилось до сих пор и сохранится еще долго). Москва увидела в этом опасность своим позициям в советской зоне оккупации и предложила в ответ распространить эту формулу и на договор с Японией. Однако американцы отказались даже обсуждать это, как и вопрос об участии СССР в работе союзного контрольного механизма в этой стране.

Серьезной оказалась схватка вокруг мирных договоров с Румынией и Болгарией, правительства которых по-прежнему не признавались западными державами. Инструкции ПБ предусматривали их рассмотрение в увязке с главным приоритетом англосаксов – договором с Италией. Сталин в послании Молотову настаивал на максимальной жесткости: «Необходимо, чтобы ты держался крепко и никаких уступок за счет Румынии не делал... Может получиться, что союзники могут заключить мирный договор с Италией и без нас. Ну что же? Тогда у нас будет прецедент. Мы будем иметь возможность в свою очередь заключить мирный договор с нашими сателлитами

Номинант на Нобелевскую премию мира после окончания Второй мировой войны. *Сентябрь 1945 г.*

Полина Жемчужина и Майский встречают Клементину Черчилль.
2 апреля 1945 г.

Проводы монгольского лидера Чойбалсана. 1945 г.

Молотов провожает китайского министра Сун Цзы-вения. Июль 1945 г.

В Потсдаме. Июль 1945 г.

В Потсдаме. Эттли, Трумэн, Сталин и министры иностранных дел.
Август 1945 г.

На Московской конференции Совета министров иностранных дел.
Бевин (первый слева), Молотов, Бирнс. Декабрь 1945 г.

Выступление
на предвыборном
собрании
Молотовского
избирательного
округа Москвы.
6 февраля 1946 г.

Гражданский долг

На похоронах
Калинина. Берия,
Шверник, Маленков,
Вознесенский,
Сталин, Каганович,
Молотов, Жданов.
Июнь 1946 г.

На трибуне
Парижской мирной
конференции. 1946 г.

После выступления
на Парижской
мирной
конференции. 1946 г.

В ложе Большого театра участники
Московской
конференции
СМИД: Жорж Бидо,
Бевин, Молотов,
Джордж Маршалл,
Вышинский
с супругами.
Апрель 1947 г.

После концерта с Эмилем Гилельсом. Апрель 1947 г.

В дни работы Московской конференции СМИД

Выпускники.
Владик Скрябин,
Соня и Светлана
Молотова

Семья. Полина
еще дома. 1948 г.

Светлана

Мао Цзэдун
впервые в Москве.
16 декабря 1949 г.

Встреча правительственный делегации КНР. *Декабрь 1949 г.*

Молотов, Ворошилов и Сталин на похоронах Жданова. *Сентябрь 1948 г.*

Молотов, Хрущев, Маленков и Власик в Новом Афон. *Октябрь 1951 г.*

Похороны Сталина.
9 марта 1953 г.

И вновь – министр
иностраных дел. 1954 г.

Советская делегация на Берлинском совещании министров иностранных дел. Февраль 1954 г.

Берлинское совещаний министров иностранных дел.
На переднем плане: Джон Фостер Даллес, Антони Иден, Вячеслав Молотов. Февраль 1954 г.

S UNTERPFAND EINES DAUERHAFTEN FRIEDENS
UND DER SICHERHEIT IN EUROPA!

W. M. MOLOTOW.

Поздравительное слово по случаю пятилетия ГДР. Берлин, октябрь 1954 г.

В кулуарах международной конференции

С немецкими шахтерами. Октябрь 1954 г.

На Женевском саммите. Хрущев, Жуков, Молотов. *Июль 1955 г.*

Дух Женевы-55. Главы делегаций: Николай Булганин, Дуайт Эйзенхауэр, Эдгар Фор, Антони Иден. Молотов — на заднем плане. *Июль 1955 г.*

без союзников». Молотов заверил: «При первой возможности использую указанные тобой аргументы в пользу нашей политики в Румынии»⁸³⁰. Возможность представилась в воскресенье 16 сентября, когда Бирнс появился в советском посольстве.

– Почему англичане и американцы поддержали враждебное Советскому Союзу правительство Радеску и не поддерживают дружественное правительство Грозы? – поинтересовался Молотов.

– Правительство Грозы было создано при таких обстоятельствах, которые произвели очень плохое впечатление в Америке, – ответил Бирнс.

– Хотел бы знать, допустило ли бы американское правительство существование в соседней США Мексике правительства, враждебного США, в особенности после того, как Мексика, напав на США, воевала против США и в течение двух лет ее войска оккупировали их территорию?

– Может, найти способ, подобный тому, который был применен в Польше, – предложил Бирнс, – чтобы обеспечить наличие в правительстве представителей всех демократических партий страны.

– В Румынии невозможно повторить опыт Польши, где существовало два правительства, а не одно, как в Румынии. Кроме того, Румыния выступила против Советского Союза, а Польша была нашим союзником. Почему американское и британское правительства не пошли на изменение состава правительства Греции до выборов?

– Но греческое правительство сформировано не так, как правительство Грозы. Оно разрешает корреспондентам работать в Греции.

– Греция ведь создана не для американских корреспондентов, а для греческого народа. Демократическим правительстvом является такое, которым довольно большинство народа, а не иностранные корреспонденты⁸³¹.

«Это был мрачный вечер для американской делегации»⁸³², – делился впечатлениями Бирнс.

А Молотов сел, чтобы отправить весточку домой: «Полинька, милая, родная моя! Получил твое письмо. Понимаю, что с моей стороны свинство, что до сих пор не написал тебе и Свету-се. Конечно, я очень занят... Утешительно все же то, что теперь, работая вместе со своими товарищами, мы, в общем, справляемся с делом, а на Совете министров – мы самые активные и вполне можем противостоять партнерам. Это уже большой шаг вперед против довоенного. Пока, правда, нельзя похвастаться результатами, но на таких совещаниях обыкновенно решает

вторая половина работы, которая скоро только начнется. Думаю, что еще неделю здесь пробудем, едва ли больше»⁸³³.

...Но когда подошли к обсуждению мирных договоров, обнаружился тупик.

– Правительство США не сможет подписать мирных договоров с Румынией и Болгарией, – однозначно заявил госсекретарь.

– Если Соединенные Штаты откажутся подписать мирный договор с Румынией и Болгарией, советское правительство не сможет подписать мирного договора с Италией, так как все эти страны находятся в одинаковом положении как сателлиты Германии⁸³⁴, – не менее однозначно реагировал Молотов.

Молотов отверг предложение Бирнса о создании новой международной комиссии по изучению проблемы правительства Румынии, напомнив, что США поддерживали дипломатические отношения с фашистскими правительствами Испании и Аргентины⁸³⁵.

Между тем Сталин стал испытывать явное недовольство бесплодностью лондонских переговоров. И виновным за это решил назначить Молотова с его согласием допустить к обсуждению мирных договоров Китай и Францию. О крайней степени раздражения говорил переход на «вы». «Следуйте решениям Потсдама об участии только вовлеченных государств...» – писал Сталин 21 сентября. Молотов счел за благо немедленно повиниться: «Признаю, что сделал крупное упущение. Настою на немедленном прекращении общих заседаний пяти министров... Так, конечно, будет лучше, хотя это и будет крутой поворот в делах Совета министров»⁸³⁶.

Бирнс вспоминал: «День 22 сентября переломил хребет Лондонской конференции»⁸³⁷. Молотов заявил:

– Работа Совета министров продвигается очень медленно и недостаточно гладко. Происходит это оттого, что все мы в самом начале совершили ошибку, отступив от решения Берлинской конференции, не имея на то права. Совет должен заседать в составе трех и, в случае обсуждения договора с Италией, – в составе четырех, то есть при участии Франции.

Коллеги в шоке и заявляют о решительном несогласии с отступлением от изначально принятого решения по процедуре⁸³⁸. «Наши самые настойчивые убеждения не оказывали ни малейшего эффекта на мистера Молотова, – писал Бирнс. – Позже вечером я встретился с Бидо, который был в ярости. Я опасался, что он выйдет из Совета»⁸³⁹. Трумэн нажаловался «доброму следователю» – Сталину: «Я настоятельно прошу, чтобы Вы снеслись с г-ном Молотовым и сообщили ему, что он не должен

допустить прекращения работы Совета, ибо это неблагоприятно отразилось бы на международном мире». Молотов, ознакомившись с этой депешей, писал: «Послание Трумэна немного пахнет испугом». Сталин ответил президенту: «Считаю, что позиция Молотова строго держаться решения Берлинской конференции не может создать плохого впечатления и не должна кого-либо обидеть»⁸⁴⁰.

Союзники начали проявлять колебания. Бевин писал Бирнсу, что «мы все согласились, что с точки зрения буквы права Молотов прав, но его позиция не оправдана с моральной точки зрения». Бирнс в попытке выйти из тупика предложил договориться о созыве мирной конференции с участием пяти членов Совета в обмен на принятие советской позиции о процедуре рассмотрения мирных договоров в СМИД⁸⁴¹.

– Если правительство США договорится с правительством СССР о признании правительств Румынии и Болгарии, то и по остальным вопросам будет нетрудно договориться. Иначе бесцельно созывать мирную конференцию⁸⁴², – был ответ Молотова.

В конце сентября споры вокруг процедуры стали приобретать скандальные формы. Молотов предложил новую уловку: если какой-то член СМИД отказывается от ранее принятого решения, оно перестает действовать. Дальнейшее он описывал Сталину: «Этим я намекнул на наше требование пересмотреть решение Совета от 11 сентября. В это время Бевин с обычной для него развязностью заявил, что он не может согласиться с таким толкованием прав министров и что метод отказа от совместно принятых решений очень близок к гитлеровскому методу. Я заявил, что если Бевин не возьмет свои неуместные слова обратно, то я не смогу участвовать в этом совещании»⁸⁴³.

Версия Гарримана: «Молотов вскочил, как только слова Бевина были переведены, и стал выходить из комнаты... Я давно усвоил, что можно критиковать русских, но нельзя сравнивать их с Гитлером. Я полагаю, от Бевина нельзя было ожидать подобного понимания. Молотов, как бы то ни было, был в состоянии контролируемой ярости. Я наблюдал его вблизи, когда он подходил к двери, и мне казалось, что он разрывался между желанием уйти, что означало бы срыв конференции, или оставаться. Комната была плотно заполнена людьми. У меня создалось впечатление, что Молотов делал все возможное, чтобы между ним и дверью оказалось как можно больше людей. Затем Бевин, конечно, произнес: «Я извиняюсь, если вас оскорбил». Молотов остановился, повернулся и занял место за столом». Бевин потом сожалел о своей неуклюжести⁸⁴⁴.

Сталин подбодрял Молотова: «Подтверждаю твою позицию. Не воспринимай махинации Бевина в трагическом свете, а смотри на все это спокойно. Мы ничего не проиграем, проиграют только они»⁸⁴⁵. В принципе, после этого скандала работу конференции можно было заканчивать, Молотов больше не разговаривал с Бевином. Но Ван Шицэ попросил продолжить переговоры. 2 октября была его очередь председательствовать. В какой-то момент, когда переговорщики застыли в мрачном молчании, китайский министр произнес: «Я тот человек, который продлил работу до сегодняшнего дня. Я не слышу предложения о следующем заседании. Объявляю заседание Совета закрытым». Так Лондонская конференция СМИД и закончилась – даже без принятия коммюнике.

Самым запоминающимся событием в ходе конференции Бирнс назвал прощальный прием, который устроил Эттли. Настроение было напряженным, гости короткими и программа вечера, казалось, подходила к концу гораздо раньше запланированного. Неожиданно Бевин стал напевать. Бирнс заметил, что петь тот не умеет, но в составе американской делегации есть замечательный певец – полковник Келли. Бевин заказал ирландскую песню, которую неожиданно подхватил весь зал – добрая сотня человек, включая Эттли и Молотова. По заявке главы советской делегации песня была исполнена на бис. Обстановка разрядилась⁸⁴⁶. В мировой политике не все было потерянно.

Срыв переговоров был расценен в Вашингтоне как результат возросших аппетитов СССР, которому нужно противопоставить еще более твердый отпор. Молотов, писал знаток ядерной политики и дипломатии Д. Холловей, «вел себя таким образом, чтобы создать впечатление, что Советский Союз не запугать и не принудить к уступкам посредством американской атомной монополии. Если это действительно было его целью, он добился блестящего успеха. Бирнс теперь понял, что русские были, по его собственным словам, “упрямы, настойчивы и не из пугливых”. На Трумэна также произвело впечатление, что бомба не оказала никакого влияния на Молотова...» Успех Молотова в Лондоне был куплен дорогой ценой. Лондонская встреча закрепила за ним репутацию «господина Нет»⁸⁴⁷.

...Великая Отечественная война стала одной из немногих в истории России, окончание которой не повлекло за собой крупных изменений во внутренней политике. 5 сентября 1945 года был упразднен ГКО, но уже 6 сентября Политбюро утвердило постановление СНК, сохранившее устоявшееся в годы войны разделение высшего органа управления на две самостоятель-

ные структуры. Первая – Оперативное бюро СНК по вопросам работы промышленных наркоматов и железнодорожного транспорта под председательством Берии, куда также вошли Маленков (заместитель), Вознесенский, Микоян, Каганович, Косыгин. Вторая – Оперативное бюро СНК по вопросам работы наркоматов и ведомств обороны, военно-морского флота, сельского хозяйства, продовольствия, торговли, финансов, здравоохранения, образования и культуры в составе Молотова (председатель), Вознесенского (заместитель), Микояна, Андреева, Булганина и Шверника. Координацию международной деятельности обеспечивала Внешнеполитическая комиссия Политбюро – Сталин, Молотов, Берия, Микоян, Маленков и Жданов⁸⁴⁸. Руководство ядерным проектом перешло Берии: Молотову в последующие месяцы и годы предстояло большую часть времени провести за пределами страны, дипломатическими средствами закрепляя результаты Победы.

Реальная власть в послевоенные месяцы была в руках «пятерки» – Сталин, Молотов, Берия, Маленков, Микоян. Причем в это время Сталин начал заговаривать о своей отставке. Не думаю, что он всерьез помышлял об уходе. Здесь был и элемент кокетства («утвердите меня оставаться»), и желание прощупать лояльность своих подчиненных. При этом в качестве возможного преемника и сам Сталин, и его коллеги называли Молотова, который вспоминал: «Уходить Сталину на пенсию нельзя было, хотя он и собирался после войны. “Пусть Вячеслав поработает!”» Молотов был популярен. По словам писателя Константина Симонова, он «существовал неизменно как постоянная величина, пользовавшаяся – боюсь употребить эти громкие, слишком значительные слова, хотя они в данном случае близки к истине, – в нашей стране, в среде моего поколения, наиболее твердым и постоянным уважением и авторитетом»⁸⁴⁹.

Подобный – полуофициальный – статус преемника создавал для Молотова колоссальные проблемы. Сталин видел в нем не только, а может, и не столько преданного соратника, сколько соперника. А другие коллеги по пятерке и Политбюро – как главное препятствие на их собственном пути на властную вершину. «Все понимали, что преемник будет русским, и вообще, Молотов был очевидной фигурой, – утверждал Микоян. – Но Сталину это не нравилось, он где-то опасался Молотова: обычно держал его у себя в кабинете по многу часов, чтобы все видели как бы важность Молотова и внимание к нему Сталина. На самом же деле Сталин старался не давать ему работать самостоятельно и изолировать от других, не давать общаться с кем бы то ни было без своего присутствия»⁸⁵⁰. Молотов по-пре-

жнему с огромным пietетом относился к Сталину. Он и в конце жизни считал, что без Сталина мы бы и войну не выиграли. И, конечно, не претендовал на его место.

В тройку наиболее часто посещавших кабинет Сталина – после Молотова – в военные и первые послевоенные годы входили Берия и Маленков, составившие плотную связку. Молотов крайне негативно относился к Берии, считая его человеком больших способностей, талантливым организатором, но беспричинным, далеким от марксизма, трусливым, готовым идти на все для достижения своих целей. В ПБ знали, что Берия собирал досье на все высшее руководство и активно его использовал. Берия приложит очень серьезные усилия для дискредитации и ослабления позиций Молотова. К Маленкову он не испытывал столь негативных эмоций.

В начале октября, как пишут многие солидные исследователи, у Сталина случился инсульт, из-за чего 3 октября, в день завершения Лондонской конференции СМИД, Политбюро оформило ему отпуск, чтобы скрыть это обстоятельство⁸⁵¹. Молотов ни о чем таком не вспоминал. И если инсульт был, то, очевидно, из разряда микроинсультов. Во всяком случае, он не мешал Сталину проводить встречи и впервые за девять лет отбыть в Сочи и давать оттуда руководящие указания. За главного в Москве оставался Молотов, претензии к которому появились сразу же. 13 октября Stalin шлет четверке гневное послание: «Как выяснилось, руководящие люди США и Англии гораздо лучше знакомы с делами конференции трех держав или министров, чем мы, советские руководители. Они знакомы в точности не только с высказываниями своих представителей на конференции, но и высказываниями советских делегатов... Принять за правило, чтобы Stalin, Молотов, Микоян и другие руководящие товарищи, обязанные в силу занимаемых должностей встречаться с представителями иностранных держав, рассылали Сталину, Молотову, Берии, Микояну, Маленкову запись всех речей или подробное изложение всех речей»⁸⁵².

Дальше – хуже. Исчезновение Сталина из Москвы вызвало в мировой прессе и в дипломатических кругах массу слухов и спекуляций. Зарубежные газеты пестрели заголовками о его тяжелой болезни, состоявшейся или скорой отставке, а одна турецкая газета даже поспешила сообщить о смерти вождя. Обсуждался вопрос о преемнике, и, вероятнее всего, с подачи Берии (это ему прямо инкриминировали на июльском пленуме 1953 года) в журналистский пул была вброшена версия о развернувшейся битве за власть в Кремле, сильнейшими фигурами в которой объявлялись Молотов и Жуков (они же были

наиболее сильными конкурентами Берии). Британская «Daily Express» уверяла, что Сталин готовится передать дела Молотову и стать «почетным старейшиной». «Chicago Tribune» повествовала о том, что «честолюбивые планы маршала Жукова стать диктатором имеют за собой поддержку армии, в то время как за Молотовым стоит коммунистическая партия». Такие публикации любовно подбирались ведомством Берии и направлялись Сталину.

Конфликт между Молотовым и Жуковым в те дни действительно был. Но касался он совсем других материй. 20 октября начальник тыла генерал Хрулев направил Молотову секретное послание: «В ноябре с/г заседание Союзного Контрольного Совета в Германии будет проходить под председательством Маршала Советского Союза тов. Жукова. По установившемуся порядку, обслуживание питанием участников заседаний производит председательствующий». Для этого было запрошено колбасы в ассортименте и копченостей – 4 тонны, икры – 3 тонны, рыбных деликатесов – 8 тонн, шпрот, сардин и других консервов – 12 тысяч банок, кондитерских изделий в ассортименте – 3 тонны, водки – 10 тысяч литров, вин и коньяков – 70 тысяч литров, папирос высшего сорта – 700 тысяч штук. На записке Молотов наложил резолюцию: «Тт. Булганину, Хрулеву. Нельзя “угощенье” превращать в пиршество несусветных размеров. Если раз в сто и больше сократить некоторые продукты (икра, вина и др.), вычеркнуть все роскошества (ананасы, варенье и т. п.), тогда я не возражаю»⁸⁵³. Как видим, к смещению Сталина это отношения не имело.

Мировые лидеры тоже интересовались судьбой советского лидера. 15 октября Гарриман напросился на встречу с Молотовым и заявил, что получил срочное послание от Трумэна для Сталина с поручением вручить лично⁸⁵⁴. Сталин приезд посла в Сочи одобрил. Послание Трумэна касалось трех основных вопросов: механизма заключения мирных договоров с союзниками Германии, сотрудничества по Японии, правительств Румынии и Болгарии. По возвращении в Москву 29 октября посол посетил Молотова, чтобы обсудить создание Дальневосточной комиссии (включая политические вопросы и работу Контрольного совета) для претворения в жизнь условий капитуляции и оккупации Японии. Молотов признал американский проект в целом приемлемым, согласившись с американским предложением по процедуре голосования в Дальневосточной комиссии – большинством голосов⁸⁵⁵.

Подтверждение Гарримана о том, что Сталин находится в добром здравии, сбило волну слухов в мире. Но не раз-

дражение, которое копилось у Сталина в отношении своего заместителя. Прочтя запись беседы Молотова и Гарримана, Stalin подчеркнул: «Манера Молотова отделять себя от правительства и изображать себя либеральнее и уступчивее, чем правительство, – никуда не годится»⁸⁵⁶. Stalin сам составил ответную ноту американцам, в которой выдвигалось требование принципа единогласия. Политбюро в порядке встречной инициативы приняло решение, в котором признавало «неправильной манеру Молотова отделять себя от правительства и изображать себя либеральнее и уступчивее, чем правительство», к чему сам он сделал приписку: «Постараюсь впредь не допускать подобных ошибок»⁸⁵⁷. 5 ноября Молотов вручил Гарриману сталинские предложения, но они будут Вашингтоном отвергнуты, поскольку «представляют собой отрицание принципа главной ответственности Соединенных Штатов в Японии».

В речи по поводу 28-й годовщины Октябрьской революции Молотов, отдав должное героизму и жертвам советского народа, много внимания уделил международным делам:

– У нас нет более важной задачи, чем задача закрепить нашу победу, которой мы добились в непреклонной борьбе и которая открыла путь к новому великому подъему нашей страны и к дальнейшему повышению жизненного уровня нашего народа. Мы не можем забыть обо всем этом и должны требовать от стран, развязавших войну, хотя бы частичного возмещения причиненного ущерба. Однако среди нас нет сторонников политики мести в отношении побежденных народов. Не обиды за прошлое должны руководить нами, а интересы охраны мира и безопасности народов в послевоенный период⁸⁵⁸.

Так совпало, что 8 ноября в палате общин выступал Черчилль, который выразил «чувство глубокой благодарности, которой мы обязаны благородному русскому народу» и «величайшее восхищение» по отношению к Stalinu. На следующий день сообщение ТАСС с изложением основных положений речи напечатала «Правда»⁸⁵⁹. Stalin из Сочи шлет гневную шифровку: «Считаю ошибкой опубликование речи Черчилля с восхвалением России и Stalina... У нас имеется теперь не мало ответственных работников, которые приходят в телячий восторг от похвал со стороны Черчиллей, Трумэнов, Бирнсов и, наоборот, впадают в уныние от неблагоприятных отзывов со стороны этих господ. Такие настроения я считаю опасными, так как они развиваются у нас угодничество перед иностранными фигурами»⁸⁶⁰. Молотов был единственным в «четверке», кто встречался со всеми названными западными лидерами и кон-

тролировал содержание публикаций по внешнеполитической проблематике.

Молотов думал легко отделаться, ответив Сталину на следующий день: «Опубликование сокращенной речи Черчилля было разрешено мною. Считаю это ошибкой, потому что даже в напечатанном у нас виде получилось, что восхваление России и Сталина Черчиллем служит для него маскировкой враждебных Советскому Союзу целей. Во всяком случае, ее нельзя было публиковать без твоего согласия»⁸⁶¹. После этого гнев Сталина на какое-то время смягчился, чему, полагаю, способствовали некоторые внешнеполитические успехи в Восточной Европе. В Югославии после разрыва союза Шубашича и Тито состоялись выборы, которые принесли 96 процентов голосов кандидатам Народного фронта. Они заняли все места в Учредительной скупщине, а 80 процентов мандатов достались коммунистам. Выборы в болгарский парламент 18 ноября тоже принесли полную победу – более 80 процентов голосов – Отечественному фронту, в который под руководством коммунистов входили также Земледельческий народный союз и Социал-демократическая партия.

Но 1 декабря британская «Daily Herald» со ссылкой на «советские источники в Москве» поместила статью о возвращении Молотова на должность главы правительства. «На сегодняшний день, – писал корреспондент, – политическое руководство Советским Союзом находится в руках Молотова, при наличии, конечно, общих директив со стороны Политбюро»⁸⁶². Возмущению Сталина не было предела, причем возмущался он не столько английскими журналистами, сколько Молотовым. Stalin позвонил ему и устроил разнос: «Я предупредил Молотова по телефону, что отдел печати НКИД допустил ошибку, пропустив корреспонденции газеты “Дейли Геральд” из Москвы, где излагаются всякие небылицы и клеветнические измышления насчет нашего правительства, насчет взаимоотношений членов правительства и насчет Сталина. Молотов мне ответил, что он считал, что следует относиться к иностранным корреспондентам более либерально и можно было бы пропускать корреспонденции без особых строгостей. Я ответил, что это вредно для нашего государства. Молотов сказал, что он немедленно даст распоряжение восстановить строгую цензуру»⁸⁶³.

Но 3 декабря Stalin прочел сообщение агентства Рейтер о состоянии цензуры в СССР, в котором Молотова называли инициатором новой готовности поднять «железный занавес». На приеме 7 ноября он якобы заявил американскому корреспонденту: «Я знаю, что вы, корреспонденты, хотите устраниć

русскую цензуру. Что бы вы сказали, если бы я согласился с этим на условиях взаимности?» Через несколько дней корреспонденты действительно заметили ослабление цензуры. На стол Сталина попала и статья из «The New York Times», где говорилось, что Политбюро отправило Сталина в отпуск сразу после возвращения Молотова из Лондона и обрело самостоятельность в принятии политических решений⁸⁶⁴. Stalin вне себя. В послании 5 декабря он демонстративно игнорирует Молотова, превращая «четверку» в «тройку»: «Если Молотов распорядился дня три назад навести строгую цензуру, а отдел печати НКИД не выполнил этого распоряжения, то надо привлечь к ответу отдел печати НКИД. Если же Молотов забыл распорядиться, то отдел печати НКИД ни при чем и надо привлечь к ответу Молотова»⁸⁶⁵.

6 декабря «тройка» доложила о результатах своего расследования: «1. После Вашего указания Молотову 2 декабря по поводу телеграммы московского корреспондента «Дейли Геральд» Молотов немедля дал соответствующие распоряжения отделу печати НКИД и после этого со стороны отдела печати не было подобного рода упущений. Телеграмма же московского корреспондента «Нью-Йорк Таймс» была послана из Москвы 30 ноября, появилась в «Нью-Йорк Таймсе» 1 декабря, а ТАСС разослал эту телеграмму 3 декабря. Некоторое ослабление в цензуре над телеграммами инкоров в ноябре месяце имело место в соответствии с указаниями Молотова отделу печати НКИД... Что касается той части сообщения Рейтера, где говорится о разговоре Молотова с американским корреспондентом на приеме 7 ноября, то, по заявлению Молотова, ему приписаны слова, которых он не говорил... Принимаем меры к укреплению отдела печати НКИД квалифицированными работниками»⁸⁶⁶.

Ответ Сталина не просто не устроил: «Вашу шифровку получил. Я считаю ее совершенно неудовлетворительной. Она является результатом наивности трех, с одной стороны, ловкости рук четвертого члена, то есть Молотова, с другой стороны. Что бы Вы там ни писали, Вы не можете отрицать, что Молотов читал в телеграммах ТАССа и корреспонденцию «Дейли Геральд», и сообщения «Нью-Йорк Таймс», и сообщения Рейтера. Молотов читал их раньше меня и не мог не знать, что пасквили на Советское правительство, содержащиеся в этих сообщениях, вредно отражаются на престиже и интересах нашего государства. Однако он не принял никаких мер, чтобы положить конец безобразию, пока я не вмешался в это дело. Почему он не принял мер? Не потому ли, что Молотов считает в порядке вещей фигурирование таких пасквилей особенно после того, как он

дал обещание иностранным корреспондентам насчет либерального отношения к их корреспонденциям? Никто из нас не вправе единолично распоряжаться в деле изменения курса нашей политики. А Молотов присвоил себе это право. Почему, на каком основании? Не потому ли, что пасквили входят в план его работы?.. До Вашей шифровки я думал, что можно ограничиться выговором в отношении Молотова. Теперь этого уже недостаточно. Я убедился в том, что Молотов не очень дорожит интересами нашего государства и престижем нашего правительства, лишь бы добиться популярности среди некоторых иностранных кругов. Я не могу больше считать такого товарища своим первым заместителем. Эту шифровку я посыпаю только Вам трем. Я ее не послал Молотову, так как я не верю в добросовестность некоторых близких ему людей. Я Вас прошу вызвать к себе Молотова, прочесть ему эту мою телеграмму полностью, но копии ему не передавать»⁸⁶⁷.

Такой знаток сталинского эпистолярного наследия, как Хлевнюк, замечает: «Телеграмма Сталина от 6 декабря 1945 г. содержала, пожалуй, самые резкие обвинения, которые Stalin когда-либо выдвигал против своих ближайших соратников, если не считать, конечно, тех членов Политбюро, которые были расстреляны»⁸⁶⁸. «Тройка» приглашает Молотова на ковер, и он понимает, что его судьба висит на волоске. Товарищи, полагаю, осуществили акт экзекуции над ним не без злорадства. И не без опасений: если Stalin мог так поступить с Молотовым, то тем более он поступит подобным образом и в отношении их. А с другой стороны, Stalin мог еще переменить гнев в отношении Молотова на милость – и что тогда?

Берия, Маленков и Микоян 7 декабря отвечают в Сочи: «Вызвали Молотова к себе, прочли ему телеграмму полностью. Молотов после некоторого раздумья сказал, что он допустил кучу ошибок, но считает несправедливым недоверие к нему, прослезился... Мы напомнили Молотову о его крупной ошибке в Лондоне, когда он на Совете министров сдал позиции, отвоеванные Советским Союзом в Потсдаме, и уступил нажиму англо-американцев, согласившись на обсуждение всех мирных договоров в составе 5 министров... Мы привели Молотову другой пример, когда он противопоставил себя Советскому правительству, высказав Гарриману свою личную, уступчивую и невыгодную для нас позицию по вопросу голосования в Дальневосточной комиссии... Наконец, мы сказали Молотову, что все сделанные им ошибки за последний период, в том числе и ошибки в вопросах цензуры, идут в одном плане политики уступок англо-американцам, и что в глазах иностранцев скла-

дается мнение, что у Молотова своя политика, отличная от политики правительства и Сталина, и что с ним, с Молотовым, можно сработать. Молотов заявил нам, что он допустил много ошибок»⁸⁶⁹.

Молотов ответил Сталину в тот же день самостоятельно: «Сознаю, что мною допущены серьезные политические ошибки в работе. К числу таких ошибок относится проявление в последнее время фальшивого либеральничанья в отношении московских инкоров. Твоя шифровка проникнута глубоким недоверием ко мне как большевику и человеку, что принимаю, как самое серьезное партийное предостережение для всей моей дальнейшей работы, где бы я ни работал. Постараюсь делом заслужить твое доверие, в котором каждый честный большевик видит не просто личное доверие, а доверие партии, которое мне дороже моей жизни»⁸⁷⁰.

Сталин продолжает бушевать, Молотову не отвечает. 8 декабря он отчитывает «тройку»: «Вашу шифровку от 7-го декабря получил. Шифровка производит неприятное впечатление ввиду наличия в ней ряда явно фальшивых положений. Кроме того, я не согласен с Вашей трактовкой вопроса по существу. Подробности потом в Москве»⁸⁷¹. Мучительная, уверен, для Молотова пауза. Но вот 9 декабря удивительная метаморфоза. Приходит послание «тов. Молотову для четверки». В нем, как ни в чем не бывало, Сталин писал: «Анализируя события внешней политики за период от Лондонской конференции пяти министров до предстоящей конференции трех министров в Москве, можно прийти к следующим выводам: Мы выиграли борьбу по вопросам, обсуждавшимся в Лондоне, благодаря нашей стойкости... Мы выиграли борьбу в Болгарии, Югославии. Об этом говорят результаты выборов в этих странах... Одно время Вы поддались на jakiu и запугиванию со стороны США, стали колебаться, приняли либеральный курс в отношении иностранных корреспондентов и выдали свое собственное правительство на поругание этим корреспондентам, рассчитывая умилостивить этим США и Англию. Ваш расчет был, конечно, наивным. Я боялся, что этим либерализмом Вы сорвете нашу политику стойкости и тем подведете наше государство... Очевидно, что имея дело с такими партнерами, как США и Англия, мы не можем добиться чего-либо серьезного, если начнем поддаваться запугиванием или проявим колебания... Этой же политикой стойкости и выдержки нужно руководствоваться нам в своей работе на предстоящей конференции трех министров»⁸⁷².

Почему вдруг Сталин резко смягчил свой гнев? Бог весть. Но понятно, что заменить Молотова в тот момент было неудоб-

но, да и некем. Тем более когда в Москву неожиданно собрались главы внешнеполитических ведомств союзников.

...Осенью 1945 года в американском Объединенном комитете начальников штабов была разработана новая «Стратегическая концепция и план использования вооруженных сил США», где утверждалось, что «единственной ведущей державой, с которой США могут войти в конфликт, неразрешимый в рамках ООН, является СССР». На основе этой логики были разработаны «Стратегическая концепция разгрома России» и первый конкретный план войны, получивший название «Тоталити». Он предусматривал ядерные бомбардировки двадцати крупнейших городов Советского Союза, включая Москву, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов⁸⁷³. Одновременно с этим ряд влиятельных чиновников, в том числе заместитель госсекретаря Дин Ачесон и Чарлз Болен, предлагали признать советскую сферу влияния в Восточной Европе и отказаться от поддержки там антисоветских сил взамен на обещание Москвы оставить эти страны открытыми для западного влияния. Американское общественное мнение еще не отошло от чувства благодарности Советскому Союзу за разгром нацизма. Тупик в отношениях с Москвой не устраивал и амбициозного Бирнса. Он решил протянуть руку, предложив провести конференцию министров в ялтинско-потсдамском трехстороннем формате⁸⁷⁴.

Москве понравилось, что госсекретарь неставил никаких предварительных условий, готов был обсуждать на встрече любые вопросы и внес предложение о ее проведении без согласования с Лондоном, что давало намек на возможность игры на «межимпериалистических противоречиях». Совещание открылось 16 декабря на Спирidonовке с предложения Бирнса сделать его председателем советского наркома. Относительно быстро договорились о повестке: мирные договоры, управление Японией, создание администрации в Корее, неформальный обмен мнениями о Китае, вывод британских войск из Греции и Индонезии и советских – из Ирана. «По просьбе Молотова первый пункт в нашем проекте повестки – атомное оружие – был поставлен в конец повестки, – вспоминал Бирнс. – Это был способ проинформировать меня, что он считал это вопросом небольшой важности»⁸⁷⁵.

19 декабря Кеннан описывал в дневнике атмосферу переговоров: «По лицу Бевина было ясно видно, что ему глубоко неприятно все происходящее. Насколько мне известно, он и вовсе не хотел приезжать в Москву, понимая, что из этой затеи ничего хорошего не выйдет... Молотов, который вел заседа-

ние, подался вперед над столом, с русской сигаретой во рту, его глаза излучали удовлетворение и уверенность, когда он бросал взоры то на одного, то на другого министра иностранных дел, поскольку знал о разногласиях между ними и об их общей неуверенности перед лицом острой, беспощадной проницательности российской дипломатии. Он походил на азартного игрока в покер, который знает, что у него на руках ройал флэш, и ожидает ставки последнего игрока. Он единственный, кто получал истинное наслаждение от каждой минуты заседания». Слабость позиции Бирнса на московских переговорах Кеннан видел в том, что «ему нужно просто достичь любого соглашения. Реальность, стоящая за соглашением, мало его интересует, поскольку она касается корейцев, румын и иранцев, о которых он не знает ничего. Он хочет соглашение, чтобы произвести политический эффект дома. Русские это знают. Они увидят, что за искусственный успех он платит большую цену в совершенно реальных вопросах»⁸⁷⁶.

Бевина в Москве тоже пытались задобрить, как могли. Молотов рассказывал: «Узнали мы, что Бевин, английский министр иностранных дел, неравнодушен к картине Репина “Запорожцы пишут письмо турецкому султану”. Ну и перед одним из заседаний министров иностранных дел великих держав сделали ему сюрприз: привезли из Третьяковки эту картину и повесили перед входом в комнату заседаний. Бевин остановился и долго смотрел на картину. Потом сказал: “Удивительно! Ни одного порядочного человека!”»⁸⁷⁷.

Бирнс заявил о согласии на советское условие: Франция и Китай не присутствуют на обсуждении мирных договоров со странами, с которыми они не подписывали условия перемирия. Но только «при условии, что Молотов примет предложенный им список» участников мирной конференции: США, СССР, Англия, Франция, Китай, Австралия, Бельгия, Бразилия, Канада, Чехословакия, Эфиопия, Греция, Индия, Голландия, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Южно-Африканский Союз, Югославия, Белоруссия, Украина⁸⁷⁸.

– Норвегия не объявила войны Финляндии, Польша не объявила войны Румынии, а Голландия – Венгрии, – пытался спорить Молотов. – И после прошлой мировой войны состав государств, подписавший мирные договоры с отдельными странами, был различным. Одни государства подписали Версальский договор с Германией, другие – мирный договор с Болгарией в Нейи, третьи – мирный договор с Венгрией в Трианоне.

Но американцы проявили неуступчивость, и советская сторона согласилась с предложенным списком⁸⁷⁹. После этого

быстро согласились на созыв мирной конференции в Париже не позже 1 мая 1946 года.

Сталин, вернувшись в Москву, 23 декабря встретился с главами делегаций. Бевина интересовала ситуация на Балканах:

— Мне трудно пришлось на переговорах с Молотовым по этому вопросу, который остается нерешенным и служит источником трений между союзными правительствами. Не мог ли бы генералиссимус Сталин выступить в качестве арбитра?

— Молотов не примет такой арбитраж, — заметил Сталин.

— Я заранее согласен с таким арбитражем, — поспешил заверить Молотов.

Бирнс сослался на мнение независимого американского журналиста, который специально был направлен в Болгарию и Румынию и вынес весьма неблагоприятное впечатление от политики их правительств. Его доклад может быть скоро опубликован.

— Тогда советское правительство опубликует доклад Эренбурга, независимого писателя и антифашиста, — пообещал в ответ Сталин⁸⁸⁰.

Весь следующий день на конференции обсуждали Румынию и Болгарию — вплоть до ужина, который совпал с празднованием католического Рождества. Сталин посадил Бирнса по правую руку, а Бевина — по левую. Заверив их, что после отдыха чувствует себя «лучше, чем когда-либо за последние годы», Сталин выразил недовольство по поводу неучета советских интересов в Триполитании.

— Насколько мне видится, у Соединенного Королевства в сфере влияния имеется Индия и все владения в Индийском океане, у Соединенных Штатов есть Китай и Япония, а у СССР — ничего.

— Русская сфера влияния, — возразил Бевин, — распространяется от Любека до Порт-Артура⁸⁸¹.

На приеме был Джеймс Конант — ректор Гарварда и один из виднейших физиков, участвовавших в ядерном проекте. Молотов в одном из тостов подшутил на тему, нет ли у Конанта в кармане расщепляющихся материалов. Сталин поднялся с места и спокойно произнес, что ядерный вопрос слишком серьезен, чтобы быть предметом шуток. И поздравил американских и английских ядерщиков с их большим достижением. Зафиксировавший это Чарлз Болен подчеркнул: «Там, в банкетном зале Кремля, мы увидели, как Сталин резко изменил советскую политику, не проконсультировавшись с человеком номер два. Униженный Молотов даже не изменился в лице. Начиная с этого момента, Советы уделяли атомной бомбе то серьезное вни-

мание, которого она заслуживала»⁸⁸². Болен не понял, что стал свидетелем очередного спектакля, разыгранного на его глазах Молотовым и Сталиным, а их внимание к ядерной проблематике было первостепенным задолго до этой ночи перед Рождеством и не ослабевало после.

25 декабря конференция возобновилась обсуждением балканских дел, а также вопроса об Иране: Запад требовал досрочного вывода оттуда советских войск. Бирнс в середине дня попросил о личной встрече с Молотовым. Удалось снять разногласия по Румынии, но Болгария и Иран оставались на столе. В 2.20 пополуночи протоколы встречи были подготовлены к подписанию. Бирнс уже занес ручку, чтобы их подписать, как вдруг Молотов заявил, что «по ошибке» был предложен советский вариант протокола по Болгарии, но, если партнеры не возражают, его можно было бы и подписать. Бирнс заупрямился и заявил, что американские предложения ближе к компромиссу. Неожиданно Молотов согласился их принять.

– А у вас случайно нет в кармане еще какой-нибудь « ошибки», чтобы мы могли удовлетворительно решить иранский вопрос? – оживился Бевин.

– К сожалению, больше нет, – улыбнулся Молотов.

В 3.30 исправленный протокол был подписан. Англия и США согласились с признанием правительства Болгарии и Румынии при условии символического представительства в них прозападной «лояльной оппозиции», а Москва согласилась с американским преобладанием в Японии, обговорив для себя расширение функций в совещательной Дальневосточной комиссии. Бирнс поддержал создание комиссии по ядерной энергии под эгидой ООН. После конференции Трумэн сделал госсекретарю письменный выговор, сочтя его уступки, особенно по японскому и ядерному вопросам, недопустимым умиротворением. Президент высказал мнение, что «если с Россией не обращаться железным кулаком и твердым языком, то неизбежна еще одна война... Я устал нянчиться с русскими»⁸⁸³.

Министры разъехались из Москвы, и 29 декабря состоялось заседание Политбюро, принявшее несколько решений в рамках начавшегося после возвращения Сталина «разбора полетов». Было усилено внешнеполитическое направление. В аппарате ЦК создавался отдел внешней политики с функциями подготовки и проверки дипломатических кадров. Состав комиссии по внешним делам при Политбюро был утвержден в следующем составе: Сталин, Молотов, Берия, Микоян, Маленков, Жданов. «Пятерка» превратилась в «шестерку»: добавился Жданов. Он же курировал отдел внешней политики ЦК. Самим отделом

вместо Георгия Димитрова, возглавившего родную Болгарию, стал руководить Михаил Суслов, отзованный из Вильнюса.

В марте 1946 года был созван первый послевоенный пленум ЦК, на котором было принято решение о переименовании наркоматов в министерства. Состав членов ПБ пополнился Берией и Маленковым, а кандидатов – Булганиным и Косыгиным. Жданов вместе со Сталиным начал подписывать совместные постановления ЦК и Совета министров. Сессия Верховного Совета 19 марта согласилась с отставкой прежнего правительства и без прений утвердила новое, состав которого в газетах был опубликован в следующем порядке: Сталин – председатель, заместители – Молотов, Берия, Андреев, Микоян, Косыгин, Вознесенский, Ворошилов, Каганович. Но уже 20-го вышло секретное постановление Совмина, в соответствии с которым «вместо существующих двух оперативных бюро Совнаркома» было создано единое бюро Совета министров в составе всех заместителей его председателя. Его главой стал Берия, а его заместителями – Вознесенский и Косыгин. Молотов остался заместителем председателя Совета министров, но без прежней приставки «первый», и министром иностранных дел. Принятым 28 марта постановлением Совмина о распределении обязанностей между заместителями председателя правительства за Молотовым, помимо МИДа, было закреплено очень немногого – Министерство юстиции, Комитет по делам высшей школы, Комитет по радиофикации и радиовещанию, а также ТАСС⁸⁸⁴.

Приказом Молотова была создана комиссия по реорганизации новоиспеченного Министерства иностранных дел СССР. Принцип реформы заключался в том, чтобы «по значительным странам, обслуживаляемым соответствующим отделом, работало бы в среднем 2–3 ответственных сотрудника, которые бы специализировались по этим странам и в случае необходимости могли быть направлены в качестве дипломатических работников». В отделах, занимавшихся одной крупной или группой важных стран (отдел США, Первый Европейский и т. п.), предусматривалась и тематическая специализация дипломатов: внутренняя политика, внешняя политика, двусторонние отношения. 27 мая ПБ одобрило представленные Молотовым предложения, и новая структура и штатное расписание были введены приказом министра от 25 июля. У Молотова было четыре заместителя – Вышинский, Деканозов, Литвинов и Лозовский. Штат министерства заметно вырос – до 1642 человек по сравнению с 755 в 1945 году. СССР поддерживал дипломатические отношения с 50 государствами и имел свои посольства в 44 из них⁸⁸⁵.

Позитивной динамики от московской встречи трех минис-

тров хватило ненадолго. Донести их позицию до румынского правительства было поручено Вышинскому, Гарриману и Керру, которые 31 декабря прибыли в Бухарест и на следующий день встретились с королем Михаэем и членами правительства. 8 января 1946 года Вышинский информировал Молотова, что «результатом консультаций явилось выдвижение кандидатуры г-на Э. Хагиегану Национал-царанистской партией и кандидатуры М. Ромничеану Национально-либеральной партией для включения их в состав румынского правительства»⁸⁸⁶. Путь к дипломатическому признанию Румынии, казалось, был открыт. Но затем Гарриман доложил в Вашингтон, что миссия в Бухаресте не привела к значимым изменениям в правительстве Грозы и что попытки изменить кабинет министров Болгарии также были безуспешными. Представитель Ирана обратился к Бирнсу с вопросом о возможности внесения в Совбез жалобы на присутствие там советских войск. И самым первым вопросом, рассмотренным Совбезом ООН, стали обвинения в адрес СССР за агрессию в Иране. В ответ два дня спустя Москва внесла жалобу на присутствие британских войск в Греции, а Киев – на их пребывание в Индонезии⁸⁸⁷.

В речи 9 февраля Сталин возродил установку о капитализме как источнике войн и призвал советских людей быть готовыми «к любым неожиданностям». А из Москвы в Госдепартамент ушла знаменитая «длинная телеграмма» временного поверенного Джорджа Кеннана. Именно он отлил в чеканные формулировки тот демонический образ Советского Союза, который оказался столь востребованным в администрации США: СССР – от природы враждебная Западу сила, движимая идеями экспансии и нуждающаяся во внешних врагах для спасения своей тоталитарной системы; руководство СССР воспринимает только логику силы и поэтому должно быть сдержано преобладающей силой Запада.

Стратегия прояснилась: отпор «советской экспансии» по всему миру – силовое давление, «сдерживание». Общественное мнение США готовили к резкой смене противника. 5 марта Уинстон Черчиль в полумраке Вестминстерского колледжа в городе Фултоне, штат Миссouri, выступил с речью, согласованной с Трумэном и в его присутствии: «От Щецина на Балтийском море до Триеста на Адриатическом железный занавес разделил Европейский континент»⁸⁸⁸. Для разрушения этого занавеса необходимо англо-американское военно-стратегическое сотрудничество.

«Сталин и Молотов не могли не понимать, во что может вылиться англо-американский союз с геополитической точки

зрения: экономический потенциал Америки и ее ядерная монополия в сочетании с военными базами Британской империи, расположеными по всему земному шару, – эта комбинация ставила Советский Союз в опасное окружение»⁸⁸⁹, – отмечал Владислав Зубок. Сталин 13 марта дал интервью «Правде», в котором утверждал: «По сути дела господин Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны... Господин Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей»⁸⁹⁰.

На 25 марта по настоянию американцев были назначены слушания по Ирану в Совете Безопасности ООН. Москва обнаружила себя в этом вопросе в полной изоляции. «Мы начали щупать этот вопрос – никто не поддерживает»⁸⁹¹, – вспоминал Молотов. Советское правительство заявило о готовности вывести свои войска из Ирана. А 7 апреля Молотов передал Бирнсу согласие назначить заседание СМИД в Париже⁸⁹². В Вашингтоне все это было расценено как успех, который принесло жесткое давление на Москву с элементами ядерного шантажа.

В Париже и Нью-Йорке

Вторая сессия СМИД открылась в Париже 25 апреля 1946 года. На сей раз Молотов, не рискуя навлечь гнев Сталина, не возражал против участия Франции в обсуждении мирных договоров с Балканскими странами. Тем более что коммунисты входили теперь в состав французского правительства. 28 апреля Бирнс пригласил Молотова на обед в отель «Мерис», где остановилась американская делегация. Государственному секретарю этот визит запомнился в первую очередь тем, что охрана советского министра перерыла весь его обширный президентский номер, а затем долго не пускала миссис Бирнс в ее спальню⁸⁹³. Молотов был настроен весьма решительно:

– Как будут союзники заключать мирный договор с Болгарией, когда США и Англия не признали еще болгарского правительства? В последнее время действия правительства США были направлены против СССР и способствовали созданию атмосферы недоверия и развертыванию международной кампании, враждебной СССР. Правительство США настаивало на оставлении иранского вопроса в Совете Безопасности вопреки просьбам СССР и Ирана.

Бирнс в ответ поставил вопрос о мотивах Советского Союза – безопасность или экспансия?⁸⁹⁴ Молотов ушел от идеологической дискуссии и этим вызвал недовольство Сталина: «Бирнс

наступал, а Вы оборонялись, тогда как Вы имели все основания наступать». «Инстанция» призывала «отстаивать позицию обличения и наступления против империалистических тенденций США и Англии»⁸⁹⁵. Повод исполнить указание руководства представился 5 мая, когда Бирнс был приглашен Молотовым на ужин в советское посольство.

Молотов:

– Удивительно, что Черчилль выбрал именно США для выступления со своей речью, которая была не чем иным, как призывом к новой войне.

– Он выступал не как член британского правительства, а под свою ответственность, ни я, ни Трумэн не видели речи Черчилля заранее, – соврал Бирнс.

На что последовала атака Молотова в духе установки сверху:

– Нельзя оправдывать Черчилля, провозгласившего новую расовую теорию, теорию англосаксонского господства над миром, с которой далеко не все согласятся. В мире нет почти ни одного уголка, куда бы США ни обращали свои взоры. США всюду организуют свои авиационные базы: в Исландии, Греции, Италии, Турции, Китае, Индонезии и других местах, имеют большое количество военно-морских и авиационных баз в Тихом океане. США до сих пор держат свои войска в Исландии вопреки протестам исландского правительства, а также в Китае, хотя Советский Союз уже вывел свои войска из Китая. СССР не имеет за своими пределами ни одного солдата за исключением тех стран, где это предусмотрено опубликованными договорами⁸⁹⁶.

Стороны, естественно, остались на своих позициях. Стоило Бевину на следующий день заикнуться о «новых охотниках до старого империализма», как он получил от Молотова длинную отповедь, в которой сравнил британского министра с «поджигателем войны Черчиллем».

Достаточно быстро удалось договориться по вопросу о границе между Венгрией и Румынией: 7 мая были аннулированы решения Венского арбитража, вся Трансильвания возвращалась Румынии⁸⁹⁷. Далее речь пошла о демилитаризации Германии. Молотов рассказывал: «Франция вновь настаивала на отделении от Германии Пурской, Рейнской и Саарской областей, но обсуждение этого вопроса на парижской сессии не развернулось»⁸⁹⁸. Советская делегация отстаивала сохранение Германии как «единого, демократического и миролюбивого государства», выступала против ее расчленения⁸⁹⁹.

Дискуссии по колониальному вопросу нарком описывал следующим образом: «На Парижском совещании был изло-

жен британский проект, по которому почти все итальянские колонии должны были фактически перейти под контроль Англии. Колониальная империя Великобритании получила бы новое расширение своих прав в Северной и Северо-Восточной Африке»⁹⁰⁰. Молотов предложил формулу совместной союзно-итальянской опеки, при которой руководитель администрации назначался бы страной-союзницей (применительно к Триполитании – Советским Союзом), а его заместитель – Италией. Инструкция Бирнса по этому вопросу предусматривала «послать русских к черту».

Репарационный вопрос буксовал. Молотов возмущался тем, что «мы уже не первый раз встречаемся с таким положением, когда представители стран, не испытавших вторжения врага на свою территорию, подходят к этому вопросу не так, как Советский Союз. Это служило бы только новым подтверждением правильности русской поговорки, что “сытый голодного не разумеет”. Между тем, известно из официальных заявлений в итальянской печати о тех громадных суммах оккупационных расходов, которые несет Италия в пользу Англии и США»⁹⁰¹.

16 мая министры договорились сделать перерыв в заседании, чтобы продолжить его через месяц. Молотов подвел итоги уже проделанной работы: «Подготовку мирных договоров для Румынции, Болгарии, Венгрии и Финляндии, за исключением экономических статей, можно считать в основном законченной... В отношении мирного договора с Италией дело обстоит значительно сложнее. Здесь выявились разногласия по ряду основных вопросов, как, например, по вопросу о репарациях, по вопросу о судьбе бывших итальянских колоний, по вопросу об итalo-югославской границе и судьбе Триеста и по некоторым другим»⁹⁰².

Перерыв в Парижской конференции был использован Сталиным и Молотовым для работы с союзными странами. Советские руководители выступали в роли demiurgev, а порой – политических технологов. При этом – никаких даже намеков на форсированную большевизацию. 22 мая Молотов принимал чехословацкого посла Горака, который умолял помочь «принять решительные меры против банд бандеровцев, действующих в Восточной Словакии». Кроме того, Прага никак не могла определиться с границей с Польшей⁹⁰³. Советское правительство обратится со специальными посланиями к Варшаве и Праге по вопросу об урегулировании польско-чехословацких отношений и заключения договора о дружбе и взаимопомощи. И куда бы они делись?!

23 мая Сталин и Молотов приняли польскую делегацию под руководством Берута и Осубка-Моравского. Что делать с

Миколайчиком и его Крестьянской партией, которая при англо-американской поддержке активно набирала сторонников и сплачивала все антиправительственные силы, в том числе действовавшие в подполье, в лесах и в эмиграции? От ряда участников встречи звучали призывы изолировать Миколайчика и укрепить диктатуру пролетариата. На что Сталин заметил:

– В Польше нет диктатуры пролетариата, и она там не нужна. По сути дела, сейчас нет диктатуры пролетариата и в СССР⁹⁰⁴.

27 мая в Москву прибыла югославская делегация во главе с Тито и Ранковичем. Центральным был вопрос о возможной федерации Югославии, Болгарии и Албании. Сталин счел ее создание преждевременным. В те дни на Ближней даче Сталин и Молотов обговорили с Тито и Димитровым создание новой информационной структуры коммунистического движения, которая придет на смену Коминтерну – Коминформа.

Во время визита югославов умер Михаил Калинин. 5 июня много официальных лиц со всего мира находились на Красной площади, где шла церемония похорон. Но только Тито оказался на Мавзолее рядом со Сталиным и Молотовым. Именно югославского руководителя стали в тот момент рассматривать как самую влиятельную фигуру мирового комдвижения⁹⁰⁵.

Второй раунд Парижской конференции СМИД занял почти месяц – с 15 июня по 12 июля. Это не позволило Молотову стать свидетелем окончания школы дочерью. Он писал супруге: «Поздравляю тебя, Полинька, с блестящим окончанием школы Светланой и с награждением ее золотой медалью. Это – хорошая награда и за твои труды и заботы»⁹⁰⁶. Не обошлось без обмена взаимными поздравлениями и благодарностями с учителями: «Директору школы Моисеенко. Благодарю Вас и Педагогический совет за теплое поздравление по поводу окончания школы Светланой и присуждения ей золотой медали. В особенности благодарю учителей, которые сделали много хорошего для достижения этого прекрасного результата и для всех учащихся Вашей школы. Молотов»⁹⁰⁷. Светлана имела твердое намерение поступить в МГИМО. Девушек туда не принимали. Но с 1946 года стали – как раз ради того, чтобы она осуществила свою мечту.

В Париже наметились некоторые подвижки. Бирнс и Бевин согласились рассматривать в качестве основы для переговоров «французскую линию» итало-югославской границы, которая была наименее антиюгославской из всех западных предложений, а также сделать порт Триеста международным. Молотов согласился с предложением Парижа передать бывшие италь-

янские колонии под опеку Италии, увязывая это с уступкой по Триесту, на который претендовала Югославия. Но именно по этому вопросу западные партнеры заняли непримиримую позицию.

— США не намерены согласиться на передачу Югославии Триеста, где 75 процентов населения составляют итальянцы, — заявил Бирнс.

— Италия располагает десятками таких портов, как Триест. Ее интересы в Триесте будут обеспечены международными гарантиями. Для Югославии же Триест будет единственным портом, так как Фиуме и Поло полностью разрушены. Что касается итальянского населения Триеста, то следует помнить о том, что Муссолини, преследуя цель создания плацдарма на Балканах, искусственно заселял Триест и другие порты Юлийской Крайны итальянцами... Нельзя ставить Югославию, нашего союзника, столь тяжело пострадавшего в войне, на одну доску с Италией, которая в первой половине войны сражалась против союзников⁹⁰⁸, — настаивал Молотов.

Похоже, Сталин почувствовал, что возможность уступок с западной стороны исчерпана. «Я думаю, — писал наркому «Дружков», как Сталин тогда шифровался, — что не стоит срывать Парижское совещание министров из-за вопроса о Триесте»⁹⁰⁹. Молотов получил две-три резервные позиции по статусу Триеста и несколько дней по очереди пытался согласовать их. Отступление удалось остановить на последней позиции. 2 июля Молотов заявил о согласии с предложением Бидо о линии границы между Югославией и Италией и с интернационализацией Триеста. 3 июля СМИД согласился объявить этот город «свободной территорией».

...«Полинька, родная моя! Получил твое письмо с упреком и, конечно, готов признать свою вину. Должен все же сказать, что заняты мы были здесь очень сильно, так как канители с нашими партнерами очень много. Все же наметился некий сдвиг по мирным договорам, хотя мы и не достигли всего желаемого. Телеграммы вокруг «Конференции четырех» дают общее представление об этом. На очереди споры по германскому вопросу, что очень важно и будет иметь большой отклик в международной печати. Скучаю очень по тебе, моя милая, и по дочке, рвусь к вам всею душою, но еще несколько дней должен буду пробыть здесь. Скоро увидимся. Крепко целую, обнимая!»⁹¹⁰

Решающим на конференции стал день 5 июля, когда западные партнеры попросили о частной встрече министров, чтобы наконец определиться с датой открытия Мирной конференции и начать рассылку приглашений. Молотов согласился, но толь-

ко при наличии поддержки советских условий reparаций с Италии. Партнеры запротестовали: они не могли допустить, чтобы их заподозрили, будто они «купили» Мирную конференцию за 100 миллионов долларов. Молотов тут же нашел выход: давайте объявим дату – 29 июля, а вы мне обещаете после этого согласовать reparации. Измученные министры согласились. «Мы думаем, что у нас больше оснований рассчитывать на то, что на этом вопросе мы сломаем их антисоветское упорство, что для нас вдвойне выгодно, – информировал он «Дружкова». – При этом мы считаем, что по вопросу о Триесте и югославской границе мы договоримся на поправках к проекту Бидо». Сталин не возражал, и эта тактика себя оправдала⁹¹¹.

Но вопрос о Мирной конференции вопреки ожиданиям западных министров на этом не закрылся. «Мы ожидали, – писал Бирнс, – что приглашения будут направлены на следующий день, но мы сильно недооценили неистощимое упрямство мистера Молотова». На протяжении следующих четырех дней он добивался принятия четких процедурных правил предстоявшей конференции, настаивая на принятии всех решений большинством в две трети голосов. В какой-то момент Бевин был так взбешен, что с поднятыми кулаками поднялся из-за стола и готов был броситься на Молотова, но тот и глазом не повел. Партнерам пришлось в итоге согласиться, но Бирнс сделал оговорку о возможности изменения такой процедуры, если это решит сама Мирная конференция⁹¹².

Еще одним острым вопросом стал предложенный Бирнсом план демилитаризации Германии. Как реагировать? Сталин в несвойственной ему манере провел обсуждение путем опроса, к которому привлек 38 высших руководителей и экспертов. Сошлись на том, что целью американцев был вывод советских войск из Германии с ее последующим политическим объединением и экономическим поглощением Соединенными Штатами.

Отъезд в Москву задерживался.

«Полинька, милая моя! Я опять виноват, что не сразу ответил на твое письмо (второе). Должен сказать, что как-то вышло так, что в эту поездку я оказался еще больше занят и, главное, еще больше поглощен делами совещания, чем во время апрельско-майской поездки. Но теперь главное уже решено и притом в основном в желательном для нас смысле. Значит, мы не зря поработали. Но все это требует большого внимания, сосредоточенности и нервов – и только тогда выходит что-либо подходящее для нас. Могу без хвастовства сказать, что и наши партнеры почувствовали не раз, что имеют дело с людьми, знающими свои задачи и обязанности. Завтра (9/VII) мы должны перейти

к обсуждению германского вопроса. У меня готовы два выступления, предварительно утвержденные, которые будут полностью опубликованы в нашей прессе. Дело очень серьезное, и наши заявления должны прозвучать внушительно... Очень скучаю по тебе и дочке. Хочу поскорее вернуться в Москву и быть с вами. Только прошу тебя, родная, любимая моя, не нервничать. Теперь уже скоро я вернусь к тебе...»⁹¹³

Молотов выступил с заявлением «О судьбах Германии и мирном договоре с ней», мотивируя советские возражения тем, что Бирнс оставил в стороне вопросы репараций и демократизации политического строя Германии. В заключительный день работы Парижской сессии, 12 июля, Франция предложила отторгнуть от Германии в собственное управление Рейнскую область и Саар и интернационализировать Рур. Бирнс и Бевин не возражали, Москва была готова разменять это на репарации в размере 10 миллиардов долларов⁹¹⁴. Молотов поднял этот вопрос на обеде в честь Бирнса в советском посольстве. Тот был против конкретных сумм репараций. Молотов поднял и другой волновавший Москву вопрос: о перемещенных лицах, которых Запад не спешил возвращать в СССР.

– Американские власти не выдают изменников Советскому Союзу. Эти изменники заслуживали бы расстрела, но советское правительство готово предоставить им возможность искупить свои грехи трудом⁹¹⁵.

Проблема так полностью и не решится. Огромное количество власовцев, бандеровцев, прибалтийских фашистов останется на Западе, будет работать в американских спецслужбах. А их потомки составят костяк будущих экспертов СССР, творцов «цветных революций» и даже войдут в состав правительств независимых прибалтийских государств, Украины уже в XXI веке.

В целом Москва осталась довольна результатами Парижской сессии СМИД. Продвинулась подготовка мирных договоров с европейскими союзниками Германии, причем во многом – на советских условиях. Молотов информировал советских послов, что «по всем важнейшим вопросам мы достигли приемлемых для нас решений»⁹¹⁶.

Новое обострение отношений возникло в августе 1946 года в связи с продолжавшимся нажимом СССР на Турцию. 7 августа советское правительство выступило с повторным предложением о «совместной обороне» проливов. Анкара, опираясь на полную поддержку Запада, ответила решительным отказом. Именно в связи с «военной тревогой» вокруг Турции в Вашингтоне был разработан план региональной войны «Гридл», предусматривавший бомбардировки Советского Союза с ту-

рецкой территории с использованием ядерного оружия⁹¹⁷. В Турцию была направлена военно-морская армада, создавалось Средиземноморское командование американских ВМФ, закреплявшее постоянное присутствие флота США. «Хорошо, что вовремя отступили, – вспоминал Молотов, – а то бы это привело к совместной против нас агрессии»⁹¹⁸.

Вскоре Кремль узнал от разведки о существовании и еще одного американского плана атомной войны против СССР, получившего название «Пинчер» и предусматривавшего нанесение ядерных ударов по двадцати крупнейшим городам и основным войсковым группировкам с последующим вторжением американских войск через Польшу, Балканы и Средний Восток и оккупацией Советского Союза⁹¹⁹. Впрочем, возможности для его реализации были весьма ограниченными. На середину 1946 года США имели на руках 9 атомных бомб, годом позже – 13, а в 1948-м – 56⁹²⁰.

27 июля 1946 года советская делегация во главе с Молотовым опять вылетела в Париж. На сей раз с ним была дочь, вознагражденная таким образом за успехи в учебе. Обосновались в нашем посольстве на улице Гренель. Делегация включала в себя 15 самых опытных дипломатов, а также профессоров международного права, экономистов, военных и более полусотни технических сотрудников, обеспечивавших протокольное и канцелярское обслуживание.

Парижская мирная конференция торжественно открылась в Люксембургском дворце 29 июля и продолжалась 79 непростых дней. 30 июля Молотов писал супруге: «Полинька, родная моя. Вчера не успел вовремя написать – меня опередила дочка. Она чувствует себя хорошо, часто выходит в город, по несколько раз в день. Бывает в разных исторических и музейных местах. Довольна. Завтракаем и обедаем вместе. Она меня навещает перед и после прогулок и посещений и в двух словах говорит о впечатлениях. Как ты живешь? Здорова ли, пиши. Скучаю по тебе, моя хорошая. Целую, обнимаю»⁹²¹.

Светлана с удовольствием практиковала свой французский, которым уже владела в совершенстве, как и английским с немецким. И писала кузену: «Здесь очень много интересного. Хожу по музеям, паркам, много гуляю по Парижу, в Булони и на Елисейских Полях. Была на открытии конференции, сегодня также пойду на заседание, будет папин доклад. Сегодня вечером иду в оперу, там будет балет для участников конференции»⁹²².

Олег Трояновский добавил некоторые подробности ее пребывания в Париже: «Ко мне обратилась женщина, которая работала экономкой в доме Молотовых, и передала просьбу Полины

Семеновны показать ее дочери ночной Париж. Это был стран-
ный вечер, так как нас сопровождала экономка и один охран-
ник. Я предложил им поехать в хороший ресторан в Булонском
лесу (разумеется, оплачивать счет пришлось не мне) и затем – в
театр, где показывали вполне благопристойный мюзикл (“Нет,
нет, Нанет”). Светлана намеками дала понять, что ей интерес-
нее было бы посмотреть что-нибудь более пикантное, но я счел
за благо не заметить этот намек. Когда мы въехали в ворота
посольства, то увидели отца, расхаживавшего по внутреннему
дворику посольского дома на Рю де Гренель: видимо, он беспо-
коился, как пройдет экскурсия его дочери»⁹²³. О ее нескромной
просьбе Трояновский, очевидно, промолчал.

На первом пленарном заседании 31 июля Молотов сфор-
мулировал принципы, которыми руководствовалась советская
делегация: «Агрессия и вторжение в чужие страны не должны
оставаться безнаказанными, если действительно стремиться
предупредить новые агрессии и вторжения». При этом часть
сателлитов Германии оказала на заключительной стадии
войны помочь союзникам, а потому надо «компенсировать
причиненный ими ущерб не полностью, а только частично, в
определенном, ограниченном размере. С другой стороны, Со-
ветский Союз отрицательно относится ко всяkim попыткам
навязать бывшим сателлитам Германии всякого рода внешнее
вмешательство»⁹²⁴.

Бирнс предложил, чтобы на все заседания приглашались
представители пишущей прессы и радиожурналисты. «Моя
инициатива была поддержана мистером Молотовым, который
заявил, что он всем сердцем за это». Госсекретарь заметил так-
же, что советские дипломаты стали использовать проверенную
американскую практику – заранее распространять среди жур-
налистов тексты речей советских представителей⁹²⁵. Парижская
мирная конференция стала примером открытой дипломатии.
А главной фигурой этого всемирного медийного представле-
ния был, безусловно, Молотов.

Неприятные сюрпризы поджидали уже в начале. На сессии
СМИД, напомню, было договорено, что решения будут прини-
маться большинством в две трети голосов, теперь же амери-
канцы и англичане были за простое большинство. У них было
12–13 надежных голосов при необходимых для простого боль-
шинства – одиннадцати. Москва могла рассчитывать на три со-
ветских голоса, а также на делегации Франции, Чехословакии,
Польши, Югославии, Греции, Эфиопии. Молотов возмущался:

– Советская делегация не в первый раз находится в таком
положении: вчера мы приняли согласованное с другими прави-

тельствами решение, а сегодня нам чуть ли не одним приходится защищать это решение⁹²⁶.

Обсуждали неделю. 7 августа Молотов пишет жене: «Сегодня были длиннейшие заседания – до 2 часов ночи. Нас прокатали по важному вопросу – о порядке голосования, но это было все организовано и вряд ли мы могли предотвратить сие. У них на конференции явное большинство. О Светлане. Она вела себя здесь хорошо. Старалась увидеть побольше. Один раз была в театре, где в фойе были Бирнс, Бидо и всякие дамы, господа, балерины. Много снимали, и прочие мелкие ухаживания. Кажется, это ей нравится, но вела она себя достойно и просто... А в общем она чудная, прекрасная девочка, и думаю, что идет по правильному пути. Жалко ее отпускать, но она рвется к тебе»⁹²⁷.

Как замечал ставший послом в США Николай Новиков, «напряженная деятельность в стенах Люксембургского дворца довольно часто перемежалась встречами на протокольных приемах, банкетах и торжественных церемониях, которые фактически были разновидностью дипломатической активности». Уже на третий день работы конференции Жорж Бидо пригласил на вечер балета в Опере. «Четыре одноактных хореографических произведения, поставленные с высоким уровнем мастерства, могли бы доставить любителям балета огромное удовольствие, если бы... Если бы не удущивая июльская жара и духота, превратившие зрительный зал в некое подобие турецкой бани». А были еще музыкальный вечер в Бурбонском дворце, два приема в Версале, несколько больших приемов во французском МИДе на набережной Орсэ. 9 августа Молотов дал прием в советском посольстве. «Все парадные залы посольства были заполнены приглашенными до отказа. Среди гостей находились главы всех делегаций и их члены, а также чуть ли не половина французского кабинета министров во главе с премьер-министром Ж. Бидо и вице-премьером М. Торезом».

Новиков вспоминал также: «В начале августа В. М. Молотов предложил мне и еще двум-трем членам нашей делегации отправиться на кладбище Пер-Лашез, к “Стене Коммунаров”, возле которой после падения Парижской коммуны были расстреляны версальцами последние из оборонявшихся здесь революционеров. У этой стены, почитаемой как священный памятник Коммуны, мы приняли участие во встрече братской солидарности с представителями Французской компартии – встрече, завершившейся непродолжительным, но исполненным энтузиазма митингом»⁹²⁸.

...И вновь письмо супруге: «Мои дела идут, в общем, не-плохо. Отличительной чертой можно считать определенно получившееся обострение с американцами, не говоря уже об англичанах. Но, видимо, это закономерно для данного момен-та. С “ближней” имею одобрение нашей парижской работы. Сейчас, ввиду перехода к работе комиссии, некоторое затишье лично для меня. Но зато я подгоняю дела, не связанные с кон-ференцией, которые были запущены из-за большой занятости. Люблю тебя и только тебя, моя желанная»⁹²⁹.

10 августа выступила первая делегация побежденной стра-ны – итальянская. Молотов по договору с Италией взял слово 13 августа и сделал центральной тему Триеста:

– В порядке дележа добычи после краха Австро-Венгерской империи Италия получила полуостров Истрия, хотя население полуострова в преобладающем количестве всегда состояло из словенов и хорватов. Прошло то время, когда славянские земли служили предметом дележа между державами Европы, когда славянские народы стонали под гнетом западных и восточных захватчиков.

Совершенно неожиданно Финляндия заявила о желании пересмотреть ранее согласованные условия мирного договора в части изменения границ и выплаты reparаций. 15 августа Молотов берет слово:

– Теперь, когда дело идет о границе в районе Ленинграда, никто в Советском Союзе не поймет такого положения, при ко-тором финляндская граница осталась бы на расстоянии 30 ки-лометров от Ленинграда. Советский Союз отказался от оккупа-ции Финляндии и освободил эту маленькую страну от больших оккупационных расходов, что во многом облегчило бремя ре-парационных условий.

Австралийцы ни с того ни с сего выступают за сокращение reparаций с союзников Германии и предлагают выплачивать их в долларах или в фунтах стерлингов, а не товарными постав-ками, как предусматривалось условиями перемирия. Молотов берет слово:

– Наш народ не может согласиться с тем, чтобы страны, войска которых творили произвол и разрушения на террито-рии СССР в течение многих месяцев, оказались безнаказанны-ми и не взяли на себя хотя бы некоторой доли материальной ответственности за причиненные Советскому Союзу бедствия. Язык поправок австралийской делегации – это не тот язык, на котором мы говорили во время войны как союзники, это язык, который не может объединять, а может только разъединять со-юзников, разъединять Объединенные Нации. Австралийская

делегация усиленно предлагает свои услуги тем, у кого много долларов и фунтов стерлингов⁹³⁰.

Конференция затягивалась, и это не добавляло Молотову популярности среди жаждавших более скорого результата журналистов. В то же время даже самые жесткие американские делегаты признавали дипломатические способности советского министра. «Признаюсь, что восхищен тем упорством, с которым Молотов отстаивает свои позиции», – писал ведущий американский «ястреб» сенатор Ванденберг. А другой сенатор – Т. Коннели – назвал Молотова «одним из самых способных дипломатов, которых я знал»⁹³¹. Полагаю, для министра куда более важной была оценка человека, который наблюдал за ходом мирной конференции из Кремля: «Я считаю, что делегация ведет себя превосходно, а речи Молотова и Вышинского вполне соответствуют интересам нашего дела»⁹³².

Примечательный эпизод произошел во время одного из военных парадов на Елисейских Полях. Молотову отвели место во втором ряду, где стояли представители малых государств. Тогда он просто демонстративно покинул это действие. Stalin одобрил: «Я считаю, что ты поступил совершенно правильно, покинув французский парад. Достоинство Советского Союза следует защищать не только в главном, но и в мелочах»⁹³³. А Молотов сообщал супруге: «Шлю привет и прилагаю газетные снимки, как я ушел с трибуны парада в воскресенье. Наиболее показательно это дано в “Пари-Матч” на целых трех снимках (1. – я на трибуне; 2. – начинаю спускаться; 3 – ухожу от трибуны к машине). Думаю, что для вас это будет любопытно»⁹³⁴.

В начале сентября новая проблема: обиженные на Москву (на кого же еще?!) за неполучение Триеста югославы решили покинуть Париж. Позиция Белграда, сообщал Молотов «Дружкову», «представляется мне плохо продуманной». Одно дело – угроза неподписания мирного договора как средство давления на партнеров, а другое – уход с переговоров, который «поставит в неловкое положение СССР» и приведет к тому, что «тогда в Триесте останутся англо-американские войска, что гораздо хуже компромиссного решения четырех министров»⁹³⁵. Усилиями Сталина югославов удалось уломать остаться.

Бирнс отъезжает в Штутгарт и там 6 сентября делает заявление о неокончательности решения вопроса о западных границах Польши. Молотов делал разъяснение якобы для Польского агентства печати: «Историческое решение Берлинской конференции о западных границах Польши никем не может быть поколеблено. Факты же говорят о том, что сделать это теперь уже просто невозможно»⁹³⁶. (Намек на выселение немцев

из Силезии и заселении туда поляков.) Австралия с Кубой поднимают – почему-то на Мирной конференции – вопрос об отмене права вето в СБ ООН. Молотов убеждает, что это едва ли не единственный инструмент, заставляющий великие державы договариваться, искать согласия:

– Вето побуждает великие державы к совместной работе, затрудняя интриги одних против других⁹³⁷.

В середине сентября Новиков получил от Молотова задание подготовить для делегации доклад о политике США. Записка Новикова, отредактированная Молотовым, рассматривается в литературе как советский аналог «длинной телеграммы» Кеннана⁹³⁸. «Внешняя политика США, отражающая империалистические тенденции американского монополистического капитала, характеризуется в послевоенный период стремлением к мировому господству. Именно таков истинный смысл неоднократных заявлений президента Трумэна и других представителей американских правящих кругов о том, что США имеют право на руководство миром. На службу этой внешней политике направлены все силы американской дипломатии, армии, авиации, военно-морского флота, промышленности и науки. С этой целью разработаны широкие планы экспансии, осуществляемые как в дипломатическом порядке, так и путем создания далеко за пределами США системы военно-морских и авиационных баз, гонки вооружений, создания все новых и новых видов оружия...

Нынешняя политика Американского Правительства в отношении СССР направлена также на то, чтобы ограничить или вытеснить влияние Советского Союза из соседних стран... Такая политика делает ставку на то, чтобы ослабить и разложить стоящие здесь у власти демократические правительства, дружественные СССР, и в дальнейшем – заменить их новыми правительствами, которые выполняли бы послушно политику, диктуемую из США... Следует вполне отдавать себе отчет в том, что подготовка США к будущей войне проводится с расчетом на войну против Советского Союза, который является в глазах американских империалистов главным препятствием на пути США к мировому господству. Об этом говорят такие факты, как тактическое обучение американской армии к войне с СССР как будущим противником, расположение американских стратегических баз в районах, откуда можно наносить удары по советской территории, усиленное изучение и укрепление арктических районов как ближних подступов к СССР и попытка подготовить почву в Германии и Японии для использования их в войне против СССР»⁹³⁹.

Мирная конференция продолжалась. 3 октября Бирнс предложил Молотову ограничить время для выступлений на завершающих пленарных заседаниях.

— Я намеревался говорить от имени меньшинства, а это гораздо труднее, нежели от большинства, как это будет делать господин Бирнс, — заметил Молотов. Но согласился.

После этого он ненадолго отлучился из Парижа в Москву и в Сочи — к семье. Вернулся он, как заметили историки, более настроенным на сотрудничество⁹⁴⁰.

В связи с обсуждением мирного договора с Румынией обострились дискуссии о свободе судоходства по Дунаю — англо-американцы поставили вопрос о принципе «равных возможностей не только при пользовании рекой (как это предусматривалось Версальским договором), но и в более широком смысле, имея в виду свободное экономическое и политическое проникновение в страны Восточной Европы. Молотов посвятил этому отдельное выступление на пленарном заседании 10 октября:

— Хотят воспользоваться этим случаем, чтобы восстановить на Дунае привилегированное положение некоторых великих держав, которым, видимо, нет дела до суверенитета и до национальных интересов придунайских государств, но которые везде хотят диктовать и предписывать свою волю. Почему же в таком случае не защищаем принцип «равных возможностей» в отношении тех путей, где особенно велики интересы многих государств? Ну, скажем, Суэцкий канал или Панамский канал. Не так уж трудно понять, что если дать волю американскому капиталу в разоренных и обессиленныхвойной малых государствах, то американский капитал скупит местную промышленность, сделает своей собственностью наиболее интересные румынские, югославские и всякие другие предприятия и станет хозяином в таких малых государствах. При таком положении мы можем, пожалуй, дожить до того, что у себя на родине, включив дома радио, вы будете слушать не столько свою родную речь, сколько все новые и новые американские пластинки и ту или иную английскую пропаганду⁹⁴¹.

На заседании, обсуждавшем договор с Болгарией, английская делегация, голосовавшая в комиссии за статью первую проекта — о стабильности болгаро-греческой границы, — неожиданно изменила позицию и воздержалась от одобрения статьи. Ее примеру тут же последовали еще 11 стран, в результате решение так и не было принято. Молотов успокаивает:

— Болгары, будьте спокойны, ваша граница окажется непоколебимой⁹⁴².

На последнем рабочем заседании конференции Молотов счел, что ее результаты нельзя было признать удовлетворительными.

– Несогласованные до конференции статьи договоров в большинстве случаев так и остались несогласованными. Да, как показал опыт, господствовавшая на конференции группировка, начиная с Соединенных Штатов и Англии, и не стремилась к этому. Она положилась на то, что на ее стороне имеется обеспеченное большинство делегаций, и стремилась использовать это положение, чтобы провести свою точку зрения. Эти расчеты, однако, не оправдались.

Но на следующий день на заключительном торжественном заседании Молотов оставил основания для надежды, заявив, что Советский Союз «считает своей обязанностью продолжать борьбу за те цели, за которые мы сражались во время войны»⁹⁴³. В итоговом отчете о работе конференции для Сталина главным своим достижением министр считал срыв «плана Бирнса – Бевина изолировать СССР и навязать свое превосходство; напротив, удалось доказать морально-политическое превосходство Советского Союза перед его противниками». Stalin остался в целом доволен «стойкостью и выдержанностью советской делегации»⁹⁴⁴.

16 октября Молотов писал супруге: «Сегодня закончилась конференция. Завтра утром улетаю в Саутгемптон, а оттуда – на пароходе в Нью-Йорк... Из моей речи 14 октября ты увидишь оценку итогов конференции. Я считал необходимым напоследок раскритиковать конференцию, чтобы развязать себе руки в Совете Министров... Теперь уезжаю, видимо, на полтора месяца и к тому же далеко. И еще больше хочется быть ближе к тебе, чувствовать тебя, моя хорошая, близко-близко и делиться с тобой, как с моим милым, лучшим другом»⁹⁴⁵.

Париж переезжал в Нью-Йорк, где проходили Генассамблея ООН и очередная сессия СМИД. Новиков и Громыко встречали советскую делегацию в Нью-Йорке 21 октября. «На причале делегацию приветствовал специальный комитет нью-йоркской мэрии во главе с Гровером Уэлленом. Вокруг суетилась толпа газетных корреспондентов, через которых В. М. Молотов передал от имени Советского правительства и народов Советского Союза приветствие правительству и народу США... Причал был оцеплен моторизованной и пешей полицией, чтобы сдержать напор громадной толпы, встречавшей советскую делегацию. Никогда еще прибытие “Куин Элизабет” не вызывало такого наплыва встречающих, как на этот раз. Мы медленно продвигались в узком коридоре среди толпы, который был оставлен

для нас усилиями полиции. Наконец, нам удалось сесть в машины и покинуть набережную»⁹⁴⁶.

СМИД заседал в отеле «Уолдорф-Астория», который был и центром протокольных мероприятий. Основная работа ассамблеи ООН происходила в зданиях довоенной международной выставки в парке Флашинг-Мэдоу, а комитетов – в корпусах завода фирмы «Сперриджироскоп» в Лейк-Саксессе. Молотов, которому был снят особняк на Лонг-Айленде, разрывался между заседаниями СМИД, выступлениями на Генассамблее и работой в политическом комитете (где его иногда подменял Вышинский).

Торжественному открытию сессии Генассамблеи ООН, состоявшемуся 23 октября, предшествовала парадная процесия на автомобилях. «От отеля “Уолдорф-Астория”, что на Парк-авеню, по городу двинулась длиннейшая автоколонна из 96 машин, в которых ехали прибывшие на сессию делегации, – фиксировал Новиков. – В голове процесии шла машина с председателем Ассамблеи Поль-Анри Спааком, генеральным секретарем ООН Трюгве Ли, А. А. Громыко и Гровером Уэлленом... Непосредственно за нею следовал открытый “паккард”, на заднем сиденье которого сидели В. М. Молотов, А. Я. Вышинский и я. Очевидно из опасения новой стихийной демонстрации в честь советской делегации организаторы церемонии разработали такой маршрут, при котором процесия была бы по возможности изолирована от широких кругов населения... Промежуточным этапом церемонии был прием в мэрии и краткий митинг на площади перед старинной ратушей. После этого делегации отправились обратно в “Уолдорф-Асторию”, где мэрия Нью-Йорка давала в их честь завтрак».

Из «Уолдорф-Астории» – во весь дух во Флашинг-Мэдоу. На открытии Генассамблеи с речами выступили Спаак и Трумэн. А оттуда вновь с головокружительной быстротой – в тот же отель, где президент США устраивал прием для делегаций⁹⁴⁷. Жене 27 октября Молотов сообщал: «Здесь я устроен хорошо, с большими, можно даже сказать, с исключительными удобствами – большие комнаты для всяких нужд, есть нужные люди и пр. Стоит удивительно приятная погода – летняя теплота, и днем и ночью, много солнца, перед окнами прекрасный парк с красивыми осенними красками листвы деревьев. Сейчас я готовлюсь к большому, ответственному выступлению на Ассамблее – наверное, 29–30 октября. Ты, надеюсь, узнаешь о нем еще до получения этого письма. Приходится много обдумывать, перерабатывать, перестраивать речь, которой я придаю большое значение. Вот пока и все. И снова хочу сказать,

повторить и как-то по-настоящему объяснить тебе, как я люблю тебя...»⁹⁴⁸

Свое выступление на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи 29 октября Молотов начал с критики в адрес СБ ООН, у которого для фашистского режима Франко «не нашлось ничего, кроме общих деклараций», но зато нашлось немало претензий к пребыванию советских войск в Иране. Затем Молотов сделал два заявления, наделавших много шума тогда и вошедших в учебники впоследствии. Первое касалось выдвижения им тезиса о борьбе двух курсов в международной политике, за которым скрывались контуры концепции двух мировых лагерей.

– Имеется обострение противоречий между двумя основными политическими установками, из которых одна заключается в защите признанных всеми нами принципов международного сотрудничества больших и малых государств, а другая – в стремлении некоторых влиятельных группировок развязать себе руки для безудержной борьбы за мировое господство.

Второе громкое заявление было посвящено ядерной бомбе.

– Даже в атомном деле нельзя рассчитывать на монопольное положение какой-либо одной страны. Науку и ее носителей – ученых не запрещь в ящик и не посадишь под замок... Наконец, нельзя забывать, что на атомные бомбы одной стороны могут найтись атомные бомбы и еще кое-что у другой стороны, и тогда окончательный крах всех сегодняшних расчетов некоторых самодовольных, но недалеких людей станет еще более очевидным.

Под «кое-чем» министр имел в виду ракетное оружие. Позже Stalin об этом пассаже Молотова, сильно всполошившем американскую и мировую общественность, скажет ему:

– Ну ты даешь!

Но в целом одобрил. Как и согласованный в Москве план борьбы за разоружение.

– Мы, советские люди, не связываем своих расчетов на будущее с использованием атомной бомбы, – заверил Молотов. – Честь и совесть свободолюбивых народов требует, чтобы атомная бомба была поставлена вне закона⁹⁴⁹.

После этого, раскритиковав план Баруха о международном (читай – американском) контроле за ядерными проектами в мире, призвал к всеобщему сокращению вооружений, а в качестве первоочередной задачи назвал «запрещение производства и использования атомной энергии в военных целях».

Более полутора месяцев в Нью-Йорке... Хотя и не столь часто, как в Париже, званные завтраки и коктейли, вечерние обеды и широкие приемы. В выходные позволял себе рассла-

биться, но не сильно. «В хорошую погоду он любил беседовать в саду, ссылаясь при этом не на гигиенические соображения, а на отдаленность от подслушивающих устройств ФБР, наличие которых в стенах особняка можно было подозревать», – припоминал Новиков. Молотов изъявил желание посетить Гайд-парк, фамильное имение Рузвельтов. «Мы привезли с собой цветы и в почтительном молчании возложили их к подножию монумента, воздвигнутого вблизи могилы – посреди лужайки, обрамленной живой изгородью из кустарника. Монументом служила массивная полированная плита из белого мрамора без каких-либо декоративных ухищрений. Она покоялась на белом же мраморном постаменте, едва приподнятом над землей. Во время этой непрятательной церемонии нас сопровождала бывшая хозяйка дома. Затем она повела нас в увитый плющом двухэтажный особняк с портиком из четырех колонн. Мы обошли внутренние покои, оставленные в том виде, в каком они были при жизни президента. В расположенной по соседству с особняком пристройке – рабочем кабинете, являвшемся также и библиотекой, – нас ждал личный друг президента Рузвельта Генри Моргентау. По его мнению, главным камнем преткновения на пути к единству и сотрудничеству трех великих держав антигитлеровской коалиции являлась атомная бомба, которую необходимо объявить вне закона»⁹⁵⁰.

На следующий день Молотов делился впечатлениями с Бирнсом:

– В Гайд-парке все напоминает Рузвельта. Приятное и очень скромное место.

Речь зашла о СМИД, который еще не приступал к работе из-за Генассамблеи ООН. Молотов обещал сделать работу в Совете министров приоритетом, попросив только не занимать 7 ноября. Он хотел по случаю праздника дать прием в Вашингтоне. А также запросил встречу с Трумэном. Бирнс обещал все устроить и даже прислать за Молотовым президентский самолет, но тот предпочел «посмотреть Соединенные Штаты хотя бы из окна вагона»⁹⁵¹. 6 ноября Молотов был хозяином на приеме в Генконсульстве в Нью-Йорке. А утром 7 ноября Новиков в компании заместителя госсекретаря Дина Ачесона встречал Молотова на Пенсильванском вокзале Вашингтона. Поселили советского гостя в Блэр-хаусе. Оттуда он направился сначала в Госдепартамент, а затем — в Белый дом для встречи с президентом. Содержательные вопросы не обсуждались. Осведомились о здоровье, похвалили друг друга за гостеприимство.

– В Потсдаме американцы, англичане и русские сообща организовывали работу, – напомнил Молотов. – Там была создана

деловая атмосфера, в которой мы, помогая друг другу, достигли хороших результатов.

– Я с этим согласен. Хотел бы просить вас передать генералиссимусу Сталину, что я хотел бы видеть его гостем в США, – подтвердил Трумэн.

– Уверен, что это общее желание⁹⁵².

Выходя от Трумэна, министр лаконично ответил: «Мы с господином президентом очень приятно побеседовали». Около пяти вечера Молотов спустился в парадный холл советского посольства. «Непрерывным потоком сначала приходили, а затем уходили представители правительства, парламентских кругов, дипкорпуса, прессы и общественности... Новым лицом среди завсегдатаев наших приемов был министр торговли Аверел Гарриман, недавно заменивший уволенного в отставку Генри Уоллеса».

На следующее утро Молотов, Новиков и Павлов, провожаемые Ачесоном и сотрудниками посольства, покинули Вашингтон и в тот же день включились в привычную рутину Генеральной Ассамблеи⁹⁵³.

В повестке Генеральной Ассамблеи советскую делегацию интересовали в основном два вопроса: создание Совета по опеке, в ведение которого переходил отложенный вопрос об итальянских колониях, и сокращение вооруженных сил и вооружений.

Молотов поначалу занял по вопросу об опеке выжидательную позицию. Как он сообщал Сталину, «мы не претендуем на включение СССР в число “непосредственно заинтересованных государств”» в отношении бывших мандатов Лиги Наций – бывших владений Турции и Германии на Арабском Востоке, Тихом океане и в Африке, которыми по Версальскому договору управляли Англия, Франция и Япония. Stalin в ответ призывал занять «активную позицию заинтересованности», чтобы «в случае необходимости сделать своим партнерам уступки в ответ на встречные уступки»⁹⁵⁴. Молотов активизировал полемику по колониальным делам, хотя и без особого успеха. Европейцы и близко не желали подпускать СССР к своим колониям.

Куда больше внимания и сил Молотов посвятил разоруженной тематике. Столкновение с союзниками вызвало советское предложение предоставить сведения о численности и местоположении вооруженных сил великих держав на территориях иностранных государств, что содержало в себе намек на американские и британские военные базы по всему миру. Молотов выступал по этому вопросу несколько раз в Политическом комитете ООН, но его предложение в конце концов было

отвергнуто английской поправкой. Сталин успокаивал: «Я не сомневаюсь, что морально-политическая победа советской делегации вне всякого сомнения, несмотря на формальную победу Бевина»⁹⁵⁵.

Из любопытных вопросов, обсуждавшихся на Генассамблеи – местопребывание штаб-квартиры ООН. Американцы предлагали Сан-Франциско, в чем были поддержаны арабами, как сообщал Молотов, «из антисемитских соображений» – в Нью-Йорке жило много евреев. В этом вопросе Москва успешно блокировалась с Лондоном, и ООН осталась на Восточном побережье.

Параллельно начались заседания СМИД, на которых дорабатывались мирные договоры. Для наблюдателей и исследователей картина выглядела следующим образом: «Молотов явно доминировал над остальными... Не ограничиваемый прессой, общественным мнением или конгрессом, устремленный к конкретной цели, Молотов познакомил Совет, а затем и весь мир с новым брендом дипломатии. Куря одну русскую сигарету за другой и поглаживая свои усы, он манипулировал остальными как кукловод, вновь и вновь доводя Бевина до бешенства, Бирнса – до нетерпения, а Бидо – до новых компромиссных предложений»⁹⁵⁶, – замечал американский исследователь СМИД П. Уорд.

Но и сюрпризы следовали один за другим. Строптивые югославы вдруг согласились на цифры репараций с Италии, которые были ниже тех, за которые для них неделями бился Молотов. В связи с исками Морфлота в американские и английские суды о возвращении СССР кораблей прибалтийских республик последовало заявление Ачесона о том, что включение Латвии в Советский Союз «не признается правительством Соединенных Штатов», и Бевина, заявившего, что «Эстония вошла в состав СССР де-факто, но не де-юре»⁹⁵⁷.

17 ноября Молотов пишет Полине: «Здесь развернулась борьба по широкому фронту, и мы живем в постоянном напряжении: не упустить бы чего-нибудь, не усилить ли наше наступление где-либо и т. д. В общем, пока дело шло в нашу пользу... Без преувеличения, мы – в центре внимания здешней политической жизни и заставляем с собой считаться все больше, так как за нашей спиной могучий Советский Союз с растущим политическим весом и моральной силой среди народов. На днях три министра (Бирнс, Бевин и я) были в театре на опере “Свадьба Фигаро” в одной ложе, но и здесь, среди буржуазной публики, я был в центре внимания, другими министрами мало интересовались... Наших людей слушают с большим внимани-

ем и, даже не принимая наших предложений, считаются с ними. Никогда раньше с такой широкой и активной программой СССР не выступал на внешнеполитической арене. Это и держит меня и других в постоянном напряжении, не говоря уже о том, что приходится все время устраивать совещания, вырабатывать проекты и т. д. Вот уже третью неделю заседает параллельно Ассамблея Совета министров иностранных дел, где также идет важная борьба – заключительный этап! – по мирным договорам, причем я надеюсь, что удастся добиться неплохих итогов, что потребует, естественно, и некоторых компромиссов. Москва хорошо поддерживает нашу работу и поощряет ее.

Живу я хорошо по всем условиям работы – на даче (час езды от Нью-Йорка, куда почти ежедневно выезжаю на заседания). Здоров, работаю интенсивно. Читать успеваю почти только то, что политически необходимо для работы...»⁹⁵⁸

Работа СМИД меж тем застопорилась, поскольку югославы, а с ними и Молотов, продолжали борьбу за Триест. Когда Бирнс спросил, сколько у него еще поправок, Молотов ответил, что целый ящик. Поправок хватило на десять дней обсуждения, после чего Молотов постарался увязать некоторые из них с другими вопросами. Бевин обвинил его в том, что он занимается продажей лошадей. Молотов возразил, что никогда не знал, как это делается.

– Я получил бы золотую медаль, если бы нашел столь искусного торговца лошадьми, как вы, – подхватил Бирнс.

– Я только учусь, – скромно заметил Молотов.

– Спаси нас Боже, когда вы научитесь! – воскликнул Бевин⁹⁵⁹.

Сталин, увидевший пределы возможного, 26 ноября писал: «Советую пойти на все возможные уступки Бирнсу для того, чтобы кончить, наконец, с договорами». Молотову, полагаю, переговоры наскучили еще больше: «Именно на этот путь решительной расшивки всех спорных пунктов мы стали». Уступки с нашей стороны касались статуса Триеста. Но при этом Молотов все-таки выторговал 100 миллионов долларов reparаций с Италии для СССР, дополнительные 5 миллионов – для Югославии и еще 5 – для Албании.

Далее развернулся торг по итальянскому флоту, который был разделен на три части. «СССР больше всего интересовал самый большой и современный линкор “Витторио Венето”, входивший в группу “С”. Молотов боролся: “Видно, что не хотят давать Советскому Союзу современный линкор. Буду настаивать на жеребьевке”»⁹⁶⁰. Но этот хитрый ход не прошел, Москве пришлось довольствоваться группой «В», а линкор достался

англичанам, официально – за наибольший вклад в победу над Италией. Под занавес сессии СМИД 6 декабря Молотов попытался в беседе с Бирнсом еще раз добиться корректировки итalo-югославской границы в пользу Белграда.

– Югославское правительство в большом долгу у вас за то время, умение и хлопоты, которые были вами употреблены в деле защиты интересов Югославии, – заметил Бирнс. – Не похожи ли югославы на людей, которые стремятся получить невозможное?⁹⁶¹

Полагаю, Молотов в душе с этим был согласен.

...«Полинька, любимая моя! О том, что ты больна, я узнал только в последние дни. Теперь у меня одно желание – вырваться из проклятого Нью-Йорка и быть с тобой. Я сделаю это, не забывая об интересах порученного мне дела. Я хочу видеть тебя как можно скорей и влить в твою душу, во все твоё столь дорогое мне существо уверенность в силах по преодолению болезни»⁹⁶².

...В первой декаде декабря сессия СМИД завершила работу над мирными договорами с Болгарией, Румынией, Венгрией, Финляндией и Италией. «Согласование мирных договоров при всей их компромиссности явилось немалым достижением советской дипломатии, в чем была и личная заслуга Молотова»⁹⁶³, – отмечает Печатнов. Италия передавала Югославии часть Юлийской Крайны, полуостров Истрию, город Фиуме и ряд небольших островов. Мирный договор с Румынией закреплял передачу Советскому Союзу Бессарабии и Северной Буковины, а Болгарии – Южной Добруджи. Мирный договор с Финляндией подтверждал установленную в марте 1940 года границу, СССР возвращалась область Печенеги (Петсамо), передавался в аренду район Порккала-Удд, что создало общую границу с Норвегией. Прорыв в Средиземноморье не удался⁹⁶⁴.

Докладывая 13 декабря Сталину об итогах, Молотов резюмировал: «Короче говоря, мирные договоры для нас приемлемы во всех существенных пунктах и находятся в соответствии с установками, которые имела делегация (кроме “французской линии” границы и группы “Б” по флоту)». А совпослам Молотов написал: «Подготовка проектов мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией заняла больше года, сопровождалась упорной борьбой, в которой мы отстояли свои принципиальные позиции и защитили свои интересы и интересы дружественных нам государств»⁹⁶⁵.

Приближалась к концу и сессия Генеральной Ассамблеи. 13 декабря Молотов произнес свою заключительную речь на пленарном заседании в поддержку резолюции о всеобщем со-

кращении вооружений, против которой не осмелился возвратить никто.

– Решение по такому важному и сложному вопросу, как всеобщее сокращение вооружений, могло быть принято единогласно только потому, что мы все признали этот вопрос свое-временным, актуальным⁹⁶⁶.

Покидали США 14 декабря 1946 года на том же пароходе – «Куин Элизабет». Всё те же толпы репортеров, рукоплескания провожающих и пассажиров корабля. Много месяцев газеты всего мира, включая и советские, были заполнены репортажами из Парижа и Нью-Йорка и выступлениями Молотова. Его фотографии не сходили с обложек ведущих западных журналов и с первых полос газет. Его усилия были повсеместно расценены как большой успех советской дипломатии. Полагаю, это явилось не последней причиной очередного разноса, который устроил ему Сталин, создав для этого подходящий повод.

Шли выборы в Академию наук, и группа ее членов выдвинула предложение об избрании Молотова почетным членом. Находясь в Нью-Йорке и почувствовав подвох, он медлил с ответом. Тогда инициаторы обратились к Сталину с просьбой помочь с получением согласия. Сталин 14 ноября 1946 года отправил ему послание: «Академики Вавилов, Бруевич, Волгин, Лысенко и другие просят меня убедить тебя, чтобы ты не возражал против их предложения насчет избрания тебя почетным членом Академии наук СССР. Я поддерживаю академиков и прошу тебя дать согласие». Возразить было трудно.

Общее собрание академии 2 декабря единогласно избрало Молотова почетным академиком «за выдающиеся заслуги в развитии марксистско-ленинской науки об обществе, государстве и международных отношениях, за исключительные заслуги в деле строительства и укрепления Советского государства», о чем в Нью-Йорк было послано уведомление. На заседании АН ее президент Вавилов зачитал ответную телеграмму с благодарностью: «Служа своему народу, мы испытываем тем большее удовлетворение, что в теперешних условиях этим мы служим всему делу прогресса и лучшим целям науки. Ваш В. Молотов».

Телеграмма Молотова была опубликована в «Правде» и прочитана в Сочи Сталиным: «Я был поражен твоей телеграммой в адрес Вавилова и Бруевича по поводу твоего избрания почетным членом Академии наук. Неужели ты в самом деле переживаешь восторг в связи с избранием в почетные члены? Что значит подпись “Ваш Молотов”? Я не думал, что ты можешь так расчувствоваться в связи с таким второстепенным делом, как

избрание в почетные члены. Мне кажется, что тебе как государственному деятелю высшего типа следовало бы иметь больше заботы о своем достоинстве». Молотову оставалось в очередной раз покаяться за несовершенную провинность: «Вижу, что сделал глупость. Избрание меня в почетные члены отнюдь не приводит меня в восторг. Я чувствовал бы себя лучше, если бы не было этого избрания»⁹⁶⁷.

На Родине Молотова ждала не только любящая семья, но и горы новых забот и тревог, изменившаяся политическая реальность. 2 августа 1946 года было принято решение Политбюро, согласно которому на Жданова возлагалось председательствование на Оргбюро и руководство Секретариатом ЦК, что делало его формально вторым человеком в партии. В тот же день из трехмесячной опалы возвращался Маленков, утвержденный и заместителем председателя Совмина, и членом его Бюро. Начался новый этап мер по усилению контроля над интеллектуальной жизнью. В связи с холодной войной предметом особой озабоченности становились «заграничное влияние», «западное упадничество», «антирусский партикуляризм». 14 августа ЦК обрушился с критикой на журналы «Звезда» и «Ленинград» за проповедь «идеологии, чуждой духу партии», особенно в связи с публикациями Ахматовой и Зощенко. Хотя эта кампания называлась «ждановщиной», похоже, она была направлена скорее против Жданова. Дело Ахматовой и Зощенко было преподнесено Сталину Маленковым, который, зная подозрительность руководителя ко второй столице, вбрасывал тему: ленинградцы под опекой Жданова интригуют против Центра. Ленинградская тема вновь выдвигалась на первый план⁹⁶⁸.

3 октября ПБ поручило «комиссии по внешнеполитическим вопросам Политбюро (шестерка) заниматься впредь, наряду с вопросами внешнеполитического характера, также вопросами внутреннего строительства, внутренней политики». После ее пополнения Вознесенским она стала называться семеркой. Протокольные заседания Политбюро практически прекратились: при жизни Сталина оно собирается еще лишь дважды – 13 декабря 1947 года и 17 июля 1949 года. Семерка же заседала регулярно, чаще всего в кабинете Сталина, решая все вопросы.

Молотов возвращался к делам Совета министров. До 22 февраля 1947 года на его заседаниях сопредседательствовали Берия и Косыгин, иногда Вознесенский. После – Молотов, а в его отсутствие – Вознесенский⁹⁶⁹. «Маленков и Молотов, – считает Юрий Жуков, – были инициаторами мини-переворота, проведя через ПБ совместное постановление ЦК и СМ “Об организации работы Совета министров СССР”»⁹⁷⁰. В соответ-

твии с ним создавалось восемь бюро Совмина, между которыми распределялось большинство министерств и ведомств. Их председатели – Маленков, Вознесенский, Сабуров, Берия, Микоян, Каганович, Косыгин и Ворошилов – входили в Бюро Совмина. Бюро состояло «из Председателя Совета министров СССР И. В. Сталина, первого заместителя Председателя Совета министров СССР В. М. Молотова, заместителей Председателя Совета министров СССР и председателя Госплана СССР»⁹⁷¹. Деятельностью же важнейших комитетов – Специального, Радиолокации, Реактивной техники, Валютного – формально руководил Сталин, а фактически – Молотов. 26 февраля на пленуме ЦК Сталин предложил вместо Калинина ввести в состав Политбюро Вознесенского. Сам Сталин оставил пост министра Вооруженных сил, передав его Булганину, который осенью получит звание маршала⁹⁷².

В МИДе Молотов постепенно избавился от не устраивавших его заместителей, заменив Литвинова, Майского и Деканозова на Гусева, Громыко и Малика. Меркулов и Кобулов – люди Берии – были отправлены работать послами в Румынию и Германию. И первый зампред главы правительства вернулся к руководству народным хозяйством. Разрушенная страна восставала из руин. Ее население сократилось со 196 до 170 миллионов. В Прибалтике и в Западной Украине продолжалось вооруженное сопротивление фашистских коллаборационистов, теперь уже поддерживаемое из-за океана. Только в операциях против УПА принимали участие свыше 40 тысяч чекистов, офицеров и солдат войск МГБ⁹⁷³. Летом 1946 года на европейскую часть страны обрушилась жестокая засуха, а Сибирь затопило дождями во время уборки урожая.

В то же время послевоенное восстановление открыло возможности кардинального обновления производственного потенциала как на собственной научно-конструкторской и производственной базе, так и на зарубежной. СССР получил по ленд-лизу американскую технику. За два послевоенных года в порядке reparаций было вывезено около 1 миллиона вагонов оборудования с 4786 немецких и японских фабрик и заводов, в том числе с 655 военных предприятий. Стали поступать нефтепродукты, лес, металлы и другие товары из Румынии, Финляндии, Венгрии.

При подготовке четвертого пятилетнего плана предполагалось резко сократить оборонные расходы, направив средства на послевоенное восстановление. Советская армия, насчитывавшая в мае 1945 года 11,4 миллиона человек, сокращалась до 2,9 миллиона к 1948 году. Стоимость военной продукции снижа-

лась с 74 миллиардов рублей в 1944 году до 50,5 миллиарда – в 1945-м и 14,5 миллиарда в 1946 и 1947 годах⁹⁷⁴. Однако начало холодной войны не позволило дальше снижать расходы на оборону. Основная часть дополнительных затрат была связана с ядерным оружием, ракетостроением, радиолокацией (защита от ядерной атаки), реактивными двигателями, необходимыми для стратегической авиации и систем противовоздушной обороны, и флотом⁹⁷⁵.

9 января 1947 года Курчатов доложил Сталину и Молотову об успешном пуске в Лаборатории № 2 первого в Европе экспериментального реактора и поступлении первых партий отечественного урана из Ленинабадского горно-химического комбината в Таджикистане. Приступили к сооружению первого промышленного реактора и радиохимического завода «Маяк» севернее Челябинска⁹⁷⁶. В послевоенную пятилетку было создано более 20 новых типов самолетов, 30 моторов и реактивных двигателей. Среди производимых самолетов удельный вес реактивных машин увеличился с 1 процента в 1946 году до 65 процентов в 1950-м⁹⁷⁷. 20 июня 1946 года министр авиационной промышленности А. В. Хруничев направил Сталину записку, в которой сообщил о возможности за два года создать пилотируемую космическую ракету. Stalin не утвердил представленный проект постановления Совета министров, но по его указанию стала создаваться новая отрасль промышленности, позволившая через 11 лет запустить первый искусственный спутник Земли, а через 15 лет отправить в космос Юрия Гагарина.

Война и послевоенное восстановление дали импульс форсированному развитию нефтегазового сектора. Во «втором Баку» в Урало-Поволжье вскоре будет добываться более половины советской нефти. В 1949 году в СССР пробурят первую в мире морскую скважину – на Каспии. В 1946 году в Москву впервые пришел газ – с саратовских месторождений⁹⁷⁸.

Но экономика и финансы продолжали испытывать за предельные нагрузки. Доходы населения – зарплаты, пенсии, пособия – выросли со 170 миллиардов рублей в 1940 году до 222 миллиардов в 1945-м, а товарооборот уменьшился со 175 до 160 миллиардов. Финансирование растущих расходов шло во многом за счет эмиссии: на 1 января 1946 года в обороте находилось 73,9 миллиарда рублей, тогда как к началу войны – 18,4 миллиарда. Отсюда и рост цен, наиболее заметный на колхозных рынках: в 4,7 раза по сравнению с 1940 годом⁹⁷⁹. А надо было еще кормить Восточную Европу и даже Францию. С конца 1946-го до осени 1947 года в стране ощущался настоя-

щий голод. По различным оценкам, тогда умерли от голодной дистрофии от одного до двух миллионов человек⁹⁸⁰.

На октябрьском пленуме ЦК 1952 года в числе прочих прегрешений Молотова Сталин назовет и призывы поднять в то время заготовительные цены на хлеб. Вспоминал Микоян: «Мы ехали в машине к Сталину на дачу, и Молотов сказал мне: «Я собираюсь внести Сталину предложение о повышении цен при поставках хлеба колхозами государству»... Когда мы приехали, Молотов при мне стал доказывать Сталину, что крестьяне мало заинтересованы в производстве хлеба, что нужно поднять эту заинтересованность, то есть нужно по более высоким закупочным ценам оплачивать поставки хлеба государству. «У государства нет такой возможности, делать этого не следует», – коротко сказал Stalin, и Молотов не стал возражать»⁹⁸¹.

В 1947 году, ободренное быстрым восстановительным ростом, правительство решило увеличить ряд показателей пятилетнего плана. Начался взрывной рост инвестиций, которые достигали в среднем за год 22 процента национального дохода против 17 процентов в довоенный период⁹⁸². 27 мая ПБ создало комиссию по денежной реформе под руководством Молотова. Текст постановления был написан его рукой и подписан Сталиным, других отметок о голосовании нет⁹⁸³. Хотя операция готовилась в строжайшей тайне, слухи о ней просочились, скорее всего, с фабрики Гознак, где новые купюры начали печатать. Сметалось все подряд. Решение об отмене карточной системы и денежной реформе Политбюро приняло в субботу 13 декабря. В понедельник 15 декабря сберкассы начали обмен старых денег на новые в соотношении десять к одному. Вклады в сберкассах переоценивались в зависимости от сумм: до 3000 рублей – один к одному, от 3 до 10 тысяч – за три старых два новых, свыше 10 тысяч – за два старых – один новый. В итоге около трети денежной массы так и не было представлено к обмену.

СССР отменил карточки раньше других обожженныхвойной европейских стран. Вводились единые цены, которые были ниже цен в рыночной и коммерческой торговле. На ряд первоочередных товаров – хлеб, муку, крупы, макаронные изделия – цены были даже на 10–12 процентов ниже существовавших ранее государственных цен. Люди получили возможность свободно и без каких-либо лимитов приобретать столь дефицитные в военные и первые послевоенные годы продукты, одежду, обувь, папиросы⁹⁸⁴.

При составлении плана на 1948 год Stalin снизил предусмотренные темпы прироста производства с 22 до 19 процентов, и именно эта цифра содержалась в представленном ему Моло-

товым, Вознесенским и Берией 12 февраля 1948 года документе. Это был последний план развития, под которым стояла подпись Молотова. Результаты превзошли все ожидания. Удалось преодолеть голод – последний в истории страны. Валовой сбор зерна достиг довоенного уровня, а урожай картофеля и подсолнечника оказались рекордными. Промышленность выросла на 27 процентов – наивысшие темпы в мире. Консервативность денежной реформы позволила без инфляции увеличить эмиссию, объем денежной массы за год вырос с 13,4 до 23,8 миллиарда рублей⁹⁸⁵.

Против Маршалла

20 января 1947 года вышел в отставку Бирнс. Новый глава Госдепартамента шестидесятисемилетний генерал Джордж Маршалл с 1939-го по осень 1945 года возглавлял штаб армии США. 10 февраля его заместитель Ачесон заявил, что «внешняя политика России является агрессивной и экспансионистской». Молотов выступил с нотой, осудив заявление как «грубо клеветническое и враждебное в отношении Советского Союза». Маршалл счел заявление Ачесона адекватным⁹⁸⁶. Отношения с новым госсекретарем начинались «многообещающе».

В январе 1947 года американская и английская оккупационные зоны в Германии, несмотря на протесты Москвы, были объединены в «Бизонию». Германский вопрос предсказуемо стал центральным и на очередной сессии СМИД, которая в марте проходила в Москве. Утром 10 марта Маршалл был у Молотова, напомнив, что впервые увиделся с ним в 1942 году в Белом доме, когда обсуждали проблему второго фронта.

– Хотя разговор на эту тему не был успешным, он был полезным. Тем не менее много было сделано в сорок втором⁹⁸⁷, – заметил министр.

Маршалл был очень непростым партнером для переговоров. Он не без кичливости заявлял об отсутствии дипломатических манер и своей военной прямоте. «Я не дипломат. Я имею в виду ровно то, что говорю, и нет смысла читать у меня что-то между строк, потому что там нечего читать». На самом деле дипломатического опыта ему было не занимать: Маршалл участвовал во всех конференциях союзников военного времени, посредничал в переговорах между КПК и Гоминьданом в Китае. «Месяцы назад, еще во время войны, Маршалл узнал, что Молотов неуступчив в отстаивании русских претензий и взглядов, – писали официальные биографы госсекретаря. – Он

рассматривал Молотова как старого жесткого переговорщика, который всегда предпочтет обращение к прежним аргументам поиску компромисса... Поскольку хаос в оккупированных странах играл на руку Советам, у Молотова не было стимулов быть великодушным»⁹⁸⁸.

Министр дал понять, что его приоритет – выполнение договоренностей Ялты и Потсдама по reparations, денацификации и демократизации Германии. 11 марта Молотов возмущался тем, что в западных зонах продолжался выпуск военной продукции. Оставались нераспущенными немецкие войсковые части, а также формирования четников, усташей, салалистов, «югославской королевской армии», поляков генерала Андерса, бандеровцев. На многих важных постах оставались активные фашисты: в органах прокуратуры и суда таковых в американской зоне насчитывалось 35 процентов, в британской – 43 процента, во французской – половина. Не устраивало Москву и то, как шла демократизация. Во всех зонах уже прошли выборы в ландтаги, но результаты их порой были удивительны: что-что, а проводить выборы и нарезать округа западные демократии умели мастерски. Молотов приводил пример.

– Так, в британской зоне социал-демократическая партия получила 11 миллионов 178 тысяч голосов и 2549 мандатов; христианско-демократический союз при 11 миллионах голосов получил 8583; коммунистическая партия собрала 2 миллиона голосов и получила только 139 мандатов.

Молотов предлагал установить единую для всей Германии пропорциональную систему выборов, разрешить создание общегерманских партий и профсоюзов, издание их периодики⁹⁸⁹. Он также констатировал, что решения Потсдама по reparations не выполняются, и предложил все же зафиксировать сумму в 10 миллиардов. Размер reparations, уже полученных Советским Союзом из западных зон, он оценил в 5 миллионов долларов⁹⁹⁰. Западные партнеры продолжали спускать вопрос на тормозах.

Московская конференция в принципе могла закончиться, едва начавшись. 12 марта 1947 года была озвучена доктрина Трумэна, в соответствии с которой выделялась финансовая и военная помощь Греции и Турции, над которыми якобы нависла советская военная угроза. Но, похоже, доктрину Трумэна в Москве решили особенно не замечать, если не считать разгромной передовицы в «Правде», опубликованной 15 марта. Ни Сталин, ни Молотов официальных заявлений не делали, боясь помешать ходу Московской сессии СМИД.

19 марта Молотов сделал ответственное предложение:

– В настоящее время советское правительство считает, что больше не следует откладывать вопрос об образовании германского правительства.

Он расшифровал свое предложение 22 марта:

– Германия восстанавливается как единое миролюбивое государство – демократическая республика с общегерманским парламентом из двух палат и общегерманским правительством, при осуществлении конституционных прав земель, входящих в состав Германского государства. Президент Германской республики избирается парламентом. На всей территории Германии будет действовать общегерманская конституция, установленная парламентом, а в землях – конституции земель, установленные ландтагами⁹⁹¹.

А 2 апреля Молотов предложил оригинальную формулу выработки нового основного закона, приняв за основу Веймарскую конституцию, ограничив лишь полномочия президента. Американский план создания немецкого правительства из глав уже существовавших правительств земель Молотов отверг, поскольку немцы восприняли бы это так, «что больше нет Германии как единого государства»⁹⁹². На вопрос американского корреспондента Иоганнеса Стила о возможности компромисса между советским предложением о германском единстве и американским предложением о «федерализации» он ответил:

– Я не исключаю такой возможности, если можно будет договориться, чтобы сам германский народ решил вопрос о федерализации путем плебисцита⁹⁹³.

Но в итоге советские планы создания единой централизованной администрации в Германии, которые были готовы поддержать англичане и – с оговорками – американцы, оказались намертво заблокированы Францией, больше других опасавшейся восстановления немецкой мощи⁹⁹⁴. При обсуждении германского мирного договора в центре противоречий оказались границы. Союзники снова и снова предлагали вернуться к вопросу о западных границах Польши. Молотов 9 апреля заявил, что этот вопрос уже согласован в Ялте и Потсдаме, а отыграть его назад не получится хотя бы по той причине, что из Польши «переселилось 5 678 936 немцев», не считая переехавших нелегально. А на западных польских землях уже живут 5 миллионов поляков и только 400 тысяч немцев⁹⁹⁵. Французы опять поставили вопрос об отделении от Германии Рейнской и Рурской областей. Молотов не согласен:

– Это – установка на расчленение Германии и на ликвидацию Германии как самостоятельного государства, чего

нельзя оправдать интересами прочного мира. Германский народ нельзя лишить своего государства. Проводить такой курс – значит превратить германский народ в своего непримиримого врага и толкнуть в объятия германских реваншистов и милитаристов⁹⁹⁶.

14 апреля на рассмотрение был внесен американский проект договора четырех держав о демилитаризации Германии. Молотов обратил внимание на то, чего в проекте не было: игнорируется задача искоренения нацизма и преобразования Германии на демократических началах, обходится статус Рура, ничего не говорится о ликвидации и национализации «германских концернов, картелей трестов и контролирующих их банковских монополий, являвшихся вдохновителями и организаторами германской агрессии», о земельной реформе и передаче крестьянам земли крупных землевладельцев-юнкеров, которые «поставляли кадры наиболее опасных германских милитаристов»⁹⁹⁷. Очевидно, что в планы западных держав не входили похороны капитализма в Германии.

Маршалл попросился на встречу со Сталиным. 15 апреля тот принял госсекретаря, чей длинный монолог сводился к тому, что американское общественное мнение резко повернуло против России из-за многочисленных экспансионистских акций Москвы. Маршалл призвал заключить четырехсторонний договор с Германией, а затем и с Австрией, договориться по Китаю. Сталин тоже был большим мастером монолога: он возмутился, что Соединенные Штаты задержали предоставление давно обещанного займа, отказывают в праве получения reparаций, напомнил о пользе консенсуса между великими державами, «который хорошо работал в годы войны»⁹⁹⁸.

Встреча не ускорила ход работы сессии СМИД. 22 апреля Маршалл жаловался Трумэну на Молотова: «По нашему мнению, он просто затягивает встречу в попытке либо вынудить нас на компромисс, либо поставить нас в положение, когда мы будем добиваться сворачивания конференции»⁹⁹⁹. 23 апреля он заявил, что рассматривает позицию советского правительства в отношении американского договора о ремилитаризации Германии как отказ от этого договора. Молотов ответил:

– Не советская делегация отказалась от указанного договора, а американская делегация отказалась обсуждать те предложения советского правительства, которые направлены на улучшение этого договора¹⁰⁰⁰.

24 апреля состоялось сорок третье заседание конференции, ставшее завершающим. Нерешенные вопросы – а не было решено ничего – передавались на рассмотрение заместите-

лей; следующая встреча министров была назначена на ноябрь 1947 года. На заключительном приеме Сталин посадил Маршалла рядом с собой; Молотов, выступавший в обычной роли тамады, сидел напротив Жоржа Бидо. Прозвучали традиционные здравицы. «Тем не менее у меня создалось впечатление, что обстановка за столом оставалась мрачноватой, – заметил переводивший беседу Трояновский. – Ни Сталин, ни Маршалл не были настроены обмениваться любезностями и вообще поддерживать активный разговор»¹⁰⁰¹.

Маршалл по возвращении в Вашингтон описывал собственное настроение: «Состояние экономики континента оказалось намного хуже, чем предполагалось, и быстро ухудшалось. В конгрессе превалировало мнение, что любая зарубежная помощь – не более чем мышиная возня. Коммунисты держали Францию за горло. Завеса страха, растерянности и замешательства накрыла континент и парализовала всю конструктивную деятельность. Молотов проявлял непреклонность за столом переговоров в Москве, считая, что советской стороне не стоит платить американцам за то, что и так попадет в руки русских подобно созревшему плоду в результате естественного развития событий»¹⁰⁰². Маршалл обратился к Кеннану с просьбой возглавить Бюро политического планирования Госдепартамента и предложить большую стратегию, поставив одно условие: «Избегите тривиальности»¹⁰⁰³. Тривиальностью и не пахло – будет предложена ни много ни мало Программа восстановления Европы.

В США уже вовсю шла антикоммунистическая кампания. Заработала Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности, занявшаяся «охотой на ведьм» в госструктурах США и очисткой их от заподозренных в просоветских симпатиях. Американцы резко активизировались в Западной Европе, защищая ее от коммунистов. В мае 1947 года премьер Поль Рамадье под натиском начштаба американских войск во Франции генерала Ревера и посла Кэффери вывел коммунистов из правительства. В противном случае обещали отказать в экономической помощи и привести в действие «Голубой план» англо-американских спецслужб – созданную ими секретную организацию из числа ультраправых и вишистов, готовую осуществить госпереворот¹⁰⁰⁴. То же происходило в Италии, где американцы, оставив нетронутой муссолиниевскую бирократию, формировали органы безопасности и создавали тайные военизированные формирования из числа правых и фашистов. Разница с Францией заключалась лишь в том, что в давлении на правительство де Гаспери для избавления его от коммунистов

тов (это произошло тогда же) участвовали не только США, но и Ватикан¹⁰⁰⁵.

Москва ответила чуть ли не симметрично – постановлением Политбюро о создании «судов чести» центральных министерств и ведомств для «рассмотрения антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных поступков и действий, совершенных руководящими, оперативными и научными работниками министерств СССР и центральных ведомств, если эти поступки и действия не подлежат наказанию в уголовном порядке». В кампании борьбы против «буржуазного космополитизма» под удар попадут Еврейский антифашистский комитет, «эстетствующие» театральные критики и композиторы, руководство Управления пропаганды и агитации ЦК, академик Варга и его институт, украинские и грузинские националисты¹⁰⁰⁶. Молотов вносил свой вклад:

– У нас еще не все освободились от низкопоклонства и раболепия перед Западом, перед капиталистической культурой. Недаром господствующие классы старой России были нередко в большой духовной зависимости от более развитых в капиталистическом отношении государств Европы. Это позволяло культивировать среди некоторых кругов старой интеллигенции рабское сознание неполноценности и духовной зависимости от буржуазных стран Европы. Не освободившись от этих позорных пережитков, нельзя быть настоящим советским гражданином¹⁰⁰⁷.

Был придан импульс развитию системы внешнеполитической мягкой силы. Продвижением советской позиции за рубежом занимались Совинформбюро, ВОКС, Радиокомитет, «Международная книга», ТАСС, Международный отдел ВЦСПС, Издательство международной литературы, общественные антифашистские комитеты – Женский, Еврейский, Славянский, Молодежный. Работу всех этих ведомств курировал МИД вместе с Международным отделом и Управлением пропаганды и агитации ЦК¹⁰⁰⁸.

30 мая 1947 года был создан новый разведывательный орган – Комитет информации при Совете министров СССР, официальным руководителем которого являлся министр иностранных дел. Историю его создания описал Судоплатов: «Война показала, что политическая и военная разведка не всегда квалифицированно справлялась с оценкой и анализом всей информации, которую она получала по своим каналам. И тогда Молотов, который перед Ялтинской конференцией несколько раз председательствовал на совещаниях руководителей разведслужб, предложил объединить их в одну централизованную

организацию. Стalin согласился с этим – так появился на свет Комитет информации»¹⁰⁰⁹. Молотов – по должности – возглавил влиятельную спецслужбу, в которую вошли и Первое (разведывательное) управление МГБ, и ГРУ Генштаба. Его заместителем по политической разведке стал опытнейший генерал-лейтенант Петр Федотов, ранее руководивший разведывательными подразделениями МГБ, по военной разведке – начальник ГРУ генерал-полковник Федор Кузнецов, по дипломатической – Яков Малик.

«Такая структура, по замыслу реформаторов, должна была способствовать лучшей координации различных разведывательных звеньев, сосредоточению их усилий на основных направлениях, а главное, позволила бы поставить разведку под непосредственный контроль руководства страны, – говорится в очерках истории внешней разведки. – За границей, в разведываемых странах, был создан институт главных резидентов. Им надлежало обеспечивать большую целенаправленность деятельности “легальных” резидентур, исходя из внешнеполитических установок советского правительства... За время функционирования Комитет информации улучшил деятельность центрального аппарата разведки и резидентур, укрепил их опытными сотрудниками, подготовил разведывательные органы к работе в условиях послевоенной обстановки, в том числе и в новых районах мира, где до этого разведка еще не работала в полную силу». Резидентуры были развернуты в Риме, Каире, Анкаре, Стамбуле, Тегеране, Багдаде, Карачи, Тель-Авиве, Дамаске, Аммане и в других важных политических центрах¹⁰¹⁰.

...Летом 1947 года Молотов оставался в Москве. А супруга отправилась на воды в Карловы Вары. «Полинька, родная, любимая! Уверен, что от теперешнего твоего леченья будет серьезная польза. Ты и сама чувствуешь уже, что результаты есть. Самое же важное, что это леченье – проверенное и надежное дело. Значит, наберись терпенья и лечись с выдержкой и до положенного срока. Скоро пошлю тебе в утешенье Светуську. Она к этому времени станет уже второкурсницей... Мечтаю об отпуске, чтобы побыть с тобой и чтобы прочесть кое-что, так как в этом я страшно отстаю. Тебя хочу видеть и чувствовать, так как ты мне даешь много счастья и радости. И мне кажется, что у меня еще сохранилось много молодости и тепла для тебя»¹⁰¹¹.

А дочь уже мечтала о замужестве, и вскоре у Молотова появился зять. Светлана, вырвавшись из кремлевской золотой клетки, поспешила оформить отношения с однокашником Влада Скрябина по Военно-воздушной академии им. Жуковского – Володей Ильюшиным. Олега Трояновского пригласили

на свадьбу: «Женихом был сын знаменитого авиаконструктора Ильюшина, впоследствии известный летчик-испытатель. Свадьба состоялась на казенной даче Молотова при большом стечении народа. Главное, что мне запомнилось об этом дне, это то, что мать невесты довольно настойчиво рекомендовала мне ухаживать за другой Светланой – дочерью Сталина»¹⁰¹².

...5 июня 1947 года госсекретарь США, выступая на выпускной церемонии в Гарварде, предложил кредитовать Европу. Решалось одновременно несколько задач, которые точно описывает Джон Гэддис: «Наибольшую опасность для западных интересов в Европе представляла не перспектива советской военной интервенции, а риск голода, нищеты и отчаяния, которые могут заставить европейцев избрать собственных коммунистов, которые будут обслуживать желания Москвы; американская экономическая помощь создаст немедленные психологические преимущества, а затем и материальные, которые переломят эту тенденцию»¹⁰¹³.

Американцы начинали очень активно использовать то, что не было не только у Советского Союза, но и у разоренных Европы или Азии. Деньги. Ход был действительно очень сильный, он оставил Кремлю выбор только между плохими вариантами ответа. Соглашаясь принять план Маршалла, СССР открывал американцам возможность решительно проникнуть в зону советского влияния в Восточной Европе. Не соглашаясь, Москва сама бы выступила инициатором разделения Европы, против чего Молотов так решительно боролся все эти годы. И тот и другой ответ американцев вполне устраивал.

В ключевые посольства была разослана циркулярная телеграмма Молотова с указанием дать оценку плану и представить соображения о позиции СССР. Новиков первым, 9 июня, прислал ответ: «В этом предложении американцев совершенно отчетливо вырисовываются контуры направленного против нас западноевропейского блока. Над этим планом Госдепартамент, несомненно, сейчас усиленно работает»¹⁰¹⁴.

Западные партнеры ускоряли события. Бидо и Бевин, встретившись в Париже, направили СССР приглашение принять участие в трехсторонней конференции для обсуждения согласованной программы восстановления Европы при поддержке Соединенных Штатов – плана Маршалла. Это была очень непростая развилка. Молотов вспоминал: «Я вначале согласился, между прочим, в ЦК внес предложение: надо участвовать. Не только нам, но и чехам, и полякам»¹⁰¹⁵. Владимир Ерофеев подтверждал: «Он как старый хозяйственник и многолетний (с 1930 г.) Председатель Совнаркома... хорошо был

осведомлен о тяжелом экономическом положении в стране. Поэтому он отдавал себе отчет в желательности получения помощи от США и неоднократно по разным каналам зондировал возможности такой помощи в виде займов и кредитов, но пока безрезультатно...»¹⁰¹⁶

21 июня Политбюро одобрило проект ответа правительству Англии и Франции, а 24 июня утвердило состав делегации во главе с Молотовым, которой было поручено обсудить условия участия в плане Маршалла. На бегу – письмо жене: «Милая, родная Полинька! Сейчас, за несколько часов до отъезда в Париж, завален всякими незаконченными делами. Очень спешу. Думаю, что в Париже пробуду с неделю. Задачи мои не из простых, но цели в общем ясные. Эти переговоры несколько иные, они могут быстро перерости в более широкие по составу»¹⁰¹⁷.

О серьезности намерений советской стороны говорит и тот факт, что Молотов привез с собой в Париж огромную делегацию. «Полинька, милая, родная! В Париже мы устроились, как и в прошлом году. Завтра начинаем работу. Мне не привыкать выступать с особой, советской позиции в совещаниях с французами и англичанами. Но на этот раз уклон будет, главным образом, в экономические, а не политические вопросы. Кроме того, в данном случае мои партнеры больше заинтересованы шкурно. Кажется, кое-кто рассчитывал, что СССР откажется участвовать в этих совещаниях, и теперь не очень обрадован нашим согласием. Но, конечно, наше участие необходимо»¹⁰¹⁸.

В выступлении 28 июня Молотов высказывал опасения и делился сомнениями:

– Одно дело – выявить экономические потребности европейских стран в американской помощи в виде кредитов и поставки товаров путем составления заявок самими европейскими странами. Это приемлемо и может принести пользу европейским странам. Совсем другие дела, если совещание займется составлением всеобъемлющей экономической программы для европейских стран¹⁰¹⁹.

30 июня Молотов, учитывая «важное значение задачи ускорения восстановления и дальнейшего развития нарушенной войной национальной экономики европейских стран», предложил создать «Комитет содействия» для получения заявок от европейских стран и составления на их основе сводной программы¹⁰²⁰. Фактически это был позитивный ответ. Переход в советской позиции произошел после получения в тот же день от Дональда Маклина информации об англо-американских переговорах в Лондоне: план Маршалла будет осуществляться в рамках единой программы под руководством США с

опорой на Западную Европу, включая Германию, «в качестве ядра». Советский Союз, как предполагалось, «возьмет само-отвод», но при этом «не сможет удержать своих сателлитов от соблазна получения массированной помощи в экономическом возрождении Европы». С началом реализации плана прекратится взимание reparаций с Германии¹⁰²¹.

Молотов вспоминал: «Вначале мы в МИДе хотели предложить участвовать всем социалистическим странам, но быстро догадались, что это неправильно. Они втягивали нас в свою компанию, но подчиненную компанию. Мы бы зависели от них, но ничего бы не получили толком, а зависели бы, безусловно. И уж тем более чехи, поляки, они в трудном были положении...»¹⁰²² 2 июля глава советского МИДа сделал заявление:

– Совершенно очевидно из тех задач, которые ставятся перед организацией или перед «руководящим комитетом», что европейские страны окажутся подконтрольными государствами и лишатся прежней экономической самостоятельности и национальной независимости в угоду некоторым сильным державам¹⁰²³.

Меж тем Бидо объявил об открытии 12 июля в Париже уже общеевропейского совещания министров иностранных дел с обсуждением плана Маршалла. Москва быстро ответила: «Работа Совещания 3-х министров, длившаяся шесть дней, показала, что ни об условиях кредита, ни о его размерах, ни о реальности кредита США не дают пока никаких сведений, причем неизвестно, пойдет ли Конгресс на предоставление такого кредита и на каких именно условиях. Делегация СССР усмотрела в этих претензиях желание вмешаться во внутренние дела европейских государств, навязать им свою программу, затруднить им сбывать свои излишки туда, куда они хотят, и, таким образом, поставить экономику этих стран в зависимость от интересов США»¹⁰²⁴.

Одновременно Молотов направил шифровки Тито, Георгиу-Дежу, Ракоши, Димитрову, Готвальду, Куусинену и Ходже с предложением приехать в столицу Франции, чтобы «помешать американцам единодушно провести их план, а потом уйти с совещания и увести с собой возможно больше делегатов от других стран». Но 7 июля Молотов дает новую вводную: не давать ответа Бидо до 10 июля, поскольку «СССР в совещании участвовать не будет». Вероятно, Сталин и Молотов не особенно рассчитывали на полную лояльность своих союзников, которые действительно нуждались в деньгах. Тем временем приходят новые разведданные, и Молотов шлет новое послание: в

Париже «под видом выработки плана восстановления Европы инициаторы совещания хотят на деле создать западный блок с включением в него западной Германии». Теперь уже министр однозначно предлагал не посыпать представителей на совещание, а «мотивы отказа каждая страна может представить по своему усмотрению»¹⁰²⁵. Правительства ряда восточноевропейских стран протестовали против такого решения Москвы, особенно в Варшаве, а также в Праге, где успели единогласно проголосовать за участие в парижском совещании. 9 июля руководителей Чехословакии приняли в Кремле.

– Само ваше участие в совещании будет против Советского Союза, – резко заметил Молотов.

– Можем заключить торговый договор, выгодный для обеих сторон, – предложил альтернативу Сталин.

– Чехословакия много вывозит на запад изделий легкой и текстильной промышленности, – возразил Готвальд, – а Советский Союз их пока что не покупает.

– Почему, купим, – обещал Stalin¹⁰²⁶.

По возвращении в Прагу глава МИДа Масарик заявил: «Я ехал в Москву как свободный министр, а вернулся как сталинский лакей!»¹⁰²⁷ Очевидно, что такая, особая позиция правительства Чехословакии подтолкнула Москву к тому, чтобы начать готовить ему замену. От участия в плане Маршалла, кроме СССР, отказались Албания, Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Чехословакия, Югославия и Финляндия. Тем не менее 12 июля в Париже открылась конференция шестнадцати западноевропейских стран. За четыре дня был учрежден Комитет европейского экономического сотрудничества, призванный составлять заявки на американскую помощь.

В этот момент Молотов впервые с 1936 года получил отпуск. Перед его отъездом на Политбюро шло обсуждение строительства нового здания МГУ. Stalin предлагал вместо планировавшихся 10–12 этажей построить 20. Сколько будет студентов? Шесть тысяч? Значит, в общежитии должно быть шесть тысяч комнат.

– Студентам будет скучно в одиночестве, надо разместить хотя бы по двое, – предложил Молотов. Так в общежитии главного здания МГУ, которое строили рекордными темпами, появились двухкомнатные блоки¹⁰²⁸.

Молотов уехал в Сочи, где пробыл до середины октября. «В этом чувствовалось некое новое веяние в работе министерства, в котором слово «отпуск» было на многие годы изгнано из лексикона»¹⁰²⁹, – замечал Новиков. 16 августа в отпуск ушел и Stalin. Утром 19 августа в Ялте он поднялся на борт флагма-

на Черноморского флота – крейсера «Молотов». К вечеру тот домчал Сталина до Сочи, где его встречал Молотов. Только он начал подниматься по трапу, чтобы взойти на корабль, как на встречу спустился Сталин:

– Успеешь побывать на своем тезке!

Так Молотов упустил шанс вступить на борт корабля своего имени¹⁰³⁰.

…Мир менялся на глазах. 26 июля Трумэн придал законченность набору американских инструментов холодной войны, подписав Закон о национальной безопасности. Создавались Министерство обороны, объединившее все виды вооруженных сил, Совет национальной безопасности, как орган для принятия решений по внешней и оборонной политике, и Центральное разведывательное управление (ЦРУ). «В Законе о национальной безопасности ничего не говорилось о тайных операциях за границей. Он предписывал ЦРУ соотносить, оценивать и всячески углублять разведку, а также выполнять “другие связанные с разведкой функции и обязанности, относящиеся к национальной безопасности”… Со временем через эту “лазейку” провели сотни крупных секретных операций; причем более восьмидесяти – в течение срока полномочий Трумэна»¹⁰³¹. «Длинная телеграмма» Кеннана в слегка отредактированном виде под заголовком «Источники советского поведения» и за подписью «мистер Х» появилась в «Foreign Affairs». У многих в мире все встало на свои места. Журналисты и аналитики быстро связали статью в одно целое с доктриной Трумэна, планом Маршалла и Законом о нацбезопасности. Термин «сдерживание» возвели в статус «доктрины», хотя Кеннан этого и не желал¹⁰³². Сам термин в переводе для Сталина и Молотова звучал как стратегия «удушения» Советского Союза¹⁰³³. Статья вдохновила ведущего американского журналиста Уолтера Липпмана на публикацию серии статей, собранных в книгу под названием «Холодная война», что зафиксировало это понятие¹⁰³⁴.

Джеффри Робертс писал: «Советы тогда запустили так называемый план Молотова – серию двусторонних торговых договоров между СССР и Восточной Европой, чтобы создать противовес привлекательным сторонам плана Маршалла»¹⁰³⁵. На самом деле план был заметно шире, чем просто торговля. И. В. Быстрова более точно называет его «планом Молотова по интеграции Восточной Европы в политическую, экономическую и военную систему СССР»¹⁰³⁶.

Именно с середины 1947 года началось давление со стороны Москвы на страны Восточной Европы в сторону их советизации. 21 мая Ракоши после встречи с Молотовым поведал: «Нам дали

совет перейти на линию более сильной классовой борьбы». За уступчивость партнерам по Национальному фронту и склонность к компромиссам Москва начала критиковать Готвальда, Сланского, Гомулку. Все это отзывалось обострением внутренней борьбы во всех союзных странах, в которой все активнее использовались методы силовых структур. Одновременно стали добиваться и создания политически более однородных правительств. В Румынии основной удар направлялся на национально-либеральную партию Титареску, в Венгрии – на Партию мелких сельских хозяев и одного из ее лидеров Ковача, в Чехословакии – против словацкой Демократической партии, в Болгарии – против оппозиционного Болгарского земледельческого народного союза и его руководителя Николы Петкова¹⁰³⁷.

Советизация восточноевропейских стран приводила и к тому, что в отношениях с ними все большую роль начинал играть на столько МИД, сколько ЦК ВКП(б), где это направление курировал Суслов, соединивший в сентябре в своих руках руководство и идеологическим, и внешнеполитическим управлениями. Его заместителем стал генерал и образованный экономист Дмитрий Шепилов, до этого работавший редактором отдела пропаганды в «Правде».

С середины 1947 года начали обостряться отношения с Югославией. Ее правительство запретило предоставлять какую-либо экономическую информацию работавшим там советским специалистам. Тито и Димитров заключили Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, что вызвало болезненную реакцию и в западных столицах, и в Москве: формально Болгария не имела права подписывать договоров до заключения с ней мирного договора. 12 августа Сталин послал Тито возмущенное послание. Но до серьезного конфликта с Белградом, как показала история с созданием Коминформа, было еще далеко. Он возник по итогам сентябрьского совещания в польском курортном местечке Шклярска Поремба, где собирались лидеры компартий Восточной Европы, Франции и Италии. СССР представляли Жданов и Маленков. Сталин распорядился, чтобы штаб-квартира Коминформа была в Белграде. Там же будет печататься газета Коминформа «За прочный мир, за народную демократию!». Молотов объяснил логику создания Коминформа:

– Опыт показал, что современное коммунистическое движение настолько выросло и окрепло во многих странах, что уже невозможно осуществлять руководство этим движением из одного центра. Вместе с тем опыт показал, что коммунистические партии, и прежде всего наиболее сильные компартии

в Европе должны иметь объединяющий орган, чтобы осуществлять постоянный обмен взглядами и, когда необходимо, координировать деятельность коммунистических партий в порядке взаимного согласия¹⁰³⁸.

14 октября Политбюро поручило МИДу заключить договоры со странами Восточной Европы, включающие обязательства «оказывать взаимную помощь против агрессии со стороны всякого государства, а не только со стороны Германии и объединившихся с нею в политике агрессии государств»¹⁰³⁹. Это был первый шаг к военно-политической интеграции восточноевропейских государств.

В документах, поступавших из загранучреждений осенью 1947 года, начинают звучать темы «фашизации» Америки, превращения ее в «центр мировой реакции и антисоветской деятельности»¹⁰⁴⁰. Это нашло отражение в докладе Молотова по случаю тридцатилетия Октября. Описав проделанный за эти годы путь, обратившись к политике Запада, доктрине Трумэна и плану Маршалла, Молотов заметил:

— Можно подумать, что внутренние проблемы в Соединенных Штатах уже давно решены и теперь дело только за тем, чтобы Америка наладила дела в других странах, предписав им свою политику и желательный состав правительства... Известно, что в экспансионистских кругах Соединенных Штатов Америки распространилась новая своеобразная религия: при неверии в свои внутренние силы — вера в секрет атомной бомбы, хотя этого секрета давно уже не существует. (Продолжительные аплодисменты.)

Обратил он внимание и на тупиковость ситуации в Германии, где «в результате англо-американской политики существует “Бизония” и другие зоны, но нет Германии как единого государства»¹⁰⁴¹.

Утвержденные 21 ноября ПБ директивы для делегации на Лондонской сессии СМИД предлагали «настаивать на том, чтобы германский вопрос обсуждался первым вопросом как имеющим главное значение для СМИД, а австрийский вопрос был бы вторым»¹⁰⁴². Сессия открылась в Ланкастер-хаусе 26 ноября. Молотов предлагал в повестку вопросы о создании общегерманского демократического правительства и будущей мирной конференции. Бидо выдвигал на передний план вопрос о границах. Маршалл был больше озабочен вопросами свободы личности, уничтожения зональных границ, свободы экономической деятельности на всей территории Германии.

В тупик Совет министров заводило предложение западных держав положить в основу обсуждения британские «Дополни-

тельные принципы», где говорилось, что «в случае какого-либо несоответствия между принципами Потсдамского соглашения и принципами настоящего заявления последние должны пре-валировать». Молотов отстаивал нерушимость договоренностей в Ялте и Потсдаме, тогда как союзники – уже давно – играли в совершенно другую игру. Он отвел это предложение по формальным причинам, коль скоро министры не могут отменять решения, принятые главами правительств.

...«Полинька, родная, любимая моя! Чувствую себя виноватым, что не писал так долго. Конечно, я занят сильно, так как ежедневно заседания, на которых остальные трое против СССР и пытаются ущемить нас. Но, по-моему, пока мы, в общем, справлялись и держали инициативу в наших руках... Живем мы в посольстве. Никуда не ходим. Только раз – один раз – я ездил не на заседания и не на приемы, – это на могилу К. Маркса, где я был впервые. Посылаю тебе любительский снимок этого посещения. Раз в неделю здесь же в доме посольства смотрим кино. Смотрел “Сельскую учительницу” (“Воспитание чувств”). Довольно хорошая картина. Марецкая вполне справилась с трудными превращениями. Только что смотрели новый английский фильм “Идеальный муж” Оскара Уайльда. Хороший фильм. Стоит показать и нашей публике. Рад, что ты и дочка здоровы, что ты можешь работать и будешь депутатом Моссовета. Речь твою читал. Получилась хорошо. Плакат также составлен неплохо. Сомневаюсь насчет твоего перехода в трикотажную промышленность. Надо тебе быть поосторожнее со здоровьем, а разъезды в особенности для тебя не подходят. Когда приеду, поговорим подробнее. Поздравляю тебя и работников Главка с досрочным выполнением годового плана.

Дочка, конечно, поглощена собой и своими делами. Но на это не приходится, как видно, обижаться. Возраст решает это дело по-своему.

Я расписался! Сказывается, что сегодня был первый будний день без заседания. Соскучился я очень по тебе и по дочке. Хотел бы чувствовать тебя близко и отвести душу. Крепко-крепко целую, обнимаю»¹⁰⁴³.

...10 декабря Маршалл сделал заявление о немедленном прекращении reparационных поставок Советскому Союзу из Германии, к которому присоединились Бидо и Бевин. Молотов возмущался тем, что всего 20 союзных стран, включая СССР, которым полагались reparационные поставки из западных зон Германии, получили оборудования на 33 миллиона долларов.

– Пока были нужны союзники в войне против общего врага, до тех пор с ними считались и давали им немалые обеща-

ния, подписывали обязательства. Но то было во время войны. А когда пришло время установления мира, то от этих обещаний мало что осталось¹⁰⁴⁴.

На приеме в Букингемском дворце к Молотову подошел Черчилль, который поведал, что работает над воспоминаниями. Министр поинтересовался:

— В мемуарах вы, наверное, нападаете на СССР больше, чем Бевин?

— Не только не нападаю, а защищаю политику СССР в предвоенные годы, в частности, в период Мюнхена, — отвечал Черчилль. — Я всегда был и остаюсь врагом коммунизма, но всегда был и остаюсь другом России и, несмотря на нынешние политические разногласия, горячо приветствую Сталина как своего товарища по оружию в годы войны¹⁰⁴⁵.

На приеме присутствовали обе дочери короля. Наследница престола, ныне королева Елизавета II, тогда было 22 года. «Она имела короткую, но вполне толковую беседу с Молотовым»¹⁰⁴⁶.

СМИД заходил в тупик из-за нежелания западных партнеров хоть на сантиметр пойти навстречу Москве. В какой-то момент очередная речь Молотова дала Маршаллу повод обидеться и объявить о закрытии сессии, не договорившись ни о мирном договоре, ни о следующей встрече. Советские представители остались одни за опустевшим столом. Генерал Клей — участник американской делегации на многих конференциях — зафиксировал, что в тот момент он в первый и единственный раз видел Молотова поморщившегося, как от боли¹⁰⁴⁷. Он рассказал представителям советской прессы о причинах провала Лондонского совещания:

— Либо безоговорочно принимай этот антидемократический план, как его диктуют американские экспансионисты, либо не будет никаких соглашений, мирных договоров, то есть не будет завершено восстановление мира в Европе. Эта политика диктата не могла не встретить отпора со стороны Советского Союза¹⁰⁴⁸.

С этого момента началось сепаратное блокостроительство. 22 января 1948 года Бевин в палате общин официально заявил о необходимости создания Западного союза. 2–3 февраля в Лондоне началось соответствующее совещание западных держав. Молотов мог полемизировать с ними только заочно: «Против Германии хоть десять западных блоков организуйте! А ваш блок включает возможные агрессивные державы». Но чтобы не провоцировать напряженность, советская пресса получила указание в отношении ведущих западных государств писать «без крикливости, без ругани, без истерики», использовать более взвешенные и спокойные оценки¹⁰⁴⁹.

Удар по Советскому Союзу наносился и на фронте истории. Американцы сочли нужным – для подрыва его образа как страны-освободительницы – вбросить тему предвоенных отношений Москвы с Берлином, чтобы доказать ныне популярную идею «равной ответственности» Сталина и Гитлера, «союза СССР и нацистской Германии» за развязывание войны. В США был издан сборник документов из захваченных немецких архивов (несмотря на существовавшую договоренность обнародовать все документы в соответствии с общим планом союзников) – «Советско-нацистские отношения». Принцип подбора документов, комментарии и отсутствие советской позиции делали сборник мощным фактором начала фальсификации истории войны. Ответным шагом стала оперативная подготовка МИДом двухтомника «Документы и материалы кануна Второй мировой войны», где добавились и советская позиция, и документы Мюнхена, и материалы тайных британо-германских контактов лета 1939 года. Тогда же была издана брошюра «Фальсификаторы истории», третью которой Сталин написал собственноручно, а остальную часть тщательно отредактировал.

В конце февраля – начале марта еще два события резко обострили отношения.

Первый – кризис в Чехословакии, приведший к отставке Бенеша и воспринятый как вопиющий пример советского экспансиионизма. Вопреки распространенной на Западе версии, написано в истории МИДа, «Москва не давала К. Готвальду прямых указаний в связи с политическим кризисом в феврале 1948 г. и не предлагала подвести к границе с Чехословакией советские воинские части из Германии и Австрии (хотя сам Готвальд и просил об этом). Инструкции В. М. Молотова своему заместителю В. А. Зорину, срочно направленному в Прагу, называли такого рода предложения нецелесообразными»¹⁰⁵⁰.

Действительно, вмешательство Москвы было немного другого рода. Вспоминает Судоплатов: «Молотов вызвал меня в свой кремлевский кабинет и приказал ехать в Прагу и, организовав тайную встречу с Бенешем, предложить ему с достоинством покинуть свой пост, передав власть Готвальду, лидеру компартии Чехословакии». Доверенное лицо должно было продемонстрировать президенту документы, напоминавшие о его контактах с советскими спецслужбами и финансировании из Москвы¹⁰⁵¹.

Сыграли ли свою роль аргументы Молотова или Бенеш сам предпочел уйти на покой, но через месяц он действительно передал власть Готвальду. Но еще больший резонанс в мире вызвала судьба Масарика, который 10 марта выбросился из окна

Чернинского дворца, где располагался МИД. Существует предсмертная записка Масарика, адресованная Сталину: «Готовится почва для установления полицейского, авторитарного режима. Я не могу жить без свободы, но и не в силах ее отстаивать»¹⁰⁵². Масарик имел репутацию друга Запада. И именно этот эпизод убедил Конгресс США утвердить трумэновскую программу восстановления Европы¹⁰⁵³.

Серьезные негативные последствия имела телеграмма, которую 5 марта генерал Клей прислал из Берлина: «В последние недели отмечены резкие изменения в поведении советской стороны, которые я не могу идентифицировать, но которые наводят на мысль, что война может вспыхнуть драматично и неожиданно». Трудно сказать, что так напугало генерала, но Трумэн воспринял угрозу всерьез. «В верхних эшелонах власти началась предвоенная паника, усугубленная докладом Центрального разведывательного управления президенту 16 марта, в котором говорилось, что “войну следует ожидать в пределах шестидесяти дней”»¹⁰⁵⁴, – свидетельствовал Кеннан.

Трумэн немедленно одобрил Брюссельский договор о создании Западного союза Англии, Франции, Нидерландов, Бельгии и Люксембурга и обещал новоиспеченной организации американскую помощь. Последовал отказ США, Великобритании и Франции продолжать работу в Контрольном совете по Германии. На этом фоне посол Смит появился у Молотова 4 мая и неожиданно заявил:

– Правительство Соединенных Штатов не потеряло надежды на то, что произойдет поворот, который даст возможность найти путь к установлению хороших и разумных отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом, а также приведет к ослаблению напряжения, оказывающего столь неблагоприятное влияние на международное положение.

– За время своего пребывания в Советском Союзе вы могли бы убедиться, что советское правительство не преследует агрессивных целей в своей внешней политике¹⁰⁵⁵.

В Москве не могли понять, что же Вашингтон имел в виду. На самом деле Маршалл желал показать, что США не собирались Москву «прижать к закрытой двери и готовы к переговорам по всем проблемам в любое время»¹⁰⁵⁶. Не более того. Но Сталин и Молотов сделали вид, что получили чуть ли не приглашение на саммит. 9 мая Молотов пригласил к себе Смита и высказал перечень претензий к политике Соединенных Штатов. Ключевые слова прозвучали в начале:

– Советское правительство положительно относится к желанию правительства США улучшить отношения и согласно

с предложением приступить с этой целью к обсуждению и урегулированию существующих между нами разногласий¹⁰⁵⁷.

А 10 мая ТАСС выпустило сообщение, из которого можно было сделать вывод о скором начале переговоров двух держав, что стало главной новостью во всем мире. Одна французская газета вышла с заголовком «Холодной войны больше нет». Белый дом поспешил откликнуться от этого¹⁰⁵⁸. Однако, с явным неудовольствием отмечало посольство США в Москве, «значительная часть мировой прессы и общественного мнения продолжает считать, что Молотов дал положительный ответ на приглашение США к переговорам по жизненно важным проблемам, которые Соединенные Штаты теперь отвергли, что свидетельствует о слабости и ненадежности американцев»¹⁰⁵⁹. Этот эпизод получил название «советского мирного наступления», или «мирного наступления Молотова» 1948 года. Но вскоре оно захлебнется в Берлинском кризисе.

7 июня Великобритания, США, Франция, Бельгия, Нидерланды и Люксембург заявили о намерении создать в западных оккупационных зонах Федеративное Германское государство. 11 июня Конгресс США, окончательно порывая с традицией изоляционизма, принял резолюцию Ванденберга, впервые в истории разрешавшую участие США в военных союзах за пределами Западного полушария в мирное время. 18 июня западные державы уведомили Москву, что новая денежная единица – немецкая марка заменяет рейхсмарку в западных зонах, а 23-го – распространили свою денежную реформу на западные секторы Берлина. В ответ, сославшись на «технические трудности», Советский Союз объявил о закрытии железнодорожных, шоссейных, водных путей, связывавших Берлин с Западом. Запад воспринял это как блокаду и агрессию. Чего добивалась Москва? «Целью тактики давления Сталина было заставить западные державы пересмотреть лондонское коммюнике и вернуться к переговорам в формате СМИД»¹⁰⁶⁰, – справедливо замечает Джейфри Робертс.

Для обеспечения поддержки этому шагу и для выработки общей позиции было созвано совещание министров иностранных дел восьми восточноевропейских государств в Варшаве, куда поехал и Молотов. Западному блоку и США был продемонстрирован возможный прообраз будущего «Восточного блока». 6 июля в Вашингтоне начались переговоры правительства США и Канады со странами Западного союза по проекту Североатлантического договора. 31 июля Смит привез Молотову предложение о переговорах по урегулированию кризиса: западные страны будут представлять их послы в Москве. 2 августа Сталин

принял послов Смита, Шатеньо и Робертса, которые подчеркнули «неоспоримое право» их стран на оккупацию Берлина. Советский премьер назвал причины установления блокады: решение о создании западногерманского государства, денежная реформа, способная расстроить хозяйство в советской зоне.

«Берлин перестал быть столицей Германии. В Германии оказалось две столицы: одна на западе, другая на востоке. После всех этих изменений, конечно, право трех держав держать свои войска в Берлине потеряло юридическую почву... Если хотите вести переговоры, то надо отложить создание западногерманского правительства. Если все будет создано, то переговоры будет вести не о чем», – подчеркнул Молотов.

Сталин предложил повысить уровень обсуждения до СМИД и сделать предметом переговоров вопросы reparаций, демилитаризации Германии, создания германского правительства, мирного договора с Германией, контроля над Руром. Формула решения конфликта, предложенная Сталиным и Молотовым, – отменить особую валюту (марки «Б») в западных секторах Берлина и ввести валюту советской зоны (дойчемарка), снять транспортные ограничения, отложить создание западногерманского правительства¹⁰⁶¹. Смит докладывал в Вашингтоне 3 августа, что «и Молотов, и Сталин находятся в весьма хорошем и конструктивном настроении», «руssкие не хотят войны» и готовы пойти навстречу¹⁰⁶².

6 августа три посла появились у Молотова с ответами от своих правительств. Они в принципе могли принять формулу «в отношении валюты в Берлине при условии соблюдения некоторых технических требований», подождать с созданием правительства Западной Германии. Но партнеры настаивали, чтобы снятие транспортных ограничений предшествовало замене валют, и настаивали на своем праве контроля за эмиссией дойчемарки. Молотов уверял, что поскольку Москва не претендует на контроль в отношении валюты западных зон, так и другая сторона не может претендовать на контроль над эмиссией в советской зоне и в Берлине. Этот вопрос стал основным камнем преткновения. Молотов встречался с послами еще четыре раза – 9, 12, 16 и 23 августа, причем в последний из этих дней их вновь принял Сталин¹⁰⁶³.

– Правительства трех держав не готовы согласиться на что-либо, что выражало бы тот факт, что Берлин привязан к советской зоне оккупации, – заявил Смит.

30 августа Молотов с послами постарались выработать если не решение, то текст совместного коммюнике. Продвинулись недалеко. А 1 сентября в Бонне открылся Парламентский совет

под председательством Конрада Аденауэра, который приступил к выработке конституции для трех западных зон. 14 сентября западные державы направили в Москву записку, в которой настаивали на создании четырехсторонней финансовой комиссии для контроля над эмиссией восточногерманской марки.

Молотов возобновил переговоры с послами, но они зашли в тупик. В очередной американской ноте заявлялось о переносе рассмотрения берлинского вопроса в Совет Безопасности ООН, и 25 октября уже СБ отклонил предложенный Москвой вариант выхода из кризиса. Блокада Берлина в общей сложности проходила 322 дня. Для обеспечения воздушного моста было осуществлено 212 тысяч полетов (самолеты взлетали и садились каждые две минуты), что делало советские меры по блокаде не очень убедительными.

В Берлинском кризисе Советский Союз на Западе был представлен стороной, провоцирующей напряженность, а жесткая линия Трумэна в глазах общественного мнения Запада получила дополнительное обоснование. Вашингтон активизировал ядерное планирование. В плане «Сиззл» («Испепеляющий удар»), разработанном к концу 1948 года, предусматривалось применение 133 ядерных бомб для ударов по семидесяти городам СССР (8 бомб предполагалось сбросить на Москву и 7 – на Ленинград). Почему этот план не был реализован? У американцев было всего 50 бомб. И отсутствовала уверенность, что атомная атака в принципе способна привести к «капитуляции, уничтожению корней коммунизма или критическому ослаблению способности советского руководства контролировать свой народ», как говорилось в докладе представителей всех родов войск. Кроме того, существовало обоснованное опасение, что ответом на удар по Советскому Союзу может явиться победоносный марш Советской армии из Центральной Европы к Ла-Маншу¹⁰⁶⁴.

В условиях прекращения прямого диалога Москвы и Запада Сталин и Молотов в поисках симметричного ответа прежде всего занялись институционализацией соцлагеря. Зимой – весной 1948 года усилия были направлены на заключение договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с Румынией, Венгрией и Болгарией. Соглашения были однотипными и имели в основе военно-политическую составляющую. При этом формулировка – «помощь в случае войны» по предложению Молотова была заменена на более конкретную: «Оказание помощи против агрессии со стороны Германии или какого-либо другого государства, которое непосредственно или в какой-либо иной форме объединилось бы с Германией в политике агрессии, а не только в войне»¹⁰⁶⁵.

Дополнением к этим шагам стал договор с Финляндией, подписанный в Москве 6 апреля. Первоначальный проект предусматривал максимально широкие обязательства со стороны Хельсинки, но по указанию Молотова был заметно скорректирован и смягчен. Это позволило добиться принятия важной статьи о консультациях в случае «угрозы агрессии». Молотов отверг предложения компартии Финляндии организовать там нечто вроде переворота, чтобы повернуть развитие этой страны по социалистическому пути¹⁰⁶⁶.

Наибольшие проблемы создавали руководители Югославии, озабоченные не столько сотрудничеством с Москвой, сколько созданием под своей эгидой Балканской федерации с Болгарией и Албанией. 21 января 1948 года посол СССР в Белграде Лаврентьев сообщил, что югославами «без согласования с советскими военными советниками решен вопрос о передислокации 2-й пролетарской дивизии в Албанию» – на границу с Грецией. В Кремле были вне себя: Тито мог спровоцировать большую войну с Западом. 1 февраля Молотов шлет телеграмму с предупреждением, что СССР «не может нести ответственность за последствия такого рода действий, совершаемых югославским правительством без консультаций и даже без ведома советского правительства». Тито согласился не вводить войска в Албанию, но отклонил приглашение Молотова приехать в Москву для разговора – послал вместо себя Карделя, Бакарича и Джиласа¹⁰⁶⁷. «Лейтмотив встречи 10 февраля 1948 г. – не спровоцировать Запад не согласованными с советской стороной заявлениями и действиями восточноевропейских коммунистов»¹⁰⁶⁸. Болгары, также приглашенные на встречу, согласились с этим. Но для Белграда это выглядело как грубое наступление Москвы на суверенные югославские права.

Тито, заслушав вернувшихся из Москвы товарищей, заявил, что двусторонние отношения «зашли в тупик», и призвал «выдержать это давление» со стороны СССР, поскольку «здесь речь идет о независимости нашей страны»¹⁰⁶⁹. Югославское ПБ также отметило, что со стороны Кремля проявляется «великодержавный шовинизм». Против подобных формулировок был член ПБ и генеральный секретарь Народного фронта ФНРЮ Сретен Жуйович. 7 марта Молотов благодарил его за то, что «он делает этим хорошее дело как для Советского Союза, так и для народов Югославии, разоблачая мнимых друзей Советского Союза из югославского ЦК». Лаврентьев был вызван в Москву для консультаций. Москва отзывала из Югославии гражданских и военных специалистов.

В конце марта Тито получил послание, подписанное Молотовым и Сталиным. Руководители СССР обвиняли югославских лидеров в создании атмосферы враждебности вокруг советских специалистов, в дискредитации Советской армии, высказываниях в стиле Троцкого о перерождении ВКП(б) и о великореволюционном шовинизме Москвы, о КПЮ как единственном носителе революционного социализма, в отсутствии внутрипартийной демократии и культивировании буржуазных отношений¹⁰⁷⁰. Действительно, Тито был исключительным жизнелюбом, и его образ жизни сильно отличался от того, как в Москве представляли себе поведение лидера братской компартии. Он 3–4 раза в день менял мундиры – они были цвета хаки, голубые, темно-синие и белоснежные, но неизменно украшены золотым шитьем. Пуговицы, кокарды, герб на ремне, погоны, окольш фуражки – из чистого золота. Дополняли эти наряды перстень с бриллиантом, золотая авторучка, очки в золотой оправе, сигарета в длинном изогнутом мундштуке или сигара. Многие из отвоеванных Молотовым на конференциях СМИД у Италии островов вскоре были закрыты для посторонних и там стали обустраивать резиденции Тито, количество которых вскоре достигло двадцати двух, включая бывший королевский дворец в Дединье, виллу в Белграде, весь остров Бриони с дворцами, пляжами, зверинцем, флотилией судов и т. д. и т. п.

Тито написал ответ на 33 страницах и 12 апреля вынес вопрос на рассмотрение пленума ЦК КПЮ, где выступил с часовым докладом, протестуя против лжи и клеветы из Москвы. Возражали Журович и Хебранг, которых здесь же изгнали из руководящих органов. В письме Молотова – Сталина от 4 мая югославское руководство обвинялось в следовании антисоветским курсом и по «пути предательства единого социалистического фронта Советского Союза и народно-демократических республик». Предлагалось обсудить «принципиальные разногласия» на ближайшем заседании Коминформбюро. Тито отказался решать проблему таким образом, клялся в верности учению Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и посадил в тюрьму Журовича и Хебранга за измену. Молотов писал, что в случае их ликвидации «ЦК ВКП(б) будет считать Политбюро КПЮ уголовными убийцами»¹⁰⁷¹.

На заседании Коминформа в бывшем королевском дворце под Бухарестом с подачи Жданова был осужден «позорный, чисто турецкий террористический режим» в Югославии. КПЮ исключалась из Информбюро, прозвучал призыв к «здоровым силам КПЮ... выдвинуть новое, интернационалистское руководство КПЮ». Штаб-квартира Коминформа перемещалась из

Белграда в Бухарест. Оскорбленный Тито собрал съезд партии, на котором заявил, что «народу Югославии нанесена величайшая историческая несправедливость», поклялся в преданности социализму и Советскому Союзу. Зал долго скандировал: «Сталин – Тито!»¹⁰⁷² В КПЮ произошел раскол. Около 55 тысяч открыто высказались в поддержку позиции Москвы. «Информбюровцев», как их стали называть, сразу же причислили к «пятой колонне» и исключили из партии. На островах Голый и Свети-Гргур были созданы концлагеря, куда стали заключать сторонников Советского Союза. Сведения о количестве арестованных варьируются – от 16 312 в официальной югославской литературе до 250 тысяч – в источниках Коминформа; исследователи называют 40–60 тысяч. Уже в 1949 году начнутся аресты русских эмигрантов революционной поры, которых обвиняли в шпионаже¹⁰⁷³. 8 сентября «Правда» клеймила «фракцию Тито», перешедшую на путь пособничества империализму и вырождающуюся «в клику политических убийц»¹⁰⁷⁴. В Москве начал работу «Союз югославских патриотов за освобождение от фашистской клики Тито – Ранковича и империалистического рабства», который занимался подрывной работой против Белграда¹⁰⁷⁵. Опасаясь военной интервенции, Тито обратился за экономической и военной помощью к Западу, который ее охотно предоставил.

Создание Западного блока и конфликт с Югославией ускорили закрепление «Восточного блока», сначала как экономического объединения. На закрытом совещании, открывшемся 7 января 1949 года в Москве, присутствовали по два члена Политбюро от СССР (советское руководство представляли Молотов и Микоян), Румынии, Венгрии, Болгарии, Польши и Чехословакии. По его итогам 29 января было официально заявлено о создании Совета экономической взаимопомощи (СЭВ)¹⁰⁷⁶.

К симметричным ответам Москва стала активно добавлять асимметричные. Они были наиболее заметны в Азии и заключались в создании западным державам максимально возможного набора проблем в их колониях и зонах особых интересов. Большое внимание уделялось поддержке сил национального освобождения в Индонезии, Малайе, Бирме. Но, конечно, главный контрудар наносился в Китае. Под давлением США китайское правительство настояло на выводе весной 1946 года советских войск, тогда как американские оставались. После того как гоминьдановцы начали наступление на северные районы Китая, советское руководство решило поддержать компартию Китая. Москва располагала информацией о готовности США вмешаться во внутрикитайский конфликт – вплоть до приме-

нения ядерного оружия. И ряд исследователей склонны считать советскую блокаду Берлина маневром, который имел настоящей целью увлечь американцев делами Европы. Китайская революция с советской помощью одержит победу.

В контексте асимметричного ответа можно рассматривать и советскую политику на Ближнем Востоке, в том числе и связанную с созданием Израиля. «За всем этим стояли расчеты И. В. Сталина на то, что на Ближнем Востоке возникнет связанное с СССР государство, которое может превратиться в “социалистический остров”, разлагающий арабское феодально-помещичье окружение, и ограничит влияние Великобритании на Ближнем Востоке»¹⁰⁷⁷, – писал академик Примаков. «Кроме нас все были против, – вспоминал Молотов. – Кроме меня и Сталина. Мы, правда, предложили два варианта: либо создать арабо-израильское объединение, поскольку живут там и другая нации вместе, мы поддерживали такой вариант, если об этом будет договоренность. Если нет договоренности, тогда отдельное Израильское государство. Но оставались на позициях антисионистских»¹⁰⁷⁸. 15 мая США признали новое государство де-факто, а СССР, Польша, Чехословакия и Югославия – де-юре. Оружие израильской армии имело советское происхождение: оно закупалось в Чехословакии и транспортировалось через Балканские страны. 3 сентября 1948 года в Москву прибыла первый посол Израиля Голда Меир. Через четыре дня ее вполне радушно принял Молотов. Она поблагодарила за помощь.

– Ничего особенного. Мы оказываем помощь всем народам, которые борются за независимость¹⁰⁷⁹, – уверил ее министр.

После парада 7 ноября был прием для дипкорпуса. «На приеме в МИД к Голде подошла жена Молотова Полина и заговорила с ней на идиш.

– Вы еврейка? – изумилась Голда.

– Я дочь еврейского народа, – ответила Полина.

Скорее всего, это было частью обольщения Голды»¹⁰⁸⁰, – написал Эдвард Радзинский. Но очень быстро отношение к Израилю изменилось. «В Палестине образовалось совсем другое государство, чем ожидал Сталин»¹⁰⁸¹, – объясняет причины Леонид Млечин. И это, помимо прочего, было поставлено в вину Молотову.

...В восприятии людей в СССР и во всем мире вплоть до смерти Сталина Молотов оставался в Советском Союзе человеком номер 2. Но нетрудно установить время, когда он перестал быть таковым. Ерофеев подмечал, что Сталин «стал все более нетерпимо и подозрительно относиться к Молотову. Он слов-

но срывал на нем свою досаду за все то, что ему не нравилось в международных делах. Это проявлялось в разных формах. Записки и всякого рода документы, направляемые Молотовым на утверждение или согласование Сталину, которые раньше проходили без сучка и задоринки, стали все чаще возвращаться перечеркнутыми толстым красным крестом в знак несогласия. Это сильно расстраивало Молотова. Он со своей душой аккуратиста, старательного и ответственного за свои дела, крайне болезненно реагировал как на возвращаемые непринятыми от Сталина бумаги, так и на еженощные, по-видимому, ставшие малоприятными, с ним разговоры, свое раздражение срывал на нас, придирился к мелочам, ходил хмурый и неразговорчивый. Но это было лишь начало в кризисе их отношений»¹⁰⁸².

29 марта 1948 года появилось решение: «В связи с перегруженностью удовлетворить просьбу т. Молотова об освобождении его от участия в заседаниях Бюро Совета министров СССР с тем, чтобы т. Молотов мог заняться главным образом делами по внешней политике» (причем в проекте постановления это звучало еще жестче – «исключительно делами Министерства иностранных дел»)¹⁰⁸³. Когда 9 апреля Молотов по привычке внес проект постановления Совмина о плане распределения фондов муки и продовольственных товаров по регионам, Сталин не стал его рассматривать: «Возвращаю этот документ, так как думаю, что “представлять” его на подпись должны тт. Вознесенский, Берия и Маленков, которые подготавливают проекты постановлений, а не т. Молотов, который не участвует в работах Бюро Совмина»¹⁰⁸⁴. И он действительно не участвовал. Если с начала года и до конца марта он председательствовал на половине из шестнадцати заседаний Бюро, то на последующих заседаниях 1948 года он даже не присутствовал, а в председательском кресле чаще других оказывался Берия¹⁰⁸⁵.

И тогда же, весной 1948 года, вновь начались гонения на Полину Семеновну. 10 мая ее «по состоянию здоровья» освободили от не самой высокой должности начальника Главного управления текстильной и галантерейной промышленности Министерства легкой промышленности РСФСР, которую она занимала¹⁰⁸⁶. Что делать?.. Занялась семьей и детским домом.

Следующим событием, повлиявшим и на Молотова (как и других ключевых руководителей), стал уход Жданова. Ослабление (а затем и смерть) Жданова приводило к ослаблению позиций и Молотова, пусть даже косвенно. Шепилов объяснял: «К Жданову, отмечу, питали большие симпатии наиболее вли-

ятельные, марксистски образованные и просвещенные люди в Политбюро – В. Молотов и Н. Вознесенский. Поэтому цель Берии – Маленкова была ясна: любыми средствами ослабить доверие Сталина к Жданову, на чем-то дискредитировать его. Это означало бы вместе с тем ослабить и даже подорвать доверие Сталина к Молотову и Вознесенскому»¹⁰⁸⁷. 1 августа Жданов умер на Валдае. Медицинская комиссия констатировала смерть от паралича болезненно измененного сердца при явлениях острого отека легких. Медсестра Кремлевской больницы Тимашук опротестовала диагноз врачей, о чем было доложено на ПБ начальником Санупра профессором Егоровым. Под его председательством была создана комиссия, которая пришла к выводу, что лечение было правильным, а заявление Тимашук безграмотно.

Руководство партийным аппаратом перешло к Маленкову. «Его властная позиция, поскольку он соединил в своих руках руководство аппаратом ЦК с обязанностями одного из сопредседателей правительства, приблизилась к прежнему положению Молотова, но в отличие от Молотова Маленков не обладал предпосылками самостоятельного руководства страной: он был опытным администратором, но не самостоятельным политиком»¹⁰⁸⁸, – замечал историк внутриполитической борьбы М. Рейман. Место Жданова в ПБ занял Косыгин. В сентябре 1948 года Stalin ушел в трехмесячный отпуск. На хозяйстве впервые остался Маленков. К этому времени Микоян относит один говорящий за себя случай. Они с Молотовым ужинали в компании Сталина в Мюссерах. «Вдруг в середине ужина Поскребышев встал с места и говорит: “Товарищ Stalin, пока вы отдохаете здесь на юге, Молотов и Микоян в Москве подготовили заговор против вас”. Это было настолько неожиданно, что с криком: “Ах ты, мерзавец!” – я схватил свой стул и замахнулся на него... Молотов побелел, как бумага, но, не сказав ни слова, сидел, как статуя... Видимо, все это было заранее обговорено между Сталиным и Поскребышевым. Подозревать как Молотова, так и меня в кознях против Сталина было бессмысленно. Хотя отдельные критические замечания в его адрес по некоторым вопросам я и высказывал в беседах не только с ним, но и с другими, Молотов меня не выдавал, но всегда вел себя как преданный сторонник Сталина»¹⁰⁸⁹.

21 октября – еще один удар по Молотову. В шифровке «Тов. Маленкову для друзей» премьер в весьма грубой форме отверг поправки к готовившейся конституции Восточной Германии и предложил сообщить в Берлин, что поправки Молотова «неправильны политически» и «не отражают позицию ЦК ВКП(б)»¹⁰⁹⁰.

Молотов стал проявлять повышенную осторожность при принятии самостоятельных решений, стараясь сделать их колективными. Микоян заметил: «Мои частые посещения кабинета Молотова вызывались тем, что, когда Сталин поручал какое-либо дело Молотову (а это обычно касалось вопросов внешней политики), Молотов всегда старался, чтобы не ему одному поручали, а еще двум-трем товарищам»¹⁰⁹¹.

«Все-таки у него была в конце жизни мания преследования. Да и не могла не быть. Это удел всех тех, кто там сидит подолгу»¹⁰⁹², – говорил Молотов.

Глава четвертая

НА ГРАНИ. 1948–1953

*Коба, возомнивший о себе черт
знает что...*

Вячеслав Молотов

Без Полины

В жизни Молотова не было легких периодов. Но тот, который наступил с конца 1948 года, оказался, пожалуй, наиболее драматичным. События развивались стремительно. Stalin поручил МГБ и Комиссии партийного контроля срочно представить материалы на Полину. 24 декабря 1948 года были арестованы Леонид Зускин – народный артист СССР, лауреат Сталинской премии и Ицик Фефер – поэт и ответственный секретарь распущенного Еврейского антифашистского комитета, осведомитель МГБ. 26 декабря Абакумов организовал их очную ставку с Жемчужиной¹⁰⁹³. Фефер уверял, что видел ее в синагоге в 1945 году. Она отрицала. Зускин повторил историю с синагогой и утверждал, что Жемчужина на похоронах Михоэлса говорила о его возможном убийстве. Полина отрицала и это. Арестованный тогда же Лозовский покажет, что через Жемчужину добивался «положительного реагирования» Молотова на обращения еврейской общественности¹⁰⁹⁴.

27 декабря Абакумов и руководитель КПК Шкирятов направили Сталину записку, которая начиналась словами: «По Вашему поручению мы проверили имеющиеся материалы о т. Жемчужиной П. С. ... При выяснении всех этих фактов и на очных ставках Жемчужина вела себя не по-партийному, крайне неискренне и, несмотря на уличающие ее заявления Фефера и Зускина, всячески старалась отказываться от правдивых объяснений»¹⁰⁹⁵. 29 декабря Stalin поставил на Политбюро «сообщение тт. Шкирятова и Абакумова о Жемчужиной П. С.». На сей раз угроза была смертельной. «Когда на заседании Политбюро он прочитал материал, который ему чекисты принесли на Полину Семеновну, у меня коленки задрожали. Но дело было сделано на нее – не подкопаешься. Чекисты постарались»¹⁰⁹⁶. На заседании Политбюро Молотов, как мог, старался защитить жену, чем еще больше разозлил Сталина. Он не голосовал за

постановление ПБ, которое гласило: «1. Проверкой Комиссии Партийного Контроля установлено, что Жемчужина П. С. в течение длительного времени поддерживала связь и близкие отношения с еврейскими националистами, не заслуживающими политического доверия и подозреваемыми в шпионаже; участвовала в похоронах руководителя еврейских националистов Михоэлса и своим разговором с еврейским националистом Зускиным дала повод враждебным лицам к распространению антисоветских провокационных слухов о смерти Михоэлса; участвовала 14 марта 1945 года в религиозном обряде в Московской синагоге. 2. Несмотря на сделанное П. С. Жемчужиной в 1939 году Центральным Комитетом ВКП(б) предупреждение по поводу проявленной ею неразборчивости в своих отношениях с лицами, не заслуживающими политического доверия, она нарушила это решение партии и в дальнейшем продолжала вести себя политически недостойно. В связи с изложенным – исключить Жемчужину П. С. из членов ВКП(б)»¹⁰⁹⁷.

Молотов понимал, что это – только начало. Что целью был и он сам и что удар наносился по самому дорогому. Дед не просто любил свою Полину. Он ее уважал, восхищался ею, гордился. Между ними было абсолютное взаимопонимание, они были одним целым. Полагаю, только это помогло выжить не только им, но и дочери, появившейся на свет внукам, мне. Зная о неминуемом аресте Полины, который должен был стать прелюдией процесса Молотова, они оба просчитали единственную возможную линию поведения – развод, уводящий Молотова из-под прямого и немедленного удара и дающий шанс побороться и за ее свободу, и за жизнь всей семьи. Расчет окажется почти верным.

В апреле 1960 года, едва отметив 70-летие, Молотов сделал короткий набросок того, что он считал самым важным из пережитого. Начинался он мыслями об аресте Полины. «Мне было ясно, что в отношении ее допускается крайняя несправедливость, граничащая с преступной бесчеловечностью. Передо мной встал вопрос – восстать против грубой несправедливости Кобы (Сталина) и пойти на разрыв с ЦК или протестовать, защищая честь жены, но покориться ради того, чтобы, по крайней мере, в дальнейшем продолжать борьбу внутри партии и ЦК за правильную политику партии, за устранение явных и многим не видных ошибок, неправильностей и – главное – за такую линию партии, которая опасно, во вред интересам дела коммунизма, искажалась со стороны зазнавшегося Кобы и поддакивавших ему, прости господи, “соратников”...

У меня было мало сил, чтобы открыто восстать против Кобы, что было бы необходимо при других, более благополучных

для такого дела условиях. В окружении Кобы я не видел людей, которые могли бы возглавить такое дело, т. к. другие были не сильнее меня. Но я не смотрел на будущее и безнадежно. Был уверен, несмотря ни на что: отстаивание подлинно марксистско-ленинской линии, к чему я стремился, как я был уверен, более последовательно и более честно, чем другие, – единственно правильное для коммуниста дело. Только этим я оправдывал свое формальное примирение с явной несправедливостью в отношении Полины, что было большой несправедливостью и в отношении меня самого. При этом я, конечно, чувствовал и понимал, что несправедливость и тяжкие репрессии в отношении Полины являются еще одной попыткой подкопаться под меня самого, расправиться прежде с самым близким мне человеком, а потом, через какое-то время, и со мной. Все шло к этому, и я смотрел правде в глаза»¹⁰⁹⁸.

Восстань Молотов тогда, его сразу бы не стало. Он был бы раздавлен. И Полине бы не помог, и угробил бы себя и семью. А так оставалась возможность борьбы. И за дело, которому он служил, и за жизнь близких. Полина переехала жить к старшей сестре.

19 января 1949 года Stalin распорядился размножить и разослать членам руководящей группы переписку ноября – декабря 1945 года об ошибках Молотова. Он в ответ написал Сталину: «При голосовании в ЦК предложения об исключении из партии П. С. Жемчужиной я воздержался, что признаю политически ошибочным. Заявляю, что, продумав этот вопрос, я голосую за это решение ЦК, которое отвечает интересам партии и государства и учит правильному пониманию коммунистической партийности. Кроме того, признаю свою тяжелую вину, что вовремя не удержал Жемчужину, близкого мне человека, от ложных шагов и связей с антисоветскими еврейскими националистами, вроде Михоэлса»¹⁰⁹⁹. Но отношения уже не восстанавливаются. «Между мной и Сталиным, как говорится, пробежала черная кошка»¹¹⁰⁰.

Полину арестовали 21 января, вызвав в ЦК. Владик Скрябин вспоминал: «Помню, однажды я возвращаюсь домой, а меня встречает совершенно растерянная Светлана и говорит: “Маму забрали, а папа ничего не говорит”. После этого мы с Вячеславом Михайловичем так ни разу и не говорили на эту тему. Думаю, он очень переживал, но нам этого не показывал и вообще стал замкнутым. Но фотографии жены так по-прежнему и стояли у него на рабочем столе, а у Светланы в комнате висел портрет матери»¹¹⁰¹.

Несколько месяцев Полина провела во внутренней тюрьме на Лубянке. Вместе с ней были арестованы ее брат Карпов-

ский, сестра Лишняевская-Карповская, племянник Семен Голованевский, заместитель начальника Главного управления текстильно-галантерейной промышленности Иванов, секретарь Вельбовская, стенографистка Карташева и многие другие¹¹⁰². Следствие шло интенсивно. Арестованные и по делу ЕАК, и по делу самой Жемчужиной громоздили на Полину множество обвинений. Юзефович утверждал, что «Михоэлс и Фефер решили использовать Жемчужину, через которую имелось в виду поставить вопрос перед советским правительством о предоставлении евреям Крыма». Сослуживцы обвиняли в том, что она пользовалась своим положением для выбивания для главка фондов и материалов, что «добивалась незаслуженного премирования сотрудников и даже награждения их орденами и медалями», а также в сексуальных домогательствах в отношении подчиненных. Все это Полина однозначно отвергла.

Она согласилась только с одним пунктом обвинений, с тем, что «брала под свою опеку арестованных врагов народа Серебрякова, Беликова, работниц – Докучаеву, Губанову, Федосову... Перечень фактов моего заступничества за врагов Советского государства не ограничивается случаями, которые я привела в данном протоколе, их значительно больше, однако за давностью времени мне трудно все вспомнить... До последнего времени я оказывала материальную помощь дочери моей ближайшей подруги Слезберг. Я дала ей шестьсот рублей, купила башмаки. Зоя, дочь Серебряковой, также получала от меня поддержку»¹¹⁰³.

29 декабря 1949 года Особое совещание при МГБ приговорило Жемчужину к пяти годам ссылки. Ее отправят в Урицкий район Кустанайской области Казахстана, где пытали одиночеством посередине степи в хижине, вокруг которой в радиусе сотни километров не было вообще ничего. О своей жизни там она мне никогда не рассказывала. Но рассказывала Ольге Аросевой, «как она молила, чтобы ей разрешили хоть кошку в мазанке-хибаре завести. В лагере человек мучился оттого, что жил постоянно на людях, в человеческом скопище, там и умирал. А Жемчужина четыре года ссылки страдала оттого, что не видела вообще никого, кроме постоянно приезжавшего оперуполномоченного. Каждый вечер, прижимая к себе теплую мурлыкающую кошку, она выходила в пустую степь, смотрела на закат и тосковала по дочери и мужу. У нее не было ни радио, ни газет. Никто не мог бы сообщить ей даже самые незначительные новости»¹¹⁰⁴.

Судя по донесениям надзирателей, Полина Семеновна полностью себя контролировала. Она ни слова не сказала о

Молотове, хотя не скрывала, что мужа зовут Вячеслав, а 8 мая отмечала день рождения дочери. Одна из сексоток отметила ее рассказ о том, что она видела Ленина. Никаких больше подозрительных разговоров зафиксировать не удалось¹¹⁰⁵. Берия, проходя мимо Молотова на заседаниях Политбюро, иногда шептал: «Полина жива».

…Время для низвержения Молотова, который все еще являлся министром иностранных дел, было выбрано не самое удачное. 14 января 1949 года Госдепартамент заявил о готовности США присоединиться к Западному союзу, что подтвердил и Трумэн в выступлении 20 января. Речь шла о создании НАТО. Москва решила, пока не поздно, протянуть Америке руку. Отвечая 27 января на вопросы Кингсбери Смита, Сталин предложил подписать декларацию о том, что СССР и США не прибегнут к войне друг с другом, о их готовности осуществить постепенное разоружение, возобновить транспортное сообщение с Берлином по земле, если западные страны откажутся от создания западногерманского государства до очередной сессии СМИД. Сталин выразил готовность встретиться с Трумэном для заключения такого Пакта мира. На следующий день Молотов обнародовал советское заявление с протестом против создания Североатлантического альянса.

1 февраля Кингсбери Смит телеграфировал о готовности Трумэна принять Сталина в Вашингтоне. Советский лидер поблагодарил за приглашение, однако сожалел, что лишен возможности осуществить свое давнишнее желание посетить Вашингтон, «так как врачи решительно возражают против моей сколько-нибудь длительной поездки, особенно по морю или по воздуху». Взамен Сталин предложил провести совещание в Москве, Ленинграде, Калининграде, Одессе, Ялте, в Польше или Чехословакии. 3 февраля Трумэн созвал специальную пресс-конференцию, на которой отверг возможность переговоров в СССР или в Восточной Европе, подтвердив приглашение Сталину посетить Вашингтон «в любое время, когда тот сможет приехать»¹¹⁰⁶. Создание НАТО стало выглядеть неизбежным.

В этих условиях, скорее всего, под воздействием ощущения нараставшей внешней угрозы Сталин предпринял ряд решительных внутриполитических шагов, которые затронули сферы экономики, дипломатии и обороны. Как и в 1930-е годы, не останавливался он и перед возобновлением репрессий. В рамках «ленинградского дела» и «дела Госплана» под удар попала группа высших руководителей, включавшая Вознесенского и Кузнецова. В постановлении Политбюро от 15 февраля 1949 года им инкриминировалась организация на широкую ногу Все-

союзной оптовой ярмарки в Ленинграде с продажей товаров, «которые распределяются союзным правительством по общегосударственному плану», «нездоровый, небольшевистский уклон», выражавшийся в демагогическом заигрывании с ленинградской организацией, в ох�ивании ЦК ВКП(б)¹¹⁰⁷.

Затем Сталин принялся за Молотова. 4 марта 1949 года Политбюро освободило Молотова от обязанностей министра иностранных дел. Министром стал Вышинский. Решение принималось без обсуждения. Проект соответствующего постановления Политбюро написан на одном листочке рукой Маленкова, голосование опросом – на обороте¹¹⁰⁸. Версий резкой опалы Молотова множество. У него самого однозначного ответа не было. Он предполагал, что это могло быть связано либо с действительным недоверием в связи с «делом Жемчужиной», либо следствием прогрессирующей паранойи Сталина. Есть и другие объяснения. Мне представляется, гадать не стоит: правильный и ясный ответ даст сам Сталин на октябрьском пленуме ЦК 1952 года. Потерпим немногого.

Бюро Совмина было преобразовано в Президиум СМ, председательствование на его заседаниях было возложено «поочередно на заместителей председателя Совета министров СССР тт. Берия, Булганина, Маленкова, Кагановича и Сабурова»¹¹⁰⁹. 9 апреля при обсуждении на ПБ рутинного вопроса о порядке поступления в ЦК бумаг, связанных с международными делами, Сталин собственноручно вычеркнул из проекта постановления абзац, который гласил: «Поступающие в Совет министров СССР вопросы, касающиеся внешнеполитических сношений, вносятся непосредственно в Политбюро ЦК ВКП(б) т. Молотовым». Это право получил Вышинский¹¹¹⁰.

Молотову поручалось наблюдение за Внешнеполитической комиссией ЦК, которая создавалась взамен ликвидированного отдела внешних сношений ЦК. Сфера ответственности комиссии: связи с зарубежными компартиями; работа Информбюро, международная деятельность общественных организаций – ВЦСПС, ВОКС, Совинформбюро, антифашистские комитеты, Союз писателей и т. д.; наблюдение за находившимися в СССР политэмигрантами. Председателем Внешнеполитической комиссии был назначен Григорьян, перешедший из газеты «За прочный мир, за народную демократию!», первым замом – возглавлявший ранее Совинформбюро Борис Пономарев. Из числа функций отдела внешних сношений ЦК за Внешнеполитической комиссией не был оставлен контроль над кадрами. Для этого Политбюро создало специальный отдел кадров дипломатических и внешнеторговых органов ЦК. «Сталин давал понять

своему давнему сподвижнику: прежнего доверия к нему уже нет»¹¹¹¹. По утверждению Судоплатова, на квартире Молотова была установлена прослушивающая аппаратура¹¹¹².

Но 12 июня решением ПБ Молотова обязали «сосредоточить свою работу на руководстве делами Министерства иностранных дел и Внешнеполитической комиссии». То есть формально поставили не только над Григорьянном, но и над Вышинским¹¹¹³. Отношения между ним и Молотовым были специфическими. Вот что наблюдал Владимир Ерофеев: «Даже будучи министром иностранных дел в 1949–1953 гг., Вышинский продолжал лебезить перед Молотовым, за которым Сталин оставил общее наблюдение за деятельностью МИДа с поста заместителя председателя Совета министров. Молотов не любил Вышинского, но старался скрывать это, хотя иногда, когда был министром, срывалялся. Я бывал свидетелем того, как заикающийся от волнения Молотов кричал на Вышинского: “Меньшевик! Саботажник!”, а тот в ответ, красный и с топорщившимися усами, пытался отвечать: “Вы не имеете права! Буду жаловаться в ЦК”. После подобных сцен проходило немного времени, и Вышинский с деланой улыбкой прокрадывался через наш секретариат в кабинет Молотова с пачкой документов под мышкой и готовностью угодить начальству»¹¹¹⁴.

В августе – новый виток «ленинградского дела»: Кузнецова, Попкова, Родионова, Лазутина арестовали прямо в здании ЦК ВКП(б) при выходе из кабинета Маленкова¹¹¹⁵. Месяц спустя по указанию Сталина была проведена чистка командования Ленинградского военного округа. На просьбу Вознесенского к Сталину дать ему работу последовало заключение КПК во главе со Шкирятовым о том, что в Госплане по вине Воскресенского «укоренилась система преступного отношения к делу охраны государственной тайны и обеспечения сохранности секретных материалов». 27 октября Вознесенского арестовали.

На XXII съезде КПСС «ленинградское дело» будет инкриминировано Маленкову, расчищавшему себе таким образом дорогу к власти. А Хрущев в мемуарах припишет интригу еще и Берии¹¹¹⁶. Серго Микоян, зять Кузнецова, со знанием дела добавлял еще один штрих: «Что касается обвинения и “признаний”, рассчитанных на психологию Сталина, то все дело было в недовольстве кавказским засильем в Кремле со стороны молодых русских членов руководства... Берия был уверен, что Stalin клюнет именно на такое обвинение. И Stalin клюнул. Будучи интриганом от рождения и ощущая комплекс неполноценности от того, что является грузином во главе, по сути дела, Российской империи, он всегда опасался интриги или заговора

со стороны русских (он даже остерегался Молотова – самого верного своего сторонника). Расчет Берии оказался совершенно точным»¹¹¹⁷. Молотов, кстати, такой мотив тоже подтверждал: «В “ленинградском деле” был какой-то намек на русский национализм»¹¹¹⁸. Сталин дал добро на казнь Вознесенского и Кузнецова.

Осенью 1949 года едва не началось «московское дело». 1 ноября ПБ создало комиссию для проверки деятельности секретаря ЦК, МК, МГК и председателя Моссовета Георгия Попова. Его освободили от всех его должностей в Москве и назначили руководителем специально для него созданного Министерства городского строительства. В столицу из Киева был вызван человек, который был вновь утвержден одновременно секретарем ЦК ВКП(б) и московской парторганизации, – Хрущев.

Молотов уже не был лицом советской дипломатии и самым вхожим к Сталину руководителем. Но и сказать, что Сталин не замечал Молотова, нельзя. В 1949 году журнал посещений зарегистрировал 84 его захода в кабинет председателя правительства (чаще заходили туда Маленков – 107 раз и Берия – 104 раза), в 1950-м – 59 (больше, чем кто-либо другой), в 1951-м – 37 (Берия – 47, Маленков – 44), в 1952 году – 27 (Берия – 38, Маленков – 37)¹¹¹⁹. Хлевнюк приходил к выводу: «Молотов, по крайней мере, до осени 1952 года активно занимался внешнеполитическими делами, хотя и не в таком объеме, как прежде. В соответствии с установленным порядком через Молотова проходили все вопросы Внешнеполитической комиссии, а также вопросы, инициировавшиеся МИД и преимущественно касавшиеся связей с восточноевропейскими сателлитами и посыпкой разного рода делегаций. Многие мидовские инициативы докладывались Вышинским непосредственно Сталину, похоже, в обход Молотова. В целом, однако, создается впечатление, что Вышинский старался скорее взаимодействовать с Молотовым, чем избегать его. Решение ряда внешнеполитических проблем Молотову поручал и сам Stalin»¹¹²⁰.

При этом степень публичности Молотова и его влиятельности резко уменьшилась. С марта 1949 года Молотов на шесть месяцев вообще исчез для внешнего мира, который гадал, что с ним случилось? В западной прессе и в дипломатических кругах обсуждались следующие основные версии. Существовало мнение, что Молотов проявил слишком большую жесткость во внешней политике. Версия отпала после первых публичных заявлений Вышинского, на фоне которых Молотов выглядел настоящим «голубем». Другие, наоборот, считали, что Молотов допускал чрезмерную мягкость. Третий уверяли, что Stalin,

собираясь на покой, решил его к себе приблизить. Высказывалось предположение, что Молотов сконцентрировался на восточноазиатских делах и на месте руководит китайской революцией. Впрочем, для непосвященных он продолжал оставаться вторым лицом в государстве¹¹²¹. Ничего об аресте его жены и конфликтах со Сталиным известно не было.

Впервые после перерыва Молотов появился на публике у гроба маршала Толбухина. На ноябрьские праздники он произнес речь с Мавзолея, а в декабре был замечен на вокзале, где встречал Мао Цзэдуна. К 70-летию Сталина каждый из членов Политбюро получил возможность опубликовать статью о заслугах юбиляра. Первым эта честь была предоставлена все-таки Молотову. Племянник Молотова вспоминал: «Однажды мы завтракали, и вдруг Вячеславу Михайловичу позвонил Сталин: “Мне Берия сказал, ты письмо не подписываешь”. Тогда как раз накануне его 70-летия готовилось поздравительное письмо. “Да, – говорит Молотов, – не подписываю, потому что там тебя назвали гениальным. А по моему мнению, гениальным был Ленин, а ты – великий”. “Ну ладно, – согласился Stalin, – я скажу, чтобы исправили”. Правда, никто ничего исправлять не стал, и Молотову все-таки пришлось подписать письмо с “гениальным” Сталиным»¹¹²².

Это был необычный юбилей. На сцене Большого театра – море цветов и знамен, обрамлявших огромный портрет Сталина. В президиуме – члены Политбюро и лидеры братских партий. Отзвучали восторженные речи. Все ждали, что сейчас Stalin поднимется и произнесет речь или хотя бы слова благодарности. Зал, стоя, аплодирует. Stalin тоже стоит и тоже аплодирует. Овации нарастают. Генсек не меняет безучастного выражения лица и медленно хлопает в ладоши. Проходит пять минут, десять… Заседание объявляется закрытым¹¹²³.

9 марта 1950 года отмечалось уже 60-летие Молотова. Как будто ничего не произошло. Его наградили четвертым орденом Ленина. На карте страны появилось еще несколько поселков и кишлаков, названных его именем. В Нолинске, ставшем Молотовском еще в 1940 году, в доме Скрябина начали работать Дом-музей Молотова.

В те нечастые случаи, когда Stalin встречался с зарубежными визитерами, Молотов был рядом, и никто не чувствовал напряженности в отношениях между ними. Один из гостей поинтересовался:

– А какова точка зрения господина Молотова на этот вопрос?

– Та же, что и товарища Сталина, – последовал политически корректный ответ.

А Сталин улыбнулся и добавил:

– Я всегда соглашаюсь с Молотовым¹¹²⁴.

Круг обязанностей Молотова немного расширился. Незадолго до юбилея – 13 февраля – его поставили во главе бюро СМ СССР по транспорту и связи. Это позволило ему вновь участвовать в заседаниях Президиума Совмина. 28 марта под руководством Молотова при СМ образовывалась постоянная комиссия для рассмотрения проектов годовых и квартальных планов железнодорожных и водных перевозок и разработки мероприятий по ликвидации встречных и дальних перевозок¹¹²⁵.

Сталин все меньше и меньше внимания уделял повседневным делам. В 1950 году он принимал посетителей в Кремле 73 дня (с учетом 18-недельного отпуска и болезней), в 1951 году – 48, а в 1952-м (когда отпуска не было) – лишь 45 дней¹¹²⁶. Во время его отсутствия работала «семерка» в составе: Молотов, Микоян, Каганович, Маленков, Берия, Булганин, Хрущев. 7 апреля 1950 года «семерка» приняла предложение Сталина о создании Бюро Президиума Совмина и назначении первым заместителем председателя правительства Булганина. В состав Бюро вошли на правах простых заместителей Берия, Каганович, Микоян и Молотов. На еженедельных заседаниях Бюро, а также самого президиума, который должен был собираться раз в десять дней, в отсутствие Сталина председательствовал теперь только Булганин¹¹²⁷. По составу и компетенции руководителей Бюро президиума напоминало ГКО времен войны. Вопрос о большой войне действительно витал в воздухе.

НАТО и Восточный гамбит

18 марта 1949 года Госдеп США обнародовал текст договора о создании НАТО. Советское правительство ответило жестким меморандумом: «Из великих держав лишь Советский Союз исключен из числа участников этого договора, что можно объяснить только тем, что этот договор направлен против Советского Союза... Североатлантический договор предназначен для устрашения государств, не согласных подчиняться диктату англо-американской группировки держав, претендующих на мировое господство». Напоминалось и о том, что создание НАТО прямо противоречило заключенным в годы войны договорам между союзниками, в которых стороны брали на себя обязательства «не заключать никаких союзов и не принимать участия ни в каких коалициях», направленных против другой стороны¹¹²⁸.

Вашингтонский договор был подписан 4 апреля. Атлантическая солидарность и военное присутствие США в странах Старого Света стали важнейшими скрепами западной цивилизации. Неофициальной формулой альянса станет: держать США в Европе, Германию – под спудом, а Россию – вне Европы («*America – in, Germany – down, Russia – out*»). Тогда же объединились три западные оккупационные зоны, на базе которых уже вовсю строилось западногерманское государство. Теперь Запад был готов проявить великодушие, согласившись на проведение сессии СМИД. Она прошла в Париже с 23 мая по 20 июня, впервые без участия Молотова. Но именно он вносил на утверждение ПБ директивы советской делегации, где в числе главных для СССР вопросов назывались: о валюте в Берлине, о мирном договоре с Германией, о четырехстороннем контроле и об экономических отношениях между восточной и западной зонами Германии. Вышинскому ставилась задача – препятствовать дальнейшей интеграции западных оккупационных зон Германии и стремиться вернуться к контролю над ней со стороны всех четырех держав, добиваться соглашения о подготовке мирного договора с Германией. При этом Москва впервые соглашалась не связывать заключение договора с предварительным образованием правительства единой Германии, а также предлагала вывести с ее территории все оккупационные войска в течение года после подписания такого договора¹¹²⁹.

В Париже стало понятно – и партнеры по переговорам это почувствовали, – как изменилась тональность советской внешней политики с приходом Вышинского. Ерофеев, тогда секретарь коллегии МИДа, обратил внимание: «Без особой нужды он вносил в дискуссии на Генассамблее ООН или на других международных конференциях идеологические мотивы. Если Молотов и наши ведущие дипломаты использовали их в меру, в достаточно выдержанном тоне, а главное – к месту, то он рушил империалистов США и их сателлитов наотмашь направо и налево. Все это порой походило на спектакль, а не на деловое обсуждение практических международных проблем»¹¹³⁰.

Советскому Союзу и его дипломатии стало полегче 29 августа 1949 года. В тот день «в 4 часа утра по московскому времени и в 7 утра по местному времени в отдаленном степном районе Казахской ССР в 170 км западнее г. Семипалатинска, на специально построенном и оборудованном опытном полигоне получен впервые в СССР взрыв атомной бомбы, исключительный в своей разрушительной и поражающей силе мощности». Никаких официальных заявлений на этот счет сделано не было – Москва не хотела нагнетать страсти. 23 сентября Трумэн

сообщил о наличии у него сведений о ядерном взрыве в СССР, за этим последовали заявления правительства разных стран и панические статьи в западной прессе. ТАСС опроверг сообщения об атомном взрыве, сославшись на многочисленные взрывные работы в стране с применением новейших технологий, а также напомнил, что «еще 6 ноября 1947 года министр иностранных дел В. М. Молотов сделал заявление относительно секрета атомной бомбы, сказав, что “этого секрета давно уже не существует”». Это заявление означало, что Советский Союз уже открыл секрет атомного оружия и он имеет в своем распоряжении это оружие. Таким образом, Кремль «состарил» свою ядерную программу на два года, что должно было создать впечатление наличия у него большого ядерного потенциала¹¹³¹.

В то же время Кремль не приветствовал злоупотребление ядерным блефом. Молотов направил директиву Вышинскому, который находился в Нью-Йорке на Генассамблее ООН: «Обращаем Ваше внимание на то, что Вы поступили неправильно, когда в своей речи в Специальном политическом комитете 10 ноября по вопросу об атомном контроле заявили, что США могут допустить просчет в отношении количества атомных бомб в Советском Союзе. Вам не следовало делать заявлений в таком воинственном тоне»¹¹³².

В конце 1949 года резидентура в Лондоне добыла документы о создании в США более мощного вида ядерного оружия – термоядерного. Были также получены принципиальная схема водородной бомбы и основные параметры конструкции¹¹³³. «Всякого рода шантажисты из этого лагеря вчера нас запугивали атомной бомбой, – скажет Молотов избирателям в марте 1950 года. – Сегодня они запугивают так называемой “водородной бомбой”, еще не существующей на деле. Им следовало бы не так уж бахвалиться и не мешало бы зарубить себе на носу, что, пока они занимались шантажом насчет монопольного обладания атомной бомбой, советские люди, как известно, не теряли попусту время, а овладели секретом производства атомной энергии и атомного оружия... Мы всецело стоим за ленинско-сталинские принципы мирного существования двух систем и за их мирное экономическое соревнование»¹¹³⁴.

Трумэн был неприятно удивлен известием о советском ядерном оружии и первое, что сделал, уволил директора ЦРУ Генри Хилленкайтера, который предсказывал советскую бомбу не раньше 1953 года. Сразу же начался новый раунд военного планирования, не оставшийся не замеченным советской разведкой. К началу 1950 года ОКНШ подготовил план «Дропшот», предусматривавший уничтожение СССР в четыре этапа. Пер-

вый – шестимесячная бомбардировка 200 советских городов с использованием 300 атомных бомб и обычных средств с уничтожением 85 процентов экономического потенциала и основной части вооруженных сил. Второй – развертывание 160 дивизий США и их союзников для наступления в Восточную Европу и СССР. Третий – разгром советских сухопутных сил. Четвертый – ликвидация режима и оккупация Советского Союза. Гитлер отдыхает. Правда, в середине 1950 года план был скорректирован (план «Шейкдаун») и предусматривал нанесение ударов лишь по 104 городам с применением 220 ядерных бомб¹¹³⁵.

В сентябре 1949 года парламентскими выборами завершилось формирование Федеративной Республики Германия. В ответ Москва приняла решение ввести в действие конституцию ГДР и создать в Берлине ее временное правительство. Разделение Германии, против чего много лет работал Молотов, стало реальностью.

– Нам не удалось найти общий язык с нашими союзниками во Второй мировой войне по этому вопросу, – не скрывал он своего разочарования. – Сепаратные действия Соединенных Штатов Америки, Англии и Франции привели к расколу германского государства, а затем и к растаскиванию по частям Западной Германии, к отрыву от нее Саара, а также к отделению промышленного Рура. Эта политика не может не кончиться скандалальным провалом¹¹³⁶.

США определились со стратегическим выбором Европы. Только ее политическое и военное объединение может остановить СССР и снять бремя защиты Старого Света, которое Вашингтон нес практически в одиночку. Центральным в его подходе стала ремилитаризация Германии. В то же время в США сочли, что для сдерживания возрождаемого германского могущества необходим будет «самостоятельный» проект единства западноевропейских стран. Практический путь к европейской интеграции открыла декларация министра иностранных дел Франции Шумана, который 9 мая 1950 года обратился к правительству ФРГ с предложением начать новую главу в отношениях, передав угольную и сталелитейную промышленность двух стран под управление общего наднационального органа. Аденауэр поддержал план Шумана, рассчитывая вернуть Германию за стол великих держав¹¹³⁷. Договор об учреждении Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) был согласован в июне 1950 года в Париже с участием Франции, Германии, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга и Италии.

В Советском Союзе эти планы, приведшие в итоге к созданию Европейского союза, рассматривались почти исключи-

тельно (и не без оснований) в контексте возможного включения Германии в систему западных военных альянсов. Молотов, информируя ПБ о «плане Шумана», делал акцент на то, что он «направлен на ремилитаризацию Западной Германии»¹¹³⁸. Еще большее беспокойство в Москве вызывал план французского премьера Плевена о создании Европейского оборонительного сообщества, предусматривавшего формирование единой европейской армии.

Ответом Кремля стал созыв совещания министров иностранных дел восточноевропейских государств в Праге в октябре 1950 года, целиком посвященного германскому вопросу. Решение Политбюро о подготовке этого совещания предусматривало: «Поручить тов. Молотову: окончательно отредактировать текст указаний послем и посланникам; представить в Политбюро окончательно отредактированный проект совместного заявления министров иностранных дел 8 стран»¹¹³⁹. Причем Советский Союз представлял в Праге – редкий случай для тех лет – Молотов. Там, в узком кругу, он сделал ряд заявлений, которые прозвучали сенсационно. Польскому министру Модзоловскому показалась слишком слабой формулировка проекта декларации, где осуждалось участие в воссоздании германской армии гитлеровских генералов. Действительно, в этом участвовали Гальдер, Гудериан, Мантейфель, фон Шверин. Модзоловский предложил добавить: «военные преступники».

– Надо ли нам усиливать характеристику вообще гитлеровских генералов? – неожиданно спросил Молотов. – Как бы не получилось так, что всех их мы относим к одному рангу военных преступников. Я хотел бы отметить, что в проекте заявления нет ни слова критического, ругательного в отношении «правительства Аденауэра». Мы считаем, что наш документ должен быть направлен против трех оккупационных держав – США, Англии и Франции, поскольку они являются командающими в Западной Германии. «Правительство Аденауэра» мы нигде не затрагиваем непосредственно. Более того, в наших конкретных выводах мы как бы приглашаем это правительство участвовать в создании Общегерманского учредительного совета¹¹⁴⁰.

Молотов, отмечает Джейфри Робертс, «весьма активно участвовал в работе конференции и демонстрировал впечатляющее мастерство ведения дискуссии. Он дал понять, что целью Советов была объединенная, демократическая и миролюбивая Германия, и настаивал, чтобы будущий Общегерманский совет включал в себя демократические силы Западной Германии, а также представителей правительств и парламентов ФРГ и ГДР. Можно говорить, что Запад проигнорировал Пражскую декла-

рацию и продолжил воплощать в жизнь планы создания европейской армии»¹¹⁴¹.

...В Азии до 1949 года Кремль оказывал помощь коммунистическому движению с очевидной осторожностью. На начальной стадии гражданской войны в Китае Сталин не исключал возможности разделения страны на две части по реке Янцзы – Север для КПК, Юг – для Гоминьдана. Даже когда под натиском войск компартии правительство Чан Кайши бежало из Нанкина в Гуаньчжоу, советское посольство последовало туда же¹¹⁴². В течение двух лет Мао Цзэдун добивался возможности приехать в Москву, но Сталин под всяческими предлогами визит откладывал. С созданием НАТО в Кремле сочли необходимым форсировать китайскую революцию. Гоминьдановцы во главе с Чан Кайши с американской помощью эвакуировались на Тайвань.

1 октября 1949 года была провозглашена Китайская Народная Республика. В тот же день Политбюро приняло решение об установлении дипломатических отношений с КНР и о разрыве отношений с правительством Гоминьдана. Мао получил приглашение в Москву, приуроченное к 70-летию Сталина. За Председателем КНР был послан поезд, для него подготовили особняк на улице Островского, 9, и дачу в Заречье. 16 декабря поезд с китайским лидером прибыл на Ярославский вокзал. Встречал гостя Молотов. Крупное лицо без единой морщины, огромный покатый лоб, прямые черные, зачесанные назад волосы, на подбородке большая родинка. Встреча, по мнению Мао Цзэдуна, была сухой и официальной. В шесть часов вечера Мао был у Сталина. На встрече, прошедшей с участием Молотова, генсек дал понять, что его не вполне устраивает торопливость Мао в установлении социалистических порядков, это повышает шанс конфликта с Западом. Китайский лидер заверил, что пока не станет трогать национальную буржуазию и иностранные предприятия.

Затем четыре дня Мао томился в Заречье, где Молотов носил ему визиты вежливости, как и Булганин, Микоян, Вышинский. Молотов вспоминал, как пил в гостях у Мао зеленый китайский чай и выслушивал удивительные заявления. Например, что лидер китайских коммунистов не читал «Капитал» Маркса. Или о желании расселить несколько миллионов китайцев на советском Дальнем Востоке¹¹⁴³. Но на юбилее 21 декабря Мао был посажен по правую руку от Сталина как самый важный гость.

А затем китайский руководитель не мог целый месяц вновь повидаться со Сталиным. Его возили по предприятиям Москвы

и Ленинграда, показывали фильмы, лечили от пародонтоза и крапивницы. Сталин показывал, кто хозяин в комдвижении. Мао вынужден был терпеть: ему нужна была помощь для превращения Китая в мировую державу. Сталин не спешил дать согласие на официальный межгосударственный договор и поменял свою позицию сразу, как стало известно о признании КНР со стороны Великобритании, что произошло именно из-за самого факта пребывания Мао в советской столице.

12 января Ачесон, выступая в Национальном пресс-клубе в Вашингтоне, явно в провокационных целях заявил, что затянувшийся визит Мао означает оформление присоединения к СССР Северного Китая и Синьцзяна. Молотов просил Мао отвергнуть подобные утверждения на уровне китайского МИДа. Тот ответил уколом, написав опровержение лишь от имени своего пресс-секретаря да еще и с намеком на непризнание независимости Монголии. 21 января Мао и Чжоу Эньлай были приглашены в Кремль, где Сталин и Молотов дали понять, что Москве не нужен еще один Тито. После чего Сталин пригласил отобедать на Ближнюю дачу¹¹⁴⁴.

22 января 1950 года он обсудил с Мао общее содержание договора о дружбе и союзе. Договор, текст которого готовили Молотов и Чжоу Эньлай, был подписан 14 февраля. К нему прилагались и дополнительные секретные соглашения, которые предоставляли СССР привилегии в Северо-Восточном Китае и Синьцзяне, откуда выселялись все несоветские иностранные граждане. Сталин и Молотов настояли также на паритете в управлении Китайской Чанчуньской железной дорогой (бывшей КВЖД). Договор предусматривал военное сотрудничество и советскую помощь в строительстве пятидесяти промышленных предприятий. Порт-Артур и Далянь оставались под совместным управлением и должны были быть переданы КНР после подписания мирного договора с Японией, но не позднее конца 1952 года. Договор был крупнейшим достижением советской дипломатии. Теперь США предстояло иметь дело с двумя огромными странами, связанными взаимными гарантиями безопасности¹¹⁴⁵.

С Мао также была достигнута договоренность и о совместной помощи вьетнамской армии Хо Ши Мина, который в конце Второй мировой войны оказался во главе временного революционного правительства, боровшегося как с японцами, так и французами. Мао уговорил Сталина признать режим Хо, которого доставили через Пекин в Москву, подгадав приезд к прощальному обеду, который Сталин дал в честь Мао 16 февраля. Помощь Пекина и Москвы станет решающим фактором побед вьетнамской армии над французами.

В Пекин Мао и Хо возвращались одним поездом. На вокзале их провожал Молотов, как показалось китайским товарищам, деловой и сосредоточенный. Впереди поезда шел состав с советскими летчиками, направлявшимися защищать Шанхай и прибрежные китайские города от гоминьдановцев и их американских союзников. А сзади – эшелон с МиГами¹¹⁴⁶.

– До Второй мировой войны в Азии существовало только одно демократическое государство – Монгольская Народная Республика, – говорил Молотов в марте. – Теперь создалась Корейская Народная Республика, которая стремится к полному национальному объединению и которая, несомненно, этого добьется. Важное значение образования Демократической Республики Вьетнам очевидно. После Октябрьской революции в нашей стране победа народно-освободительного движения в Китае является новым сильнейшим ударом по всей системе мирового империализма и по всем планам империалистической агрессии в наше время. Заключенный в феврале месяце договор о братском союзе между СССР и Народной Республикой Китай превращает советско-китайскую дружбу в такую великую и могучую силу в деле укрепления мира во всем мире, равной которой нет и не было в истории человечества¹¹⁴⁷.

Первым серьезным испытанием советско-китайского партнерства стала война в Корее. Южнокорейский президент Ли Сын Ман добивался от американцев помощи в завоевании Севера, чем только подтолкнул вывод войск США, которые не хотели быть втянутыми в войну¹¹⁴⁸. Северокорейские лидеры в сентябре 1949 года обратились к руководству СССР за санкцией на вторжение на Юг с целью объединения страны. Политбюро это предложение сначала не одобрило. В утвержденной Маленковым, Молотовым и Громыко 24 сентября 1949 года директиве Ким Ир Сену сообщалось, что предлагаемое «военное наступление на юг является сейчас совершенно неподготовленным и поэтому с военной точки зрения оно недопустимо... Если военные действия начнутся по инициативе Севера и примут затяжной характер, то это может дать американцам повод ко всякого рода вмешательству в корейские дела»¹¹⁴⁹.

В Москве внимательно следили за развитием корейской ситуации. Не осталось незамеченным заявление Ачесона о том, что американский «периметр безопасности» не включает в себя Южную Корею, как и сверхсекретный доклад СНБ с тем же выводом. Молотову было поручено обсудить эту ситуацию с Мао Цзэдуном и Ким Ир Сеном, проинформировав, что преобладающее мнение в США – не вмешиваться во внутрикорейские дела¹¹⁵⁰. 10 апреля 1950 года Ким Ир Сен встречался со Стали-

ным, Молотовым, Маленковым и Вышинским. Окончательных выводов сделано не было. Но 14 мая Кремль проинформировал Мао, что в силу изменившейся международной обстановки согласен «с предложением корейцев приступить к объединению. При этом было оговорено, что вопрос должен быть решен окончательно китайскими и корейскими товарищами совместно». Мао дал добро¹¹⁵¹.

Войска Ким Ир Сена начали наступление на Юг. США требовали от Москвы «употребить свое влияние в отношении северокорейских властей с тем, чтобы они немедленно отвели свои вторгнувшиеся силы». Москва ответила, что «происходящие в Корее события спровоцированы нападением войск южнокорейских властей на приграничные районы Северной Кореи. Поэтому ответственность за эти события ложится на южнокорейские власти и на тех, кто стоит за их спиной»¹¹⁵². Громыко уже подготовил для советской делегации в ООН проект соответствующей директивы, когда позвонил Сталину: «По моему мнению, советскому представителю не следует принимать участия в заседании Совета Безопасности»¹¹⁵³.

Малик демонстративно отсутствовал на заседании СБ ООН 27 июня, когда рассматривалась западная резолюция об оказании помощи Южной Корее для отражения нападения. Так же, как и 7 июля при голосовании резолюции о создании объединенного командования войск ООН в Корее под руководством США. В ответ на запросы руководства ООН и западных столиц из Москвы прозвучало официальное заявление: «Советскому правительству при всем желании невозможно было принять участие в заседаниях Совета Безопасности, так как в силу позиции правительства США постоянный член Совета Безопасности – Китай не допущен в Совет, что сделало для Совета Безопасности невозможным принимать решения, имеющие законную силу»¹¹⁵⁴.

Обострение в Корее было продолжением асимметричного ответа на западное наступление в Европе. Подтверждение этому есть и в телеграмме Сталина Готвальду от 27 августа 1950 года: СССР умышленно манкировал заседаниями СБ ООН, благодаря чему Америка «впуталась в военную интервенцию в Корее и там растрачивает теперь свой военный престиж и свой моральный авторитет». Сталин не исключал, что Вашингтон будет и дальше увязать в войне на Дальнем Востоке и втянет в прямое противостояние КНР. Что тогда? «Во-первых, Америка, как и любое другое государство, не сможет справиться с Китаем, имеющим наготове большие вооруженные силы. Стало быть, Америка должна надорваться в этой борьбе. Во-вторых,

надорвавшись на этом деле, Америка будет не способна в ближайшее время на третью мировую войну. Стало быть, третья мировая война будет отложена на неопределенный срок, что обеспечит необходимое время для укрепления социализма в Европе. Я уже не говорю о том, что борьба Америки с Китаем должна революционизировать всю Дальневосточную Азию»¹¹⁵⁵. Сталин и Молотов открыли против США «второй фронт». Не открывая первого.

На начальной стадии войны силы Северной Кореи добились серьезных успехов, взяв Сеул и прижимая войска Ли к югу полуострова. В конце июня Трумэн отдал приказ об оказании военной помощи Ли Сын Ману, а затем и об отправке в Корею американских войск в голубых касках ООН. 16 сентября 50-тысячный американский десант под командованием генерала Макартура неожиданно высадился в районе Инчона, создавая плацдарм для удара северокорейским войскам в тыл. 19 октября ооновские войска заняли Пхеньян и продвинулись дальше в сторону границы с Китаем. Северную Корею ждал неминуемый и полный разгром, от которого ее спасло лишь вмешательство Пекина, который поддался уговорам Сталина: «Если война неизбежна, то пусть она будет теперь, а не через несколько лет, когда японский милитаризм будет восстановлен как союзник США и когда у США и Японии будет готовый плацдарм на континенте в виде лисынмановской Кореи». Мао дал согласие, оговорив, однако, предоставление поддержки с воздуха¹¹⁵⁶.

Всего Китай выставил на поле боя более 3 миллионов солдат, США – больше миллиона. С ноября 1950 года наземные и морские операции китайской и корейской армий прикрывал специально сформированный 64-й истребительный авиакорпус советских ВВС со штабом вблизи китайского Аньдуна в составе (в разное время) до 15 советских авиадивизий. Советскими летчиками были сбиты 1097 самолетов противника при потере 319 собственных боевых машин¹¹⁵⁷. Наступление китайских войск на юг привело к захвату Сеула. Однако в марте 1951 года войска США перешли к широкомасштабной операции «Потрошитель» и вновь вышли на 38-ю параллель.

Война в Корее показала примерное равенство сил двух крупнейших сверхдержав – СССР и США. При этом Сталин сделал вывод о том, что «американцы не умеют воевать»¹¹⁵⁸. В Вашингтоне же война была использована для решения задачи достижения «абсолютного военно-стратегического превосходства над СССР»¹¹⁵⁹. Именно такого рода информация доминировала в сообщениях, которые поступали на стол Молотова по дипло-

матическим и разведывательным каналам. 28 ноября 1950 года Трумэн объявил в стране чрезвычайную ситуацию, чего не случалось даже в годы Второй мировой войны, об утвоении бюджета Пентагона (конгресс его утвердит) и назначении генерала Эйзенхауэра Верховным главнокомандующим войсками НАТО. Атомный арсенал США вырос с 298 бомб в июне 1950 года до 1161 – в 1953 году. В 1950 году у США было 250 стратегических бомбардировщиков, к концу 1953 года – 1000.

9 декабря 1950 года Трумэн написал в дневнике: «Похоже, что третья мировая война уже началась»¹¹⁶⁰. Впрочем, дипломаты постарались его успокоить. 19 декабря американский посол в СССР Аллан Керк беседовал с Трумэном о военной угрозе: «Советский Союз так много выигрывает от обескровливания Соединенных Штатов, в частности, и западного мира в целом, через войну в Корее, что не к его непосредственной выгоде немедленно выступать против нас (Президент согласился с этой точкой зрения.)». Обсудили и внутренние советские дела. «Относительно вероятного наследника Сталина я сказал, что если г-н Сталин умрет в ближайшие несколько лет, я предположил бы, что это будет г-н Молотов. Если же, с другой стороны, Сталин проживет еще 10–15 лет... вероятным наследником был бы Маленков»¹¹⁶¹. Опала Молотова была пока незаметна.

Стало известно о планах создания Средневосточного командования НАТО. Молотов рассматривал это как расширение географического ареала блока, который приобретал черты инструмента агрессии за пределами Старого Света. В представленной им ноте западным правительствам (обсуждалась на ПБ 19 января 1952 года) подчеркивалось, что создание нового командования тесно связано с «агрессивными планами англо-американской группировки государств в Европе и Азии». Прием Турции и Греции в НАТО в апреле 1952 года актуализировал озабоченность курсом Югославии, которая подозревалась в намерении тоже присоединиться к НАТО¹¹⁶². В Великобритании пост премьера вновь занял Черчилль, реализовавший мечту английского руководства: Британия испытала собственную ядерную бомбу. Страны европейской шестерки, создавшей ЕОУС, учредили в мае 1952 года Европейское оборонительное сообщество.

Советский Союз и его партнеры тоже превращались в вооруженный лагерь. Во время корейской войны численность Советской армии удвоилась и составила почти 6 миллионов человек¹¹⁶³. В 1952 году американская разведка исходила из того, что Советский Союз располагает двумястами ядерными зарядами. Но на самом деле у СССР насчитывалось 120 бомб, а

средств доставки их до территории США (если не считать Аляски) вообще не было. Москва могла создать непосредственную угрозу лишь союзникам США в Евразии. Система управления страной милитаризировалась. 16 февраля 1951 года ПБ передало функции Верховного главнокомандования в мирное время от Булганина военному министру Василевскому. Были возвращены в руководство военного ведомства адмирал Кузнецов, а также маршал Жуков. Причем реабилитация последнего произошла в довольно оригинальной форме: 24 июля «Правда» сообщила о визите в Польшу на празднование Дня возрождения советской делегации, в которую наравне с Молотовым был включен и Жуков.

В январе 1951 года в Москве собирались генеральные секретари и министры обороны Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии и Чехословакии. Председательствовал на встрече Молотов. Протоколы не велись, сохранилась запись Ракоши: «Отправной точкой было то, что НАТО к концу 1953 года полностью завершит свою подготовку, и если мы не хотим иметь сюрпризов, то к этому времени и нам необходимо иметь соответствующие армии»¹¹⁶⁴. Советский Союз, как накануне Великой Отечественной, вновь вступал в полномасштабную гонку вооружений. И предлагал принять участие в ней странам народной демократии, которые к этому были вовсе не готовы. Правящие партии восточноевропейских стран активно очищались от правых ревизионистов, обвинявшихся в работе на западные спецслужбы.

Югославия в нараставшей bipolarной конфронтации заняла место скорее по другую сторону баррикад. С трибуны Генассамблеи ООН Тито открыто обвинял Москву во вмешательстве во внутренние дела Югославии. Уже в 1949 году Москва заявила о расторжении подписанного Молотовым и Тито договора о дружбе, советский МИД потребовал отъезда из Москвы югославского посла, Информбюро приняло резолюцию под названием «Югославская компартия во власти убийц и шпионов», где борьба против клики Тито объявлялась «интернациональным долгом всех коммунистических и рабочих партий»¹¹⁶⁵. Зато Тито стал любимцем Запада. Когда яхта Тито, направлявшегося с визитом в Лондон, проходила Гибралтар, его сопровождали три британских авианосца и три крейсера, в воздухе махали крыльями самолеты королевских BBC, а корабли встречали салютом наций в 21 залп. Черчиль объяснился Тито в любви¹¹⁶⁶. Югославии была предложена западная помощь – при условии возмещения прежним владельцам стоимости их национализированного имущества и оплаты довоенных долгов. В Югославии

вию стали поступать американское вооружение и зерно. Всего западная помощь за 10 лет составит 3,7 миллиарда долларов¹¹⁶⁷. Договор о дружбе и сотрудничестве между Югославией, Грецией и Турцией даст Белграду гарантии безопасности со стороны НАТО.

Сергей Михалков выражал мнение советского народа о Тито:

Жаждой зла наполнен тugo,
Патентованный бандюга.
Он всех подряд повесить рад,
Законченный дегенерат.

Куратор «мягкой силы»

Стратегия использования «мягкой силы», вопросы тактики мирового движения были центральными в работе подчиненной Молотову Внешнеполитической комиссии. Во многом именно он стоял за развернувшимся в глобальном масштабе движении за мир с широким участием симпатизировавших СССР людей левых взглядов. Естественно, связи инструментов советской «мягкой силы» с высшими эшелонами власти, как и в других странах, строго конспирировались, хотя и были секретом полиции. 7 апреля 1949 года Молотов представил Сталину проект устава ВОКСа, оговорив, что он «из соображений внешнеполитического порядка указывает на двусторонность культурных связей Советского Союза с другими странами и подчеркивает общественный характер Всесоюзного общества культурных связей с заграницей»¹¹⁶⁸.

Основными публичными фигурами в движении за мир были писатели Александр Фадеев и Илья Эренбург, лично получавшие от Молотова инструкции и славшие ему самые подробные отчеты. Движение формально началось в августе 1948 года в польском Вроцлаве с участием множества знаменитостей – Пабло Пикассо, Бертольта Брехта, Фредерика и Ирен Жолио-Кюри. Тогда же был создан Международный комитет интеллигенции за мир со штаб-квартирой в Париже и с национальными комитетами в 46 странах мира.

В марте 1949 года в «Уолдорф Астории», где Молотов ранее заседал на нью-йоркской сессии СМИД, была организована «Культурная и научная конференция за мир во всем мире». Это была дерзкая вылазка ее оргкомитета во главе с Фадеевым. Звездой советской делегации выступал Дмитрий Шостако-

вич. ФБР во главе с Эдгаром Гувером предприняло все усилия, чтобы сорвать это «одно из самых амбициозных предприятий Кремля», нацеленного на привлечение симпатий и возможностей американской леволиберальной интеллигенции. Ход конференции неоднократно прерывался провокаторами, у отеля толпились возмущенные протестующие¹¹⁶⁹.

В апреле 1949 года состоялся Первый всемирный конгресс сторонников мира с участием более двух тысяч делегатов из 72 государств. Принятая им резолюция осуждала создание НАТО, ремилитаризацию Германии и Японии и призывала к запрещению ядерного оружия. На съезде был избран Постоянный комитет, который вскоре превратится во Всемирный совет мира (ВСМ). Политбюро санкционировало издание журнала «Сторонники мира», который выходил как орган Постоянного комитета на французском, английском, испанском и русском языках. В августе в Москве был создан Советский комитет защиты мира как постоянный руководящий орган движения сторонников мира во главе с писателем Николаем Тихоновым. СКЗМ выпускал бюллетень «Век XX и мир» на пяти языках.

В марте 1950 года ВСМ собрался в столице Швеции и выступил со «Стокгольмским воззванием», требовавшим запретить ядерное оружие. Под ним было собрано около 500 миллионов подписей. В ноябре 1950 года Второй Всемирный конгресс выпустил «Варшавское воззвание», требовавшее в первую очередь прекращения корейской войны. Подписались под ним 560 миллионов человек по всему миру. В феврале 1951 года в Берлине ВСМ подготовил еще одно воззвание сторонников мира, призывавшее к заключению договора о мире между СССР, США, Англией, Францией и Китаем. К декабрю под воззванием стояло 600 миллионов подписей¹¹⁷⁰. Если учесть, что все население земного шара в тот момент составляло 2 миллиарда человек, то значит, под воззваниями, окончательная редакция которых проходила в кабинете Молотова, подписалась половина взрослого населения планеты.

– И до этой войны в народных массах преобладали противники агрессии, сторонники мирных отношений между народами, но тогда сторонники мира не были объединены, не были организованы в один могучий лагерь, – отмечал Молотов. – Ныне мы имеем организованный в международном масштабе фронт сторонников мира, в котором участвуют народные массы. Если сторонники мира во всех странах будут вести неуклонную борьбу за прочный мир между народами, разоблачая всех и всяких поджигателей войны, все больше расширяя и сплачивая свои ряды, то международное движение сторонни-

ков мира выполнит свою историческую задачу – помешать развязыванию новой агрессии и мобилизовать против агрессивных сил империализма такую мощь народов, которая обуздает любого агрессора¹¹⁷¹.

Это не были пустые слова. Авторитетный американский историк, давая оценку советскому мирному наступлению, замечал: «Только после смерти Сталина значительное количество обычных вооруженных сил стало концентрироваться на западных границах советского блока. До этого движение сторонников мира было той непрочной основой, на которой базировалась безопасность Советского Союза»¹¹⁷².

Надо было что-то делать с Коминформом. 21 сентября 1950 года Григорьян по согласованию с Молотовым отправил записку Сталину с предложением созвать очередное заседание секретариата Коминформа в Будапеште, чтобы подвести на нем «итоги проделанной работы по проведению кампании за запрещение ядерного оружия и наметить меры для усиления подготовки к созыву Второго Всемирного конгресса сторонников мира»¹¹⁷³. Резолюции Сталина не последовало, но Молотов написал на документе: «Будут исправления». После этого в секретариате Молотова и Внешнеполитической комиссии готовились многочисленные проекты, суть которых сводилась к расширению полномочий секретариата Коминформа. В одном из вариантов была реализована установка Молотова (возможно, подсказанная Сталиным) на то, чтобы Коминформ мог «в случаях неотложной необходимости – принимать постановления и директивные указания, обязательные для соответствующих партий»¹¹⁷⁴. Это могло означать «коминтернизацию» Коминформа.

Четвертое совещание Коминформа планировалось на декабрь 1950 года, а в проекте повестки значились расширение функций организации и избрание ее генерального секретаря. На этот пост намечался Тольятти. Но лидер итальянских коммунистов отказался: назначение на работу за границей будет истолковано «как признак того, что партия считает более невозможным удержать и защитить свое легальное существование». Кроме того, он полагал, что «легче добиться улучшения нашей работы в международном масштабе путем укрепления и развития таких движений, как сторонники мира, чем через действие полулегальной организации, каковой является для наших партий Информбюро»¹¹⁷⁵. Пожалуй, это объясняло тот факт, что ни тогда, ни позже Коминформ больше не собрался.

Запад не оставался в долгу на фронтах «мягкой силы». ЦРУ и Департамент информационных исследований – самое быс-

трорастущее подразделение британского МИДа – проявили большую изобретательность. Их операции включали в себя создание антикоммунистических и антисоветских профсоюзов, либеральных и левацких организаций. «Средоточием этой тайной кампании являлся Конгресс за свободу культуры, который с 1950 по 1967 год возглавлял агент ЦРУ Майкл Джоссельсон... На пике своей деятельности Конгресс за свободу культуры имел отделения в 35 странах, его персонал насчитывал десятки работников, он издавал более 20 престижных журналов, владел новостными и телевизионными службами, организовал престижные международные конференции, выступления музыкантов и выставки художников, награждал их призами. Его задачей было отвлечь интеллигенцию Западной Европы от затянувшегося увлечения марксизмом и коммунизмом и привести ее к воззрениям, более подходящим для принятия “американского образа жизни”... Нравилось им это или нет, знали они об этом или нет – в послевоенной Европе оставалось совсем немного писателей, поэтов, художников, историков, ученых и критиков, чьи имена не были связаны с этим тайным предприятием. Никем не оспариваемая, так и не обнаруженная надежно обеспеченным культурным фронтом на Западе, ради Запада, под предлогом свободы выражения»¹¹⁷⁶, – пишет скрупулезная британская исследовательница Фрэнсис Стонор. В Мюнхене было создано радио «Свободная Европа», изданы классические антисоветские труды, растиражированные в сотнях СМИ. В 1950 году была подготовлена Европейская конвенция прав человека, формулировавшая новый набор идей, получивший название «европейские ценности», якобы традиционно присущие Старому Свету, – демократия, свобода слова и права человека¹¹⁷⁷.

Стороны высоко оценили усилия друг друга на фронтах «мягкой силы». Молотов констатировал, что «в руках проповедников агрессивной политики многотиражная буржуазная печать, многочисленные радиостанции, которые каждый день голосят с утра до ночи; в их руках весь государственный аппарат и армия всяких наемных агентов капитала, у которых честь и совесть продаются и которые изо дня в день распространяют любую антисоветскую ложь и клевету и делают это все бесстыднее и наглее, так как чувствуют, что почва уходит у них из-под ног»¹¹⁷⁸.

Признанием же успехов советской пропаганды в первую очередь стала полномасштабная антикоммунистическая кампания на Западе. Теми, кто засветился на конференции сторонников мира в «Уолдорф Астории», занялись люди Эдгара Гу-

вера, на них были открыты дела, и множеству интеллектуалов больше не удастся издать свои книги и статьи¹¹⁷⁹. Малоизвестный сенатор Джо Маккарти объяснил, что Советы так быстро получили бомбу, а коммунисты захватили власть в Китае «из-за предательства тех, кто пользовался благами самой богатой нации на свете – лучшими домами, лучшим университетским образованием, лучшей работой в правительстве»¹¹⁸⁰. Левые взгляды, а также гомосексуализм (который рассматривался как ненормальность, которую враг может использовать) становились причинами для немедленного увольнения с государственной службы и лишения жизненных перспектив. Университеты, колледжи и школы были очищены от сотен преподавателей, подозреваемых в левых взглядах¹¹⁸¹. Через различные процедуры проверки лояльности пройдут 10 миллионов человек. В Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности таскали и брата Жемчужиной Сэма Карпа. Впрочем, он легко отделался, поскольку не проявлял с конца 1930-х годов какой-либо активности в контактах с СССР и не интересовался политикой. Его не арестовали, и вплоть до смерти в 1963 году Карп занимался бизнесом¹¹⁸².

Молотов вел активное мирное наступление и по традиционной дипломатической линии. Под его руководством с апреля 1950-го по март 1951 года шла работа над сборником переписки Сталина, Черчилля и Рузельта в годы войны, что должно было напомнить о славном сотрудничестве союзников. К октябрю была подготовлена верстка. Однако по неизвестной причине сборник так и не был издан до 1957 года.

Молотов активно продвигал идею созыва СМИД для обсуждения вопроса о ремилитаризации Германии. Запад соглашался на переговоры, если на них также будет обсуждаться «коммунистическая агрессия» в Корее. В итоге в марте 1951 года удалось организовать встречу на уровне заместителей министров иностранных дел в Париже, где Советский Союз представлял Громыко. Переговоры тянулись три месяца и никаких результатов не дали. 23 июня 1951 года СССР выступил с предложением немедленно начать переговоры о прекращении войны в Корее. Генерал Риджуэй, командовавший войсками ООН в Корее, ответил согласием, как и корейское руководство, и командование китайских «добровольцев». 10 июля переговоры начались вблизи города Кесона, но успеха они не приносили.

4 августа Политбюро по предложению Молотова решило больше не настаивать на пересмотре конвенции Монтрё о режиме Черноморских проливов по истечении ее очередного пя-

тилетнего срока, что означало ослабление дипломатического давления на Турцию.

Много внимания Молотов уделил работе над мирным договором с Японией. США настаивали на подготовке его проекта путем двусторонних консультаций с произвольно выбираемыми странами, добивались сохранения своих войск и баз в Японии после его заключения (они и ныне там), отсрочки определения статуса Тайваня и Пескадорских островов, которые по Каирской и Потсдамской декларациям должны были возвратиться Китаю. Москву не устраивал «сепаратный характер» подготовки договора, предлагалось перевести его в рамки СМИД. Хотя 20 июля 1951 года США и Великобритания пригласили СССР к участию в Сан-Францисской мирной конференции, втайне они надеялись на «самоотвод» Москвы.

Молотов выступил противником «самоотвода». Окончательные предложения и директивы советской делегации были им утверждены 20 августа. Они предусматривали участие СССР в конференции, необходимость приглашения на нее Китая, принятие альтернативного текста мирного урегулирования, который был бы «всесторонним, а не сепаратным, для чего ни одна сторона, участвовавшая в войне с Японией, не должна быть устранена от подготовки и подписания договора». Япония должна была стать «миролюбивым, демократическим, независимым государством», вернуть Китаю захваченные во время войны Тайвань и Пескадорские острова и передать СССР южную часть Сахалина и Курильские острова. В противном случае договор было решено не подписывать¹¹⁸³. США и их союзникам в Сан-Франциско удалось полностью блокировать советские предложения и добиться одобрения договора без его обсуждения. В Москве сочли, что в нем проигнорированы интересы Советского Союза и Китая, и решили (вместе с Польшей и Чехословакией) к договору не присоединяться. Может и зря. В Сан-Францисском договоре Япония, помимо прочего, отказалась от Курильских островов.

20 августа 1951 года Политбюро создало комиссию во главе с Молотовым для подготовки Международного экономического совещания, в котором должны были принять участие не только члены СЭВ, но и максимальное число других государств. Основная задача – «содействовать прорыву торговой блокады и той системы экономической дискриминации в отношении СССР, стран народной демократии и Китая, которая в последние годы проводится правительством США со все большим нажимом». Было предложено полностью отказаться от какой-либо идеологической повестки дня. Совещание состоялось в апреле и

позволило установить внешнеэкономические связи не только с рядом западных государств, но и с отдельными корпорациями. Американский санкционный режим был на деле прорван.

Под руководством Молотова шла подготовка концепции мирного договора с Германией. «Оперативно рассмотрев первый проект, поступивший к нему 30 сентября 1951 г., он, к примеру, забраковал формулировку о том, что мирный договор должен предусматривать “переустройство всего общественного и государственного строя Германии”. На полях документа сделана недвусмысленная ремарка: “Перехватили”. В следующем проекте Молотов вовсе вычеркнул пассаж о “переустройстве”»¹¹⁸⁴. В марте 1952 года узкое руководство одобрило предложенную им концепцию мирного договора, и 10 марта вышлаnota по германскому вопросу. Ее часто называют «нотой Сталина». Но, как считает Алексей Филитов, по всем архивным документам видно, что автором и концепции, и содержания является прежде всего Молотов. «Если считать главным новшеством в ней отказ от акцента на “демилитаризацию”, более спокойное отношение к военной составляющей германской государственности (и ее представителям), то исходный пункт ноты можно усмотреть еще в высказываниях Молотова на Пражской конференции 1950 г. ...Тогда инициатива 1952 г. хорошо ляжет в общий контекст “неортодоксальных” идей и акций мало понятого до сих пор советского деятеля – от отмены цензуры для иностранных корреспондентов осенью 1945 г. до проекта вступления СССР в НАТО в 1954 г. и попытки воспрепятствовать приему ГДР в Варшавский договор в 1955 г.»¹¹⁸⁵.

Суть предложений Молотова: Германия должна быть воссоединена, все оккупационные войска выведены в течение года после подписания мирного договора, германская армия разрешена в пределах оборонной достаточности. Главное условие – ее отказ от вступления в военные блоки, направленные против стран, с которыми она воевала в годы Второй мировой войны. В ответ Запад выдвинул собственные условия: общегерманские выборы, которые создадут правительство, вольное вступать в любые оборонительные альянсы. Москва скрепя сердце изъявила готовность на переговоры о выборах – на основе законов ФРГ, ГДР и Веймарской республики, хотя было понятно, чем эти выборы закончатся с учетом западного контроля над гораздо более населенной ФРГ. Однако отказ от внеблокового статуса объединяемой Германии был для Сталина и Молотова неприемлем.

На протяжении марта – сентября 1952 года стороны четырежды обменялись посланиями, что получило в истории

дипломатии название «нотной войны». Согласованный с Молотовым проект ноты от 4 августа, отличавшийся гибкостью подхода, был отвергнут Сталиным. «Переделку проекта в духе его ужесточения можно считать проявлением антимолотовской кампании обвинений в “мягкотелости к империализму”, которые уже давно выдвигались Сталиным... Разумеется, никакой особой “мягкости” в разработках МИД по германскому вопросу не было; присутствовало лишь стремление не захлопывать окончательно дверь перед перспективой переговоров великих держав»¹¹⁸⁶.

В мае после подписания франко-германского соглашения об учреждении Европейского оборонительного сообщества – ЕОС – ситуация стала еще более тупиковой. Молотов взялся за все доступные рычаги. «Теперь коммунисты напрягли каждый нерв, чтобы сорвать план европейской оборонной интеграции, – писал британский историк Брендан Симмс. – Они играли на британских и французских страхах германского перевооружения. Они инструктировали европейских коммунистов, особенно французскую и итальянскую партии, чтобы остановить принятие соответствующего законодательства в парламентах. На дипломатическом фронте Москва развернула мирное наступление, призванное показать сокращение угрозы войны, что делало ЕОС бессмысленным»¹¹⁸⁷.

Молотов приложил усилия к изменению тональности советской международной пропаганды. Он собственноручно выправил «Указания» зарубежным корреспондентам «Правды», принявшие под его пером такой вид: «Многие корреспонденции носят поверхностный характер, написаны в крикливо-агитационном стиле, бедны фактическими данными об экономическом и политическом положении страны и ее внешней политики. При этом корреспонденты допускают зачастую грубые и оскорбительные выпады в отношении правительства и официальных лиц страны пребывания». Запрещалось «допускать выражения, которые могли бы быть истолкованы как подстрекательство и выступление против правительства, оскорбление национального достоинства или как вмешательство во внутренние дела», а также «впадать в агитационный тон и, особенно, не допускать в своих корреспонденциях фальшивой крикливости»¹¹⁸⁸.

Филитов, скрупулезно исследовавший архивные документы этого периода, не склонен преувеличивать степень разногласий между Сталиным и Молотовым по внешнеполитическим вопросам, но и преуменьшать – тоже. «Если позицию Сталина можно суммировать в формуле “ни соглашения, ни перегово-

ров”, то для Молотова… важны были как раз переговоры, определенная мера “нормальных” отношений между блоками, соблюдение какого-то минимального уровня дипломатических приличий… По сути дела, повторилось то, что разделяло оба подхода – сталинский и молотовский – еще на рубеже 1945–1946 гг. и привело к серьезному конфликту между ними и в период обсуждения “плана Маршалла”, когда Сталин фактически продиктовал уход СССР в изоляцию. В конце 1952 г. Сталин, как известно, снова обвинил Молотова в “капитулянстве перед империалистами”. Думается, более гибкая позиция Молотова в ходе “войны нот” сыграла здесь свою роль»¹¹⁸⁹.

Молотов подвергся самому жесткому прессингу. По всем линиям.

Жизнь и смерть

В июне 1952 года начался процесс над членами Еврейского антифашистского комитета. Полина Жемчужина стала одним из самых упоминаемых персонажей. Но многие обвинения, собранные главой МГБ Абакумовым, к недовольству Сталина, рассыпались. Лозовский «взял назад показания против всех трех обвиненных им лиц – самого себя, Лины Штерн и Полины Молотовой»¹¹⁹⁰. Он объяснил, откуда взялись разговоры о покровительстве Жемчужиной «националистическим элементам»: «Дело в том, что для Михоэлса, Фефера и Эпштейна было чрезвычайно важно убедить других в мысли, что им покровительствуют видные лица. Отсюда и появилось огромное количество всякого рода слухов, сообщений Михоэлса о том, что он был дружен с Жемчужиной и пр.». А на просьбу прокомментировать показания, будто он использовал Жемчужину для передачи секретного письма Молотову, Лозовский заметил: «Если бы В. М. Молотов прочел эти мои показания, он бы рассмеялся. Зачем мне было обращаться к Полине Семеновне с такой просьбой, когда я был заместителем В. М. Молотова»¹¹⁹¹.

Фефер 6 июня заявил, что Абакумов и Лихачев «настойчиво требовали, чтобы я назвал фамилии руководящих товарищей, которые якобы помогали нам в вопросе создания Еврейской республики в Крыму. Я был вынужден назвать фамилию Лозовского, читавшего нашу докладную записку на имя И. В. Сталина и В. М. Молотова… На одном из последующих допросов Абакумов мне сказал, что я должен подтвердить на допросе с участием представителей ЦК ВКП(б), что видел в Московской синагоге Жемчужину. Я был настолько запутан, что на состоявш-

шейся в ЦК очной ставке с Жемчужиной подтвердил, что видел ее в синагоге, хотя этого не было в действительности. Вымыслом следователей является и тот факт, что якобы Жемчужина обвиняла в разговоре со мной И. В. Сталина в плохом отношении к евреям. Я от Жемчужиной, с которой, кстати, никогда не разговаривал вообще, таких разговоров не слышал, как не слышал их от кого другого»¹⁹².

В начале июля 1952 года в ЦК поступила записка подполковника МГБ, старшего следователя Рюмина с обвинениями в адрес Абакумова в том, что он лично нес ответственность за смерть во время допроса известного доктора Эттингера, который мог выдать многих других врачей-убийц. В ночь с 4 на 5 июля Stalin пригласил в кабинет Молотова, Булганина, Берии и Маленкова. Было издано постановление Политбюро: комиссии в составе Маленкова, Берии, Шкирятова, а также Игнатова, возглавлявшего отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК, проверить представленные Рюминым факты. Из архива была поднята записка доктора Тимашук с обвинением группы докторов в сознательном искажении диагноза Жданова. Это было начало «дела врачей», которое сливалось в одно с делом Еврейского антифашистского комитета. 9 августа Абакумова снимут с работы, и его пост займет Игнатов¹⁹³.

С должности начальника Лечсануправы Кремля сняли Егорова, в октябре его арестовали вместе с докторами Бусаловым, Виноградовым, Василенко, Вовси и Коганом. 21 ноября начались допросы отстраненного от должности начальника охраны Сталина Власика, который был в курсе письма Тимашук, но не придал ему значения. Судоплатов уверяет: «Главными фигурами в пресловутом «деле врачей» должны были стать Молотов, Ворошилов и Микоян, эти «последние из могикан» в сталинском Политбюро»¹⁹⁴.

Важным событием 1952 года стал выход в свет работы Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», где он дал формулировку сути социалистического способа производства – «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники». Stalin также развил идею построения коммунизма в одной отдельно взятой стране. Обсудить книгу Stalin пригласил в Волынское узкий круг. Берия и Маленков горячо ее поддержали, как утверждал Микоян, который сам отмолчался. «Молотов что-то мычал вроде бы в поддержку, но в таких выражениях и так неопределенно, что было ясно: он не убежден в правиль-

ности мыслей Сталина»¹¹⁹⁵. Микоян правильно уловил настрой Молотова. Позднее он подвергнет «Экономические проблемы» строгой критике: «Формулируя “основной экономический закон социализма”, Сталин свел дело к возможно более полному удовлетворению растущих экономических и культурных потребностей трудящихся. Это – узко потребительская, глубоко оппортунистическая установка, которую нельзя признать правильной». Упустилась как минимум ключевая задача – задача «неуклонного устранения социального неравенства»¹¹⁹⁶. Коммунизм в отдельно взятой стране, находящейся в капиталистическом окружении (социализм – куда ни шло), Молотов считал просто нонсенсом.

Шла подготовка XIX съезда партии, который состоялся в октябре 1952 года, через 13 лет после предыдущего. Комиссию ПБ по изменениям устава партии возглавил Маленков. Одновременно он был назначен в комиссию по пятилетнему плану, в которую вошли также Молотов, Каганович, Сабуров, Бенедиктов, Берия и Хрущев. Маленкову же Сталин поручил сделать отчетный доклад и сам расставил все фигуры на шахматной доске съезда. Молотову поручил слово на открытии. Доклад по уставу доверил Хрущеву. Кагановичу предстояло сделать выступление о подготовке новой программы партии. Берия и Микоян должны были отметиться в прениях.

Молотов подготовил впечатительный доклад – страниц на двадцать. Но дружным мнением коллег было: «Не выступай! Сталин будет недоволен, не надо, не выступай»¹¹⁹⁷. Ограничился коротким словом. Предложил почтить минутой молчания память тех, «кто в годы войны против германских и других агрессоров героически защищал нашу Советскую Родину и отдал свою жизнь за наше правое дело». Помянул ушедших Щербакова, Калинина, Жданова. Остановился на войне, послевоенном восстановлении, задачах новой пятилетки, империалистическом окружении, американских планах мирового господства. «Ничто, однако, не может скрыть произошедшего в последние годы серьезного ослабления мировой капиталистической системы, особенно после того, когда от нее в послевоенный период отпал целый ряд государств с общим количеством населения в 600 миллионов человек». Призвал к борьбе за мир и после здравиц объявил съезд открытым¹¹⁹⁸.

Во время отчетного доклада Сталин, как вспоминал Шепилов, «безучастно и почти без движения смотрел в пространство. Маленков гнал свой доклад в невероятно быстром темпе, время от времени искоса поглядывая на Сталина, как умная лошадь на своего старого седока»¹¹⁹⁹. Каганович огласил со-

став комиссии из одиннадцати человек по подготовке новой программы КПСС под председательством Сталина, среди них был и Молотов. Сталин ограничился кратким выступлением в конце съезда, посвятив его почти исключительно нелегкой судьбе зарубежных компартий. Думал ли он, в последний раз выступая на съезде партии, о своем преемнике? Полагаю, не думал. Сталин не собирался отходить от дел. И не видел никого, достойного сменить его. Как и Ленин в последние годы жизни, он собирался жить и руководить. Все разговоры о необходимости дать дорогу молодым были лишь приглашением наивным претендентам раскрыть свои амбиции. Никаких легитимных преемников не должно было быть.

И Stalin осуществил маневр совершенно в духе «Письма к съезду» Ленина, который, напомню, дезавуировал своих потенциальных наследников и предложил расширить состав руководства за счет новых лиц. На съезде было принято решение о создании многочисленного Президиума ЦК, а на пленуме ЦК нового созыва Stalin обрушился с политическими обвинениями на старейших соратников. Пленум – редчайший случай – не стенографировался. Из участников описание прошедшего оставили четверо: Микоян, Шепилов, только что избранный в ЦК писатель Константин Симонов и первый секретарь Курского обкома Ефремов. Суммируем их показания, которые расходятся скорее в деталях, чем в главном.

Начнет Микоян: «Перед открытием Пленума мы обычно собирались около Свердловского зала, сидели в комнате Президиума в ожидании прихода Сталина. Обычно он приходил за 10–15 минут до начала, чтобы посоветоваться по вопросам, которые будут обсуждаться на Пленуме... Однако Stalin появился в тот момент, когда надо было открывать Пленум. Он зашел в комнату Президиума, поздоровался и сказал: “Пойдемте на Пленум”».

Симонов описал его начало: «Весь пленум продолжался, как мне показалось, два или два с небольшим часа, из которых примерно полтора часа заняла речь Сталина, а остальное время речи Молотова и Микояна и завершившие пленум выборы исполнительных органов ЦК... Почти сразу же после начала Маленков предоставил слово Stalinу, и тот, обойдя сзади стол президиума, спустился к стоявшей на несколько ступенек ниже стола президиума, по центру его кафедре... И тон его речи, и то, как он говорил, вцепившись глазами в зал, – все это привело всех сидевших к какому-то оцепенению, частицу этого оцепенения я испытал на себе. Главное в его речи сводилось к тому (если не текстуально, то по ходу мысли), что он стар,

приближается время, когда другим придется продолжать делать то, что он делал, что обстановка в мире сложная и борьба с капиталистическим лагерем предстоит тяжелая и что самое опасное в этой борьбе дрогнуть, испугаться, отступить, капитулировать... Главной особенностью речи Сталина было то, что он не счел нужным говорить вообще о мужестве или страхе, решимости и капитулянтстве. Все, что он говорил об этом, он привязал конкретно к двум членам Политбюро, сидевшим здесь же, в этом зале, за его спиной, в двух метрах от него, к людям, о которых я, например, меньше всего ожидал услышать то, что говорил о них Сталин»¹²⁰⁰. К Молотову и Микояну.

Что конкретно Сталин инкриминировал своим соратникам? Участникам запомнились разные пункты обвинения. Микоян писал: «Начав с Молотова, сказал, что тот ведет неправильную политику в отношении западных империалистических стран – Америки и Англии. На переговорах с ними он нарушал линию Политбюро и шел на уступки, подпадая под давление со стороны этих стран. “Я знаю, что и Молотов, и Микоян – оба храбрые люди, но они, видимо, здесь испугались подавляющей силы, какую они видели в Америке. Факт, что Молотов и Микоян за спиной Политбюро послали директиву нашему послу в Вашингтоне с серьезными уступками американцам в предстоящих переговорах. В этом деле участвовал и Лозовский, который, как известно, разоблачен как предатель и враг народа”.

Столь же неправильной была и линия Молотова во внутренней политике. «Он отражает линию правого уклона, не согласен с политикой нашей партии. Доказательством тому служит тот факт, что Молотов внес официальное предложение в Политбюро о резком повышении заготовительных цен на хлеб, то есть то, что предлагалось в свое время Рыковым и Фрумкиным. Ему в этом деле помогал Микоян, он подготавливал для Молотова материалы в обоснование необходимости принятия такого предложения. Вот по этим соображениям, поскольку эти товарищи расходятся в крупных вопросах внешней и внутренней политики с партией, они не будут введены в Бюро Президиума»¹²⁰¹. Эпизоды с Лозовским и с ценами на хлеб имели место в 1946 году.

Ефремов иначе передавал слова Сталина: «Молотов – преданный нашему делу человек. Позови, и, не сомневаюсь, он, не колеблясь, отдаст жизнь за партию. Но нельзя пройти мимо его недостойных поступков. Товарищ Молотов, наш министр иностранных дел, находясь под “шартрезом”, на дипломатическом приеме дал согласие английскому послу издавать в нашей стране буржуазные газеты и журналы... Это первая полити-

ческая ошибка товарища Молотова. А чего стоит предложение товарища Молотова передать Крым евреям? Это вторая политическая ошибка товарища Молотова... Товарищ Молотов так сильно уважает свою супругу, что не успеем мы принять решение Политбюро по тому или иному важному политическому вопросу, как это быстро становится известным товарищу Жемчужиной... Ясно, что такое поведение члена Политбюро недопустимо»¹²⁰².

У Симонова речь Сталина оставила «воспоминание тяжелое и даже трагическое»: «Из речи Сталина следовало, что человеком, наиболее подозреваемым им в способности к капитулянтству, человеком самым в этом смысле опасным был для него в этот вечер, на этом пленуме Молотов, не кто-нибудь другой, а Молотов. Он говорил о Молотове долго и беспощадно, приводил какие-то не запомнившиеся мне примеры неправильных действий Молотова, связанных главным образом с теми периодами, когда он, Сталин, бывал в отпусках, а Молотов оставался за него и неправильно решал какие-то вопросы, которые надо было решить иначе... Я так и не понял, в чем был виноват Молотов, понял только то, что Сталин обвиняет его за ряд действий в послевоенный период, обвиняет с гневом такого накала, который, казалось, был связан с прямой опасностью для Молотова, с прямой угрозой сделать те окончательные выводы, которых, памятуя прошлое, можно было ожидать от Сталина. В сущности, главное содержание своей речи, всю систему обвинений в трусости и капитулянтстве и призывов к ленинскому мужеству и несгибаемости Сталин конкретно прикрепил к фигуре Молотова: он обвинялся во всех тех грехах, которые не должны иметь места в партии, если время возьмет свое и во главе партии перестанет стоять Сталин.

Он хотел их принизить, особенно Молотова, свести на нет тот ореол, который был у Молотова, был, несмотря на то, что, в сущности, в последние годы он был в значительной мере отстранен от дел, несмотря на то, что Министерством иностранных дел уже несколько лет непосредственно руководил Вышинский, несмотря на то, что у него сидела в тюрьме жена, – несмотря на все это, многими и многими людьми – и чем шире круг брать, тем их будет больше и больше, – имя Молотова называлось или припоминалось непосредственно вслед за именем Сталина. Вот этого Сталин, видимо, и не желал. Это он стремился дать понять и почувствовать всем, кто собрался на пленум, всем старым и новым членам и кандидатам ЦК, всем старым и новым членам исполнительных органов ЦК, которые еще предстояло избрать. Почему-то он не желал, чтобы Моло-

тов после него, случись что-то с ним, остался первой фигурой в государстве и в партии. И речь его окончательно исключала такую возможность.

Допускаю, что, зная Молотова, он считал, что тот не способен выполнять первую роль в партии и в государстве. Но был он Молотова как раз в ту точку, как раз в тот пункт, который в сознании людей был самым сильным “за” при оценке Молотова. Был ниже пояса, был по представлению, сложившемуся у многих, что как бы там ни было, а Молотов все-таки самый ближайший его соратник. Был по представлению о том, что Молотов самый твердый, самый несгибаемый последователь Сталина. Был, обвинял в капитулянстве, в возможности трусости и капитулянства, то есть как раз в том, в чем Молотова никогда никто не подозревал. Был предательски и целенаправленно, был, вышибая из строя своих возможных преемников»¹²⁰³.

Напишет Шепилов: «Я переводил глаза со Сталина на Молотова, Микояна и опять на Сталина. Молотов сидел неподвижно за столом президиума. Он молчал, и ни один мускул не дрогнул на его лице. Через стекла пенсне он смотрел прямо в зал и лишь изредка делал тремя пальцами правой руки такие движения по сукну стола, словно мял мякиш хлеба»¹²⁰⁴.

Симонов: «Лица Молотова и Микояна были белыми и мертвыми. Такими же белыми и мертвыми эти лица остались тогда, когда Сталин кончил, вернулся, сел за стол, а они – сначала Молотов, потом Микоян – спустились один за другим на трибуну, где только что стоял Сталин, и там – Молотов дольше, Микоян короче – пытались объяснить Сталину свои действия и поступки, оправдаться, сказать ему, что это не так, что они никогда не были ни трусами, ни капитулянтами и не убоятся новых столкновений с лагерем капитализма и не капитулируют перед ним. После той жестокости, с которой говорил о них обоих Сталин, после той ярости, которая звучала во многих местах его речи, оба выступавшие казались произносившими последнее слово подсудимыми, которые хотя и отрицают все взваленные на них вины, но вряд ли могут надеяться на перемену в своей, уже решенной Сталиным судьбе»¹²⁰⁵.

Микоян запомнил: «Первым выступил Молотов. Он сказал коротко: как во внешней, так и во внутренней политике целиком согласен со Сталиным, раньше был согласен и теперь согласен с линией ЦК. К моему удивлению, Молотов не стал опровергать конкретные обвинения, которые ему были предъявлены»¹²⁰⁶. Микоян отбивался. Шепилов отметил: «Речь он произнес очень мелкую и недобропорядочную. Он тоже, обороняясь от фантастических обвинений, не преминул брыкнуть Молотова, кото-

рый-де постоянно общался с Вознесенским, это уже был сам по себе страшный криминал»¹²⁰⁷.

Сталин выслушал выступления Молотова и Микояна молча. После этого произнес: «Годы не те; мне тяжело; нет сил; ну какой это премьер, который не может выступить даже с докладом или отчетом»¹²⁰⁸. И попросил освободить его от поста Генерального секретаря. Председательствовавший Маленков был в панике: он должен был поставить вопрос на голосование. Всем своим видом, мимикой и жестами он умолял зал сказать свое слово. И зал не подвел, из него неслось дружное: «Просим оставаться! Нет! Нельзя!» Когда же по просьбе Сталина зал, наконец, успокоился, он достал из кармана лист бумаги и зачитал список нового партийного руководства.

Вместо упраздненного Политбюро 16 октября был создан, с одной стороны, Президиум ЦК КПСС (как называлась теперь переименованная партия) из 25 человек, в числе которых был и Молотов. Но из состава Президиума было выделено Бюро, «девятка», первый уровень власти – Сталин, Берия, Булганин, Ворошилов, Каганович, Маленков, Первухин, Сабуров, Хрущев. Секретариат составили Сталин, Маленков, Пономаренко, Суслов, Хрущев и (неожиданное пополнение) секретари Челябинского обкома Аристов, молдавского ЦК – Брежнев, Краснодарского крайкома – Игнатов, комсомольский лидер Михайлов, завотделом ЦК Пегов¹²⁰⁹. Протоколом № 1 заседания Президиума ЦК 18 октября были утверждены составы постоянных комиссий при Президиуме. Молотов обнаружил себя в составе лишь одной – по внешним делам. Возглавлял ее теперь Маленков. В том же постановлении записали: «Освободить т. Молотова от наблюдения за работой Министерства иностранных дел СССР, передав это дело постоянной комиссии по внешним делам»¹²¹⁰. С 1 октября 1952 года Молотов в кабинете Сталина не появлялся.

Постановлением Бюро Президиума ЦК КПСС 27 октября был определен состав Бюро Президиума Совета министров, куда Молотов входил. В тот же день прояснились и его функции, которые вытекали из постановления Президиума ЦК: «Переименовать Внешнеполитическую комиссию ЦК в Комиссию ЦК по связям с иностранными компартиями. Возложить на т. Молотова наблюдение за работой всех видов транспорта, Министерства связи и Комиссии ЦК по связям с иностранными компартиями»¹²¹¹. Но это не делало Молотова участником заседаний высшего руководства страны. Шепилов вспоминал, как «в последний период Молотов скромно ждал в приемной Президиума ЦК вместе со всеми другими работниками, когда

его вызовут в зал заседаний по какому-нибудь конкретному вопросу»¹²¹².

Впервые с окончания войны Сталин присутствовал на торжественном собрании, посвященном годовщине Октября, доклад на котором делал Первухин. 7 ноября он стоял на Мавзолее, приветствуя парад, в окружении маршалов Булганина и Тимошенко; Молотов был поставлен сильно поодаль – после Маленкова, Берии, Хрущева и Кагановича¹²¹³. 10 ноября устанавливался новый порядок председательствования на Президиуме ЦК в отсутствие Сталина – Маленков, Хрущев, Булганин; на заседаниях Секретариата – Маленков, Пегов, Суслов; Президиума Совмина – Берия, Первухин, Сабуров. Таким образом, Маленков оказался первым после Сталина человеком в руководстве, Берия – вторым. Они вместе с Булганиным и Хрущевым составили четверку, которая отныне приглашалась Сталиным на Ближнюю дачу и наочные ужины.

В день рождения Сталина члены высшего руководства без особого приглашения вечером приезжали к нему на дачу, чтобы поздравить его. Молотов и Микоян оказались перед непростым выбором – «если не пойти, значит, показать, что мы изменили свое отношение к Сталину». Микоян вспоминал: «21 декабря 1952 г. в 10 часов вечера вместе с другими товарищами мы поехали на дачу к Сталину. Сталин хорошо встретил всех, в том числе и нас. Сидели за столом, вели обычные разговоры. Отношение Сталина ко мне и Молотову вроде бы было ровное, нормальное. Но через день или два то ли Хрущев, то ли Маленков сказал: “Знаешь что, Анастас, после 21 декабря, когда все мы были у Сталина, он очень сердился и возмущался тем, что вы с Молотовым пришли к нему в день рождения. Он стал нас обвинять, что мы хотим примирить его с вами, и строго предупредил, что из этого ничего не выйдет: он вам больше не товарищ и не хочет, чтобы вы к нему приходили”»¹²¹⁴. На Новый год Молотов в Волынское уже не поехал. Сталина в добром здравии в последний раз он видел на последнем заседании Бюро Президиума ЦК, которое состоялось 26 января.

В тот момент – очень опасный – Молотов, вспоминал Ерофеев, «оказался в полной блокаде. К нему не поступали никакие служебные документы ни из правительства, ни из ЦК и МИДа... В иные дни Молотов сидел за опустевшим рабочим столом, просматривая лишь советские газеты и вестники ТАСС. На работу он, однако, являлся пунктуально, в свои обычные часы. У нас в секретариате ретивые совминовские хозяйственники, державшие нос по ветру, сняли гардины на окнах, заменили люстры»¹²¹⁵. Молотов напишет: «В дальнейшем И. Сталин стал

доходить до того, что в кругу членов Бюро ЦК говорил обо мне, как об агенте одной из иностранных держав, то ли США, то ли Англии. Тем не менее, открыто мне не предъявлялось никаких обвинений такого рода. Как известно, в докладе на XX партсъезде Н. С. Хрущев заявил, что если бы Сталин не умер, прошло бы немного времени, и Молотова не было бы в живых»¹²¹⁶.

После XIX съезда прошли аресты уже в самом ближайшем окружении Сталина. За решеткой оказались и не отходивший от него ни на шаг с 1930 года Власик, и бессменный секретарь и помощник Поскребышев, и один из начальников личной охраны генерал-майор Кузьмичев. 13 января 1953 года в «Правде» было объявлено о разоблачении террористической группы врачей. 21 января был отдан приказ об аресте ссыльной Жемчужиной. Оперативная группа МГБ срочно была направлена в Кустанайскую область с заданием немедленно доставить объект № 12 в Москву, не сообщая цели перемещения, поскольку «объект страдал сердечными припадками тахикардии, которые возникали от переживаний на почве радости или неприятности». Полина спокойно встретила приехавших: «Я взрослый человек, мне ничего объяснять не надо. Как правительство решило, так и будет». Спокойно восприняла обыск: «Клянусь своей дочерью, что в доме вы ничего предосудительного не найдете, хоть и перевернете все вверх дном. Для меня интересы государства превыше всего». В Кустанае еще один обыск – личный. Отобрали конспекты трудов классиков марксизма-ленинизма и материалов XIX съезда. Оттуда вновь доставили в Москву¹²¹⁷.

На Лубянке начался новый круг ада. «Жемчужину пристегивали к “делу врачей” постепенно. Подвергаясь жестоким избиениям резиновыми дубинками и перенеся приступ стенокардии, Виноградов дал показания о том, что еще в 1936 году его завербовал М. Б. Коган, которого объявили английским агентом. М. Б. Коган... был личным врачом Жемчужиной с 1944 года и осенью 1948 года сопровождал ее в поездку в Карловы Вары»¹²¹⁸. В ее следственном деле множество показаний арестованных врачей – Виноградова, Когана, Вовси. Жемчужину собирались судить по статьям 58-1а (измена Родине), 58-10 (антисоветская пропаганда и агитация) и 58-11 (организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению контрреволюционных преступлений). Полина не призналась ни в чем. И ни словом она не повредила мужу. Последний раз Полину вызывали на допрос 2 марта.

Готовились и другие обвинения. «Сталин попросил узнать через Вышинского, который был в то время в США, каким образом Молотов ездил по стране в период своего пребывания в

Америке и не выделялся ли ему специальный вагон, как будто это могло быть важной уликой против Молотова»¹²¹⁹. 19 февраля МГБ арестовало как еврейского националиста Ивана Майского. Как утверждал Бережков, «и Майский, и Полина были нужны, чтобы состряпать “дело Молотова – английского шпиона”. Из рассказов Майского о допросах, которым его подвергал Берия, вырисовывается следующая версия: Молотова якобы завербовали англичане во время его поездки весной 1942 года в Лондон и Вашингтон». Из Шотландии, где приземлился самолет Молотова, до Лондона ехали на поезде, причем у Молотова был свой салон-вагон. «Именно в ту ночь Иден завербовал Молотова, ставшего таким образом ценнейшим агентом Интеллидженс сервис... Казалось, все подготовлено к последнему удару – аресту и объявлению некогда ближайшего соратника шпионом и врагом народа со всеми вытекающими последствиями»¹²²⁰.

28 февраля Сталин провел в одиночестве на «Ближней», хотя был день рождения его дочери Светланы. Вечером заказал себе ужин. Вдруг неожиданно вызвал машину и отправился в Кремль, куда пригласил «четверку» – Берию, Маленкова, Хрущева и Булганина посмотреть кино (правда, это зафиксировано только Хрущевым с его буйным полетом фантазии). Оттуда, уже в ночь на 1 марта, все вместе отправились к Сталину на дачу¹²²¹. Он угостил своих гостей молодым виноградным вином – «Маджари», которое сам называл соком. Гости стали разъезжаться в пятом часу утра. «Обычное время, когда кончались его “обеды”, – вспоминал Хрущев. – Сталин был навеселе, в очень хорошем расположении духа... Когда выходили в вестибюль, Сталин, как обычно, пошел проводить нас»¹²²². Слова Сталина передал охране прикрепленный Иван Хрусталев: «Ложитесь-ка вы все спать. Мне ничего не надо. И я тоже ложусь. Вы мне сегодня не понадобитесь»¹²²³. Больше Сталин ничего не произнесет.

1 марта он долго не выходил из комнаты. Только в 11 вечера охрана осмелилась зайти в комнату – он лежал на полу и хрипел. Врача на Волынском тогда уже не было. Молотов говорил, что в последние месяцы жизни Сталин опасался лечиться, патологически боясь отравления. Врачебную помощь оказать было некому. В 2 часа ночи 2 марта приехали Берия и Маленков, которые осмотрели перенесенного на диван Сталина и приказали его не беспокоить. Врачи вместе с Маленковым, Берией и Хрущевым появились только в 9 утра.

Оттуда все трое направились в Кремль. В 10.40 в кабинет Сталина вместе с ними вошли Ворошилов, Каганович, Микоян,

Молотов, Первухин, Сабуров, Шверник, Шкирятов, начальник Лечсануправы Куперин и инструктор отдела партийных органов ЦК Толкачев. Молотов в те дни был нездоров. После гриппа развилось воспаление легких, от которого он еще не оправился. Но по звонку вскочил с постели и примчался в Кремль. Заседали всего 20 минут. Куперин получил задание подготовить правительственное сообщение о болезни Сталина, где сообщалось об опасном для жизни кровоизлиянии в мозг, Толкачев – созывать в Москву членов ЦК. Молотов и другие руководители вернулись на «Ближнюю». Он вспоминал: «Сталин лежал на диване. Глаза закрыты. Иногда он открывал их и пытался что-то говорить, но сознание к нему так и не вернулось. Когда он пытался говорить, к нему подбегал Берия и целовал его руку»¹²²⁴.

Вечером в кремлевском кабинете Сталина вновь собралось узкое руководство – председательствовал Берия. Министр здравоохранения Третьяков подтвердил диагноз: массивное кровоизлияние в мозг, в левое полушарие, на почве гипертонии и атеросклероза мозговых артерий¹²²⁵. Был ли Сталин умерщвлен? Молотов этого не исключал, хотя полной уверенности на этот счет у него не было. Главный подозреваемый – Берия. «Не исключаю, что он приложил руку к его смерти. Из того, что он мне говорил, да я это чувствовал. На трибуне мавзолея 1 мая 1953 года делал такие намеки»¹²²⁶. Впрочем, практического значения причина смерти вождя в тот момент не имела.

Новая система власти уже формировалась на Ближней даче Сталина, когда врачи боролись за его жизнь. Молотов на январском 1955 года пленуме ЦК в пылу полемики с Маленковым вспомнит, как это было: «Мы стоим у постели больного человека, который умирает. Надо между собой поговорить, никто не говорит с нами. Здесь есть двое – Маленков и Берия. Мы сидим на втором этаже: я, Хрущев, Булганин, Ворошилов, Каганович, а они наверху. Они приносят готовые, сформулированные предложения, обращение ЦК, проекты Президиума Верховного Совета, состав Правительства, глава Правительства, Министерства, такие-то Министерства объединить и прочее. Все это принесли нам Берия и Маленков»¹²²⁷.

В восемь вечера 5 марта прошло беспрецедентное по формату «Совместное заседание Пленума Центрального комитета КПСС, Совета Министров Союза ССР и Президиума Верховного Совета СССР». Председательствовал Хрущев, который сразу предоставил слово Третьякову «для сообщения о состоянии здоровья товарища Сталина И. В. Сообщение т. Третьякова принимается к сведению». Хрущев предоставляет слово Маленкову. Тот поднимается на трибуну:

– Все понимают огромную ответственность за руководство страной, которая ложится теперь на всех нас. Всем понятно, что страна не может терпеть ни одного часа перебоя в руководстве.

Слово предоставляется Берии:

– Мы уверены – вы разделите наше мнение о том, что в переживаемое нашей партией и страной трудное время у нас может быть только одна кандидатура на пост Председателя Совета министров СССР – кандидатура товарища Маленкова.

Возгласы с мест: «Правильно! Утвердить!» Хрущев представляет слово Маленкову, который озвучил, по сути, новую структуру власти. Берия, Молотов, Булганин, Караганович назначались первыми заместителями главы Совмина. В правительстве вместо Президиума и Бюро Президиума оставался один орган – Президиум в составе председателя и его замов. Председателем Президиума Верховного Совета назначили Ворошилова, Шверник перемещался в ВЦСПС. МГБ и МВД объединялись в одно единое Министерство внутренних дел во главе с Берией. Молотов становился министром иностранных дел, Булганин – военным министром.

В партии вместо Президиума и Бюро Президиума также создавался один орган – Президиум ЦК из 11 членов и 4 кандидатов. Члены Президиума – «девятка» плюс Молотов и Микоян. Постоянные комиссии при Президиуме ЦК КПСС – по внешним делам и по вопросам обороны – ликвидировались. Секретарями ЦК стали Игнатьев, Поспелов, Шаталин. Решили, что Хрущев сосредоточится на работе в ЦК КПСС, для чего уйдет из МК.

Хрущев ставит на голосование внесенные с голоса предложения. Поднялись все руки. Хрущев объявляет совместное заседание закрытым¹²²⁸. Все закончилось за 40 минут. На заседании «Молотов был по-прежнему замкнут, каменно холоден, словно все нарастающее кипение страстей не имеет к нему никакого отношения»¹²²⁹. Он получил три новых позиции – зампреда Совмина, члена Президиума ЦК и министра иностранных дел. Почему Молотова вернули в высшее руководство? Как полагают А. А. Данилов и А. В. Пыжиков, «не знаяшие всех перипетий этой борьбы миллионы советских людей по-прежнему видели едва ли не единственным преемником Сталина Молотова, а других старейших членов Политбюро – обязательным окружением любого нового лидера страны. Маленков и Берия справедливо опасались того, что страна может не поддержать иной расклад политических сил в высшем руководстве. И надо сказать, что опасались они, конечно, не без оснований – в адрес

Молотова после смерти Сталина пришли сотни писем, в которых простые люди выражали недоумение по поводу того, что он не стал новым лидером страны»¹²³⁰. Если бы в СССР проводились состязательные выборы, у Молотова были бы все шансы возглавить страну.

Но почему же тогда Молотов не стал главой правительства? Ответ прост, и его точно сформулировал Константин Симонов: «Молотов мог бы заместить Сталина на посту Председателя Совета министров. Молотов был популярен, и в широких массах такое назначение очевидно встретило бы положительное отношение. Но Берии помог сам Сталин, в последнем выступлении по каким-то своим причинам – может быть, не совсем по своим, а по ставшим его чужим инсинуациям, – обрушившийся на Молотова с такой силой, что назначение Молотова на один из двух постов, занимавшихся Сталиным, людьми, слышавшими выступление Сталина, было бы воспринято как нечто прямо противоположное его воле»¹²³¹. А так руководители с огромным аппаратным весом подкрепляли свою вновь обретенную власть личным политическим авторитетом Молотова. При этом Молотов получил в качестве первых заместителей в МИДе тех людей, которых он бы себе сам точно никогда не выбрал – Вышинского и Малика.

В 20.40 Хрущев объявил совместное заседание закрытым. Молотов с другими членами Президиума ЦК поспешили в Волынское. В 21.50 врачи констатировали смерть Сталина. Вошли в комнату, где лежало тело умершего лидера, иостояли в молчании 20 минут. Каждому было что о нем вспомнить. Затем вновь уехали в Кремль.

Шепилов вспоминал это ночное заседание: «Председательское кресло Сталина, которое он занимал почти 30 лет, осталось пустым, на него никто не сел. На первый от кресла Сталина стул сел Г. Маленков, рядом с ним Н. Хрущев, поодаль – В. Молотов; на первый стул слева сел Л. Берия, рядом с ним А. Микоян, дальше с обеих сторон разместились остальные. Меня поразила на этом заседании столь не соответствовавшая моменту развязность и крикливость все тех же Берии и Хрущева. Они были по-веселому возбуждены, то тот, то другой вставляли скабрезные фразы. Восковая бледность покрывала лицо В. Молотова, и только чуть сдвинутые надбровные дуги выдавали его необычайное душевное напряжение. Явно расстроен и подавлен был Г. Маленков. Менее горласт, чем обычно, Л. Каганович. Смешанное чувство скрытой тревоги, подавленности, озабоченности, раздумий царило в комнате»¹²³².

Похороны Сталина приились на день рождения Молотова – 9 марта. Из Дома союзов гроб с телом Сталина выносили

на руках. Впереди шли Маленков и Берия. Было много руководителей братских партий и государств, испытывавших весьма противоречивую гамму чувств. «Само собой возникали потрясающие вопросы: как же это возможно, чтобы столь важные изменения были произведены так неожиданно, за день, причем не в какой-либо обыкновенный день, а в первый траурный день?! – выражал недоумение многих албанский лидер Энвер Ходжа. – Мы и многие другие думали, что Первым Секретарем... будет избран Молотов, ближайший соратник Сталина, самый старый, самый зрелый, наиболее опытный и наиболее известный в Советском Союзе и за его пределами большевик»¹²³³. Маленков и Берия произнесли первые речи с трибуны Мавзолея. Третим был Молотов:

– В эти дни мы все переживаем тяжелое горе – кончину Иосифа Виссарионовича Сталина, утрату великого вождя и вместе с тем близкого, родного, бесконечно дорогого человека. И мы, его старые и близкие друзья, и миллионы-миллионы советских людей, как и трудящиеся во всех странах, во всем мире, прощаются сегодня с товарищем Сталиным, которого мы все так любили и который всегда будет жить в наших сердцах¹²³⁴.

Константин Симонов подметил: «Речь Молотова мало различалась от других, но ее говорил человек, прощавшийся с другим человеком, которого он, несмотря ни на что, любил, и эта любовь вместе с горечью потери прорывалась даже каким-то содроганием в голосе этого твердокаменнейшего человека. Я вспомнил, и не мог не вспомнить, плenum, на котором Сталин с такой жестокостью говорил о Молотове, еще и по этому контрасту не мог не оценить глубины чего-то, продолжавшего существовать для Молотова, не оборванного у него до конца со смертью Сталина, связывавшего этих двух людей – мертвого и живого»¹²³⁵.

Когда спускались с Мавзолея, Маленков, Хрущев и Берия поздравили Молотова с днем рождения и поинтересовались, что бы он хотел получить в подарок.

– Верните Полину...

И ушел.

Зато 11 марта 1953 года стал одним из самых радостных дней в жизни Молотова. Он вновь смог заключить Полину в свои объятия. Это было в кабинете Берии. «Она даже не знала, что Сталин умер, и первым ее вопросом было: “Как Сталин?” – дошли слухи о его болезни»¹²³⁶.

– Героиня! – пафосно воскликнул Берия.

Полина не могла стоять на ногах от истощения и пыток. Похудела чуть ли не в два раза. Домой она вернулась в той же

беличьей шубке, в которой и ушла, только потертой и залатанной.

Дома она узнала не только о смерти Сталина, но и о больших переменах в семье. О том, что она стала бабушкой: 11 мая 1950 года на свет появилась внучка, которую назвали Ларисой, хотя в семье всегда звали Лорой. О том, что у нее новый зять: Светлана успела развестись и вновь в 1952 году выйти замуж – за своего блестящего преподавателя в МГИМО красавца Алексея Никонова.

А Лора вспоминала: «Она говорила о том времени: “Мне ‘там’ были нужны только три вещи: мыло, чтобы быть чистой, хлеб, чтобы быть сытой, и лук, чтобы не заболеть”». Когда она пришла «оттуда», то сразу свалилась. Наверное, полгода лежала на диване, в столовой и с этого дивана руководила всем домом. У нее после ссылки дрожали руки, но она старалась преодолеть это, вышивала. Могла перетерпеть любую боль. И часто говорила, что жизнь очень сложна. Повторяла: «Я всегда верила, что дед меня спасет, и мы опять будем вместе»¹²³⁷.

21 марта КПК постановила: «Отменить решение Партиколлегии КПК от 29 декабря 1948 года об исключении т. Жемчужиной П. С. из членов КПСС как неправильное. Восстановить ее членом КПСС»¹²³⁸. Вскоре привезли и партбилет. Сделал это тот же Шкирятов, который готовил против нее обвинительное заключение для Политбюро. Теперь он, естественно, очень сожалел о происшедшем.

Ольга Аросева написала ей письмо по адресу: «Кремль. Жемчужиной П. С.». И вскоре была приглашена в гости. «За обедом я заметила, как много и жадно ест Полина Семеновна, в моей детской памяти – привередливая малоежка. Поймав мой взгляд, она объяснила: “Никак не могу наесться, ворую со стола, кладу себе под подушку, а ночью ем...”»¹²³⁹.

Глава пятая

МОЛОТОВ И ХРУЩЕВ. 1953–1957

Хрущев – саврас без узды.
Вячеслав Молотов

Миротворец

Молотов с нескрываемым удовольствием и умноженной энергией взялся за знакомую работу. Уже на новом месте – в достроенной новенькой мидовской высотке на Смоленской площади. Олег Трояновский был приглашен в его кабинет на 7-м этаже – там будут работать и Громыко, и Шеварднадзе, и Лавров. Молотов «встретил меня весьма приветливо, с улыбкой на лице, что случалось с ним не так-то часто. Видно было, что он находился в хорошем расположении духа. И было с чего... Он был снова на коне, снова на первых ролях в высшем руководстве. И снова после ссылки рядом с ним была его жена Полина Семеновна Жемчужина, к которой он искренне был привязан»¹²⁴⁰.

Над ним уже не висела угроза плахи. И на Молотове лично, как никогда раньше, в полной мере лежала ответственность за внешнюю политику сверхдержавы. Он вновь становился одним из самых влиятельных людей на планете. Тем более что других членов Президиума ЦК в тот момент за пределами нашей страны не различали ни по именам, ни по лицам.

Молотов быстро собирал свою команду и избавлялся от ненужных людей. Трояновский был одним из многочисленных прежних помощников и сотрудников Молотова, потерявший работу в предшествовавшие годы, после которых вновь возвращался на службу. Постепенно Молотов поменял первых заместителей, которых ему назначили. Вышинский был отправлен представителем в ООН, а Малик – послом в Лондон. Напротив, Кузнецов, которого планировали отправить в Китай, остался первым замом в Москве. Другим своим заместителем Молотов сделал Громыко. Появлялись и новые сотрудники. Одному из них предстояло сыграть важную роль в советской истории – Юрию Андропову. «Его ко мне из ЦК направили, учраспред, распределительный отдел, или кто-то из секретарей. Он произвел

на меня неплохое впечатление». Первым местом работы Андропова в МИДе было руководство 4-м европейским отделом, который занимался Польшей и Чехословакией. Оттуда спустя короткое время он был отправлен в Венгрию советником-посланником, чтобы через год стать послом¹²⁴¹.

«Исторические хроники постсталинской разрядки обычно отводят Маленкову героическую роль проповедника духа Женевы, – писал поработавший в архивах многих стран Джейфри Робертс. – Другая популярная фигура – Никита Хрущев, преемник Сталина на посту лидера партии, которому воздается должное как сильному стороннику разрядки… А противником мира изображался, конечно же, Молотов, который, как говорят, продолжал негибкую и неуступчивую политику эры Сталина. На самом деле архитектором разрядки был Молотов»¹²⁴². У такой точки зрения есть основание. Разворот в советской внешней политике произошел резко, инициатором его выступал МИД во главе с Молотовым, этот курс пользовался поддержкой всего состава Президиума ЦК и был реализован до того, как Хрущев стал интересоваться вопросами внешней политики. Если кто-то из руководителей страны помимо Молотова и пытался в 1953 году повлиять на внешнюю политику, то это был Берия. Но у него это плохо получалось. Авторитет Молотова в этой области был непререкаемым.

Отправной точкой постсталинской внешней политики принято считать «мирное наступление», начатое на похоронах Сталина 9 марта 1953 года. При этом традиционно цитируют слова Маленкова, который заявил о возможности «длительного существования и мирного соревнования двух систем – капиталистической и социалистической»¹²⁴³. Но при этом обходят произнесенные тогда же слова Молотова:

– Наше Советское государство не имеет никаких агрессивных целей и со своей стороны не допускает вмешательства в дела других государств. Наша внешняя политика, которая известна во всем мире как сталинская миролюбивая внешняя политика, является политикой защиты мира между народами, является незыблемой политикой сохранения и упрочения мира, борьбы против подготовки и развязывания новой войны, политика международного сотрудничества и развития деловых связей со всеми странами, которые сами также стремятся к этому¹²⁴⁴.

Изменения коснулись всех без исключения аспектов советской внешней политики. Соцстранам, которых, конечно, не предполагали спускать с короткого поводка, был рекомендован резкий политический маневр, который должен был повторить

шедшие в Москве перемены. Ракоши свидетельствовал, что весной 1953 года у него состоялся подробный разговор с советскими руководителями, среди которых был и Молотов, и Хрущев. «Будет всеми средствами наращиваться производство товаров массового потребления, есть намерение резко повысить жизненный уровень трудящихся, снизить в этих целях темпы капиталовложений в тяжелую промышленность... Они рассказали о проведении широкой амнистии. И предложили осуществить то же самое и у нас... Предложили, чтобы генеральный секретарь партии и председатель Совета министров не являлись одним и тем же лицом, поскольку неправильно сосредоточивать слишком большую власть в одних руках... Они сказали, что будут предлагать все это и остальным партиям»¹²⁴⁵.

19 марта Москва обратилась к руководителям и Северной, и Южной Кореи с предложением возобновить переговоры о перемирии. Пхеньян и Пекин ответили согласием, как и на предложение об обмене больными и ранеными военнопленными. 2 апреля Молотов выразил «свою полную солидарность с этим благородным актом правительства КНР и правительства КНДР» и заявил о поддержке любых шагов, направленных на «установление перемирия и прекращение войны в Корее»¹²⁴⁶.

Неожиданным сторонником ослабления напряженности с западной стороны оказался Черчилль, ставший в том году рыцарем, кавалером ордена Подвязки и лауреатом Нобелевской премии по литературе за свои военные мемуары (единственным из политиков за всю историю премии). 12 марта британский посол Гайскон нанес визит Молотову и передал готовность премьер-министра «оказать помощь в деле ослабления напряженности отношений между странами». Иден, вновь возглавлявший Форин оффис, обратился к Молотову с просьбой помочь в освобождении англичан, интернированных в КНДР. Отреагировали немедленно, и вскоре все британцы оказались в Москве, среди них и будущий знаменитый советский разведчик Джордж Блейк. 11 апреля Гайскон передал Молотову послание Идена, где говорилось о стремлении Лондона «к улучшению отношений с Советским Союзом, которое, по его мнению, также наблюдается и с Вашей стороны». Иден просил также разрешения вывезти интернированных на самолете королевских BBC, что означало разрешение на посадку в Москве британского военного самолета. Молотов дал согласие не задумываясь¹²⁴⁷.

Вышинский 9 апреля озвучил в ООН мидовскую инициативу по заключению пакта мира между Великобританией, Китаем, Францией, СССР и США. Это было одно из последних его выступлений: вскоре он скончается от сердечного приступа.

В поддержку идеи такого пакта Молотовым была развернута кампания движения сторонников мира, под петицией с призывом к его заключению было собрано 600 миллионов подписей¹²⁴⁸.

Только что вступивший в должность президента Эйзенхаузер ответил речью «Шанс для мира», где назвал условиями нормализации отношений «почетное перемирие» в Корее, подписание договора с Австрией и единой Германией, освобождение немецких военнопленных, начало переговоров по контролю над вооружениями, «прекращение прямых и косвенных посягательств на безопасность Индокитая и Малайи», а также обеспечение «полной независимости народов Восточной Европы». Это нельзя было назвать настроем на партнерство. Чарлз Болен, ставший послом в Москве, не получил никаких инструкций от Вашингтона по налаживанию более тесных отношений, более того, новый государственный секретарь Джон Фостер Даллес, «похоже, испытывал встроенный страх перед официальными связями с советскими официальными лицами»¹²⁴⁹.

За ответ президенту Молотов сел лично, пригласив в соавторы отличавшихся хорошим пером главного редактора «Правды» Шепилова и политобозревателя Георгия Жукова. «Осмотрительность Молотова, тщательность продумывания и подготовки им любой внешнеполитической акции после смерти Сталина даже умножились, – подтверждал Шепилов. – Он гораздо чаще, чем прежде, стал созывать у себя совещания ученых и журналистов-международников. На таких совещаниях и в самом аппарате МИДа после определения позиции по данному вопросу по существу тщательно взвешивалось, в какой форме осуществить данную акцию: заявление посла, интервью заместителя министра или министра иностранных дел, заявление Министерства иностранных дел,nota и какой тип ее (памятная записка, вербальная нота и т. д.), интервью или заявление главы правительства или заявление правительства и т. д.»¹²⁵⁰. Ответ Молотова вышел вполне конструктивным.

22 апреля были опубликованы традиционные первомайские призывы, среди которых второе место – после обязательной здравицы в честь КПСС – занимал пункт: «Нет такого спорного или нерешенного вопроса, который не мог быть разрешен мирным путем на основе взаимной договоренности заинтересованных сторон». 25 апреля «Правда» без малейших купюр опубликовала речь Эйзенхауэра «Шанс для мира», несмотря на все содержащиеся в ней антисоветские выпады. Болен был более чем удивлен, отмечая и заметное ослабление антиамериканской кампании в советской прессе¹²⁵¹. Чего нельзя было ска-

зать об американской. «The New York Times» 29 апреля вышла с передовицей: «США по сути отвергают мирное предложение Молотова»¹²⁵².

26 апреля в Паньмыньчжоне возобновились переговоры по Корее. 18 мая Госдеп просил помочи Молотова, чтобы уговорить Пекин и Пхеньян принять «окончательное предложение», которое США внесли от имени ООН¹²⁵³. 3 июня Молотов сообщил Болену, что «намечен путь к успешному завершению переговоров по прекращению военных действий». 8 июня было подписано соглашение об обмене военнопленными, а 27 июля – о перемирии. Войска двух коалиций отошли от линии боевого соприкосновения, образовав демилитаризованную зону¹²⁵⁴. Молотов скажет:

– Заключение перемирия в Корее знаменовало собою про-вал политики агрессивных кругов, развязавших войну в Корее. Три года войны и исключительных жертв не сломили героический корейский народ и китайских народных добровольцев, славный подвиг которых войдет в историю национально-освободительной борьбы народов¹²⁵⁵.

Множество новых инициатив было предложено на немецком направлении. В истории российского МИДа, вышедшей из-под пера самих мидовцев, сказано: «В последнее время получила распространение версия, связывающая прогрессивные новшества в советском планировании по германскому вопросу после смерти Сталина с именем Берии, тогда как Молотову и вообще МИД приписывается роль реакционной, антиреформистской силы. Документы этого не подтверждают. Особых противоречий между МИД и МВД не было, а оппозиция быстрому и решительному повороту в политике, по крайней мере, в германских делах, исходила от партийного аппарата, руководимого Н. С. Хрущевым». Причины этого: «Характерное для него идеологизированное представление о мире, неопытность в дипломатии и личная симпатия к В. Ульбрихту – наиболее консервативному деятелю в тогдашнем руководстве ГДР»¹²⁵⁶.

Одной из первых мер Молотова стало категорическое указание руководству СКК в лице генерала Чуйкова и политсоветника Семенова отказаться от планов «введения пограничной охраны на секторной границе Восточного Берлина с Западным Берлином». Эти планы были названы «по политическим соображениям неприемлемыми и, к тому же, грубо упрощенческими»¹²⁵⁷.

Немедленно были реанимированы наработки времен «ноты Сталина» (она же «нота Молотова»). Суть советской позиции по-прежнему сводилась к формуле «объединения Германии в

качестве миролюбивого и демократического государства», что предполагалось достичь путем переговоров о заключении мирного договора, который гарантировал бы нейтралитет Германии. Но появлялись и смелые новые идеи, которые отталкивались от сообщений разведки о сильной оппозиции ратификации договора о ЕОС во Франции и Западной Германии. Начиная с 18 апреля Молотов проработал серию предложений с общей идеей создания временного общегерманского правительства при временном сохранении правительства обоих немецких государств, дополненной инициативой немедленного вывода оккупационных войск сразу после его формирования. В то же время пункты, нацеленные на интеграцию ГДР в соцлагерь, как, например, предложение заключить с ней договор о дружбе и взаимопомощи, были министром сняты. 8 мая он направил на имя Маленкова и Хрущева записку с резкой критикой тезиса о ГДР как государстве «диктатуры пролетариата», с которым незадолго до этого выступил Ульбрихт, призывая переговорить с руководителями Восточной Германии о прекращении кампании создания сельхозкооперативов, которая смахивала на коллективизацию¹²⁵⁸.

Ситуация в ГДР обострялась. На заседании Президиума СМ 27 мая анализировались причины массового бегства из ГДР в Западную Германию (почти 450 тысяч человек с начала 1950 года). Молотов резко схлестнулся с Берией. «Мы внесли проект от МИДа, что Ульбрихт и другие руководители проводят форсированную политику наступления на капиталистический элемент, что неправильно. А Берия предложил выбросить слово “форсированная”. Получалось: “не проводить политику строительства социализма в ГДР”. “Почему так?” А он отвечает: “Потому что нам нужна только мирная Германия, а будет там социализм или нет, нам все равно”»¹²⁵⁹. Нельзя же совсем отказываться от социализма, так даже социал-демократы не делают.

Вспоминал этот эпизод Хрущев: «Я полностью был согласен с Молотовым и тотчас тоже попросил слова, поддержав Молотова... В тот же день я увиделся с Молотовым, и он сказал мне: “Я очень доволен, что вы заняли такую позицию. Я этого, признаюсь, не ожидал, потому что видел вас всегда втроем и считал, что вы занимаете единую позицию с Маленковым и Берией, думал, что Хрущев уже, наверное, заавансировался по этому вопросу. Твердая, резкая позиция, которую вы заняли, мне очень понравилась”. И тут же предложил мне перейти с ним на “ты”»¹²⁶⁰.

Создали комиссию. Вспоминал Молотов: «Звонит ко мне в этот вечер Берия, говорит: “Зачем нам собираться? Давай прос-

то по телефону сговоримся, примем резолюцию. Откажись ты от своего предложения!"... Ну, он пытался мне: "Не надо социализма в Германии!" – "Нет, я буду стоять на своем, это принципиальный вопрос, связанный при этом с вопросом, как будет в случае войны". – "Ну, черт с тобой, давай не будем собираться, я согласен с твоим предложением"»¹²⁶¹.

Произошла демилитаризация системы советского управления в Восточной Германии и Австрии. 29 мая ликвидировалась Советская контрольная комиссия в Германии, главно-командующий группой войск был избавлен от гражданских дел, которые перешли к Семенову, ставшему верховным комиссаром. 5 июня то же произошло в Австрии, где верховным комиссаром стал Ильичев, возведенный вскоре в ранг послы. 26 июня СССР объявил о досрочном освобождении германских военнопленных. В заключении оставались только лица, виновные в военных преступлениях. Однако 16 июня в Восточной Германии вспыхнуло восстание. Семенов в своем дневнике запишет, что «события 17 июня были использованы Западом в качестве "дня икс" для прощупывания штыком прочности режимов в СССР и ГДР после смерти Сталина. "День икс" сорвался, но мы отчетливо понимали необходимость тщательного исследования причин и характера путча. Молотов многократно требовал доложить об обстановке и наших выводах»¹²⁶². 20 августа в Москву прибыла делегация ГДР, и через три дня было выпущено коммюнике: с января 1954 года отменялись репатриационные выплаты, советские предприятия в Германии передавались правительству ГДР, аннулировался его долг Советскому Союзу, Восточная Германия получала советские займы.

Летом 1953 года были сделаны первые шаги к нормализации отношений с Югославией. Нет, с Тито мириться никто еще не собирался. Однако, как заметил Молотов на июльском пленуме, где убирали Берио (о чем ниже), «мы решили, что надо установить с Югославией такие же отношения, как и с другими буржуазными государствами: послы, обмен телеграммами, деловые встречи и прочее»¹²⁶³. 30 июля совпосол Вальков вручил верительные грамоты Тито, посол ФНРЮ Видич сделал это 1 октября. В июле восстанавливались дипотношения с Грецией. Тогда же в своеобразной форме МИДом было заявлено о прекращении давления на Турцию: «Правительства Армянской ССР и Грузинской ССР сочли возможным отказаться от своих территориальных претензий к Турции. Что же касается вопроса о проливах, то советское правительство пересмотрело свое прежнее мнение по этому вопросу».

Молотов решительно менял стиль общения с дипломатическим корпусом. Сотрудники посольств получили большую возможность выезжать за пределы Москвы. Был разрешен выезд из СССР советских женщин, вышедших замуж за иностранцев¹²⁶⁴. 14 июля Молотов – впервые за несколько лет – появился на посольском приеме по случаю национального праздника Франции. Представители дипкорпуса оценили прием, который Молотов устроил вечером 7 ноября. Молотов не отказал себе в удовольствии разыграть небольшой спектакль. После концерта с аперитивом он пригласил основных гостей, включая послов трех западных держав, за стол, где председательствовал в компании Булганина, Кагановича и Микояна. Болен был посажен рядом с человеком, с которым начал оживленно беседовать, прежде чем понял, что это глава непризнанной ГДР Ульбрихт. Скандал? Молотов заявил, что все гости достойны уважения, а потому предложил такую формулу. Если за предложенный тост выпить неудобно по дипломатическим причинам, то можно просто встать и не пить. Именно так поступили западные послы, когда хозяин провозгласил тосты за китайского посла и за Ульбрихта. Затем Молотов предложил тосты за США, Британию и Францию – Ульбрихт и Лю вставали, но не пили¹²⁶⁵.

Болен нашел поведение Молотова весьма дипломатичным, как и новый британский посол Хейтер: «Были предприняты все усилия, чтобы вечер прошел весело, с речами и тостами, и Молотов, как обычно, проявил себя прекрасным хозяином. Это был первый из многих случаев, когда иностранные послы имели привилегию наблюдать Булганина – министра обороны в состоянии интоксикации; в тот раз он напился так, что его вывели и заменили за столом маршалом Жуковым». Несколько лет пообщавшись с Молотовым, Хейтер напишет: «Боюсь произнечь старомодно, но у него были инстинкты джентльмена. Он мог быть жестким или холодным, но когда он общался с иностранным послом, он это делал с достоинством и проявлял осторожность, чтобы не обидеть его публичной атакой на его правительство или просьбой выпить за тост, под которым посол не мог подписать»¹²⁶⁶.

Восток и Запад двигались на встречных курсах. 11 ноября Черчиль направил Молотову письмо с предложением обсудить возможность встречи представителей великих держав. Молотов провел пресс-конференцию для иностранных журналистов, в ходе которой употребил словосочетание «уменьшение напряженности в международных отношениях» 24 раза. На конференции на Бермудах с участием Эйзенхауэра, Чер-

чилля и Жозефа Ланьеля в начале декабря родилось согласие на проведение совещания министров иностранных дел четырех держав в Берлине. Молотов ответил выдвижением новой прорывной идеи: «СССР начал переходить от позиции, что разрешение германского вопроса является ключом к европейской безопасности, к той точке зрения, что европейская безопасность является ключом к разрешению германского вопроса. Когда Молотов прибыл на совещание министров иностранных дел в Берлин в январе 1954 г., все уже было готово к запуску нового грандиозного советского проекта, который получил предпочтение по сравнению с продолжением мирного договора с Германией: создания общеевропейской системы коллективной безопасности»¹²⁶⁷.

В Берлине Молотову впервые пришлось столкнуться с республиканской администрацией, обвинявшей Трумэна в мягкости по отношению к коммунизму. Госсекретарь Даллес – строгий моралист и глубоко религиозный человек – «трактовал окружающий мир как арену борьбы двух начал – добра и зла. И он намеревался не просто сдерживать врагов (понимай: силы зла), а нанести им сокрушительное поражение. Идея простого сдерживания коммунизма не удовлетворяла Даллеса, он мечтал полностью “низложить” коммунизм и “освободить” поработленные народы»¹²⁶⁸. Преимущество в ядерном вооружении и средствах его доставки легло в основу новой доктрины «массированного возмездия», которая предписывала «полагаться главным образом на большую способность к мгновенному ответному удару средствами и в местах по нашему собственному выбору»¹²⁶⁹. Картину «возмездия» в случае плохого поведения СССР представило командование стратегической авиации: одновременное нападение на СССР 150 бомбардировщиков B-36 и 585 – B-47 с европейских, азиатских и американских баз, которые могли бы пустить в ход 600–750 бомб. «В результате этих двухчасовых операций Россия стала бы грудой дымящихся и зараженных радиацией руин»¹²⁷⁰.

Бромадж зафиксировал: «Кружаций снег из русских степей ударял по городу, когда Молотов уселся в старом дворце Гогенцоллернов в комнате, потолок которой украшал трубящий Архангел Гавриил. Вновь вежливая, спокойная манера; члены делегации с лицами, похожими на восковые маски, следующие за ним на почтительном расстоянии; костюм из превосходной черной ткани и синий галстук, изысканная рубашка и тщательно выбритый подбородок. Было ясно, что у него были развязаны руки: до пятого дня никто из подчиненных не передал ему даже записку»¹²⁷¹.

– Мы собрались не для того, чтобы делать категорические заявления, а для того, чтобы выслушать друг друга и найти возможность договориться по тем вопросам, по которым можно договориться сегодня, – заявил Молотов на открытии¹²⁷².

Двадцать семь публичных заседаний, обсуждения по всему спектру острейших вопросов. Молотов в отличной форме. «Американский государственный секретарь восхищался, как и другие, блестящей техникой Молотова за столом переговоров. Он говорил без конца, но всегда по теме и точно. Он мастерски вкладывал в уста других слова, которые те никогда не произносили. Он вновь вбрасывал отвергнутые аргументы оппонентов, как будто они были его собственными»¹²⁷³. Джексон – помощник Эйзенхауэра по вопросам психологической войны – писал: «Советская делегация была, безусловно, первоклассной... Атмосфера внутри нее кажется весьма расслабленной. Передача записок и советы шепотом во время конференции были спонтанными, и советники давали информацию и советы Молотову так же легко, как он консультировался с ними... Молотов был наиболее интересным участником советской группы. По сравнению с другими, его юмор был острым, точным и быстрым, и, казалось, он получал истинное удовольствие от возможности пикироваться и перебрасываться словами»¹²⁷⁴.

Трояновский записал: «Даллес тоже не скучился на комплименты в адрес советского министра. На одном из обедов он сказал, что считает его дипломатом с выдающимися способностями и опытом. И в шутку предположил, что Молотову с его выдающимися умственными способностями место на Уолл-стрит. А на замечание последнего, что у него нет для этого денег, заметил, что Уолл-стрит для того и существует, чтобы делать там деньги. Молотов пос克ромничал, сказав, что считает себя во внешней политике новичком, поскольку начал заниматься ею только в 1939 году. Однако добавил, что сорокалетний опыт внутриполитической деятельности очень пригодился ему в дипломатии»¹²⁷⁵.

В центре – германский вопрос. Западные представители требовали свободных общегерманских выборов в качестве предварительного условия переговоров о мирном договоре, СССР настаивал на формировании временного правительства Германии, которое эти выборы организует. Публично западные представители охарактеризуют позицию Молотова как догматическую и негативистскую, за что ухватятся и некоторые историки. Но это не так. Он говорил о референдуме в Германии, чтобы немцы сами решили, хотят они присоединения к ЕОС

или заключения мирного договора, который приведет к созданию единой Германии. Он предлагал вывод почти всех оккупационных войск еще до выборов. Говорил, что Москва согласна на формулу ограниченной немецкой армии, не направленной против какой-либо из четырех держав. Гибкости не хватило Западу. Как и в вопросе о мирном договоре с Австрией. Молотов выдвигал два условия: Вена не будет вступать в военные союзы или создавать у себя иностранные военные базы; советские войска выйдут после подписания мирного договора с Германией¹²⁷⁶. Болен утверждал, что конференция остановилась в «дюйме от договоренности по Австрии»¹²⁷⁷.

10 февраля Молотов выложил на стол козырь: проект Общеевропейского договора о коллективной безопасности, цель которого «обеспечение мира и безопасности всех европейских государств независимо от их общественного устройства». Министр выступал и отвечал на вопросы западных делегаций до позднего вечера. Им не нравилось, что предлагавшаяся система безопасности была альтернативой ЕОС, а Соединенным Штатам в ней отводилась роль наблюдателей. Джонсон утверждал, что Молотов совершил ошибку: «И тут последовал взрыв бомбы: США исключаются из пакта о коллективной безопасности... И тут мы все громко расхохотались, и наша реакция застала русских полностью врасплох. Молотов сделал над собой усилие и, наконец, смог улыбнуться, но российский драйв сошел на нет»¹²⁷⁸. Этот хохот стал классикой историографии холодной войны. Только авторы забывают, что Молотов, впервых, следовал одобренной ЦК переговорной позиции, а во вторых, не делал ее догмой.

Первоисточники подтверждают: «Молотов выразил готовность исключить из представленного им проекта договора о европейской безопасности пункт об особом статусе США и даже не исключил участия в нем Канады... Что касается НАТО, то он в принципе не исключил возможности ее параллельного существования наряду с предлагавшейся им системой европейской безопасности. Несовместимость он усматривал лишь между этой системой и проектом ЕОС (тогда еще не провалившимся, а, наоборот, усиленно проталкиваемым)»¹²⁷⁹.

– Североатлантический блок уже существует, а Европейское оборонительное сообщество пока еще на бумаге, – говорил Молотов. – Североатлантический блок создан без восстановления германского милитаризма, а Европейское оборонительное сообщество создается для возрождения германского милитаризма. Вывод простой: что касается отношения к Североатлантическому блоку, то у нас имеются существенные разногласия.

Если будет образовано Европейское оборонительное сообщество, наши разногласия будут возведены в квадрат¹²⁸⁰.

Столь гибкий подход Молотова застал врасплох западных партнеров, и Иден даже готов был рассмотреть шаги навстречу Москве. Однако это не встретило поддержку Даллеса и даже Бидо, со стороны которого прозвучало требование к СССР отвергнуть все прежние официальные заявления о НАТО. Вероятно, французский министр был уязвлен фактом исключения Франции из планировавшихся советско-американских переговоров по атомным делам. Да-да, в ходе частных бесед Молотову удалось добиться согласия Даллеса на начало секретных двусторонних переговоров по ядерной проблематике. Госсекретарь, как расскажет Молотов на пленуме ЦК, выразил мнение, что «на более поздней стадии» к этим переговорам могли бы подключиться Англия и Франция, но «период двусторонних переговоров должен быть настолько длительным, насколько это возможно», против чего Молотов не возражал¹²⁸¹.

Даллес по итогам берлинской встречи 24 февраля выступил с радио- и телеобращением к нации, в котором назвал намерения Молотова советским планом создания Германии, контролируемой коммунистами, и Европы, контролируемой Советами. Его предложение о системе коллективной безопасности было «настолько нелепым, что, когда он его зачитывал, с западной стороны стола раздался смех, к явному недовольству коммунистической делегации»¹²⁸². Однако секретный отчет о переговорах, который Даллес тогда же направил в СНБ, был выдержан в совершенно ином тоне. «Советский министр иностранных дел уже не представлялся просто подчиненным, как при жизни Сталина. Казалось, он был свободен в принятии решений при минимальных отчетах в Москву для получения инструкций». В Берлине Молотов был «очень умен и мастерски вел себя на протяжении всей встречи. Он – один из самых проницательных и одаренных дипломатов этого столетия или, воистину, любого столетия»¹²⁸³.

Молотов отчитывался по итогам конференции на пленуме ЦК. Он не склонен был переоценивать достижений, заявив, что она привела к укреплению международных позиций СССР и нанесла действенный удар по планам ЕОС. Слова Маленкова о том, что делегация была на высоте, были встречены бурными и продолжительными аплодисментами. А Хрущев, не сказав ни слова, поставил на голосование резолюцию с одобрением деятельности советской делегации в Берлине, которая была единогласно принята.

Из Берлинского совещания Молотов сделал вывод о необходимости выдвижения новых смелых инициатив. Многочисленные проекты МИДа, подвергшиеся строгой молотовской редактуре, имели результатом новую формулу вполне революционного содержания: США могут участвовать в организации европейской коллективной безопасности, но Советский Союз должен иметь право... вступить в НАТО. 26 марта Молотов направил Маленкову и Хрущеву пространную записку с обоснованием позиции СССР: «Скорее всего, организаторы Североатлантического блока отреагируют негативно на этот шаг советского правительства и выдвинут множество различных возражений. В таком случае правительства трех держав снова покажут себя организаторами военного блока против других государств, а это укрепит позиции социалистических сил, ведущих борьбу против формирования Европейского оборонного сообщества... Разумеется, если заявление советского правительства встретит положительное отношение со стороны трех западных держав, это будет означать большой успех Советского Союза, поскольку СССР, присоединяющийся к Североатлантическому пакту на определенных условиях, кардинально изменит характер этого пакта. Вступление СССР в Североатлантический пакт одновременно с заключением Общеевропейского соглашения о системе коллективной безопасности в Европе подорвет планы по созданию Европейского оборонного сообщества и перевооружению Западной Германии»¹²⁸⁴.

31 марта Молотов пригласил послов трех западных держав и зачитал им ноту с проектом договора о коллективной безопасности, в котором могли участвовать и Соединенные Штаты. Отметив, что «Североатлантический договор не может рассматриваться советским правительством как агрессивный», Молотов добавил: «Совершенно очевидно, что Организация Североатлантического договора могла бы при соответствующих условиях утратить свой агрессивный характер, если бы ее участниками стали все великие державы, входившие в антигитлеровскую коалицию. В соответствии с этим, руководствуясь неизменными принципами своей миролюбивой политики, советское правительство выражает готовность рассмотреть совместно с заинтересованными правительствами вопрос об участии СССР в Североатлантическом договоре». В западных столицах повисла пауза.

Советская дипломатия становилась все более глобальной. Значительно расширялась сеть загранучреждений, СССР имел дипотношения с 68 государствами, в 62 из них находились посольства¹²⁸⁵. За один 1953 год были заключены торговые дого-

воры с тринадцатью странами, среди которых были не только Швеция, Норвегия, Дания и Франция, но также Иран и, куда важнее, обретшая независимость Индия, становившаяся важным партнером Москвы. Молотов активно поддерживал инициативы, которые в итоге приведут к созданию Движения неприсоединения, у истоков которого стояли индийский премьер Джавахарлал Неру и индонезийский президент Сукарно. На Бандунгской конференции в основу решений легла идея совместной борьбы стран Азии, Африки и Латинской Америки против западного империализма и колониализма на основе идеологии «панчасила» – пяти принципов мирного существования. Молотов приветствовал эти решения, отметив, что принципы, «на которых всегда основывал свою внешнюю политику Советский Союз, теперь нашли столь дружественную поддержку во всем мире»¹²⁸⁶.

В конце апреля 1954 года началось Женевское совещание по вопросам урегулирования в Индокитае с участием министров иностранных дел СССР, США, Великобритании, Франции и Китая, представителей обеих сторон в Корее, Вьетнаме, Лаосе и Камбодже. «Молотов и Иден поочередно вели заседания и неплохо ладили между собой»¹²⁸⁷, – припоминал Трояновский. Одной из главных задач Молотова было вовлечение в круг великих держав КНР. Но Даллес заявил, что США не намерены признавать Китай, что встреча между ним и Чжоу Эньлаем исключена, даже если их автомобили столкнутся на женевской улице. Иден не мог проявлять инициативу в установлении контактов с Чжоу, этому поспособствовал Молотов, устроив завтрак, на который пригласил обоих. Англо-китайский контакт был установлен, и КНР сделала первый шаг к международному признанию.

Китайский премьер, как и глава МИДа, проявил себя в Женеве блестящим политиком. Трояновский вспоминал его приезд в советскую резиденцию: «После длительной беседы с Молотовым он попросил просмотреть проект его речи при открытии конференции. Советский министр высказал ряд замечаний (отношения между двумя странами в то время были такими, что позволяли это сделать), после чего Чжоу Эньлай еще долго оставался в здании советского представительства, дорабатывая свою речь»¹²⁸⁸. Молотов оценивал его очень высоко: «Воспитанный, начитанный. Он не теоретик, он практик. Но очень умный... Дипломат, безусловно»¹²⁸⁹.

Вопрос китайско-американских отношений становился предметом неформальных консультаций Молотова и Даллеса. Госсекретарь писал Эйзенхауэру: «Поговорил наедине с Молото-

вым о китайской ситуации. Я сказал, что мы оказываем влияние на китайских националистов, а они должны оказать сопоставимое влияние на китайских коммунистов. Там нужны решения, как в Германии, Корее или Вьетнаме, где договорились не добиваться воссоединения силовым путем. Молотов сказал, что они хотят мира... Он сказал, что китайские коммунисты не будут встречаться с националистами. Я ответил, что мы не будем встречаться с коммунистами без националистов... Не чувствую, что достиг большого прогресса, но, думаю, Советы могут в результате наших переговоров усилить давление на китайцев, чтобы избежать войны»¹²⁹⁰. Молотов свою часть дела сделал. Чжоу подтвердил намерение Пекина решать проблему освобождения Тайваня мирным путем. 22 мая было объявлено о неформальном прекращении огня в районе Тайваньского пролива.

В веренице приемов и обедов в Женеве Николаю Федоренко запомнился завтрак, на который Молотов пригласил своих западных коллег. «В тот день не было недостатка и в остроумных, шуточных историях, которыми охотно делились и гости, и хозяева.

Антони Иден, сидящий за столом напротив Молотова, не без иронии спросил:

– Глядя на вас, господин Молотов, нельзя не заметить очень развитой мускулатуры на ваших руках...

– В самом деле, у вас атлетические данные боксера, – добавил Даллес.

– Когда только вы успеваете тренироваться, и к чему это вам? – ехидно произнес Жорж Бидо.

– А разве вы не видите: вас сколько, а я один... – мгновенно парировал Молотов. Раздался веселый смех гостей. Шутка тоже способна отражать нападки»¹²⁹¹.

Ближе к концу Женевской конференции подъехала Полина Семеновна, поделившаяся свежими новостями из первых рук о рождении у них второй внучки, которую назвали Любой.

Конференция завершилась 20 июля. Советская сторона высоко оценила ее результаты. Верховному Совету Молотов расскажет:

– Женевское совещание не полностью выполнило свою задачу, поскольку оно не продвинуло вперед решение корейского вопроса. Но на этом совещании было достигнуто соглашение о прекращении огня во Вьетнаме, продолжавшегося в течение восьми лет, а также соглашения о прекращении военных действий в Лаосе и Камбодже.

Под соглашением подписались все участники, кроме одного – Соединенных Штатов. Даллес демонстративно покинул

конференцию и заявил, что США будут «уважать» ее итоги, но не более того. Вскоре в Маниле состоялась сепаратная конференция, которая должна была, словами Эйзенхауэра, «дать понять миру, что Женевская конференция не могла быть использована как инструмент, обеспечивающий бездействие западного мира в Индокитае»¹²⁹². Молотов охарактеризовал американскую позицию как крайне неконструктивную:

– Они носились с планами «интернационализации» войны против вьетнамского народа, имея в виду втянуть в эту войну, кроме Франции, и Соединенные Штаты, и стремились во что бы то ни стало помешать достижению соглашения в Женеве. Однако продемонстрировав свою агрессивность, Соединенные Штаты ничего не достигли, оказавшись в положении изоляции. На даллесовской конференции в Маниле был подписан договор о так называемой «коллективной обороне Юго-Восточной Азии (СЕАТО), представляющий собой военный блок таких колониальных держав, как США, Англия и Франция, и некоторых зависимых от них азиатских государств, как Филиппины, Таиланд, Пакистан. Этот договор проникнут стремлением к удушению национально-освободительного движения в Азии и явно заострен против Китайской Народной Республики, международный авторитет которой так поднялся в период Женевского совещания»¹²⁹³.

По приезде из Женевы Молотов организовал загородный обед Президиума ЦК с дипломатическим корпусом на природе – в Успенском, причем уже с участием и Маленкова, и Хрущева. Послам было интересно прежде всего поведение первых лиц. «Маленков был по большей части молчалив, улыбался и играл с цветком... Молотов был щедрым хозяином-отцом. Основные разговоры вел Хрущев. Никто раньше не сталкивался с ним в этом качестве, и первое впечатление было настораживающим. Он казался импульсивным, сыпал ошибками и демонстрировал ужасающую безграмотность во внешней политике»¹²⁹⁴, – записал Хейтер.

...Женева выявила очевидные противоречия между западными державами, что расширяло границы дипломатического маневра. Гарольд Макмиллан писал: «Из-за очевидной непреклонности Даллеса и махровости сенатора Джозефа Маккарти и остальных антикоммунистических экстремистов даже умеренное общественное мнение в Британии становилось все более антиамериканским»¹²⁹⁵. Черчилль направил теплое послание Молотову с предложением провести советско-британскую встречу на высшем уровне. Тот ответил не менее тепло, подчеркнув, что личный контакт может послужить подготовкой к

встрече в более широком формате. Однако Эйзенхауэр и Даллес были не в восторге от инициативы Черчилля, и он передумал ехать в Москву. В сентябре в Москву пришло послание от трех держав: они готовы на саммит, если СССР согласится на подписание договора с Австрией и на проведение свободных выборов на всей территории Германии¹²⁹⁶.

Теперь уже Москва брала паузу, во время которой Молотов развернул мирное наступление на французском направлении. Он увидел возможность предотвратить образование ЕОС, рассматривая Париж в качестве наиболее настроенной на партнерство западной столицы, где к тому же оценили его женевские труды по разрешению индокитайского конфликта. «В основном благодаря усилиям Молотова и его супруги труппа парижского Комеди Франсез приехала в Москву в 1954 году, чтобы исполнить Тартюфа и другие драматические шедевры. Никогда на памяти более молодого поколения труппа с Запада не выступала в Москве». Было подписано соглашение об обмене студентами между МГУ и Сорбонной. Устанавливалась воздушная связь между Москвой и Парижем – с посадкой в Праге¹²⁹⁷. И эти усилия были не напрасными. В августе французский парламент отклонил ратификацию договора о создании ЕОС.

– Этот договор провалился во французском парламенте, потому что обнаружились слишком большие расхождения между волей французского народа и намерениями французского правительства¹²⁹⁸, – заметил Молотов.

Увы, дело на этом не закончилось, Запад всегда демонстрировал чудеса изобретательности, чтобы обойти волю народов и парламентов. 23 октября 1954 года были подписаны уже новые Парижские соглашения, которые Молотов расценил как «вторую попытку претендовать на милитаризацию Западной Германии». Москва выступила с новой инициативой, увязав общегерманские выборы, вывод всех оккупационных войск из Германии и созыв общеевропейской конференции по безопасности. Отклика не было. Тем временем после остройших дебатов французский парламент небольшим большинством ратифицировал Парижский договор. Молотов счел, что это противоречило решениям Потсдамской конференции и советско-французскому договору 1944 года:

– Как в отвергнутом проекте Европейского оборонительного сообщества, так и в Парижских соглашениях дело сводится, в конце концов, к одному и тому же: как первый, так и второй проект открывают ворота возрождению германского милитаризма в Западной Германии и включению ремилитаризированной Западной Германии в агрессивные военные группировки

западных государств. Не велико различие между ними: раньше предполагалось включить западногерманскую армию в так называемую «европейскую армию», а по Парижским соглашениям – в «западноевропейскую армию». На это можно сказать одно: «Хрен редьки не слаше, уголь сажи не белей»¹²⁹⁹.

К концу 1954 года наметилась перспектива первых шагов по контролю над ядерной сферой. 4 декабря Генассамблея ООН единогласно приняла резолюцию об учреждении Международного агентства по контролю за атомной энергией (МАГАТЭ). Молотов предложил «правительству Соединенных Штатов безотлагательно заключить соглашение об отказе от использования атомного оружия» и «соревноваться не в производстве атомного оружия, а в деле использования атомной энергии в мирных целях»¹³⁰⁰. При этом, конечно, Москва прилагала немоверные усилия, чтобы приблизиться к состоянию паритета с США по ядерным вооружениям, и даже опередила их с созданием водородной бомбы.

– Агрессивные круги США еще раз просчитались, – заявил Молотов. – Еще недавно они полагали, что у них имеется безусловная монополия на атомное оружие. Дело дошло до того, что в производстве водородного оружия советские люди добились такого успеха, что в положении отсталых оказался не Советский Союз, а Соединенные Штаты Америки.

Основные итоги нового внешнеполитического курса Молотов подводил на заседании Верховного Совета 8 февраля 1955 года:

– Из всего примерно 600-миллионного населения Европы около половины этого населения, немногим меньше 300 миллионов, уже твердо вступили в лагерь социализма и демократии. Население Азии достигает примерно 1 миллиарда 400 миллионов человек, что составляет больше, чем половину населения всего земного шара. Теперь и в Азии лишь немногим меньше половины населения живут в странах народной демократии, которые ушли из лагеря капитализма и поставили своей целью строительство социализма. Национально-освободительное движение народов Африки скоро нельзя будет душить безнаказанно, как это все еще делается захватившими африканские территории империалистическими государствами. Можно ли отрицать, что по сравнению с довоенным временем произошло серьезное ослабление позиций капитализма, капиталистических классов? Нет, нельзя¹³⁰¹.

Молотов не был против мирного сосуществования, в чем его будут обвинять. Для разрядки напряженности в мире он сделал в постсталинские годы больше, чем кто-либо другой. «Внешняя

политика Советского Союза основана на принципах сосуществования различных общественных систем, – говорил Молотов. – Мы отстаиваем эти принципы, желая, чтобы народы жили в мире и спокойствии»¹³⁰². Но он был против того, чтобы мирное сосуществование со страной, которая собиралась стереть СССР в радиоактивную пыль и вовсе не намеревалась сделать мирное сосуществование собственным принципом, было главным и единственным внешнеполитическим принципом. Особенно в условиях, когда Запад укреплял систему военных альянсов.

В результате «пактомании Даллеса» США оказались во главе четырех военно-политических блоков – «Пакт Рио-де-Жанейро», НАТО, АНЗЮС, СЕАТО, включающих 40 стран мира, не считая множества двусторонних военных договоров. СССР не собирались оставить в покое. Принятый в декабре 1954 года документ СНБ-5412 разъяснял методы ЦРУ для создания «трудноразрешимых проблем для международного коммунизма», предлагая использовать: «пропаганду; политические действия; экономическую войну; превентивные прямые действия, включая саботаж и контрсаботаж, меры по разрушению и поощрению к эмиграции; подрывную деятельность против враждебных государств или групп, включая помочь подпольному сопротивлению, партизанским и эмигрантским группам; поддержку националистических и антикоммунистических элементов; ...планы и операции клеветы»¹³⁰³.

Молотов полагал, что «коммунисты, как и все советские люди, не должны рассчитывать на любовь и сочувствие империалистов». И определял свое кредо так: «Советский Союз видит свою главную задачу в том, чтобы укреплять силы мира и содействовать уменьшению напряженности в международных отношениях». Но этого «нельзя достичь иначе, как настойчивой борьбой против наиболее агрессивных сил и их козней»¹³⁰⁴. С 29 ноября по 2 декабря 1954 года в Москве прошло Совещание европейских стран по сохранению мира и безопасности в Европе, в котором приняли участие все европейские союзники СССР. Молотов на нем подчеркнул:

– Мы не можем игнорировать или недооценивать того факта, что ратификация Парижских соглашений повлечет необходимость принятия новых весомых мер с целью надлежащей защиты миролюбивых государств.

После совещания началась подготовка концепции договора о коллективной обороне, включая создание объединенного военного командования. 22 февраля 1955 года Молотов представил в ЦК проект, предложив приступить к его обсуждению с лидерами союзных государств¹³⁰⁵. Вторая конференция вос-

точноевропейских стран прошла в Варшаве 11–14 мая, после того, как боннский парламент ратифицировал соглашение о вступлении Западной Германии в НАТО. Была создана Организация Варшавского договора. Заключительная статья договора гласила, что он утратит свою силу в случае создания в Европе системы коллективной безопасности.

«Саврас без узды»

Среди наследников Сталина не было противников десталинизации. «Пережив многочисленные унижения и страх за свою судьбу при жизни Сталина, все они отвергали саму возможность новой диктатуры сталинского типа, были заинтересованы в формировании нового баланса власти, основанного на относительном равноправии членов Политбюро»¹³⁰⁶, – считает Хлевнюк. 10 марта на Президиуме ЦК Маленков призвал «прекратить политику культа личности». Поспелову – секретарю ЦК по пропаганде – было поручено соответственным образом контролировать прессу, а Хрущеву – проверять публикации о Сталине. Но о распределении власти единогласия точно не существовало. И российская традиция с ее тягой к единоначалию работала против коллективного руководства. Теоретически на первую роль могли претендовать четверо – Маленков, Берия, Хрущев и Молотов.

Шепилов, один из самых проницательных и информированных свидетелей эпохи, считал, что «по всенародному и всепартийному мнению, единственным достойным преемником И. Сталина был В. Молотов. Но Молотов сам не проявлял ни малейших намерений встать у руля государственного корабля. С непревзойденной дисциплинированностью и воспитанностью он ждал, как решится вопрос о его роли, статусе “коллективным разумом” – в Президиуме ЦК»¹³⁰⁷.

Оставшийся триумвират поначалу действовал как команда. «Тот факт, что эта тройка – Маленков, Берия, Хрущев – как будто веревкой между собой связана, производил на меня тяжелое впечатление, втроем они могли навязать свою волю всему Президиуму ЦК, что могло бы привести к непредвиденным последствиям»¹³⁰⁸, – считал Микоян. Покладистый Маленков формально располагал наибольшим набором властных полномочий, однако не сильно стремился их приумножить. «Но были в составе руководящего ядра два человека, которые смотрели на вещи гораздо более практично, без всякой романтики и сентиментальности, – замечал Шепилов. – Это были Никита

Хрущев и Лаврентий Берия. Оба жаждали власти. Оба хорошо понимали, что после смерти Сталина механизм единоличной власти не был сломан и сдан в музей древностей»¹³⁰⁹.

Уже 14 марта 1953 года пленум ЦК по предложению Хрущева освободил Маленкова от обязанностей секретаря ЦК из-за нецелесообразности совмещения этой должности с руководством правительства. Премьер председательствовал на заседаниях Президиума ЦК, Хрущев – на заседаниях Секретариата. Но затем Хрущев добился и отмены «ленинской традиции». Шепилов вспоминал: «На этом заседании Хрущев вел себя раздраженно. Правая ноздря у него подрагивала, угол рта отходил к уху, лицо приобретало злобное, бульдожье выражение.

– Почему это Маленков должен был председательствовать на Президиуме? Почему это я и все мы должны подчиняться Маленкову? У нас коллективное руководство. У нас должно быть разделение функций. У меня свои обязанности, у Георгия – свои. Ну и пусть занимается своим делом»¹³¹⁰. Теперь и в Президиуме ЦК председательствовал Хрущев.

Берия меж тем упивался своим новым положением едва ли не полного всевластия. Он мог все. Даже надеть на себя тогу поборника законности. 10 марта в МВД были созданы группы для проверки и пересмотра громких дел. Берия потребовал запретить применение к арестованным мер физического воздействия. 24 марта он направил в Президиум ЦК записку, где привел цифру заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях – 2 526 402 человека. «Из общего числа заключенных количество особо опасных государственных преступников (шпионы, диверсанты, террористы, троцкисты, эсеры, националисты и др.), содержащихся в особых лагерях МВД СССР, составляет всего 221 435 человек». Берия предложил рассмотреть Указ об амнистии, который был принят уже 27 марта – освобождались 1 181 264 человека¹³¹¹. Впереди было «холодное лето 1953-го», когда резко возросло число убийств, грабежей. Все решения по реабилитации – и тогда, и в последующем – принимались в Президиуме ЦК единогласно.

При этом претензии Берии на первенство ни для кого не были секретом и вызывали беспокойство коллег. Заговор против него вызрел быстро, в дни июньского кризиса в ГДР, куда Берии отправили для наведения порядка. «Организаторами переговоров выступали Маленков и Хрущев. В необходимых случаях, в частности, для беседы с К. Е. Ворошиловым, подключался В. М. Молотов. Не все члены Президиума ЦК согласились с доводами Маленкова и Хрущева, и поэтому мнение старейшего члена Президиума ЦК Молотова было очень важно»¹³¹², – замечает

историк Владимир Наумов. Хрущев вспоминал: «Когда Молотов еще пользовался у Сталина доверием, я лично слышал, как он очень резко высказывался против Берии... Поэтому, как только я заговорил с Молотовым, он полностью со мной согласился. «Правильно, что вы поднимаете этот вопрос. Я полностью согласен и поддерживаю вас. А что вы станете делать дальше и к чему это должно привести?» – «Прежде всего нужно освободить Берия от обязанностей члена Президиума ЦК, заместителя Председателя Совета министров СССР и от поста министра внутренних дел». Но Молотов сказал, что этого недостаточно: «Берия очень опасен, и я считаю, что надо пойти на более крайние меры». – «Может быть, задержать его для следствия?»»¹³¹³.

Подготовку ареста взял на себя Булганин как министр обороны. На своей машине он привез в Кремль пять офицеров во главе с Москаленко. На другой прибыли Жуков, Брежнев, Неделин и др. «Всех нас Булганин провел в комнату ожидания при кабинете Маленкова, затем оставил нас и ушел в кабинет к Маленкову. Через несколько минут вышли к нам Хрущев, Булганин, Маленков и Молотов... В приемной все время находилось 15–17 людей в штатской и военной одежде. Это порученцы и лица, охраняющие и прикрепленные. И больше всего это люди от Берии»¹³¹⁴, – свидетельствовал Москаленко.

Заседание Президиума ЦК 26 июня открыл Маленков. «Враги хотели поставить органы МВД над партией и Правительством. Задача состоит в том, чтобы органы МВД поставить на службу партии и Правительству, взять эти органы под контроль партии»¹³¹⁵. Молотов выступал вторым: «Я считаю, что Берия перерожденец, это человек, чуждый партии»¹³¹⁶. Рука Берии писала на листе бумаги: «Тревога! Тревога! Тревога!» Молотов на пленуме скажет, что Берии «песочили» 2,5 часа¹³¹⁷. Выступали все члены Президиума, наиболее мягко Ворошилов и Микоян. Условный сигнал Маленкова прозвучал около часа дня. Арестовывали Жуков, Москаленко, генералы Батицкий и Баксов, полковник Зуб и майор Юферов.

Ночью военные заменили охрану и вывезли Берии из Кремля. Содержали в подземном бункере штаба ПВО. Берия писал в Президиум письма, уверял в вечной любви и дружбе. 1 июля он клялся: «Вячеслав Михайлович! У меня всегда было прекрасное, ровное отношение с Вами. Работая в Закавказье, мы все высоко ценили Вас, считали верным учеником Ленина и верным соратником Сталина, вторым лицом после товарища Сталина... Если спросить мою семью, то Вам могут рассказать очень много хорошего о Вас, с моих слов». На следующий день Берия молил Президиум ЦК «назначить самую ответственную

и строгую комиссию для строгого расследования моего дела, возглавив т. Молотовым или т. Ворошиловым»¹³¹⁸.

На пленуме ЦК, который проходил 2–7 июля, основной доклад делал Маленков. Помимо прочего, именно на Берию он возложил ответственность за негативные оценки, которые Сталин дал Молотову и Микояну.

– Все его проделки через аппарат сводились к тому, чтобы создать такое положение, что он имеет реальную власть в руках, он контролирует ЦК и Правительство, он следит за каждым шагом нашим, он подслушивает нас, – говорил Молотов. – Этот человек дышит не нашим духом, он чуждый нашей партии, он от другого корня, он чужой человек. В нашей среде, в руководящем ядре, теперь, наконец, честные отношения, мы не боимся теперь говорить друг с другом, как недели полторы тому назад было, а так было¹³¹⁹.

Пленум решил исключить Бериию как врага партии и советского народа из рядов КПСС и предать суду. По итогам пленума Молотов выступил на партсобрании в МИДе. «Он заявил, что однопартийная система при всех ее преимуществах имеет и существенные недостатки. Различного рода сомнительные элементы, подобные Берии, которые в ином случае оказались бы в других партиях, в карьеристских целях вступают в КПСС, засоряя и дискредитируя ее. Ни до, ни после я больше ничего подобного от него не слышал»¹³²⁰, – вспоминал Трояновский.

Молотов внимательно следил за процессом Берии, слушая трансляцию по внутреннему радио. Он был одним из первых читателей протоколов допросов и показаний свидетелей. Он видел слова Поскребышева о том, что Берия на встречах со Сталиным «со свойственной ему хитростью начинал говорить о недостатках работы того или иного руководящего работника... Особенно он старался оклеветать работу т. Молотова как в МИДе, так и в Совмине». Читал Молотов и письмо бывшего следователя Ю. Визеля, который свидетельствовал: «В 1938 году, работая в органах МВД, я был включен Кобуловым и Берия в агентурно-следственную работу, результатом которой явились материалы, компрометирующие товарищей Ворошилова К. Е., Калинина М. И. и Жемчужину... Позднее мне стало известно, что следственный отдел по особо важным делам вел “расследование” дореволюционной деятельности товарища Молотова В. М. с целью компрометации его».

Молотов описал свои чувства: «Было большим плюсом для партии разоблачение Берия и ликвидация этой язвы (полубандита – чуждого ленинизму пройдохи)»¹³²¹. 23 декабря его расстрелял генерал Батицкий.

Главным же выигравшим оказался Хрущев. «Одержав верх над Берия, Хрущев сразу вырвался вперед, обеспечивал себе приоритетное положение в партийной иерархии, – подтверждал его зять Аджубей. – После расстрела Берия Хрущев даже внешне очень изменился, стал более уверенным, динамичным»¹³²².

Оценки Хрущева я слышал из уст Молотова неоднократно. Он считал его человеком не без способностей, «бывалым» руководителем, хорошим тактиком. «Хрущев не дурак – сумел сколотить свой ЦК». Отмечал его стиль, связанный с поездками на места, за что его считали народным лидером. Главная претензия: он не считал Хрущева коммунистом. Младше Молотова лишь на четыре года, он в партию вступил только в 1918 году, когда, как говорил Молотов, «все уже стало ясно и многие примазались». На пенсии Молотов не жалел эпитетов в адрес Хрущева: «Прасол мелкого типа», «Человек малокультурный, безусловно», «Не по Сеньке шапка», «Недоразумение для партии»¹³²³. Молотова возмущал стиль Хрущева, который принимал решения, не утруждая себя их проработкой. «Для стиля Хрущева характерна была удивительная легкость на всякие обещания, посулы, сногсшибательные сроки, единственным основанием которых была собственная интуиция Хрущева, его “ню”»¹³²⁴, – подтверждал Шепилов. Позднее на этот управленческий стиль будет поставлено клеймо «волюнтаризма».

Хрущев прекрасно чувствовал механизмы властовования, настроения аппарата, который становился его главным козырем. Созданная в начале 1920-х годов Молотовым и Кагановичем система номенклатуры оказалась теперь в его руках. Шаг за шагом он максимизировал свои полномочия. На пленуме ЦК неожиданно и как бы мимоходом отказались от принципа коллективного руководства. В последние минуты его работы, констатировав исчерпание повестки дня, Маленков вдруг заявил:

– Президиум ЦК предлагает, товарищи, утвердить первым секретарем Центрального комитета товарища Хрущева. Требуются ли пояснения этого дела?

– Нет.

– Нет. Голосую. Кто за то, чтобы утвердить товарища Хрущева первым секретарем, прошу поднять руки. Прошу опустить. Возражающих нет? Заседание объявляю закрытым¹³²⁵.

С этого момента любой существенный вопрос до его постановки в правительстве должен был быть рассмотрен в ЦК. «Сделавшись первым секретарем ЦК, Хрущев просто надел уже разношенные и удобно подогнанные Сталиным валенки и потопал в них дальше»¹³²⁶. Николай Байбаков объяснял: «Не числилось за Никитой Сергеевичем ни громких всенародных

деяний и заслуг, ни теоретических работ... Зато бытовало мнение – крепок, ухватист, хороший хозяйственник, то есть типичный партийный практик, умеет вызывать к себе симпатию простой речью и обхождением, располагал к себе и внешний облик: простецкое лицо и жесты, простодушие как знак добродорядочности... Может быть, и хватит с нас непреклонности и суровости вождей, постоянного, почти на пределе напряжения сил»¹³²⁷.

Хрущев быстро выдвигал на партийные и государственные посты «своих людей». Взял на вооружение метод ублажения коллег и подчиненных, заметно повысив зарплату аппарата и расширил привилегии. С 1 сентября 1953 года устанавливался строго нормированный рабочий день: для центральных учреждений – с 9 до 18, для местных – с 10 до 19 часов. Категорически запрещалось вызывать сотрудников на работу в неурочное время или удлинять рабочий день. «На Воробьевых горах недалеко от смотровой площадки были построены особняки, получившие в народе название “Заветы Ильича”. Сделаны они были по одному проекту: двухэтажные, в каждом примерно восемь комнат, отдельный гараж. Даже мебель там была одинаковая – сделанная на фабрике “Люкс”. Первым туда переехал Хрущев, у него был особняк рядом с бассейном (бассейн был общий)»¹³²⁸, – вспоминал племянник Молотова Влад. Остальным скоро не оставили выбора. Жилые корпуса в Кремле были снесены – на их месте начиналось строительство стеклянной коробки Дворца съездов.

Огромным преимуществом Хрущева окажется его участие в тройке Президиума ЦК по «приведению в должный порядок» бумаг Сталина. Маленков покинул пост секретаря ЦК, Берия был репрессирован, а его бумаги, как и архив Сталина, оказались в руках Хрущева. Его люди работали с документами денно и нощно, собирая, помимо прочего, пространные досье на каждого из коллег: дело Берии показало высокую эффективность обвинений, связанных с участием в репрессиях. В 1955 году Хрущев подпишет акт об уничтожении 11 мешков с протоколами Политбюро и отчетами ЦК Компартии Украины об арестах врагов народа во времена его руководства республикой¹³²⁹. Как подчеркивал научный директор Российского военно-исторического общества Михаил Мягков, «ни до него, ни после архивы не подвергались такой люстрации, которая была при Хрущеве»¹³³⁰. С этого момента он мог смело разоблачать преступления Сталина и других его соратников.

«Хрущев распространял свое влияние на все новые сферы политики постепенно. Поначалу он был сама скромность.

“Вот вздумали: Сталин – Хрущев… Да Хрущев говна Сталина не стоит”.

Ему, видимо, так понравилась эта образность, что он несколько раз повторял эту фразу и в личных беседах, и на различных официальных заседаниях… Не допускал никаких резкостей и личных выпадов, предоставляя каждому широкую инициативу в своей сфере:

– Смотрите сами. Решайте сами. Вы лучше меня знаете это дело. Не мне вас учить»¹³³¹, – вспоминал Шепилов.

Все знали, что, обладая большим практическим опытом, Хрущев был не очень образован. «Никита Сергеевич сам никогда не писал: у него были трудности с орографией, и он это знал. Я видел всего одну его надпись на документе в таком варианте: “Азнакомица”»¹³³². Но говорить Хрущев умел бойко, выделяясь живостью, образностью речей. Готовя доклад, вызывал стенографистку и надиктовывал свои мысли. Но он был и мастером импровизаций, которые оперативно редактировались многочисленным штатом спичрайтеров и литературных редакторов. Речи звучали по 5–12 часов, занимая на следующий день 5–10 газетных полос¹³³³. Анекдот тех лет. Вопрос армянскому радио: «Можно ли завернуть в газету слова?» Ответ: «Можно, если в газете опубликовано выступление Хрущева».

Была и группа вопросов, по которым поначалу Хрущев импровизаций не допускал, поскольку в них не разбирался. К их числу относилась и внешняя политика. Вспоминали обсуждение международной тематики в Политбюро при Сталине:

«Вдруг он остановился против Хрущева и, пытливо глядя на него, сказал:

– Ну-ка, пускай наш Микита что-нибудь шарахнет…

Одни заулыбались, другие хихикнули. Всем казалось невероятным и смешным предложение Хрущеву высказаться по международному вопросу»¹³³⁴.

В 1953 году, пишет Трояновский, Хрущев и Молотов «достаточно продуктивно координировали свои действия на внешнеполитическом поприще. Во всяком случае мы, работники секретариата Министерства иностранных дел, тогда еще не замечали между ними каких-либо серьезных споров, а тем более конфликтов»¹³³⁵. Шепилов подтверждал, что «в течение сравнительно долгого времени Хрущев не вмешивался в вопросы внешней политики и не высказывался по ним. Он признавал абсолютный приоритет в этой сфере В. М. Молотова и испытывал даже чувство своеобразного почтительного страха перед сложностью международных проблем…»

– Удивляюсь я на Вячеслава. Какую голову надо иметь. Ведь весь мир надо в голове держать. Это хорошо, что он у нас на этом деле сидит. Надежно. Он не сплошает. И осторожный. А тут и нельзя с бухты-барахты. Да, Вячеслав – голова»¹³³⁶.

Хрущев начал с экономики, с упором на аграрный сектор. На августовской сессии Верховного Совета 1953 года Маленков провозгласил новую экономическую программу: выровнить темпы развития легкой и тяжелой промышленности, уменьшить налоги с сельских жителей, увеличить заготовительные цены на мясо, молоко, шерсть, картофель, овощи, поощрять развитие подсобных хозяйств¹³³⁷. Это закреплялось решениями сентябрьского пленума ЦК, на котором Хрущев делал свой первый основной доклад – по сельскому хозяйству, с которого, собственно, и стартовали его реформы. За ним последуют десятки пленумов, совещаний работников и передовиков сельского хозяйства, заседаний по отраслям аграрного производства и его региональным аспектам с многочасовыми речами Хрущева и очередными «прорывными» идеями, которые нередко противоречили предыдущим. Так, в сентябре ставилась задача увеличения продукции путем интенсификации сельского хозяйства, повышения урожайности полей и продуктивности животноводства: «Брать больше с каждого гектара земли».

7 декабря при Совмине создавалось Бюро по сельскому хозяйству и заготовкам, которое возглавил Хрущев, добавивший через это к высшему партийному посту членство в президиуме Совмина и должность зампреда правительства. В конце января 1954 года он подал в президиум ЦК записку, в которой констатировал глубокий кризис деревни. Предлагалось, во-первых, резко увеличить посевы кукурузы, во-вторых, расширить площадь пашни за счет освоения целинных и залежных земель – в полном противоречии с сентябрьскими решениями. Постановление на этот счет было принято на февральско-мартовском (1954 года) пленуме, на котором Хрущев выступил с восьмичасовым докладом.

Единственным членом ЦК, высказывавшим сомнения, оказался Молотов: «Целину начали осваивать преждевременно. Безусловно, это была нелепость. В таком размере – авантюра. Я никогда не был против освоения целины, хотя Хрущев меня объявил главным противником целины. Но я с самого начала был сторонником освоения целины в ограниченных масштабах, а не в таких громадных, которые нас заставили огромные средства вложить, нести колоссальные расходы вместо того, чтобы в обжитых районах поднимать то, что уже готово... Я предлагал вложить эти деньги в наше Нечерноземье, а цели-

ну поднимать постепенно. А Хрущев нашел идею и несется, как саврас без узды!.. Сумей рассчитать, прикинь, посоветуйся, что люди скажут. Нет – давай, давай»¹³³⁸.

Ценой героических усилий в засушливых районах, главным образом Казахстана, было распахано около 40 миллионов гектаров. Только в 1954–1958 годах на это было потрачено 30,7 миллиарда рублей, или 31,6 процента всех средств, выделенных на сельское хозяйство. В первые годы после начала освоения целина давала зерно. Но дальше отсутствие севооборотов, низкая агротехника привели к быстрой эрозии плодородного слоя, который уносили пылевые бури. Было уничтожено овцеводство, причем не только в Казахстане, но и в Центральной России. Страпахотные районы Центральной России оказались в забвении. Из-за острой нехватки техники, которая вся была брошена в Казахстан, хлеборобы по всей стране несли огромные потери, вынуждены были возвращаться к простейшим машинам и ручному труду¹³³⁹. Решающими звеньями подъема сельского хозяйства объявлялись то удобрения, то увеличение посевов кукурузы и гороха, то поливное земледелие с рисоводством. Егор Гайдар писал: «Государственные запасы зерна в 1953–1960 гг. постоянно сокращаются, используемые ресурсы превышают государственные закупки»¹³⁴⁰. Не случайно, что в годы правления Хрущева наша страна стала импортером зерна.

Важной вехой на пути к единовластию Хрущева стало празднование его 60-летия. Многоопытный Чарлз Болен подметил, что после статей, воспевших по этому поводу «славного сына рабочего класса», он как минимум сравнялся по влиянию с Маленковым и Молотовым¹³⁴¹. Празднование 300-летия воссоединения Украины с Россией Хрущев также превратил в едва ли не личное триумфальное мероприятие: провел юбилейные сессии Верховных Советов РСФСР и УССР, наградил Украину и Киев орденами Ленина. Торжества завершились 30 мая 1954 года военным парадом, демонстрацией на Красной площади и грандиозным приемом в Кремлевском дворце. «Безраздельным героем приема был Хрущев, – зафиксировал Шепилов. – Провозглашая тост за тостом, опрокидывая рюмку за рюмкой, он весь сверкал от удовольствия... Весь зал заполнял теперь голос, жесты, лоснящиеся от жирных блюд улыбки того, кого именовали теперь Первым секретарем ЦК. И все растущий круг фаворитов уже услужливо называл его тем отвратительным и зловещим именем, которое перекочевало из сталинской эпохи – “хозяин”»¹³⁴².

Но Хрущеву не терпелось преподнести Украине еще и подарок с царского плеча. В перерыве одного из многочисленных

совещаний по сельскому хозяйству в комнате Президиума он неожиданно предложил передать Крым из РСФСР Украине. «Я думаю, возражений не будет?» Н. Булганин, А. Микоян, А. Кириченко, Л. Каганович и другие откликнулись возгласами: «Правильно! Принять! Передать!» И только стоявший у дверей в соседнюю комнату в ожидании какого-то телефонного разговора В. Молотов сказал, ни к кому не обращаясь:

– Конечно, такое предложение является неправильным. Но, по-видимому, придется его принимать¹³⁴³.

Одна сомнительная инициатива за другой проходила в Президиуме ЦК. «И у Хрущева с каждым разом постепенно нарастала уверенность в себе, в голосе усиливался металл, в тоне начали преобладать повелительные нотки»¹³⁴⁴. Первый секретарь позволял теперь высказываться по любой проблеме. Импровизации на внешнеполитические темы стали настоящим кошмаром для МИДа, особенно когда на выступлении присутствовали иностранные корреспонденты, немедленно передававшие на ленты все более новые и все более смелые внешнеполитические инициативы с использованием все более залихватской лексики. Представьте себе ощущения Молотова, который мог порой часами сидеть с экспертами над одной фразой или словом. Поскольку остальные члены Президиума не имели привычки возражать первому секретарю, роль единственного оппонента по принципиальным вопросам вновь пришлось взять на себя Молотову. При этом поначалу еще можно было предположить, что Хрущев проявит большую терпимость к чужому мнению, чем его предшественник...

Повод для личного вступления Хрущева на международную арену появился в связи с контактами по партийной линии. В августе 1954 года в Москву прибыла делегация лейбористской партии во главе с Эттли и Бивеном. Маленков пригласил их к себе на дачу. Посольство устроило прием, на который пришли Маленков, Молотов, Хрущев. Англичане дали высокие оценки Маленкову. Но Хрущев вызвал, мягко говоря, недоумение. На Хейтера он произвел впечатление человека «невоспитанного, нахально-го, болтливого, невыдержанного, ужасающе невежественного в вопросах внешней политики». Он постоянно перебивал других, при этом Трояновскому приходилось при переводе постоянно поправлять сказанное, а Маленкову – еще и объяснять. «Быстрый, но не умный, – суммировал британский посол, – как молодой бычок, который, если ему указать направление, непременно достигнет своей цели, снося все на своем пути»¹³⁴⁵.

При Сталине за рубеж из высшего руководства выезжали Молотов и Микоян. Теперь уже Хрущев и его коллеги с азар-

том неофитов бросились осваивать новую для себя сферу, не испытывая необходимости в профессиональной поддержке. 29 сентября Хрущев – естественно, без Молотова – прибыл в Китай на торжества по случаю пятой годовщины образования республики. Знающий китаист Александр Панцов замечал: «Роковую ошибку он совершил с самого начала: ему ни в коем случае нельзя было первым наносить визит Мао. Следовало добиваться, чтобы Мао Цзэдун вначале приехал к нему. Но Хрущев, поняв, что может увидеть Китай, радовался, как ребенок... Не соблюдая протокола, лез обниматься и целоваться с Мао, что повергало китайцев в шок, балагурил, рассказывал о любовных похождениях Берии, много обещал и по-купечески много давал»¹³⁴⁶.

Все, что Молотов и Сталин в течение многих лет добивались у Чан Кайши, Рузвельта, Трумэна, Черчилля, Мао, было сдано в один момент. Хрущев отказался от долей в четырех совместных предприятиях, аренды военно-морской базы в Люйшуне, секретных соглашений, предоставлявших Москве привилегии в Маньчжурии и Синьцзяне. Первый секретарь обещал также передать Китаю секрет атомной бомбы, построить подводный флот и 141 предприятие. Но все эти жесты возымели далеко не тот эффект, которого добивался Хрущев, не удосужившийся изучить партнера по переговорам и нравы страны. Мао воспринял хрущевское радушие «как признак слабости. Встреча на высшем уровне убедила Председателя, что новый советский лидер “большой дурак”»¹³⁴⁷.

20 декабря 1954 года Хрущев поставил на Президиуме вопрос о создании Верховного Совета обороны – в формате ГКО или Ставки военного времени, – подотчетного ЦК КПСС. За этим стоял центральный вопрос – кто будет Верховным главнокомандующим. Молотов выступил против нового органа, доказывая, что в мирное время достаточным был бы Совет обороны из членов Президиума ЦК. Его поддержал Маленков. Хрущев с ним, естественно, не согласился. Вопрос отложили¹³⁴⁸.

Итак, на пути к вершине у Хрущева оставалось досадное препятствие в лице Маленкова. И Молотова. Первый секретарь сумел найти действенную форму атаки на Маленкова: курс на борьбу с проявлениями бюрократизма в правительенных и советских органах. «Эта политика оформлялась постановлениями ЦК КПСС “О серьезных недостатках в работе государственного аппарата” (январь 1954 г.) и “О существенных недостатках в структуре министерств и ведомств и мерах по улучшению работы государственного аппарата” (октябрь 1954 г.). Конечная цель широко проводимой антибюрократической кампании

становится понятной из итогов январского (1955 г.) пленума ЦК КПСС»¹³⁴⁹.

Январский пленум рассмотрел два разноплановых вопроса: «Об увеличении производства продуктов животноводства» и «О тов. Маленкове Г. М.». По второму вопросу Хрущев размашисто раскритиковал премьера за приоритет развития легкой промышленности, за претензии на руководство не только правительством, но и ЦК, за стремление «к дешевой популярности», за некомпетентность и безынициативность. Симптоматично, что теперь и против Маленкова прозвучали обвинения в организации репрессий. Присоединился к критикам Маленкова и Молотов. Вспоминая этот эпизод на пенсии, он скажет: «Я его критиковал за то, как он вел себя после Сталина. Его первый недостаток заключался в том, что он сразу попал в руки правых по политическим вопросам, а во-вторых, он вел себя не как настоящий член ЦК, когда сделался Председателем Совмина... Без теоретического понимания социализма нельзя долго держаться на ногах». Вместе с тем Молотов сожалел, что ангажировался в борьбе против Маленкова, считал это скорее своей ошибкой и признавал, что у того после пленума были основания для личной обиды¹³⁵⁰.

Маленков потерял пост главы правительства. Каганович писал: «Председателем Совета министров Хрущев предложил Булганина, хотя более естественной кандидатурой должен был быть Молотов»¹³⁵¹. Сам Молотов предлагал кандидатуру Хрущева¹³⁵². Полагаю, тем самым он считал возможным отодвинуть его от руководства партией, лишая главного аппаратного козыря. Но большинство согласилось с кандидатурой Булганина. Хрущев не хотел ни уходить с поста первого секретаря, ни пускать столь сильную фигуру, как Молотов, на пост председателя правительства. 7 февраля было принято окончательное решение о создании Совета обороны как постоянно действующего органа. Вопрос о председателе теперь решился однозначно – Хрущев. Молотов тоже оказался в его составе – вместе с Булганиным, Ворошиловым, Кагановичем, Жуковым и Василевским.

Теперь наступила очередь Молотова. Жесткая атака, начавшаяся с весны 1955 года, имела исходной целью подорвать его авторитет в двух областях, где он казался неколебимым: марксистско-ленинская теория и внешняя политика.

5 мая ведущие работники идеологического фронта ЦК КПСС пишут записку (ясно, не по собственной инициативе) о наличии в докладе Молотова на Верховном Совете 8 февраля (вспомнили!) грубейшей политической ошибки. Там он ска-

зал, что в СССР «уже построены основы социалистического общества», тогда как правильная формулировка должна была говорить о «построении в основном социалистического общества». Хрущев, который стоял за этой запиской и ранее не был замечен в каком-либо интересе к теории, ставил под сомнение его (Молотова!) большевистскую грамотность. Молотов действительно считал, что до полной победы социализма в стране еще далеко, и в ответной записке 18 мая уверял: «Разумеется, дело завершения строительства социалистического общества и перехода от социализма к коммунизму достаточно длительный процесс и связано с достижением значительно более высокого экономического уровня, с дальнейшим повышением уровня коммунистического воспитания людей, а также с соответствующими международными условиями»¹³⁵³. Но Президиум ЦК был непреклонен: основы социализма были построены еще в 30-е годы, а теперь его победа была безусловной. Молотова обязали написать опровержение, которое появится в «Коммунисте» в начале октября: «Считаю свою формулировку по вопросу о построении социалистического общества в СССР, данную на сессии Верховного Совета СССР 8 февраля 1955 года, из которой можно сделать вывод, что в Советском Союзе построены лишь основы социалистического общества, теоретически ошибочной и политически вредной». Редакционная статья в том же номере журнала доказывала «теоретическое банкротство» тех, кто использовал устаревшие формулы¹³⁵⁴.

Одновременно под сомнение ставилась компетентность Молотова в международных вопросах. Как только Франция депонировала в Западноевропейский союз документ с ратификацией Парижских соглашений, Хрущев объявил об аннулировании Верховным Советом советско-французского договора 1944 года в связи с несовместимостью с ним Парижских соглашений. С той же мотивировкой был аннулирован и договор 1942 года между Советским Союзом и Великобританией. Нетрудно представить, насколько Молотов был недоволен отправкой в корзину добытых потом и кровью боев Великой Отечественной соглашений. Его помощник Ерофеев писал, что аннулирование договоров «было серьезной ошибкой, одной из тех, которые не раз допускал Хрущев»¹³⁵⁵.

Стандартным обвинением Молотова со стороны Хрущева и его соратников станет противодействие заключению мирного договора с Австрией. Более того, Хрущев это сделает одной из своих любимых баек. Он будет ее рассказывать даже Джону Кеннеди в мае 1961 года¹³⁵⁶. На самом деле Молотов и возглавляемый им МИД предложил триединую формулу решения

австрийской проблемы. Первое: «урегулирование австрийского вопроса нельзя рассматривать вне связи с германским вопросом, особенно ввиду имеющихся планов ремилитаризации Западной Германии, что усиливает опасность поглощения (аншлюса) Австрии». Второе: «Австрия должна взять на себя обязательство не вступать в какие-либо коалиции или военные союзы, направленные против любой державы» антигитлеровской коалиции. Третье: необходим «безотлагательный созыв совещания четырех держав» для рассмотрения германского вопроса и заключения мирного договора с Австрией¹³⁵⁷.

Молотов не спешил, понимая, что вывод войск из части советской зоны оккупации, в которую входила и Австрия как регион Германии к моменту завершения войны, и мирный договор с ней, означавший ее независимость, были крупными политическими козырями в руках Москвы, которые можно было серьезно разыграть. Напротив, Президиум ЦК постоянно торопил МИД с односторонними уступками, причем не только по этому вопросу. «Кто-то в Министерстве иностранных дел называл такую политику уступок игрой в поддавки»¹³⁵⁸, – писал Тро-яновский. Молотов в эту игру не играл никогда. Весной 1955 года пять представленных МИДом проектов решений австрийского вопроса были Хрущевым отвергнуты¹³⁵⁹. Но разногласия не носили принципиальный характер. Максимум, что инкриминировали Молотову на июньском пленуме 1955 года, – промедление¹³⁶⁰. В ходе советско-австрийских переговоров в Москве были сняты спорные вопросы о правах СССР на бывшую германскую собственность в Австрии, а Кремль дал добро на вывод оккупационных войск и подписание государственного договора. Австрийский премьер вспоминал слова Хрущева: «Вы знаете, господин Рааб, это первый раз в моей жизни, когда я сижу рядом с настоящим капиталистом»¹³⁶¹.

14 мая в Вене был прекрасный солнечный день, улицы заполнены людьми, с восторгом приветствовавшими машины глав делегаций. В 16.30 западные министры встретились с Молотовым. Даллес предложил ему занять председательское место, чем он не преминул воспользоваться. Согласование окончательного текста договора уже не заняло много времени. Но Молотов не был бы самим собой, если бы даже в этот момент не попытался добиться чего-нибудь еще. Он зачитал тест проекта декларации об австрийском нейтралитете и предложил его подписать. Западные партнеры запротестовали и ограничились обещанием. Молотов не стал упорствовать. Новый глава британского МИДа Гарольд Макмиллан, который первый раз лично с ним встречался, записал: «Он, безусловно, председа-

тельствовал на нашем собрании со скрупулезной корректностью, не теряя времени и с опытом профессионального председателя. Этим вечером после ужина в американском посольстве он пребывал в хорошем настроении и позволил себе тяжеловатые шутки, что означало русскую манеру быть расслабленным». После ужина разговоры перешли на саммит «Большой четверки». Даллес и Макмиллан предлагали предварительно провести переговоры министров иностранных дел. Молотов не видел в этом необходимости, считая, что для саммита все готово, и несколько раз повторил, что отношениям между странами необходимо придать «новый импульс». Согласовали время: конец июля – начало августа. В качестве места встречи Молотов предлагал Вену, Даллес возражал: Эйзенхаузер никогда не приедет в страну, где еще находятся советские войска. Так возникла Женева.

На следующий день во дворце Бельведер Молотов вместе с коллегами из США, Англии, Франции и Австрии поставил свою подпись под договором о восстановлении независимой и демократической Австрии. Министры по ходу дела выходили на балкон дворца, чтобы поприветствовать собравшуюся толпу. «Полагаю, Молотов собрал наиболее громкие аплодисменты», – не без зависти заметил Макмиллан. За подписанием последовал обед на две тысячи человек в бальном зале дворца Шенбрунн. Вечером Макмиллан был приглашен Молотовым на его виллу, где они «провели приятный вечер, обсуждая широкий круг вопросов. Среди них была музыка, и он рассказывал о своем глубоком интересе к музыкальным занятиям внучатой племянницы и внучки. Он, конечно, показал в тот вечер мягкую часть своего характера. Его большая круглая голова производила впечатление силы, и его густые черные усы обрамляли любопытно мечтательные глаза. С одной стороны, он казался эффективным оператором, с другой – в чем-то философом»¹³⁶².

Молотов остался в Австрии еще на несколько дней в качестве гостя Рааба. Во время совместного посещения оперы, где давали «Травиату», он поразил австрийских коллег весьма профессиональным знанием деталей игры оркестра и оценками исполнения арий. Съездил Молотов и на нефтяные месторождения в Адерклаа и Матцене, на которые Москва имела виды. «Он оставил то, что, без сомнения, и хотел – хорошее впечатление, – писал Бромадж. – Он был изысканным, понимающим человеком, безусловно, хорошего воспитания и культуры»¹³⁶³.

Не Австрия станет предлогом для экзекуции над Молотовым. А Югославия, поставленная вдруг в центр всей внешней политики, исключительно ради этой цели.

Против течения

Молотов полагал, что в советско-югославских отношениях не все зависело от Москвы, но сделал еще в 1953 году шаги к их размораживанию на государственном уровне, не считая нужным развивать их по партийным каналам, коль скоро Югославия давно рас прощалась с соцлагерем и сотрудничала с НАТО. «И это, разумеется, полностью ее внутреннее дело. Советский Союз стремится к развитию советско-югославских отношений в экономической, политической и культурной областях»¹³⁶⁴. Кроме того, Молотов не мог легко забыть тот факт, что Тито вырезал всю просоветскую часть югославской компартии. Формула замирения, предлагавшаяся Хрущевым, была иной и описывалась популярной в те годы народной частушкой:

Дорогой товарищ Тито,
Ты теперь наш друг и брат.
Объяснил нам все Никита:
Ты ни в чем не виноват.

Молотов напишет: «В 1955 году, весной и летом, Хрущев, Микоян и др. с большим шумом повернули курс политики партии в сторону титовцев, что означало грубо оппортунистическое отступление от ленинских позиций. Уже в 1955 году мне пришлось пойти на прямой разрыв с тогдашним руководством ЦК, прежде всего с Хрущевым... Меня пытались отговаривать от выступления против Хрущева такие старые цекисты, как Каганович, Микоян, но я считал долгом коммуниста не молчать, а выступить с критикой позиций Хрущева не только на п/бюро, но и на Пленуме ЦК. Это было правильным. Может быть, следовало сделать это еще решительнее и шире, но принципиальная позиция, занятая мною по югославскому вопросу, целиком подтвердилась»¹³⁶⁵.

Как это было? 10 марта в «Правде» были опубликованы выдержки из выступления Тито, в которых содержалась прямая критика Молотова. Он промолчал. 8 мая вышла статья Жукова к 10-летию Победы, где, помимо прочего, указывалось на большие заслуги Тито в годы войны и высказывалось сожаление по поводу советско-югославской размолвки. Молотов по этому поводу заявил, что «санкционировал эту статью не ленинец, а обыватель». Эти его слова стали предметом разборки на Президиуме, где были расценены как «антипартийная выходка»¹³⁶⁶.

А Хрущев собрался в Белград. При подготовке директив для встречи с Тито Молотов и МИД предложили поставить вопросы о выходе Югославии из Балканского пакта, присоединении

к Варшавскому договору, возобновлении действия советско-югославского договора 1945 года. Мидовский проект вызвал резкие возражения Хрущева, полагавшего, что «неоднократные заявления руководителей Союза коммунистов Югославии о верности марксизму-ленинизму» создают предпосылки для сотрудничества и по партийной линии. Надо посыпать голову пеплом, отмести все наслоения, ответственность за которые предлагал возложить на Бериу и Абакумова¹³⁶⁷. Едва вступив 26 мая на югославскую землю, Хрущев назвал Тито «дорогим товарищем» и повинился за прежнее советское поведение. Ответом было молчание и приглашение к «господам» занять места в машинах.

Тито взял на вооружение шик и пренебрежительный тон. Он лично возил гостей на своем открытом «кадиллаке» в собственных резиденциях в Бриони и на озере Блед, отправил их на мировые курорты Опатия и Риека, катал на своих яхтах по Адриатике. Неприятности для советской делегации следовали одна за другой. «Тито и его главные министры прибыли на вечерний прием в роскошном Белом дворце при полном параде – в вечерних костюмах, с женами в дорогих платьях и драгоценностях, а на Хрущеве и его спутниках были мешковатые летние пиджаки. Во время тура советской делегации по стране ее принимали с явной холодностью. Когда они шли на яхте по Адриатическому морю, у Хрущева на глазах у Тито разыгралась морская болезнь. На приеме в советском посольстве Хрущев умудрился напиться»¹³⁶⁸.

Югославский лидер дождался от Хрущева признания неправоты СССР по всем вопросам. Присоединяться к соцлагерю – в любой форме – Тито отказался. На заключительном ужине, как свидетельствовала выступавшая в роли хозяйки вечера знаменитая певица Галина Вишневская, Хрущев все время поднимал тосты и норовил расцеловаться с Тито. «Йося, да перестань ты сердиться. Ишь, какой обидчивый! Давай лучше выпьем – кто старое помянет, тому глаз вон». Но Тито был непреклонен. «Спокойно, по-хозяйски наблюдал он, как посланники великой державы перед ним шапки ломают. Чувствовалось, что ему хочется продлить удовольствие, что он давно ждал этого часа: нет-нет да и промелькнет в глазах ироническая ухмылка»¹³⁶⁹.

Однако результаты визита были, естественно, названы огромным успехом советской дипломатии. 6 июня Хрущев на Президиуме ЦК восторженно рассказывал о своем югославском турне. При обсуждении проекта постановления Молотов возразил против ключевой фразы о том, что «в процессе переговоров по партийным вопросам, в которых советская делега-

ция последовательно отстаивала принципы марксизма-ленинизма, достигнуты первые результаты». И тут на него началась жесткая атака.

— После выступления товарища Молотова нельзя так теперь оставлять дело, — взорвался Микоян. Его поддержали Булганин, Суслов и Маленков. Ворошилов предлагал не превращать пустяковые вопросы «черт знает во что». Молотов парирует:

— Результаты поездки большие и положительные. Я не согласен с некоторыми положениями. По партийной линии не добились результатов. Наши отношения с Югославией ухудшились из-за националистического уклона, а не из-за Берии. Стоит возразить — говорят: «Мешаете работе».

Хрущев подвел черту, предложив поставить вопрос в принципиальную плоскость и вынести сор из избы — на рассмотрение пленума ЦК и международного комдвижения.

— Записать, что товарищ Молотов имеет свою точку зрения, и мы ее осуждаем. Мне, докладчику, дать сказать, что у нас есть разногласия. Пленум ЦК должен занять свое место в решении внутрипартийных и международных вопросов¹³⁷⁰.

К этому времени разногласия Молотова с Хрущевым перестали быть секретом и для аппарата МИДа, который невольно становился и свидетелем, и участником конфликта. Трояновский вспоминал: «Молотов не мог примириться с тем, что Хрущев, которого он считал дилетантом во внешней политике, захватил инициативу, оттеснив его, признанного мастера дипломатии, на второй план. И при всей своей выдержанке наш министр стал нервничать. В некоторых случаях он открыто критиковал Хрущева... Со своей стороны и Хрущев не стеснялся в выражении недовольства позицией министра иностранных дел. Сначала это делалось в закрытом порядке, не публично... Мне пришлось наблюдать, как Хрущев обратился к руководящим работникам МИДа — там присутствовали, если память мне не изменяет, заместители министра Громыко, Зорин и Семенов и член коллегии Ильичев — и принял их критиковать. Почему так получается, говорил он, что на заседаниях Президиума ЦК один Вячеслав Михайлович всегда выступает по вопросам внешней политики? А где все другие коммунисты Министерства иностранных дел? Почему они молчат? Видимо, ваша ведомственная дисциплина выше партийной. Молотов, кажется, привык к тому, чтобы держать язык за зубами. И далее в таком же духе»¹³⁷¹.

Хрущев активно взялся за кадры МИДа, в массовом порядке наводняя его проверенными работниками партийных органов, знаявшими о дипломатии со страниц центральных газет. Появилось еще одно конфликтное поле: Молотов считал дипломатию

сферой деятельности профессионалов. В числе обвинений его со стороны Хрущева прозвучит и такое: «Он тормозил укрепление МИДа партийными кадрами. Но мы послали туда Патоличева, Тевосяна, Пономаренко, Пегова, Гришина, Громова и других партийных работников. Это крупные работники, и многие из них являются членами ЦК и кандидатами в члены ЦК. Это правильный вопрос международной политики. Надо, чтобы это было не в руках чиновников. Это большой политический вопрос, и он должен быть в руках Центрального Комитета»¹³⁷².

Экзекуцию над Молотовым решено было отложить на месяц, дождавшись его возвращения из США, где отмечалось 10-летие создания ООН. В Нью-Йорк добирался на пароходе, а оттуда в Сан-Франциско решил поехать на поезде, чтобы иметь возможность посмотреть всю страну. «Мы проехали по железной дороге три дня и две ночи, – припоминал тогдашний помощник Молотова Анатолий Добрынин. – На станциях собиралось много любопытствующих, желавших увидеть “живого Молотова”. Холодная война была в разгаре, но поездка прошла, к счастью, без всяких эксцессов или инцидентов. Лишь на остановке в Чикаго, где живет много эмигрантов славянского происхождения и где находилось руководство профсоюзов, враждебно настроенных против СССР, собралась довольно большая толпа, которая, когда Молотов выглянул из окна, начала громко кричать: “Бу-у-у...” (но без других проявлений прямой враждебности)»¹³⁷³.

В Сан-Франциско, писал Федоренко, «советская делегация во главе с Молотовым неизменно была в центре всеобщего внимания. Он всегда находился в окружении дипломатов и журналистов». Организовали пресс-конференцию. «Конференц-зал был переполнен. Пришли, видимо, не только сотни аккредитованных журналистов. Многим американцам было очень любопытно посмотреть вблизи на “второго человека” в Кремле... Ответы Молотова были хлесткими, но без пренебрежительной иронии. Журналисты порой даже не успевали их осмыслить. Вопросы задавались один другого каверзнее. Однако Молотов отвечал спокойно, убедительно... Мы покинули сцену, где прошли около часа, под гром аплодисментов. Нет, конечно, это не означало одобрения нашего мировоззрения, которое утверждал Молотов в ответах. Но, думается мне, это была дань человеку, с такой убежденностью излагавшему свои аргументы»¹³⁷⁴.

В выступлении Молотова (время для него пожертвовали делегации всех соцстран) на торжественном заседании в том же Опера-хаусе, что и десятилетием ранее, обратили на себя внимание новые моменты, прежде всего в германском вопросе:

– Советский Союз выступает за воссоединение Германии – воссоединение на миролюбивых и демократических основах. Какой режим должен и будет превалировать в единой Германии – это вопрос, который должен решить сам немецкий народ на свободных общегерманских выборах¹³⁷⁵.

20 июня был устроен грандиозный прием от имени Эйзенхауэра. Подходя к главам делегаций, он удостоил Молотова беседы весьма дружеского свойства. После приема министры иностранных дел направились в известный Юнион Клаб, где провели переговоры о предстоявшем саммите в Женеве. «Молотов был в довольно озорном настроении, он принял почти все процедурные планы, которые мы предложили для июльской встречи, – заметил Гарольд Макмиллан. – Но после этого сказал, что окончательные детали должны согласовать три посла с Государственным департаментом в Вашингтоне»¹³⁷⁶. В иные времена Молотов мог бы проявить большую самостоятельность. Сейчас же, не имея инструкций Президиума, он был связан. Западным партнерам уже были очевидны признаки ослабления его позиций, о чем напишет Чарлз Болен. И добавит, что внешне это никак не проявлялось: «За десятилетия общения с Молотовым у меня возникло чувство завистливого восхищения его твердым, прямым характером. Эмоции, будь то довольство или гнев, редко меняли выражение его стареющего белого лица с небольшими черными усами»¹³⁷⁷.

Были отдельные переговоры с Даллесом о предстоявшем саммите. Эйзенхауэр напишет: «Молотов делал упор на различные шаги, которые Советы предпринимали якобы для снижения напряженности – шаги, которые, за исключением австрийского договора, имели небольшое значение, как приглашение канцлеру Аденауэру посетить Россию, как переговоры между Советами и Японией или сближение Советов с Югославией. Фостер, со своей стороны, сконцентрировался на нашем желании обсуждать проблемы разоружения, объединения Германии, порабощенных народов и международного коммунистического заговора... Парадоксально, но один инцидент, который омрачил конференцию, дал основания для надежды. 22 июня русские сбили американский самолет морского патрулирования над Беринговым проливом. Когда Фостер выразил протест Молотову, тот высказал недоумение по поводу этого акта, а затем советское правительство действительно выпустило заявление с сожалениями и оплатило половину ущерба – чего никогда не делало ранее в эпизодах подобного рода»¹³⁷⁸.

Макмиллан получил приглашение на виллу советской делегации и описал приятную беседу: «Каждый раз, когда я встре-

чался с Молотовым, меня поражала странная двойственность его характера. Несмотря на его репутацию жесткого, негативистского, брутального человека, при встрече с ним один на один возникала неожиданная притягательность и даже мягкость. Я почувствовал, что русские хотели разрядки, что их действительно пугали американские военные базы в Европе и что они хотели бы сократить расходы и усилия на вооружения. Но заплатят ли они за это цену?»¹³⁷⁹

Из Нью-Йорка в Европу Молотов возвращался на «Куин Мери». С корабля попадал на «бал». 20 июня в его отсутствие Президиум обсуждал вынесение вопроса о разногласиях по Югославии на пленум. Ворошилов возражал: как бы люди не подумали, что в верхах драка.

– Никакой драки, а побъем одного, чтобы он знал свое место, – ответил Хрущев.

Перед пленумом, проходившим 4–12 июля, некоторые коллеги пытались отговорить Молотова от спора с Хрущевым. Но он был непреклонен и, высказавшись за необходимость «улучшить отношения Советского Союза с Югославией», подчеркнул, что причины для разрыва отношений в конце 1940-х годов были вескими. Прерываемый через фразу членами ЦК, Молотов проявил твердость:

– Во-первых, неправильно бросать вину за разрыв только на нашу партию, умалчивая об ответственности югославской компартии. Во-вторых, и это главное, не следует игнорировать, что в основе расхождений было то, что югославские руководители отошли от принципиальных интернационалистических позиций.

Вопрос заключался не только в делах прошлого – визит Хрущева мало что изменил.

– И после советско-югославской декларации Югославия продолжает развивать и пропагандировать старые взгляды, которые далеки от коммунизма, но близки к правым социал-демократам. Мы должны добиться, чтобы Югославия не вступила в Североатлантический блок, в тот или иной его международный филиал и чтобы Югославия вышла из Балканского союза. С ней надо сближаться на тех же основах, что и с Финляндией или Индией, но не на принципах марксизма-ленинизма¹³⁸⁰.

Молотову устроили показательную порку. В ходе бурного обмена мнениями между Молотовым и Хрущевым первый секретарь возложил на него и Сталина ответственность за разрыв отношений с Югославией, на который они пошли, «не спрашивая ЦК». Булганин начал с Югославии, а продолжил уже целым букетом претензий: «Мы имеем дело с человеком,

потерявшим практическую перспективу». Микоян утверждал, что «Молотов живет только прошлым и вдохновляется злой, которая накопилась у него за время этой советско-югославской драки». Суслов упрекал за «позицию перестраховки и только перестраховки, позицию пассивности, глубоко чуждую марксизму-ленинизму, – сложил руки и сиди, жди неизвестно чего, поглядывая в разные стороны, как бы чего не вышло, бдительность проявляя». Маленков требовал от Молотова «заявления об обязательстве исправить свое поведение, безусловно, отказаться от своих ошибочных взглядов». Сабуров доказывал, что на самом деле Молотова не устраивает фигура Хрущева – и в этом источник разногласий.

Громыко, хорошо почувствовавший, куда дует ветер, поддакивал: позиция его руководителя в югославском вопросе «является неправильной, глубоко ошибочной и несоответствующей интересам нашего государства», а МИД только тогда выполнит свое предназначение, когда будет следовать линии Центрального комитета нашей партии». Хрущев мог торжествовать. За Молотова не заступился ни один участник пленума. Возмущившись его напоминанием о том, что он 34 года сидит в Политбюро, Хрущев заявил о себе как преемнике и продолжателе дел Сталина:

– Товарищем Молотовым многое просижено. Так что же теперь, ему за каждый год поклон отвешивать? Пора и давно пора пленуму Центрального комитета занять свое настоящее место как хозяина в партии, как руководителя партии, как руководителя страной, и отвечать. Я – человек, непосредственно которого поднял Сталин. Он поднял, он ухаживал, он растил, он учил¹³⁸¹.

Пленум осудил «политически неправильную позицию т. Молотова по югославскому вопросу как не соответствующую интересам Советского государства и социалистического лагеря и не отвечающую принципам ленинской политики»¹³⁸². Было решено издать материалы пленума и обсудить их во всех партийных организациях. Особым иезуитством отдавало партсобрание в МИДе с участием 650 сотрудников. Молотов выступил с часовым докладом, в котором повторил положения своего выступления на пленуме. После чего сотрудники два дня несли по кочкам своего непосредственного руководителя. Партийное собрание единогласно разделило «данную пленумом ЦК оценку ошибочной позиции тов. Молотова В. М. по югославскому вопросу». А сам он обещал «приложить все силы для проведения в жизнь линии ленинского Центрального комитета»¹³⁸³. Министром иностранных дел Молотова пока оставили. Впереди был

саммит, а опыт личного общения с лидерами стран Запада был только у него.

Советской делегацией на правах премьера руководил Булганин, в ее состав входили Хрущев, Молотов, Громыко и Жуков. После долгих колебаний Эйзенхауэр решил все-таки отправиться в Женеву, заверив, что не допустит «второй Ялты»¹³⁸⁴. Британскую и французскую делегации возглавили премьеры – Антони Иден и Эдгар Фор. Первая за десятилетие встречи глав великих держав вызвала колossalный интерес. Улицы Женевы были заполнены зеваками, многие из которых специально приехали ради столь знаменательного события. «Наши руководители демонстративно разъезжали по Женеве в открытых машинах и почти без охраны, показывая, что сталинские времена зашторенных автомобилей ушли в прошлое, – запомнил Трояновский. – ...Газеты тут же подметили, что, в отличие от советских делегатов, президент Эйзенхауэр и Даллес передвигались по городу в бронированном автомобиле с многочисленной охраной»¹³⁸⁵.

Сама конференция, открытые заседания которой проходили в здании прежней Лиги Наций, откуда открывался замечательный вид на Женевское озеро и горы, оказалась довольно скучной и свелась к обмену политическими заявлениями. Именно этому был посвящен весь первый день. Булганин, подметил Макмиллан, «был дружески настроен по своим манерам, но жестким по существу. Эйзенхауэр сказал несколько приятных вещей и предложил, чтобы министры иностранных дел встретились на следующий день и обсудили повестку дня». Далее формат конференции напоминал ялтинский или потсдамский. По утрам встречались министры, а делегации в полном составе государств собирались во второй половине дня.

Главы МИДов согласовали повестку: воссоединение Германии, европейская безопасность, разоружение, контакты между странами Востока и Запада. Молотов предлагал добавить проблемы Дальнего Востока, мировой торговли и завершения холодной войны, но после контрпредложения Даллеса обсудить мировую коммунистическую экспансию предпочел не настаивать на расширенной повестке.

Булганин 21 июля произнес длинную речь и предложил текст договора о европейской безопасности между НАТО и Варшавским договором, который предусматривал и отказ от ядерного оружия. В планы западных держав это не входило. Громыко вспоминал, что заметное оживление вызвало напоминание Булганина о молотовской инициативе по вступлению в НАТО: «В течение нескольких минут ни одна из западных делегаций

Один из последних официальных снимков

Министры иностранных дел на Женевском саммите: Антуан Пине, Вячеслав Молотов, Гарольд Макмиллан, Джон Фостер Даллес. *Июль 1955 г.*

Молотов, Булганин, Хрущев в Женеве. *Июль 1955 г.*

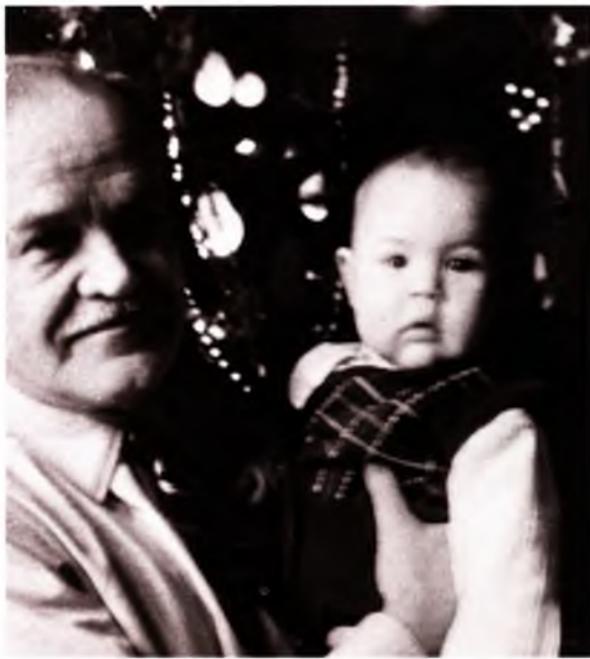

В Женеве на совещании министров иностранных дел. Ноябрь 1955 г.

Министр
иностранных дел
СССР прощается.
1956 г.

Новый, 1957 год.
С внуком Славой

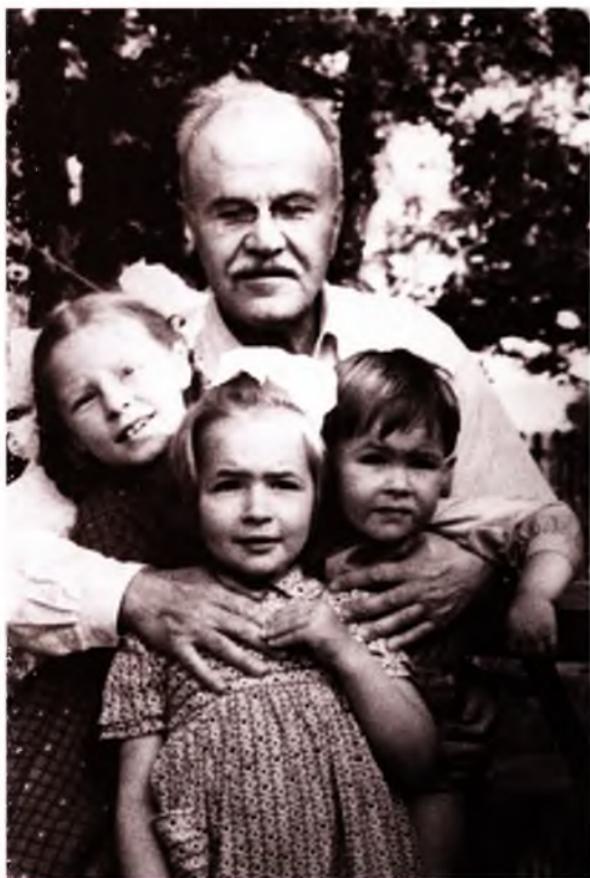
Молотов, зять Алексей Никонов, внучки Люба и Лора, Полина, Светлана, Слава. *Июнь 1957 г.*

Посол СССР и монгольский лидер Ю. Цеденбал. *1958 г.*

Нерушимая
советско-
монгольская дружба

С внуками. 1960 г.

С внуками
и зятем Алексеем
Никоновым. 1960 г.

В Крыму. 1961 г.

В Чкаловском. 1963 г.

Прогулка опального политика по Чкаловскому. Июнь 1965 г.

В гостях. Слева – племянник Полины Семен Михайлович Голованевский

Дома на улице Грановского. «За всех присутствующих!»

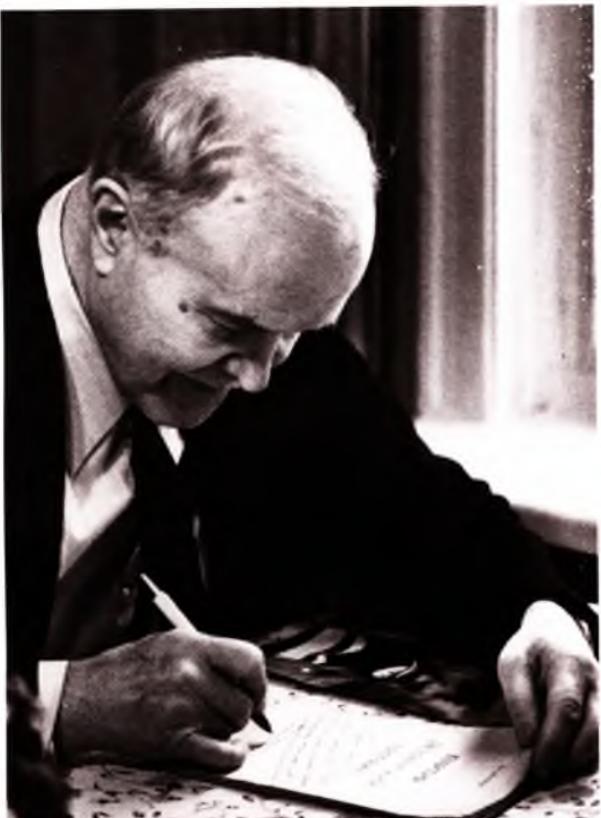
Дача Молотова
в Жуковке-2

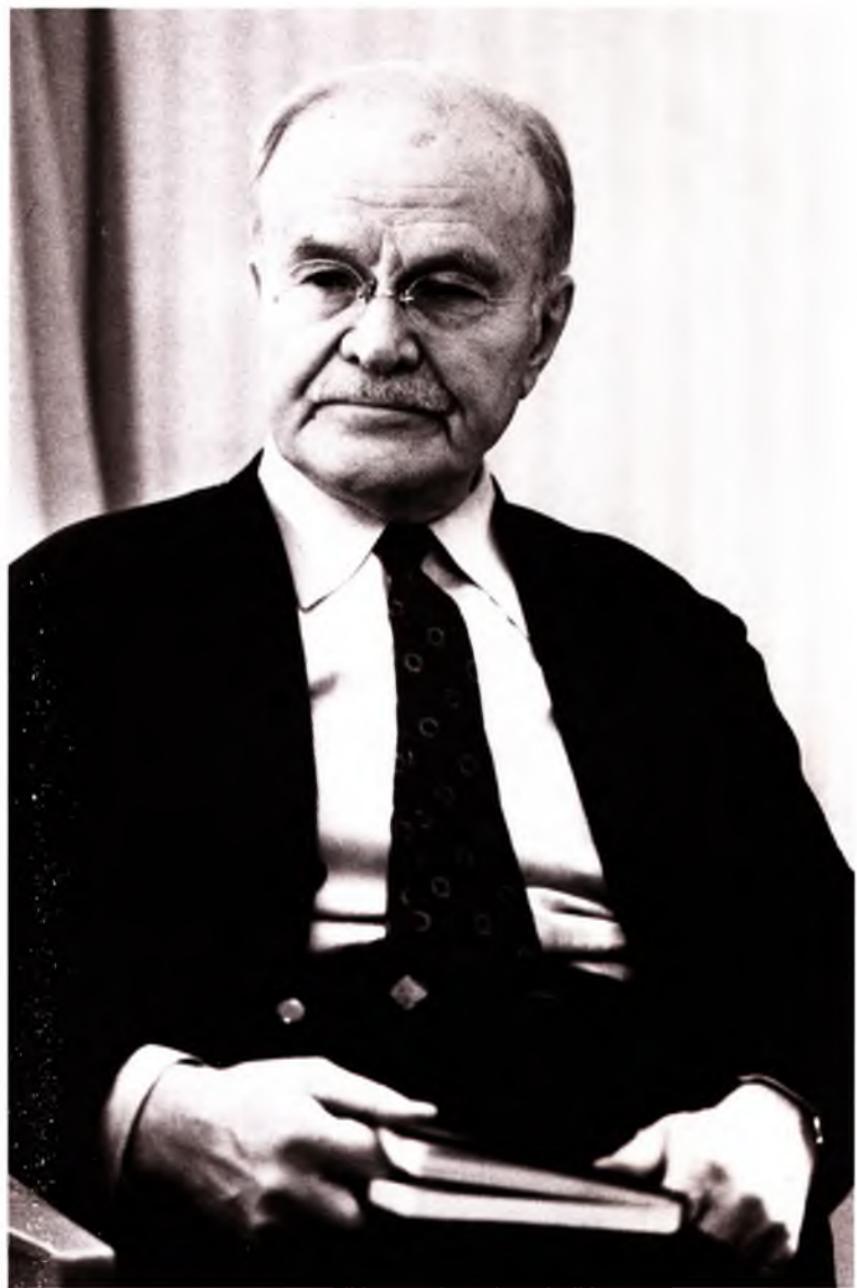
С Полиной.
15 мая 1966 г.

Новый, 1969 год.
В пансионате
«Лесные дали»

Дарственная
надпись

Былое и думы

С 85-летием! Тост произносит генерал Рыжков. *Март 1975 г.*

Гости в Жуковке-2

Сангелами-хранителями – С. М. Голованевской и Т. А. Тараковой

Внук Вячеслав, правнуки Алеша и Полина, внучка Люба, Лидия Костюк (теша внука). 1981 г.

В Жуковке. 1983 г.

С автором этой книги. 1983 г.

Осень патриарха

не произнесла ни слова в ответ на поставленный вопрос. Шея у Эйзенхауэра вытянулась и стала еще длиннее. Он наклонился к Даллесу, чтобы приватно с ним обсудить происходящее. С лица президента исчезла характерная для него улыбка... Как бы там ни было, но ни тогда, ни позже какого-либо формального ответа на свое предложение в Женеве мы так и не получили»¹³⁸⁶. Самым примечательным предложением Эйзенхауэра стал план «открытого неба», предусматривавший взаимные наблюдательные полеты, что Хрущев расценил как схему легализации шпионажа без желания двигаться в сторону сокращения вооружений.

На следующий день министры практически согласовали тексты директив конференции для последующих переговоров по европейской безопасности и германской проблеме. Вечером российская делегация устраивала прием. Макмиллан записал: «Я все сильнее чувствовал, что Булганин, хотя и номинальный глава, имел небольшое значение и что Молотов был уже “больным человеком”. Хрущев – для меня загадка. Как может этот толстый, вульгарный человек с поросячими глазками и бесконечным потоком речи быть реальным правителем – наследником царей – миллионов людей в этой огромной стране?»¹³⁸⁷

Заключительный документ был облечен в форму директивы министрам иностранных дел. Трояновский перевел его окончательный текст на русский. «Когда согласование было закончено, я подошел к Молотову и попросил его посмотреть окончательный текст. Однако к тому времени его отношения с Хрущевым, видимо, очень обострились и поэтому он не захотел брать ответственность на себя. Сказал мне, чтобы я показал текст Хрущеву. Я пошел к Никите Сергеевичу, но тот послал меня обратно к Вячеславу Михайловичу. В конечном счете, текст так и остался непросмотренным и пошел в печать без высохшего утверждения»¹³⁸⁸. Могло ли такое случиться еще за несколько месяцев до этого?!

Чарлз Болен назвал Женеву «одной из самых бесплодных и разочаровывающих встреч»¹³⁸⁹. Единственным конкретным решением стало соглашение о том, что здесь же в октябре пройдет конференция министров иностранных дел. Молотов былдержан в своих оценках Женевского совещания. На XX съезде он скажет: «Оно наглядно показало реальные возможности уменьшения международной напряженности, улучшения отношений СССР с основными державами другого лагеря. Однако дальнейший ход событий выявил, что на пути улучшения отношений между этими странами имеется еще немало препон, которые создаются недальновидными сторонниками политики

“с позиции силы”¹³⁹⁰. Как выяснится, основным препятствием на пути развития «духа Женевы» окажется Хрущев. Его американский биограф Уильям Таубман пишет: «Хрущев покинул Женеву воодушевленный, обнаружив, что противники, похоже, боятся нас не меньше, чем мы их. Это подтолкнуло его к тактике блефа и угроз ядерной войной как средству давления на американцев»¹³⁹¹.

Тогда же «дух Женевы» привел на некоторое время к известному смягчению напряженности в мире. Конец лета – начало осени 1955 года были отмечены большим количеством реальных и символических шагов. 7 августа была проведена за-городная дипломатическая вечеринка в Семеновском, в 60 километрах к юго-востоку от Москвы, где дипломаты катались на лодках, отдыхали в гамаках, обедали под музыку военного оркестра и смотрели по телевизору футбольный матч между «Спартаком» и английским «Вулфсом». Сесил Пэррот – временный поверенный Великобритании – отмечал исключительно «легкую атмосферу» вечера. «Микоян исполнил короткий армянский танец. Рейзен – бас в стиле Шаляпина – и Иванов – теплый баритон пели “Стеньку Разина”, и весь Президиум, включая Молотова, громко присоединился к хору»¹³⁹².

После этого раута Молотов накоротке заехал к семье в Крым. Побывал и в своем детище – Артеке, где запомнился учительнице артековской школы Валентине Савельевой: «Вячеслав Михайлович только вышел на костровую площадку, как его обступили дети и начали забрасывать вопросами. Каждый пытался дотронуться до него, обратить на себя внимание. Молотов кому-то протянул на память какую-то вещицу – и тут же его стали осаждать такими же просьбами. Он старался никому не отказать – отдал ручку, носовой платок, значок снял, в общем, все содержимое карманов пошло на сувениры. Не исключено, что самые предприимчивые артековцы добрались и до пуговиц»¹³⁹³. И сразу – назад в Москву, где было море дел.

На очереди были шаги к нормализации отношений с Западной Германией. Москву впервые посетил канцлер Аденауэр. В мемуарах он напишет, что за внешним стремлением к ослаблению напряженности «не было никаких признаков того, что русские изменили своей внутренней приверженности идеи завоевания коммунизмом господства над миром. Советское руководство хотело передышки прежде всего для того, чтобы усовершенствовать свою собственную государственную машину. Отсюда следовало, что не в интересах Запада было предоставлять Советскому Союзу возможность передышки и

возможность преодоления трудностей без соответствующей политической уступки с его стороны»¹³⁹⁴.

8 сентября Аденауэр приземлился в аэропорту Внуково, где его встречали Булганин, Молотов и Громыко в сопровождении роты почетного караула. Официальная часть визита началась рано утром следующего дня посещением Молотова. За этим последовали беседа с Булганиным и переговоры с участием Хрущева в особняке на Спиридовонке. Аденауэру «стала более чем очевидной доминирующая роль Хрущева. Он то и дело вмешивался в разговор, сам говорил подолгу, говорил запальчиво, а Булганин держался очень сдержанно... Молотов, чье “нет” много лет господствовало в международной политике, внешне не играл в истории московских переговоров никакой решающей роли». Не случайно, что «переговоры стали принимать довольно резкий характер, напоминая скорее спор, чем дипломатическую конференцию». Канцлеру не один раз пришлось брать себя в руки, чтобы не покинуть зал после гневных тирад Хрущева о зверствах нацистов и неблагодарности ФРГ¹³⁹⁵.

Москва поставила во главу угла вопрос о восстановлении дипломатических отношений. Аденауэр настаивал на освобождении всех германских военнопленных и добился согласия сделать это немедленно, хотя в СССР удерживались уже только обвиненные за конкретные военные преступления. Другим условием нормализации отношений канцлер называл готовность Москвы обсуждать проблему воссоединения Германии, и о такой готовности было заявлено. Отношения были восстановлены.

Шаги к нормализации отношений были предприняты на скандинавском направлении. В сентябре 1955 года был прощен на 20 лет советско-финляндский Договор о дружбе, сотрудничестве и военной помощи. Москва также отказывалась от аренды территории Порккала-Удд и ликвидировала там свою военно-морскую базу, хотя до окончания срока ее аренды оставалось еще 42 года. Как писал Хрущев, Молотов «не сразу понял полезность идеи, но не настаивал на отказе от нее»¹³⁹⁶. Позднее последуют официальные визиты в Москву премьер-министра Норвегии Герхардсена, а весной следующего года – главы шведского правительства Эрландера.

Молотов меж тем вновь отправился в США – на 10-летие открытия Генеральной Ассамблеи ООН. По прибытии он пошутил, что «теперь дорога из Москвы в Нью-Йорк стала гораздо лучше и удобнее», чем в 1942 году. Обозреватели обратили внимание прежде всего на прогресс, достигнутый в те дни на пе-

реговорах о создании Международного агентства по атомной энергии¹³⁹⁷. Но произошло и немаловажное событие, которое добавило разногласий с западными коллегами. 27 сентября египетский лидер Насер сделал заявление о сделке на покупку оружия в Советском Союзе. Москва заявляла себя как серьезный игрок на Ближнем Востоке, который рассматривался западными странами как их политическая вотчина.

Жесткий разговор на этот счет состоялся с Даллесом. Молотов заявил, что это чисто коммерческая сделка, но госсекретарь такого объяснения не принял. Макмиллан же он ответил, что «ему мало известно об этом вопросе, но он уточнит, и согласился, что доводить до обострения не стоит». При этом Молотов внес предложение начать обмен информацией по вопросам поставок вооружений. На ужине, который 29 сентября организовала советская делегация, Макмиллан вновь говорил с Молотовым о Ближнем Востоке и вынес для себя явно не устроившие британскую дипломатию выводы: «Они вступают в контакты с Сирией, Саудовской Аравией, Ливией и другими странами. Это действительно начало нового наступления на Ближнем Востоке, пока Европа сдерживается “духом Женевы”, а Дальний Восток временно стабилизирован»¹³⁹⁸.

Не Молотов инициировал поставки вооружений на Ближний Восток. Хрущев поведает Насеру, что Молотов называл его новый политический курс «авантюризмом». На что Хрущев ответил министру: «Лучшая оборона – нападение. Я сказал, что нам необходима новая, активная дипломатия, поскольку невозможность ядерной войны означает, что борьба между нами и капиталистами будет теперь вестись другими средствами. Я не авантюрист... Но мы должны поддержать новые освободительные движения»¹³⁹⁹.

Из Нью-Йорка Молотов ненадолго вернулся в Москву, а затем опять в Женеву – на совещание министров иностранных дел четырех держав. Перед ним стояла непростая задача, которую формулировал Джейфри Робертс: «Как поддерживать переговоры с Западом о европейской коллективной безопасности и одновременно отвечать на давление со стороны хрущевского лагеря о поддержке дальнейшей интеграции ГДР в социалистический блок. МИД решил эту задачу, придумав свежий политический ход: он предложил Восточной и Западной Германии образовать германскую конфедерацию, нацеленную на реализацию сближения двух стран и подготовку почвы для будущего объединения». О форме конфедерации две страны договорятся сами. Президиум ЦК отверг это предложение, заменив этот раздел в инструкциях на формулу «консолидации обществен-

ной системы, которая складывается в ГДР, а также укрепление внешнеполитических позиций ГДР как суверенного государства». Мидовские инициативы, связанные с взаимным роспуском НАТО и ОВД, соглашениями о контроле над вооружениями и сокращении ядерных арсеналов, которые пользовались поддержкой большинства европейского общественного мнения, Президиум не поддержал¹⁴⁰⁰.

«Молотов, выйдя из самолета, выглядел, как всегда, наиболее значимым делегатом в Женеве и, конечно, самым уважаемым, – замечал Бромадж. – Он по-прежнему неутомимый тактик, по-прежнему на защите своих принципов, по-прежнему увещеватель и судья»¹⁴⁰¹. Конференция началась 26 октября 1955 года с представления тремя западными странами собственного плана воссоединения Германии и европейской безопасности. На следующий день Молотов, следя инструкциям, этот план отверг. 29 октября он уже сам председательствовал и предложил пригласить на конференцию лидеров Восточной и Западной Германий – Гротеволя и Аденауэра, чтобы дать им возможность договориться. Западные партнеры отказались, они не признавали ГДР.

31-го Молотов начал подробно излагать советский план европейской безопасности. В ответ он услышал от Даллеса: «Изучив в двух параллельных колонках предложения, представленные западными странами, и сравнив их с предложениеми, которые выдвинул Молотов, я обнаружил значительное сходство в наших мыслях... На мой взгляд, мы достигли точки, когда в результате размышлений обеих сторон у нас есть возможность найти выполнимую концепцию безопасности в Европе»¹⁴⁰². Оставался несогласованным только один вопрос: общегерманские выборы.

Это была точка наибольшего сближения позиций Советского Союза и западных держав, начиная с Ялты. Упустить шанс на подписание мирного договора с Германией и создание системы европейской безопасности Молотов не мог. Но столь возможный компромисс выходил за пределы инструкций. Министр попросил сделать паузу в конференции и срочно вылетел в Москву.

Президиум ЦК собрался 6 ноября. Молотов предложил формулу: воссоединение Германии на основе общегерманских свободных выборов, вывод с ее территории в трехмесячный срок всех иностранных войск, за исключением строго ограниченных контингентов четырех держав, создание Общегерманского совета, который содействовал бы практическому решению задач воссоединения Германии. От Запада ожидались отмена

Парижских соглашений, обязательства Германии не участвовать в каких-либо коалициях и военных союзах и ее демилитаризация под контролем четырех держав¹⁴⁰³. Этот размен мог устроить и Запад, и СССР. Слово взял Хрущев (как в неправленом протоколе):

– Ход совещания нормален. Делегация все сделала. Что предлагается – не стоит идти на это. Много подводных камней. Немцев дезориентируем, если уйдем ни с чем; ничего, годик еще поживем.

Один за другим члены партийного ареопага брали слово и отвергали предложение Молотова. Не поддержал никто. Молотов не оставил попытку настоять на своем, и разговор продолжился на следующий день – после парада. Хрущев непреклонен:

– Хотят с позиции силы теперь говорить о выборах. Вопрос о европейской безопасности – общий вопрос, он может быть решен и при двух Германиях. Мы хотим сохранить созданный в ГДР строй¹⁴⁰⁴.

Молотов ни с чем улетел в Женеву. Макмиллан заметил, что, «вернувшись после поездки в Москву, он начал фонтанировать бескомпромиссной и яростной критикой. Это было жестоким ударом по нашим надеждам»¹⁴⁰⁵. Даллес был разочарован: «Происшедшее существенно поколебало то доверие, которое родилось на саммите в Женеве»¹⁴⁰⁶. Но Молотов не оставлял надежд на сближение если не на германском, то хотя бы на других направлениях. 13 ноября в конфиденциальном разговоре с Даллесом он предложил заключить советско-американский договор о дружбе и сотрудничестве. Но в планы Эйзенхауэра ничего подобного не входило.

Робертс приходил к однозначному выводу: «Главным действующим лицом с советской стороны, продвигавшим идеи разрядки, коллективной безопасности и компромиссного решения германского вопроса, был Молотов, который был весьма далек от того образа консервативного сторонника жесткой линии... Молотов и возглавляемый им МИД выступали инициаторами, инноваторами и проводниками этой политики. Хрущев, напротив, предпочитал внешнюю политику, в которой акцент делался на идеологическую воинственность и политическую борьбу, а не на дипломатические переговоры. Главным приоритетом Хрущева было укрепление социалистического лагеря, что означало предпочтение коммунистического контроля над Восточной Германией политике коллективной безопасности»¹⁴⁰⁷. Шанс на объединение Германии в обмен на договор о европейской безопасности, что могло завершить холодную войну, был упущен.

Перед XX съездом встал вопрос о том, кому выступать с отчетным докладом. «Все, в том числе Молотов (а он как старейший среди нас имел больше всего оснований претендовать на роль докладчика), единогласно высказались за то, чтобы доклад сделал я»¹⁴⁰⁸, – вспоминал Хрущев. Он направил членам Президиума записку с изложением его основных тезисов, которая рассматривалась 5 ноября 1955 года. В ней говорилось: «Смерть вырвала из наших рядов великого продолжателя дела Ленина И. В. Сталина, под руководством которого партия на протяжении трех десятилетий осуществляла ленинские заветы»¹⁴⁰⁹. 30 января 1956 года проект отчетного доклада обсуждался на Президиуме. Наиболее серьезными теоретическими новациями стал отказ от трех ленинских положений: о невозможности прийти к социализму парламентским путем, о необходимости борьбы с мировым империализмом, о диктатуре пролетариата. Для работавших с Лениным это было свято-татством, что и зафиксировал протокол заседания.

– Социалисты в Англии, Норвегии, Швеции у власти, но это не путь к социализму, – возмущался Молотов.

– Более четкие формулировки требуются, от ленинских положений не отходить, – настаивал Ворошилов.

Остальные, которые в идейных баталиях первой трети XX века не участвовали, а с Хрущевым не спорили в принципе, доклад хвалили как творческое развитие ленинизма.

– Легче всего повторять старое. Это начетничество и духовное убожество, – клеймил большевиков ленинской закалки Кириченко¹⁴¹⁰.

Вопрос об отношении к Сталину встал на Президиуме ЦК только 1 февраля, когда Хрущев заговорил о вине Сталина за репрессии в отношении ряда руководителей партии.

– Но Сталина как великого руководителя надо признать, – заявил Молотов.

– Многое пересмотреть можно, но 30 лет Сталин стоял во главе, – поддержал его Каганович.

– Не согласен с товарищем Молотовым, не согласен, что великий продолжатель, – возражал Булганин.

– Мерзости много, правильно говорите, товарищ Хрущев, не можем пройти, но надо продумать, чтобы с водой не выплеснуть ребенка.

С этим мнением Ворошилова Молотов солидаризировался и добавил:

– Правду восстановить. Правда и то, что под руководством Сталина победил социализм. И неправильности надо соразмерить, и позорные дела – тоже факт.

Хрущев подвел итог обсуждению:

– Сталин – преданный делу социализма, но все варварскими способами. Он партию уничтожил. Не марксист он. Все святое стер, что есть в человеке. Все своим капризам подчинял. На съезде не говорить о терроре. Надо наметить линию – отвести Сталину свое место. Усилить обстрел культа личности¹⁴¹¹.

9 февраля в повестку дня Президиума ЦК было поставлено сообщение комиссии Поспелова. В нем впервые прозвучали страшные цифры: в 1935–1940 годы «было арестовано по обвинению в антисоветской деятельности 1 920 635 человек, из них расстреляно 688 503 человека»¹⁴¹². Хрущев заговорил о возможности обсуждения вопроса о культе личности на съезде. Молотов не был против разоблачения эксцессов культа личности. Но как наиболее опытный политик он лучше других понимал все возможные последствия неосторожных шагов в столь взрывоопасной области:

– На съезде надо сказать. Но при этом сказать не только это. По национальному вопросу Сталин продолжатель дела Ленина. Но 30 лет мы жили под руководством Сталина, индустриализацию провели. После Сталина вышли великой партией.

Хрущев суммировал:

– Не быть обывателями, не смаковать. Развенчать до конца роль личности. Кто будет делать доклад, обдумать¹⁴¹³.

На Президиуме ЦК 13 февраля было решено внести на пленум предложение: на закрытом заседании прозвучит доклад Хрущева. На пленуме обсуждение этого вопроса не заняло и минуты, что было беспрецедентно. Как отмечал Рудольф Пихоя, «нарушалась традиция подготовки не только съезда, но и вообще сколько-нибудь крупного партийного мероприятия: утверждался доклад, текста которого в это время вообще не существовало»¹⁴¹⁴.

Съезд начался 14 февраля. Впервые с XVII съезда Молотов не открывал высший партийный форум. В центре доклада Хрущева – идеи повышения жизненного уровня населения. Теоретическими новациями стали идеи, которые Молотов считал весьма сомнительными: возможности длительного мирного существования двух систем, предотвращения войн на планете и перехода к социализму парламентским путем¹⁴¹⁵.

Речь Молотова была задвинута аж на девятое заседание. Он выступал после Цой Ен Гена, присланного вместо себя Ким Ир Сеном. Молотов был сама осторожность. Напомнил об американских планах «сдерживания» и «освобождения», «проникнутых духом агрессии против стран социализма... Мы не должны предаваться благодушию, будто империалистов можно убедить

хорошими речами и миролюбивыми планами». Вместе с тем он констатировал, что ЦК «твердо выступил против чуждого марксизму-ленинизму культа личности, сыгравшего в определенный период такую отрицательную роль»¹⁴¹⁶.

По итогам съезда в составе Президиума ЦК изменений не произошло, зато состав кандидатов в члены Президиума обновился практически полностью: Брежnev, Жуков, Мухитдинов, Фурцева, Шверник, Шепилов. А Секретариат ЦК состоял уже исключительно из людей Хрущева: Аристов, Беляев, Брежнев, Поспелов, Суслов, Фурцева, Шепилов. Было решено «для улучшения партийной и хозяйственной работы по руководству всей деятельностью по Российской Федерации» создать Бюро ЦК по РСФСР, должность председателя которого совмещалась с постом первого секретаря ЦК КПСС, то есть того же Хрущева.

К началу съезда «секретный доклад» еще предстояло написать. 15 февраля Хрущев в перерыве съезда приехал на Старую площадь с Шепиловым и поручил ему готовить текст. «19 февраля он лично надиктовал стенографистке свои дополнения к докладу, менявшие в значительной степени его концепцию. Хрущев многое вспомнил и рассказал о репрессиях 40-х – начала 50-х годов, создал зловеще-карикатурный образ Сталина-палача, растерявшегося и испугавшегося в первые дни войны. Но важно и то, что Хрущев метил не только в Сталина, но и в его ближайшее окружение»¹⁴¹⁷.

Секретный доклад не стенографировался. Поэтому что говорил Хрущев делегатам съезда, точно не известно. Но чувства слушателей передал Николай Байбаков. «Как было не верить ему? Конкретные, жуткие факты, имена, названные им, безусловно проверены и точны. И все же что-то настораживало – особенно какая-то неестественная, срывающаяся на выкрик нота, что-то личное, необъяснимая передержка. Вот Хрущев, тяжело дыша, выпил воды из стакана, воспаленный, решительный... Факты замельчили, утрачивая свою значимость и остроту. Изображаемый Хрущевым Stalin все же никак не совмещался с тем живым образом, который мне ясно помнился. Невольно возникала мысль – это не что иное, как месть Stalinу за вынужденное многолетнее подобострастие перед ним»¹⁴¹⁸. 5 марта было принято решение ознакомить с докладом «всех коммунистов и комсомольцев, а также беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников»¹⁴¹⁹.

Немало споров о том, что явилось главным движущим мотивом Хрущева, озвучившего такой секретный доклад, и каково место «фактора Молотова». Наумов утверждает: «Не личные мотивы определяли деятельность Хрущева, хотя они,

конечно, присутствовали, а принципиальная позиция, отношение к сталинщине, злоупотреблению власти, к массовому политическому террору»¹⁴²⁰. Но многие современники и историки объясняли доклад текущими политическими соображениями. Освобождению людей из ГУЛАГа доклад уже не мог способствовать: на начало 1956 года общее число заключенных в СССР составляло 781 тысячу человек (меньше, чем в современной России)¹⁴²¹. Уже даже сотрудничавшие с фашистами в годы войны были на свободе и по большей части реабилитированы. Академик Георгий Арбатов считал, что «мотивы борьбы за власть играли большую, а может быть, и очень большую роль в решении Хрущева пойти на разоблачение того, что называли культом личности Сталина»¹⁴²². Историк Геннадий Костырченко приходит к выводу, что «главным побудительным мотивом явилось желание свести, что называется, счеты с тем же Молотовым и другими конкурентами в высшей партийно-государственной иерархии»¹⁴²³. Доклад стал средствомброса темы участия в сталинских преступлениях наиболее авторитетных членов Президиума, Молотова – в первую очередь. Само первый секретарь не каялся за свое участие в репрессиях, он обвинял других.

Молотов о мотивах Хрущева напишет так: «Политический смысл этой нередко доходившей до прямой клеветы на партию “антисталинской” кампании не такой простой. Дело тут не в чьих-то ошибках и не в каких-то личных недостатках. Никто не мешал и не может помешать исправить и устраниить ошибки, соблюдая при этом интересы партии, не оказывая услуг империалистам и всем их подголоскам в усилении травли нашей партии и Советского государства, чему так помогло вредное выступление Хрущева на XX партийном съезде. Политическая задача Хрущева и его наиболее яростных сторонников была прежде всего в том, чтобы очернить партийное руководство 30-х годов... повернуть партийную политику, сколько удастся, вправо, прикрывая это стремление словесным признанием ленинизма»¹⁴²⁴.

Резонанс от доклада превзошел все ожидания. «Секретную речь Хрущева, несомненно, можно назвать самым опрометчивым и самым мужественным поступком в его жизни, – пишет Таубман. – Поступком, после которого советский режим так и не оправился – как и сам Хрущев»¹⁴²⁵. Пихоя замечает: «Десталинизация общества дополнялась другой важной составляющей: происходит своего рода “десакрализация власти”»¹⁴²⁶. Взорвалась Грузия. Стреляли: 20 убитых, 60 раненых, 381 арестованный – в основном школьники и студенты. 50-тысячная

толпа митинговала в Гори, осаждали городок милиции, откуда предпочли отпустить арестованных. Разогнали силой¹⁴²⁷.

Общественное сознание было ошеломлено, от монолитного единства советского народа не осталось и следа. Молотову шли тысячи писем со всей страны, которые внимательно прочитала англичанка Мариам Добсон. «Школьники спрашивали, надо ли в классах срывать портрет Сталина, как это делают учителя в соседней школе. Уточняли, нужно ли считать Сталина врагом народа. Призывали покончить с “кликой Хрущева” – этого “кремтина, невежды и злобного врага”, опорочившего светлое имя советского вождя. Умоляли спасти тело Сталина от неизбежного выноса из Мавзолея, передав его китайцам. Просили выступить в газетах с изложением собственной позиции. И так далее. Ясно, что в письмах, адресованных Молотову, слов в поддержку доклада Хрущева было немного»¹⁴²⁸.

В ярости был Мао. «Он направил на нас меч, выпустил из клеток тигров, готовых разорвать нас... Сталина можно было критиковать, но не убивать»¹⁴²⁹. Мао пришел к окончательному выводу, что Хрущев губит дело Ленина. На заседании китайского Политбюро было решено дать оценку деятельности Сталина. Его заслуги и ошибки были оценены в соотношении 70:30. На этом споры о советской истории закрыли. Такую же точно формулу через много лет Дэн Сяопин применит в отношении самого Мао, отметившегося репрессиями не меньше Сталина. И закроет на этом тему разоблачений китайской истории, оставив тело Мао лежать в мавзолее. После чего Китай устремился в будущее, а не застрял в бесконечном обсуждении прошлого.

«Глава ЦРУ Ален Даллес, у которого в тот момент в СССР было не больше десятка агентов, да и то на незначительных должностях, готов бы заплатить любые деньги за текст секретного доклада». Платить не пришлось. Текст поступил из Польши и был опубликован в «The New York Times». «Потом в течение многих месяцев секретная речь Хрущева передавалась по ту сторону железного занавеса по радио “Свободная Европа” – через медиамашину ЦРУ. Более 3 тысяч дикторов из числа эмигрантов, а также авторов, инженеров и их американских надзирателей заставляли радио вещать в эфире на восьми языках по девятнадцать часов в сутки». Джон Фостер Даллес получил одобрение президента для принятия новых мер по стимулированию «непосредственных проявлений недовольства у порабощенных народов»¹⁴³⁰.

Раскололись и стремительно теряли влияние компартии. Владимира Ерофеева это событие застало в Париже: «Самой невероятной ошибкой был, очевидно, доклад Хрущева, так

как публичное и торжественное разоблачение, подробное изложение всех преступлений священной персоны, которая так долго олицетворяла режим, является безумием. Когда видишь, до какой степени у нас, во Франции, этот доклад потряс коммунистов, интеллигентов и рабочих, отдаешь себе отчет о том, насколько мало венгры, например, были подготовлены к тому, чтобы понять этот ужасный рассказ о преступлениях и ошибках, поднесенный без объяснений, без исторического анализа, без обсуждения»¹⁴³¹. Громили помещания общества «Франция – Россия», избивали его активистов, из его правления вышли все члены.

Хрущев сам не был в восторге от реакции на его речь, последовал испуганный отскок. 5 апреля редакционная статья в «Правде» негодовала, что «отдельные гнилые элементы под видом осуждения культа личности пытаются поставить под сомнение правильность политики партии», хотя она во все периоды истории «была и остается ленинской политикой»¹⁴³². Решением ЦК был распущен ряд парторганизаций, в которых слишком откровенно обсуждали решения XX съезда, начали сажать за «антисоветские высказывания» – в духе доклада. Однако загнать джинна обратно в бутылку было уже невозможно, да это и не отвечало интересам Хрущева.

Он обострял конфликт с Молотовым. 13 апреля на заседании Президиума ЦК министр представил новые предложения МИДа по разоружению и сокращению вооружений. Все обсуждение свелось к реплике Хрущева:

– Неприемлемо, дубово, основы нет, только идея. Неприемлем. МИДу, Молотову самому переработать на основе обмена мнениями¹⁴³³.

Но главным орудием против Молотова продолжала оставаться Югославия. Закончился срок пребывания в Москве посла Видича. На прощальном ужине впервые в советской дипломатической истории появилось первое лицо. Уходя, Хрущев передал для Тито книжечку с текстом секретного доклада:

– Он прочтет ее с интересом. Думаю, что и вы, югославы, вряд ли бы лучше написали¹⁴³⁴.

18 апреля было опубликовано сообщение о прекращении деятельности Коминформа с коротким пояснением о том, что братские партии найдут новые полезные формы для установления контактов. Хрущев им пожертвовал, чтобы не омрачить дружбу с Тито. На следующий день в Белград было отправлено письмо Хрущева с приглашением Тито прибыть в Москву 1 июня. 25 мая Президиум ЦК рассматривал мероприятия в связи с его приездом. Молотов предлагал в ходе переговоров обратить

внимание на позицию Белграда по вопросам взаимоотношений социалистического и капиталистического лагеря, сотрудничества с другими компартиями. В ответ прозвучала жесткая отповедь Хрущева:

– Нас огорчает, что за время после пленума Молотов не изменился.

На следующий день на Президиум был внесен вопрос «О назначениях по Министерству иностранных дел», при обсуждении которого говорил только Хрущев:

– У Молотова плохо идет с МИДом, он слаб как министр иностранных дел. Молотов – аристократ, привык шефствовать, а не работать. Товарища Молотова освободить от обязанностей министра иностранных дел.

В тот день решение не было принято, отложили на два дня. 28 мая слово взял Сабуров, заговоривший о «разрыве между решениями Президиума ЦК и линией МИДа».

– Я искренне и честно выполняю решения ЦК, – возразил Молотов.

– Внутри страны это может быть встречено не очень хорошо, – вступил Каганович. – Это будет болезненно. Назначить Шепилова первым замом, имея в виду сделать его министром.

В схожем ключе выступил Булганин.

– Половинчатое решение ничего не даст, – возражал Маленков. – Сейчас решить этот вопрос, не держать в неопределенном положении МИД.

Первухин предлагает Суслова. За Молотова вступается Ворошилов. Но затем слово взяли кандидаты в члены Президиума, дружно выступившие за отставку Молотова. Хрущев подвел итоги:

– Молотов после смерти Сталина твердо стоит на старых позициях – завинчивать. Кроме лордства ничего нет за него. Колхозного вопроса товарищ Молотов не понимает. Не совсем правильно, что существует мнение насчет авторитета Молотова.

Вроде бы Хрущев предложил обсудить вопрос еще раз – «в полном составе»¹⁴³⁵. Но никакого другого раза не было. 1 июня, за день до приезда Тито, отставка была оформлена. На освободившуюся должность был назначен Дмитрий Шепилов, до того дипломатической работой не занимавшийся. «Это было сенсацией для иностранных наблюдателей, которые считали это “подарком” для Югославии»¹⁴³⁶, – писал Рой Медведев. Хейтер вспоминал: «Когда Молотов ушел с поста министра иностранных дел в мае 1956 года, большинство послов в Москве сожалели об этом; мы чувствовали, что когда имеем с ним дело, то

занимается реальными вещами»¹⁴³⁷. Авторитет Молотова в тот момент в мире по-прежнему был высок. Вышедшая в 1956 году в Англии из-под пера Бернарда Бромаджа популярная биография Молотова в течение года выдержала восемь изданий.

И один в поле...

Теперь, когда Молотов не был главой МИДа и его влияние в руководстве было минимизировано, казалось бы, никто уже не мешал Хрущеву добиваться крупных внешнеполитических успехов. Только они никак не приходили. Даже визит Тито, ради которого Молотова убрали, если и был чьим-то успехом, то вряд ли СССР или Хрущева.

Такого приема не удостаивался никто в истории нашей страны – ни до, ни после. На Киевском вокзале Тито встречало советское руководство в полном составе. Для приветствия кортежа, который открывал кабриолет с махавшими руками Тито, Хрущевым и Ворошиловым, на улицы Москвы был выстроен миллион человек. Поселили Тито в доме приемов на Спирidonовке, где до этого не селили никого. В честь Тито 5 июня Булганин дал торжественный завтрак в Большом Кремлевском дворце. Тост председателя Совета министров СССР звучал так: «За друга, за ленинца, за нашего боевого товарища!»¹⁴³⁸ Вечером Тито дал в своей резиденции ужин, на котором был весь Президиум ЦК, произносивший тосты. Заставили сказать и Молотова¹⁴³⁹.

Этот день для него мог бы стать действительно одним из самых черных в жизни. Если бы не одно радостное событие. Поздно вечером ему сообщили, что в роддоме на улице Веснина, в двух шагах от МИДа, Светлана родила мальчика. Долгожданного внука. Имя ему было подобрано давно – Вячеслав. Мальчик родился большой – 4,5 килограмма.

Тито меж тем осмотрел столицу, съездил в Ленинград, а затем в компании Хрущева и Микояна направился в Стalingрад, Краснодар, Новороссийск и Сочи. Призывы примкнуть к СЭВу или к Варшавскому договору Тито проигнорировал. Обещал только не вести боевых действий против соцстран в случае их войны с Западом. Сразу после его отъезда Хрущев назвал Югославию «тroyянским конем, с помощью которого западные империалисты хотят разрушить социалистический лагерь»¹⁴⁴⁰.

Отношения с Западом с уходом Молотова тоже, мягко говоря, не улучшились. Если были намерения подать этим жестом, как и разоблачением Сталина, сигнал к смягчению напряжен-

ности, то эффект был прямо противоположным. Предложение о советско-американском саммите было отвергнуто и, как считает Таубман, «одной из причин сопротивления Даллеса стал секретный доклад Хрущева. Если, как полагал американец, одной из причин советских реформ стала жесткая позиция Америки, то давление следовало продолжать». Разведывательные полеты американских самолетов U-2 над территорией СССР стали регулярными – по несколько раз на неделю¹⁴⁴¹. Даллес сетовал на то, что Москва ограничивает справедливую критику преступлений Сталина внутренней политикой. Тогда как преступления против всего человечества, связанные с порабощением стран Восточной Европы, были ничуть не менее чудовищными, а потому необходимо восстановить их суверенитет.

В Польшу сведения о XX съезде пришли одновременно с известием о смерти Берута. Для участия в его похоронах в Варшаву прибыл Хрущев, в присутствии которого пленум ПОРП принял решение ознакомить все парторганизации с секретным докладом. Реакция была острой: повсеместно обвиняли СССР в провале Варшавского восстания, в расстреле польских офицеров в Катыни, требовали вывода из Польши советских войск. Начались демонстрации с лозунгами «Долой коммунизм!», переросшие в столкновения с силами правопорядка. 70 человек убили, 500 ранили. Через месяц проходил VII пленум ПОРП, на котором потребовали не просто восстановить в партии ранее арестованного за правый национализм Гомулку, но и сделать его руководителем партии. В этой обстановке Молотов понадобился Хрущеву для переговоров с польским руководством в Варшаве. В результате остройших споров на повышенных тонах лидеры СССР удовлетворились обещаниями сохранить социалистический выбор и не выходить из Варшавского договора. Марш советских танков на Варшаву, который организовал польский министр обороны Рокоссовский, был остановлен. Форум польских коммунистов избрал Гомулку первым секретарем и забаллотировал Рокоссовского при выборах в ЦК.

Польский пример и американские спецслужбы вдохновили венгров. Ракоши и Хегедюш оказались под огнем критики как ретрограды со стороны сторонников Имре Надя. 23 октября в Будапеште состоялась 100-тысячная студенческая демонстрация, переросшая в антиправительственное вооруженное восстание. Заседание Президиума ЦК КПСС проходило, когда в столице Венгрии начался штурм здания радио и сносили памятник Сталину. Хрущев высказывался за ввод войск, его поддерживал Булганин, возражал Микоян.

– Руками Надя Венгрия расшатывается. За ввод войск, – отрезал Молотов.

К этому мнению присоединились Каганович, Первухин, Жуков, Суслов, Сабуров, Шепилов, Кириченко. Вызванный на заседание Ракоши тоже не видел альтернативы вводу советских войск¹⁴⁴². Ночью по приказу Жукова были подняты по боевой тревоге пять дивизий, дислоцированных в Венгрии, Румынии и в Прикарпатском военном округе. В ночь на 24 октября без согласования с Москвой было сформировано новое правительство во главе с Надем, который объявил о ликвидации однопартийной системы, выходе из Варшавского договора, потребовал вывода советских войск. Президиум ЦК был поставлен перед дилеммой, которую сформулировал Хрущев: «Военный – путь оккупации. Мирный – вывод войск, переговоры». Молотов предлагал:

– Политическая обстановка определилась. Создано антиреволюционное правительство, переходное правительство. Сегодня написать обращение к венгерскому народу: готовы немедленно вступить в переговоры о выводе войск.

И, казалось, эта точка зрения возобладала. Но 31 октября Хрущев резко меняет позицию:

– Пересмотреть оценку, войска не выводить из Венгрии и Будапешта и проявить инициативу в наведении порядка в Венгрии. Если мы уйдем из Венгрии, это подбодрит американцев, англичан и французов – империалистов.

Возражений не последовало. 3 ноября Москвой было создано альтернативное венгерское правительство во главе с Яношем Кадаром. Он не был выбором Молотова, который предпочел бы более авторитетных руководителей. Но Кадар был активным сторонником очистки руководства компартии от тех, кого Хрущев считал сталинистами. На Президиуме 4 ноября Молотов предостерегал:

– Повлиять на Кадара, чтобы не пошла Венгрия по пути Югославии

– Не понимаю т. Молотова. Вреднейшие мысли вынашивает, – взорвался Хрущев¹⁴⁴³.

4 ноября советские войска силами двенадцати дивизий начали полномасштабные действия по наведению порядка – операцию «Вихрь». В течение недели сопротивление было сломлено. Погибли 2652 венгра, 19 226 были ранены. Потери Советской армии – 640 убитых и 1251 раненый¹⁴⁴⁴. Надя с группой сподвижников спрятался в посольстве Югославии в Будапеште. Тито осудил советское вмешательство. Югославский посол Мичунович пришел на кремлевский при-

ем. «Даже не поздоровавшись с послом, Хрущев отвел его в соседнюю комнату и там, в присутствии Молотова и Булганина, буквально орал на него почти час без перерыва... Булганин ему поддакивал; Молотов по большей части молчал, и на лице его читалось: «Я же вам говорил!»»¹⁴⁴⁵. Надя из посольства извлекли, депортировали и затем расстреляли.

В соцлагерь, который и так трещал по швам, Хрущев начал вбивать дополнительные клинья. Жаловался Шепилов: «Он стал критиковать румынского руководителя Георгиу-Дежа, распекал албанских лидеров Энвера Ходжу и Мехмета Шеху, начал поучать умнейшего Тольятти. Но больше всех его начал раздражать со временем именно Мао Цзэдун... Дело дошло до разнузданной браны в адрес китайского лидера и прямых оскорблений китайского народа в многотысячных аудиториях. Достаточно вспомнить знаменитое хрущевское изречение, ставшее известным всему миру: «Без штанов ходят, а тоже – кричат о коммунизме!»»¹⁴⁴⁶. Союз с Китаем был основной несущей конструкцией не только соцлагеря, но и советского влияния в мире, и трещины в отношениях с ним беспокоили Молотова больше, чем что-либо еще.

Не восторге он был и от того, как шли переговоры с Японией. Она выдвигала в качестве предварительного условия заключения мирного договора возвращение четырех островов Курильской гряды, которые Молотов отвоевал у американцев в Ялте. Хрущев взял дело в свои руки, согласившись отдать два острова. «Здесь проявилась нетерпеливость Хрущева, его желание показать, что В. М. Молотов не умеет вести переговоры, а он даст указание – и сразу все завертится... Как и следовало ожидать, торопливость завела дело в тупик»¹⁴⁴⁷, – писал многоопытный академик Тихвинский. 12 октября в Москву приехал премьер-министр Хатояма, и была подписана советско-японская декларация, в которой заявлялось о прекращении состояния войны, обмене дипломатическими представительствами. Но СССР «согласился отказаться от каких-либо reparационных платежей со стороны Японии. Еще более сомнительной уступкой хрущевской дипломатии было согласие СССР на передачу Японии двух островов Южнокурильской гряды (Шикотана и Хабомаи) в случае подписания мирного договора»¹⁴⁴⁸. Мирный договор так и не состоялся из-за противодействия США.

Все больше настораживала та легкость, с которой Хрущев размахивал ядерной дубинкой. «Хрущевский ядерный шантаж поражает своей бесхитростностью и вместе с тем агрессивностью»¹⁴⁴⁹, – писал Владислав Зубок. Это наглядно проявилось в дни Суэцкого кризиса, когда Лондон, Париж и

Тель-Авив попытались ликвидировать контроль Насера над Суэцким каналом, в район которого вторглись войска Израиля. Англо-французская авиация бомбила окрестности канала, а через несколько дней последовала высадка и сухопутных войск. Хрущев был полон решимости:

– Да что, мы не разобьем этих говнюков?!¹⁴⁵⁰

Он надиктовал письмо, которое Булганин отправил Идену: «Что будет с Великобританией, если ее атакуют более сильные государства, обладающие всеми видами современного оружия массового поражения?» И предложил американцам провести совместную военную операцию в защиту Египта. Молотов, понятно, противился этой идее, которую Вашингтон отверг как безумную. Когда же 6 ноября под давлением Эйзенхауэра было заключено соглашение о прекращении огня, Хрущев весь светился от радости, будучи увереный в том, что это сработал его ядерный шантаж¹⁴⁵¹. А возражения Шепилова против воинственности первого секретаря в дни Суэцкого кризиса станут причиной его скоропостижной отставки с поста министра иностранных дел.

Руководителей страны, включая Молотова, не могло не волновать то, как менялся стиль советской дипломатии, ее содержание, процесс принятия решений. Шепилов свидетельствовал, что «весь арсенал дипломатических средств был перевернут вверх дном. По крупнейшим и очень мелким вопросам стал, в конце концов, выступать почти исключительно один Хрущев. Причем выступал он чуть ли не ежедневно (а то и несколько раз в день), где придется и как придется... Покрылись паутиной апартаменты для дипломатических приемов МИДа. Работники МИДа стали забывать нормы дипломатического этикета. Хрущев стал сам принимать всех приезжих гостей – нужных и не столь нужных. Местом приемов стал исключительно Большой Кремлевский дворец, куда по велению Хрущева сопровождали его не только все члены Президиума и секретари ЦК, но и скопом валили все члены ЦК, министры, депутаты Верховных Советов, артисты и писатели, генералы и маршалы. Все дипломатические приемы превратились в широчайшие пиршества»¹⁴⁵².

Шепилова коробило, что Хрущев «проявлял “нравы” российского купчика». С каждой поездкой советский лидер становился все более «щедрым». Дарами были уже не палехские шкатулки и часы, а автомашины, самолеты, сооружаемые больницы, институты, гостиницы, стадионы, стомиллионные, заведомо безвозвратные кредиты. Если Хрущеву по каким-то причинам нравился зарубежный лидер, «он засыпал своего партнера вниманием

и подарками, публично тянулся к нему с объятьями и поцелуями. Он тут же сгоряча мог сказать, что такой-то государственный договор или такие-то акции, неугодные его партнеру, будут отменены или изменены... Но стоило такому партнеру устоять против хрущевских обольщений, как Хрущев моментально ощеривался, и “хороший мужик” и “замечательный парень” сразу превращался в “тертого калача” и “заядлого империалиста”¹⁴⁵³. Эта несдержанность нередко приводила к дипломатическим скандалам. «Во время воздушного праздника в Тушине в июне 1956-го, – вспоминал Хейтер, – Хрущев, выпив больше, чем следовало, принялся поливать грязью буквально все зарубежные страны. Булганин тщетно пытался его остановить; Молотов слушал молча, поджав губы. “Все это совершенно не нужно!” – скривившись, прошептал Каганович. Несколько иностранных дипломатов поднялись с мест и откланялись, а Хрущев, не замечая этого, все продолжал говорить»¹⁴⁵⁴.

Все большее раздражение в высшем руководстве вызывал и общий стиль хрущевского руководства. «Такие, например, деловые, хорошие, так сказать, послушно-лояльные члены Президиума, как Первухин, Сабуров, были доведены Хрущевым до крайнего недовольства, особенно гипертрофическим выпячиванием Хрущевым своего “творчества” в любом вопросе – знаком ему или незнаком, а последних было большинство»¹⁴⁵⁵, – свидетельствовал Каганович.

6 апреля в Президиум ЦК был внесен вопрос о присуждении Хрущеву ордена Ленина и второй звезды Героя. Мимо первого секретаря не прошли сомнения, высказывавшиеся в ходе обсуждения. Молотов тогда сказал:

– Товарищ Хрущев заслуживает, чтобы наградить, но, думаю, надо подумать. Он недавно награждался. Требует того, чтобы обсудить политически¹⁴⁵⁶.

Награды все равно дали – за выдающиеся заслуги «в разработке и осуществлении мероприятий по освоению целинных и залежных земель»¹⁴⁵⁷, – но настрой в Президиуме был уже совсем не единогласный.

Растущее недовольство коллег вызывала экономическая политика Хрущева. Становился очевидным провал аграрных реформ. В начале 1957 года Хрущев приступил к реформам в управлении, которые по радикальности могли сравниться разве что с Петровскими. Цель – переход от отраслевой системы управления к территориальной через создание совнархозов. Команда Хрущева горячо поддержала новое начинание лидера. Хозяйственники – Первухин, Сабуров – призвали не спешить. Молотов, имевший куда большее понимание того, как функци-

онириует экономика, и помнивший опыт СНХ времен военного коммунизма, был в ужасе: «Принадлежу к числу тех, кто осторожно относится, и выражаю сомнение в правильности предложения, – зафиксировала стенограмма. – Пока рано говорить о ликвидации министерств. На местах надо создать местные органы по руководству промышленностью. Обсудить не раз этот вопрос. С организационной стороны разработать. Решать по этапам, а не чохом»¹⁴⁵⁸.

Тем не менее концепция была одобрена и вынесена на пленум ЦК. Молотов возражал, не видя пока предмета для обсуждения. Но куда там. Пленум, проходивший 13–14 февраля, решил продолжить обсуждение на Верховном Совете. Молотов на сей раз был не единственным, кто осмелился не соглашаться с Хрущевым. Категорически против был и председатель Госплана Байбаков. Тевосян назвал план реформы «ошибкой» и послал Хрущеву записку соответствующего содержания. Первый секретарь добился немедленной отправки его послом в Японию¹⁴⁵⁹. 22 марта проект тезисов, предназначенных для публикации, обсуждался на заседании Президиума ЦК. Молотов вновь высказал сомнения:

– Насчет снабжения неясно, кто будет регулировать снабжение, кто будет решать вопросы о приеме заказов предприятиями? Сколько будет экономических районов: 50 или 70? Неясно, кто будет заниматься предприятиями областей, которые не будут входить в экономический район, кто будет направлять отраслевое развитие промышленности?

Но все остальные члены Президиума, пусть с оговорками, проект поддержали. Молотов отреагировал через два дня запиской в ЦК: «Представленный проект явно недоработан, страдает однобокостью и без существенных исправлений может внести серьезные затруднения в аппарат управления советской промышленности... При предлагаемой в проекте ликвидации почти всех промышленных министерств в центре государства не предусматривается никаких органов для руководства промышленностью, кроме планирующих органов, что, безусловно, недостаточно. Это поведет к такому ослаблению руководства промышленностью со стороны партии и правительства СССР, которое нанесет существенный ущерб ее дальнейшему развитию... Необходимо вместо упраздняемых министерств с их огромным и теперь ненужным аппаратом создать, по крайней мере, на ближайший период в центре (да очевидно, и в союзных республиках), например, несколько комитетов по основным отраслям промышленности со сравнительно небольшим аппаратом, руководители которых на правах министров входи-

ли бы в состав Советов Министров. Такие комитеты при Совете Министров могли бы быть созданы по таким крупным отраслям промышленности: строительство; тяжелая промышленность; машиностроение; топливо и энергетика; производство товаров потребления и, возможно, еще некоторые.

Совершенно не ясен и такой важный вопрос, как вопрос об организации материально-технического снабжения промышленных предприятий и строек... Не ясно также, уменьшится ли административно-управленческий аппарат при осуществлении предложений, содержащихся в проекте. Никаких расчетов на этот счет не сделано. Мое предложение: прежде, чем опубликовать проект, над ним серьезно проработать и по-настоящему доработать»¹⁴⁶⁰.

Хрущев ответил запиской в Президиум ЦК 26 марта, в которой возмущался самим фактом упорства Молотова после одобрения реформы пленумом. В надиктовке Хрущева это звучало так: «Видимо, здесь сказывается абсолютная оторванность тов. Молотова от жизни, он не понимает процессов, происходящих сейчас, что стоять на месте сейчас нельзя, а нужно улучшать аппарат и методы руководства страной в хозяйственном отношении и во всех областях нашего хозяйственного строительства»¹⁴⁶¹. Президиум собрался 27 марта и провел ставший привычным сеанс шельмования Молотова, который вновь отбивался в одиночестве. Хрущев был непреклонен:

– Он не верит в это дело. Молотов совершенно не связан с жизнью. По целине – не согласен, по внешней политике – не согласен, эта записка – не согласен. Не всегда Молотов был нетороплив. Торопил в период коллективизации, торопил, когда группу генералов репрессировали. Осудить и указать: неуважительно к коллективу¹⁴⁶².

На сессии Верховного Совета по докладу Хрущева 10 мая был принят закон, которым одномоментно упразднялись 10 общесоюзных и 15 союзно-республиканских министерств. Всего же будет ликвидировано 141 министерство, подчиненные им предприятия были переданы региональным совнархозам, которые представляли собой коллегиальные органы, руководившие одновременно многими отраслями промышленности на подведомственной территории. В их подчинение перешли предприятия общегосударственного значения, тресты, стройки. Последствия реформы для экономики окажутся катастрофическими.

13 апреля Хрущев и Молотов вновь расходятся – по вопросу о директивах по разоружению. Молотов предлагал связать сокращение советских вооруженных сил с запрещением атом-

ного оружия, а ликвидацию наших баз в странах соцлагеря – с выводом американских войск из Европы. Хрущев был против подобного рода увязок, предлагая одностороннее сокращение Советской армии, исходя из финансовых соображений.

Еще в ноябре 1956 года Молотов получил небольшой утешительный приз – пост руководителя Министерства государственного контроля – наследника ленинского Рабкрина. 18 апреля 1957 года, когда Молотов внес записку «Об устранении серьезных недостатков в работе по повышению ресурса и улучшению экономичности авиационных двигателей», Хрущев выговорил Молотову за то, что Госконтроль занят не своим делом¹⁴⁶³. 22 апреля, в день рождения Ленина, Молотов публикует в «Правде» большую статью, которой напоминает, что работал под непосредственным руководством основателя партии. Эта статья, вызвавшая раздражение Хрущева, стала последней публикацией в жизни Молотова. Хотя жить ему предстояло еще долго.

Сильным раздражителем для партийной верхушки стала встреча Хрущева с творческой интеллигенцией на подмосковной правительской даче 19 мая. «Хрущев на Дальней даче Сталина, на “двухсотке” (она находилась на двухсотом километре), собирал писателей, – вспоминал Молотов. – Там он сказал во всеуслышание, что у него со мной разногласия. Я был этим недоволен, потому что он это высказал на беспартийном собрании»¹⁴⁶⁴. Было приглашено более трехсот человек – писатели, художники, скульпторы, композиторы вместе с супругами. «Крепко захмелевший», по словам Тендрякова, Хрущев обещал «стереть в порошок» всех противников партии «под восторженные крики верноподданных литераторов, которые тут же по ходу дела стали указывать перстами на своих собратьев». Досталось не только Молотову, но и Михаилу Казакевичу, Константину Паустовскому, Мариэтте Шагинян и многим другим.

– Вы идеологический диверсант! Отрыжка капиталистического Запада! – кричал Хрущев на автора хрестоматийной «Зои» Маргариту Алигер¹⁴⁶⁵.

«Если до этого он мог рассчитывать на большинство в Президиуме ЦК, то после этого его выступления с атакой на члена Президиума можно прямо сказать, что большинство членов Президиума заняло более критические позиции по отношению к Хрущеву и его методам руководства»¹⁴⁶⁶, – заметил Каганович. «Я ничего не слышал об антипартийной группе, просто все начали говорить, что дальше уже так нельзя, мы так пропадем. Наступило такое время, когда что-то нужно было делать. Страна, партия, торговля, экономика – все рушится, все кура-

лесится, со всеми переругался, с Китаем порвал»¹⁴⁶⁷, – писал Шепилов.

Молотов не был инициатором создания «антипартийной группы» – положение изгоя в Президиуме ЦК этого не позволяло. Но, безусловно, многолетняя его фронда была тем катализатором, который заставлял и коллег все более критично относиться к способностям и поступкам первого лица. На XXII съезде Хрущев объяснил причины складывания оппозиции тем, что «они боялись дальнейшего разоблачения их незаконных действий в период культа личности, боялись, что им придется отвечать перед партией»¹⁴⁶⁸. Эта версия не выдерживает критики, как и мнение о столкновении сталинистов с антисталинистами. Многие члены Президиума, выступившие против первого секретаря – Булганин, Первухин, Сабуров, Шепилов, – не имели отношения к репрессиям, в отличие от самого Хрущева. Против него был один из авторов секретного доклада Шепилов. Речь шла не столько о взглядах Хрущева – хотя для Молотова это было важно, – сколько о нежелании терпеть самодурство.

«Уже 20 мая начинаются переговоры между Кагановичем, Маленковым, Молотовым, Булганиным и Первухиным о том, чтобы избавиться от Хрущева, – анализировал события Пихоя. – К ним присоединится Ворошилов. Нетрудно заметить, что так формировалось мнение большинства членов Президиума. Имелось в виду вообще ликвидировать должность Первого секретаря, с чем были согласны все участники переговоров»¹⁴⁶⁹. Прозвучавшие позднее в адрес Молотова обвинения в том, что он стремился убрать Хрущева, чтобы занять его должность, безосновательны. Должность действительно предполагалось просто упразднить для восстановления коллективного руководства. Хрущева предполагалось назначить министром сельского хозяйства, Суслова отправить в Министерство культуры. Следившего за всеми председателя КГБ Серова – заменить.

На совещании работников сельского хозяйства Северо-Запада СССР 22 мая Хрущевбросил лозунг: «Догнать и перегнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса, масла и молока на душу населения». А затем повторил его на открытии Всесоюзной сельскохозяйственной и промышленной выставки. Естественно, с Президиумом ЦК он эту инициативу не согласовывал.

На заседании Президиума ЦК 31 мая Молотов получил очередную пощечину, представив проект положения о Министерстве госконтроля в условиях создания СНХ. Хрущев счел предложение о сохранении централизованного контрольного органа неприемлемым, предложив подчинить его СНХ. На

робкие возражения о том, что «контроль совнархозов нельзя подчинять совнархозам», Хрущев ответил, что его оппоненты «неправильно толкуют ленинское положение о госконтроле», который нуждается в полной перестройке в связи с новациями. Проект Молотова не принял¹⁴⁷⁰.

6 июня начался вояж Хрущева с Булганиным в Хельсинки. Здесь ударным моментом стал ночной поход первого секретаря после длительного застолья в сауну вместе с финским премьером Сукселайненом. Такого в истории советской дипломатии ранее не случалось. Полагаю, Молотову живо представилось, как бы он сходил в баню с Иденом. 13 июня все наличные руководители, включая Молотова, встречали в аэропорту самолет из Хельсинки. И в тот день дипломатический корпус Москвы видел Молотова в последний раз. Вместе с Хрущевым, Булганиным и Маленковым он присутствовал на приеме в честь дня рождения королевы в британском посольстве. Пэрроту прием запомнился комплиментами, которые Хрущев расточал бороде помощника военного атташе, сравнивая ее с «облезлой бороденкой» Булганина. Премьер, полагаю, был от этого не в восторге. Молотов и Маленков, отметил английский временный поверенный, были в замечательном расположении духа¹⁴⁷¹.

15 июня на Президиуме при рассмотрении вопроса о размещении в странах народной демократии заказов на поставку в СССР машин и оборудования, по которому не было экономических обоснований, Молотов выразил «сомнение насчет того, как это все увязано, насколько обоснованно планируем». Молотова поддержали – что давно не случалось – Маленков, Каганович, Первухин и Ворошилов, предложившие, несмотря на возражения Хрущева, проработать вопрос в Совмине¹⁴⁷².

Еще одним звоночком для Хрущева стало поведение гостей на свадьбе его сына 16 июня. Маленков, Каганович и Булганин ушли подозрительно рано и слишком демонстративно¹⁴⁷³. Схватка между Хрущевым и большинством Президиума ЦК становилась неизбежной. Михаил Смиртов замечал: «И шансы “антипартийной группы” на успех были не так уж малы. Если бы маршал Жуков неожиданно не поддержал Хрущева, неизвестно, как бы все закончилось»¹⁴⁷⁴.

Последний бой

На заседание Президиума ЦК, начавшееся в 16.00 18 июня 1957 года, выносился вопрос о праздновании 250-летия Ленинграда. Участвовали восемь из одиннадцати его членов – Бул-

ганин, Ворошилов, Каганович, Маленков, Микоян, Молотов, Первухин и Хрущев, а также трое из семи кандидатов – Брежнев, Фурцева и Шепилов. Первый секретарь предложил всем членам Президиума отправиться на юбилей. Ворошилов возразил:

– Что, у нас других дел нет? Пусть поедет только несколько человек.

Его поддержали Маленков, Молотов, Булганин, Сабуров. «И тут поднялся наш Никита и начал “чесать” членов Президиума одного за другим, – вспоминал Каганович. – Он так разошелся, что даже Микоян, который вообще отличался способностью к “быстрому маневрированию”, стал успокаивать Хрущева. Но тут уж члены Президиума поднялись и заявили, что так работать нельзя – давайте обсудим прежде всего поведение Хрущева. Было внесено предложение, чтобы председательствование на данном заседании поручить Булганину»¹⁴⁷⁵. Против поднялись две руки – Хрущева и Микояна.

Почему вспомнили именно Булганина, у которого были давние отношения с Хрущевым? Молотов объяснит это просто: глава правительства и должен председательствовать. Хрущев не молчал. «Кричал, возмущался… Но мы уже договорились. Нас семеро из одиннадцати, а за него трое – в том числе Микоян. У нас программы никакой не было, единственное – снять Хрущева, назначить его министром сельского хозяйства»¹⁴⁷⁶. В принципе решение о снятии Хрущева можно было принять в течение нескольких минут, максимум пары часов. Инициатива была полностью в руках его противников. Стенограмма не велась, содержание заседания известно со слов участников. «Прения фактически открыл тов. Маленков, который сказал, что в Президиуме ЦК сложилась невыносимая обстановка, которую долго терпеть нельзя»¹⁴⁷⁷. Ворошилов пришел к заключению, что необходимо освободить Хрущева от обязанностей первого секретаря ЦК: «Работать с ним, товарищи, стало невмоготу». Каганович заявил, что в Президиуме создалась атмосфера угроз и запугивания и что надо ликвидировать извращения и злоупотребления властью.

В изложении Кагановича выступление Молотова звучало так: «“Как ни старался Хрущев провоцировать меня, я не поддавался на обострение отношений. Но оказалось, что дальше терпеть невозможно. Хрущев обострил не только личные отношения, но и отношения в Президиуме в целом при решении крупных государственных и партийных вопросов”. Тов. Молотов подробно остановился на вопросе реорганизации управления, считая ее неправильной… Тов. Молотов опровергал при-

писываемое ему торможение политики мира – это неправда, но, видимо, эта выдумка нужна была для того, чтобы оправдать необходимые шаги во внешней политике. «С Хрущевым как с первым секретарем ЦК больше работать нельзя, – сказал Молотов. – Я высказываюсь за освобождение Хрущева от обязанностей первого секретаря ЦК»¹⁴⁷⁸.

После Молотова Булганин, Первухин и Сабуров присоединились к предложению об освобождении Хрущева. Заступил Микоян, объяснивший потом свою позицию идейными соображениями и нежеланием пустить на первые роли Молотова. «Хрущев висел на волоске... Победа этих людей означала бы торможение процесса десталинизации партии и общества. Маленков и Булганин были против Хрущева не по принципиальным, а по личным соображениям. Маленков был слабовольным человеком, в случае их победы он подчинился бы Молотову, человеку очень стойкому в своих убеждениях. Булганина эти вопросы вообще мало волновали. Но он тоже стал бы членом команды Молотова»¹⁴⁷⁹.

«После нас выступил сам Хрущев. Он опровергал некоторые обвинения, но без задиристости, можно сказать, со смущением. В защиту Хрущева выступили секретари ЦК: Брежnev, Суслов, Фурцева, Поспелов, хотя и оговаривались, что, конечно, недостатки есть, но мы их исправим»¹⁴⁸⁰. В этом секретарском ряду диссонансом прозвучало выступление Шепилова: «В первое время вы, Никита Сергеевич, взяли правильный курс: раскрепостили людей, вернули честное имя тысячам ни в чем не повинных людей: создалась новая обстановка в ЦК и Президиуме... Но теперь вы “знаток” по всем вопросам – и по сельскому хозяйству, и по науке, и по культуре! Хрущев сказал, что никак не ожидал моего выступления, и расценил его как предательство. Поразило меня тогда поведение Молотова: он сидел с каменным лицом, безучастным взглядом»¹⁴⁸¹.

Булганин, который внутренне колебался, согласился перенести заседание на следующий день, что, собственно, и спасло Хрущева. Заседания 19–21 июня проходили уже в полном составе и с присутствием всех секретарей ЦК. Шепилов, понимавший, к чему шло дело, настаивал на том, чтобы прекратить прения и проголосовать. Почему же действительно просто не проголосовали? Каганович объяснял, что «мы вели критику Хрущева по-партийному, строго соблюдая все установленные нормы с целью сохранения единства». Большинство Президиума было уверено, что они – верховная власть и их воля будет исполнена. Они продолжали играть в шахматы в тот момент, когда Хрущев уже играл в танковый биатлон.

«Президиум заседал четыре дня. Председательствовавший Булганин по-демократически вел заседание, не ограничивал время ораторам, давая порой повторные выступления и секретарям ЦК. А тем временем хрущевский секретариат ЦК организовал тайно от Президиума ЦК вызов членов ЦК в Москву, разослав через органы ГПУ и органы Министерства обороны десятки самолетов, которые привезли в Москву членов ЦК. Это было сделано без какого-либо решения Президиума и даже не дожидалась его решения по обсуждаемому вопросу»¹⁴⁸². Кто сыграл решающую роль в событиях тех дней? Молотов давал ответ: «Жуков – крупный военный, но слабый политик. Он сыграл решающую роль в возведении на пьедестал Хрущева в 1957 году, а потом сам проклинал его»¹⁴⁸³. 21 июня 80 членов ЦК подписываются под обращением Президиуму с требованием срочно созвать пленум ЦК. Двадцать из подписавшихся во главе с маршалом Коневым двинулись в Президиум. И его члены, вместо того чтобы попросить представителей «второго эшелона» покинуть зал, согласились прервать заседание Президиума и пойти в Свердловский зал на встречу с членами ЦК. Теперь инициатива полностью перешла в руки Хрущева.

Пленум открылся в 14.00 22 июня. Как заметил Каганович, «вместо доклада о заседании Президиума, которого, конечно, ожидали члены ЦК, им было преподнесено “блюдо” “об антипартийной группе Маленкова, Кагановича и Молотова”... Чувствуя нелепость, несуразность положения – объявить большинство Президиума ЦК фракцией, хрущевские обвинители прибегли к хитроумной выдумке о “группе трех”»¹⁴⁸⁴. Как отмечал Шепилов, «параллельно серовские люди вызывали членов ЦК и запугивали, что сейчас начнутся аресты и репрессии»¹⁴⁸⁵. Оппозиция стремительно таяла.

На пленуме канву событий излагал Суслов – штатный обвинитель. В этой же роли он выступит и позднее, когда будут снимать и Жукова, и Хрущева. Молотов откровенно не любил Суслова, считал – и не без оснований – своим личным врагом, для которого у него на пенсии были в ходу такие определения, как «пустой барабан», «сухая трава» или просто «тупица»¹⁴⁸⁶. Но главным событием первого дня стало выступление Жукова, которого комиссия Поспелова снабдила большим количеством материалов об участии ключевых членов Президиума в репрессиях. Ударными были слова: «С 27 февраля 1937 года по 12 ноября 1938 года НКВД получил от Сталина, Молотова, Кагановича санкцию на осуждение Военной коллегией, Военным судом к высшей мере наказания – расстрелу – на 38 679 человек»¹⁴⁸⁷. Булганин сразу отыграл назад:

– Я имел лишь одно намерение – устранить недостатки в работе Президиума. На протяжении всего времени после смерти Сталина мы в Президиуме Центрального Комитета по всем внутренним и международным вопросам вели борьбу с Молотовым. Я никогда в Президиуме не занимал иной позиции, кроме той, чтобы бороться с Молотовым. Ясно было, что он главный тут идеолог. Главный Папа всей кухни. Он пришел и стал вести откровенные разговоры только в последние дни¹⁴⁸⁸.

Первухин и Сабуров покаялись, заявив, что оппозиция сводилась исключительно к Молотову, Кагановичу и Маленкову. Ворошилов сопротивлялся ершисто, но Хрущев дал указание его не добивать, опасаясь возмутить армию, и потому представил его невольно сбившимся с пути истинного. Каганович и Маленков робко отбивались. Бойцом проявил себя Шепилов. Молотов единственный, кто стал не каяться, а вернулся к сути обсуждавшегося на Президиуме вопроса – о деятельности первого секретаря. Произнести удавалось не больше двух-трех фраз, которые прерывались выкриками из бушующего разъяренного зала.

– Я не так часто меняю свое мнение. Я говорил честно и на Президиуме и говорю на пленуме то, что думаю. Иногда это не нравится, дают соответствующий отпор моему мнению, но я, товарищи, скажу и о том, в чем я вижу недостатки в нашем руководстве. Я это буду говорить, и это я считаю в моем заявлении главным.

– А мы считаем главным фракционную борьбу, затеянную вами в Президиуме ЦК, об этом и следует вам говорить, – кричал член ЦК Струев.

– Я состою в партии не первый десяток лет.

– Не злоупотребляйте этим.

– И до революции, как и за все годы революции, я ни в каких группировках не участвовал, был всегда с Лениным, поддерживал его и был ленинцем.

– А сейчас?

– Вместе с тем мы должны смотреть все время вперед и обращать внимание на те недостатки, которые имеются, в том числе и недостатки в работе первого секретаря ЦК.

– А он против этого?!

– Очень часто он против этого. Никому не нравится критика. Когда меня критикуют, тоже иной раз не нравится. Мы говорили об отмене поста первого секретаря. Хорошие стороны тов. Хрущева – активность, частые выезды на места, выступления на больших собраниях. Это все положительные черты, и дай бог каждому почаще это делать, как это делает тов. Хрущев.

Есть факты, которые говорят о нарушении коллективного руководства. А это такой вопрос, который после смерти Сталина для нас является в высшей степени важным. Может быть, мой недостаток в том, что я лично не раз выступал открыто на Президиуме по тем или иным недостаткам, возражал Хрущеву. Другие же товарищи обыкновенно этого не делали.

— Недостатки недостатками, а вы сразу начали с дворцового переворота.

— Могут же члены Президиума иметь свое мнение.

— Да, но организовывать сговор не могут, — крикнул Поспелов.

— Никакого сговора не было, но накопилось столько недостатков, что это вызвало у членов Президиума ЦК недовольство по разным мотивам: у одних по одним, у других по другим.

— Сначала вам надо было сколотить большинство, — не отставал Аристов. — Вы лучше скажите о правом уклоне.

— Я дойду до этого. Если будет возможность, я выскажу свое мнение. Особенно вызвало большое недовольство поведение тов. Хрущева на обеде с писателями на загородной даче. Неправильно было тогда говорить, что были венгерские события, но если наши писатели будут так себя вести, то мы их «сотрем в порошок».

Тут впервые прервал Молотова сам Хрущев:

— Я считаю, что среди писателей есть некоторая часть таких, которых нужно обуздить. Нужно укрепить ту часть, которая стоит на крепких партийных позициях.

— Когда советским писателям говорят, что «сотрем в порошок», — это не воспитание, — заметил Молотов.

— Это был замечательный метод — метод прямоты, доверия, острой товарищеской критики, — уверил Поспелов.

— Я перейду дальше к конкретным фактам, где я вижу нарушения методов коллективного руководства, но, кроме того, у нас есть, безусловно, зачатки культа персоны тов. Хрущева. Когда все другие молчат, а один человек из членов Президиума выступает и по сельскому хозяйству, и по промышленности, и по строительству, и по финансам, и по внешней политике, и т. д. (*Шум в зале.*) Нельзя себе присваивать столько прав, столько знаний. А возьмите постоянные приветствия первого секретаря. Газеты заполняются так, как было во времена Сталина... (*Шум в зале.*), либо новая речь, либо новое приветствие... (*Шум в зале.*) Вы не называете это культом личности, но это самые настоящие зародыши культа личности, которые противоречат тому, что пленум ЦК и Президиум ЦК говорят о коллективном руководстве.

Приветствия печатаются обкому и облисполкому, подписывает только первый секретарь. У нас есть Совет министров. Председатель Совета министров почему-то не подписывает. Почему? Ноги на стол тов. Хрущев положил. (*Бурное реагирование в зале, шум.*) Что касается другого, то тов. Хрущев походя говорит так о членах Президиума ЦК: этот выживший из ума старик, этот бездельник, тот карьерист. Вы не можете считать справедливым и нормальным, когда один член Президиума ЦК начинает распоряжаться нами, как пешками. Нельзя так подходить к членам Президиума ЦК, а это было. Нельзя заставаться. В этом есть опасность и для нашей партии. Когда мы его выбирали первым секретарем, я думал, что он будет тем же человеком, каким был до назначения его первым секретарем. Получилось не так, и чем дальше, тем больше.

— Надо было заставить вас работать, — заметил Гаевой.

— Тов. Гаевой, не отказываюсь от работы. Надо иметь в виду, что мы имеем плохой пример в лице Сталина. Ленин предупреждал, что Сталин, «сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть... и я не уверен, — писал Ленин, — сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью». Я считаю, что этот урок полезен нам не только тогда, когда речь идет о Сталине. Тут уже говорили, какой характер у товарища Хрущева: не особенно гладкий...

— Почему? Очень прямой, очень принципиальный, очень боевой и незлопамятный, — выкрикнули из зала.

— Очень прямой был и у Сталина. На Президиуме один в одном плане говорил, другой — в другом, но главный вопрос заключался в том, как обеспечить и укрепить коллективное руководство и предупредить дальнейшие нарушения этого коллективного руководства. Возьмите для примера министра обороны тов. Жукова. Он приходил ко мне и к другим и говорил: можно ставить вопрос, что не нужно поста первого секретаря, давайте обсудим, чтобы был не первый секретарь, а установим пост секретаря по общим вопросам. Он ведь ни в какой группе не участвовал, а мысль такая и у него была. (*Шум. Возмущение.*) Лозунг догнать и перегнать Соединенные Штаты по молоку, маслу и мясу я считаю неправильным лозунгом. Надо сказать, что тов. Хрущев выступил с этим заявлением до решения ЦК по этому вопросу. Давайте прежде обсудим. Если этот лозунг правильный, давайте посмотрим расчеты о кормах, о строительстве, о капиталовложениях. Но никаких таких расчетов у нас нет.

Разговор принимал не нужный для Хрущева оборот, и клакеры из зала поспешили переменить тему.

– Вы расскажите, как вы были активным участником и как вы санкционировали расстрел членов ЦК. Как вы хотели свергнуть руководство и рассчитывали расправиться с членами ЦК?

– Советую разобраться более спокойно и не кипятиться. Я хотел перейти к вопросам, имеющим международный характер. (*Шум в зале.*)

– Преступления!!

– Я никогда не прятался от ответственности. Я был членом Политбюро, Председателем СНК, как же я могу уйти от ответственности? Я несу за это ответственность, как и другие члены Политбюро. Вы все знаете, что есть решение XX съезда КПСС, был доклад на съезде по этому вопросу, и мы все дружно осудили и заклеймили ошибки и извращения, которые были...

– Сталина осудили, а не Молотова.

– На XX съезде мы, члены Президиума ЦК, решили не выступать по этому вопросу. 30 июня 1956 года ЦК опубликовал на весь мир постановление Центрального Комитета партии о преодолении культа личности и его последствиях. Вот в моих руках это постановление: «Ленинское ядро Центрального Комитета сразу же после смерти Сталина стало на путь решительной борьбы с культом личности и его тяжелыми последствиями». Может возникнуть вопрос: почему же эти люди не выступили открыто против Сталина и не отстранили его от руководства? В постановлении ЦК говорится дальше: «В сложившихся условиях этого нельзя было сделать... Всякое выступление против него в этих условиях было бы не понято народом, и дело здесь вовсе не в недостатке личного мужества. Ясно, что каждый, кто бы выступил в этой обстановке против Сталина, не получил бы поддержки в народе». Вот, товарищи, как было.

– Вы сочинили, чтобы закрыть свои преступления!

– Это было единодушное решение Президиума ЦК. Никто в партии, ни один обком, ни один ЦК компартии республики не высказался против этого решения.

– Сообщников ищете!

Тут вновь вступил Хрущев:

– Скажи, почему все обвинения делались только на основе личных признаний тех, кто арестовывался? А эти признания добывались в результате истязаний. На каком основании было принято решение о том, чтобы арестованных истязать и вымогать у них показания?

– Никто из нас таких решений не принимал и не подписывал без решения ЦК. Я больше, чем кто-либо из вас, и больше, чем вы, товарищ Хрущев, иной раз возражал Сталину и имел

в связи с этим большие неприятности. Никто из нас, ни один зам Председателя Совнаркома не подписывал таких решений без решения Политбюро¹⁴⁸⁹.

Свое выступление Молотов продолжил на вечернем заседании 24 июня, дойдя, наконец, до международных дел. Начал с критики «американоцентризма» Хрущева, его желания решать вопросы напрямую с США, продолжил напоминанием о необходимости поддерживать авторитет СССР и МИДа. В связи с финской банией обратил внимание на необходимость «соблюдать и определенное достоинство перед иностранными буржуазными деятелями». Счел ненормальным, когда председатель Совета министров ни в одну страну еще не выезжал без Хрущева. Затем вернулся к XX съезду, где из утвержденного проекта отчетного доклада исчезли позитивные оценки пройденного исторического пути, зато появилась «новая линия – только осуждать Сталина».

– Ты хочешь повернуть все назад, чтобы потом самому взять топор, – возмутился Хрущев.

– Нет, не так, товарищ Хрущев. Я надеюсь, что ты этого не хочешь, тем более я не хочу этого. Но если отбросить второстепенное, то следует сказать следующее. Во-первых. Для постановки вопроса о нарушении коллективного руководства имелись серьезные основания. Поправить в этом отношении тов. Хрущева необходимо. Во-вторых. Что касается дальнейшего, то интересы партии требуют – не допустить репрессий за критику недостатков первого секретаря. (*Шум в зале.*)

– Есть решение Х съезда партии, вы нарушаете единство партии, – закричали из зала.

– Вы путаете что-то. В-третьих. Необходимо конкретными мерами укрепить коллективное руководство в Президиуме ЦК¹⁴⁹⁰.

Затем еще четыре дня члены ЦК и сам Хрущев песочили Молотова и то, что стали называть антипартийной группой. О характере дискуссии хорошее представление дают слова Брежнева:

– Перед нами все глубже и полнее раскрывается картина чудовищного заговора против партии, заговора, организованного антипартийной группой Маленкова, Молотова, Кагановича, Шепилова. К сожалению, им удалось вовлечь в свою раскольническую группу Булганина, Сабурова, Первухина. Ничего не скажешь, товарищи, это опытные, прожженные политики. Давно набившие себе руку на темных, закулисных делах¹⁴⁹¹.

Полагаю, неприятным сюрпризом для Молотова стало выступление Громыко, который заявил, что оппоненты Хрущева

«поставили себя в известном смысле в положение союзников Даллеса». Хрущев клеймил:

– Мне думается, товарищи, что идейным вдохновителем этого дела был Молотов. Организаторами антипартийной группы был Маленков. Подпевалой, как точильщик со своим станком для точки ножей, был Каганович. Тов. Молотов, если вам дать волю в руководстве, вы страну загубите, вы приведете ее на положение изоляции, и никто не может гарантировать, что вы не совершиете поступок, который может привести к авантюризму и развязать войну¹⁴⁹².

Утром 28 июня на десятом заседании Молотов получил заключительное слово:

– Товарищи, я вышел на эту трибуну для того, чтобы заявить об ошибочности моей позиции в дни перед пленумом и на настоящем пленуме. Я, товарищи, хочу к этому добавить вместе с тем, что критику недостатков членов Президиума Центрального Комитета, как и первого секретаря Центрального Комитета, я считаю законной. Я считаю, что мы должны спорить, мы должны выяснить те оттенки мнений, которые бывают между нами. Когда я мог работать на том или ином посту, для меня были и остаются святы прежде всего интересы партии, интересы Советского государства¹⁴⁹³.

Пленум принял постановление «Об антипартийной группе Маленкова Г. М., Кагановича Л. М., Молотова В. М.». Она обвинялась в том, что «добивалась смены состава руководящих органов партии», «упорно сопротивлялась и пыталась сорвать такое важнейшее мероприятие, как реорганизация управления промышленностью, создание совнархозов», вела «ничем не оправданную борьбу против призыва партии – дognать в ближайшие годы США по производству молока, масла и мяса на душу населения». Молотову дополнительно ставилось в вину сопротивление освоению целинных земель, «ликвидации последствий культа личности», курсу на улучшение отношений с Югославией. Пленум вывел всех троих из состава Президиума ЦК и из состава ЦК, снял с поста секретаря ЦК «примкнувшего к ним» Шепилова¹⁴⁹⁴.

Леонид Млечин пишет об антипартийной группе: «И ведь, казалось бы, разумные вещи они говорили в пятьдесят седьмом: что формируется культ личности Хрущева, что нужна демократия и коллегиальность в партии, что лозунг “догнать и перегнать Америку по мясу и молоку” просто глупый... Антипартийной в советской истории становилась группа, потерпевшая поражение во внутрипартийной борьбе. Победил Хрущев, поэтому его противники оказались антипартийной группой.

Осенью шестьдесят четвертого Хрущев проиграет, и люди, которые говорили о нем почти то же самое, что Маленков и другие за семь лет до этого, окажутся победителями и возьмут власть»¹⁴⁹⁵.

Награды за лояльность не заставили себя долго ждать. Президиум ЦК был расширен до пятнадцати человек за счет перевода туда из кандидатов Жукова, Брежнева, Шверника, Фурцевой, а также секретарей ЦК Аристова и Беляева.

Несколько дней думали, как поведать стране и миру оplenуме. 3 июля в «Правде» появилась статья о том, что любые нарушители партийной дисциплины, какие бы высокие должности они ни занимали, будут исключены из партии, как Каменев или Зиновьев. Дипкорпус и разведки сделали вывод, что, скорее всего, речь идет о Молотове. В 16 часов вечера от московского корреспондента «Daily Worker» утекла информация, сразу ставшая мировой сенсацией, о том, что Молотов, Маленков, Каганович и Шепилов будут подвергнуты немедленным репрессиям. «В это вначале было почти невозможно поверить, особенно когда иностранным корреспондентам, которые пытались телеграфировать это сообщение, до шести вечера не разрешали этого сделать, – писал Пэррот. – История была объявлена официально в России в 9 часов вечера в передаче московского радио на арабском языке. Вся история появилась в прессе на следующий день с длинными обвинениями “антипартийной группы”»¹⁴⁹⁶.

По всей стране пошли партийные собрания с одобрением решений пленума, затем к собраниям подключили и беспартийный актив. Конечно, в большинстве случаев партийные организации обеспечивали принятие нужных резолюций с осуждением антипартийной группы. Имя Молотова быстро исчезло с карты Советского Союза. На улицу были выкинуты экспонаты его музея в родном доме в Нолинске. Но не все шло так гладко для ЦК, как хотелось. Повсеместно возникали вопросы о том, каким образом большинство Президиума ЦК может быть антипартийной группой. Как старые большевики на 40-м году советской власти могли оказаться врагами народа. На многих собраниях звучали требования предоставить им возможность выступить по радио и в прессе с разъяснением своей позиции. Распространялись листовки против диктатуры Хрущева и советской власти вообще. Во многих организациях звучали слова о доверии Молотову. Доходило до рукоприкладства¹⁴⁹⁷.

Аристов, вскоре посетивший Китай, услышал от Мао: «Мы очень любили Молотова, и решение июньского пленума ЦК КПСС о Молотове вызвало у нас в партии некоторое замеша-

тельство». Глава КПК говорил послу Юдину, что «многие товарищи не понимают, как такой старый партиец, который в течение нескольких десятков лет боролся за революцию, мог стать антипартийцем»¹⁴⁹⁸.

29 июля Молотов был освобожден от должности министра государственного контроля, а само министерство вскоре ликвидировано. 3 августа ему определили местом работы посольство в Улан-Баторе. Маленкова назначили руководить Усть-Каменогорской ГЭС, Кагановича – Уральским калийным комбинатом, Первухина отправили послом в ГДР, Шепилова – директором Института экономики во Фрунзе.

Да и многие другие участники июньского пленума заплатят свою цену. Жукова послали с визитом в Албанию и Югославию, и в его отсутствие 19 октября собрался пленум, на котором маршала изгнали из Президиума, ЦК и с поста министра обороны. Молотов рассказывал байку: когда Жуков узнал о своей отставке, то поинтересовался, на кого его меняют. Сказали, что на маршала Малиновского.

– Слава богу, а я-то думал на Фурцеву.

Глава шестая

НЕСЛОМЛЕННЫЙ. 1957–1986

Неужели у вас один выбор для таких, как Молотов – гнать из партии?

Вячеслав Молотов

В Улан-Баторе и Вене

Как водится, первой пострадала семья. Так получилось, что в дни пленума Светлана, еще не вышедшая из декретного отпуска по уходу за мной, вместе с мужем находилась в круизе вокруг Европы. В Италии их сняли с борта корабля и под конвоем доставили в Москву.

В рабочий кабинет Молотова уже не пустили. Все личные и деловые бумаги изъяли, и попытки их вернуть ни к чему не привели. С правительственные дач изгнали в один момент – и с Ленинских Гор, и с Горок. Дачу на Рублевке немедленно занял Хрущев. Розы Молотова, которые он любовно выращивал много лет, новым хозяином были безжалостно уничтожены. Вывезти огромную библиотеку с ценнейшими книгами и документами эпохи Молотову не разрешили. Она в итоге оказалась в подвале МИДа, где ею никто не удосужился заняться, а потом там прорвало трубу, и испорченные водой книги просто выкинули. Зятю Алексею разрешили забрать личные вещи, но подъезжать на машине к двери дачи запретили. Свои многочисленные книги – как у каждого ученого – он на тачке возил до ворот. Внуки с вещами перевезли в квартиру на улицу Грановского.

У Алексея в то время уже была готова докторская диссертация по международным отношениям 1930-х годов. Он преподавал в МГУ, МГИМО, был заместителем директора Историко-архивного института (нынешнего РГГУ), заведовал международным отделом журнала «Коммунист». Его выгнали отовсюду. Докторскую диссертацию он защитит только в 1970 году в Институте мировой экономики и международных отношений. Светлану из Института всеобщей истории не выгоняли, но о карьере речи уже не шло. Куда-то исчезли многие прежние друзья и коллеги, в том числе и институтские, от которых до этого отбоя не было.

Молотов выехал в Монголию 5 сентября 1957 года. По дороге остановился ненадолго в Иркутске. Попросил у первого секретаря машину, чтобы посетить Манзурку, место ссылки. В машине, естественно, отказали. Но Молотов взял такси и съездил туда.

Монголия не была избалована визитами гостей такого калибра. Встречать нового посла, вопреки всякому протоколу, приехали первый зампред Совета министров, второй секретарь ЦК Монгольской народно-революционной партии, мэр Улан-Батора и большая толпа других официальных лиц, желавших посмотреть на человека из легенды. Верительные грамоты были приняты в день приезда. Председатель Президиума Великого народного хурала назвал это событие «большим и радостным».

В посольстве прием был иным. Почти сразу было организовано партсобрание с обсуждением решений июньского пленума ЦК КПСС. Атташе Катеринич потребовал от Молотова оценки его поступка как члена антипартийной группы. Посол наотрез отказался это делать¹⁴⁹⁹. К 40-летию Октября Молотов прислал статью о революции и ее значении для современности в «Правду», главному редактору Сатюкову с припиской: «Прошу сообщить мне по телефону, может ли быть она напечатана в «Правде», имея в виду предоктябрьские дни? Меня всегда можно вызвать по ВЧ в Улан-Баторе (а также по междугороднему телефону)»¹⁵⁰⁰. Стоит ли говорить, что телефон не зазвонил и статья не была напечатана.

Вспоминал Дунаев, который тогда учился в 9-м классе единственной советской школы в Улан-Баторе. Появление Молотова «волновало и российскую общину, и монгольский народ, и советских специалистов, работавших в Монголии... За два последних года обучения мне приходилось много раз видеть В. М. Молотова. Он регулярно один или с помощником приходил в школу. Если была перемена, то он обычно подходил к ученикам старших классов. С мальчиками здоровался за руку, шутливо расспрашивал об учебе, затем беседовал с учителями. Один случай врезался в память. Шел урок алгебры, и вдруг открывается дверь и входит В. М. Молотов с помощником. Наш учитель и весь класс встал и вытянулся по струнке. Вячеслав Михайлович поздоровался, подошел к первой парте и спросил у одной ученицы, какой идет урок: «Скажите, алгебра трудный предмет?» Девочка ответила очень удачно: «Если учить, то нет». Вячеслав Михайлович рассмеялся, поблагодарил за отличный ответ и сказал: «Нужно хорошо учить все предметы. Нашим странам нужны грамотные, хорошо подготовленные люди».

Он сказал: “Нашим странам”, – так как в нашей школе учились монгольские дети высшего руководства страны. Попрощавшись, он ушел. И здесь произошел случай, который покоробил всех учеников. Наш учитель алгебры смущенно развел руками и произнес фразу: “Вот это один из наших проштрафившихся вождей”... Надо признать, что В. М. Молотов был уникальным послом. Только на официальные мероприятия он ездил на автомобиле. Все остальное время довольно часто он один или с женой пешком ходил по городу. Улан-Батор того времени был небольшой – одна продольная улица (ныне – проспект Мира). Вячеслав Михайлович заглядывал в магазины, мастерские, лавочки. Он лично познавал жизнь города, состояние общества»¹⁵⁰¹.

Среди тех немногих, кто специально приехал повидать Молотовых в Улан-Баторе, была народная артистка Ольга Лепешинская, бабушкина воспитанница и коллега по попечительскому совету детдома № 22. «Большой театр приехал на гастроли в Китай. Полина Семеновна вызвала меня телеграммой, и я приехала в Монголию. Там был маленький балетный кружок, и педагог Соколов учил монгольских ребятишек балету. Мне было на что посмотреть. Пришлось даже сделать кое-какие замечания, которые педагог просит. Но сделала я это деликатнейшим образом, только через “хорошо”»¹⁵⁰². Так что монгольская балетная школа чему-то обязана и советскому послу с его супругой.

В марте 1958 года состоялся очередной съезд Монгольской народно-революционной партии. Прибыли делегации братских партий, в том числе и от КПСС во главе с Игнатовым. Он Молотова не только не пригласил на встречи с монгольскими лидерами, как того требовал протокол, но даже не встретился с ним. Посол присутствовал на первых заседаниях съезда, но покинул зал при выступлении Игнатова, который не только похвастался успехами Советского Союза, но и рассказал о разгроме антипартийной группы и раскритиковал Молотова. Это было воспринято монгольским руководством как бес tactность: чего же тогда его прислали в качестве посла, чтобы затем разнести на съезде МНРП? Недоумевали зарубежные гости. Когда советская делегация покидала Улан-Батор, Молотов, естественно, был среди провожавших. Но Игнатов не удостоил его ни рукопожатием, ни взглядом.

Делегации других компартий также обошли стороной советское посольство, за одним исключением. Его посетил, как ни парадоксально, глава югославской делегации и бывший посол в Москве Мучинович, не обязанный следовать кремлевской

дисциплине. Они проговорили несколько часов, вспоминая общих московских знакомых и обсуждая международные события. Молотов пожаловался, что монгольский климат плох для Полины¹⁵⁰³. Он не сказал, что ему самому климат не пошел на пользу. От Монголии у него будут случаться частые воспаления легких.

Молотов любил путешествовать по Монголии. И очень часто в этих поездках его сопровождал председатель монгольского правительства Цеденбал. Есть фотографии, на которых они вместе бродят по горам – Молотов с носовым платком на голове. Он любил, когда жарко, надевать не шляпу, а носовой платок, завязав узлом каждый из четырех углов, что превращало платок в шапочку. Рассказывают случай, как они заблудились в степи где-то на границе с Китаем, куда не то что из столицы – из аймачного или сомонного центра никто на заезжал. Увидели юрту. Хозяин узнал Цеденбала, засуетился, зарезал барана. В теплой юрте гости увидели на почетном столике-курэ рядом с буддийскими божествами и семейными фотографиями небольшие портреты Сталина и Молотова. Когда хозяин разглядел, что у него в гостях Молотов-гуай (уважаемый), то тут же побежал резать второго барана¹⁵⁰⁴.

Раздражение против Молотова в Москве продолжало копиться. Он общался с китайскими дипломатами, о чем становилось известно. 25 сентября 1958 года Президиум ЦК рассмотрел вопрос «О высказываниях Молотова с китайскими товарищами» и постановил: «МИДу вызвать Молотова и сказать, что он поступил неправильно. (Без протокола.)»¹⁵⁰⁵. Судоплатов, который в 1953 году был приговорен к пятнадцати годам тюрьмы, вспоминал, как осенью 1958 года его отвели в кабинет Серова:

– Если вы вспомните о каких-нибудь подозрительных действиях или преступных приказах Молотова и Маленкова, связанных с теми или иными делами внутри страны или за рубежом, сообщите мне. Останетесь живы, и мы вас амнистируем¹⁵⁰⁶.

В начале 1959 года Хрущев, который после изгнания Булганина за связи с «антипартийной группой» руководил уже и партией, и правительством, созвал внеочередной съезд КПСС для принятия теперь уже семилетнего плана (пятилетний не очень выполнялся). Он заявил, что «социализм победил не только полностью, но и окончательно» и страна вступила в новый этап развития – «период развернутого строительства коммунистического общества». Непосредственной задачей провозглашалось: «превзойти наиболее развитые капиталистические страны по производительности общественного труда, по производству продукции на душу населения и обеспечить самый

высокий в мире жизненный уровень». Нашлось место в докладе и для антипартийной группы.

– Теперь все видят, насколько была права наша партия, ее Центральный комитет, решительно осудив и отбросив прочь презренную группу фракционеров и раскольников¹⁵⁰⁷.

Делегаты тоже соревновались в эпитетах. Украинский первый секретарь Николай Подгорный уверял, что «украинский народ снова и снова убеждается, насколько безнадежными были мерзкие, по сути, предательские попытки Маленкова, Кагановича, Молотова, Булганина и Шепилова свернуть партию с ее ленинской генеральной линии». Московский секретарь Устинов восхищался мудростью ЦК, разгромившего «этую презренную группу», чья роль являлась «особенно подлой и предательской». Полтавский колхозник Бойко клеймил «трижды презренную антипартийную группу». «Жалкой группой обанкротившихся раскольников и фракционеров» называл их Поспелов¹⁵⁰⁸. И так – всю неделю работы XXI съезда КПСС.

26 марта 1959 года Общее собрание Академии наук СССР постановило: «Лишить Молотова Вячеслава Михайловича звания почетного члена Академии наук СССР как участника раскольнической политической группы, выступавшей против интересов народа, не оправдавшего высокого звания почетного члена Академии наук СССР»¹⁵⁰⁹. Нет сомнения, все эти и многие другие выпады были болезненными не только для Молотова, но и для всей нашей семьи. Цель была одна – добиться безоговорочного раскаяния и признать правоту Хрущева. Но сломить Молотова было невозможно. А размеренная жизнь в Улан-Баторе располагала к размышлениям и оставляла на них много времени.

28 июня 1959 года из-под пера Молотова вышла рукопись «Ревизионизм и КПСС (заметки для себя)»: «Невероятно, что в СССР, где уже десятки лет не существует партий, кроме КП, и где наша партия вобрала в себя подавляющую массу политически активных граждан со всеми их неисчислимыми настроениями прошлого, в КПСС не было бы ревизионистских тенденций. Сам тот факт, что этот вопрос не обсуждается, даже не ставится, свидетельствует об оппортунистической закваске, глубоко проникшей в ряды КПСС. Необходимо проявлять исключительную осторожность в оценке этого вопроса, чтобы не стать жертвой привязанности к “старому”, к устаревшим формулам, чтобы не скатиться к безжизненному, худосочному, пустоцветному начетничеству, к другой разновидности оппортунизма – сектантству. Проходить мимо многих фактов явного оппортунизма из-за боязни, мимо предательского в

идейном отношении отхода от революционных позиций марксизма-ленинизма – значит, впасть в идейную прострацию, заживо загнить, раствориться в волнах столь понятного в наше время идейного мещанского благодушия, мелкобуржуазной ограниченности и насквозь гнилого, бесперспективного полубуржуазного либерализма». Наиболее ревизионистскими Молотов считал три идеи, звучавшие на XX съезде и после него: мирное существование как основной внешнеполитический принцип; возможность избежать войн в мире, где так много империалистических держав; возможность перехода к социализму в развитых странах эволюционным путем. «Это – пересмотр испытанных и выкованных самим Лениным принципиальных установок по вопросам социалистической революции, борьбы против империалистических войн, отношения к империализму»¹⁵¹⁰.

Молотов выстреливает инициативой, порожденной опасениями продолжавшегося раскола в социалистическом лагере, особенно между СССР и Китаем. 21 мая 1959 года датированы тезисы с предложением, «чтобы социалистические страны сделали новый и решающий шаг по пути братского сплочения своих сил и в этих целях приступили к созданию государственного объединения в виде Конфедерации социалистических государств... В основу создания Конфедерации кладется принцип: агрессия, нападение на любое из государств, входящих в Конфедерацию, рассматривается ею, как агрессия, нападение на Конфедерацию». Ее конституцию Молотов предлагал основывать на следующих принципах: «а) государства входят в Конфедерацию на строго добровольных началах, при соблюдении принципов равноправия, за каждым государством сохраняется право выхода из Конфедерации; б) полная самостоятельность во всех внутренних делах государств; в) право государств самостоятельно решать не только внутренние, но и внешние политические и экономические дела, за исключением вопросов объявления войны и заключения мира, а также тех вопросов обороны, которые в Конституции будут отнесены к ведению самой Конфедерации».

Политическое значение Конфедерации (Молотов не исключал использования названий «Содружество», или «Союз») виделось в том, что «сплоченность и организованность стран социалистического лагеря, охватывающего около миллиарда людей, то есть свыше одной трети человечества, достигнет такого высокого уровня, который практически недоступен странам капитализма, а, следовательно, нанесет новый мощный удар по всем агрессивным планам и по всей возне правящих кругов США, Англии и др. с созданием агрессивных военных блоков

вроде НАТО, СЕАТО и т. п.». Это требовало «должной согласованности в вопросах обороны», «более полной согласованности соответствующих экономических планов». Начать Молотов предлагал с образования «Конфедерации в составе Советского Союза и Китайской Народной Республики, а также еще некоторых социалистических государств, что несомненно вызвало бы огромную тягу к вступлению в такую Конфедерацию у других социалистических государств»¹⁵¹¹. Полагаю, идея была навеяна набиравшим силу интеграционным процессом в Западной Европе. Эту записку Молотов отправил в ЦК КПСС. Ответа не было. Хрущев в тот период пытался наладить отношения вовсе не с Китаем, а с Соединенными Штатами.

В июле Москву посетил вице-президент США Ричард Никсон, которого Хрущев, помимо прочего, упрекал за нежелание США решить германский вопрос: «Режим оккупации – это сохранение состояния войны в Германии. Ваше упорство в этом вопросе напоминает мне политику Молотова, который проводил ту же линию в отношении Австрии, теперь вы берете политику Молотова и хотите использовать ее в отношении Германии против нас». Запись беседы была разослана в парторганизации. Прочтя ее, Молотов написал в КПК: «Я протестую против попыток Н. С. Хрущева изображать меня, коммуниста, чуть ли не сторонником войны “против Запада” и должен заявить, что эти заявления имеют в отношении меня клеветнический характер. Подобные отравленные выпады напоминают меньшевистские приемы против большевиков. Считал и считаю, что договор с Австрией был заключен правильно и своевременно. Решение о заключении договора было принято единогласно. Споры в Президиуме ЦК были на первой стадии обсуждения вопроса о договоре. Тогда я возражал не против заключения договора с Австрией, а против торопливости в этом деле. Прошу рассмотреть настоящее мое заявление. С коммунистическим приветом В. Молотов»¹⁵¹². Хрущев рассмотрел заявление лично, и оно ему не понравилось. Официально рассматривать не стали.

В сентябре 1959 года состоялся первый в истории визит советского лидера в Соединенные Штаты. В Нью-Йорк Хрущев плыл на построенном в Амстердаме по довоенному немецкому заказу корабле «Балтика», который до 1957 года назывался «Вячеслав Молотов». И тема Молотова витала над переговорами. Хрущев поведал Эйзенхаузу о том, что его правительство «изменило курс, принятый Сталиным», напомнил об «отставке Молотова и других консерваторов». Он как лидер-реформатор приехал в США, «чтобы улучшить отношения между нашими двумя странами», а также лично с президентом¹⁵¹³.

По итогам визита Молотов 29 сентября записал: «Придется объективно констатировать, что поездка т. Хрущева в США была наиболее высокой точкой в развитии несколько нового этапа во взаимоотношениях СССР с главными империалистическими державами.

Это для США – отступление, хотя его и не следует переоценивать. Это тактическое отступление с желанием прибегнуть к использованию новых, более гибких средств в борьбе против социализма, против СССР. Приходить от такой уступки США в телячий восторг, как это имеет место в нашей печати и во всей пропаганде, значит, показать, что кое у кого из нас революционное воспитание не проникло глубже поверхности кожи, что у нас легко забываются некоторыми товарищами азы социализма... Делая совершенно незначительные уступки, США стремятся завлечь нас (СССР) на немалое политическое отступление, чего не чует и явно не вполне понимает т. Хрущев. (Всегда следует исходить из того, что противник не глупее тебя – тогда меньше наделаешь ошибок, промахов.) Со стороны наших противников в США и т. д. в настоящее время все больше делаются попытки перейти от тактики угроз, а вернее, наряду с этим, поскольку количество военных баз вокруг СССР не сокращается, а увеличивается, – к тактике нового типа, к тактике обволакивания, к постепенному оскоплению нашей политики»¹⁵¹⁴.

После путешествия в Америку Хрущев был уверен, что и соглашение по Берлину, и запрет ядерных испытаний – вопрос практически решенный. Поэтому он счел возможным уволить из армии дополнительно 1,2 миллиона человек, в том числе 250 тысяч офицеров, полагая, что ядерное оружие является достаточной гарантией безопасности¹⁵¹⁵. Молотов предостерегает от пацифистских увлечений. 16 октября 1959 года он отправил в Президиум ЦК КПСС записку с развернутой критикой изложения теории социалистической революции в новой официальной «Истории КПСС». Внимательный читатель легко увидел бы в записке прозрачную критику политики Хрущева. «Авторы этой книги так “причесали” величайшего пролетарского революционера – Ленина, что наш великий учитель и гениальный вождь революционных рабочих всех стран, всего мира не узнал бы себя в этом новом, “причесанном” виде, где он похож и на полуреволюционера, и на полупацифиста... Чтобы коммунисты действительно были на высоте современных задач защиты мира и социализма, они должны помнить, чему учил Ленин. А это значит, что обычными, узко легальными, сугубо мирными средствами нельзя ограничиться там, где империализм переходит к насилию, к кровавой агрессии, к развязы-

ванию преступной атомной войны. Там вступает в силу право самообороны каждого народа, всех народов, которым угрожает бессмысленное массовое уничтожение»¹⁵¹⁶.

Размышления Молотова над проблемами внутренней политики и марксистской теории приведут к ряду писем в ЦК, которые никак не могли понравиться Хрущеву. Записка от 10 января 1960 года содержала лишь слегка завуалированный подкоп под хрущевскую теорию коммунизма. Напомнив классическое определение коммунизма из «Критики Готской программы» Маркса с его формулировкой «Каждый по способностям, каждому по потребностям!», Молотов уверял, что «принцип распределения материальных и культурных благ при коммунизме (“по потребностям”) здесь увязан с принципом, которым будут руководствоваться люди в своем труде – иначе говоря, в производстве – на благо коммунистического общества (“по способностям”)… Это станет возможным “после того, как исчезнет” сложившееся при капитализме разделение труда, исчезнет “противоположность умственного и физического труда”, труд “станет самой первой потребностью жизни”, а “производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком” и т. д. Только тогда общество сможет осуществить принцип “каждому по потребностям”… Основоположники марксизма всегда подчеркивали примат производства (труда) перед распределением. Это относится к высшей – коммунистической – фазе общества».

Приведя ряд цитат из доклада Хрущева на XXI съезде о переходе к коммунизму и о уже реализованном принципе «от каждого по способностям», Молотов заключил, что «мы идем к этому, но еще не пришли. Никто не может требовать или ожидать, что сразу же после того, как страна построила социализм, она уже может осуществить этот принцип, соответствующий высшей фазе коммунистического общества… С коммунистическим приветом»¹⁵¹⁷. Вновь без ответа.

1 мая 1960 года очередной самолет У-2, летевший из Пакистана с разведывательными целями, был сбит в районе Свердловска. Согласованное во время визита Хрущева в США совещание в верхах в Париже было сорвано: советский лидер устроил там грандиозный скандал, разыграв «сцену неистового гнева, потребовав в резкой форме от Эйзенхауэра своего рода сatisфакции в виде публичных извинений и торжественных обещаний… Он буквально рвал и метал и изрядно смущил Эйзенхауэра, но никаких заверений от него не получил. Хрущев, побушевав еще немного, хлопнул дверью и покинул совещание, тем самым обрек его на провал»¹⁵¹⁸. Визит американского

президента в СССР стал невозможен. Отношения с США пошли под откос.

В начале 1960-х годов были также окончательно испорчены отношения с Китаем, который Хрущев задумал «прижать». Наиболее болезненно в Пекине было воспринято решение об отзыве семи тысяч советских специалистов. «Русские нас бросают», – приходилось сплошь и рядом слышать тогдашнему послу в Китае Степану Червоненко. Ответом стала резкая антисоветская кампания, отказ от помощи Москвы, возвращение всех долгов и кредитов, обращение за технической помощью к США и Японии¹⁵¹⁹. Мао характеризовал советского лидера как ревизиониста, прикрывающегося вывеской марксизма-ленинизма, и предупреждал: «Необходимо проявлять особую бдительность по отношению к таким карьеристам и интриганам, как Хрущев, предотвратить захват ими руководства в партийных и государственных органах различных степеней»¹⁵²⁰.

Кремль решил от греха подальше перевести Молотова – по дальше от границы с Китаем. 3 июля 1960 года стало последним днем его работы в Улан-Баторе. В это время член-корреспондент АН СССР В. С. Емельянов, перегруженный множеством других обязанностей, попросил освободить его от должности советского сопредседателя Международного агентства по атомной энергии. Решением Совмина руководителем представительства в этом ооновском агентстве был назначен Молотов. Общее руководство, однако, было оставлено за Емельяновым¹⁵²¹.

Цеденбал лично провожал Молотова на вокзале, когда тот отбывал к новому месту службы. Жена Цеденбала – симпатичная русская женщина из Рязани много раз заходила потом к Молотовым в гости, когда бывала в Москве.

С этого времени все происходившее с Молотовым уже хорошо запечатлелось в моей памяти: вошел в сознательный возраст. Дом 3 по улице Грановского (Романов переулок), построенный еще в конце XIX века, когда там жила в основном профессура Московского университета, сейчас усеян мемориальными досками в честь живших в нем лидеров партии и правительства, высших военачальников (доски о Молотове, естественно, нет). В начале 1960-х досок было куда меньше – большинство из этих людей было еще в добром здравии. На третьем этаже первого подъезда было две квартиры: поменьше (№ 62), где были прописаны Молотов и Жемчужина, и побольше (№ 61), где жили их дочь, зять и мы – трое внуков. Соседями по подъезду были семьи маршалов Конева и Рокоссовского, Дмитрия Ульянова (брата Ленина) и Зверева (министра финансов). Во дворике, где мы играли, прогуливались Ворошилов, Буденный,

Косыгин, Тимошенко, Жуков. Внук Жукова Егорка был моим лучшим другом. Он рано умер...

Деда, пока он работал в Улан-Баторе и Вене, я видел только летом, когда он приезжал в отпуск. В качестве места для летнего отдыха в Подмосковье ему был выделен отсек с отдельным выходом в первом корпусе мидовского дома отдыха «Юность» – в районе железнодорожной станции Чкаловская, на машине – по Щелковскому шоссе. Это место в семье называли «дача в Чкаловском». Там было четыре комнаты: одна – Молотова и Полины Семеновны, детская, для домработницы и гостей, где останавливались мама с папой. Мы с сестрами жили там все лето – вплоть до 1965 года. Была еще летняя терраса, из которой можно было выйти на свой небольшой участок, где стояли деревянный стол со скамейками, за которыми в хорошую погоду пили чай: там же была моя песочница. В тесноте, да не в обиде. Замечательная домашняя обстановка. Бесились. А иной день дача взрывалась громкими криками «ура!», а затем и праздничным застольем. Это было в те дни, когда диктор по радио – телевизора там не было – объявлял о полете в космос очередного нашего героя.

В комнате деда было огромное панорамное окно с видом на цветущий и круто спускающийся к реке луг, за ним протекала неширокая Клязьма – сверху красивая, а вблизи – черная от загрязнений. За речкой – фабрика с дымящей трубой. Территория у дома отдыха мне казалась огромной, но для прогулок деда с бабушкой и родителями оказывалась мала, и они часто гуляли в лесу за воротами. Любимым совместным занятием у меня с дедом было катание на лодке по зеленому пруду с лесистым островком посредине и большой лодочной станцией. Лодки текли, весла были тяжелыми, и мы часто по очереди вычерпывали воду и гребли (точнее, я старался грести). На пруду был и небольшой пляж, откуда вся семья устраивала заплывы. Но там дед много не плавал – вода была не самой прозрачной, и в ней водились пиявки, которыми меня пугали старшие. А на лугу был заброшенный песчаный карьер с отвесными склонами, откуда мы с дедом и отцом запускали совместно сделанные из деревянных палочек и пергаментной бумаги планеры и самолеты с «двигателем» на тяге из скрученной резинки, которая, раскручиваясь, приводила в движение пропеллер. Из тех же подручных материалов мастерили воздушных змеев самой разной формы и размеров (здесь отцу не было равных), которые красиво парили над лугом, из-за чего женщины в доме никогда не могли найти катушек с нитками.

До 1961 года Молотову разрешалось в течение месяца пользоваться дачей в Мухалатке. Там было замечательно, и там тоже вся семья была вместе. У меня была своя комната, а особенно мне нравилось, что ванну можно было наполнить морской водой. Время в основном проводили на большом галечном пляже, от которого в море уходил длинный дощатый пирс, на конце которого были лесенки для схода в море. Именно с этого пирса я и свалился в трехлетнем возрасте, но, на мое счастье, дед оказался недалеко, и он нырнул, вытащил меня со дна и откачал. К пяти годам, благодаря урокам деда и папы, я уже поплыл самостоятельно.

Была и лодка с веслами, с которой так умело управлялись либо дед, либо отец. Ловили барабульку, а папа еще с подводным ружьем охотился на кефаль. Вокруг дома, который мне казался сказочным дворцом, росли диковинные растения, и возле каждого из них стояла металлическая табличка с его называнием на русском и на латыни. Табличка с надписью «Грецкий орех» запомнилась на всю жизнь: от падения на нее в том же бедовом трехлетнем возрасте у меня шрам на подбородке (зашивали в ближайшей больнице).

Чувствовал ли Молотов груз опалы, предчувствовал ли предстоявшие испытания? Если и чувствовал, то не давал этого знать. Был бодр и весел.

Наверное, я услышал слово «политика» раньше, чем подавляющее большинство сверстников. Разговоры о ней и персонахах российской и зарубежной истории постоянно шли в доме, за обеденным столом, на прогулках. Не было никакого пинетта к первым лицам. Одно из моих самых ранних детских воспоминаний: вся семья сидит у деда в квартире перед телевизором – подарок от австрийского правительства за мирный договор – с большой линзой с водой перед малюсеньким экраном и дружно хохочет над очередным выступлением Хрущева. Настоящее воспринималось скорее юмористически, правда, при этом сохранилось уважительное отношение к прошлому. В кабинете деда всегда висела большая карта мира, и по ней он учил меня географии, рассказывал о разных странах, заставлял заучивать названия всех столиц (это было еще до школы).

А потом дед и бабушка уехали в Австрию. 5 сентября 1960 года Совет министров утвердил Молотова на пост постоянного представителя при Международном агентстве по атомной энергии в Вене. Советское представительство при МАГАТЭ располагалось в здании крупной страховой компании «Гарант». Там же Молотов и жил вместе с семьей. С ним была Полина Семеновна, наезжали Светлана и внучки – Лариса и Люба. Алек-

сей оставался в Москве. Меня тоже за границу не брали. Тем более что в тот год я сильно болел, провел больше месяца в изоляторе инфекционной больницы в Сокольниках, где было только радио. Отец любил вспоминать, как при выписке я первым делом спросил, завершился ли визит в Москву министра иностранных дел Кубы Освальдо Дортикоса Торрадо. А потом меня надолго изолировали в пустовавшей дедовой квартире.

В Вене Молотов активно включился в работу Генеральной конференции МАГАТЭ, ее комитетов, охотно брал слово на их заседаниях. Агентство в тот период искало свое место в системе международных институтов. Центральным стал вопрос о предотвращении использования расщепляющихся материалов, оборудования и изотопов, предоставляемых другим странам в целях развития атомной энергетики, в военных целях. Чтобы лучше ориентироваться в местной политике и подтянуть пробы в образовании, Молотов стал заниматься с преподавательницей немецким языком¹⁵²².

В тот год, когда он перебрался в Вену, в США к власти пришел Джон Кеннеди. Не желая иметь под боком постоянную проблему в лице просоветской Кубы, президент осуществил весной 1961 года военное вторжение на остров в Заливе Сваний, которое закончилось неудачей, но вызвало серьезный международный кризис. Чтобы снизить напряженность в советско-американских отношениях, Хрущев предложил встречу. Она состоялась 3 и 4 июня 1961 года как раз в Вене.

Известный австрийский публицист Отто Кламбауэр сообщил некоторые детали. Хрущев прибыл на Восточный вокзал Вены спецпоездом. Вся посольская колония была откомандирована его встречать. Двадцать третьим от советского посла был поставлен Молотов. Хрущев приветствовал всех рукопожатием, кого-то обнимал. Молотову сухо подал руку, глядя куда-то мимо¹⁵²³. На другие мероприятия представителя СССР в МАГАТЭ не пустили. Хрущев расценил Кеннеди как «слабака», занявшего со страху неуступчивую позицию. «Я желаю мира! Но если вы хотите начать атомную войну, то вы ее можете получить».

Затем разразился очередной Берлинский кризис. Хрущев предупредил британского посла Робертса, что может разместить в Германии в сто раз больше войск, чем западные державы, и если начнется ядерная война, шести водородных бомб для Англии и девяти для Франции будет «вполне достаточно». А американскому переговорщику по вопросам разоружения Джону Макклюю первый секретарь объяснил, что если Кеннеди начнет войну, то он станет «последним президентом Соединенных Штатов»¹⁵²⁴. 13 августа по приказу Хрущева была воздвиг-

нута Берлинская стена. И это на фоне многочисленных заявлений о стремлении СССР к миру, среди которых было и такое: «Нельзя же механически сейчас повторять то, что было сказано Владимиром Ильичом Лениным много десятилетий назад об империализме, и твердить, что империалистические войны неизбежны, пока во всем мире не победил социализм».

Молотова эта фраза явно задела за живое, и 22 августа он направляет в Президиум ЦК записку «О ленинизме и о возможности предотвращения войн в современную эпоху». «Разумеется, “механически повторять” какие-либо научные положения ни “сейчас”, ни вообще когда-либо не следует, – от этого пользы не будет, а вред возможен, – писал он. – Но нельзя забывать, что в послевоенный период не было такого года, когда империалистами не велись бы войны... Мы – непримиримые и последовательные противники империалистических войн. Что же касается народов, поднимающихся на борьбу за свою свободу, выступающих против угнетения и всех форм господства империалистов, мы всегда на их стороне. Тут для нас дело идет не о том, чтобы как-то притупить эту борьбу, а, напротив, о том, как оказать ей всемерную поддержку... Империализм живет по своим законам, его природа агрессивна и постоянно толкает к агрессивным актам и новым войнам, поэтому нельзя считать, что новые войны исключены».

В записке Молотов обратил внимание и на прозвучавшее с трибуны ООН предложение Хрущева о том, чтобы «в течение четырех лет все государства осуществили бы полное разоружение и не имели больше средств ведения войны», и сделал вывод: «Читая эти заявления, не знаешь, чему больше удивляться: политической ли наивности этих высказываний или самому факту, что наша ленинская партия могла допустить подобное выступление от имени Советского Союза... Более чем наивно думать, будто гонка вооружений – это вина каких-то отдельных злых или неразумных лиц – Даллесов, Аденауэр, Эйзенхауэров, Штраусов и т. п., будто при особенно гибкой политике СССР и других социалистических стран можно рассчитывать на появление таких правительств в современных США, Англии, Западной Германии, Франции и других империалистических государствах, которые круто изменят эту политику, откажутся от гонки вооружений...

Заявлять, будто ленинские положения об империализме и империалистических войнах были правильными только “для своего времени” – значит не только не принимать ленинизм и его научно-революционную дальновидность, но и игнорировать действительный смысл событий Второй мировой войны и

всего послевоенного периода. Не может быть сомнений, что в Коммунистической партии Советского Союза найдутся силы, чтобы до конца вскрыть допущенные ошибки и вывести партию на единственно верный и проверенный в революционной борьбе ленинский путь»¹⁵²⁵.

Следующим – не столь прямым – вызовом со стороны Молотова стала его записка в ЦК от 28 августа на тему действий (точнее, бездействия) компартий в связи с Берлинским кризисом. «Судя по тому, что известно из нашей печати, ни итальянская компартия, ни другие компартии капиталистических стран пока не выдвинули каких-либо конкретных планов борьбы за мир, которые соответствовали бы развертывающимся вокруг вопроса о Западном Берлине мероприятиям и выступлениям империалистических стран... А если они делают то, что требуется от них в современной международной обстановке, то почему об этом не пишут в газетах, чтобы массы, действительно, включились в эту борьбу?.. Не пришло ли время для совместного выступления с открытым и твердым заявлением компартий капиталистических стран Европы – да и не только Европы, – где были бы высказаны их основные установки и по германскому и по берлинскому вопросам и готовность дать отпор любым агрессивным махинациям империалистов?»¹⁵²⁶

Пока Молотов слал из Вены свои записки-обвинения, вся страна в едином порыве готовилась к XXII съезду КПСС. Планировалось принять новую Программу партии, главная идея которой заключалась в построении коммунизма к 1980 году. Исчезала и диктатура пролетариата, замененная «общенародным государством». А Молотов любил повторять цитату Маркса: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата». Проект программы был вынесен на общенародное обсуждение. Не остался в стороне от народа и Молотов. 12 октября он представил на рассмотрение Центрального комитета обширную записку «Некоторые замечания по проекту Программы КПСС» с просьбой ознакомить с ней членов Президиума и желающих делегатов XXII съезда:

«В проекте нарисована идиллическая картина “существования” победившего коммунизма в СССР и империализма, продолжающего существовать, примерно, в тех же странах, что и в наши дни, – писал он. – Никто не может сказать, когда и при какой именно конкретной международной обстанов-

ке будет построено в основном коммунистическое общество в СССР. Это зависит от многих обстоятельств, которые в данное время невозможno учесть. Однако было бы явно неправильно ориентировать партию и народ на то, будто победу коммунизма в СССР и дальнейшее продвижение к коммунизму стран социалистического содружества можно обеспечить без напряженной революционной борьбы и серьезнейших политических конфликтов со стороны империализма... Коренной недостаток проекта Программы заключается в том, что он отступает от революционных принципов марксизма-ленинизма и в ряде вопросов переходит на позиции ревизионизма, пацифизма и т. п.». Молотов предлагал на съезде ограничиться дискуссией о проекте, созвать совещание коммунистических и рабочих партий для его обсуждения, а в течение 1962 года – внеочередной съезд КПСС для принятия новой Программы¹⁵²⁷.

Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения Хрущева и его команды. Теперь записку Молотова вынесли – вне протокола – на заседание Президиума ЦК. Вердикт звучал так: «Не ссылаясь на записку, на съезде разделать его. М. б. отзвать его из Вены и, если будет упорствовать, м. б. исключить из партии (решения не надо)»¹⁵²⁸. Так что ответ на свои записки в ЦК – впервые и сразу на все – Молотов получил на XXII съезде КПСС. Причем весь ход съезда означал, что и лишенного высших постов Молотова Хрущев продолжал считать своим основным и наиболее авторитетным политическим противником.

Съезд проходил в новеньком Кремлевском дворце съездов, строительство которого только что завершилось на месте корпусов, где раньше жили все руководители партии и правительства. Это был самый продолжительный съезд – только его стенографический отчет занял три тома более чем в 600 страниц каждый. Фернану Броделю XXII съезд с его накалом страстей и списком обвинений напомнил «Братьев Карамазовых» Достоевского¹⁵²⁹. Это был звездный час Хрущева. И это был «бенефис» Молотова, несмотря на то, что в дни съезда он находился в Вене. Вся мощь пропагандистской машины СССР, идеологических подразделений ЦК КПСС, историко-партийной и философской науки, авторитет всего партийного руководства обратились против него и его соратников.

Хрущев стоял на трибуне два дня. Первый – с отчетным докладом, второй – с докладом о новой Программе КПСС. Он подтвердил то, что Молотов всегда считал анафемой: «Естественно, что когда социализм победил в нашей стране полностью и окончательно и мы вступили в период развернутого стро-

ительства коммунизма, исчезли условия, которые вызывали необходимость в диктатуре пролетариата, ее внутренние задачи были выполнены». Обозначил «ясные пути светлого здания коммунизма» и уверил, что «за 20 лет мы построим в основном коммунистическое общество».

И именно Хрущев открыл очередной сеанс осуждения «антипартийной группы», заявив, что Молотов, Каганович, Маленков и Ворошилов «несут персональную ответственность за многие массовые репрессии». Чтобы избежать разоблачения и помешать правильной политике партии по перестройке управления экономикой, эта группа «активизировала свою антипартийную деятельность и стала вербовать сторонников внутри Президиума ЦК». После этого, «сговорившись на своих тайных сбирацах», они «рассчитывали осуществить свои антипартийные замыслы, захватить руководство партией и страной». КПСС их остановила, а Молотов еще и не голосовал за осуждение антипартийной группы. Вели они себя так потому, что «у одного силы иссякают; другой отрывается от жизни, зазнается, не работает; третий оказывается беспринципным, бесхребетным приспособленцем». В астрономии это называется «светом погасших звезд»¹⁵³⁰.

Если бы Хрущев действительно считал звезды былого погасшими, он мог бы после этого просто предложить исключить членов антипартийной группы из партии, чего и добивался. Но он никаких выводов сам не сделал, разыграв на съезде спектакль, в котором приняли участие почти все без исключения члены ЦК, все первые секретари республик и областей, даже отдельные зарубежные гости. Главный смысл последующих выступлений на съезде: страна идет семимильными шагами от успеха к успеху, коммунизм за 20 лет непременно будет построен, но есть два врага. Один, главный, – антипартийная группа во главе с ее идейным вдохновителем Молотовым. Другой, гораздо менее значимый, – Албанская партия трудящихся, не согласившаяся с решениями XX съезда. Обвинения шли от общих к конкретным и от осуждения – к оргвыводам.

В отчете Центральной ревизионной комиссии Горкин приветствовал разоблачение группы, которая пыталась «свернуть партию с ленинского пути». Ленинградский руководитель Спирidonов подчеркнул персональную ответственность фракционеров «за многие массовые репрессии» и «захват руководства партией и страной для борьбы за сохранение порядков, существовавших в период культа личности». Грузинский лидер Мжаванадзе клеймил «этую жалкую кучку фракционеров, пытав-

шихся помешать нашему поступательному движению вперед». Первым из тяжеловесов выстрелил Брежnev:

– Как во внутренней, так и во внешней политике они были и остались ревизионистами, сектантами и безнадежными догматиками.

– Скажем прямо – это были опасные для нашей партии дни, – вспоминала Фурцева, приведшая большой список примеров возражений Молотова на заседаниях Президиума ЦК. – Какое великое счастье для нашего советского народа, что в тот момент Центральный комитет партии во главе с нашим дорогим Никитой Сергеевичем оказался на высоте своего положения и сумел разгромить антипартийную группу.

Микоян назвал Молотова «главным идеологом» фракционной деятельности, который подрывает основы партийной идеологии, не признавая окончательной победы социализма и скорой коммунистической перспективы. Из зарубежных деятелей комдвижения сочли нужным (или исполнили просьбу) ударить по антипартийной группе Янош Кадар, Тодор Живков, Морис Торез. Ветераны комдвижения – Чжоу Эньлай, Долорес Ибаррури, Ким Ир Сен, Хо Ши Мин и другие тему, естественно, обошли.

– Эта презренная группа оторвавшихся от народа фракционеров, как известно, упорно противодействовала проведению таких жизненно важных и горячо одобряемых всем советским народом мероприятий, как освоение целинных земель, перестройка руководства промышленностью и строительством, развертывание внутрипартийной демократии, восстановление революционной законности, – утверждал Суслов.

– Они пытались вновь нарушить восстановленные ленинские нормы в партийной жизни и государственной работе, боролись за сохранение старой, изжившей себя экономической политики в области сельского хозяйства и промышленности, – говорил Косыгин¹⁵³¹. Который вскоре осудит и пересмотрит экономическую политику Хрущева.

Единственным представителем высшего руководства партии, не помянувшим недобрым словом Молотова и его коллег по антипартийной деятельности, оказался Громыко. Разоблачению антипартийной группы были посвящены выступления заведующего Агитпропом ЦК Ильичева и главного редактора «Правды» Сатюкова, которые рассказали делегатам о наличии замечаний Молотова к Программе КПСС, не сильно вдаваясь в детали.

– Кучка фракционеров, привыкших к затхлой обстановке культа личности, как болотные обитатели привыкают к тине и

грязи, встретила новый курс партии в штыки, – клеймил раскольников Сатюков. – Идейным вдохновителем антипартийной группы был Молотов. Он так и не смог подняться до уровня политического деятеля ленинского типа, хотя и занимал длительное время высокие посты. Молотов утверждает, будто новая Программа антиреволюционная по своему духу. Это клеветническое, позорное заявление Молотова говорит о том, что он порвал с партией, порвал с ленинизмом.

– Разве может наша великая партия терпеть в своих рядах отщепенцев и раскольников, нагло выступающих против важнейших положений ленинизма, против ленинского курса нашей партии, против великой новой Программы нашей партии, этого теперь уже общепризнанного Манифеста Коммунистической партии нашей эпохи? – спрашивал Поспелов.

«Презренных отщепенцев, фракционеров» ругал зять Хрущева, главный редактор «Известий» Алексей Аджубей:

– Я представляю себе, как сидят они в своих углах – кто работает вполноги, кто на пенсии – и брызгут слюной по поводу нашего XXII съезда. Наиболее злобный из них – Молотов¹⁵³².

Наконец, уже на двадцатом заседании съезда, слово вновь взял Хрущев, который теперь обвинил опальных членов Президиума ЦК в намерении возобновить массовые репрессии.

– Участники антипартийной фракционной группы хотели захватить руководство в партии и стране, устраниТЬ тех товарищей, которые выступали с разоблачением преступных действий, совершенных в период культа личности. Антипартийная группа хотела поставить к руководству Молотова... Они готовили расправу над теми, кто отстаивал курс, намеченный XX съездом¹⁵³³.

И все эти выступления, содержащие множество других обвинений, имели целью опорочить главным образом одного человека – Молотова, поскольку все остальные участники «антипартийной группы» изначально признали свои ошибки и покаялись. Он один продолжал отстаивать свою позицию и критиковать Хрущева. Каких переживаний стоили Молотову, его супруге, дочери, затяну эти съездовские дни – одному Богу известно. Бабушка вернулась из Вены совсем седая. А что думал сам Молотов о XXII съезде, нам известно из его записки 1964 года. Главное его отличие от XX и XXI съездов и от июньского пленума 1957 года он видел в том, что впервые «Сталин и его соратники предстают перед нами беспрincipипными, жестокими и расчетливыми карьеристами, озабоченными только тем, как бы сохранить свою власть и в борьбе за нее беспощадно уничтожающими сотни своих мнимых и не мнимых соперников –

лучшие, преданные Советской власти и советскому народу кадры партийных, государственных и военных деятелей. Люди, которые на протяжении всех 30 лет Советской власти, вплоть до июньского пленума ЦК КПСС, составляли ядро Центрального Комитета, предстают перед нами оголтелыми и отъявленными врагами народа».

Из этого Молотов заключал: «Если на минуту предположить, что Сталин и его ближайшие соратники сознательно, в карьеристских целях подвергали физическому уничтожению (или, что все равно, закрывали глаза на это) ни в чем не повинных видных деятелей нашей партии и государства, то вольно или невольно, хотим мы этого или не хотим, мы должны будем прийти к выводу о том, что оставшиеся в живых или не репрессированные в период культа личности Сталина видные руководящие деятели нашей партии и государства, среди которых, кстати говоря, и большинство нынешних членов ЦК и Президиума ЦК, – это не лучшие кадры нашей партии и государства, что это люди, уцелевшие лишь потому, что они не представляли в глазах Сталина или Молотова, Кагановича, Ворошилова и Маленкова опасности их карьеристским, антипартийным, антнародным и антисоветским делам»¹⁵³⁴. Но огорчать партийное руководство столь неожиданным выводом Молотов публично не стал.

Напротив, как образцовый коммунист, подчиняющийся решениям высшего органа партии, 3 ноября Молотов писал в ЦК: «Полностью признаю как соответствующую основам марксизма-ленинизма правильность генеральной линии партии на развернутое строительство коммунистического общества в СССР и на неуклонное проведение политики по обеспечению международного мира и предупреждения войн, а также желаю дальнейших успехов в строительстве социализма странам социалистического лагеря. В продолжение всего периода моего пребывания в рядах партии, начиная с 1906 года, всегда и не-прерывно вел активную работу в рядах партии и под ее руководством, не участвовал ни в каких антипартийных фракциях и группировках, готов и впредь отдать все свои силы делу борьбы за коммунизм, за торжество идей марксизма-ленинизма, выполнять любую работу, которую мне доверит ленинская партия и ее Центральный Комитет»¹⁵³⁵.

Было принято решение об отъезде Молотова из Вены. Отъезд (по его желанию) был организован тихо, чтобы избежать журналистского ажиотажа. С этого момента Молотов и вся наша семья стали невыездными: дед, бабушка, мама – до конца жизни, папа – почти до конца.

15 ноября 1961 года Молотова вызвали в ЦК на беседу с секретарем ЦК Ильичевым и членом ЦК Романовым. Они ждали полного раскаяния.

– Вы просили в записке от 12 октября ознакомить с ней членов президиума XXII съезда КПСС и желающих делегатов съезда, – напомнил Ильичев. – Они были ознакомлены с содержанием записки и, как известно, дали в выступлениях на съезде свою резко отрицательную оценку этой записке. Теперь следовало бы вам реагировать на эти выступления на съезде признанием ваших ошибок. Заявление от 3 ноября признано неудовлетворительным, о чем я и уполномочен заявить.

– Мною высказаны в ряде заявлений в ЦК критические замечания по отдельным вопросам. Было бы непонятно и никому не нужно, если бы мною через короткое время были сделаны какие-то заявления в другом смысле. Конечно, я подумаю, что можно было бы еще сказать в дополнение к недавним моим заявлениям.

– Вот это другое дело, когда вы говорите «подумаю». Вам бы следовало учесть, что на съезде были очень резкие выступления, давшие самую отрицательную оценку ваших недавних заявлений как противоречащих ленинизму. Требовали исключения вас из партии.

– Я читал «Правду» и многие опубликованные в ней выступления на съезде. Мне немало приписано и такого, что не соответствует действительности. Кроме всего, не могу же я заявить, что Ленин высказывался за принцип мирного сосуществования.

– Ваше развернутое заявление о признании партийной линии имело бы определенное политическое значение.

«Беседа с Ильичевым и Романовым (членом партбюро РСФСР?) продолжалась примерно 10 минут. Велась в спокойных товарищеских тонах. Записано по памяти»¹⁵³⁶.

18 ноября, тщательно все обдумав, Молотов пишет в ЦК записку, где добавляет: «Замечания в связи с опубликованным проектом Программы мной направлены из Вены 12-го октября – в тот период, когда Программа находилась в стадии обсуждения, еще не была принята съездом. Высказывание критических замечаний в период ведущегося обсуждения не находится в противоречии с Уставом партии, не противоречит ленинским принципам демократического централизма. Поскольку XXII съезд утвердил новую Программу, я считаю своим партийным долгом всю работу вести на основе этой Программы и других решений, принятых съездом. Безусловно, признаю справедливым осуждение XXII съездом группировки,

создавшейся в составе Президиума ЦК КПСС летом 1957 года, в которую, кроме меня, входили Маленков, Каганович, Ворошилов, Булганин, Сабуров, Первухин, Шепилов»¹⁵³⁷.

Покаяние было признано неполным, но, несмотря на то, что включился механизм исключения из партии, Молотов больше не отступит ни на шаг. Что записано в его заявлениях в ЦК, то же прозвучит и на партсобраниях. 9 февраля 1962 года на собрании организации № 3 Управления делами Совета министров СССР ему снова задавали вопросы – в основном про 1937 и 1957 годы. На следующий день, 10 февраля, Молотова вызвали уже на заседание парткома Управления делами Совмина. Добавили обвинения в неподчинении решениям партии.

– Я не выступаю со своей точкой зрения, когда она не соответствует решению, принятому Центральным Комитетом, и делаю все, что могу делать для выполнения решения, хотя на той или иной стадии высказывал другую точку зрения, критически относился к тому или иному предложению. Я – член партии с 1906 года. Все эти 56 лет непрерывно работал в партии, и вдруг произошел какой-то отрыв от партии, от народа. Я и консерватор, и догматик и что только не говорят. Не был я 50 лет ни догматиком, ни консерватором, но в последние годы меня зачислили в таковые, так, как будто бы оторвался от партии. Сделайте в таком случае вывод. Пошлите меня на самую низовую работу, на любую работу, какую хотите, я не отказываюсь от этого... Неужели у вас один выбор для таких, как Молотов – гнать из партии, хотя вы ни одного примера не приведете, чтобы за все эти годы и в том числе после того, как меня исключили из Центрального комитета, я не выполнял решений партии... Я писал в ЦК свои записки по истории партии, по основам ленинизма, по программе партии. Ну что же, я только обращался к своему Центральному комитету! Ничего недопустимого я не делал¹⁵³⁸.

Исключили. А «14 февраля Свердловский райком утвердил решение об исключении Молотова из членов КПСС, принятое 9 февраля собранием коммунистов парторганизации № 3 Управления Делами Совета министров СССР и подтвержденное парткомом Управления Делами Совета министров СССР 10 февраля». На следующий день он написал апелляцию в Московский горком¹⁵³⁹.

Информационная кампания против Молотова не ослабевала. 16 февраля он пишет в Президиум ЦК протест: «В № 1-м журнала “Коммунист” за 1962 год напечатана статья Зиманаса, которая в некоторых отношениях переходит за вся-

кие допустимые партийные рамки и отнюдь не может служить восстановлению ленинских норм работы в нашей партии. Зиманас не просто критикует ошибки, допущенные в определенных случаях, в частности, мною, а бесшабашно обливает грязью Молотова и других, не стесняясь публично, в печати, прибегать к самой гнусной клевете. Он объявляет меня "карьеристом", готовым пойти на все "во имя сохранения за собой всяких постов", хотя знает, что в течение 56 лет я являюсь активным членом партии, не бегавшим ни в какие антиленинские оппозиции – троцкистов, правых и др. Обвиняя меня в погоне за "высокими постами", Зиманас плюет на то, что Молотов на 12 партийных съездах избирался в Центральный Комитет, был и остается человеком, который выше всего ставит интересы народа и коммунизма, интересы ленинской партии. Зиманас, как настоящий Иван-Непомнящий, игнорирует тот факт, что в период культа личности Сталина все члены руководящего центра партии – в том числе и некоторые видные члены нынешнего Президиума ЦК – единодушно одобряли и проводили мероприятия того времени, хотя позднее и были в этих мероприятиях вскрыты серьезные ошибки, которые справедливо осуждены партией... Нельзя не выразить удивления, что редакция "Коммуниста" загрязняет страницы партийного журнала такими писаниями.

В. Молотов. Член КПСС с 1906 года»¹⁵⁴⁰.

Как видим, своего исключения из партии Молотов не признавал.

Бюро МГК КПСС 21 марта постановило: «Утвердить решение Свердловского РК КПСС. Исключить Молотова (Скрябина) В. М. из членов КПСС за злоупотребления властью, нарушения социалистической законности, в результате чего погибло большое число ни в чем не повинных людей, за антипартийную, фракционную, раскольническую деятельность»¹⁵⁴¹. Он апеллирует в КПК, призывая «также учесть мое искреннее стремление в дальнейшем полностью учесть критику ошибок, допущенных мною в прошлом»¹⁵⁴².

26 июля 1962 года Комитет партийного контроля подтвердил решение горкома, добавив к мотивировке «неискреннее поведение» на заседании КПК¹⁵⁴³.

14 августа Молотов направил письмо Громыко: «Поскольку в течение длительного времени не привлекаюсь к работе, прошу сообщить, будет ли мне предоставлена работа в Министерстве Иностранных Дел. При этом сообщаю, что Комитет Партийного Контроля при ЦК КПСС принял решение об исключении меня из партии. С просьбой о пересмотре этого решения я об-

ратился в Президиум ЦК КПСС»¹⁵⁴⁴. Решение не пересмотрят, работу не дадут. Приказом по МИДу от 12 сентября 1963 года Молотов будет освобожден от работы в министерстве в связи с уходом на пенсию¹⁵⁴⁵.

Последний ленинист

Теперь дед был дома, и это было замечательно. Я с удовольствием мешал его трудам за письменным столом, а он рассказывал мне о разных полезных вещах. Давал задания по арифметике, проверял чистоту чтения: внуку предстояло выдержать собеседование для поступления в спецшколу № 1, где уже учились его сестры.

Пенсию ему положили в 120 рублей. Лишили всех благ и привилегий. Но он продолжал пользоваться услугами поликлиники на Сивцевом Вражке, больницей в Кунцеве, совминовскими пансионатами. Каким образом? О, история полна иронии! Он мог пользоваться ими как член семьи старого заслуженного большевика и жертвы политических репрессий Полины Семеновны Жемчужиной, которой полагалась и большая пенсия. Она в то время вошла в состав парткома кондитерской фабрики «Красный Октябрь», расположенной недалеко от Кремля. Признаюсь, заходить к бабушке на работу было большим поощрением и настоящим удовольствием.

Галина Ерофеева встречалась с Молотовыми в мидовском доме отдыха, где они «выносили стойчески» бытовые неурядицы «и вообще были очень хорошей трогательной парой». Они вдвоем очень дружно ходили за обедами с судками в руках в столовую, трогательно говорили друг с другом (кстати, Полина Семеновна ласково называла Молотова «Веч»), никогда не жаловались на то, что готовили в этой столовой ужасно, даже неизбалованные люди и те часто ворчали, что кормят неважно»¹⁵⁴⁶. Я, естественно, то лето тоже проводил на той даче. Мне казалось, что готовили там прилично. Некоторые мидовцы, но не многие, от Молотова шарахались. Но этого точно нельзя было сказать об обслуживающем персонале, а также о трудающихся из соседних поселков, которые толпами пробивались к нам, чтобы поговорить и сфотографироваться с Молотовым, а потом еще вручить ему фотографию. У меня много таких коллективных фото.

Молотов на даче в Чкаловском и в своем кабинете в московской квартире выступал теперь комментатором и текущих событий, и теоретических откровений, и литературных нови-

нок. Правда, теперь круг его читателей ограничивался родными и близкими. Писал он чаще всего простыми карандашами. Впрочем, не совсем простыми. Это были привезенные, наверное, из США карандаши «Mongol» – желтые с красными ластиками наверху, с приятным сандаловым запахом. Для подчеркиваний дед использовал толстые красные и синие карандаши отечественного производства. Сколько я их перетаскал... Когда появились шариковые ручки, дед использовал и их. Наиболее важные, с его точки зрения, и предназначенные для чужих глаз рукописи дед просил напечатать на машинке. Эта почетная миссия выпадала племяннице бабушки Сарре Михайловне Голованевской, которой дед выдавал бумагу, копирку, и она садилась за портативную «Ятрань». Дед внимательно читал напечатанное, вносил правки, что порой заставляло Сарру Михайловну вновь садиться за машинку.

Ему не отвечали на его записки, даже если он их направлял в ЦК. Вокруг него была возведена стена молчания. Абсолютного. Почти никто из тех, кто его раньше хорошо знал, а теперь работал на ответственных постах, контактов с ним не поддерживал. Даже те, которых он, как говорится, вывел в люди.

Молотов, безусловно, до конца дней своих был твердым ленинистом. Писал он не столько о прошлом, сколько о настоящем и будущем. Он предпочитал смотреть вперед. В этой книге смогу привести лишь малую толику его мыслей. А писать было о чем.

В связи с повышением цен на продовольствие в июне 1962 года прошла стихийная забастовка рабочих Новочеркасского электровозостроительного завода, которая была расстреляна. Многие получили сроки от 10 до 15 лет. Голодные протесты жестко подавлялись и в других городах. Лагеря пополнялись новыми заключенными, суды выносили смертные приговоры. По репрессиям хрущевского периода статистика неизвестна. Власть охладела к реабилитации. Если до XXII съезда реабилитировали тысячами, то в 1962 году было рассмотрено 117 дел (до четверти в реабилитации отказано), в 1963-м – 55 дел, в 1964-м – 28 дел¹⁵⁴⁷. Хрущев отметился разгромной критикой художников-авангардистов во время посещения выставки современного искусства в Манеже и резкими выпадами против Андрея Вознесенского и Василия Аксенова. Под суд по обвинению в тунеядстве попал Иосиф Бродский, высланный в архангельскую деревню.

В военно-политической сфере Хрущев принял своего рода советскую версию доктрины «массированного возмездия»: располагая уже достаточно большим потенциалом ответного

ракетно-ядерного удара, СССР мог позволить себе гораздо более компактные вооруженные силы. Армия сокращалась вдвое. Не случайно последние годы пребывания Хрущева у власти привели к сплочению военно-промышленного комплекса как корпоративной группы, которая боролась против сокращения оборонных расходов. Армию и ВПК не придется долго уговаривать поддержать отстранение Хрущева от власти. Пределы советского «массированного возмездия» наглядно проявились, когда на Кубу были доставлены советские ракеты среднего радиуса действия, а правительство Кеннеди объявило об установлении военно-морской блокады острова и привело в полную боевую готовность войска США в Европе, 6-й и 7-й флоты, ядерные силы. Мир был на волоске от катастрофы. Компромисс был найден в последний момент.

В связи с Карибским кризисом Молотов заметил: «Советское правительство, по-видимому, правильно поступило, что в данном случае пошло на уступку. Фактически оно пошло на двойную уступку: не только согласилось снять с Кубы советское “наступательное” оружие и откомандировать с Кубы в СССР советский военный персонал при этом оружии, но и дало согласие (предложило!) произвести это под наблюдением представителей ООН. Эта вторая уступка – о согласии на контроль ООН – по-видимому, неправильна, чрезмерна, да и недопустима без согласия Кубы... Сделанная Советским правительством уступка нажиму США была, возможно, “необходима”, хотя она ударяла по престижу СССР и по суверенитету Кубы, поскольку в противном случае имелась прямая угроза развязки новой мировой войны»¹⁵⁴⁸.

В те же дни, ознакомившись с докладом «Научная основа руководства развитием общества», прозвучавшим на общем собрании АН СССР, Молотов написал: «Характерно, что докладчик по вопросу о проблемах развития общественных наук ни разу не называет ни одного из живущих ныне ученых и общественных деятелей, кроме Н. С. Хрущева. Обращает на себя внимание следующая формулировка в докладе Л. Ильчева: “Исторические события показали, что партия и ее ЦК во главе с выдающимся ленинцем Н. С. Хрущевым, по инициативе которого теоретически решены важнейшие вопросы теории строительства коммунистического общества, является признанным центром передовой марксистско-ленинской мысли”. В этой формулировке проявлено немало ловкости, но не много ума. Указывается, что теоретически вопросы разрабатывались “по инициативе” определенного лица»¹⁵⁴⁹.

Изучив программную внешнеполитическую речь Хрущева на заседании Верховного Совета 12 декабря 1962 года, Моло-

лотов на следующий день доверил бумаге свои впечатления: «Итак, оказывается, ныне догматизм (левый оппортунизм) не менее опасен в мировом коммунистическом движении, чем ревизионизм... Видно, что Хрущев решил на этот раз “рассчитаться” с ЦК компартии Китая. Сделано это было еще в полу-открытой форме, но с какой-то безнадежностью, с отчаянием. И, действительно, после доклада т. Хрущева 12/XII политический разрыв с компартией Китая, видимо, неизбежен. Хрущев окончательно встал на позицию: сблизиться с ревизионистским Союзом коммунистов Югославии, открыто противопоставить КПСС компартии Китая. Исключительно опасный для дела мирового коммунистического движения характер доклада Хрущева очевиден. Надо иметь в виду, что против югославских коммунистов решительно выступает и компартия Кореи. Видимо, на близкой к этому позиции стоит и компартия Индонезии. Создается серьезная опасность, что Хрущев “возглавил” (оформил) раскол между коммунистическим движением Европы и коммунистическим движением Азии»¹⁵⁵⁰. Потерю Китая Молотов неизменно называл самым серьезным поражением СССР, поражением совсем не обязательным, ответственность за которое нес исключительно Хрущев.

В августе 1963 года представители СССР, США и Великобритании подписали в Москве «Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой». Молотов не в восторге: «Этот Договор СССР с США и Англией политически выгоден империалистическим странам, но невыгоден и прямо опасен Советскому Союзу, социалистическому лагерю... США уже накопили с избытком атомное оружие и не нуждаются в течение некоторого времени (нескольких лет) в тех испытаниях атомного оружия, которые запрещены, а подземные испытания (в них еще нуждаются США) не запрещены... Договор направлен на ослабление (во всяком случае, на создание значительных затруднений) именно для Китая, а значит, и для социалистического лагеря»¹⁵⁵¹. Китай действительно сразу же выступил с заявлением о том, что советское правительство «предало интересы советского народа, предало интересы народов стран социалистического лагеря, в том числе и Китая». Молотов добавляет: «Китайцы не сказали, но следует отметить, что Договор, так сказать, нашими руками превращает США из самого агрессивного государства в миролюбивую державу, а социалистический Китай – в агрессора»¹⁵⁵².

Политика Хрущева не нравилась не только Молотову и китайцам, но и многим в нашей стране и в ее руководстве. В экономике, как отметит член Политбюро Виктор Гришин, «со вре-

менем стали активнее проявляться местнические тенденции. Как тогда говорили специалисты, “мы потеряли отрасли”... Таким образом, идея создания совнархозов себя не оправдала. Они становились тормозом развития промышленности и других отраслей народного хозяйства¹⁵⁵³. Научно-исследовательские и проектно-конструкторские организации, сосредоточенные в основном в столицах, оказались оторванными от производства. СССР, как и в начале 1930-х годов, вновь стал импортировать технологии. В тех отраслях, где их передача ограничивалась западной стороной из военно-политических соображений (например, электроника), отставание становилось явным. Советские станки, автомобили, сельскохозяйственная, бытовая, вычислительная техника оказывались все менее конкурентоспособными. В экспорте преобладали сырье, промышленные полуфабрикаты, поставлявшиеся по большей части в социалистические и развивающиеся страны.

Серьезно обострилась продовольственная проблема, урожайность скатилась почти к предреволюционному уровню. «Хрущев неистовствовал. Он перестал выезжать на целину и шуметь о ее всеспасающей роли. Он обвинял во всем то Сталина, то Министерство сельского хозяйства, то личные подсобные хозяйства колхозников, коровы и свиньи которого-де съедают весь хлеб, то сельскохозяйственную науку»¹⁵⁵⁴. Стремление управлять положение приводило только к очередным импровизациям. В марте 1963 года был образован Высший совет народного хозяйства, поставленный над всеми органами управления экономикой. Другая реформа делила структуру партии надвое: на промышленную и сельскохозяйственную. Те же принципы были применены в отношении комсомола и других общественных организаций.

«Отсутствие образования часто толкало Никиту Сергеевича к неразумным и бессмысленным новациям, над которыми потешалась вся страна, – констатировал Леонид Млечин. – К тому же к концу его десятилетнего правления ухудшилось экономическое положение. Во многих городах пришлось ввести карточки. Впервые закупили хлеб за границей – 9,4 миллиона тонн зерна, примерно десять процентов полученного урожая. Из магазинов исчезли мука, печенье, пряники, мясо. За молоком выстроились очереди. Репутация Хрущева была подорвана денежной реформой 1961 года, повышением цен. Он утратил свой ореол “народного заступника” от бюрократов и чиновников. А страха он не внушал. С другой стороны, он умудрился настроить против себя партийный аппарат (разрушая привычную систему управления), армию (сокращая офицерский кор-

пус), КГБ (демонстрируя чекистам полнейшее неуважение и отказывая им в привилегиях)»¹⁵⁵⁵.

На сей раз противники Хрущева не промахнулись: на октябрьском пленуме ЦК 1964 года он был отправлен в отставку – редчайший в российской истории случай отстранения от власти живого первого лица. Во главе страны сначала оказался триумвират – Брежnev, избранный первым секретарем ЦК, Алексей Косыгин – председатель правительства и Николай Подгорный – председатель Президиума Верховного Совета.

Какой первый политический шаг сделал Молотов после снятия Хрущева? 11 ноября 1964 года он пишет записку «В Президиум ЦК КПСС»: «В настоящее время одной из самых важных задач КПСС и всего международного коммунистического движения является восстановление нормальных, дружественных, братских отношений с коммунистической партией Китая, что имеет важнейшее значение для восстановления таких же отношений с некоторыми другими коммунистическими партиями – в данных условиях, особенно, в Азии... С другой стороны, в настоящее время США и Западная Германия настойчиво подготавливают создание так называемых “многосторонних ядерных сил” НАТО или около НАТО...

При создавшемся положении Советскому Союзу нельзя ограничиться заявленными протестами. Необходимо сделать более решительный шаг против новых агрессивных мероприятий США, Западной Германии и др. Таким шагом могло бы стать, например, заявление Советского правительства, что в том случае, если США и другие страны НАТО приступят к созданию многонациональных ядерных сил, фактически представляющих атомное оружие реваншистской Западной Германии и другим странам, договор о частичном запрещении атомных испытаний лишается всякого смысла и теряет силу... Внося это предложение на рассмотрение Президиума ЦК КПСС, выражая готовность представить более подробные устные пояснения»¹⁵⁵⁶.

Новому руководству пояснения не понадобятся. Впрочем, Молотов не считал его новым. В марте – апреле 1965 года Молотов пишет записку «О современном моменте»¹⁵⁵⁷. На ее основе в июне – октябре готовит еще более развернутый материал «КПСС и современный момент», где приходит к выводу:

«Коммунистическая партия Советского Союза переживает тяжелый кризис руководства, который все больше перерастает в глубокий кризис партии...

Удаление Хрущева с руководящих постов было первой открытой попыткой в поисках выхода из создавшегося положе-

ния. ЦК КПСС не дал, однако, сколько-нибудь ясного и убедительного объяснения этому факту, уклонившись от такого объяснения. Напротив, руководство партии все делает, чтобы преуменьшить ошибки и умолчать об оппортунистической сущности принимавшихся при Хрущеве политических установок. При таком положении не приходится говорить, что удаление Хрущева с руководящих постов положило действительное начало изживанию кризиса руководства КПСС.

Задача всех задач в настоящее время – вернуть КПСС на революционный путь марксизма-ленинизма. В данных условиях это прежде всего идеологическая и пропагандистская задача: терпеливо, настойчиво и последовательно разъяснять и разоблачать в партии и в широких массах принципиальную и практическую несостоятельность и ревизионистский характер основных политических установок XX–XXI–XXII партийных съездов, навязанных группировкой Хрущева и по существу направленных против революционных основ марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, дошедших в новой Программе КПСС до ренегатского отказа от диктатуры пролетариата в СССР и от ленинских основ самой партии.

С учетом всего этого и должны определяться в настоящих условиях наши *главные политические задачи*.

Восстановление и укрепление революционного единства международного коммунистического движения и стран социалистического лагеря, установление братской сплоченности КПСС (СССР) и КПК (КНР) на основах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма – важнейшая задача марксистов-ленинцев всех стран. В таком единстве – главная опора международного мира и активного противодействия империалистическим войнам, важнейшее условие успехов народно-освободительной антиимпериалистической борьбы в Азии, Африке и Латинской Америке.

Неуклонное улучшение жизни советского народа на основе всестороннего подъема социалистического хозяйства – этим определяются основные задачи внутренней политики КПСС. При разработке и осуществлении мер по новому подъему народного хозяйства (промышленности, сельского хозяйства) необходимо руководствоваться указанием Ленина, что “производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя” и что в этом отношении у нас еще имеется определенное отставание. Чтобы обеспечить высокую производительность труда, необходимо также, чтобы во всех социалистических предприятиях промышленности и сельского хозяйства широко внедрялись

новейшие достижения современной техники производства, лучшие методы механизации и автоматизации производственных процессов, а это требует глубокого знания и активного использования передового технического опыта также других и, в том числе, капиталистических государств. Этому должно содействовать постоянное улучшение системы материального стимулирования. Для повышения производительности общественного труда в СССР ныне особенно необходимо поднять на более высокий научный и технический уровень государственное планирование народного хозяйства и прежде всего планирование развития социалистической индустрии...

Следует осудить проводившиеся в последние годы частые, крайне непродуманные и дорогостоящие реорганизации в промышленности и в сельском хозяйстве, в государственном и партийном аппарате, доходившие до грубого нарушения как Устава КПСС, так и Конституции СССР (например, разъединение партийных и советских органов в республиках, областях и городах по неправильно понятому "производственному принципу"). Замена министерств многочисленными совнархозами немало затормозила развитие промышленности, нанесла заметный ущерб всему народному хозяйству, показав еще раз, куда ведут мелкобуржуазные тенденции в государственном руководстве. Прикрываемая фальшивыми фразами об интересах колхозов ликвидация машинно-тракторных станций (МТС) не облегчила, а задержала подъем колхозного производства. Необходимо покончить с бесплановым, шарахающимся то в одну, то в другую сторону капитальным строительством, затрудняющим нужное развертывание промышленного, сельскохозяйственного, жилищного и другого строительства в соответствии с нашими наиболее назревшими нуждами, включая нужды мощной обороны страны, вызванными необходимостью ускоренного развертывания наиболее передовых отраслей промышленности, а также современной базы развития советской науки...

Необходимо покончить с хрущевской практикой демагогического обмана масс, вроде того, как прославлявшаяся Хрущевым денежная реформа 1961 года, за которой, вопреки обещаниям Хрущева, последовало значительное повышение цен на товары, что подрывало доверие населения к мероприятиям государства; безрассудные меры по лишению колхозников личного скота и значительной части приусадебных участков, вызвавшие ухудшение положения колхозников; торопливая совхозизация колхозов, отнявшая землю у многих тысяч колхозов и обременившая государственное хозяйство; чрезмерные

масштабы освоения целинных земель, отвлекшие от главных районов сельского хозяйства большие ресурсы государства на фактически авантюристические проекты; несостоятельная реформа школьного дела, провал которой нанес ущерб делу обучения школьников; низкие потолки и совмещенные санузлы в новых домах, что было результатом некритического копирования жилищного строительства в буржуазных странах, и др.

Только полное преодоление господства *хрущевской ревизионистской группировки* вернет партию на испытанный революционный путь марксизма-ленинизма... КПСС превратилась в полуреформистскую, полусоциал-демократическую партию, в которой, однако, еще сильны революционные традиции – по крайней мере, в лучшей ее части. Поэтому нельзя считать, что КПСС уже не может поправить свою политическую линию, что КПСС уже не может вернуться на революционные позиции марксизма-ленинизма.

Тот факт, что в октябре 1964 года ЦК выбросил из своих рядов Хрущева, как много наделавшего вредного в практических делах КПСС и СССР, говорит о том, что в партии существуют подспудные силы, глубоко недовольные создавшимся внутрипартийным положением. Хотя мотивы “свержения” Хрущева были, как видно, узко практическими, решения октябряского Пленума ЦК симптоматичны. Факт “восстания” самих хрущевцев против Хрущева – немаловажный факт. Он свидетельствует о том, что недовольство Хрущевым зашло слишком далеко, хотя едва ли это недовольство уже вполне осознано и для всех вчерашних поклонников Хрущева имеет одинаковое значение, одинаковый политический смысл. С другой стороны, видно, что основных ревизионистских установок эта оппозиция Хрущеву пока не касается, не отрицает. Приближается время, когда в КПСС поднимутся голоса за пересмотр нынешних насквозь оппортунистических основ ее политики, ее идеологии»¹⁵⁵⁸.

Преемники Хрущева не тронули идеологию, за которую до начала 1980-х годов отвечал Суслов. Но поменяли систему управления экономикой. Затем с совнархозами была признана ошибочной и осуждена как «волюнтаризм и администрирование». На сентябрьском пленуме 1965 года были упразднены совнархозы и вновь образованы прежние отраслевые министерства. Однако они уже не располагали прежним весом и самостоятельностью, поскольку не могли принимать важные решения без согласования с сохранявшимися и усиливавшимися отраслевыми отделами ЦК КПСС. Столкновения между министерствами и ЦК были одной из важных причин заминок в проведении экономических реформ 1960-х годов.

В октябре – ноябре 1965 года Молотов пишет записку «О ритмичности работы промышленности СССР»: «Решения сентябрьского Пленума ЦК в ряде отношений должны сыграть известную положительную роль. Достаточно сказать, что восстановление министерств и упразднение злополучных совнархозов, безусловно, должно помочь делу. С другой стороны, роль экономических стимулов (при известной пользе от улучшения этого дела, когда это сочетается с устранением многочисленных еще бюрократических излишеств в осуществлении практики хозрасчета) слишком раздувается, преувеличивается. Но решения сентябрьского Пленума ЦК хотя и могут оказаться полезными, идут не по главному направлению строительства социализма, а скорее, наоборот, – толкают не вперед, а назад, выражая (за исключением восстановления министерств) правооппортунистические тенденции в политике партии.

Ни для кого из работающих в промышленности товарищей не секрет, что в работе даже лучших наших промышленных предприятий много безалаберности, существующей во многих случаях не по вине только самих руководителей предприятий. Особенно скаживается постоянно или периодически повторяющаяся неналаженность, несистематичность, то есть неорганизованность в материально-техническом снабжении, а также плохая организованность кооперирования между предприятиями... Сегодня главное заключается в том, что в наших народно-хозяйственных (годовых, пятилетних) планах систематически и сознательно допускаются такие существенные неувязки и такое большое их количество, что сами государственные планы неизбежно обрекают многие промышленные предприятия на плохо организованную работу...

Основной недостаток последнего Пленума ЦК заключается в том, что его решения, хотя и исправляют грубую оппортунистическую ошибку с созданием СНХозов, дают, однако, новый крен вправо, раздувая вопрос об экономических стимулах, но не делают ни одного действительного шага вперед в деле социалистической организованности нашей промышленности»¹⁵⁵⁹.

Надежды Молотова на возвращение партии к последовательным марксистско-ленинским принципам оказались утопичными. Он был последним активным ленинистом.

Старейший большевик

Молотов никогда не оставлял надежды на восстановление в партии. 4 марта 1966 года он писал: «Первому секретарю ЦК КПСС тов. Брежневу Л. И. В связи с предшествую-

щим XXIII-м съездом КПСС прошу принять меня по вопросу о восстановлении в правах члена КПСС. В. Молотов. Мой тел. К4-94-65»¹⁵⁶⁰. Телефон не зазвонил.

А Полина Семеновна между тем была занята более прагматическим вопросом и обратилась к руководству Совмина с просьбой о предоставлении дачи: «Если вы его не уважаете, то я все-таки была наркомом и членом ЦК»¹⁵⁶¹. Удовлетворению просьбы способствовало и такое обстоятельство. Молотов много гулял, в том числе и по городу. И его прогулки в центре Москвы порой выглядели как процесии, поскольку за ним пристраивался народ. Кто-то из-за любопытства, кто-то хотел пожать руку, кто-то поговорить. Молотов часто не отказывался от разговоров, особенно если тональность его устраивала. Авторитет Молотова был по-прежнему высок и за рубежом. Де Гольль, приехавший с визитом в СССР в 1966 году и реанимировавший идеи Молотова о системе европейской безопасности в концепции «Европы от Атлантики до Урала», прислал Молотову с нарочным том своей биографии с дарственной надписью. В тот приезд он также возложил венок на могилу Сталина. И долго стоял, держа руку под козырек.

У Молотовых появилась дача в Жуковке-2. Двухэтажная, деревянная, покрашенная желтой краской, она носила номер 18 и располагалась прямо у железной дороги недалеко от станции Ильинское Усовской ветки Белорусской железной дороги. Хорошо, что поезда там ходили не часто – дважды в час. Налево от входа в дом была самая большая комната с зелеными обоями в узорах – столовая, она же гостиная площадью метров пятнадцать. Из нее можно было попасть на террасу, которая превращалась в столовую в летнее время. Прямо от входной двери располагалась небольшая комната, которая была спальней бабушки, потом гостевой, а направо – комната, где жила домработница, туалет, ванная и кухонька. Из кухни был выход на улицу и в котельную, где стоял угольный котел, от которого отапливался дом. В маленькой комнате наверху с выходом на балкон были одновременно дедов кабинет и спальня. Моя кровать стояла у его двери на лестничном пролете. Большую часть времени Молотов теперь жил на даче, и я лето чаще всего проводил там. Вместе мы были и каждое воскресенье.

Полина Семеновна умело руководила домом, избавив супруга от ненужных хлопот по хозяйству. К ней в гости постоянно приходило большое количество подруг, в основном бывших коллег по текстильной промышленности и по попечительскому совету детского дома № 22. Вспоминали прошлое, играли в джин. Вообще к картам она была неравнодушна, могла часами

раскладывать сложные пасьянсы. На внуке ее воспитательский раж иссяк, я был избавлен от большей части тех занятий – языками и музыкой, – которые навалились на маму и сестер. Да и денег на это в семье уже не было. Бабушка прививала мне навыки хорошего тона, часто баловала карманной мелочью. Но больше всего, честно говоря, мне нравилось, когда она бегала за мной, визжащим от восторга, со шваброй. Тему ареста бабушки я с дедом никогда не обсуждал, считал это нетактичным.

Дед с бабушкой любили ходить в театр, самым любимым из которых был МХАТ. Старый классический МХАТ Грибова, Яншина. Ходили практически на все премьеры и, конечно, не только на них. Их там, естественно, узнавали. В «Современнике» были на «Восхождении на Фудзияму». Бортников играл миллионера, отталкивающего веревку, на которой собирался вешаться, и срывающего голубой цветок жизни. С этим цветком он спустился в зал и протянул его Полине Семеновне. Бабушка была счастлива. Это было незадолго до ее смерти.

Она угасала стремительно – рак поджелудочной железы шансов не оставлял. Почти весь последний год жизни Полина провела в ЦКБ. И каждое утро Молотов шел к электричке, ехал до станции Кунцево, оттуда на метро до «Молодежной» и автобусом – до больницы, где проводил целый день. И так каждый день. Скончалась она 1 мая 1970 года.

Ольга Аросева запомнила: «Я пришла на Новодевичье кладбище на похороны и поразилась, как много было народа – и ее, и его друзей. Я узнала Микояна, внука Сталина подполковника Джугашвили, очень похожего на деда. Старенький Булганин в штатском, а не в генеральской форме, спрашивал: “Выпить, выпить-то дадут? Куда ехать?” Поехали на Грановского. Молотов сел со мной рядом, и Светка не отходила от меня ни на шаг, тихо плакала на моем плече. И муж ее, очень хороший человек, Алеша, профессор (хоть в этом ей, несчастливой, повезло), был рядом. Я всегда Светку к себе приглашала – на разные праздники, в ВТО с собой таскала. Ей жилось невесело и материально трудно. Сталинские сановники не крали; тех, которые крали, вождь расстреливал»¹⁵⁶².

Клементина Черчилль, вдова английского премьера, присла Молотову соболезнование по случаю смерти супруги. На конверте адрес: «Москва. Кремль. Молотову». Памятник бабушке взялся сделать известный скульптор Вучетич.

После смерти супруги добрыми феями, обеспечившими порядок и уют в доме, была домработница Татьяна Тарасова – работящая добрая женщина из Тульской деревни и племянница

бабушки Сарра Михайловна, перебравшаяся в Москву из Сум, где работала в органах внутренних дел. Часто приезжали дочь с зятем, мы с сестрами.

Светлана трудилась все в том же Институте всеобщей истории АН СССР, до скончания дней. Жизнь ее была обыкновенной для научного работника. Семья, Ленинка и ИНИОН, институт, культурная жизнь, за которой мама всегда следила с особо пристальным вниманием. Писала она дома. Ее стол был вечно завален выписками, рукописями, книгами с пометками на полях. Издала монографии: «Внешняя политика британских консерваторов», «Германия и Англия от Локарно до Лозанны», «Очерки европейской политики Германии», десятки статей. Готовила докторскую, но так и не успела... Она была необычной матерью – умным и остроумным собеседником, знавшим много интересного. Я не представляю, что бы без нее делал, осваивая в школе английский или литературу – здесь она была для меня непревзойденным педагогом. Она была любящей дочерью, женой, матерью, ласковой, по-своему заботливой (насколько может быть заботливой женщина, не умеющая готовить или стирать).

Она очень много и очень быстро читала. Не только и, пожалуй, не столько научную, сколько художественную литературу, исследования по искусствоведению и культурологии. Классику она знала всю, причем зарубежную, пожалуй, лучше, чем отечественную. Обожала детективы – где-то раздобыла всю Агату Кристи на английском языке, прочла всё. И меня приобщила к своему увлечению. Мама старалась оставаться светским человеком – не пропускала основные театральные премьеры, репертуары Большого, Ленкома, Таганки знала наизусть, часто брала нас, детей, с собой на спектакли, причем нередко на такие, которые сама раньше уже видела. Под конец жизни буквально влюбилась в оперетту. А когда начинался очередной Московский кинофестиваль, маму невозможно было увидеть дома. Она упархивала с раннего утра и успевала посмотреть за день несколько фильмов в разных кинотеатрах.

Очень трогательно Светлана общалась со своим отцом. Ездила по выходным к нему на дачу, и там они подолгу ворковали. Маме порой за «нетвердость коммунистических взглядов», увлечение новейшими веяниями моды и литературным декадансом доставалось от деда. Все годы после опалы Молотова, и я это хорошо чувствовал, мама жила в собственном мире, во многом ею же и выдуманном. Жила в построенной ею раковине, ограждавшей от внешних невзгод. Она старалась не отказываться от своих прежних привычек, оставаться рафиниро-

ванно интеллигентной и светской, избавленной от житейских проблем, хотя материально уже не могла себе этого позволить. Мама постоянно занимала и перезанимала деньги, носила вещи в ломбард и всегда была кому-то должна. Она инстинктивно сторонилась текущей политики, все время опасаясь какого-нибудь подвоха, не была активной общественницей, старалась не влезать в политические диспуты или внутриинститутские интриги. И была не способна кого-то обидеть. Мама была очень ранимой и плохо защищенной от превратностей судьбы.

Настоящей опорой семьи в непростое время стал зять Алексей Дмитриевич. Молотов испытывал к нему исключительное уважение и признательность. И не только за то, что на него можно было полностью положиться, или за то, что он умел все, у него были золотые руки. Ровесник революции, Алексей Никонов происходил из купеческой семьи (хотя узнал я об этом «порочащем» обстоятельстве уже несколько лет спустя после его смерти). В центре Тамбова и сегодня стоит «дом Никонова» (отделение Центрального банка по области), построенный его дедом, принявшим еще и сан священника. Но родился Алексей в Москве, воспитывался в семье отчима, известного врача Красовского, пациентами которого были Шаляпин, братья Васнецовы. Стал студентом второго набора исторического факультета МГУ, блестяще его окончил, поступил в аспирантуру. Когда готовились к войне, осваивал специальность штурмана дальней авиации, но служить пришлось в Смерше. Воевал под Москвой, на Кавказе, в составе 4-го Украинского фронта освобождал Будапешт и Вену. Закончил войну в звании капитана, был трижды орденоносцем. После войны вернулся в МГУ, защитил кандидатскую, преподавал и на истфаке университета, и в МГИМО, где и познакомился со Светланой.

Молотов ценил его блестящий ум и эрудицию. Алексей был для него основной «референтной группой», главным собеседником, первым читателем всех его записок. Чувствовалось, как дед всегда его ждал и радовался каждому его приходу или приезду. Они часами гуляли, обсуждали рукописи, играли в домино. Алексей был выдающимся ученым-международником и блестящим лектором. От многих самых видных наших дипломатов я слышал отзывы о нем как наиболее запомнившемся им преподавателем. Но после 1957 года он 35 лет проработал в одном месте – в Институте мировой экономики и международных отношений Академии наук. Занимался главным образом закрытой тематикой, связанной с контролем над вооружениями. Основная масса его трудов выполнена в жанре аналитических записок для служебного пользования в ЦК КПСС. Отец

первым в семье, уже в начале 1980-х годов, вновь стал выездным из страны – постарались высоко его ценившие бывшие директора ИМЭМО Николай Иноземцев и Евгений Примаков. В последние годы холодной войны он стал активным участником контактов с западным экспертным сообществом.

Жизнелюб, трудоголик, неугомонный рассказчик с замечательным чувством юмора, постоянно читавший, писавший, что-то мастеривший и чинивший, проявлявший фотографии, он всегда был душой любой компании, друзей и родственников. А компании собирались дома большие, на Новый год или дни рождения – по несколько десятков человек. Летом как минимум на месяц он уходил с коллегами и друзьями в байкальско-яхтенные походы – по всей России, от Карелии до Байкала, но чаще – на Селигер и окрестные озера, причем с десяти лет и я принимал в них неизменное участие.

Молотов намного пережил своих братьев и сестер. Я застал только его сестру Зинаиду, которая была бездетной, и брата Николая, у которого было двое сыновей – Николай и Олег. Из Скрябина чаще других у нас бывали племянник Влад, полковник Генштаба, с сыном Сергеем и женой Лидией – примой легендарного ансамбля Моисеева. Племянница Зоя Викторовна, когда приезжала из Воронежа, часто гостила у Молотова месяцами.

Частыми гостями были братья моего отца Клавдий, Николай Никоновы и Владимир Красовский с супругами Тамарой, Лидией и Галиной, а также с их детьми – моими двоюродными братьями и сестрами – Ириной, Олей, Юрай, Сашей.

В Жуковке жило много разного любопытного народа, с которым мы регулярно сталкивались на прогулках. Непосредственными соседями были Олег Лупов из Управления делами Совмина, вдова Вознесенского и Юдины. На той же 2-й Жуковке жили легендарный летчик Покрышкин, бывший секретарь компартии Грузии Мжаванадзе, председатель Гостелерадио Лапин, семья Тевояна. После смерти Хрущева там появилась и его семья. На 1-й Жуковке жил с семьей Олег Трояновский, министр образования Елютин. На 3-й – Смирюков. Булганин жил на собственной даче, которая располагалась вне поселка, ближе к реке, за высоким забором. Там же, в Жуковке, были и огромные, не в пример совминовским, дачи академиков. В ряду академических наибольшее внимание привлекала дача виолончелиста Ростроповича, главным образом из-за того, что именно там, над гаражом, квартировал опальный Александр Солженицын.

В обычный круг частых гостей входили работавший в издательстве «Советская энциклопедия» (и сам – ходячая эн-

циклопедия) университетский друг отца Лев Петров вместе с супругой Галиной, которая руководила Музеем древнерусского искусства им. Рублева, и сыном Алексеем. Часто бывали Соня, росшая вместе со Светланой, с мужем Марком Цейтлиным, Георгий Арутюнов вместе с женой Марией Николаевной (раньше она работала в бабушкиной охране), Александр и Инна Ушаковы – литератороведы. Из пишущей братии приезжал чаще других поэт Феликс Чуев, друг Молотова с Нижнего Новгорода Сергей Малашкин, юморист Борис Привалов, писатель Иван Стаднюк. Много было гостей из Грузии, которых привозили с собой внук Сталина полковник Джугашвили, генерал Джорджадзе и Шота Квантаришвили.

К 50-летию Великого Октября Молотову повысили пенсию до 250 рублей. Кирилл Мазуров в беседе с Чуевым связал это со своей инициативой: «Когда я узнал, что Молотов получает 120 рублей, поговорил с Косыгиным, и мы решили ему повысить.

– Только этому не будем говорить, – сказал Алексей Николаевич и провел пальцем по бровям (намек на Брежнева. – В. Н.). – Молотов есть Молотов»¹⁵⁶³.

Появились и волшебные «талоны на диетическое питание». Они представляли собой небольшую белую книжечку, в которой было 30 страничек, разделенных посередине перфорацией. На верхней части было написано «обед» за такое-то число, на нижней – «ужин». По этим талонам в специальной столовой, которая располагалась в красивом особняке во дворе кремлевской больницы на улице Грановского, дом 2 (доступ к особняку закрыт до сих пор), обладатель книжицы мог пообедать и поужинать, при этом соответствующие талоны отрывались. Не помню, чтобы кто-то из нашей семьи там хоть раз обедал или ужинал. Зато на талоны можно было взять энное количество сосисок, докторской колбасы, а то и деликатесов – вплоть до икры. Самым большим деликатесом считалась вобла. Причем волшебность книжицы заключалась не только в этом: она стоила 60 рублей, а набрать продуктов можно было на 120.

Впрочем, деликатесы предназначались больше для многочисленных гостей. У Молотова была довольно стандартная диета. На завтрак, как правило, творог с протертой смородиной, гречневая каша с молоком. На обед из обязательной программы были селедка, винегрет. Суп мог быть разный – борщ, щи. И какое-то мясное или рыбное блюдо. За обедом позволял рюмку-другую (именно рюмку) вина. Или коньяка, о котором шутил, что народ пьет его устами своих лучших представителей. Чуев после первых встреч с Молотовым подметил: «Что сразу

бралось в глаза – скромен, точен и бережлив. Следил, чтобы зря ничего не пропадало, чтоб свет, например, попусту не горел в других комнатах. Вещи носил подолгу – в той же шапке, в том же пальто он еще на правительственные снимках. Дома – плотная коричневая рубаха навыпуск, на праздник – серый костюм, темный галстук»¹⁵⁶⁴.

Лет до девяноста дед курил. Признавал, как я помню, только сигареты «Новость» в мягкой зеленой упаковке, короткие, с белым фильтром, запасы которых хранились у него годами и в больших количествах. Но курил немного: максимум пяток сигарет в день. Похоже, даже не затягивался. Бабушка предполагала ароматизированные сигареты типа «Золотого руна», которые обязательно вставляла в длинный пластмассовый мундштук.

Дни рождения деда мы всегда отмечали. Но с особенным энтузиазмом он относился к юбилеям тех дел и событий, к которым чувствовал себя причастным. Особенно значимыми в его жизни были годовщины Октябрьской революции и Победы в Великой Отечественной войне. На День Победы были тосты и за неизвестного солдата, и «неизвестного Верховного главнокомандующего».

Практически каждый год дед отправлялся на несколько недель в ЦКБ в Кунцево – и когда хворал (чаще в связи с легкими), и для обследования. Три недели в году он мог провести в санатории. Обычно это было «Подмосковье» или «Русь». Естественно, вместе с бабушкой, пока она была жива. В больнице и в санаториях он встречался и со своими сослуживцами, работниками собственного секретариата, отставными министрами. Молотову несли в его палату большое количество цветов, и он немедленно осчастливал ими врачей и няньек, потому что не терпел цветочный запах, особенно там, где спал.

Он продолжал следить за всеми новинками печатной продукции. Почтальоны доставляли ему «Правду» и «Известия», «Экономическую газету», «Вопросы экономики», «Вопросы философии», «Вопросы истории КПСС». Все это внимательно прочитывалось с карандашом в руках. Кроме того, в круг обязательного чтения входили «Новый мир», «Звезда», «Наш современник», «Москва», «Иностранная литература».

Из советских писателей Молотов выделял Горького и Шолохова. Довольно сложно относился к Пастернаку. Он высоко ценил его творчество, часто цитировал стихи, но не любил «Доктора Живаго».

– Свеча горела на столе, свеча горела... Свеча контрреволюции¹⁵⁶⁵.

Он чтил поэзию Владимира Маяковского, Александра Блока, Андрея Белого. И откровенно не любил поэтов-акмеистов – Ахматову, Гумилева, Мандельштама. Твардовского считал выдающимся поэтом, но «с гнильцой». Сильно его раздражал Евтушенко. Заходил к Молотову Федор Абрамов. Дед ценил его как художника и как человека, но не считал настоящим коммунистом. Приблизительно так же характеризовал Залыгина, Василия Быкова. Любил Валентина Расputина.

Посмотрели «Калину красную» Шукшина.

– Нельзя сказать, что антисоветская. Но ничего советского.

Хвалил романы Пикуля за их живость.

Конечно, он был сторонником социалистического реализма. Но это не было для него догмой.

– Тургенев о большевиках не писал, а остался Тургеневым¹⁵⁶⁶.

Интересовался и широким кругом зарубежных авторов. Весь дом был заставлен хорошо читавшимися собраниями сочинений Данте, Шекспира, Гёте, Шиллера, Гейне, Бальзака, Диккенса, Стендalia, Теккерея, Лондона, Гюго, Марка Твена, Эмиля Верхарна и даже Александра Дюма и Жюля Верна.

…В августе 1971 года очередное письмо Брежневу выземело последствия – наконец-то вызвал на парткомиссию. Беседовал с не запомнившимся ему завотделом по поводу заявления о восстановлении в партии. Тот спросил: нет ли чего добавить к заявлению?

– Нет.

– Ваше отношение к политике 30-х годов?

– Я несу ответственность за ту политику и считаю ее правильной. Я признаю, что были допущены крупные ошибки и перегибы, но в целом политика была правильной.

Молотову вновь предъявили два обвинения: злоупотребление властью в 1930-е годы и участие в антипартийной группе.

– Да, мы допустили определенную групповщину, но мы хотели снять Хрущева, что впоследствии партия и сделала. Мы считали, что это надо было сделать на несколько лет раньше¹⁵⁶⁷.

Больше вопросов у завотдела не возникло. А Молотов продолжал писать заявления о восстановлении после каждого съезда партии – пусть новый состав ЦК глянет свежими глазами.

В 1973 году по окончании школы передо мной встал извечный российский вопрос: «что делать?» Сверстники и друзья по двору собирались или в военные училища, или в МГИМО, но я пошел на истфак МГУ. Решающую роль в этом выборе сыграл отец, но дед мой выбор тоже одобрил.

– Единственная настоящая наука – это история. Она – наука всех наук. И если взять ее в полном масштабе, она нам, конечно, дает наиболее эффективные, наиболее точные картины всей жизни, событий и так далее, но все-таки ее препарирует каждый по-своему¹⁵⁶⁸.

В 1975 году, благодаря Смиртюкову, произошел следующий скачок в благосостоянии Молотова. «Для себя – в материальном плане – он не просил ничего, – писал управляющий делами Совмина о Молотове. – Жил он в маленькой деревянной даче в Жуковке, которую мы ему выделили. До 90 лет ездил в поликлинику на электричке. Всегда там сидел в общей очереди, хотя все, конечно, предлагали пропустить его. Как-то мой товарищ Олег Лупов, живший на даче рядом с Молотовым, рассказал мне, что Вячеслав Михайлович бедствует. Пенсия у него была 300 рублей в месяц, но из них он полностью платил за дачу, уголь, истопнику и женщине, которая помогала им по хозяйству, и у них не оставалось практически ничего. Мы приняли решение об увеличении им с Кагановичем пенсии на 50 рублей, освободили от платы за дачу и уголь. Истопнику и сестре-хозяйке дали зарплату»¹⁵⁶⁹.

На самом деле – пенсию повысили с 250 до 300 рублей. А дачу действительно перевели на полное государственное обеспечение – Молотов больше не платил за пользование ею. Кастрюли, сковородки и посуда приобрели статус госимущества и при необходимости подлежали бесплатной замене. Домработница Таня стала госслужащим в должности поварихи и стала получать зарплату в кантине поселка. Теперь дед шиковал. Каждый год на день рождения он дарил мне 100 рублей, что для студента было сумасшедшими деньгами. В финансовых вопросах он всегда был предельно скрупулезен. Даже когда брал в долг у моих родителей, отдавал все до копейки, несмотря на сопротивление и возражения.

Смиртюков встретил Молотова на похоронах Булганина в 1975 году. «Он стоял в сторонке один. Я подошел, говорю: “Вячеслав Михайлович, давайте подойдем ближе, простимся”. Он был очень тронут этим проявлением внимания»¹⁵⁷⁰.

Тогда же с ним встретился Владимир Ерофеев: «Вид у него был действительно неплохой, посвежевший, даже с румянцем. Я поинтересовался, чем он занимается, пишет ли что-нибудь? Он рассказал о своем распорядке дня. Встаю рано, в полседьмого утра, по-стариковски не спится. Завтракаю и гуляю по лесу часа полтора. Потом сажусь работать до обеда, обедаю всегда в час дня. Затем минут на 30–40 ложусь поспать, после чего опять гуляю и снова работаю до вечера. Ну, а там смотрю те-

левизор, читаю и выхожу перед сном немножко проветриться. Спать ложусь в одиннадцать часов, в постели читаю беллетристику, как привык это делать всю жизнь, даже когда работал»¹⁵⁷¹. Прогулки были длительными – по асфальтовым дорогам и по лесу – и продолжались менее часа только тогда, когда температура опускалась ниже минус тридцати.

Продолжал очень пристально следить за текущей политической. Сильно переживал по поводу революционных боев, которые вели коммунисты и другие левые силы в различных уголках Земли. Много в его записках о войне США в Индокитае: «Вьетнам – непобедим, так как здесь самоотверженно борющийся за свою национальную и социальную свободу народ опирается на великую поддержку социалистических стран и на активное сочувствие всего прогрессивного человечества. Несмотря на все огромные богатства и военное могущество, американский империализм терпит все новые позорные поражения в сравнительно небольшой стране – Вьетнаме, да и во всем Индокитае, приближаясь здесь к своему неизбежному поражению»¹⁵⁷². Возмущался, когда при нем кто-то говорил о ненужности оказания помощи Вьетконгу: «Мещанская точка зрения. Те же дерутся за нас больше, чем даже за себя! Они гибнут. А с точки зрения ослабления империализма, который для нас наиболее опасный враг, они делают колоссальное дело... Пример Вьетнама для всего мира: если такой маленький Вьетнам может, благодаря помощи друзей, против американского империализма стоять, чего же Советскому Союзу бояться? Только своей беспомощности, расхоложенности, распущенности»¹⁵⁷³.

Любители слушать зарубежные голоса (Молотов не относился к их числу) нередко рассказывали, как в разных передачах и в хвост, и в гриву ругали его и Сталина.

– Было бы хуже, если б хвалили, – отвечал Молотов¹⁵⁷⁴.

Переживал за судьбу социализма в Чехословакии. «То, что в Чехословакию ввели войска – правильно, и многие это поддерживают, но поддерживают с великодержавных позиций, а я – с коммунистических... Я думаю, как бы у нас такого не было. Ибо сейчас мы находимся в глубокой экономической яме. Выход из нее – не повышение цен. Я думаю, надо менять социальные отношения. Начать с партмаксимума для коммунистов»¹⁵⁷⁵.

Болел за успехи правительства Сальвадора Альенде в Чили и скорбел по поводу его героической гибели от выпестованных американцами пиночетовских путчистов в 1973 году. Всей душой сочувствовал португальской революции роз 1974 года. Переживал за Анголу, которая с кубинской помощью боролась не только за свою независимость от Португалии, но и за свободу

Южной Африки. Социалистические эксперименты в развивающихся странах одобрял, но понимал их ограниченность:

– Конечно, это еще только разговоры о социализме, это не настоящий социализм¹⁵⁷⁶.

В 1970-е годы Молотов писал по-крупному: по теории социализма, о путях возвращения партии на рельсы марксизма-ленинизма. Большим недостатком в деятельности партии он считал отсутствие каких-либо дискуссий по основным проблемам строительства социализма. Сам же он по-прежнему был настроен оптимистично в отношении триумфа социализма в исторической перспективе. «Становится все очевиднее, что капитализм теряет почву под ногами, что капитализм изжил себя, гниет на корню. Капиталистические монополии и поддерживаемые ими капиталистические государства продолжают распоряжаться огромными богатствами, награбленными путем безжалостной эксплуатации трудящихся, а также путем империалистических войн, грабежа колоний и зависимых стран, продолжая и дальше увеличивать накопления богачей, миллионеров, миллиардеров. Капитализм, однако, не может ничего положительного противопоставить тем растущим достижениям в раскрепощении жизни трудящихся, в улучшении быта широких масс, которые за короткое время достигнуты в странах социализма и продолжают расти, несмотря на все препоны со стороны господствующих классов стран империализма». В достижениях СССР и стран народной демократии, росте Китая, успехах национально-освободительного движения, деколонизации, увеличении числа стран соцориентации Молотов видел признаки подъема мирового социализма.

Для продвижения к коммунистическому обществу он считал необходимым решение двух основных задач, сформулированных Марксом и Лениным, – ликвидацию классовых различий и изживание товарно-денежных отношений. «О чём говорит существование в СССР двух общественных классов – рабочего класса и колхозного крестьянства, если иметь в виду экономическую сторону вопроса? О том, что в Советском государстве сегодня не один, а два вида собственности на средства производства... Только продукция государственных предприятий полностью поступает в распоряжение государства и распределяется в том порядке, который устанавливается государством. В отношении продукции колхозов и личного хозяйства колхозников дело обстоит по-другому. Продукция, произведенная колхозами, – собственность колхозов. При наличии двух видов собственности на средства производства социалистическое планирование, распространяющееся на все государство, еще

не может полностью охватывать народное хозяйство. Это означает, что социализм еще не вполне достроен...

Не следует недооценивать того очевидного факта, что при товарно-денежных отношениях создается благоприятная почва для оживления, а то и для усиления таких антисоциалистических тенденций в обществе, как мелкобуржуазное стяжательство и разные потуги к личному обогащению, как спекуляции и изворотливое взяточничество, как всякие хищения и иные способы наживы за счет государства и общественного хозяйства – хотя всему этому не должно быть места в социалистическом обществе. Эти антисоциалистические явления и наблюдающееся кое-где их усиление в свою очередь “подогревают” и оживляют такие, далеко еще не изжитые остатки старого государственного аппарата, как бюрократизм и бездушное отношение к нуждам простых людей, как погоня за “теплыми местечками”, как еще столь живучий карьеризм, особенно в кругах, пристроившихся по-мещански зажиточно и пользующихся некоторыми материальными привилегиями. И все это – несмотря на то, что в социалистическом государстве такие факты признаны нетерпимыми.

Мы вплотную подошли к тем годам, когда должны быть поставлены во весь рост задачи подготовки и постепенного осуществления ликвидации классов в нашей стране. Разумеется, для этого потребуется не одно десятилетие. Но дальнейшее откладывание начала решения этих задач не может быть оправданно. Ныне именно эта основная политическая установка, выраженная в ленинской формуле “социализм есть уничтожение классов”, – эта установка определяет генеральный курс ленинской политики нашей партии».

В декабре 1977 года (редкий случай!) кто-то отреагировал на письмо Молотова. В журнале «Коммунист» он прочитал, будто Ленин писал о развитом социализме. Написал в журнал и был нескованно удивлен, когда ему позвонил главный редактор Косолапов:

– Надо поговорить.

– Пожалуйста.

Прислал машину, которая доставила в редакцию.

– Он сказал, что я прав, возразить мне нечего, – говорил дед. – Ленин действительно этого не говорил, но мы же с вами коммунисты и понимаем политику партии. К сожалению, вы понимаете, я не могу напечатать ваше письмо.

Чувствуя всю иронию ситуации, исключенный из партии Молотов не мог не согласиться.

– Я не настаиваю, но народ обманывать нельзя¹⁵⁷⁷.

Итоги XXV съезда и доклад на нем Брежнева Молотова не сильно впечатлили:

– Отсутствие всякого присутствия. Доклад у него составлен, по-моему, неплохо, грамотно, но слишком много самодовольства, хвастовства. Отсутствие перспективы. Я послал большую бумагу Брежневу – сто семьдесят страниц – с изложением своей точки зрения по всем основным вопросам – о диктатуре пролетариата, о международных делах, о культе личности, о Хрущеве – все изложил.

И этот, и последующие его труды, как и предыдущие, оставались без ответа. Молотов замечал, что появляется новый культ: в теоретических трудах, в тезисах к Первомаю или к годовщине Октября упоминались уже только две фамилии – Ленина и Брежнева. Конечно, серьезную аллергию у Молотова вызывала практика награждения Генерального секретаря многочисленными орденами и медалями, как советскими, так и иностранными.

– Столько золотых звезд – невозможно. Скоро под мышку придется вешать.

Удивлялся присвоению Брежневу воинского звания маршала.

– Ну, ни с какой стороны не маршал.

Ввод войск в Афганистан в 1979 году Молотов приветствовал как вынужденную меру.

– В Афганистане и в других странах мы выращиваем тех людей, которые в дипломатии могут нам помочь. Другого способа у нас нет... Нам нужно Афганистан не терять. Бабрак Кармаль, по-моему, оказался очень полезным человеком. На границе иметь враждебное государство опасно¹⁵⁷⁸.

15 июля 1981 года вновь рассматривали заявление о восстановлении в партии.

– Там член комиссии прочитал доклад – оставить в силе прежнее решение. Мотивируют злоупотреблением властью. Я уж не сказал им, почему они в таком случае не исключили из партии Сталина после смерти¹⁵⁷⁹.

Брежnev умирал в больнице на той же улице Грановского, где находился наш дом. Окна его палаты выходили на окна моей квартиры, откуда можно было наблюдать тени врачей, а то и самого генсека.

– Не только довел страну до ручки, но и народ разложил, – заметил Молотов после смерти генсека.

В течение трех лет скончиваются еще два пациента той же палаты – Андропов и Черненко. Застой в руководящей верхушке оказался для судьбы страны куда большей бедой, чем даже застой в экономике.

Андропова Молотов хорошо знал. И очень высоко ценил:

– Андропов пока ведет себя, по-моему, неплохо. И речь такая спокойная, но твердая, без хвастовства. Напротив, с самокритикой недостатков и прошлого, на это нельзя не обратить внимания, это правильно. И вправо его не тянет. И посередине двух предшественников¹⁵⁸⁰.

7 ноября 1983 года я впервые в жизни услышал от деда тост за действующего руководителя страны:

– За нашу партию, ее Центральный комитет, за товарища Андропова, его здоровье, в котором он, видимо, нуждается... Я считаю, что за последние пару лет большим достижением для нас, коммунистов, стало появление двух человек. Первый – Андропов. Это первая, но приятная неожиданность. Оказывается, в политике он твердый человек, с кругозором. По-видимому, он здорово вырос за годы работы. Оказался вполне надежным. И второй человек – Ярузельский. Я, например, не слыхал такую фамилию до появления его в качестве первого секретаря. Большевиков среди поляков было мало. Но были. Ярузельский нас выручил, по-моему. Раньше для меня такой же неожиданностью был Фидель Кастро.

Хвалил Молотов и Андрея Громыко как министра иностранных дел.

Андропову выпал короткий век на вершине власти.

– Как жалко его, – говорил Молотов, когда Андропов скончался. – Что-то он нашел в подходе политическом, во внешне-политических делах. К Андропову хорошее отношение. Жалко, мало побывал. Хороший человек и руководитель хороший. Андропов явно был не на стороне Хрущева и не на стороне, пожалуй, Брежнева тоже.

Молотов продолжал оставаться историческим оптимистом.

– Я думаю, что мечта контрреволюционеров не будет осуществлена. Наиболее крепким государством остается наше государство. И весь социалистический лагерь. А у буржуазного строя как раз неустойчивое положение¹⁵⁸¹.

Молотов был тогда далеко не одинок в своих оценках. Даже на Западе многие крайне авторитетные эксперты считали советскую модель более перспективной. Джеральд Истер уверяет: «Для специалистов в области сравнительной теории Советский Союз долгое время был образцом успешного государственного строительства. Ведущие теоретики – как из числа сторонников идеи модернизации, так и “государственники” – были согласны, что, хотя использовавшиеся СССР средства были жесткими, конечным продуктом стало эффективно управляемое го-

сударство. Советологи постоянно подкрепляли это суждение многочисленными рассказами о безграничной способности этого государства применять силу, мобилизовать ресурсы и перестраивать общество»¹⁵⁸². Советская система СССР сама по себе не свидетельствовала о его обреченности.

Подачу очередного заявления о восстановлении в партии Молотов не стал приурочивать ни к съезду, ни к какому другому событию. И вот 7 июня 1983 года в половине второго на даче № 18 в Жуковке-2 раздался телефонный звонок. Звонивший представился сотрудником ЦК КПСС, и когда Молотов подошел к телефону, предупредил, что к нему едут гости. В четвертом часу возле дачи остановились две черные «Волги». Двое из приехавших подошли в двери:

– Мы к Вячеславу Михайловичу.

– Сейчас, он одевается наверху.

Рассказывает Сарра Михайловна:

– ...А эти, которые приехали, сели и стали расхваливать Вячеслава Михайловича, какой он человек, как его любят, уважает весь народ. Один говорит: «Какая скромная обстановка!» Другой спрашивает: «Как любит в машине сидеть Вячеслав Михайлович – рядом с водителем или сзади, как он пойдет – с палочкой или без, можно ли по дороге включить ему «Маяк»?» Мы поняли, что едет он на доброе дело, хотя они ничего не сказали. Это же охрана, видимо, они такие конспираторы! «Если что, у нас врач есть!» Но врач не понадобился. Вячеслав Михайлович, как всегда в это время, спустился пить чай, предложил им, они с удовольствием согласились, потом поехали. Сначала одна машина, потом, не сразу, вторая. Мы с Таней стали даже Богу молиться, не подметали пол – чтобы все было хорошо¹⁵⁸³. Молотов надел свежевыглаженный костюм, серый галстук, шляпу.

Кто были эти люди? Генерал «девятки» Михаил Титков рассказывал: «Меня вызывает к себе руководство и отдает приказ отправиться на дачу к Вячеславу Михайловичу Молотову и привезти его в Кремль в кабинет к Константину Устиновичу Черненко, тогдашнему секретарю ЦК КПСС. Молотову о цели поездки приказано было не говорить. Я приезжаю на дачу к Молотову. Представляюсь инструктором ЦК КПСС, предлагаю одеться и проехать со мной в Кремль. Он отнесся ко мне крайне настороженно и с недоверием. Куда и зачем едем? «Инструкторы ЦК так не стригутся», – заявил он мне, однако быстро собрался и сел в машину»,¹⁵⁸⁴.

Привезли на Старую площадь, подняли на лифте на пятый этаж, привели к Черненко.

– Он меня принял в своем кабинете, – рассказывал Молотов. – Сидел за столом. Когда я вошел, он вышел из-за стола на встречу, поздоровался за руку, и мы сели за длинным столом напротив друг друга. Он что-то сказал, но я плохо слышу, а он, бедолага, неважко говорит. Дал мне прочесть постановление, там одна строчка: восстановить Молотова в правах члена Коммунистической партии Советского Союза. Что касается билета – будет оформлен на днях¹⁵⁸⁵.

«Когда же он вернулся обратно после встречи с Черненко, его лицо, настроение изменились до неузнаваемости, – вспоминал Титков. – Он просто сиял от счастья. Причину этой перемены я понял, когда служебная машина въехала в ворота его дачи (у дачи не было ни ворот, ни ограды. – В. Н.). Он выскочил из авто и закричал родным, жившим здесь: “Девчонки, меня в партии восстановили!” От его холодного тона не осталось и следа. Он пригласил меня в дом со словами: “По такому поводу не грех и чайком с бараками побаловатьсь”. И мы вместе с его семьей пили чай с бараками, а он откровенничал: “Я все эти годы верил, что меня восстановят, каждый месяц платил членские взносы, знал, что справедливость восторжествует”. Такие вот были люди, такая эпоха»¹⁵⁸⁶. Собственно, чай он пил с Таней и Сарой Михайловной. Мы с отцом примчались по дедову звонку ближе к ужину, когда «инструктора» уже не было. И пили мы в тот вечер далеко не только чай. Запомнил слова деда:

– А Константин Устинович совсем плох.

12 июня приехали две женщины из райкома, привезли партбилет. № 21057968, год вступления – 1906-й. Он стал старейшим членом партии – стаж 80 лет.

– Больше только у Деда Мороза, – пошутил Молотов.

Для восстановления в партии – да и ни для чего другого – он не поступился ни одним из своих принципов.

В стране об этом не объявили. Но через родных и знакомых сарафанное радио разносило сенсационную весть по стране. И за рубеж. В одном французском журнале напечатали карикатуру с изображением Черненко и Молотова с припиской: «Черненко готовит себе преемника».

– Что ж, Черненко получит теперь некоторую известность, – сказал Молотов, узнав о такой карикатуре.

А сам Черненко на заседании Политбюро 12 июля 1983 года рассказал о встрече с Молотовым, после чего последовал любопытный обмен мнениями:

– Я принимал Вячеслава Михайловича Молотова, беседовал с ним, – поведал генсек. – Он воспринял наше решение с большой радостью и чуть не прослезился. Молотов сказал, что

это решение означает его второе рождение. Молотову сейчас 93 года, но выглядит он достаточно бодрым и говорит твердо. Он заявил, что Политбюро ЦК сохраняет и продолжает ту работу, которую настойчиво вела партия. Только, мол, плохо, что работаете вы, как и мы раньше, допоздна. Молотов рассказал о том, что он интересуется прессой, читает периодические журналы. Он заявил: ведете вы дело правильно, за это и получаете поддержку народа...

— Это важная оценка с его стороны, — заметил министр обороны Дмитрий Устинов.

— В целом мы правильно сделали, что восстановили его в партии, — согласился председатель Совета министров Николай Тихонов.

— Но вслед за этим в ЦК КПСС поступили письма от Малenkova и Кагановича, а также письмо от Шелепина, в котором он заявляет о том, что он-де был последовательным борцом против Хрущева, и излагает ряд своих просьб. Разрешите мне зачитать письмо Кагановича...

Прочитав его, Черненко продолжил:

— Письмо аналогичного содержания с признанием своих ошибок прислал и Маленков...

— А на мой взгляд, Маленкова и Кагановича надо было бы восстановить в партии, — сказал Устинов. — Это все же были деятели, руководители. Скажу прямо, что если бы не Хрущев, то решение об исключении этих людей из партии принято не было бы. Вообще не было бы тех вопиющих безобразий, которые допустил Хрущев по отношению к Сталину. Сталин, что бы там ни говорилось, — это наша история. Ни один враг не принес столько бед, сколько принес нам Хрущев своей политикой в отношении прошлого нашей партии и государства, а также и в отношении Сталина.

— На мой взгляд, надо восстановить в партии эту двойку, — согласился Громыко. — Они входили в состав руководства партии и государства, долгие годы руководили определенными участками работы. Сомневаюсь, что это были люди недостойные. Для Хрущева главная задача заключалась в том, чтобы решить кадровые вопросы, а не выявить ошибки, допущенные отдельными людьми...

— Я хотел бы сообщить, что западные радиостанции передают уже длительное время сообщение о восстановлении Молотова в партии, — предупредил председатель КГБ Чебриков. — Причем они ссылаются на то, что до сих пор трудящиеся нашей страны и партия об этом ничего не знают. Может быть, нам следует поместить сообщение в Информационном бюллетене

ЦК КПСС о восстановлении Молотова в партии? Что касается вопроса о восстановлении в партии Маленкова и Кагановича, то я бы попросил дать нам некоторое время, чтобы подготовить справку о тех резолюциях, которые писали эти деятели на списках репрессированных. Ведь в случае восстановления их в партии можно ожидать немалый поток писем от реабилитированных в 50-х годах, которые, конечно, будут против восстановления их в партии, особенно Кагановича.

– Да, если бы не Хрущев, они не были бы исключены из партии, – заметил Тихонов. – Он нас, нашу политику запачкал и очернил в глазах всего мира.

– Кроме того, при Хрущеве ряд лиц был вообще незаконно реабилитирован, – добавил Чебриков.

– Я думаю, что можно было бы обойтись без публикации в Информационном бюллетене ЦК КПСС сообщения о восстановлении Молотова в партии, – осторожничал Михаил Горбачев. – Отдел организационно-партийной работы мог бы в оперативном порядке сообщить об этом в крайкомы и обкомы партии. Что касается Маленкова и Кагановича, то я тоже выступил бы за их восстановление в партии.

– Да, люди эти уже пожилые, могут и умереть, – философски заметил ленинградский секретарь Романов, который штурмовал зал заседаний Президиума во главе группы членов ЦК, спасших Хрущева в 1957 году.

– В оценке деятельности Хрущева я, как говорится, стою на смерть, – заявил Устинов. – Он нам очень навредил. Подумайте только, что он сделал с нашей историей, со Сталиным. По положительному образу Советского Союза в глазах внешнего мира он нанес непоправимый удар. Не секрет, что западники нас никогда не любили. Но Хрущев им дал в руки такие аргументы, такой материал, который нас опорочил на долгие годы.

– Фактически благодаря этому и родился так называемый еврокоммунизм, – подтвердил Громыко.

– А что он сделал с нашей экономикой! – ужаснулся Тихонов. – Мне самому довелось работать в совнархозе.

– А с партией, разделив ее на промышленные и сельские партийные организации! – возмущался Горбачев.

Суммировал Черненко:

– Я думаю, что по всем этим вопросам мы пока ограничимся обменом мнениями. Но, как вы сами понимаете, к ним еще придется вернуться¹⁵⁸⁷.

Историк Владимир Наумов заметил: «В отношении Хрущева таких жестов прощения или реабилитации сделано не было. По иронии истории Хрущев, а не Молотов в глазах Цент-

рального Комитета оказался, в конце концов, “антипартийным человеком”»¹⁵⁸⁸.

Я успел получить отзывы деда на мою первую научную и писательскую продукцию. В 1984 году тиражом в 60 тысяч экземпляров вышла моя книга «От Эйзенхауэра к Никсону: из истории республиканской партии США», написанная по материалам кандидатской диссертации. Тема предполагала, что материал будет собираться в Соединенных Штатах, но в отличие от моих коллег поехать туда на стажировку мне не разрешали. Дескать, против внука Молотова по всему миру готовятся провокации. Конечно, мне было обидно, но кандидатскую я защищил быстрее сокурсников.

Дед прочел книгу от корки до корки с карандашом в руках. А потом сказал:

– Написана живым языком, хорошо. В общем, полезно читать. Для большинства должна быть интересной. Но объективной, как бы это сказать, политической жизни в Америке еще не получилось¹⁵⁸⁹.

Я обещал в следующей книге – «От Никсона к Рейгану» исправиться. Но ее Молотов уже не прочтет.

Черненко меж тем ушел в мир иной, так и не восстановив в партии Кагановича и Маленкова. Горбачев был первым из советских лидеров, которого Молотов не знал лично. Но когда Михаил Сергеевич стал Генеральным секретарем, он деду скорее нравился, чем нет. Молотов внимательно слушал его выступления, звучавшие по телевидению. Видел он и опасности начинавшейся перестройки. Он не был уверен, являлся ли Горбачев твердым ленинцем. Дед прекрасно понимал смысл и опасность для СССР очередной кампании десталинизации. «Сталина топчут для того, чтобы подобраться к Ленину. А некоторые уже начинают и Ленина. Мол, Сталин его подражатель. В каком смысле? В худшем. Ленин начал концлагеря, создал ЧК, а Сталин продолжил». Десакрализация Ленина и Октябрьской революции лишила компартию легитимности.

– У нас государство молодое, – говорил Молотов в 1985 году. – Не обойтись без личности. Конечно, не такой, как Хрущев – без царя в голове. Без личности не обойтись. Но надо быть очень осторожным. Особенно сейчас.

Молотов в принципе был не против антиалкогольной кампании.

– Очень много пьют. Никогда так не пили. Богаче стали – раз. Более нервные – два, поэтому наркотики нужны. Раньше пили меньше¹⁵⁹⁰.

Но в том виде, в каком проводилась антиалкогольная кампания, она вызывала у Молотова смех. Он говорил, что через это мы уже проходили, и личным примером эту кампанию не поддержал. Во всяком случае, в свои девяносто пять лет рюмку за обедом по-прежнему мог выпить.

В 1986 году 96-й день рождения Молотова пришелся на воскресенье. Гостей был полон дом. Обсуждали только что закончившийся XXVII съезд партии, первый для нового генсека.

— Мало конкретного. Ускорение, ускорение. Торопиться тоже нельзя. Слов немало, дел пока маловато.

Самый витиеватый тост произнес Мжаванадзе.

— Заканчивайте, — прервал его дед. Прерывал он и всех других гостей с длинными тостами. Но не родных. После обеда, как обычно, отправился отдыхать.

Работать хотелось по-прежнему, но делать это становилось все тяжелее. Не мог сосредоточиться, быстро уставал над книгой.

— Понемногу все-таки работать могу. Хочется, чтобы какой-то итог был. А то живу слишком долго. Нет, по-настоящему я не могу работать уже. Начал несколько работ, три, по крайней мере, одна побольше. Надеялся, что сумею кончить, а теперь и надежды ослабели. Боюсь писать, потому что могу что-то напутать¹⁵⁹¹.

Стал дед менее общительным, быстро раздражался. Главным образом из-за того, что плохо слышал собеседника, а слуховым аппаратом пользоваться так и не привык. Близкие люди знали эту его слабость и говорили как можно громче, но всем это не объяснишь. Да и многие привычные дела сам он уже был делать не в состоянии. По несколько раз в неделю то я, то отец приезжали на дачу, чтобы помочь ему помыться в ванне. Прогулки на улице становились все более короткими. Он изменил их теперь не часами и минутами, а фонарными столбами: до какого столба мог дойти. Ходил, сильно припадая на левую сторону и опираясь на трость, подаренную сэром Арчибальдом Керром.

Последнее, что успел Молотов сделать в Жуковке, — перевел деньги в фонд помощи жертвам аварии на Чернобыльской АЭС.

27 июня 1986 года врачи посоветовали ему лечь в больницу. Мы еще гуляли по парку в ЦКБ, хотя и отходили от корпуса недалеко. Ко всему добавилось воспаление легких — его хроническое заболевание, полученное в Монголии.

В день 7 ноября я всегда бывал у деда. Так было и в 1986 году. Я приехал в его больничную палату. Он открыл глаза, улыб-

нился, попытался поприветствовать. Но внятно у него это уже не получилось. Слабо пожал руку, закрыл глаза. За те пару часов, что я провел у его кровати, он еще несколько раз открывал глаза и робко улыбался.

Утром 8 ноября мне позвонили: «Вячеслав Михайлович умер». В тот же день на дачу приехали компетентные люди, забрали все его бумаги, письма, даже семейные фотографии. Сарре Михайловне и Тане дали несколько часов на сборы, после чего дачу опечатали. Так что ни я, ни кто другой из семьи там больше и не был.

В тот момент, когда мне сообщили трагическую весть, я находился в дедовой квартире на Грановского. Раздался звонок: сейчас к вам приедут. Приехали минут через десять. Этого времени мне хватило, чтобы найти большой чемодан, смахнуть туда папки из ящиков дедова письменного стола и засунуть чемодан в кладовку квартиры родителей, благо таковая имелась на черном ходу. Обыск – иначе это трудно назвать – длился часа два. Смотрели даже книги, где были его подчеркивания. Очевидно, что среди приехавших были и архивисты. Забрали много. Чемодан не нашли.

Вскрыл конверт с завещанием. Там лежала сберегательная книжка. Сбережения всей жизни – 500 рублей. Он думал, что их будет достаточно на похороны. Кинулись организовывать похороны по-семейному, но тут позвонили из Управления делами Совмина и заявили, что берут это на себя. Пускать такое дело на самотек было нельзя – абы чего не вышло.

Прощание проходило в траурном зале Центральной клинической больницы. Народу было много, в том числе и иностранных корреспондентов. Дед лежал в обитом красным кумачом гробу, в море алых гвоздик. На подушках – награды, полученные за 40 лет пребывания на высших партийных и государственных должностях. Золотая звезда Героя Социалистического Труда под номером 79 – за производство танков. Четыре ордена Ленина, орден «Знак Почета» и четыре медали: «За оборону Москвы», «За победу над Германией», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и «В память 800-летия Москвы».

Траурным митингом заведовали инстанции. Выступили писатель Иван Стаднюк, председатель совета ветеранов крейсера «Молотов» Евгений Стругов, племянник Влад и Феликс Чуев. Потом мы взяли гроб на руки. Заслуженные люди понесли впереди награды. Подушечку со звездой Героя нес другой Герой – прославленный летчик Байдуков. Засверкали вспышки фотоаппаратов многочисленных корреспондентов. Фотографии похорон мне потом попадались во всех главных западных

изданиях – с полосными некрологами. Но не в отечественных. Из «Известий» и «Вечерней Москвы» люди впервые за десятилетия узнали новость о Молотове: «Совет министров СССР с прискорбием извещает, что 8 ноября 1986 года на 97-м году жизни после продолжительной тяжелой болезни скончался персональный пенсионер союзного значения, член КПСС с 1906 года Молотов В. М., бывший с 1930 по 1941 год Председателем Совета Народных Комиссаров СССР, а с 1941 по 1957 год – первым заместителем Председателя Совнаркома СССР и Совета министров СССР».

На Новодевичьем кладбище водитель катафалка остановился было у трибуны, где обычно звучали прощальные слова, но организаторы дали команду ехать к разверстой могиле. Рядом с ней стояла стела с надписью «Полина Семеновна Жемчужина».

Поминали в родительской квартире на Грановского. Помощь Совмина понадобилась: в доме не было необходимого количества столов, стульев и посуды.

Поэт Михаил Вершинин сказал:

– Молотов – это больше, чем должность. Молотов – больше, чем личность. Это знамя. И его биография – не просто биография, а история, которая не зависит от нас¹⁵⁹².

…Количество цветов на могиле росло и в последующие дни. Появились венки от зарубежных посольств.

Молотов пережил 11 правителей страны.

…Перестройка достигла апогея. Десталинизация, ставшая официальной политикой Горбачева и его идеолога Александра Яковлева, превратилась не только в деленинизацию, но и в отрицание всего советского прошлого. Официальные оценки деятельности Молотова вернулись к формулировкам XXII съезда, а в публицистике, не знавшей предела, пошли еще дальше.

Мама особенно болезненно воспринимала публикации о своем отце, где, мягко говоря, была не только правда. Она ушла в себя, замкнулась, все больше времени проводила в своей запертой комнате. Весной 1989 года вышла статья Льва Разгона, где, помимо прочего, говорилось, будто Светлана Молотова отреклась от собственной матери после ее ареста. Через неделю после этой статьи у меня не стало мамы. Вдруг остановилось сердце. Она не дожила 10 дней до своего 60-летия, к празднованию которого все мы уже начали готовиться.

Мамин прах покоятся на Новодевичьем, в одной могиле с ее родителями. В 1992 году скончался и мой отец. У Светланы и Алексея одна надгробная плита. Когда уходят родители, по-

нимашь, что недодал им в полной мере того тепла, той любви, которых они заслуживали.

Порой мне приходила мысль – какой бы греховной она ни была: хорошо, что дед не дожил до крушения всего, чему он посвятил свою жизнь. Сначала – Варшавского договора и социалистической системы. Затем – сверхдержавы, убитой в Беловежской Пуще, – Советского Союза. А затем – и до утери его остатками – Российской Федерацией – статуса великой державы.

Вторая держава Земли за десятилетие скатилась до уровня 14-й экономики – меньше голландской. Ни одна страна в истории не разваливалась и не теряла своего места в мире столь стремительно. Никогда Россия не была так слаба относительно других центров сил со времен монгольского нашествия. И только с начала XXI века страна – в который раз – начала медленное и непростое возрождение.

…Много ли родственников Молотова продолжает жизненный путь? Как считать. Не все его братья оставили потомство, как и сестра Зинаида. Поколение их детей – племянников Молотова уже ушло из жизни. Внучатых племянников немного. Это внучка старшего брата Молотова – Виктора – Маргарита, которая с дочерью Еленой и ее девочками живет в Красноярске. Внучка брата Николая Надежда живет в Москве, ее недавно ушедшая из жизни сестра Наталья оставила дочь Марию. Внуки Владимира – Сергей (сын Влада), Дмитрий и Ольга Скрябины тоже в столице с чадами и домочадцами.

Прямые потомки Молотова – это трое внуков. Внучка Лариса – литератор и первоклассный переводчик (как еще назвать человека, сделавшего классический перевод на английский стихов Маяковского?). Она в Москве, замужем за выдающимся кардиохирургом Сергеем Королевым.

Люба живет с мужем Юбером Клержо поближе к дочери, которая носит имя прабабушки – Полина. У Поли правнучки – двое очаровательных детей (праправнуоков Молотова) – Алиса и Илья.

Ну и ваш покорный слуга. Пожалуй, я единственный действующий российский политик в третьем поколении. Моя супруга – Нина – и в бизнесе, и в политике.

Трое старших моих сыновей – Алексей, Дмитрий, Михаил – уже взрослые и очень достойные люди. Они в Москве.

Младшему скоро четыре года. Его зовут Вячеслав.

Жизнь продолжается.

Февраль 2016 года

Примечания

Глава первая

¹ Gay G. Molotov. L., 1942. P. 44.

² Коллонтай А. М. Дипломатические дневники. 1922–1940. М., 2001. Т. 2. С. 432–433.

³ Соколов В. В. В. М. Молотов – министр иностранных дел / Исторические портреты. М., 1993. С. 227.

⁴ Ерофеев В. Дипломат. М., 2005. С. 111.

⁵ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 28.

⁶ Рошин А. В. В Наркоминделе накануне войны // Международная жизнь. 1988. № 4. С. 125–126.

⁷ Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993. С. 225.

⁸ Стегний П. Связь времен // Международная жизнь. 2002. № 9–10. С. 32.

⁹ Соколов В. В. В. М. Молотов – министр иностранных дел СССР. С. 240.

¹⁰ Громыко А. А. Памятное. Новые горизонты. Кн. 1. М., 2015. С. 86–87, 96.

¹¹ «Автобиографические записки» В. Н. Павлова – переводчика И. В. Сталина // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 97.

¹² Ерофеев В. Дипломат. М., 2005. С. 21.

¹³ «Автобиографические записки» В. Н. Павлова. С. 97.

¹⁴ Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. С. 223.

¹⁵ Там же. С. 226.

¹⁶ Там же. С. 221.

¹⁷ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 95.

¹⁸ Там же. С. 107.

¹⁹ Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. С. 217.

²⁰ Безыменский Л. А. Советско-германские договоры 1939 г.: новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 25.

²¹ Ерофеев В. Mon chef, camarade Staline // Коммерсантъ. 1999. 5 марта.

²² Roberts G. Molotov. Stalin's Cold Warrior. Wash., 2012. P. 21.

²³ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 300. Д. 2076. Л. 177–179; Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 1. М., 1992. С. 338.

²⁴ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 303. Д. 2093. Л. 60–61; Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 1. С. 342.

²⁵ Hilger G., Mayer A. The Incompatible Allies: A Memoir History of German-Soviet Relations. 1918–1941. N.Y., 1953. P. 295–297.

²⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 7. Д. 66. Л. 21–24; Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 1. С. 339.

²⁷ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. М., 1990. С. 524–525.

²⁸ Безыменский Л. А. Советско-германские договоры 1939 г. С. 15.

²⁹ Кейтель В. Мемуары фельдмаршала. Победы и поражения вермахта. 1938–1945. М., 2004. С. 96.

- ³⁰ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. Л. 296. Д. 2047. Л. 92; Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 1. С. 352.
- ³¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. П. 25. Д. 8. Л. 20 АВП РФ 21; Партийная Второй мировой. Кто и когда начал войну / Нарочницкая Н. А., Фалин В. М. и др. М., 2009. С. 384.
- ³² Партийная Второй мировой. С.14.
- ³³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. П. 26. Д. 18. Л. 119–120; Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 1. С. 363.
- ³⁴ АВП РФ. Ф. 017а. Оп. 1. П. 1. Д. 6. Л. 126; Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 1. С. 375.
- ³⁵ Год кризиса. 1938–1939. Т. 1. С. 530.
- ³⁶ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 13-е изд. Т. 1. М., 2013. С. 159.
- ³⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 1. Д. 2. Л. 24–26; Год кризиса. 1938–1939. Т. 1. С. 482–483.
- ³⁸ Горлов С. А. Советско-германский диалог накануне пакта Молотова–Риббентропа в 1939 г. // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 19–20.
- ³⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 1. Д. 2. Л. 41–47; Год кризиса. 1938–1939. Т. 1. С. 508–511.
- ⁴⁰ Сиполс В. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939–1941. М., 1997. С. 25.
- ⁴¹ Год кризиса. 1938–1939. Т. 1. С. 526–530.
- ⁴² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. П. 26. Д. 18. Л. 146–147; Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. М., 1990. С. 5–6.
- ⁴³ Там же. Ф. 059. Оп. 1. П. 301. Д. 2079. Л. 186–187; Год кризиса. 1938–1939. Т. 2. С. 17.
- ⁴⁴ Gay G. Molotov. L., 1942. Р. 60–61.
- ⁴⁵ Сиполс В. Тайны дипломатические. С. 28.
- ⁴⁶ Strang W. The Moscow Negotiations / Retreat from Power / Ed. by D. Dilkes. L., 1981. Р. 177.
- ⁴⁷ Сиполс В. Тайны дипломатические. С. 57.
- ⁴⁸ Kagan R. Of Paradise and Power. N.Y., 2003. Р. 71.
- ⁴⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 15. Д. 158. Л. 155–162; Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 1. С. 422.
- ⁵⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 346. Л. 202; Москва – Вашингтон: политика и дипломатия Кремля, 1921–1941. Т. 3. М., 2009. С. 657.
- ⁵¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 673. Л. 27 АП РФ. Ф. 329; Москва – Берлин. Политика и дипломатия Кремля 1920–1941. Сборник документов. Т.3. М., 2011. С. 278–280.
- ⁵² Мельтиюхов М. Упущененный шанс Сталина. Схватка за Европу. 1939–1941. М., 2008. С. 49.
- ⁵³ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 303. Д. 2093. Л. 142; Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 1. С. 513.
- ⁵⁴ Сиполс В. Тайны дипломатические. С. 30–31.
- ⁵⁵ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 300. Д. 2077. Л. 168–170; Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 1. С. 557.
- ⁵⁶ Вестник МГИМО–Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009. С. 381–382.
- ⁵⁷ Год кризиса. 1938–1939. Т. 2. С. 145.

⁵⁸ АВП РФ. Ф. 0745. Оп. 14. П. 32. Д. 3. Л. 27–30; Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 1. С. 567–569.

⁵⁹ Documents of British Foreign Policy. 1919–1939. Third Series. Vol. VI. Р. 570–574.

⁶⁰ Год кризиса. 1938–1939. Т. 2. С. 159–162.

⁶¹ Сипольс В. Тайны дипломатические. С. 86.

⁶² Безыменский Л. А. Советско-германские договоры 1939 г. С. 15.

⁶³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 16. Л. 27. Д. 5. Л. 38; Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 1. С. 584.

⁶⁴ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 4. П. 24. Д. 5. Л. 23; Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 1. С. 589.

⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 481. Л. 4–9; Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит / Сост. В. Н. Хаустов. М., 2012. С. 90–91.

⁶⁶ Дело Берия. С. 199.

⁶⁷ Там же. С. 328.

⁶⁸ Там же. С. 224, 199, 200.

⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 25. Л. 156; Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995. С. 171–172.

⁷⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 346. Л. 209–216; Москва–Вашингтон. Т. 3. С. 661–665.

⁷¹ Личный архив Молотова (ЛАМ). Пап. 20. Док. 2.

⁷² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1015. Л. 30–31; Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. С. 172.

⁷³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1016. Л. 33; Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. С. 172.

⁷⁴ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002. С. 314.

⁷⁵ Чубарьян А. О. Советская внешняя политика (1 сентября – конец октября 1939 года) / Война и политика, 1939–1941. М., 2000. С. 7.

⁷⁶ Год кризиса. 1938–1939. Т. 2. С. 184.

⁷⁷ Риббентроп И. фон. Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. М., 1996. С. 137.

⁷⁸ Год кризиса. 1938–1939. Т. 2. С. 232–233, 229–231.

⁷⁹ АВП РФ. Ф. 0745. Оп. 14. П. 32. Д. 3. Л. 44; Год кризиса. 1938–1939. Т. 2. С. 271–272.

⁸⁰ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. М., 1990. С. 269–272.

⁸¹ Bonnet G. Defence de la Paix. Fin d'un Europe. Genève, 1948. Р. 282.

⁸² АВП РФ. Ф. 0745. Оп. 14. П. 32. Д. 3. Л. 47–51; Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. М., 1990. С. 274–276.

⁸³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 173.

⁸⁴ Сипольс В. Тайны дипломатические. С. 77.

⁸⁵ Там же. С. 71.

⁸⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 15. П. 27. Д. 5. Л. 185–199; Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 1. С. 668–669.

⁸⁷ АВП РФ. Ф. 0745. Оп. 14. П. 32. Д. 3. Л. 63–64; Год кризиса. 1938–1939. Т. 2. С. 302.

⁸⁸ Сипольс В. Тайны дипломатические. С. 107.

⁸⁹ АВП РФ. Ф. 0745. Оп. 14. П. 32. Д. 3. Л. 65; Год кризиса. 1938–1939. Т. 2. С. 303.

⁹⁰ Сипольс В. Тайны дипломатические. С. 114–115.

- ⁹¹ Майский И. М. Кто помогал Гитлеру: Из воспоминаний советского посла. М., 1962. С. 184.
- ⁹² Парсаданова В. С. Польша, Германия и СССР между 23 августа и 28 сентября 1939 г. // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 17.
- ⁹³ Мельтиюхов М. Упущеный шанс Сталина. Схватка за Европу 1939–1941. М., 2008. С. 61.
- ⁹⁴ Риббентроп И. фон. Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. М., 1996. С. 140–141.
- ⁹⁵ «Автобиографические записки» В. Н. Павлова. С. 98–99.
- ⁹⁶ Безыменский Л. А. Советско-германские договоры 1939 г. С. 22.
- ⁹⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 8. Д. 77. Л. 1; Год кризиса. 1938–1939. Т. 2. С. 321.
- ⁹⁸ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 19.
- ⁹⁹ См., напр.: Кунгуров А. А. Секретные протоколы, или Кто подделал пакт Молотова–Риббентропа. М., 2014.
- ¹⁰⁰ Bohlen Ch. Witness to History. 1929–1969. L., 1973. Р. 82–83.
- ¹⁰¹ <http://news.kremlin.ru/transcripts/46951>
- ¹⁰² Городецкий Г. Миф «Ледокола»: накануне войны. М., 1995. С. 60, 61.
- ¹⁰³ Bohlen Ch. Witness to History. Р. 85.
- ¹⁰⁴ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 29.
- ¹⁰⁵ Тихвинский С. Л. Заключение советско-японского пакта о нейтралитете 1941 г. // Новая и новейшая история. 1990. № 1. С. 25.
- ¹⁰⁶ Черчиль У. Вторая мировая война. Кн. 1. Т. 1–2. М., 1991. С. 180.
- ¹⁰⁷ Суворов В. Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну? М., 1993. С. 54, 55.
- ¹⁰⁸ Сахаров А. Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация. М., 2004. С. 375.
- ¹⁰⁹ Речь Председателя Совета Народных Комиссаров, народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова на сессии Верховного Совета СССР. 31 августа 1939 г. // Известия. 1939. 1 сентября.
- ¹¹⁰ Робертс Э. Смерч войны. М., 2011. С. 31–32.
- ¹¹¹ АВП РФ. Ф. 0745. Оп. 14. П. 32. Д. 3. Л. 56; Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 2. С. 25.
- ¹¹² АВП РФ. Ф. 011. Оп. 4. П. 24. Д. 5. Л. 29; Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 2. С. 25–26.
- ¹¹³ АВП РФ. Ф. 64. Оп. 3. Д. 673. Л. 161; Москва–Берлин. Политика и дипломатия Кремля 1920–1941. Сборник документов. Т. 3. М., 2011. С. 287.
- ¹¹⁴ Цит. по: Парсаданова В. С. Польша, Германия и СССР между 23 августа и 28 сентября 1939 г. // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 22.
- ¹¹⁵ Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1. М., 1973. С. 252–253.
- ¹¹⁶ Робертс Э. Смерч войны. М., 2011. С. 37, 35.
- ¹¹⁷ Мельтиюхов М. Упущеный шанс Сталина. С. 72–75.
- ¹¹⁸ Там же. С. 81–82.
- ¹¹⁹ СССР – Германия. 1939–1941. Т. 1. Вильнюс, 1989. С. 92–93.
- ¹²⁰ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 294. Д. 2029. Л. 150 АВП РФ 152; Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 2. С. 12.
- ¹²¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 1. Д. 3. Л. 29–30; Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 2. С. 13.

- ¹²² АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 312. Д. 2145. Л. 59; Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 2. С. 33–34.
- ¹²³ Того С. Воспоминания японского дипломата. М., 1996. С. 203–204.
- ¹²⁴ Мерецков К. А. На службе народу. М., 2015. С. 179.
- ¹²⁵ Мельтюхов М. Упущеный шанс Сталина. С. 78, 273–274.
- ¹²⁶ Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995. С. 34; Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 251–252.
- ¹²⁷ Hilger G., Mayer A. The Incompatible Allies. Р. 312–313.
- ¹²⁸ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 313. Д. 2155. Л. 49–51; Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 2. С. 96.
- ¹²⁹ Случ С. З. Советско-германские отношения в сентябре – декабре 1939 г. и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну // Отечественная история. 2000. № 5. С. 51.
- ¹³⁰ Молотов В. М. Речь по радио 17 сентября 1939 г. М., 1939. С. 3–6.
- ¹³¹ Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы. М., 1997. С. 65.
- ¹³² Семиряга М. И. Советский Союз и предвоенный политический кризис // Вопросы истории. 1990. № 9. С. 60.
- ¹³³ Hilger G., Mayer A. The Incompatible Allies. Р. 313.
- ¹³⁴ Чубарьян А. О. Советская внешняя политика (1 сентября – конец октября 1939 года) // Война и политика. 1939–1941. М., 2000. С. 11.
- ¹³⁵ Цит. по: Парсаданова В. С. Польша, Германия и СССР. С. 28.
- ¹³⁶ Риббентроп И. фон. Между Лондоном и Москвой. С. 158.
- ¹³⁷ Там же. С. 161.
- ¹³⁸ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 19.
- ¹³⁹ Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 2. С. 134–135.
- ¹⁴⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. Л. 8. Д. 77. Л. 4; Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 2. С. 136.
- ¹⁴¹ Чубарьян А. О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 – июнь 1941 года. М., 2008. С. 59.
- ¹⁴² Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 2. С. 615–616.
- ¹⁴³ Парсаданова В. С. Польша, Германия и СССР. С. 28.
- ¹⁴⁴ Мельтюхов М. Упущеный шанс Сталина. С. 96–97.
- ¹⁴⁵ Напр.: Мухин Ю. И. Антироссийская подлость. М., 2003.
- ¹⁴⁶ На чаше весов: Эстония и СССР. 1940 год и его последствия. Таллин, 1999. С. 24.
- ¹⁴⁷ Мельтюхов М. Упущеный шанс Сталина. С. 131.
- ¹⁴⁸ От пакта Молотова – Риббентропа до договора о базах. Таллин, 1990. С. 184.
- ¹⁴⁹ На чаше весов: Эстония и СССР. С. 52–53.
- ¹⁵⁰ Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 г. – август 1940 г. М., 1990. С. 75–76.
- ¹⁵¹ Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 2. С. 161–163.
- ¹⁵² Кантор Ю. Прибалтика: война без правил (1939–1945). СПб., 2011. С. 32.
- ¹⁵³ Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М., 2008. С. 57.

- ¹⁵⁴ Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 2. М., 1992. С. 173–176.
- ¹⁵⁵ Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 г. – август 1940 г. М., 1990. С. 138–140.
- ¹⁵⁶ 1941 год. Документы. Кн. 2. М., 1998. С. 596.
- ¹⁵⁷ Молотов В. М. О внешней политике Советского Союза. Доклад на заседании внеочередной 5-й сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва, 31 октября 1939 г. М., 1939. С. 10–12.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 9–10.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 3–7.
- ¹⁶⁰ Мельтюхов М. Упущеный шанс Сталина. Схватка за Европу. 1939–1941. М., 2009. С. 193.
- ¹⁶¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. Т. 1–2. С. 205; Черчилль У. Изречения и размышления / Сост. Ричард М. Лэнгхорт. М., 2012. С. 184.
- ¹⁶² АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 300. Д. 2078. Л. 172–174; Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 2. С. 190–191.
- ¹⁶³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. П. 26. Д. 1. Л. 16–17; Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 2. С. 200–201.
- ¹⁶⁴ Майнштейн Э. фон. Утерянные победы. Воспоминания фельдмаршала. М., 2012. С. 74.
- ¹⁶⁵ АП РФ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 298. Л. 29–32; Документы внешней политики. 1940–22 июня 1941 г. Кн. 1. М., 1995. С. 77–78.
- ¹⁶⁶ Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXII. Кн. 1. С. 213.
- ¹⁶⁷ Чубарьян А. О. Канун трагедии. С. 302–303.
- ¹⁶⁸ Зубко М. «Коктейль Молотова» изобрели финны. Они назвали его так потому, что очень не любили сталинского наркома // Сегодня. 1999. 27 ноября.
- ¹⁶⁹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. Т. 1–2. С. 244.
- ¹⁷⁰ Тайны и уроки Зимней войны. 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. СПб., 2000. С. 14–16; Маннергейм К. Г. Мемуары. М., 1999. С. 222–223.
- ¹⁷¹ Маннергейм К. Г. Мемуары. С. 229.
- ¹⁷² Назаров О. Незнаменитая война // Историк. 2015. Март. С. 67.
- ¹⁷³ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. Л. 297. Д. 2054. Л. 135; Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 2. С. 165–166.
- ¹⁷⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 18. Д. 191. Л. 1–2; Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 2. С. 185–186.
- ¹⁷⁵ АВП РФ. Ф. 06. Д. 193. Л. 7–8; Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 2. М., 1992. С. 208–209.
- ¹⁷⁶ Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров и Народного Комиссара Иностранных Дел на заседании VI сессии Верховного Совета Союза ССР 29 марта 1940 г. // Правда. 1940. 30 марта.
- ¹⁷⁷ Молотов В. М. Речь по радио 29 ноября 1939 г., М., 1939. С. 3–7.
- ¹⁷⁸ Тайны и уроки Зимней войны. С. 427.
- ¹⁷⁹ Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 2. С. 355.
- ¹⁸⁰ Риббентроп И. фон. Между Лондоном и Москвой. С. 172.
- ¹⁸¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 1. Д. 4. Л. 96–97; Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 2. С. 386–387.

- ¹⁸² Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. Т. 1–2. С. 245.
- ¹⁸³ Иванов Р. Сталин и союзники: 1941–1945 гг. Смоленск, 2000.
- С. 134–135.
- ¹⁸⁴ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 313. Д. 2155. Л. 157; Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 2. С. 446.
- ¹⁸⁵ Тайны и уроки Зимней войны. С. 508, 510.
- ¹⁸⁶ Там же. С. 462, 465
- ¹⁸⁷ РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 69. Л. 62; Тайны и уроки Зимней войны. С. 260.
- ¹⁸⁸ Цит. по: Случ С. З. Советско-германские отношения в сентябре – декабре 1939 г. и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну // Отечественная история. 2000. № 6. С. 23.
- ¹⁸⁹ Сиполс В. Тайны дипломатические. С. 177, 187–188.
- ¹⁹⁰ Доклад Председателя Совета народных комиссаров и народного комиссара иностранных дел на заседании VI сессии Верховного Совета Союза ССР 29 марта 1940 г. // Правда. 1940. 30 марта.
- ¹⁹¹ Мерецков К. А. На службе народу. М., 2015. С. 184.
- ¹⁹² Маннергейм К. Г. Мемуары. С. 339.
- ¹⁹³ Верному соратнику Ленина и Сталина – Вячеславу Михайловичу Молотову // Исторический журнал. 1940. Март. С. 3–4.
- ¹⁹⁴ Доклад Председателя Совета народных комиссаров и народного комиссара иностранных дел на заседании VI сессии Верховного Совета Союза ССР 29 марта 1940 г. // Правда. 1940. 30 марта.
- ¹⁹⁵ Цит. по: Назаров О. Незнаменитая война. С. 71.
- ¹⁹⁶ Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999.
- С. 344.
- ¹⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 661. Л. 3–7.
- ¹⁹⁸ Хлевнюк О. В. Политбюро. С. 245.
- ¹⁹⁹ Васильевский А. Дело всей жизни. Неопубликованное. М., 2015.
- С. 101.
- ²⁰⁰ Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. Сталин. Молотов. Берия. Маленков. М., 2000. С 153; Такер Р. Сталин у власти. История и личность. 1928–1941. М., 1997. С. 528.
- ²⁰¹ Сиполс В. Тайны дипломатические. С. 218–220.
- ²⁰² Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 1. С. 212–213.
- ²⁰³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 15. Д. 155. Л. 122–124; Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 1. С. 257–259.
- ²⁰⁴ Гудериан Г. Воспоминания солдата. М., 2012. С. 106.
- ²⁰⁵ Гилберт М. Черчилль: Биография. М., 2015. С. 688.
- ²⁰⁶ Сиполс В. Миссия Криппса в 1940 г. Беседа со Сталиным // Новая и новейшая история. 1992. № 5. С. 23–25.
- ²⁰⁷ Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 1. С. 342–345.
- ²⁰⁸ Цит. по: Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. С. 154.
- ²⁰⁹ Сиполс В. Миссия Криппса в 1940 г. С. 27–28.
- ²¹⁰ Доклад Председателя Совета народных комиссаров и народного комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 1 августа 1940 года // Военная мысль. 1940. № 8. С. 3.
- ²¹¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. Т. 1–2. С. 366.

- ²¹² Сиполс В. Миссия Криппса в 1940 г. С. 34.
- ²¹³ Полпреды сообщают. С. 263–264.
- ²¹⁴ Чубарьян А. О. Канун трагедии. С. 268.
- ²¹⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 21. Д. 239. Л. 9–12, 16–18; П. 27. Д. 356. Л. 21–23, 27–29; Полпреды сообщают. С. 384–390.
- ²¹⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 21. Д. 248. Л. 38–44; Полпреды сообщают. С. 372–376.
- ²¹⁷ Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль. С. 82.
- ²¹⁸ Доклад В. М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 1 августа 1940 года. С. 5.
- ²¹⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 14. Д. 155. Л. 209–215; Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 1. С. 364–368.
- ²²⁰ Риббентроп И. фон. Между Лондоном и Москвой. С. 173.
- ²²¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 15. Д. 155. Л. 1–5; Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 1. С. 374–376.
- ²²² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 17–18.
- ²²³ Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 1. С. 376.
- ²²⁴ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 319. Д. 2194. Л. 89–90; Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 1. С. 385–386.
- ²²⁵ Доклад В. М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 1 августа 1940 года. С. 5–6.
- ²²⁶ Там же. С. 9.
- ²²⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 4–6.
- ²²⁸ Городецкий Г. Миф «Ледокола». С. 133.
- ²²⁹ Цит. по: Наринский М. Советская внешняя политика и Коминтерн 1939–1941 / Война и политика. 1939–1941. М., 2000. С. 42.
- ²³⁰ Сальков А. П. СССР и национально-территориальное переустройство в Юго-Восточной Европе (1938–1941 гг.) // Отечественная история. 2005. № 3. С. 77, 80.
- ²³¹ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 317. Д. 2181. Л. 124; Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 1. С. 606.
- ²³² Волков В. К. Советско-германские отношения во второй половине 1940 г. // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 7.
- ²³³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 15. Д. 157. Л. 16–27; Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 1. С. 615–621.
- ²³⁴ Новиков Н. В. Воспоминания дипломата. Записки 1938–1947. М., 1989. С. 51.
- ²³⁵ Мельтиюхов М. Упущеный шанс Сталина. С. 126.
- ²³⁶ Безыменский Л. А. Визит В. М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. в свете новых документов // Новая и новейшая история. 1995. № 4. С. 127.
- ²³⁷ АП РФ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1161. Л. 66–75.
- ²³⁸ Василевский А. Дело всей жизни. С. 102–103.
- ²³⁹ Сиполс В. Тайны дипломатические. С. 261.
- ²⁴⁰ Рубцов Ю. В. М. Молотов и советская дипломатия во время Второй мировой войны // Международная жизнь. 2015. Апрель. С. 102.
- ²⁴¹ Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 97.
- ²⁴² Кузнецов Н. Г. Накануне. Курсом на победу. М., 1991. С. 253.
- ²⁴³ Яковлев А. Цель жизни. М., 1968. С. 239.

- ²⁴⁴ Василевский А. Дело всей жизни. С. 111.
- ²⁴⁵ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 28.
- ²⁴⁶ Шелленберг В. Лабиринт. М., 1991. С. 142.
- ²⁴⁷ Яковлев А. Цель жизни. С. 239.
- ²⁴⁸ Волков В. К. Советско-германские отношения во второй половине 1940 г. С. 11–12.
- ²⁴⁹ Безыменский Л. А. Визит В. М. Молотова в Берлин. С. 127–128.
- ²⁵⁰ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 338. Д. 2314. Л. 5–6, 7–9; Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941 г. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. М., 1998. С. 47–48.
- ²⁵¹ Speer A. Inside the Third Reich. Phoenix (Ariz.), 1996. Р. 172.
- ²⁵² Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. С. 12, 13.
- ²⁵³ Kissinger H. Diplomacy. N.Y., 1995. Р. 358–359.
- ²⁵⁴ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 22–23.
- ²⁵⁵ Цит. по: Сипольс В. Тайны дипломатические. С. 265.
- ²⁵⁶ Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. Смоленск, 2001. С. 463.
- ²⁵⁷ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 23.
- ²⁵⁸ Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. С. 464.
- ²⁵⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 675. Л. 31–41; Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941 г. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 41–47.
- ²⁶⁰ Яковлев А. Цель жизни. С. 240.
- ²⁶¹ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 23. П. 95. Д. 6. Л. 141–142; Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 94–95.
- ²⁶² Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. С. 168.
- ²⁶³ АВП РФ. Ф. 259. Оп. 1. П. 338. Д. 2314. Л. 11–18; Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 49–51.
- ²⁶⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 675. Л. 84–92; Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941 г. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 56–60.
- ²⁶⁵ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 26, 29.
- ²⁶⁶ Сообщение ТАСС о пребывании В. М. Молотова в Берлине // Известия. 1940. 14 ноября.
- ²⁶⁷ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 24.
- ²⁶⁸ Там же. С. 23.
- ²⁶⁹ Сипольс В. Тайны дипломатические. С. 270.
- ²⁷⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 675. Л. 49–67; Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941 г. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 63–71.
- ²⁷¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 24.
- ²⁷² Kissinger H. Diplomacy. Р. 361, 358.
- ²⁷³ Риббентроп И. фон. Между Лондоном и Москвой. С. 177.
- ²⁷⁴ Черчиль У. Вторая мировая война. Кн. 1. Т. 1–2. С. 556.
- ²⁷⁵ Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. С. 52.
- ²⁷⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 675. Л. 68–82.
- ²⁷⁷ Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941 г. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 80–81.
- ²⁷⁸ Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М., 1989. С. 448.
- ²⁷⁹ Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. С. 463.
- ²⁸⁰ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 26.
- ²⁸¹ Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. С. 466.
- ²⁸² Там же. С. 467, 468.

- ²⁸³ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 339. Д. 2515. Л. 38–39, 54–55; Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 82.
- ²⁸⁴ Риббентроп И. фон. Между Лондоном и Москвой. С. 176, 177.
- ²⁸⁵ Сиполс В. Тайны дипломатические. С. 273.
- ²⁸⁶ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 331. Д. 2275. Л. 105–113; Д. 2272. Л. 155–156; Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 109–111, 114–115.
- ²⁸⁷ Сальков А. П. СССР и национально-территориальное переустройство в Юго-Восточной Европе (1938–1941 гг.) // Отечественная история. 2005. № 3. С. 78.
- ²⁸⁸ Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 152–154.
- ²⁸⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 675. Л. 108–116; Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 135–137.
- ²⁹⁰ Безыменский Л. А. Визит В. М. Молотова в Берлин. С. 140.
- ²⁹¹ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 23. П. 95. Д. 6. Л. 268–272; Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 213–215.
- ²⁹² Цит. по: Кульков Е. Н. Подготовка Германии и ее союзников к нападению на СССР // Вестник МГИМО–Университета. 2009. № 5. С. 40.
- ²⁹³ Наджафов В. Г. Пакт, изменивший ход истории. М., 2015. С. 62.
- ²⁹⁴ Гальдер Ф. Военный дневник. 1940–1941 гг. М., 2003. С. 335.
- ²⁹⁵ Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 80.
- ²⁹⁶ Сиполс В. Тайны дипломатические. С. 350.
- ²⁹⁷ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 24. П. 70. Д. 43. Л. 132–137; Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 1. С. 238–240.
- ²⁹⁸ Цит. по: Рис Л. Сталин, Гитлер и Запад: Тайная дипломатия великих держав. М., 2012. С. 112.
- ²⁹⁹ Печатнов В. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М., 2006. С. 15–16.
- ³⁰⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 1. Д. 4. Л. 37–41; Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 343–344.
- ³⁰¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 1. Д. 4. Л. 42–47; Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 357.
- ³⁰² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 1. Д. 4. Л. 63–66; Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 443–444.
- ³⁰³ Городецкий Г. Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 1999. С. 172.
- ³⁰⁴ Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 136–137.
- ³⁰⁵ Городецкий Г. Роковой самообман. С. 173.
- ³⁰⁶ Гибианский Л. Я. Югославский кризис начала 1941 года и Советский Союз / Война и политика. 1939–1941. М., 2000. С. 207–225; Городецкий Г. Роковой самообман. С. 178–180.
- ³⁰⁷ Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 164.
- ³⁰⁸ Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 10–12.
- ³⁰⁹ Тихвинский С. Л. Заключение советско-японского пакта о нейтралитете 1941 г. С. 28–29.
- ³¹⁰ Доклад Председателя Совета народных комиссаров и народного комиссара иностранных дел на заседании VI сессии Верховного Совета Союза ССР 29 марта 1940 г. // Правда. 1940. 30 марта.

- ³¹¹ Тихвинский С. Л. Заключение советско-японского пакта о нейтралитете 1941 г. С. 30–31.
- ³¹² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 29–30.
- ³¹³ Хлевнюк О. В. Сталин и Молотов. Единоличная диктатура и предпосылки «олигархизации» / Сталин. Сталинизм. Советское общество. М., 2000. С. 278.
- ³¹⁴ Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001. С. 202.
- ³¹⁵ Из дневника председателя Исполкома Коминтерна Г. Димитрова. 20 февраля 1941 года // Коммерсантъ–Власть. 2011. 14 февраля. С. 12.
- ³¹⁶ Хрущев Н. Воспоминания. М., 1997. С. 76–77.
- ³¹⁷ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002. С. 313–314.
- ³¹⁸ Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. С. 165–166.
- ³¹⁹ Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. С. 498.
- ³²⁰ Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995. С. 35; Хлевнюк О. В. Сталин и Молотов. С. 278–279.
- ³²¹ Хлевнюк О. В. Сталин и Молотов. С. 279.
- ³²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1039. Л. 10; Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. С. 34–35.
- ³²³ Roberts G. Molotov. Stalin's Cold Warrior. Wash., 2012. P. 12.
- ³²⁴ Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. С. 444.
- ³²⁵ Чубарьян А. О. Канун трагедии. С. 447.
- ³²⁶ Байбаков Н. К. От Сталина до Ельцина / Байбаков Н. К. Собрание сочинений. Т. 5. М., 2011. С. 14–15.
- ³²⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 7. Экономика и оружие войны. М., 2013. С. 21–22.
- ³²⁸ Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. N.Y.-L., 2014. P. 71, 220.
- ³²⁹ Мельтюхов М. Упущеный шанс Сталина. С. 281–282, 298.
- ³³⁰ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 224.
- ³³¹ Мерецков К. А. На службе народу. М., 2015. С. 197.
- ³³² Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 7. С. 34.
- ³³³ Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. С. 309.
- ³³⁴ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 7. С. 11.
- ³³⁵ Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М., 2001. С. 223.
- ³³⁶ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 214.
- ³³⁷ Мельтюхов М. Упущеный шанс Сталина. С. 365.
- ³³⁸ Самуэльсон Л. Красный колосс. С. 222.
- ³³⁹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 7. С. 15, 11.
- ³⁴⁰ Яковлев А. Н. Цель жизни. С. 210, 211, 250.
- ³⁴¹ Кузнецов Н. Г. Накануне. Курсом к победе. М., 1991. С. 279–280.
- ³⁴² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 253.
- ³⁴³ Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. С. 136.
- ³⁴⁴ Судоплатов П. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001. С. 137.
- ³⁴⁵ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 36, 37, 38.
- ³⁴⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. Т. 3–4. С. 160.
- ³⁴⁷ Там же. С. 522.
- ³⁴⁸ Мельтюхов М. Упущеный шанс Сталина. С. 234.

- ³⁴⁹ Судоплатов П. Разные дни тайной войны и дипломатии. С. 161.
- ³⁵⁰ Мельтюхов М. Упущеный шанс Сталина. С. 354–355.
- ³⁵¹ Кейтель В. Мемуары фельдмаршала. Победы и поражения вермахта. 1938–1945. М., 2004. С. 163.
- ³⁵² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 31–32.
- ³⁵³ Риббентроп И. фон. Между Лондоном и Москвой. С. 181.
- ³⁵⁴ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 38, 31.
- ³⁵⁵ Василевский А. Дело всей жизни. С. 115; Мельтюхов М. Упущеный шанс Сталина. С. 309–311.
- ³⁵⁶ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 45.
- ³⁵⁷ Безыменский Л. Загадка плана Жукова // Новое время. 1998. № 40. С. 34.
- ³⁵⁸ Манштейн Э. фон. Утерянные победы. Воспоминания фельдмаршала. М., 2012. С. 193.
- ³⁵⁹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 31.
- ³⁶⁰ Мельтюхов М. Упущеный шанс Сталина. С. 358–359.
- ³⁶¹ Там же. С. 355–358.
- ³⁶² Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 7. С. 52, 56.
- ³⁶³ Сиполь В. Тайны дипломатические. С. 334; Мельтюхов М. Упущеный шанс Сталина. С. 214–215.
- ³⁶⁴ Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. С. 82–83.
- ³⁶⁵ Городецкий Г. Роковой самообман. С. 252.
- ³⁶⁶ Мельтюхов М. Упущеный шанс Сталина. С. 238.
- ³⁶⁷ Городецкий Г. Миф «Ледокола». С. 205.
- ³⁶⁸ Штайнер М. Гитлер. М., 2010. С. 505.
- ³⁶⁹ Стаднюк И. Нечто о сталинизме / О них ходили легенды. М., 1994. С. 424–425.
- ³⁷⁰ Вишлев О. В. «...Может быть, вопрос еще уладится мирным путем» / Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 50.
- ³⁷¹ Василевский А. Дело всей жизни. С. 120–121.
- ³⁷² Суворов В. Ледокол. С. 203.
- ³⁷³ Мельтюхов М. Упущеный шанс Сталина. С. 219.
- ³⁷⁴ Гальдер Ф. Военный дневник 1940–1941 гг. С. 712.
- ³⁷⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. Т. 1–2. С. 558.
- ³⁷⁶ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 33.

Глава вторая

- ³⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1593. Л. 1.
- ³⁷⁸ Там же. Л. 3.
- ³⁷⁹ Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. Смоленск, 2001. С. 474.
- ³⁸⁰ Там же. С. 473–474.
- ³⁸¹ Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005. С. 219.
- ³⁸² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1. 13-е изд. М., 2013. С. 254.
- ³⁸³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 1. Д. 5. Л. 8–11; Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. М., 1998. С. 751–753.
- ³⁸⁴ Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 833.
- ³⁸⁵ Кузнецов Н. Г. Накануне. Курсом к победе. М., 1991. С. 284, 285.
- ³⁸⁶ Там же. М., 1991. С. 301.

- ³⁸⁷ Судоплатов П. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001. С. 211.
- ³⁸⁸ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 263.
- ³⁸⁹ Сорокин А. К. В штабах Победы. К вопросу об институтах власти в СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Российской гуманитарного научного фонда. 2015. № 1. С. 8.
- ³⁹⁰ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 48.
- ³⁹¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 264–265.
- ³⁹² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 1. Д. 5. Л. 12–14; Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 753–754.
- ³⁹³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 265.
- ³⁹⁴ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. М., 2004. С. 797.
- ³⁹⁵ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 50–51.
- ³⁹⁶ Там же. С. 51.
- ³⁹⁷ «Наше дело правое». Как готовилось выступление В. М. Молотова по радио 22 июня 1941 года // Исторический архив. 1995. № 2. С. 33.
- ³⁹⁸ Кикнадзе А. Тайнопись. События и нравы зашифрованного века. М., 1998. С. 98.
- ³⁹⁹ Выступление по радио заместителя Председателя Совета народных комиссаров, народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова // Известия. 1941. 24 июня.
- ⁴⁰⁰ АВП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 415. Л. 63–71; Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война 1941–1945. М., 2010. С. 27–31.
- ⁴⁰¹ Рубцов Ю. В. Alter ego Сталина. Страницы политической биографии Л. З. Мехлиса. М., 1999. С. 167.
- ⁴⁰² Гилберт М. Черчилль. Биография. М., 2015. С. 753–754.
- ⁴⁰³ Черчилль У. Изречения и размышления. М., 2012. С. 205.
- ⁴⁰⁴ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 365. Д. 2487. Л. 31–32; Документы внешней политики. 22 июня – 1 января 1942. Т. XXIV. М., 2000. С. 14.
- ⁴⁰⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 1. Д. 6. Л. 23–28; Документы внешней политики. Т. XXIV. С. 78–81.
- ⁴⁰⁶ Мальков В. Великий Рузвельт. М., 2011. С. 363–365.
- ⁴⁰⁷ Мальков В. Л. Путь к имперству. Америка в первой половине XX века. М., 2004. С. 357.
- ⁴⁰⁸ Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942. Т. XXIV. С. 62–63.
- ⁴⁰⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 21. Д. 275. Л. 2–3; Документы внешней политики. Т. XXIV. С. 22–23.
- ⁴¹⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 20. Д. 256. Л. 1–5; Документы внешней политики. Т. XXIV. С. 31–32.
- ⁴¹¹ Маннергейм К. Г. Мемуары. М., 1999. С. 374–377.
- ⁴¹² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 1. Д. 5. Л. 34–38; Документы внешней политики. Т. XXIV. С. 66–68.
- ⁴¹³ Кошкин А. А. Японская дилемма: удар на Север или на Юг? Японские документы 1941 года // Война и политика. 1939–1941. М., 1999. С. 434, 440.
- ⁴¹⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 17. Д. 215. Л. 171–172; Документы внешней политики. Т. XXIV. С. 19.
- ⁴¹⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 11.

- ⁴¹⁶ Там же. Л. 7–7об.
- ⁴¹⁷ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 280, 281.
- ⁴¹⁸ Кузнецов Н. Г. Накануне. Курсом к победе. С. 263.
- ⁴¹⁹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 7. С. 125.
- ⁴²⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 415. Л. 109–112; Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война 1941–1945. С. 34–37.
- ⁴²¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 52.
- ⁴²² Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000. С. 198.
- ⁴²³ Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит. М., 2012. С. 16.
- ⁴²⁴ Микоян А. И. Так было. Воспоминания о минувшем. М., 1999. С. 390–391.
- ⁴²⁵ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 52.
- ⁴²⁶ Микоян А. И. Так было. С. 391.
- ⁴²⁷ Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. С. 33.
- ⁴²⁸ Сорокин А. К. В штабах Победы. С. 11.
- ⁴²⁹ Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. С. 33–34.
- ⁴³⁰ Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 – декабрь 1991. М., 1994. С. 211.
- ⁴³¹ Робертс Дж. Военный дипломат: вклад Вячеслава Молотова в победу над фашизмом // Международная научно-практическая конференция «Кавалеры ордена “Победа”» (к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне). М., 2015. С. 167.
- ⁴³² Штеменко С. Генеральный штаб в годы войны. В дни огорчений и побед. М., 2014. С. 186.
- ⁴³³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 345.
- ⁴³⁴ Гареев М. Кто пропустил уроки? История Великой Отечественной войны и новая кампания ниспровержательства // Независимая газета. 2000. 1 декабря.
- ⁴³⁵ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 327.
- ⁴³⁶ Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения. С. 226.
- ⁴³⁷ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 2005. С. 8 (далее: Переписка).
- ⁴³⁸ Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942. Т. XXIV. С. 145–146.
- ⁴³⁹ Переписка. Т. 1. С. 9, 10–11.
- ⁴⁴⁰ Печатнов В. О., Магадеев И. Э. Переписка И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование. Т. 1. М., 2015. С. 8–9.
- ⁴⁴¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 83.
- ⁴⁴² Печатнов В. Сталин – Рузвельт – Черчилль: «“Большая тройка”» через призму переписки военных лет // Вестник МГИМО–Университета. № 5. 2009. С. 60.
- ⁴⁴³ Печатнов В. О., Магадеев И. Э. Переписка. С. 18, 19.
- ⁴⁴⁴ Монин С. «Дело с Ираном действительно вышло неплохо» // Международная жизнь. 2011. Август.
- ⁴⁴⁵ Переписка. Т. 1. С. 18.
- ⁴⁴⁶ АВП РФ. Ф. 059. Оп.1. П. 365. Д. 2485. Л. 51–53; Документы внешней политики. Т. XXIV. С. 208.

- ⁴⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1593. Л. 11–11об.
- ⁴⁴⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 415. Л. 155–161; Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война 1941–1945. С. 63–66.
- ⁴⁴⁹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 54.
- ⁴⁵⁰ Там же. С. 54–55.
- ⁴⁵¹ Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. С. 210.
- ⁴⁵² Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс: глазами очевидца. Т. 1. М., 1958. С. 608
- ⁴⁵³ Harriman W. A. America and Russia in a Changing World. L., 1971. Р. 20.
- ⁴⁵⁴ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Т. 1. С. 613.
- ⁴⁵⁵ Документы внешней политики. Т. XXIV. С. 339–341.
- ⁴⁵⁶ Василевский А. М. Дело всей жизни. С. 154–155.
- ⁴⁵⁷ Конев И. С. Записки командующего фронтом. М., 2014. С. 65.
- ⁴⁵⁸ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 54.
- ⁴⁵⁹ Конев И. С. Записки командующего фронтом. С. 68.
- ⁴⁶⁰ Микоян А. И. Так было. С. 417.
- ⁴⁶¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 428. Л. 44; Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война: 1941–1945. С. 82.
- ⁴⁶² Harriman W. A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin. 1941–1946. N.Y., 1975. Р. 106–107.
- ⁴⁶³ Кузнецов Н. Г. Курсом к победе. М., 1991. С. 429.
- ⁴⁶⁴ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 58.
- ⁴⁶⁵ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Т. 1. С. 616.
- ⁴⁶⁶ Гудерсан Г. Воспоминания солдата. М., 2012. С. 274.
- ⁴⁶⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 46. Д. 388. Л. 6–12; Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война: 1941–1945. С. 104–108.
- ⁴⁶⁸ Судоплатов П. Разные дни тайной войны и дипломатии. С. 356–357.
- ⁴⁶⁹ Записки Н. С. Власика // Логинов В. М. Тени Сталина: Генерал Власик и его соратники. М., 2000. С. 122–123.
- ⁴⁷⁰ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 51.
- ⁴⁷¹ Молотов В. М. О немецко-фашистских злодеяниях и зверствах. Ноты. М., 1943. С. 1–2, 3, 7.
- ⁴⁷² АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 540. Л. 50–58; Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война: 1941–1945. С. 192.
- ⁴⁷³ Иванов Р. Сталин и союзники: 1941–1945. Смоленск, 2000. С. 159–160.
- ⁴⁷⁴ Новиков Н. В. Воспоминания дипломата. Записки 1938–1947. М., 1989. С. 114–115.
- ⁴⁷⁵ Кошкин А. А. Дипломатическая прелюдия войны на Тихом океане // Вопросы истории. 2002. № 4. С. 38.
- ⁴⁷⁶ АВП РФ. Ф. 059. Оп.1. П. 346. Д. 2366. Л. 120–121; Документы внешней политики. Т. XXIV. С. 482–483.
- ⁴⁷⁷ АВП РФ. Ф. 059. Оп.1. П. 347. Д. 2369. Л. 154–157; Документы внешней политики. Т. XXIV. С. 490–491.
- ⁴⁷⁸ АВП РФ. Ф. 059. Оп.1. П. 346. Д. 2366. Л. 141–142; Документы внешней политики. Т. XXIV. С. 491.
- ⁴⁷⁹ Мясников В. С. СССР и Китай во Второй мировой войне // Новая и новейшая история. 2005. № 4. С. 12.
- ⁴⁸⁰ Там же. С. 16.

- ⁴⁸¹ The Eden Memoirs. The Reckoning. L., 1965. P. 289.
- ⁴⁸² Там же.
- ⁴⁸³ АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 279. Л. 28–38; Документы внешней политики. Т. XXIV. С. 518–524.
- ⁴⁸⁴ Дилкс Д. Черчилль, Иден и Сталин: штрихи к политическим портретам // Новая и новейшая история. 2005. № 1. С. 147.
- ⁴⁸⁵ АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 279. Л. 129–139; Документы внешней политики. Т. XXIV. С. 538–543.
- ⁴⁸⁶ The Eden Memoirs. P. 302–303.
- ⁴⁸⁷ Жуков Г. М. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 63.
- ⁴⁸⁸ Майский И. М. Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. М., 1987. С. 650–651.
- ⁴⁸⁹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. М., 2005. С. 392–393.
- ⁴⁹⁰ Там же. С. 393.
- ⁴⁹¹ Там же. С. 394.
- ⁴⁹² Там же.
- ⁴⁹³ Печатнов В. О., Магадеев И. Э. Переписка. Т. 1. С. 159.
- ⁴⁹⁴ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 68–69.
- ⁴⁹⁵ Пусэл Э. Тревожное небо. Таллин, 1978. С. 242–251.
- ⁴⁹⁶ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 68–69.
- ⁴⁹⁷ The Eden Memoirs. P. 327–328.
- ⁴⁹⁸ Ржешевский О. А. Визит В. М. Молотова в Лондон в мае 1942 г. Переговоры с У. Черчиллем, А. Иденом и переписка с И. В. Сталиным // Новая и новейшая история. 1997. № 6. С. 130–134, 143–146.
- ⁴⁹⁹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. Т. 3–4. М., 1991. С. 463–464.
- ⁵⁰⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 5. Д. 47. Л. 49–57; Документы внешней политики СССР. 1942. Т. XXV. Кн. 1. М., 2010. С. 362–366.
- ⁵⁰¹ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 382. Д. 2604. Л. 107–108; Документы внешней политики СССР. Т. XXV. Кн. 1. С. 367.
- ⁵⁰² Ржешевский О. А. Визит В. М. Молотова в Лондон в мае 1942 г. С. 143–146.
- ⁵⁰³ Печатнов В. О., Магадеев И. Э. Переписка. Т. 1. С. 161.
- ⁵⁰⁴ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 153, 156.
- ⁵⁰⁵ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 382. Д. 2605. Л. 15–18; Документы внешней политики СССР. Т. XXV. Кн. 1. С. 382–383.
- ⁵⁰⁶ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. С. 173–174.
- ⁵⁰⁷ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. Т. 3–4. С. 462–463.
- ⁵⁰⁸ Майский И. М. Воспоминания советского дипломата. С. 653–655.
- ⁵⁰⁹ Переписка. Т. 1. С. 44.
- ⁵¹⁰ Цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. С. 207–208.
- ⁵¹¹ Арзаканян М. Великий де Голль. М., 2012. С. 144.
- ⁵¹² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 5. Д. 51. Л. 5–8; Документы внешней политики СССР. Т. XXV. Кн. 1. С. 380–382.
- ⁵¹³ Голль Ш. де. Военные мемуары. Призыв 1940–1942 гг. М., 1957. С. 256–257.
- ⁵¹⁴ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. С. 190.
- ⁵¹⁵ Чуб Ф. Молотов. Полудержавный властелин. М., 1999.

- 516 Пусэн Э. Тревожное небо. С. 270–289.
- 517 Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. С. 250.
- 518 Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Т. 2. С. 173–175.
- 519 Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. С. 263–265.
- 520 Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Т. 2. С. 175–177.
- 521 Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. С. 265–269.
- 522 Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Т. 2. С. 183–187.
- 523 Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. С. 234.
- 524 АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 382. Д. 2605. Л. 44; Документы внешней политики СССР. Т. XXV. Кн. 1. С. 416.
- 525 Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. С. 244–245.
- 526 Kissinger H. Diplomacy. N.Y., 1995. P. 408–409.
- 527 Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. С. 245, 249.
- 528 Harriman W. A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin. P. 138.
- 529 Churchill & Roosevelt. The Complete Correspondence / Ed. by W. Kimball. Princeton, 1984. Vol. 1. P. 508.
- 530 Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. С. 255–257, 270.
- 531 Пусэн Э. Тревожное небо. С. 304.
- 532 Bromage B. Molotov: The Story of an Era. L., 1956. P. 200.
- 533 Пусэн Э. Тревожное небо. С. 306–315.
- 534 Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. С. 299, 303.
- 535 The Eden Memoir. P. 330.
- 536 АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 382. Д. 2604. Л. 9–15; Документы внешней политики СССР. Т. XXV. Кн. 1. С. 459–461.
- 537 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 5. Д. 48. Л. 13–16; Документы внешней политики СССР. Т. XXV. Кн. 1. С. 453–455.
- 538 The Eden Memoir. P. 330.
- 539 Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. Т. 3–4. М., 1991. С. 465–466.
- 540 Там же. Кн. 1. Т. 1–2. М., 1991. С. 167.
- 541 Сто сорок бесед с Молотовым. С. 66.
- 542 Пусэн Э. Тревожное небо. С. 316–317.
- 543 Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. С. 345.
- 544 Пусэн Э. Тревожное небо. С. 328.
- 545 Gay G. Molotov. L., 1942. P. 19, 18.
- 546 Ратификация «Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенным Королевством в Великобритании о Союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве». Молотов, 1942. С. 1–6.
- 547 Иванов Р. Сталин и союзники: 1941–1945 гг. С. 258.
- 548 Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993. С. 308.
- 549 Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. Т. 3–4. С. 509.
- 550 Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Т. 2. С. 252.
- 551 Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. Т. 3–4. С. 516.
- 552 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 14. Д. 131. Л. 20–22-об; Документы внешней политики СССР. Т. XXV. Кн. 2. С. 115–120.
- 553 Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. Т. 3–4. С. 516.
- 554 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 22. Д. 232. Л. 2–11; Документы внешней политики СССР. 1942. Т. XXV. Кн. 2. С. 126–131.
- 555 Переписка. Т. 1. С. 55.
- 556 Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. Т. 3–4. С. 516–517.
- 557 Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Т. 2. С. 256–257.

- ⁵⁵⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. Т. 3–4. С. 524–525.
- ⁵⁵⁹ Там же. С. 527.
- ⁵⁶⁰ Иванов Р. Сталин и союзники: 1941–1945. С. 258.
- ⁵⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1045. Л. 17.
- ⁵⁶² Рубцов Ю. В. М. Молотов и советская дипломатия во время Второй мировой войны // Международная жизнь. 2015. Апрель. С. 107–108.
- ⁵⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1356. Л. 120–121; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002. С. 23–24.
- ⁵⁶⁴ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 7. С. 64а–е, 81, 107.
- ⁵⁶⁵ Дайнес В. О. Танковые войска СССР. «Кавалерия» Второй мировой. М., 2015. С. 141–142.
- ⁵⁶⁶ Гудериан Г. Воспоминания солдата. М., 2012. С. 324, 325.
- ⁵⁶⁷ Холловэй Д. Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия 1939–1956 гг. Новосибирск, 1997. С. 86–87, 92–93.
- ⁵⁶⁸ Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 213.
- ⁵⁶⁹ Цит. по: Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. С. 248–249.
- ⁵⁷⁰ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 81.
- ⁵⁷¹ Цит. по: Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. С. 249–250.
- ⁵⁷² Холловэй Д. Сталин и бомба. С. 140.
- ⁵⁷³ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 7. С. 509.
- ⁵⁷⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 433. Л. 47–48; Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война: 1941–1945. С. 300–301.
- ⁵⁷⁵ Ольга Лепешинская, балерина: «Я сказала Берии: если мой муж виноват – наказывайте, не виноват – выпускайте» // Известия. 2004. 10 апреля.
- ⁵⁷⁶ Новиков Н. В. Воспоминания дипломата. Записки 1938–1947. М., 1989. С. 132.
- ⁵⁷⁷ Ерофеев В. Дипломат. М., 2005. С. 113.
- ⁵⁷⁸ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. М., 2004. С. 811.
- ⁵⁷⁹ Адабеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна: 1919–1943. М., 1997. С. 234–235.
- ⁵⁸⁰ Василевский А. М. Дело всей жизни. С. 292–293.
- ⁵⁸¹ Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. С. 258.
- ⁵⁸² Медведев Р. Они окружали Сталина. М., 1990. С. 48–49.
- ⁵⁸³ Одинцов М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М., 2014. С. 276–281.
- ⁵⁸⁴ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 1. Л. 13, 15; Оп. 3. Д. 10. Л. 82; Ислам и Советское государство (1944–1990). Сборник документов. Вып. 3. М., 2011. С. 38–41.
- ⁵⁸⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 5–6. С. 139.
- ⁵⁸⁶ Переписка. Т. 1. С. 105.
- ⁵⁸⁷ Цит. по: Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. С. 294–295.
- ⁵⁸⁸ Переписка. Т. 2. С. 429.
- ⁵⁸⁹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 8. Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. М., 2014. С. 199.
- ⁵⁹⁰ Переписка. Т. 1. 129–130, 142, 147–148; Т. 2. С. 443, 458–459.
- ⁵⁹¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 5–6. С. 144.

⁵⁹² The Eden Memoirs. P. 410–412.

⁵⁹³ Советский союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Т. 1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). М., 1984. С. 85–86.

⁵⁹⁴ Цит. по: Roberts G. Molotov. Stalin's Cold Warrior. Wash., 2012. Р. 68–69.

⁵⁹⁵ The Eden Memoirs. P. 411.

⁵⁹⁶ Там же.

⁵⁹⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 8. С. 265.

⁵⁹⁸ Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. С. 95, 101, 113.

⁵⁹⁹ Harriman W. A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin. P. 236.

⁶⁰⁰ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 5–6. С. 151, 152, 162.

⁶⁰¹ The Eden Memoirs. P. 414.

⁶⁰² Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. С. 134.

⁶⁰³ The Eden Memoirs. P. 415.

⁶⁰⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 5–6. С. 165.

⁶⁰⁵ Watson D. Molotov and the Moscow Conference. October 1943 // British Association for Slavonic & East European Studies. Conference Paper. Cambridge, 2002. April. P. 16.

⁶⁰⁶ Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. С. 231–234.

⁶⁰⁷ Harriman W. A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin. P. 244.

⁶⁰⁸ The Eden Memoirs. P. 415.

⁶⁰⁹ Harriman W. A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin. P. 246.

⁶¹⁰ Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. С. 280.

⁶¹¹ Цит. по: Рубцов Ю. В. М. Молотов и советская дипломатия во время Второй мировой войны. С. 113.

⁶¹² Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 8. С. 291.

⁶¹³ Цит. по: Робертс Дж. Военный дипломат: вклад Вячеслава Молотова в победу над фашизмом // Международная научно-практическая конференция «Кавалеры ордена “Победа”» (к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне). М., 2015. С. 169.

⁶¹⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 233. Л. 67; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 8. С. 290.

⁶¹⁵ Harriman W. A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin. P. 254.

⁶¹⁶ Переписка. Т. 2. М., 2005. С. 469–470.

⁶¹⁷ Harriman W. A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin. P. 257.

⁶¹⁸ Переписка. Т. 2. С. 470–471.

⁶¹⁹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). Сборник документов. М., 1978. С. 180.

⁶²⁰ Там же. С. 76, 80.

⁶²¹ Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. С. 246.

⁶²² Штеменко С. Генеральный штаб в годы войны. С. 269.

⁶²³ Там же. С. 270.

⁶²⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 5–6. С. 192–193.

⁶²⁵ Там же. С. 194–195.

- 626 Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав. С. 95–99.
- 627 Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Т. 2. С. 474.
- 628 Butler S. Roosevelt and Stalin. Portrait of a Partnership. N.Y., 2015. P. 90.
- 629 Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав. С. 115–116.
- 630 Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 5–6. С. 205.
- 631 Там же. С. 211.
- 632 Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав. С. 144–149.
- 633 Там же. С. 140–141.
- 634 Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 5–6. С. 220–223.
- 635 Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав. С. 157.
- 636 Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 5–6. С. 227–228.
- 637 Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав. С. 159–161.
- 638 Там же. С. 168–169.
- 639 Сто сорок бесед с Молотовым. С. 73.
- 640 Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 8. С. 311.
- 641 Сто сорок бесед с Молотовым. С. 73.
- 642 Иванов Р. Сталин и союзники. С. 343.
- 643 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 103–104; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 8. С. 313.
- 644 История российской внешней разведки: Очерки. Т. IV. М., 2014. С. 399–400, 406–407.
- 645 Воспоминания начальника внешней разведки П. М. Фитина // История российской внешней разведки. Т. IV. С. 24.
- 646 Иванов Р. Сталин и союзники. С. 388–389.
- 647 Судоплатов П. Разведка и Кремль. С. 340.
- 648 Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001. С. 432.
- 649 АП РФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 237. Л. 1–3, 48; Источник. 1995. № 4. С. 114–118.
- 650 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1406. Л. 27; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. С. 24.
- 651 АП РФ. Оп. 63. Д. 237. Л. 52–93; Источник. 1995. № 4. С. 124–144.
- 652 Филитов А. М. СССР и германский вопрос: поворотные пункты (1941–1961) / Холодная война 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 225–227.
- 653 Филитов А. М. В комиссиях наркоминдела // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 57–58.
- 654 Переписка. Т. 1. С. 180.
- 655 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 607. Л. 9; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 8. С. 374.
- 656 Вторая мировая война. Актуальные проблемы. С. 129–130.
- 657 Roberts G. Stalin's Wars: From World War to Cold War. 1939–1953. New Haven, 2008. P. 176.
- 658 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 607. Л. 90, 84; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 8. С. 374.

- ⁶⁵⁹ Прокаччи Д. История итальянцев. М., 2012. С. 514–516.
- ⁶⁶⁰ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 1. М., 1944. С. 373–376.
- ⁶⁶¹ Типпельскирх К. История Второй мировой войны. М., 1956. С. 464.
- ⁶⁶² Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. М., 1946. С. 105.
- ⁶⁶³ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. Документы и материалы. Т. 2. М., 1983. С. 75–77.
- ⁶⁶⁴ Калинин А. А. Советско-британские переговоры о разделе сфер влияния в Европе в 1944 г. // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 21–23.
- ⁶⁶⁵ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 132–133.
- ⁶⁶⁶ Молотов В. М. О преобразовании Наркомата обороны и Наркоминдела из общесоюзных в союзно-республиканские наркоматы (Доклад в Верховном Совете СССР 1 февраля 1944 г.). М., 1944. С. 6, 12.
- ⁶⁶⁷ Цит. по: Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. С. 281.
- ⁶⁶⁸ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 3. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе. М., 1984. С. 36, 40.
- ⁶⁶⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 607. Л. 122; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 8. С. 371.
- ⁶⁷⁰ Переписка. Т. 2. С. 518–519.
- ⁶⁷¹ Там же. Т. 1. С. 211.
- ⁶⁷² Иванов Р. Сталин и союзники. С. 394.
- ⁶⁷³ Печатнов В. О., Магадеев И. Э. Переписка. Т. 2. С. 229.
- ⁶⁷⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 608. Л. 81; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 8. С. 418.
- ⁶⁷⁵ Рокоссовский К. Солдатский долг. М., 2014. С. 306, 312.
- ⁶⁷⁶ АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 358. Л. 2–11; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы. Т. 1. М., 1999. С. 66–74.
- ⁶⁷⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 41. Д. 545. Л. 49–57; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. С. 76–83.
- ⁶⁷⁸ Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 421.
- ⁶⁷⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 608. Л. 81; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 8. С. 419.
- ⁶⁸⁰ Там же. П. 30. Д. 352. Л. 14; Печатнов В. О., Магадеев И. Э. Переписка. Т. 2. С. 245.
- ⁶⁸¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 608. Л. 89–94; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 8. С. 422.
- ⁶⁸² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 251.
- ⁶⁸³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 608. Л. 116; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 8. С. 391.
- ⁶⁸⁴ Новиков Н. В. Воспоминания дипломата. С. 254.
- ⁶⁸⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 608. Л. 133–134; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 8. С. 396.
- ⁶⁸⁶ Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 50–51.
- ⁶⁸⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 1. Д. 9. Л. 8–9, 34; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 8. С. 426.
- ⁶⁸⁸ Джилас М. Лицо тоталитаризма. С. 53.

- ⁶⁸⁹ Печатнов В. О., Магадеев И. Э. Переписка. Т. 2. С. 236–237.
- ⁶⁹⁰ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 179.
- ⁶⁹¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 5–6. С. 448.
- ⁶⁹² Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. С. 418–423.
- ⁶⁹³ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 5–6. С. 448–449.
- ⁶⁹⁴ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. С. 426.
- ⁶⁹⁵ Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. С. 324–325.
- ⁶⁹⁶ The Eden Memoirs. Р. 483.
- ⁶⁹⁷ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. С. 435.
- ⁶⁹⁸ Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. С. 327.
- ⁶⁹⁹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 5–6. С. 451.
- ⁷⁰⁰ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. С. 440–443, 446–448.
- ⁷⁰¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 5–6. С. 456.
- ⁷⁰² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 22. Д. 228. Л. 84; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 8. С. 423.
- ⁷⁰³ Harriman W. A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin. Р. 161; Robert G. Molotov. Stalin's Cold Warrior. Wash. 2012. Р. 69.
- ⁷⁰⁴ Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. С. 332–333.
- ⁷⁰⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Д. 588. Л. 2; Печатнов В. О. Сталин–Рузвельт–Черчилль: «Большая тройка» через призму переписки военных лет // Вестник МГИМО–Университета. 2009. № 5. С. 67.
- ⁷⁰⁶ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1187. Л. 19.
- ⁷⁰⁷ Переписка. Т. 1. С. 255, 256.
- ⁷⁰⁸ Голль Ш. де. Военные мемуары: Спасение 1944–1946. М., 2004. С. 60–64.
- ⁷⁰⁹ И. В. Сталин и Морис Торез. Запись беседы в Кремле 1947 г. // Исторический архив. 1996. № 1. С. 4–5.
- ⁷¹⁰ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. Т. 2. М., 1983. С. 157–158, 162, 164–165.
- ⁷¹¹ Голль Ш. де. Военные мемуары: Спасение. С. 75–77.
- ⁷¹² Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 2. С. 167–173.
- ⁷¹³ Harriman W. A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin. Р. 376.
- ⁷¹⁴ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 2. С. 167, 174–175, 195–202.
- ⁷¹⁵ Harriman W. A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin. Р. 376–377.
- ⁷¹⁶ Голль Ш. де. Военные мемуары: Спасение. С. 90–93.
- ⁷¹⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 34. Д. 416. Л. 14–17; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. С. 110–113.
- ⁷¹⁸ Сафонов В. П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане. 1931–1945 гг. М., 2001. С. 297.
- ⁷¹⁹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 5–6. С. 511. .
- ⁷²⁰ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). Сборник документов. М., 1979. С. 45–46.
- ⁷²¹ Там же. С. 46–48.
- ⁷²² Громыко А. А. Памятное. Новые горизонты. Кн. 1. М., 2015. С. 249.

- ⁷²³ Шерфуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Т. 2. С. 569.
- ⁷²⁴ Крымская конференция руководителей трех союзных держав.
- C. 72.
- ⁷²⁵ Там же. С. 74–75.
- ⁷²⁶ Там же. С. 87–96.
- ⁷²⁷ Там же. С. 99–103.
- ⁷²⁸ Stettinius E. R. Roosevelt and the Russians. The Yalta Conference. N.Y., 1949. P. 163.
- ⁷²⁹ Крымская конференция руководителей трех союзных держав.
- C. 121.
- ⁷³⁰ Stettinius E. R. Roosevelt and the Russians. P. 173–174.
- ⁷³¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 5–6. С. 520.
- ⁷³² Крымская конференция руководителей трех союзных держав.
- C. 125–127.
- ⁷³³ The Eden Memoirs. P. 517.
- ⁷³⁴ Bohlen Ch. Witness to History. 1929–1969. L., 1973. P. 197–198.
- ⁷³⁵ Крымская конференция руководителей трех союзных держав.
- C. 273.
- ⁷³⁶ Там же. С. 150–152.
- ⁷³⁷ Доббс М. Шесть месяцев 1945. От мировой войны к войне холодной. М., 2014. С. 101.
- ⁷³⁸ Крымская конференция руководителей трех союзных держав.
- C. 160–163, 166.
- ⁷³⁹ Там же. С. 190–192.
- ⁷⁴⁰ Stettinius E. R. Roosevelt and the Russians. P. 206–207.
- ⁷⁴¹ Крымская конференция руководителей трех союзных держав.
- C. 266, 269–270.
- ⁷⁴² Butler S. Roosevelt and Stalin. Portrait of a Partnership. P. 424–425.
- ⁷⁴³ The Eden Memoirs. P. 519.
- ⁷⁴⁴ Сафонов В. П. СССР, США и японская агрессия. С. 302–303.
- ⁷⁴⁵ Гиренко Ю. С. Сталин – Тито. М., 1991. С. 261–269; Джилас М. Лицо тоталитаризма. С. 75–84.
- ⁷⁴⁶ Печатнов В. О., Магадеев И. Э. Переписка. Т. 2. С. 458–460.
- ⁷⁴⁷ Bohlen Ch. Witness to History. P. 209.
- ⁷⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1052. Л. 10, 13.
- ⁷⁴⁹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 5–6. М., 1991. С. 566,
- 567.
- ⁷⁵⁰ Печатнов В. О., Магадеев И. Э. Переписка. Т. 2. С. 463.
- ⁷⁵¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 5–6. С. 561.
- ⁷⁵² Бивор Э. Вторая мировая война. М., 2014. С. 887.
- ⁷⁵³ The Eden Memoirs. P. 525.
- ⁷⁵⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 5–6. С. 574–575.
- ⁷⁵⁵ Соколов В. В. Посол СССР Ф. Т. Гусев в Лондоне в 1943–1946 годах // Новая и новейшая история. 2005. № 4. С. 123; Печатнов В. О., Магадеев И. Э. Переписка. Т. 2. С. 489–490.
- ⁷⁵⁶ Печатнов В. О., Магадеев И. Э. Переписка. Т. 2. С. 498.
- ⁷⁵⁷ Там же. С. 501.
- ⁷⁵⁸ Робертс Дж. Иосиф Сталин. От Второй мировой до «холодной войны». 1939–1953. М., 2014. С. 370; Harriman W. A. America and Russia in a Changing World. P. 39.
- ⁷⁵⁹ Советский Союз на международных конференциях периода Ве-

- ликой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля – 26 июня 1945 г.) М., 1980. С. 92, 93.
- ⁷⁶⁰ *Truman H. Memoirs. Vol. 1. Years of Decisions.* N.Y., 1965. P. 89.
- ⁷⁶¹ Там же. Р. 92.
- ⁷⁶² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7в. П. 60. Д. 1. Л. 6–8; *Робертс Дж.* Вячеслав Молотов: Сталинский рыцарь «холодной войны». М., 2014. С. 122.
- ⁷⁶³ *Truman H. S. Memoirs. Vol. 1.* Р. 96–99.
- ⁷⁶⁴ *Robert G. Molotov.* Р. 87.
- ⁷⁶⁵ *Громыко А. А. Памятное. Новые горизонты.* Кн. 1. С. 286.
- ⁷⁶⁶ *Harriman W. A. America and Russia in a Changing World.* Р. 40.
- ⁷⁶⁷ Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско. С. 95–103.
- ⁷⁶⁸ *Bromage B. Molotov.* Р. 209.
- ⁷⁶⁹ *Молотов В. М. Вопросы внешней политики. Речи и заявления.* Апрель 1945 г. – июнь 1948 г. М., 1948. С. 9–10, 11, 14.
- ⁷⁷⁰ Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско. С. 319, 324–330.
- ⁷⁷¹ Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско. С. 164.
- ⁷⁷² *Harriman W. A. America and Russia in a Changing World.* Р. 192.
- ⁷⁷³ *The Eden Memoirs.* Р. 533–534.
- ⁷⁷⁴ Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско. С. 336, 181–183, 188–189.
- ⁷⁷⁵ *Добbs M. Шесть месяцев 1945.* С. 236.
- ⁷⁷⁶ Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско. С. 339–340, 407–408, 423–425.
- ⁷⁷⁷ Прием в «Американо-русском институте» в честь тов. В. М. Молотова // *Правда.* 1945. 10 мая.
- ⁷⁷⁸ Прием, устроенный тов. В. М. Молотовым в Сан-Франциско в честь делегатов Украинской и Белорусской республик // *Правда.* 1945. 10 мая.
- ⁷⁷⁹ *Молотов В. М. Вопросы внешней политики.* С. 19–20.

Глава третья

- ⁷⁸⁰ *Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза.* М., 1949. С. 351–353; *Яковлев А. Н. Цель жизни.* М., 1968. С. 402–403.
- ⁷⁸¹ *Молотов В. М. 28-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции.* М., 1945. С. 12–13.
- ⁷⁸² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 78.
- ⁷⁸³ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы. Т. 1. М., 1999. С. 12–13, 6–7.
- ⁷⁸⁴ *Печатнов В. О., Маныкин А. С. История внешней политики США.* М., 2012. С. 264–265.
- ⁷⁸⁵ *Хантингтон С. Столкновение цивилизаций.* М., 2011. С. 369.
- ⁷⁸⁶ Подробнее см.: *Ржешевский О. Секретные военные планы У. Черчилля против СССР в мае 1945 г.* // *Новая и новейшая история.* 1999. № 3; *Александр Чубарьян. XX век. Взгляд историка.* М., 2009. С. 368.
- ⁷⁸⁷ *Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 5–6.* М., 1991. С. 633.

- ⁷⁸⁸ Цит. по: *Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы*. М., 2001. С. 81.
- ⁷⁸⁹ *Bohlen Ch. Witness to History. 1929–1969*. L., 1973. P. 220; *Truman H. S. Memoirs. Vol. 1. Years of Decision*. N.Y., 1965. P. 259.
- ⁷⁹⁰ *Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков*. М., 2000. С. 344–345; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 39. Д. 585. Л. 6; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. С. 204–205.
- ⁷⁹¹ *Молотов В. М. Вопросы внешней политики. Речи и заявления*. Апрель 1945 г. – июнь 1948 г. М., 1948. С. 19–20.
- ⁷⁹² *Зубок В. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева*. М., 2011. С. 67.
- ⁷⁹³ Там же. С. 51–52.
- ⁷⁹⁴ *Куманев Г. А. Рядом со Сталиным*. Смоленск, 2001. С. 160.
- ⁷⁹⁵ *Truman H. S. Memoirs. Vol. 1. P. 378–379*.
- ⁷⁹⁶ *Громыко А. А. Памятное. Новые горизонты*. М., 2015. С. 293.
- ⁷⁹⁷ *Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав*. С. 52, 53.
- ⁷⁹⁸ *Черчилль У. Вторая мировая война*. Кн. 3. Т. 5–6. С. 675.
- ⁷⁹⁹ *Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав*. С. 86–88.
- ⁸⁰⁰ Там же. С. 110.
- ⁸⁰¹ Цит. по: *Бивер Э. Вторая мировая война*. М., 2014. С. 946.
- ⁸⁰² *Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав*. С. 132, 135–138.
- ⁸⁰³ Там же. С. 142–145, 152.
- ⁸⁰⁴ Там же. С. 160–161, 163.
- ⁸⁰⁵ Там же. С. 161, 168, 175–176.
- ⁸⁰⁶ *Truman H. S. Memoirs. Vol. 1. P. 425*.
- ⁸⁰⁷ *Сто сорок бесед с Молотовым*. С. 81.
- ⁸⁰⁸ *Gaddis J. The Cold War*. L., 2005. P. 25.
- ⁸⁰⁹ *The Eden Memoirs. The Reckoning*. L., 1965. P. 548.
- ⁸¹⁰ *Бивер Э. Вторая мировая война*. С. 948.
- ⁸¹¹ *Троицкий О. Через годы и расстояния. История одной семьи*. М., 1997. С. 151.
- ⁸¹² *Truman H. S. Memoirs. Vol. 1. P. 441*.
- ⁸¹³ Там же. Р. 443, 444.
- ⁸¹⁴ *Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав*. С. 228–231.
- ⁸¹⁵ *Truman H. S. Memoirs. Vol. 1. P. 446–447*.
- ⁸¹⁶ *Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав*. С. 247, 276.
- ⁸¹⁷ *Сафонов С. П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане. 1931–1945 гг.* М., 2001. С. 336–337.
- ⁸¹⁸ *Василевский А. Дело всей жизни: неопубликованное*. М., 2015. С. 551–552.
- ⁸¹⁹ *Truman H. S. Memoirs. Vol. 1. P. 474–475; Сафонов С. П. СССР, США и японская агрессия*. С. 338–341; *Harriman W. A., Abel S. Special Envoy to Churchill and Stalin*. Р. 498–499.
- ⁸²⁰ *Кынин Г. П. Секретная докладная записка Г. К. Жукова И. В. Сталину и В. М. Молотову о приеме посла США У. Б. Смита 22 апреля 1946 года // Новая и новейшая история*. 2005. № 3. С. 143.

⁸²¹ Сафонов С. П. ССР, США и японская агрессия. С. 343–346.

⁸²² Зимонин В. Принуждение Японии к миру // Партийная Второй мировой. Гроза на Востоке. М., 2010. С. 283.

⁸²³ Ward P. The Threat of Peace. James F. Byrnes and the Council of Foreign Ministers, 1945–1946. The Kent University Press, 1979. P. 22.

⁸²⁴ Byrnes J. Speaking Frankly. N.Y. –L., 1947. P. 277.

⁸²⁵ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 75.

⁸²⁶ Watson D. Molotov. A Biography. N.Y., 2005. P. 224–225.

⁸²⁷ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав. С. 449.

⁸²⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 2. Д. 33. Л. 7–9; Советско-американские отношения. 1945–1948 / Под ред. Г. Н. Севастьянова. М., 2004. С. 13–14; Byrnes J. Speaking Frankly. P. 96; Печатнов В. «Союзники нажимают на тебя для того, чтобы сломить у тебя волю...» (Переписка Сталина с Молотовым и другими членами Политбюро по внешнеполитическим вопросам в сентябре – декабре 1945 г.) // Источник. № 2. 1999. С. 72–73.

⁸²⁹ Documents on British Policy Overseas / Ed. by R. Bullen, M.E Pelly et al. Series 1 . Vol. II. L., 1985. P. 162–163; Сто сорок бесед с Молотовым. С. 103.

⁸³⁰ Печатнов В. «Союзники нажимают на тебя для того, чтобы сломить у тебя волю...». С. 72.

⁸³¹ Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 20–22.

⁸³² Byrnes J. Speaking Frankly. P. 99.

⁸³³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 12–14.

⁸³⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 2. Д. 33. Л. 36–43; Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 28–33.

⁸³⁵ Documents on British Policy Overseas / Ed. by R. Bullen, M.E Pelly et al. Series 1 . Vol. II. L., 1985. P. 284–286, 274.

⁸³⁶ Печатнов В. «Союзники нажимают на тебя...». С. 73–74.

⁸³⁷ Byrnes J. Speaking Frankly. P. 102.

⁸³⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 2. Д. 33. Л. 69–72; Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 39–41; Documents on British Policy Overseas / Ed. by R. Bullen, M.E Pelly et al. Series 1 . Vol. II. L., 1985. P. 292–294.

⁸³⁹ Byrnes J. Speaking Frankly. P. 103.

⁸⁴⁰ Печатнов В. «Союзники нажимают на тебя...». С. 74; Переписка председателя Совета Министров ССРР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. М., 2005. С. 621–622, 354–356.

⁸⁴¹ Documents on British Policy Overseas / Ed. by R. Bullen, M.E Pelly et al. Series 1 . Vol. II. L., 1985. P. 390, 429, 391.

⁸⁴² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 2. Д. 33. Л. 137–138; Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 52–53.

⁸⁴³ Печатнов В. «Союзники нажимают на тебя...». С. 78.

⁸⁴⁴ Harriman W. A., Abel S. Special Envoy to Churchill and Stalin. Р. 507.

⁸⁴⁵ Печатнов В. «Союзники нажимают на тебя...». С. 78.

⁸⁴⁶ Byrnes J. Speaking Frankly. P. 106–107.

⁸⁴⁷ Холловэй Д. Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия. 1939–1956 гг. Новосибирск, 1997. С. 212.

⁸⁴⁸ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров ССРР. 1945–1953. М.,

2002. С. 21–23; Жуков Ю. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945–1952 гг. // Вопросы истории. № 1. 1995. С. 24.
- ⁸⁴⁹ Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М., 1989. С. 94.
- ⁸⁵⁰ Микоян А. Так было. С. 565–566.
- ⁸⁵¹ Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. С. 364; Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы. С. 197.
- ⁸⁵² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 97. Л. 61; Сталин И. В. Сочинения. Т. 16. Ч. 1. М., 2011. С. 42–43.
- ⁸⁵³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 816. Л. 56.
- ⁸⁵⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 2. Д. 34. Л. 39–40; Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 57–58.
- ⁸⁵⁵ Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 57, 59, 72, 80–81, 83, 86–89.
- ⁸⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 98. Л. 40–41; Сталин И. В. Сочинения. Т. 16. Ч. 1. С. 79.
- ⁸⁵⁷ Печатнов В. «Союзники нажимают на тебя...». С. 80–81.
- ⁸⁵⁸ Молотов В. М. 28-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1945. С. 12, 28–29, 13.
- ⁸⁵⁹ Выступление Черчилля в палате общин // Правда. 1945. 9 ноября.
- ⁸⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 98. Л. 81, 82–85; Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М., 2005. С. 31–32.
- ⁸⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 98. Л. 100; Сталин и космополитизм. 1945–1953. С. 33.
- ⁸⁶² АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 771. Л. 9–10; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002. С. 196.
- ⁸⁶³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 99. Л. 86; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. С. 195.
- ⁸⁶⁴ АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 771. Л. 7–8; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. С. 197.
- ⁸⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 99. Л. 86; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. С. 195.
- ⁸⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 99. Л. 92–93; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. С. 196–197.
- ⁸⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 99. Л. 86; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. С. 197–198.
- ⁸⁶⁸ Хлевнюк О. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М., 2015. С. 371.
- ⁸⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 99. Л. 103–105; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. С. 198–199.
- ⁸⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 99. Л. 120; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. С. 198–199.
- ⁸⁷¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 99. Л. 121; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. С. 201.
- ⁸⁷² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 99. Л. 127; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. С. 201–202.
- ⁸⁷³ Печатнов В. О., Маныкин А. С. История внешней политики США. С. 299–301; История российской внешней разведки. Очерки. Т. V. 1945–1965 годы. М., 2014. С. 36.
- ⁸⁷⁴ Bugrnes J. Speaking Frankly. Р. 109.
- ⁸⁷⁵ Там же. Р. 111.

- 876 The Kennan Diaries / Ed. by Frank Costigliola. N.Y. –L., 2014. P. 192–193.
- 877 Сто сорок бесед с Молотовым. С. 74.
- 878 Byrnes J. Speaking Frankly. N.Y. –L., 1947. P. 112.
- 879 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 3. Д. 36. Л. 96–107, 145; Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 130–136.
- 880 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 374. Л. 111–126.
- 881 The Foreign Office and the Kremlin. British Documents on Anglo-Soviet Relations 1941–45. Cambridge, 1984. P. 280–281.
- 882 Bohlen Ch. Witness to History. 1929–1969. L., 1973. P. 249.
- 883 Truman H. S. Memoirs. Vol. 1. P. 604–606.
- 884 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 275. Л. 121–124; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. С. 30–32.
- 885 Очерки истории МИД России. Т. 2. М., 2002. С. 380–382.
- 886 Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 139–141.
- 887 Byrnes J. Speaking Frankly. P. 123.
- 888 The Speeches of Winston Churchill / Ed. by David Cannadine. L., 1990. P. 301–304.
- 889 Зубок В. Неудавшаяся империя. С. 83.
- 890 Ответ И. В. Сталина корреспонденту «Правды» // Правда. 1946. 14 марта.
- 891 Сто сорок бесед с Молотовым. С. 103–104.
- 892 Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 194, 195.
- 893 Byrnes J. Speaking Frankly. P. 125.
- 894 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 1. Д. 7. Л. 141–147; Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 219–220.
- 895 Печатнов В. «На этом вопросе мы сломаем их антисоветское упорство...» (Из переписки Сталина и Молотова по внешнеполитическим вопросам в 1946 г.) // Источник. № 3. 1999. С. 93 (далее – Из переписки Сталина и Молотова по внешнеполитическим вопросам в 1946 г.).
- 896 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 1. Д. 8. Л. 29–34; Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 223–226.
- 897 Исламов Т. М., Покивайлова Т. А. СССР и Трансильванский вопрос (1945–1946 гг.) // Вопросы истории. 2004. № 12. С. 36.
- 898 Молотов В. М. Вопросы внешней политики. С. 43–45.
- 899 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 11. П. 3. Д. 24. Л. 83–89; Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 227–228.
- 900 Молотов В. М. Вопросы внешней политики. С. 40.
- 901 Там же. С. 38.
- 902 Там же. С. 36, 37.
- 903 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 54. Д. 889. Л. 30–34; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. С. 299–303.
- 904 АВП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 355. Л. 33–62; Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 443–463.
- 905 Исторический архив. 1993. № 2. С. 24–28; Матюнин Е. Иосип Броз Тито. М., 2012. С. 150–156.
- 906 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 15–16.
- 907 Там же. Д. 1469. Л. 36.
- 908 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 2. Д. 9. Л. 84–88; Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 267–269.

- ⁹⁰⁹ Из переписки Сталина и Молотова по внешнеполитическим вопросам в 1946 г. С. 94–95.
- ⁹¹⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 17–18.
- ⁹¹¹ Из переписки Сталина и Молотова по внешнеполитическим вопросам в 1946 г. С. 96.
- ⁹¹² *Byrnes J. Speaking Frankly.* Р. 136; *Ward P. The Threat of Peace.* Р. 115–116.
- ⁹¹³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 19–20.
- ⁹¹⁴ Из переписки Сталина и Молотова по внешнеполитическим вопросам в 1946 г. С. 96–97.
- ⁹¹⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 2. Д. 10. Л. 22–24; Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 286–288.
- ⁹¹⁶ Из переписки Сталина и Молотова по внешнеполитическим вопросам в 1946 г. С. 97.
- ⁹¹⁷ Очерки истории МИД России. Т. 2. С. 336.
- ⁹¹⁸ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 103.
- ⁹¹⁹ История российской внешней разведки. Очерки. Т. V. С. 37.
- ⁹²⁰ Холловэй Д. Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия 1939–1956 гг. Новосибирск, 1997. С. 302.
- ⁹²¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 21–22.
- ⁹²² Там же. Л. 23.
- ⁹²³ Троицкий О. Через годы и расстояния. С. 136.
- ⁹²⁴ Молотов В. М. Вопросы внешней политики. С. 68, 69.
- ⁹²⁵ *Byrnes J. Speaking Frankly.* Р. 252.
- ⁹²⁶ Молотов В. М. Вопросы внешней политики. С. 85, 87, 90.
- ⁹²⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 23–25.
- ⁹²⁸ Новиков Н. В. Воспоминания дипломата. Записки 1938–1947. М., 1989. С. 349–351.
- ⁹²⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 26–29.
- ⁹³⁰ Молотов В. М. Вопросы внешней политики. С. 109–111, 122–125, 156, 164.
- ⁹³¹ *Ward P. The Threat of Peace.* Р. 100.
- ⁹³² Из переписки Сталина и Молотова по внешнеполитическим вопросам в 1946 г. С. 98.
- ⁹³³ Там же. С. 99.
- ⁹³⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 30–31.
- ⁹³⁵ Из переписки Сталина и Молотова по внешнеполитическим вопросам в 1946 г. С. 98.
- ⁹³⁶ Заявление В. М. Молотова корреспонденту Польского агентства печати о западных границах Польши // Правда. 1946. 17 сентября.
- ⁹³⁷ Молотов В. М. Вопросы внешней политики. С. 187, 189.
- ⁹³⁸ См., напр.: *Origins of the Cold War: the Novikov, Kennan and Roberts «Long Telegrams» of 1946* / Ed. By K.N. Jensen. Wash., 1993.
- ⁹³⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 45. Д. 759. Л. 21–39; Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 312–321.
- ⁹⁴⁰ *Ward P. The Threat of Peace.* Р. 145–147, 150.
- ⁹⁴¹ Молотов В. М. Вопросы внешней политики. С. 210–211, 213, 216.
- ⁹⁴² Там же. С. 230.
- ⁹⁴³ Там же. С. 226–227, 240.
- ⁹⁴⁴ Из переписки Сталина и Молотова по внешнеполитическим вопросам в 1946 г. С. 98.

- ⁹⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 33–35.
- ⁹⁴⁶ Новиков Н. В. Воспоминания дипломата. С. 357–358.
- ⁹⁴⁷ Там же. С. 358–360.
- ⁹⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 36–39.
- ⁹⁴⁹ Молотов В. М. Речи на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций. Вторая часть первой сессии в Нью-Йорке. Октябрь – декабрь 1946 г. М., 1947. С. 5–6, 18, 21–22, 29.
- ⁹⁵⁰ Новиков Н. В. Воспоминания дипломата. С. 368–369.
- ⁹⁵¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 2. Д. 13. Л. 6–8; Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 330–331.
- ⁹⁵² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 2. Д. 13. Л. 11–12; Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 332.
- ⁹⁵³ Новиков Н. В. Воспоминания дипломата. С. 371–372.
- ⁹⁵⁴ Из переписки Сталина и Молотова по внешнеполитическим вопросам в 1946 г. С. 100–101.
- ⁹⁵⁵ Там же. С. 101–102.
- ⁹⁵⁶ Ward P. The Threat of Peace. Р. 176.
- ⁹⁵⁷ Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 378–379.
- ⁹⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 40–45.
- ⁹⁵⁹ Watson D. Molotov. Р. 229.
- ⁹⁶⁰ Из переписки Сталина и Молотова по внешнеполитическим вопросам в 1946 г. С. 100.
- ⁹⁶¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 2. Д. 13. Л. 70–75; Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 346–348.
- ⁹⁶² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 46–48.
- ⁹⁶³ Из переписки Сталина и Молотова по внешнеполитическим вопросам в 1946 г. С. 102.
- ⁹⁶⁴ Очерки истории МИД России. Т. 2. С. 338–340.
- ⁹⁶⁵ Источник. 1999. № 3.
- ⁹⁶⁶ Молотов В. М. Речи на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций. С. 102.
- ⁹⁶⁷ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. 1922–1991. М., 2000. С. 18–19.
- ⁹⁶⁸ Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы. С. 227.
- ⁹⁶⁹ Рейман М. Послевоенное соперничество и конфликты в советском политическом руководстве // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 39.
- ⁹⁷⁰ Жуков Ю. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945–1952 гг. С. 29.
- ⁹⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1063. Л. 32–37; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. С. 41–43.
- ⁹⁷² РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 32; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. С. 45.
- ⁹⁷³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1516. Л. 200; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. С. 248.
- ⁹⁷⁴ Быстрова И. Военно-экономическая политика СССР: от «демилитаризации» к гонке вооружений // Стalinское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы. М., 1999. С. 176–177.
- ⁹⁷⁵ Холловэй Д. Сталин и бомба. С. 197.
- ⁹⁷⁶ Медведев Ж., Медведев Р. Неизвестный Сталин. М., 2002. С. 172–173.

- ⁹⁷⁷ Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы. С. 101.
- ⁹⁷⁸ Андриянов В. Косыгин. М., 2003. С. 227–229.
- ⁹⁷⁹ Хлевнюк О. Советская экономическая политика на рубеже 1948–1950-х годов и «дело Госплана» // Отечественная история. 2001. № 3. С. 78.
- ⁹⁸⁰ Рыбас С. Сталин. М., 2010. С. 764.
- ⁹⁸¹ Микоян А. Так было. С. 574–577.
- ⁹⁸² Верт Н. История Советского государства. 1900–1991. М., 1994. С. 334–335.
- ⁹⁸³ Исторический архив. 1996. № 5–6. С. 13.
- ⁹⁸⁴ Андриянов В. Косыгин. С. 105–106; Жуков Ю. Тайны Кремля. С. 440–441.
- ⁹⁸⁵ Хлевнюк О. Советская экономическая политика на рубеже 1940–1950-х годов и «дело Госплана». С. 80–81.
- ⁹⁸⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 68. Д. 1049. Л. 1; Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 369.
- ⁹⁸⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 1. Д. 20. Л. 59–60; Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 369.
- ⁹⁸⁸ Pogue F., George C. Marshall: Statesman, 1945–1959. N.Y., 1987. Р. 171, 177–178, 183–184.
- ⁹⁸⁹ Молотов В. М. Вопросы внешней политики. С. 246–249, 352–354, 358–359, 361.
- ⁹⁹⁰ Там же. С. 363, 365–368, 382, 389.
- ⁹⁹¹ Там же. С. 402–404.
- ⁹⁹² Там же. С. 416–418.
- ⁹⁹³ Ответы В. М. Молотова на вопросы американского журналиста Иоганнеса Стила // Правда. 1947. 5 апреля.
- ⁹⁹⁴ Mastny V. The Cold War and the Soviet Insecurity: the Stalin Years. N.Y., 1996. Р 26.
- ⁹⁹⁵ Молотов В. М. Вопросы внешней политики. С. 426–427, 428–429.
- ⁹⁹⁶ Там же. С. 433–434.
- ⁹⁹⁷ Там же. С. 445–449, 451.
- ⁹⁹⁸ АВП РФ. Оп. 06. Оп. 9. П. 71. Д. 1104. Л. 29–39; Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 406–413.
- ⁹⁹⁹ Pogue F., George C. Marshall: Statesman. Р. 191.
- ¹⁰⁰⁰ Внешняя политика Советского Союза. 1947 г. Ч. I. С. 529–530.
- ¹⁰⁰¹ Троицкий О. Через годы и расстояния. С. 154.
- ¹⁰⁰² Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны. М., 2002. С. 258.
- ¹⁰⁰³ Kennan G. Memoirs: 1925–1950. Boston, 1967. Р. 326.
- ¹⁰⁰⁴ Арзаканян М. Великий де Голь. М., 2012. С. 229; Rice-Maxim T. Accommodation and Resistance: The French Left, Indochina and the Cold War. 1944–1954. N.Y., 1986. Р. 53; Ganser D. NATO's Secret Armies: Operation Gladio and Terrorism in Western Europe. L.; N.Y., 2005. Р. 114–115.
- ¹⁰⁰⁵ Harris G. The Dark Side of Europe: The Extreme Right Today. Edinburgh, 1994. Р. 3, 15; Брис К. История Италии. СПб., 2008. С. 519.
- ¹⁰⁰⁶ Рыбас С. Сталин. С. 776–777.
- ¹⁰⁰⁷ Молотов В. М. Вопросы внешней политики. С. 505.
- ¹⁰⁰⁸ Подр. см.: Печатнов В. «Стрельба холостыми»: советская про-

- паганда на Запад в начале холодной войны (1945–1947) // Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы. М., 1999. С. 114.
- ¹⁰⁰⁹ Цит. по: Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. С. 280.
- ¹⁰¹⁰ История российской внешней разведки. Очерки. Т. V. С. 7–8, 322.
- ¹⁰¹¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 52–53.
- ¹⁰¹² Трояновский О. Через годы и расстояния. С. 137.
- ¹⁰¹³ Gaddis J. The Cold War. L., 2007. P. 30.
- ¹⁰¹⁴ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 18. П. 39. Д. 250. Л. 207–209; Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 429–430.
- ¹⁰¹⁵ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 88.
- ¹⁰¹⁶ Ерофеев В. Дипломат. М., 2005. С. 140–141.
- ¹⁰¹⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 61–62.
- ¹⁰¹⁸ Там же. Л. 63–65.
- ¹⁰¹⁹ Молотов В. М. Вопросы внешней политики. С. 468, 469.
- ¹⁰²⁰ Цит. по: Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. С. 420.
- ¹⁰²¹ Foreign Relations of the United States. 1947. Vol. III. Wash., 1972. Р. 286–287; Судоплатов П. Разведка и Кремль. С. 274–275.
- ¹⁰²² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 88–89.
- ¹⁰²³ Молотов В. М. Вопросы внешней политики. С. 474.
- ¹⁰²⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 20. Д. 236. Л. 3–4: Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 437.
- ¹⁰²⁵ Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы. С. 47–48.
- ¹⁰²⁶ АВП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 393. Л. 101–105; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. С. 462–464.
- ¹⁰²⁷ Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы. С. 49.
- ¹⁰²⁸ Жданов Ю. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов н/Д., 2004. С. 185.
- ¹⁰²⁹ Новиков Н. В. Воспоминания дипломата. С. 391.
- ¹⁰³⁰ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 534–535.
- ¹⁰³¹ Вейнер Т. ЦРУ. Правдивая история. М., 2013. С. 39–40.
- ¹⁰³² Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны. С. 251.
- ¹⁰³³ Корниенко Г. М. Холодная война. Свидетельство ее участника. М., 2001. С. 60–61.
- ¹⁰³⁴ Lippmann W. The Cold War. A Study in US Foreign Policy. L., 1947.
- ¹⁰³⁵ Roberts G. Molotov. Stalin's Cold Warrior. Wash., 2012. P. 115.
- ¹⁰³⁶ Быстрова И. В. Военно-экономическая политика СССР: от «демилитаризации» к гонке вооружений // Сталинское десятилетие холодной войны. С. 173.
- ¹⁰³⁷ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. С. 14–16.
- ¹⁰³⁸ Молотов В. М. Вопросы внешней политики. С. 506.
- ¹⁰³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 38. Л. 193; Советская политика в отношении Германии. 1944–1954. Документы / Отв. ред. Я. Фойтцик. М., 2011. С. 426.
- ¹⁰⁴⁰ Егорова Н. И. Европейская безопасность и «угроза» НАТО в оценках сталинского руководства // Сталинское десятилетие холодной войны. С. 58–59.
- ¹⁰⁴¹ Молотов В. М. Вопросы внешней политики. С. 495–497, 499.
- ¹⁰⁴² Советская политика в отношении Германии. 1944–1954. С. 428–429.

- ¹⁰⁴³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 72–74.
- ¹⁰⁴⁴ Молотов В. М. Вопросы внешней политики. С. 539–540.
- ¹⁰⁴⁵ Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006. С. 356.
- ¹⁰⁴⁶ Трояновский О. Через годы и расстояния. С. 142.
- ¹⁰⁴⁷ Clay L. Decision in Germany. Westport (Conn.), 1970. P. 348.
- ¹⁰⁴⁸ Молотов В. М. Вопросы внешней политики. С. 563.
- ¹⁰⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 97. Л. 52; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. С. 17–18.
- ¹⁰⁵⁰ АВП РФ. Ф. 0483. Оп. 57. П. 478. Д. 2. Л. 134; Очерки истории МИД России. Т.2. С. 347.
- ¹⁰⁵¹ Судоплатов П. Разведка и Кремль. С. 277–279.
- ¹⁰⁵² Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы. С. 50.
- ¹⁰⁵³ Gaddis J. The Cold War. P. 34.
- ¹⁰⁵⁴ Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны. С. 295–296.
- ¹⁰⁵⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 1. Д. 4. Л. 1–12; Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 554–557.
- ¹⁰⁵⁶ Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны. С. 241–242.
- ¹⁰⁵⁷ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 326. П. 335. Д. 1. Л. 390–404; Советско-американские отношения. 1945–1948; Внешняя политика Советского Союза. 1948 г. Ч. 1. С. 203–214.
- ¹⁰⁵⁸ Walker J. S. No More Cold War: American Foreign Policy and the 1948 Soviet Peace Offensive // Diplomatic History. 1991. Winter. P. 75–91.
- ¹⁰⁵⁹ Foreign Relations of the United States. 1948. Vol. IV. Wash., 1974. Р. 869.
- ¹⁰⁶⁰ Roberts G. Molotov. P. 19.
- ¹⁰⁶¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 64. Д. 910. Л. 39–42; Ф. 07. Оп. 21ж. П. 43. Д. 1. Л. 1–22; Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 600–611.
- ¹⁰⁶² The Forrestal Diaries. N.Y., 1951. P. 469.
- ¹⁰⁶³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 64. Д. 910. Л. 44–71; Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 612–626.
- ¹⁰⁶⁴ История российской внешней разведки. Очерки. Т. V. С. 37; Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. С. 563–564.
- ¹⁰⁶⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 61. Д. 863. Л. 10; Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953. Т. 1. С. 523–524.
- ¹⁰⁶⁶ Очерки истории МИД России. Т.2. С. 345; Молотов В. М. Вопросы внешней политики. С. 571–572.
- ¹⁰⁶⁷ Гиренко Ю. Сталин – Тито. М., 1991. С. 334–339.
- ¹⁰⁶⁸ Волоткинина Т. В. Сталин и смена стратегического курса Кремля в конце 40-х гг.: от компромисса к конфронтации // Сталинское десятилетие холодной войны. С. 19.
- ¹⁰⁶⁹ Гиренко Ю. Сталин – Тито. С. 339–344; Матюнин Е. Иосип Броз Тито. С. 184–185.
- ¹⁰⁷⁰ Гиренко Ю. Сталин – Тито. С. 359–361.
- ¹⁰⁷¹ Там же. С. 362–384.
- ¹⁰⁷² Там же. С. 385–389.
- ¹⁰⁷³ Матюнин Е. Иосип Броз Тито. С. 210–211.
- ¹⁰⁷⁴ Куда ведет национализм группы Тито в Югославии // Правда. 8 сентября 1948.
- ¹⁰⁷⁵ Матюнин Е. Иосип Броз Тито. С. 214, 220.

- ¹⁰⁷⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 11. П. 5. Д. 66. Л. 1–2, 6; *Очерки истории МИД России*. Т.2. С. 348.
- ¹⁰⁷⁷ *Пришаков Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века)*. М., 2012. С. 261.
- ¹⁰⁷⁸ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 93.
- ¹⁰⁷⁹ Соколов Б. Молотов. Тень вождя. М., 2005. С. 173.
- ¹⁰⁸⁰ Радзинский Э. Сталин. М., 1997. С. 574, 575.
- ¹⁰⁸¹ Млечин Л. Почему Сталин разлюбил Израиль // Алеф. 2005. Май. С. 4.
- ¹⁰⁸² Ерофеев В. Дипломат. С. 144–146.
- ¹⁰⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1070. Л. 2; Оп. 163. Д. 1510. Л. 6; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. С. 57.
- ¹⁰⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 762. Л. 16; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. С. 263.
- ¹⁰⁸⁵ Watson D. Molotov: A Biography. Р. 234, 235.
- ¹⁰⁸⁶ Соколов Б. Молотов. С. 181.
- ¹⁰⁸⁷ Шепилов Д. Непримкнувший. М., 2001. С. 124.
- ¹⁰⁸⁸ Рейман М. Послевоенное соперничество и конфликты в советском политическом руководстве. С. 33.
- ¹⁰⁸⁹ Микоян А. Так было. С. 535, 536.
- ¹⁰⁹⁰ Соколов Б. Молотов. С. 182.
- ¹⁰⁹¹ Микоян А. Так было. С. 535.
- ¹⁰⁹² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 474.

Глава четвертая

- ¹⁰⁹³ Люстигер А. *Сталин и евреи*. М., 2008. С. 231.
- ¹⁰⁹⁴ Васильева Л. Кремлевские жены. М.; Кишинев, 1993. С. 334–335, 340–341.
- ¹⁰⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 6188. Л. 25–31; *Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953: Документы высших органов партийной и государственной власти*. М., 2007. С. 239–243.
- ¹⁰⁹⁶ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 473.
- ¹⁰⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1073. Л. 56; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002. С. 312.
- ¹⁰⁹⁸ ЛАМ. Пап. 11. Док. 4.
- ¹⁰⁹⁹ Хлевнюк О. В. *Сталин и Молотов. Единоличная диктатура и предпосылки «олигархизации» / Сталин. Стalinизм. Советское общество*. М., 2000. С. 284.
- ¹¹⁰⁰ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 473.
- ¹¹⁰¹ Сметанина С. *Коктейль племянника Молотова: ликер, желток и коньяк // Коммерсантъ*. 1997. 9 августа.
- ¹¹⁰² Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002. С. 315–316.
- ¹¹⁰³ Васильева Л. Кремлевские жены. С. 343.
- ¹¹⁰⁴ Аросева О., Максимова В. *Без грима*. М., 1998. С. 257.
- ¹¹⁰⁵ Васильева Л. Кремлевские жены. С. 347.
- ¹¹⁰⁶ *Public Papers of the Presidents of the United States. Harry S. Truman. 1949. Wash., 1965*. Р. 127–129.
- ¹¹⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1074. Л. 35–36; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. С. 66–67.

- ¹¹⁰⁸ Там же. Л. 58; Оп. 163. д. 1521. л. 78; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. С. 63.
- ¹¹⁰⁹ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. С. 78.
- ¹¹¹⁰ Там же. С. 74.
- ¹¹¹¹ Адабеков Г. М. Коминформ и послевоенная Европа. 1947–1956 гг. М., 1994. С. 19–21.
- ¹¹¹² Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 383.
- ¹¹¹³ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. С. 76–77.
- ¹¹¹⁴ Ерофеев В. Дипломат. М., 2005. С. 149.
- ¹¹¹⁵ Рейман М. Послевоенное соперничество и конфликты в советском политическом руководстве // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 36.
- ¹¹¹⁶ Хрущев Н. Воспоминания. М., 1997. С. 224.
- ¹¹¹⁷ Микоян С. Самоуверенность и бесполляционность // Независимая газета. 2000. 21 октября.
- ¹¹¹⁸ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 434.
- ¹¹¹⁹ Watson D. Molotov. A Biography. N.Y., 2005.
- ¹¹²⁰ Хлевнюк О. В. Сталин и Молотов. С. 285.
- ¹¹²¹ Bromage B. Molotov. The Story of an Era. L., 1956. P. 220–221.
- ¹¹²² Сметанина С. Коктейль племянника Молотова: ликер, желток и коньяк // Коммерсантъ. 1997. 9 августа.
- ¹¹²³ Шепилов Д. Непримкнувший. М., 2001. С. 152.
- ¹¹²⁴ Bromage B. Molotov. P. 222.
- ¹¹²⁵ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 411. Л. 247; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. С. 82–83.
- ¹¹²⁶ Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000. С. 549.
- ¹¹²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1080. Л. 81; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. С. 83.
- ¹¹²⁸ Внешняя политика Советского Союза. 1949. М., 1953. С. 88–94.
- ¹¹²⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1164. Л. 60–84; Советская политика в отношении Германии, 1944–1954. Документы / Отв. ред. Я. Фойцик. М., 2011. С. 509–522.
- ¹¹³⁰ Ерофеев В. Дипломат. С. 150, 151.
- ¹¹³¹ Атомный проект СССР. Документы и материалы. Т. II. Ч. 1. М., 1999. С. 639–640, 645.
- ¹¹³² Советско-американские отношения. 1949–1952 / Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 2006. С. 131.
- ¹¹³³ История российской внешней разведки. Очерки. Т. V. 1945–1965 годы. М., 2014. С. 41.
- ¹¹³⁴ Молотов В. М. Речь на собрании избирателей Молотовского избирательного округа г. Москвы, 10 марта 1950 г. М., 1950. С. 27.
- ¹¹³⁵ История российской внешней разведки. Очерки. Т. V. С. 37–38.
- ¹¹³⁶ Молотов В. М. Речь на собрании избирателей Молотовского избирательного округа. С. 18, 25.
- ¹¹³⁷ Lovett A. W. The United States and the Schuman Plan. A Study in French Diplomacy, 1950–1952 // Historical Journal. 1996. No 2 / P. 425–455.
- ¹¹³⁸ Егорова Н. И. Европейская безопасность и «угроза» НАТО в оценках сталинского руководства // Стalinское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы. М., 1999. С. 68–69.

- ¹¹³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 44. Л. 129; Советская политика в отношении Германии, 1944–1954. С. 631.
- ¹¹⁴⁰ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 37. П. 211. Д. 74. Л. 18; Филитов А. М. СССР и германский вопрос: поворотные пункты (1941–1961) / Холодная война 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 240–241.
- ¹¹⁴¹ Roberts G. Molotov. Stalin's Cold Warrior. Warh., 2012. Р. 121.
- ¹¹⁴² Тихвинский С. Рождение Красного Дракона // Время МН. 1999.
- 1 октября.
- ¹¹⁴³ Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. М., 1999. С. 142–143.
- ¹¹⁴⁴ Юн Чжан, Холлидей Дж. Неизвестный Мао. М., 2007. С. 368–369.
- ¹¹⁴⁵ Панцов А. Мао Цзэдун. М., 2007. С. 520–527.
- ¹¹⁴⁶ Юн Чжан, Холлидей Дж. Неизвестный Мао. С. 372–373.
- ¹¹⁴⁷ Молотов В. М. Речь на собрании избирателей Молотовского избирательного округа. С. 19–21.
- ¹¹⁴⁸ Gaddis J. The Long Peace: Inquiries into the History of the Cold War. N.Y., 1987. Р. 96.
- ¹¹⁴⁹ Цит. по: Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. С. 536–537, 538.
- ¹¹⁵⁰ Weathersby K. Stalin and the Korean War // Origins of the Cold War: An International History / Ed. by Melvin P. Leffler, David S. Painter. N.Y., 2005. Р. 274–275.
- ¹¹⁵¹ Торкунов А., Денисов В., Ли В. Корейский полуостров: Метаморфозы послевоенной истории. М., 2008. С. 82–84, 127–130.
- ¹¹⁵² Внешняя политика Советского Союза. 1950. М., 1953. С. 191–192.
- ¹¹⁵³ Громыко А. А. Памятное. Кн. 1. М., 1988. С. 206–207.
- ¹¹⁵⁴ Внешняя политика Советского Союза. 1950. М., 1953. С. 192.
- ¹¹⁵⁵ Ледовский А. В. Сталин, Мао Цзэдун и корейская война 1950–1953 гг. // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 96–97.
- ¹¹⁵⁶ АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 347. Л. 65–67; Д. 335. Л. 1–2; Источник. 1996. № 1. С. 132–134.
- ¹¹⁵⁷ Торкунов А., Денисов В., Ли В. Корейский полуостров. С. 82–84, 127–130, 177.
- ¹¹⁵⁸ Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 77–79.
- ¹¹⁵⁹ Зубок В. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М., 2011. С. 132.
- ¹¹⁶⁰ Вейнер Т. ФБР. Правдивая история. М., 2014. С. 187.
- ¹¹⁶¹ Советско-американские отношения. 1949–1952. С. 305–307.
- ¹¹⁶² Егорова Н. И. Европейская безопасность и «угроза» НАТО в оценках сталинского руководства. С. 72–73.
- ¹¹⁶³ Быстрова И. Военно-экономическая политика СССР: от «демилитаризации» к гонке вооружений // Сталинское десятилетие холодной войны. С. 176–177.
- ¹¹⁶⁴ Из воспоминаний М. Ракоши // Исторический архив. 1998. № 3. С. 11.
- ¹¹⁶⁵ Гиренко Ю. С. Сталин – Тито. М., 1991. С. 398–399, 395.
- ¹¹⁶⁶ Матюнин Е. Иосип Броз Тито. М., 2012. С. 258–259.
- ¹¹⁶⁷ Шахин Ю. Югославия на путях модернизации. 1947–1961. М., 2008. С. 143.

- ¹¹⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 101. Л. 53; Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М., 2005. С. 377.
- ¹¹⁶⁹ Стонор Ф. ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны. М., 2013. С. 42–48.
- ¹¹⁷⁰ Робертс Дж. Вячеслав Молотов. Сталинский рыцарь «холодной войны». М., 2014. С. 167–169.
- ¹¹⁷¹ Молотов В. М. Речь на собрании избирателей Молотовского избирательного округа. С. 28, 29.
- ¹¹⁷² Цит. по: Егорова Н. И. Европейская безопасность и «угроза» НАТО в оценках сталинского руководства. С. 68.
- ¹¹⁷³ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 129. Л. 10.
- ¹¹⁷⁴ Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 233. Л. 139.
- ¹¹⁷⁵ АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 319. Л. 28–32; Источник. 1995. № 3. С. 149–152.
- ¹¹⁷⁶ Стонор Ф. ЦРУ и мир искусств. С. 5–6.
- ¹¹⁷⁷ Lukas S. Freedom's War. The American Crusade Against the Soviet Union. Manchester, 1999. Р. 81; Berghahn V. America and the Intellectual Cold Wars in Europe. Princeton–Oxford, 2001. Р. 108–151; Moyn S. The Last Utopia. Human Rights in History. Cambridge–L., 2010. Р. 78–79.
- ¹¹⁷⁸ Молотов В. М. О международном положении и внешней политике правительства СССР. Доклад на Второй сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва, 8 февраля 1955. М., 1955. С. 22.
- ¹¹⁷⁹ Стонор Ф. ЦРУ и мир искусств. С. 49.
- ¹¹⁸⁰ Oshinsky D. A Conspiracy So Immense: The World of Joe McCarthy. N.Y., 1983. Р 108–109.
- ¹¹⁸¹ Вейнер Т. ФБР. С. 184–186, 189–190.
- ¹¹⁸² Roberts G. Molotov. Р. 18.
- ¹¹⁸³ Советско-американские отношения. 1949–1952. С. 419–424.
- ¹¹⁸⁴ Очерки истории МИД России. Т. 2. М., 2002. С. 360.
- ¹¹⁸⁵ Филитов А. Нота 10 марта 1952 года: продолжающаяся дискуссия // Россия и Германия. Вып. 3. М., 2004. С. 328.
- ¹¹⁸⁶ Филитов А. Сталинская дипломатия и германский вопрос: последний год / Сталинское десятилетие холодной войны. С. 94.
- ¹¹⁸⁷ Simms B. Europe. The Struggle for Supremacy, 1453 to the Present. L., 2013. Р. 412–413.
- ¹¹⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 983. Л. 67–69.
- ¹¹⁸⁹ Филитов А. Нота 10 марта 1952 года: продолжающаяся дискуссия // Россия и Германия. Вып. 3. М., 2004. С. 324.
- ¹¹⁹⁰ Люстигер А. Сталин и евреи. С. 255.
- ¹¹⁹¹ Неправедный суд. Последний сталинский расстрел (Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета). М., 1994. С. 191, 195.
- ¹¹⁹² Там же. С. 234.
- ¹¹⁹³ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. С. 343–345.
- ¹¹⁹⁴ Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 351.
- ¹¹⁹⁵ Микоян А. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. С. 569.
- ¹¹⁹⁶ ЛАМ. Пап. 38. Док. 5.
- ¹¹⁹⁷ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 464.

- ¹¹⁹⁸ Девятнадцатый съезд Коммунистической партии Советского Союза. Бюллетень № 1. М., 1952. С. 3–8.
- ¹¹⁹⁹ Шепилов Д. Непримкнувший. С. 221.
- ¹²⁰⁰ Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1989. С. 240–241.
- ¹²⁰¹ Микоян А. Так было. С. 573–574.
- ¹²⁰² Цит. по: Пихоя Р. Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск, 2000. С. 74–75.
- ¹²⁰³ Симонов К. Глазами человека моего поколения. С. 241–244.
- ¹²⁰⁴ Шепилов Д. Непримкнувший. С. 227.
- ¹²⁰⁵ Симонов К. Глазами человека моего поколения. С. 242–243.
- ¹²⁰⁶ Микоян А. Так было. С. 573–574.
- ¹²⁰⁷ Шепилов Д. Непримкнувший. С. 227.
- ¹²⁰⁸ Там же. С. 17.
- ¹²⁰⁹ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. С. 89.
- ¹²¹⁰ Там же. С. 89–90.
- ¹²¹¹ Там же. С. 97–98.
- ¹²¹² Шепилов Д. Непримкнувший. С. 37.
- ¹²¹³ Медведев Ж., Медведев Р. Неизвестный Сталин. М., 2002. С. 59.
- ¹²¹⁴ Микоян А. Так было. С. 578–579.
- ¹²¹⁵ Ерофеев В. Дипломат. С. 154–155.
- ¹²¹⁶ ЛАМ. Пап. 5. Док. 6.
- ¹²¹⁷ Васильева Л. Кремлевские жены. С. 347–349.
- ¹²¹⁸ Соколов Б. В. Молотов. Тень вождя. М., 2005. С. 195.
- ¹²¹⁹ Медведев Р. Они окружали Сталина. М., 1990. С. 55.
- ¹²²⁰ Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993. С. 362,
- 363.
- ¹²²¹ Девятов С. В., Шефов А. Н., Юрьев Ю. В. Ближняя дача Сталина. Опыт исторического путеводителя. М., 2011. С. 104–105.
- ¹²²² Хрущев Н. Воспоминания. М., 1997. С. 263.
- ¹²²³ Радзинский Э. Сталин. М., 1997. С. 613.
- ¹²²⁴ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 327.
- ¹²²⁵ Медведев Ж., Медведев Р. Неизвестный Сталин. С. 40–41.
- ¹²²⁶ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 327.
- ¹²²⁷ Цит. по: Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы.
- C. 267.
- ¹²²⁸ АП РФ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 196. Л. 1–7; Источник. № 1. 1994. С. 107–111.
- ¹²²⁹ Шепилов Д. Непримкнувший. С. 23.
- ¹²³⁰ Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы. С. 268.
- ¹²³¹ Симонов К. Глазами человека моего поколения. С. 272.
- ¹²³² Шепилов Д. Непримкнувший. С. 25.
- ¹²³³ Ходжа Э. Хрущевцы. Воспоминания. Тирана, 1980. С. 10, 11.
- ¹²³⁴ Молотов В. М. Речь на траурном митинге в день похорон И. В. Сталина на Красной площади, 9 марта 1953 г. М., 1953. С. 5.
- ¹²³⁵ Симонов К. Глазами человека моего поколения. С. 270.
- ¹²³⁶ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 473.
- ¹²³⁷ Васильева Л. Кремлевские жены. С. 326–327.
- ¹²³⁸ Цит. по: Прудникова Е. 1953 год. Смертельные игры. М., 2014.
- C. 249.
- ¹²³⁹ Аросева О. А., Максимова В. А. Без грима. С. 256, 258.

Глава пятая

- ¹²⁴⁰ Троицкий О. Через годы и расстояния. История одной семьи. М., 1997. С. 169.
- ¹²⁴¹ Медведев Р. Андропов. М., 2012. С. 31.
- ¹²⁴² Roberts G. Molotov. Stalin's Cold Warrior. Wash., 2012. P. 132–133.
- ¹²⁴³ Правда. 1953. 10 марта.
- ¹²⁴⁴ Молотов В. М. Речь на траурном митинге в день похорон И. В. Сталина на Красной площади, 9 марта 1953 г. М., 1953. С. 11.
- ¹²⁴⁵ Из воспоминаний М. Ракоши // Исторический архив. 1998. № 3. С. 6.
- ¹²⁴⁶ Заявление Министра Иностранных Дел СССР В. М. Молотова по корейскому вопросу // Правда. 1953. 2 апреля.
- ¹²⁴⁷ Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000. С. 610–611.
- ¹²⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1397–1404.
- ¹²⁴⁹ Bohlen Ch. Witness to History. 1929–1969. L., 1973. P. 343.
- ¹²⁵⁰ Шепилов Д. Непримкнувший. М., 2001. С. 243.
- ¹²⁵¹ Bohlen Ch. Witness to History. P. 348.
- ¹²⁵² Watson D. Molotov. A Biography. N.Y., 2005. P. 245.
- ¹²⁵³ Bohlen Ch. Witness to History. P. 349.
- ¹²⁵⁴ Торкунов А., Денисов В., Ли В. Корейский полуостров: Метаморфозы послевоенной истории. М., 2008. С. 167.
- ¹²⁵⁵ Молотов В. М. Речь на собрании избирателей Молотовского избирательного округа г. Москвы. 11 марта 1954 г. М., 1954.
- ¹²⁵⁶ Очерки истории МИД России. Т. 2. М., 2002. С. 361.
- ¹²⁵⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 12. П. 13. Д. 283. Л. 1–3; Очерки истории МИД России. Т. 2. С. 360.
- ¹²⁵⁸ Филитов А. М. СССР и ГДР: год 1953-й // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 124–125.
- ¹²⁵⁹ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 333.
- ¹²⁶⁰ Хрущев Н. Воспоминания. М., 1997. С. 269–270.
- ¹²⁶¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 334.
- ¹²⁶² Хавкин Б. Л. Берлинское жаркое лето 1953 года // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 161–162.
- ¹²⁶³ Лаврентий Берия. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. С. 103–104.
- ¹²⁶⁴ Bohlen Ch. Witness to History. P. 348–349.
- ¹²⁶⁵ Там же. Р. 360–361.
- ¹²⁶⁶ Hayter W. The Kremlin and the Embassy. L., 1966. P. 110.
- ¹²⁶⁷ Робертс Дж. Шанс для мира? Советская кампания в пользу завершения «холодной войны». 1953–1955 годы // Новая и новейшая история. 2008. № 3. С. 47.
- ¹²⁶⁸ Макинерни Д. США. История страны. М., СПб., 2011. С. 531.
- ¹²⁶⁹ The New York Times. 1954. January 13.
- ¹²⁷⁰ Холловэй Д. Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия. 1939–1956 гг. Новосибирск, 1997. С. 428.
- ¹²⁷¹ Bromage B. Molotov: The Story of an Era. L., 1956. P. 231.
- ¹²⁷² Молотов В. М. Выступления на Берлинском совещании министров иностранных дел СССР, Франции, Англии и США. М., 1954. С. 23.

- ¹²⁷³ *Bromage B. Molotov. P. 231.*
- ¹²⁷⁴ Цит. по: *Roberts G. Molotov. P. 18–19.*
- ¹²⁷⁵ Трояновский О. Через годы и расстояния. С. 178.
- ¹²⁷⁶ *Roberts G. Molotov. P. 143–144.*
- ¹²⁷⁷ *Bohlen Ch. Witness to History. P. 362.*
- ¹²⁷⁸ Цит. по: *Roberts G. Molotov. P. 145.*
- ¹²⁷⁹ Филитов А. М. СССР и германский вопрос: поворотные пункты (1941–1961) // Холодная война 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 248.
- ¹²⁸⁰ АВП РФ. Ф. 444. Оп. 1. П. 1. Д. 5. Л. 243; Филитов А. М. СССР и германский вопрос. С. 248–249.
- ¹²⁸¹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 77. Л. 69–74; Филитов А. М. СССР и германский вопрос. С. 247–248.
- ¹²⁸² *Report on Berlin: Address by Secretary Dulles // Department of State Bulletin. March 8, 1954. P. 343–344.*
- ¹²⁸³ *Memorandum of Discussion at the 186th Meeting of the National Security Council, Friday, 26 February 1954 // Foreign Relations of the United States, 1952–1954. Vol. 5. Part 1. Wash., 1983. P. 1221–1231.*
- ¹²⁸⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 13. Пап. 2. Д. 9. Л. 56–59.
- ¹²⁸⁵ Очерки истории МИД России. Т. 2. С. 384.
- ¹²⁸⁶ Молотов В. М. О международном положении и внешней политике правительства СССР. Доклад на второй сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва, 8 февраля 1955 г. М., 1955. С. 32–33.
- ¹²⁸⁷ Трояновский О. Через годы и расстояния. С. 180.
- ¹²⁸⁸ Там же. С. 181–182.
- ¹²⁸⁹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 115.
- ¹²⁹⁰ *Eisenhower D. White House Years. Mandate for Change. 1953–1956. Garden City (N.Y.), 1963. P. 482.*
- ¹²⁹¹ Федоренко Н. Т. Записки дипломата. Работа с Молотовым // Новая и новейшая история. 1991. № 4. С. 80.
- ¹²⁹² *Eisenhower D. White House Years. Mandate for Change. P. 365, 364.*
- ¹²⁹³ Молотов В. М. О международном положении и внешней политике правительства СССР. С. 16–17.
- ¹²⁹⁴ *Hayter W. The Kremlin and the Embassy. P. 38.*
- ¹²⁹⁵ *Macmillan H. Autobiography. Vol. 3. Tides of Fortune. N.Y., 1969. P. 535.*
- ¹²⁹⁶ Там же. Р. 536, 538–539.
- ¹²⁹⁷ *Bromage B. Molotov. P. 232–233.*
- ¹²⁹⁸ Молотов В. М. О международном положении и внешней политике правительства СССР. С. 41.
- ¹²⁹⁹ Там же. С. 20.
- ¹³⁰⁰ Там же. С. 39, 44.
- ¹³⁰¹ Там же. С. 6–9.
- ¹³⁰² Там же. С. 46.
- ¹³⁰³ *Cook B. The Declassified Eisenhower. A Divided Legacy. Garden City, 1981. P. 182–183.*
- ¹³⁰⁴ Молотов В. М. О международном положении и внешней политике правительства СССР. С. 11, 14, 17.
- ¹³⁰⁵ Очерки истории МИД России. Т. 2. С. 351–352; *Робертс Дж. Шанс для мира? С. 58–59.*
- ¹³⁰⁶ Хлевнюк О. Сталин и Молотов. Единоличная диктатура и предпо-

сылки «олигархизации» / Сталин. Сталинизм. Советское общество. М., 2000. С. 288.

¹³⁰⁷ Шепилов Д. Непримкнувший. С. 249–250, 252.

¹³⁰⁸ Микоян А. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999.

C. 586.

¹³⁰⁹ Шепилов Д. Непримкнувший. С. 252.

¹³¹⁰ Там же. С. 251.

¹³¹¹ Берия: конец карьеры. М., 1991. С. 404–405.

¹³¹² Наумов В. П. Был ли заговор Берии? Новые документы о событиях 1953 г. // Новая и новейшая история. 1998. № 5. С. 27.

¹³¹³ Хрущев Н. Воспоминания. М., 1997. С. 276–277.

¹³¹⁴ Москаленко К. С. Как был арестован Берия / Берия: конец карьеры. М., 1991. С. 283–285.

¹³¹⁵ Лаврентий Берия. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. С. 69–70.

¹³¹⁶ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 344–345.

¹³¹⁷ Известия ЦК КПСС. № 1. 1991. С. 161.

¹³¹⁸ Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит / Сост. В. Н. Хаустов. М., 2012. С. 16, 19.

¹³¹⁹ Лаврентий Берия. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. С. 103, 106, 109.

¹³²⁰ Трояновский О. Через годы и расстояния. С. 172–173.

¹³²¹ ЛАМ. Пап. 11. Док. 4.

¹³²² Аджубей А. И. Те десять лет. М., 1989. С. 132.

¹³²³ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 347.

¹³²⁴ Шепилов Д. Непримкнувший. С. 289.

¹³²⁵ Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. Сталин. Молотов. Берия. Маленков. М., 2000. С. 649.

¹³²⁶ Шепилов Д. Непримкнувший. С. 293.

¹³²⁷ Байбаков Н. От Сталина до Ельцина. М., 1998. С. 109.

¹³²⁸ Сметанина С. Племянник Молотова: я знал милиционера по фамилии Сторублев // Коммерсантъ. 1997. 16 августа.

¹³²⁹ Волкогонов Д. Семь вождей. Кн. 1. М., 1995. С. 260.

¹³³⁰ XX съезд сорвал советское общество со стапелей // РФ сегодня. 2016. № 2. С. 25.

¹³³¹ Шепилов Д. Непримкнувший. С. 274.

¹³³² И примкнувший к ним Шепилов. Правда о человеке, ученом, воине, политике. М., 1998. С. 126.

¹³³³ Шепилов Д. Непримкнувший. С. 278, 281.

¹³³⁴ Там же. С. 247.

¹³³⁵ Трояновский О. Через годы и расстояния. С. 176.

¹³³⁶ Шепилов Д. Непримкнувший. С. 273.

¹³³⁷ Пихоя Р. О внутренней политической борьбе в советском руководстве. 1945–1958 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 9.

¹³³⁸ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 346–347.

¹³³⁹ Томилин В. Н. Кампания по освоению целинных и залежных земель в 1954–1959 гг. // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 86–91.

¹³⁴⁰ Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006. С. 156.

¹³⁴¹ Bohlen Ch. Witness to History. Р. 363.

¹³⁴² Шепилов Д. Непримкнувший. С. 307–308.

- ¹³⁴³ Там же. С. 304–306.
- ¹³⁴⁴ Там же. С. 306–307.
- ¹³⁴⁵ *Taubman W. Khrushchev. The Man and His Era.* N.Y.–L., 2003. Р. 334–335.
- ¹³⁴⁶ *Панцов А. Мао Цзэдун.* М., 2007. С. 559–560.
- ¹³⁴⁷ Там же. С. 558–560; *Таубман У. Хрущев.* М., 2008. С. 373–375.
- ¹³⁴⁸ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Т. 1. М., 2015. С. 45–47; АП РФ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 388. Л. 19–22.
- ¹³⁴⁹ *Пасс А. А. «Неонэп» Г. М. Маленкова и кооперативная промышленность в 1953–1956 гг.* // *Вопросы истории.* 2014. № 8. С. 34.
- ¹³⁵⁰ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 337; *Чуев Ф. Полудержавный властелин.* М., 1999. С. 695.
- ¹³⁵¹ *Каганович Л. Памятные записки.* М., 1996. С. 507.
- ¹³⁵² Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Т. 1. М., 2015. С. 45–47.
- ¹³⁵³ ЛАМ. Пап. 11. Док. 8.
- ¹³⁵⁴ *Коммунист.* 1955. № 14. С. 127–128, 4.
- ¹³⁵⁵ *Ерофеев В. Дипломат.* М., 2005. С. 310.
- ¹³⁵⁶ РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 468. Л. 37–75; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 3. Постановления. 1959–1964. М., 2015. С. 196.
- ¹³⁵⁷ *Молотов В. М. О международном положении и внешней политике правительства СССР.* С. 29–30.
- ¹³⁵⁸ *Трояновский О. Через годы и расстояния. История одной семьи.* М., 1997. С. 184.
- ¹³⁵⁹ *Zubok V., Pleshakov C. Inside the Kremlin's Cold War.* N.Y., 1996. Р. 158.
- ¹³⁶⁰ РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 468. Л. 37–75; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 3. Постановления. 1959–1964. С. 196.
- ¹³⁶¹ *Taubman W. Khruschev. The Man and his Era.* Р. 349.
- ¹³⁶² *Macmillan H. Autobiography.* Vol. 3. Р. 598–601.
- ¹³⁶³ *Bromage B. Molotov.* Р. 234–235.
- ¹³⁶⁴ *Молотов В. М. О международном положении и внешней политике правительства СССР.* С. 30–31.
- ¹³⁶⁵ ЛАМ. Пап. 11. Док. 4.
- ¹³⁶⁶ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Т. 1. М., 2003. С. 41–42, 889.
- ¹³⁶⁷ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 158. Л. 107; Д. 160. Л. 19.
- ¹³⁶⁸ *Таубман У. Хрущев.* С. 376–377.
- ¹³⁶⁹ *Вишневская Г. Галина. История жизни.* М., 1991. С. 166, 167.
- ¹³⁷⁰ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Т. 1. С. 897, 51–54.
- ¹³⁷¹ *Трояновский О. Через годы и расстояния.* С. 200–201.
- ¹³⁷² Молотов. Маленков. Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. А. Н. Яковлева. М., 1998. С. 535.
- ¹³⁷³ *Добрынин А. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.)* М., 1996. С. 18.
- ¹³⁷⁴ *Федоренко Н. Т. Записки дипломата. Работа с Молотовым* // *Новая и новейшая история.* 1991. № 4. С. 75–77.
- ¹³⁷⁵ Пресс-конференция В. М. Молотова в Сан-Франциско // *Правда.* 1955. 27 июня.

- ¹³⁷⁶ *Macmillan H. Autobiography*. Vol. 3. P. 608–609.
- ¹³⁷⁷ *Bohlen Ch. Witness to History*. P. 379.
- ¹³⁷⁸ *Eisenhower D. White House Years. Mandate for Change*. P. 508.
- ¹³⁷⁹ *Macmillan H. Autobiography*. Vol. 3. P. 610.
- ¹³⁸⁰ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 158. Л. 2, 22, 43–47.
- ¹³⁸¹ Там же. Л. 73–74, 89, 104; Д. 159. Л. 11, 148; Д. 160. Л. 17, 89, 112, 125, 165, 178, 194–196.
- ¹³⁸² Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 741.
- ¹³⁸³ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 146. Л. 13–14, 22.
- ¹³⁸⁴ *Public Papers of the Presidents of the United States. Dwight D. Eisenhower*. 1955. Wash., 1957. P. 575.
- ¹³⁸⁵ Трояновский О. Через годы и расстояния. С. 187.
- ¹³⁸⁶ Громыко А. А. Памятное. Новые горизонты. Кн. 1. М., 2015. С. 484.
- ¹³⁸⁷ *Macmillan H. Autobiography*. Vol. 3. P. 620–622.
- ¹³⁸⁸ Трояновский О. Через годы и расстояния. С. 189.
- ¹³⁸⁹ *Bohlen Ch. Witness to History*. P. 386.
- ¹³⁹⁰ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 года. Стенографический отчет. Т. I. М., 1956. С. 464.
- ¹³⁹¹ Таубман У. Хрущев. С. 387.
- ¹³⁹² *Perrot C. The Serpent and the Nightingale*. L., 1977. P. 70–73.
- ¹³⁹³ Листов Я. Защитник русского Крыма // Правда. 2008. 8–11 августа.
- ¹³⁹⁴ Аденауэр К. Воспоминания (1953–1955). Вып. 2. М., 1968. С. 224.
- ¹³⁹⁵ Там же. С. 237, 249, 274–275.
- ¹³⁹⁶ Хрущев Н. Воспоминания. С. 460.
- ¹³⁹⁷ *Bromage B. Molotov*. P. 239.
- ¹³⁹⁸ *Macmillan H. Autobiography*. Vol. 3. P. 636–637.
- ¹³⁹⁹ Таубман У. Хрущев. С. 389.
- ¹⁴⁰⁰ Робертс Дж. Вячеслав Молотов. Сталинский рыцарь «холодной войны». М., 2014. С. 219–221.
- ¹⁴⁰¹ *Bromage B. Molotov*. P. 240–241.
- ¹⁴⁰² *Department of State Bulletin*. November 14, 1955. P. 780–781.
- ¹⁴⁰³ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Т. 1. С. 900.
- ¹⁴⁰⁴ Там же. С. 58–60.
- ¹⁴⁰⁵ *Macmillan H. Autobiography*. Vol. 3. P. 649, 647.
- ¹⁴⁰⁶ *Department of State Bulletin*. 1955. November 21. P. 825–827.
- ¹⁴⁰⁷ Робертс Дж. Шанс для мира? С. 74.
- ¹⁴⁰⁸ Хрущев Н. Воспоминания. С. 291.
- ¹⁴⁰⁹ Молотов. Маленков. Каганович. 1957. С. 738.
- ¹⁴¹⁰ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Т. 1. С. 88–92.
- ¹⁴¹¹ Там же. С. 95–97.
- ¹⁴¹² Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3 т. Т. 1. С. 317.
- ¹⁴¹³ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Т. 1. С. 99–103.
- ¹⁴¹⁴ Пихоя Р. Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск, 2000. С. 125.

- 1415 XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 года. Стенографический отчет. Т. И. М., 1956. С. 36–41.
- 1416 Там же. С. 456, 457, 459, 467.
- 1417 Пихоя Р. О внутриполитической борьбе в советском руководстве. 1945–1958 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 12.
- 1418 Байбаков Н. От Сталина до Ельцина. М., 1998. С. 118, 119.
- 1419 Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 166.
- 1420 Наумов В. П. Хрущев и реабилитация жертв массовых политических репрессий // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 31.
- 1421 ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 89. Д. 4408. Л. 82; Добин М. Холодное лето Хрущева. Возвращенцы из ГУЛАГа. Преступность и трудная судьба реформ после Сталина. М., 2014. С. 60.
- 1422 Арбатов Г. А. Человек системы. М., 2015. С. 63.
- 1423 Костырченко Г. Тайная политика Хрущева: власть, интеллигенция, еврейский вопрос. М., 2012. С. 247.
- 1424 ЛАМ. Пап. 36. Док. 12.
- 1425 Таубман У. Хрущев. С. 303.
- 1426 Пихоя Р. О внутриполитической борьбе в советском руководстве. С. 13.
- 1427 Козлов В. Политические волнения в Грузии после XX съезда КПСС // Отечественная история. 1997. № 3. С. 33, 43–49; Молотов. Маленков. Каганович. 1957. С. 753.
- 1428 Добсон М. Холодное лето Хрущева. С. 108–118.
- 1429 Таубман У. Хрущев. С. 371.
- 1430 Вейнер Т. ЦРУ. Правдивая история. М., 2013. С. 138–141.
- 1431 Ерофеев В. Дипломат. М., 2005. С. 363.
- 1432 Коммунистическая партия побеждала и побеждает верностью ленинизму // Правда. 5 апреля 1956.
- 1433 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Т. 1. С. 121.
- 1434 Едемский А. От конфликта к нормализации: Советско-югославские отношения в 1953–1956 гг. М., 2008. С. 549.
- 1435 Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Т. 1. С. 135–138.
- 1436 Медведев Р. Они окружали Сталина. М., 1990. С. 64.
- 1437 Heyter W. The Kremlin and the Embassy. Р. 110.
- 1438 Правда. 1956. 6 июня.
- 1439 Матонин Е. Иосип Броз Тито. М., 2012. С. 286.
- 1440 Там же. С. 307.
- 1441 Таубман У. Хрущев. С. 389, 482.
- 1442 «Людям свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши // Исторический архив. 1991. № 1. С. 48–50.
- 1443 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Т. 1. С. 201–202.
- 1444 Профиль. 2006. 30 октября. С. 103.
- 1445 Таубман У. Хрущев. С. 379.
- 1446 Шепилов Д. Непримкнувший. С. 384.
- 1447 Тихвинский С. Послевоенная нормализация российско-японских отношений // Международная жизнь. 2011. Август. С. 80–81.
- 1448 Ли В. Дипломатический просчет Сталина. Исполнилось 50 лет Сан-Францисскому договору // Время МН. 2001. 8 сентября.

- ¹⁴⁴⁹ Зубок В. Неудавшаяся империя. Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М., 2011. С. 233.
- ¹⁴⁵⁰ И примкнувший к ним Шепилов. С. 163.
- ¹⁴⁵¹ Public Papers of the President of the United States. 1956. Р. 1060; Таубман У. Хрущев. С. 394–395.
- ¹⁴⁵² Шепилов Д. Непримкнувший. С. 244–245.
- ¹⁴⁵³ Там же. С. 379–382.
- ¹⁴⁵⁴ Цит. по: Таубман У. Хрущев. С. 382.
- ¹⁴⁵⁵ Каганович Л. Памятные записки. М., 1996. С. 517.
- ¹⁴⁵⁶ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Т. 1. С. 1001.
- ¹⁴⁵⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 116. Л. 1–2; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. Постановления. 1954–1958. М., 2015. С. 626.
- ¹⁴⁵⁸ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Т. 1. С. 221–222.
- ¹⁴⁵⁹ Аксютин Ю. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2010. С. 249.
- ¹⁴⁶⁰ ЛАМ. Пап. 11. Док. 7.
- ¹⁴⁶¹ РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 350. Л. 8–12; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 3. Постановления. 1959–1964. С. 794.
- ¹⁴⁶² Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Т. 1. С. 243–245.
- ¹⁴⁶³ Там же. С. 249–251.
- ¹⁴⁶⁴ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 347.
- ¹⁴⁶⁵ Тендряков В. На блаженном острове коммунизма // Новый мир. № 9. 1988. С. 27.
- ¹⁴⁶⁶ Каганович Л. Памятные записки. С. 514–515, 516.
- ¹⁴⁶⁷ Шепилов Д. Непримкнувший. С. 388.
- ¹⁴⁶⁸ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 г. Стенографический отчет. Ч. II. М., 1962. С. 589.
- ¹⁴⁶⁹ Пихоя Р. Советский Союз: история власти. С. 151.
- ¹⁴⁷⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 26. Л. 2; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. Постановления. 1954–1958. С. 673–674; Молотов. Маленков. Каганович. 1957. С. 746.
- ¹⁴⁷¹ Parrott C. The Serpent and the Nightingale. Р. 123.
- ¹⁴⁷² Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Т. 1. С. 258–259.
- ¹⁴⁷³ Watson D. Molotov: A Biography. N.Y., 2005. Р. 262.
- ¹⁴⁷⁴ Смирнов М. «До 90 лет он ездил в поликлинику на электричке» // Коммерсантъ–Власть. 2000. 21 марта. С. 48.
- ¹⁴⁷⁵ Каганович Л. Памятные записки. С. 518.
- ¹⁴⁷⁶ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 354.
- ¹⁴⁷⁷ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 26–27.
- ¹⁴⁷⁸ Каганович Л. Памятные записки. С. 518–519.
- ¹⁴⁷⁹ Микоян А. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. С. 597.
- ¹⁴⁸⁰ Каганович Л. Памятные записки. С. 520–521.
- ¹⁴⁸¹ И примкнувший к ним Шепилов. С. 130.
- ¹⁴⁸² Каганович Л. Памятные записки. С. 521.
- ¹⁴⁸³ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 355, 354.
- ¹⁴⁸⁴ Каганович Л. Памятные записки. С. 522.

- ¹⁴⁸⁵ Шепилов Д. Непримкнувший. С. 395.
- ¹⁴⁸⁶ Чуб Ф. Молотов. Полудержавный властелин. М., 1999. С. 426, 427.
- ¹⁴⁸⁷ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 38.
- ¹⁴⁸⁸ Там же. С. 73, 167–168.
- ¹⁴⁸⁹ Там же. С. 100–120.
- ¹⁴⁹⁰ Там же. С. 122–132.
- ¹⁴⁹¹ Там же. С. 239.
- ¹⁴⁹² Там же. С. 445, 529.
- ¹⁴⁹³ Там же. С. 403–406.
- ¹⁴⁹⁴ Там же. С. 563–565.
- ¹⁴⁹⁵ Млечин Л. М. Как Брежnev сменил Хрущева. Тайная история дворцового переворота. М., 2014. С. 92.
- ¹⁴⁹⁶ Parrott C. The Serpent and the Nightingale. Р. 125.
- ¹⁴⁹⁷ Аксютин Ю. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР. С. 282–294.
- ¹⁴⁹⁸ Панцов А. Мао Цзэдун. С. 601–602.

Глава шестая

¹⁴⁹⁹ Кривель А. Как заблудился в Гоби Молотов-гуай // Правда. 1993.

21 января.

¹⁵⁰⁰ ЛАМ. Пап. 11. Док. 12.

¹⁵⁰¹ Знаменитые россияне в Монголии / Авт.-сост. Е. А. Ромашин. М., 2014. С. 124.

¹⁵⁰² Ольга Лепешинская, балерина: «Я сказала Берии: если мой муж виноват – наказывайте, не виноват – выпускайте» // Известия. 2004. 10 апреля.

¹⁵⁰³ Медведев Р. Они окружали Сталина. М., 1990. С. 68–69.

¹⁵⁰⁴ Кривель А. Как заблудился в Гоби Молотов-гуай.

¹⁵⁰⁵ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Т. 1. М., 2003. С. 334.

¹⁵⁰⁶ Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 458–459.

¹⁵⁰⁷ Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27 января – 5 февраля 1959 года. Стенографический отчет. Ч. I. М., 1959. С. 107, 20, 63, 65, 111–112.

¹⁵⁰⁸ Там же. С. 122, 130, 245, 390, 440, 529.

¹⁵⁰⁹ ЛАМ. Пап. 11. Док. 9.

¹⁵¹⁰ Там же. Пап. 17. Док. 1.

¹⁵¹¹ Там же. Пап. 55. Док. 5.

¹⁵¹² Там же. Пап. 5. Док. 8.

¹⁵¹³ Таубман У. Хрущев. М., 2008. С. 474.

¹⁵¹⁴ ЛАМ. Пап. 6. Док. 1.

¹⁵¹⁵ Таубман У. Хрущев. С. 487.

¹⁵¹⁶ ЛАМ. Пап. 55. Док. 4.

¹⁵¹⁷ Там же. Пап. 55. Док. 3.

¹⁵¹⁸ Ерофеев В. Дипломат. М., 2005. С. 465.

¹⁵¹⁹ Василенко О. Вненеслужебные записки дипломата. Беседы с послом Червоненко. М., 2006. С. 186–187.

¹⁵²⁰ Мао Цзэдун. Не бояться трудностей, не бояться смерти. М., 2014. С. 105–106.

- ¹⁵²¹ Медведев Р. Они окружали Сталина. М., 1990. С. 70.
- ¹⁵²² Соколов В. В. Молотов – министр иностранных дел СССР // Исторические портреты. М., 1993. С. 241.
- ¹⁵²³ Белов И. Сорок лет спустя // Российский курьер Центральной Европы (Вена–Будапешт). 2001. 4–10 июня.
- ¹⁵²⁴ Таубман У. Хрущев. С. 544–545.
- ¹⁵²⁵ ЛАМ. Пап. 3. Док. 1.
- ¹⁵²⁶ Там же. Пап. 5. Док. 16.
- ¹⁵²⁷ Там же. Пап. 13. Док. 1.
- ¹⁵²⁸ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Т. 1. С. 529.
- ¹⁵²⁹ Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М., 2008. С. 538.
- ¹⁵³⁰ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961. Стенографический отчет. Т. I. М., 1962. С. 162, 167, 210, 105–107.
- ¹⁵³¹ Там же. С. 134, 280–281, 284, 353, 342, 394, 396, 397, 416, 446, 447, 448, 449, 494, 532, 335, 501, 516, 517, 576.
- ¹⁵³² Там же. Т. II. С. 350–353, 390–391, 463–464, 469.
- ¹⁵³³ Там же. Т. II. С. 585, 588.
- ¹⁵³⁴ Молотов В. М. О «культе личности» Сталина / Stalin. Поднявший Россию с колен. Лаврентий Берия, Андрей Жданов, Вячеслав Молотов. М., 2014. С. 130–132.
- ¹⁵³⁵ ЛАМ. Пап. 5. Док. 4.
- ¹⁵³⁶ Там же. Док. 10.
- ¹⁵³⁷ Там же. Док. 6.
- ¹⁵³⁸ Там же. Док. 13.
- ¹⁵³⁹ Там же. Док. 15.
- ¹⁵⁴⁰ Там же. Док. 7.
- ¹⁵⁴¹ Там же. Док. 2.
- ¹⁵⁴² Там же. Док. 1.
- ¹⁵⁴³ Там же. Док. 3.
- ¹⁵⁴⁴ Там же. Док. 14.
- ¹⁵⁴⁵ Соколов В. В. Молотов – министр иностранных дел СССР. С. 241.
- ¹⁵⁴⁶ Женщины – они тоже номенклатура // Коммерсантъ. 1999.
- 6 марта.
- ¹⁵⁴⁷ Наумов В. П. Н. С. Хрущев и реабилитация жертв массовых политических репрессий // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 34.
- ¹⁵⁴⁸ ЛАМ. Пап. 12. Док. 2.
- ¹⁵⁴⁹ Там же. Пап. 12. Док. 8.
- ¹⁵⁵⁰ Там же. Пап. 50. Док. 15.
- ¹⁵⁵¹ Там же. Док. 1.
- ¹⁵⁵² Там же. Пап. 52. Док. 2.
- ¹⁵⁵³ Гришин В. От Хрущева до Горбачева. Политические портреты пяти генсеков и А. Н. Косыгина. Мемуары. М., 1996. С. 16–17.
- ¹⁵⁵⁴ Шепилов Д. Непримкнувший. М., 2001. С. 290–291.
- ¹⁵⁵⁵ Млечин Л. Брежнев. М., 2011.
- ¹⁵⁵⁶ ЛАМ. Пап. 14. Док. 1.
- ¹⁵⁵⁷ Там же. Пап. 2. Док. 9.
- ¹⁵⁵⁸ Там же. Док. 8.
- ¹⁵⁵⁹ Там же. Пап. 39. Док. 2.
- ¹⁵⁶⁰ Там же. Пап. 5. Док. 5.

- 1561 Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991.
- С. 518.
- 1562 Аросева О. А., Максимова В. А. Без грима. М., 1998. С. 262.
- 1563 Сто сорок бесед с Молотовым. С. 518.
- 1564 Там же. С. 6.
- 1565 Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. М., 1999. С. 650.
- 1566 Там же. С. 641.
- 1567 Сто сорок бесед с Молотовым. С. 424.
- 1568 Чуев Ф. Молотов. С. 620.
- 1569 Смирнюков М. «До 90 лет он ездил в поликлинику на электричке» // Коммерсантъ–Власть. 2000. 21 марта. С. 48.
- 1570 Там же.
- 1571 Ерофеев В. Дипломат. М., 2005. С. 162–163.
- 1572 ДАМ. Пап. 36. Док. 2.
- 1573 Сто сорок бесед с Молотовым. С. 94, 95.
- 1574 Там же. С. 18.
- 1575 Там же. С. 89, 509.
- 1576 Чуев Ф. Молотов. С. 129.
- 1577 Сто сорок бесед с Молотовым. С. 509.
- 1578 Там же. С. 110; Чуев Ф. Молотов. С. 158.
- 1579 Сто сорок бесед с Молотовым. С. 426.
- 1580 Там же. С. 89.
- 1581 Там же. С. 526–529.
- 1582 Истер Дж. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010. С. 12.
- 1583 Сто сорок бесед с Молотовым. С. 532.
- 1584 Титков М. В. Как сохранить первое лицо // Московский комсомолец. 2008. 26 сентября.
- 1585 Сто сорок бесед с Молотовым. С. 530, 529.
- 1586 Титков М. В. Как сохранить первое лицо.
- 1587 Пихоя Р. Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск, 2000. С. 387–389.
- 1588 Наумов В. П. Н. С. Хрущев и реабилитация жертв массовых политических репрессий. С. 34.
- 1589 Чуев Ф. Молотов. С. 136–137.
- 1590 Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 538.
- 1591 Там же. С. 539.
- 1592 Чуев Ф. Молотов. С. 733.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава первая. Накануне. 1939–1941</i>	5
Пакт	5
«Уродливое детище Версальской системы»	30
Коктейль Молотова	43
У Гитлера	58
Подготовиться к войне	75
<i>Глава вторая. На войне. 1941–1945</i>	92
«Наше дело правое!»	92
У Черчилля и Рузвельта	119
Первый заместитель	137
В Москве и Тегеране	149
Десять ударов	165
В Ялте и Сан-Франциско	184
<i>Глава третья. Архитектор холодного мира. 1945–1949</i>	206
В Потсдаме	206
На СМИД	223
В Париже и Нью-Йорке	243
Против Маршалла	270
<i>Глава четвертая. На грани. 1948–1953</i>	298
Без Полины	298
НАТО и Восточный гамбит	307
Куратор «мягкой силы»	319
Жизнь и смерть	327
<i>Глава пятая. Молотов и Хрущев. 1953–1957</i>	343
Миротворец	343
«Саврас без узды»	362
Против течения	377
И один в поле...	398
Последний бой	408
<i>Глава шестая. Несломленный. 1957–1986</i>	420
В Улан-Баторе и Вене	420
Последний ленинист	443
Старейший большевик	452
Примечания	476

Никонов В. А.

Н 64 Молотов: Наше дело правое. В 2 кн. Кн. 2 / Вячеслав Никонов. — М.: Молодая гвардия, 2016. — 524[4] с.: ил.

ISBN 978-5-235-03941-4 (кн. 2)

ISBN 978-5-235-03945-2

Биографическое исследование известного советского политика, политолога и историка, доктора исторических наук В. А. Никонова посвящено судьбе видного советского политического и государственного деятеля В. М. Молотова. В своей работе автор опирается на многочисленные архивные материалы, в том числе на личный архив Молотова, труды отечественных и зарубежных исследователей, позволяющие по-новому взглянуть не только на важнейшие этапы биографии героя книги, но и на узловые моменты истории дореволюционной России и советского периода.

УДК 94(47+57)(092)“19”

ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-235-03941-4

9 785235 039414 >

ISBN 978-5-235-03945-2

9 785235 039452 >

знак информационной **16+**
продукции

Никонов Вячеслав Алексеевич

МОЛОТОВ: Наше дело правое (книга вторая)

Редактор А. П. Житнухин

Художественные редакторы К. В. Забусик, И. И. Суслов

Технический редактор М. П. Качурина

Корректоры Л. С. Барышникова, Т. И. Маляренко

Сдано в набор 26.05.2016. Подписано в печать 19.07.2016. Формат 84×108/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Charter». Усл. печ. л.
27,72+2,52 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ № 1189.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва,
Сущевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Отпечатано в ООО «Тульская типография».
300026, г. Тула, пр. Ленина, 109

ISBN 978-5-235-03941-4 (кн. 2)

ISBN 978-5-235-03945-2